ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

Г.Л. ОЛДИ

ПУТЬ МЕЧА

Генри Лайон Олди — псевдоним молодых украинских писателей Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, работающих в редком для отечественной литературы жанре героической фантастики. По литературному мастерству, глубине разработки увлекательного сюжета, красочности стиля лучшие их романы могут быть поставлены в один ряд с произведениями таких признанных мастеров жанра, как Р. Желязны и М. Муркок.

В романе "Сумерки мира" ведут непримиримую борьбу Изменчивые, оборотни и Девятикратные, несущие бремя своих девяти жизней — не зная о тайне, что кроется в их общем прошлом и о том, что из тумана на них неотвратимо надвигается третья сила — мороки, Бледные Господа, порождение Бездны...

"Путь меча" повествует о мире, где боевые искусства, доведенные до высшей степени совершенства, сравнялись с религией, этикой и поэзией, где люди забыли, что оружие существует для того, чтобы убивать, и само оружие забыло об этом, забыло, что не все согласны жить по таким законам...

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

Г.Л. ОЛДИ

ПУТЬ МЕЧА

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1995

ББК 84Р7

О-53

Составитель серии
М. Редошкин

Серийное оформление
А. Гришина

Иллюстрации
В. Ана

Олди Г. Л.
О-53 Путь меча: Романы. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1995. — 672 с.: ил.

ISBN 5-86067-036-2

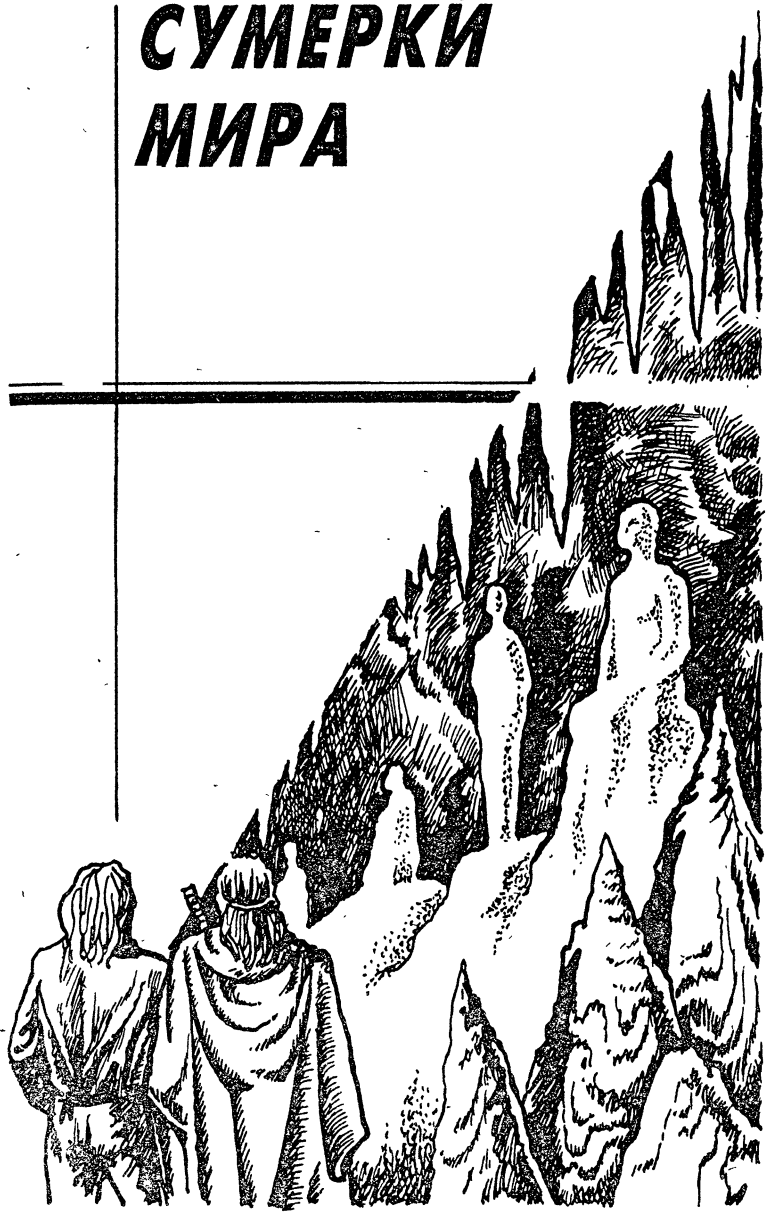
В сборник фантастических произведений Генри Лайона Олди (Дмитрия Громова и Олега Ладыженского) "Путь меча" вошли написанные в жанре героической фэнтези романы "Сумерки мира" и "Путь меча".

О $\frac{4703040100\text{-}036}{3Е8(03)\text{-}95}$ без объявления ББК 84Р7

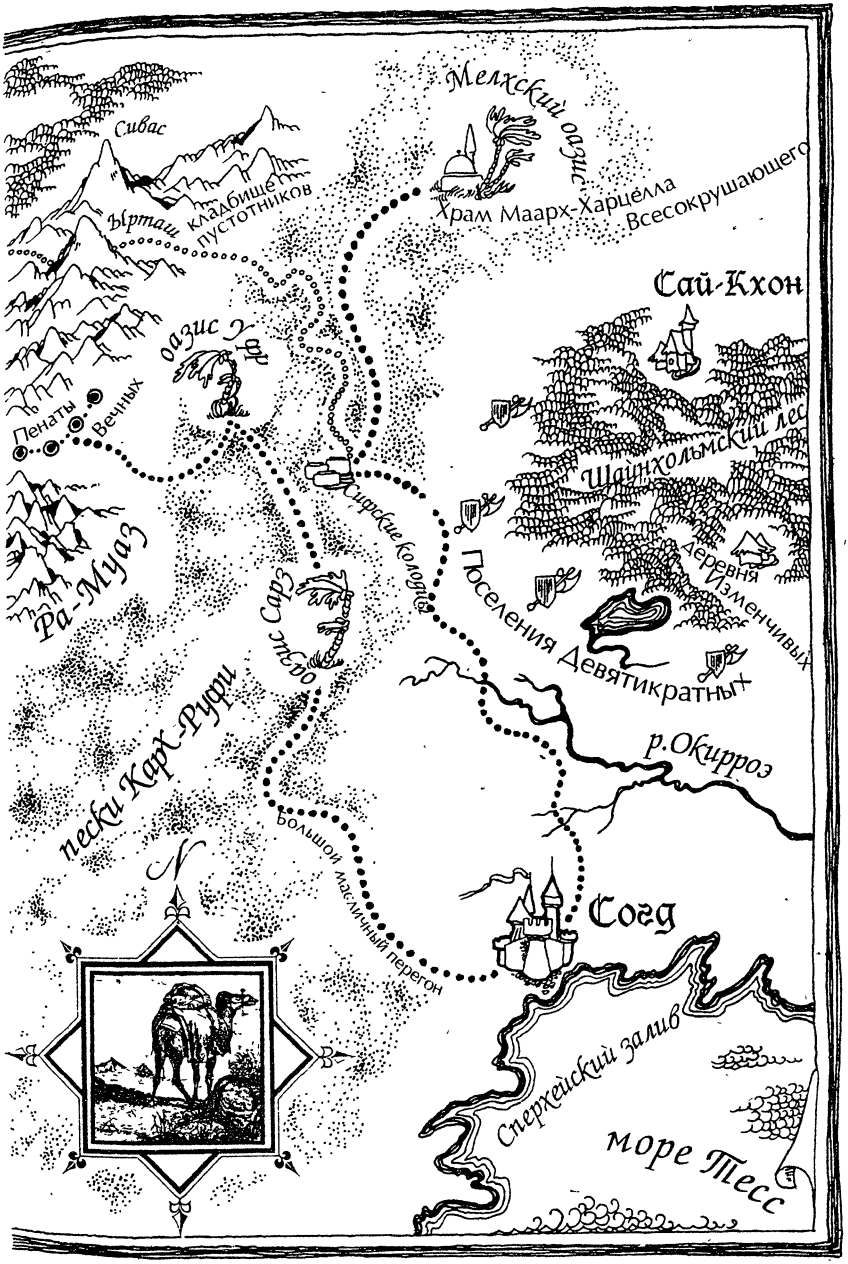
ISBN 5-86067-036-2

© Г. Л. Олди, 1995
© Издательство "Параллель", 1995

СУМЕРКИ МИРА



Халийское море
Вайнганга
Орнайский лес
заброшенная дорога
Калорра
предгорье Муаз-Тай
горы
р. Арродха
Западный скит Крайнего глотка
р. Маэрна
приток Ласый
Дверная роща
Озерный скит Крайнего глотка
Южный скит Крайнего глотка


Мелхский оазис
Сивас
Ырташ
кладбище пустотников
Храм Маарх-Харцéлла Всесокрушающего
Сай-Кхон
оазис Уфр
Пенаты Вечных
Шашкольмский лес
Ра-Муаз
Царские колодцы
Деревня Изменчивых
Поселения Девятикратных
Озеро Сарз
р.Окирроз
пески Карх-Руфи
Большой масличный перегон
Сог
Сперхейский залив
море Тесс

Отвага без подвига — забава. Это дело богов. Трусость без подвига — забота. Это дело людское. Дело героя — подвиг. Я не знаю для героя другого дела.

Я. Голосовкер «Сказания о титанах»

КНИГА ПЕРВАЯ

СКАЗАНИЕ ОБ УХОДЯЩИХ ЗА ОТВЕТОМ

Я лег на сгибе бытия,
На полдороге к бездне...

В. Высоцкий

ТЕНЬ ПЕРВАЯ

Человек, Зверь, Бог. Сигурд Ярроу, Девятикратный

1

Так далеко он еще никогда не забирался.

Лес изучающе разглядывал одинокую человеческую фигурку, подмигивая мириадами солнечных бликов, и путник иногда думал о тех трех жизнях, которые у него еще остались, и об их ничтожности перед зеленой шелестящей вечностью... Кроме того, Перевертыши вторые сутки шли по его следу. Это он знал наверняка.

Если глянуть на западные склоны горного массива Ра-Муаз с высоты орлиного полета... Впрочем, что может понадобиться крылатому хозяину перевалов в путанице стволов и лиан, начинавшейся сразу от пограничных форпостов Калорры и тянущейся вплоть до древних рудничных штолен, заброшенных и обвалившихся невесть когда?.. Лети домой, гордая птица, гоняй круторогих архаров с уступа на уступ, купайся в слепящей голубизне — даже твоим всевидящим взором не пробить переплетения крон деревьев, не разглядеть скрытого в вязком, текучем шорохе...

Он устало посмотрел вслед орлу, мелькнувшему в просвете листвы, и поправил сползающий вьюк. Потом подумал и туже затянул перевязь, сдвигая рукоять меча за спиной ближе к правому плечу. Повертел головой, приноравливаясь к новому положению поклажи, поднял и опу-

стил руки — да нет, вроде все в порядке, не давит, не звякает... — и двинулся дальше.

Трава у его ног зашевелилась, и из нее медленно всплыла плоская тупоносая голова на гибкой шее толщиной с мужскую голень. Голова качнулась из стороны в сторону, подрагивая раздвоенным язычком, и настороженно замерла, косясь на поросль молодого бамбука.

— Спокойно, Зу, — сказал человек, прекрасно понимая, что змея его практически не слышит, — не мельтеши... Время твоей охоты еще не пришло. Расслабься...

Его ладонь опустилась на шею удава, чуть пониже тусклого медного ошейника, пальцы еле заметно прошлись по чешуе — но змея и не думала успокаиваться. Трава расступилась, рождая толстые упругие кольца — коричневые с желтым — и предупреждающее шипение вспороло пряный аромат летнего леса.

Человек превратился в изваяние и стал ждать.

Между узловатыми стволами возник пятнистый силуэт, еще мгновение — и маленькая лань выскочила на притихшую поляну. Животное вздернуло капризную головку, чутко поводя ноздрями, затем Зу свернулся в страшный узел, готовясь к броску...

Лань выгнулась всем телом и растворилась в кустах горного жасмина.

Человек тихо рассмеялся.

— Ночью, — бросил он недовольно шипящему удаву, — ночью будешь охотиться. Понял, Зу? А днем другие дела есть. Так что — пошли...

И снова улыбнулся. Уж больно нелепо прозвучало слово «пошли» по отношению к ловчему удаву Зу, гордости корпуса «гибких копий», семи с лишним шагов в длину — хороших, уверенных шагов, и до восьми совсем чуть-чуть не хватает...

Когда они пересекли поляну, человек обернулся на колышущийся кустарник, где исчезла испуганная лань, и на лице его мелькнула тень беспокойства.

— Нет, — сказал он сам себе, — вряд ли... И зверь неподходящий. Совсем глупый зверь. И хилый. Глухие места, нетронутые...

Он коснулся пояса, на котором висел крохотный инструмент величиной с ладонь, нечто вроде игрушечной арфы с непропорционально толстыми струнами — и низкий вибрирующий звук поплыл над землей. Рябь травы, выдававшая движение змеиного тела, стала смещаться вправо. Зу безошибочно понял хозяина.

...Спустя несколько часов солнце изранило все тело о ветки деревьев и обрызгало кровью заката ледники вершин — но человек и змея уже успели выбраться к месту предполагаемой стоянки. Едва перед ними возник ручей, стальным клинком рубящий надвое овальную лощину — удав немедленно скользнул вниз по глинистому склону и лениво поплыл по течению, а человек снял вьюк и спустился к воде, поглядывая по сторонам. Он напился, ополоснул руки и долго смотрел на свое отражение.

Спокойные серые глаза. И неправдоподобно длинные для мужчины ресницы.

Крупный нос с еле заметной горбинкой.

Резко очерченные скулы.

Белесый шрам, вздергивающий верхнюю губу.

Вполне обычное лицо. Если не заглядывать поглубже в серые стоячие омуты. А вот если рискнуть...

Из воды смотрело лицо салара Пятого уровня Сигурда Ярроу, лицо Скользящего в сумерках.

Охотника за Перевертышами.

С глухим проклятием он ударил ладонью по воде, расплескав отражение, и капли воды потекли по щекам, оставляя мокрые бороздки. Он плакал лживой водой затерянного ручья. Он знал, чье лицо разбилось под ударом.

Лицо труса. Человека, видевшего смерть друга и не сделавшего ничего. Ровным счетом — ничего.

То, что он и не мог ничего сделать, не играло никакой роли.

Впервые он пожалел о том, что у него оставалось еще три жизни.

...Лань нырнула в кустарник, и пятна ее шкуры перемешались с пятнами веток и листьев, с солнечными бликами... Через некоторое время из кустов вышел мальчик-подросток. На ту же поляну. Вышел и остановился.

Нет, не мальчик. Девушка. С узкими бедрами и твердой маленькой грудью. Она повернулась в ту сторону, куда направился Скользящий в сумерках, и — словно мороз тронул блестящую гладь ее глаз. Вот уже хрупкая ледяная корка сковала края озера, еще немного...

Пальцы рук девушки сжались в плотные кулачки, так напоминающие копытца лани. Она еще немножко постояла, переступая с ноги на ногу, потом прыгнула в заросли...

И лес принял ее в себя.

Ночь прошла на удивление спокойно. Пару раз Сигурд просыпался, вслушиваясь в темноту — его будил короткий, хрипящий всхлип четвероногих неудачников — и на рассвете Зу приполз сытый, благодушный и немедленно свернулся в клубок, рассчитывая подремать в холодке.

Его хозяин обошелся половиной черствой лепешки с сыром, затем распаковал вьюк и достал точильный брусок.

Сигурд собирался править заточку Оружия.

С большой буквы.

Собственно, уже с Третьего уровня понятие «оружие» порядком расплывалось, а для салара верхних ступеней оружием было все. Пояс от туники. Подобранный камень. Ветка. Локоть. Палец.

Сигурд вспомнил, как он и еще тройка «почек», гордых серыми форменными плащами, заявились на бахчу к наставнику Фарамарзу и попросили — да нет, потребовали сократить часы занятий с каменным ядром за счет увеличения объема секирного боя. И в тот день подтвердились все легенды о дурном характере наставника Фарамарза.

Тощий, костлявый Внук Богов — так именовались учителя на официальных встречах — погнал Сигурда в оружейную за топорами, заставил учеников вооружиться, а потом избил всех четверых, тщетно машущих своими секирами, избил собранными им дынями и арбузами.

С тех пор Сигурд терпеть не мог поздних фарсальских дынь с шершавой твердой кожурой и липкой жижей в середине.

Но Оружие... Тот же Фарамарз мог часами распространяться о форме и балансе древних мечей, ходя вокруг найденного в развалах клинка и облизываясь, как Зу при виде молока. Он сам подбирал мечи для своих выпускников, не доверяя никому, да и самим выпускникам в том числе — кстати, он так ни разу и не ошибся в выборе. А Оружие для самого Ярроу наставник позаимствовал из личной коллекции — это уже после VII-х летних экзаменов — и очень обиделся, когда пунцовый Сигурд стал мямлить и отказываться.

Знал старый Внук Богов правду рукояти меча. Знал правду рук учеников своих. Умело вкладывал одно в другое.

Оружие. Узкое, чуть выгнутое лезвие синей стали. Два локтя от скоса острия до овальной гарды. Рукоять в полклинка, продолжающая общий изгиб. Обтяжка — из кожи неведомого морского зверя, шершавой, как наждак. Не скользила такая рукоять в умелой ладони, и рубил меч бронзу без зазубрин и воздух — без свиста.

Фехтовать им было нельзя. Не для того предназначался. Оружие. Брат Скользящего в сумерках.

...Сигурд сдул с клинка невидимые пылинки, протер меч до глянцевого блеска специально припасенной ветошью и опустил оружие в ножны. Потом спрятал брусок и покосился на притихшего удава.

— Подъем, Зу! Если до завтрашнего вечера мы не отыщем Пенаты Вечных, — или как они там еще зовутся? — нами непременно кто-нибудь отобедает. Или отужинает. Поползли, приятель, спросим Отцов о неизвестном...

Удав просунул голову сквозь немыслимый узел собственных колец, задумчиво пожевал нижней челюстью и спрятался обратно.

— Лентяй, — грустно заметил Сигурд. — Лентяй и обжора. Гнилой жирный канат...

Ответа не последовало.

Тогда Скользящий в сумерках сделал шаг к своему спутнику, пошарил по траве и изо всех сил дернул Зу за кончик хвоста. Через мгновение он уже напрягал все тело, сдерживая неистовый напор обвившегося вокруг него удава, а тот громко шипел и мотал головой у самого лица салара.

Это была их обычная игра. Один раз из дюжины Ярроу успевал отпрыгнуть до броска, один из семи — ухитрялся высвободить руку и ухватить Зу за горло, один из трех — пытался вытерпеть ту вечность, после которой удовлетворенный змей сменял гнев на милость и ослаблял хватку.

В тех случаях, когда человек «выигрывал», Зу немедленно обвисал, шлепался на землю и подставлял свою белесую шею под самой челюстью — чесать. В остальных же он гордо отползал в сторону и ждал вкусненького. Тем более что в поклаже Сигурда всегда находилось несколько древесных лягушек-ревунцов или фляжка кислого молока.

Свежее молоко Зу не любил. И сливки не любил. Он вообще мало что любил. А хозяину удав скорее покровительствовал.

Во всяком случае, так иногда казалось самому Ярроу.

Салару все-таки удалось вырвать левую руку из мертвых тисков змея, но он не стал поддерживать игру и просто похлопал Зу по морде.

— Не время сейчас, — сказал Сигурд, и на какое-то мгновение ему примерещилось, что удав внимательно следит за движением человеческих губ.

— Уходить надо. Пенаты Вечных дожидаться не станут. Вопросы, Зу, вопросы сводят мне скулы и жгут гортань —

а ответы на них неизвестно где... Да и есть ли они, ответы на мои вопросы?..

...Раздвинув листья гигантского папоротника, хрупкая грациозная лань следила за удалявшимся человеком, за лентой извивающейся травы у его ног, и в выпуклых глазах лани, в их темной глубине, стыл лед — мертвый, обжигающий лед, придающий лани сходство с каменными полузверьками-полуженщинами древних барельефов.

А Сигурд уходил, не оборачиваясь, и пока тело его двигалось в отработанном неутомимом ритме, он снова и снова касался своей памяти острым ножом боли и бессилия, делая тончайшие срезы, обнажая забытые пласты, рассматривая ушедшее время, ища крупицы ответов на безнадежные вопросы...

СРЕЗ ПАМЯТИ
КАЛОРРА. ГОРОД, ГДЕ НЕ ЛЮБЯТ ГЕРОЕВ

Сигурду — шестнадцать. Он совсем недавно вышел на Вторую ступень и теперь ужасно гордится серым широким плащом с серебряной пряжкой на плече. Он — салар зарослей. Сверстник и друг Брайан Ойгла соперничает с ним в задирании носа и суровых мужских манерах. Остальные Скользящие в сумерках здороваются с ними за руку, и сам наставник Фарамарз берет их с собой в Калорру в качестве сопровождающих — правда, предварительно отобрав бичи и даже бронзовый серп Брайана.

В город с оружием не ходят. В городе живут люди. Не к лицу потомку богов, Девятикратно живущему, носить то, чем отнимают жизнь, в присутствии тех, у кого жизнь — единственная и последняя.

Иное дело — салары. Герои. Девятикратные. Щит между городом и лесом. Совсем иное дело. Сигурд все понимает. Он горд и счастлив. Сегодня он идет в Калорру. Единственное, что смущает юного героя, — он не понимает, зачем наставнику Фарамарзу нужны сопровождающие?! Он пытался представить кого-нибудь, от кого надо было бы охранять Внука Богов, но воображение отказывает, и он бросает это глупое занятие. Берет — значит надо.

Брайан Ойгла того же мнения.

В детстве Сигурду доводилось несколько раз бывать в Калорре с родителями, и, хотя воспоминаний почти не сохранилось, ему все равно кажется, что город за это время усох, одряхлел и съежился. Как осенний лист.

Дважды им приходилось идти через совершенно заброшенные кварталы. Горячий ветер хлопал полуоторванными ставнями, перемешивал пыль в поросших бурьяном переулках, и тощие суслики при виде людей спешили укрыться в тени.

Потом стали попадаться редкие прохожие, а ближе к центру уже возникла характерная городская толчея.

Сигурда неприятно поразили хмурые лица и сутулые спины горожан. Даже молодые женщины были красивы какой-то нездоровой, порочной красотой — и это одновременно возбуждало и отпугивало юного салара. В их пограничных селениях тоже зачастую было не до улыбок, но атмосфера все равно казалась совсем другой.

Чище, что ли...

Похоже, Брайан думал о том же самом. А на невозмутимом лице наставника Фарамарза застыла на удивление вежливая улыбка. И все равно их обходили и спешили удалиться. Город отторгал их, как плоть противится неизбежному ножу знахаря.

У дворца Вершителей они остановились, и Фарамарз велел ждать его у ступеней и никуда не отлучаться. Сам же прошел по полированному мрамору лестницы и скрылся в огромных дверях, окованных бронзой. Когда створки захлопнулись, до юношей донесся низкий удар гонга.

Аудиенция началась.

Поначалу они стояли, замерев в неподвижности, как может замереть только Скользящий в сумерках, и с любопытством разглядывали шумящую площадь, а площадь разглядывала их, но салары этого не замечали. Спустя два часа их внимание привлекла небольшая толпа у забора в дальнем конце площади. Не сговариваясь, они переглянулись, потом посмотрели на запертые двери дворца и двинулись к людям.

...Трое бородачей с одинаковыми заросшими физиономиями и в одинаково грязных лохмотьях прижали к доскам забора четвертого и уныло толкали его в грудь и рот. Прижатый крякал, охал и грустно глядел перед собой.

— Чего это они? — спросил Брайан Ойгла у полной молодой торговки, радостно взвизгивавшей при каждом тычке.

— Дерутся, — возбужденно сообщила та, не отрываясь от происходящего. — Счеты сводят. Говорят, Плешивый Фэн на чужую мазу забрался... Ох и парни!..

И бусы на ее высокой груди снова зазвенели, подпрыгивая в такт визгу.

Сигурд не понял ее слов. Он никогда еще не дрался.

Дерутся звери — и то детеныши. Салары не дерутся. Они охотятся за Перевертышами. И Перевертыши не дерутся. Убивают — да. Их тоже убивают. А драться...

Он не мог понять этого слова. Оно было скучным, грязным и бестолковым. Как люди у забора.

Один из бородачей вытащил нож. Нож был кривой, тупой и неудобный. Брайан вздохнул, протолкался вперед и пошел к дерущимся.

— Это плохой ножик, — сказал Ойгла, беря человека с ножом за руку. — И вы все ничуть не лучше. Перестаньте сейчас же. Стыдно...

Казалось, бородача сейчас хватит удар. Он судорожно глотнул воздух, пространство между волосами и крохотными глазками налилось кровью, и он уставился на маленького Ойглу, словно впервые видел живого человека.

Потом он заметил серый плащ на плечах Брайана и с шумом выдохнул, расхохотавшись.

— Герой, — протянул, отдышавшись, бородач. — Слава наша и защита... Бесовское отродье... Ножик, говоришь, не нравится?!

Сигурду часто снилась потом та пауза, которая повисла в воздухе после этих слов — и каждый раз ему казалось, что он стоит голый посреди притихшей площади, а нелюдские хари брезгливо морщат носы и принюхиваются к нему.

Бородач вырвал руку, ткнул ножом в грудь Ойглы и очень удивился, промахнувшись. Ткнул еще раз. И еще. Сопящие, неловкие люди пинали странно скользкого мальчишку — причем сам избиваемый до того горожанин усердствовал более остальных, — а Брайан машинально пританцовывал, не глядя ни на кого конкретно, и руки его уже нашаривали у пояса отобранный серп, не нашли и стали сжиматься в кулаки...

— Извините его, господа, — прозвучал над ухом Сигурда тихий знакомый голос.

И все остановилось.

Наставник Фарамарз поклонился собравшимся, еще раз извинился, взял нахохлившегося Ойглу за плечо и повел прочь. Сигурд стряхнул со своей спины липкие горячие пальцы давешней торговки и потащился следом. Толпа перешептывалась, провожая их взглядами, и женщины помоложе подмигивали друг другу, причмокивая губами.

...Уже за городом Ойгла наконец заговорил.

— За что они, учитель?

Злые слезы душили юношу.

— За что? — Фарамарз помолчал. — За что пума ненавидит кугуара больше иных зверей? За то, что они похожи, — но разные. Какую пряжку ты носил на Первом Уровне, салар Ойгла?

— Золотую, учитель.

— А сейчас на Втором?

— Серебряную, учитель.

— Правильно... А Третий уровень носит бронзу. А я — наставник, Седьмой уровень, — ношу железную пряжку. Золотой век давно кончился, салары. Или даже и не начинался. И серебряный. Боги навсегда ушли в Пенаты Вечных, и лишь старейшины саларов — Сыны Богов — знают дорогу туда. Возможно и я вскоре узнаю... Железный век, мальчики, железный, ржавый... И если мы — Скользящие в сумерках, синяя сталь века, Девятикратные — не закроем своими жизнями людей Калорры, то они уйдут раньше назначенного срока. Уйдут раз и навсегда. И не все равно тогда — хороши они были или плохи? Наш ствол, наш корень по материнской линии...

— Ну и что? — недоуменно спросил Сигурд. — Я уже два раза уходил. Болел в детстве... потом пардус рвал... И каждый раз возвращался.

— Верно, — сказал наставник Фарамарз, грустно улыбаясь, — ты уходил два раза. Брайан — три. А я — шесть. Так что простим людей Калорры — уходящих один раз. Не нам, Девятикратным, судить их...

Сигурд кивнул. Он уже простил людей. Только вот почему бородач назвал их — потомков богов — бесовским отродьем?! Разве их предки — бесы?..

Бесы... Бессмертные боги? Безумные боги? Бессмысленные? Бесполезные? Какие?..

2

...Он гнал ее уже больше двух часов. Она допустила ошибку. Всего одну, но непростительную. В полной уверенности, что падающее дерево непременно раздавит человека, она выглянула из-за веток, и человек встретился взглядом с ликующими глазами лани.

А дерево рухнуло напрасно.

Перевертыш. Не та тварь, не та повадка, но глаза — те. И он прыгнул вслед за убегающим зверем. Больше не было леса и Сигурда Ярроу.

Были сумерки и Скользящий в сумерках.

Его время. Его дело.

Нужное состояние пришло само собой. Когда ты просачиваешься сквозь время и пространство, сквозь лопающиеся лианы и тонкие стволы бамбука, а лес обнимает тебя, и корни послушно ложатся под ноги, и хлещущие ветки стряхивают на разгоряченное лицо вечернюю росу... Когда перестаешь видеть, перестаешь слышать, понимать и оценивать, но начинаешь — ощущать и чувствовать. Чувствовать направление гона, его азарт и ритм, ощущать панику ослепшей жертвы, безошибочно выбирая дорогу — именно туда, куда надо тебе и не надо ей. Срезая углы, не давая опомниться, тенью скользя в застывших сумерках...

Он гнал ее уже больше двух часов. И лань стала задыхаться.

Зу с самого начала взял гораздо левее, и Сигурд не знал, где сейчас находится удав, но и не очень-то задумывался над этим. Он успел лишь прикрепить к ошейнику змеи свинцовую каплю наголовника: с таким украшением Зу в броске пробивал двойную кирпичную кладку — так что ловчий удав вполне способен был сам о себе позаботиться. Лишь бы он не достал Перевертыша раньше Ярроу... Выучка выучкой, а слабость крупных змей к детенышам копытных...

Сигурд остановился шагах в десяти от обрыва и внимательно посмотрел на девушку, стоящую у края. Одежды на ней не было, но она держалась с естественностью, заменявшей цивилизованность.

Во всяком случае, цивилизованность в представлении людей Калорры. И саларов.

Девушка тяжело дышала, захлебываясь сиреневым воздухом и успокаивая его прохладой воспаленные легкие; руки ее тряслись. Бегство растопило ледышки темных глаз, и теперь в них метался страх, ненависть, ожидание... и что-то еще, незнакомое, мешавшее салару сразу нанести удар.

Он сбросил вьюк на землю и ослабил защелку ножен. Не отрываясь от хрупкой фигурки над обрывом. Потом сел, скрестив ноги, снял меч и положил его перед собой.

Она не двигалась. Скользящий в сумерках молчал, полуприкрыв глаза, но девушка-лань прекрасно понимала всю обманчивость его неподвижности.

Она не знала, что Сигурд Ярроу, салар Пятого уровня, охотник за Перевертышами — он еще ни разу не убивал оборотней просто так. Безнаказанно.

Только в бою. Ярость за ярость.

Но ярость за слабость?..

Девушка не выдержала первой.

— Я — Оркнейская лань.

Сигурд молчал.

— Назови свое имя, Серый Убийца, Бич Судьбы!.. Я хочу знать его, прежде чем забыть все...

«Я не убийца», — хотел сказать Сигурд, но сдержался. Ответил только:

— Я не хочу носить на своем имени твое предсмертное проклятие...

Оркнейская лань отошла от обрыва. Но всего на один шаг.

— Этот лес не знал войны, Девятикратный. В здешних местах нет людских поселений, и охотничьи угодья моих братьев лежат гораздо ниже предгорий Муаз-Тай... Люди, которых ты защищаешь, далеко. Может быть, твой меч освободит мою дорогу?..

Она говорила легко и быстро, с едва уловимым акцентом. Сигурд смотрел на девушку, и в глазах его была насмешка и тень от падающего дерева.

Она сделала еще шаг.

— Почему именно ты? — спросил Ярроу. И она поняла смысл вопроса.

— Я — урод. Я — карлик. Твоей головой я купила бы имя и гордость.

«Карлик, — подумал Ярроу, — слишком маленький зверь внутри человека. Ущербная половина Перевертыша. Я не знал, что так бывает...»

Она подошла совсем близко.

— У тебя много жизней, салар. Я хотела взять одну. Я думала, что...

Она присела перед ним на корточки и положила руки ему на плечи. И наступила на меч. Совсем незаметно.

Оружие. Брат Скользящего в сумерках.

...Сигурд отшвырнул девушку и вскочил на ноги. В то же мгновение лес выплюнул двух рычащих пум, и грязно-желтые кошки взвились в воздух.

Время остановилось. Скользящий в сумерках плыл в его густом, вязком потоке, всем телом вписываясь в кривизну выхваченного меча, и первый Перевертыш боком налетел на мерцающее колесо с ободом из синей стали, захлебнулся рыком и обрушился в кусты, сминая ветки, заливая их дорогим пурпуром...

Второй изогнулся в прыжке, уходя от повторного взмаха, и тогда из кроны старого ясеня в зверя ударила шипящая молния.

Ударила, смяла и вздувшейся петлей охватила туловище пумы, бьющейся в смертной агонии. Гордость «гибких копий», дождавшийся своего часа ловчий удав Зу давал хозяину паузу на вдох...

А хозяин стоял и не мог опустить меча. В ноги ему кинулась маленькая лань — неумело, по-женски, глупо! — и сама же не устояла, упала перед ним на колени, а за ее спиной из пущи выходил яростно сопящий вепрь, уже набравший разгон и не способный остановиться...

«Назови мне свое имя, Серый Убийца, Бич Судьбы!.. Я хочу знать его, прежде чем забыть все...»

— Яр-роу!..

С глухим ревом Сигурд выхватил Оркнейскую лань из-под копыт налетевшего вепря и, уже смятый чудовищной тяжестью, успел вслепую полоснуть мечом — наугад, как мог, и еще раз...

Сумерки кончились. Настала ночь.

...Человек, похожий на вепря, стоял и смотрел на полураздавленное тело салара. Зу обвился вокруг хозяина и угрожающе шипел. Но человек-вепрь и не думал подходить. Рука его была полуотрублена, и по предплечью текла кровь, быстро густея и сворачиваясь.

Пумы-Перевертыши лежали поодаль. На них смотреть было уже незачем.

Девушка сидела на земле. Губы ее тряслись.

— Завтра утром он встанет, — с трудом проговорила она. — У него есть еще две жизни. Отбери у него оружие, Лидон, и через два дня...

Человек-вепрь баюкал раненную руку.

— Я не должен был вмешиваться, Оркнейя. — Голос его оказался низким и глубоким. — Тварьцы послали на охоту вас — молодых, — а вы загнали его в запретные земли, и если бы не я...

— Ты боишься змеи! — Девушка обидно рассмеялась и захлопала в ладоши. — Скажи честно, Лидон, — боишься?!.

Лидон повернулся и скрылся в зарослях. Зу тут же стал сворачиваться в кольца, но силуэт девушки заколебался, поплыл...

И только копытца простучали в темноте.

Зу снова обвился вокруг Сигурда и стал ждать.

У Сигурда Ярроу оставалось еще две жизни.

Много?.. Мало?..

Зу не задумывался над этим. Он просто ждал.

Сигурду — двадцать четыре. У него мягкая вьющаяся бородка и прямые волосы цвета палого листа. Жесткие и длинные. Волосы у него в маму... Зачем ты ушла в последний раз, мама?! Ты же знаешь, отец так и не привык жить без тебя, не смог привыкнуть — зато он привык к горечи настойки Красного корня, и тебе, мама, не пришлось долго ждать его там...

Сигурд хорошо знает, что означает это слово «там». Но он никому не расскажет об этом. Когда обрываются в бездну сумерки салара — приходит нóчь, ночь без сновидений, и спустя вечность... А потом ты встаешь, щурясь навстречу восходящему солнцу, и новый браслет, выжженный на твоей руке новой жизнью, зудит и чешется, как новая кожа. Пять таких браслетов успел одеть лес Сигурду Ярроу, от запястья до локтя, и когда на руке Девятикратного не останется больше места...

Рассвет не придет за ним. Он пройдет мимо.

Мать и отец тоже были Девятикратными, они исчерпали до дна запас своих жизней, но они не были саларами. Сигурд давно уже понял, что все салары — потомки богов, но не все потомки богов — салары.

О вечные Отцы, ушедшие по неизвестной дороге, что это — награда или насмешка?! — тот обрывок вечности, который оставили вы в наследство детям своим?..

— Ярроу!..

Это кричит за забором нетерпеливый Брайан Ойгла, и вся Вайнганга прислушивается к его пронзительному голосу.

Здесь, в Вайнганге, поселке на северо-востоке Калорры, вообще всего четверо саларов. Он, Сигурд Ярроу, потом низкорослый молчун Исхий Гоур, его брат-близнец Линкей и Брайан Ойгла. Брайан с лета отпустил рыжие усы щеточкой и очень обижается, когда Сигурд сравнивает его с травяным жуком-долбунцом. Правда, все они успели выйти на четвертый уровень, а местность вокруг Вайнганги издавна считалась более-менее сносной. Такие поселения кольцом окружают Калорру — город людей, боящихся носа высунуть за крепостные стены — и из них течет в город пересыхающая река продовольствия, сырца для тканей...

Девятикратные держат лес, и в каждом поселке живет необходимое число Скользящих в сумерках. Так что работы хватает, тем более что жители Вайнганги в основном зем-

ледельцы, а не охотники. Многие даже скотину имеют, хотя Перевертышам забор — не преграда, а засов — не помеха. В общем, свое молоко с просяной лепешкой молодые салары отрабатывают честно, и уже три новых семьи сами напросились на переезд в Вайнгангу. Пусть едут — лес выжгут, земля будет, на всех хватит...

Нет. На всех не хватит. Слишком много добычи уходит в город, а Калорре все мало. Вот странно — ведь знающие люди говорят, что населения в Калорре все меньше и меньше, бабы рожать не хотят, а кто помоложе да попригляднее — к Девятикратным бегут, чтоб хоть у сына шанс был пожить подольше...

Шут их, этих людей, знает, темное дело... Боги ушли, теперь люди уходят — кто останется?

Мы да Перевертыши?!

— Ярроу!.. Тварец тебя забери! Ты идешь или нет?!.

— Иду! — кричит Сигурд, высовываясь в окно и показывая сердитому Ойгле кулак — чтоб не орал зря. Потом оправляет пояс рубахи и берется за плащ. Серый плащ салара.

Изредка в Вайнгангу наезжает наставник Фарамарз — и горе тому нерадивому салару, чей плащ не заштопан, а ловчий удав похудел и осунулся! Сигурд улыбается... Его Зу на аппетит не жалуется, ест за троих, а на учениях они уступили лишь Ойгле с его толстым одноглазым Асуром — да и то последний удар был явно спорным!..

Наставник Фарамарз теперь — Сын Богов. Он стал им совсем недавно и сразу исчез почти на полгода — ходил в Пенаты Вечных на встречу с Отцами. Вернулся наставник хмурый, часто замолкал, подолгу глядя в одну точку, и приходилось ждать, пока Фарамарз закончит неслышный для других разговор.

Сейчас Фарамарз в Вайнганге, и Сигурд договорился с Ойглой, только что вернувшимся с недавнего лесного дежурства, идти к учителю в гости.

Сигурд распахнул дверь и шагнул на улицу.

— Сигри, чтоб ты жил сто лет!.. Я уже отупел, как пень, стоя у тебя под окнами! В следующий раз я пошлю за тобой Асура, но пять дней перед тем не буду его кормить...

Вся Вайнганга знала Ойглу — болтуна и насмешника, вспыльчивого и влюбчивого, и только Сигурд знал салара Брайана — идущего по следу Перевертышей в молчании и ярости. Знал и смеялся, видя сочувственные лица соседей, глядящие вслед, когда они с Брайаном шли на совместные дежурства.

Собственно, у Ярроу не было выбора — братья Исхий и Линкей не разлучались даже ночью, отчего оба были холостыми, — но он и не хотел выбора.

— Брось ворчать, Брай... И если я еще раз узнаю, что ты пытался прикармливать Зу...

До дома, где остановился Фарамарз, было не больше получаса ходу — и то не спеша, в охотку. За это время Брайан успел рассказать Ярроу о своей находке за пределами их участка. Отчетливый след завел Ойглу почти к самым предгорьям, и там Брайан нашел дорогу.

— Ты представляешь, Сигри, — дорога! Вся кирпичом вымощена — я такой кирпич в Калорре видел, и стоил он дороже земли под застройку! — только пошире чуток и не красный, а грязно-белый... А по бокам пара столбиков сохранилась, на одном «35» написано, а чего «тридцать пять» — неизвестно!..

— Тридцать пять локтей гречневой лапши, которую ты сейчас вешаешь на мои бедные уши... Помилосердствуй, Брай, какая дорога? Откуда?! Из Вайнганги? Из Калорры? Да эти горожане скорее ноги себе отрежут, чем в лес сунутся! И куда — в горы?!

— Вот и я ж говорю — странная дорога, неправильная... Ни начала, ни конца. Я по ней день почти шел, а у Муаз-Тая оборвалась и все... Снова лес. И Асур шипит, башкой мотает и норовит обратно ползти...

— Ладно, — сказал Сигурд, останавливаясь у дома Фарамарза. — Расскажешь наставнику, пусть у него голова болит..

Сам Ярроу никак не мог понять воображения Брайана. Ну дорога... мало ли... Не Перевертыши же ее строили, в самом деле! Кирпич разве что в Калорру свезти, на продажу?.. Так далеко...

...Фарамарз внимательно выслушал сбивчивый рассказ Ойглы про дорогу из ниоткуда в никуда, но Сигурд никак на мог отделаться от ощущения, что мысли наставника сейчас заняты совсем другим — но каким-то образом имеют отношение и к найденной дороге.

Брайан перевел дух и вопросительно поглядел на наставника.

— Это рудничная дорога, — нехотя сказал Фарамарз, тщательно подбирая каждое слово. — От Калорры до старых штолен и мраморных каменоломен... Вернее, ее остатки... Когда караваны из Согда переваливали через хребет, они тоже по ней ходили.

— Караваны? — заинтересовался Сигурд. — Какие-такие караваны? Долго ходили?..

— Да уж долго... С той стороны Ра-Муаз пустыня лежит, два-три оазиса и песок, — так через Великий Масличный перегон — на верблюдах, а после уже — на лошадях вьючных... Много лошадей с грузом. И люди. Купцы...

Сигурд расхохотался и с трудом сумел успокоиться и связно объяснить нахмурившемуся Фарамарзу причину столь неуместного веселья.

— Купцы... Глупцы! Это с грузом-то по лесу? Да у них в первую же ночь Перевертыши всех лошадей сожрут!.. А во вторую — купцами закусят. Для такого каравана и сорока саларов не хватит — охранять! Караван... Ни один Скользящий в сумерках не возьмется...

— А их и не было тогда, — тихо сказал Фарамарз, отворачиваясь. — Вернее, нас не было...

— Кого — нас?

— Саларов. И вообще Девятикратных.

— А Перевертыши?

— И их не было. Совсем.

— А кто был?

— Люди. Люди и бесы. И...

Фарамарз осекся и закашлялся.

— Я хотел сказать: люди и боги, — сдавлено поправился он. — Отцы...

И тут он взорвался. Он неожиданно оказался совсем близко к Брайану, его костлявые клешни впились в рубаху Ойглы, и тот затрепыхался в руках старика, как свежепойманная рыбешка.

Сигурд вздрогнул. Ему казалось, что он неплохо изучил Фарамарза за годы учения...

Но такого Фарамарза он не знал.

— Что ж ты, подлец, делаешь! — хрипел Сын Богов, и лицо его было багровым, чужим и незнакомым. — Ты зачем ходишь, где не велено?! Участка мало? Мало, да?! Шею сломаешь — плевать, так ведь другие за тобой полезут... Пенаты Вечных искать... Вот они где у меня, Пенаты ваши! Нельзя же так, нельзя, во имя неба!.. Мы же люди, мы все люди, и горожане, и салары, и Перевертыши... за что?! За что?! Сколько же можно за чужую вечность расплачиваться?!

Он резко умолк и сразу стал очень старым и совсем нестрашным.

— Простите, мальчики, — прошептал наставник Фарамарз. — Нет, уже не мальчики. Салары... Скользящие в сумерках... Все равно простите... Полубоги, они ведь тоже — полулюди... ни то, ни се...

3

Пробуждение оказалось не из приятных. Все небо было обложено серыми лохматыми тучами, они цеплялись брюхом за макушки деревьев и утробно рычали, негодуя на колючие ветки. Струи ливня хлестали по земле, словно и не замечая отяжелевшей листвы, и измочаленная земля давно уже превратилась в липкое, полужидкое месиво.

Новая жизнь была похожа на старую. Разве что старая последние три дня обходилась без дождя.

Он брел спотыкаясь по краю обрыва, а тот становился все более пологим, и Зу тихо месил грязь рядом и чуть позади, а потом был берег узкой речушки и пена в лицо; и он смазывал рваные раны Зу жеваными листьями ойлохохо, отчего удав шипел и извивался... И снова дождь, грязь, и никакого солнца, и шаги, дающиеся с трудом, и осыпи мелких камней, и корни, цепляющиеся за склоны; и он сам, цепляющийся за корни...

А вокруг было утро, похожее на вечер.

И дождь... дождь, серый, как его промокший плащ.

Река каким-то странным образом делила мир на две части. По одну сторону ее — ту, где были человек и змея — тянулся лес, уже изрядно поредевший, с трудом удерживающийся на крутизне, но все же лес, зелень, деревья... Другой берег топорщился каменной крошкой, матово блестевшими валунами, и все это резко переходило в скалы — сразу, без паузы, и ливень разбивался об их острые грани, тщетно пытаясь отколоть от мощных сумрачных бастионов хоть кусочек на память.

Дважды Сигурд подходил к реке вплотную, завидев намек на брод, и дважды удав категорически отказывался переправляться. На третий раз Сигурд решил, что Зу просто не хочет лезть в воду, хотя это было глупо — при таком-то водопаде с неба! — и предложил перетащить змею на плечах. Зу отполз в сторонку, долго смотрел на тот берег, потом виновато глянул на хозяина...

Сигурд втайне даже был рад отказу удава. Когда-то, поспорив с могучим Исхием Гоуром на кривой метательный нож, он связал лапы ручному пардусу, взвалил зверя на загривок и трижды обежал вокруг Вайнганги, пока Исхий делал к ножу новую рукоять. Но подняв Зу, Ярроу мог только идти горбясь и опустив голову — да и то медленным шагом.

Они двинулись дальше, но через мгновение Сигурд прыгнул к одинокому дереву, укрываясь за его шершавым стволом, а Зу метнулся по стволу вверх, исчезая в кроне...

Потом хвост удава осторожно обвился вокруг талии Ярроу. Сигурд напрягся, последовал рывок, и салар уже лежал на толстой ветви, ожидая, пока удав обовьет его своим телом, маскируя силуэт Скользящего в сумерках.

По склону спускался человек. Он был дряхл. Он шел очень осторожно, прощупывая землю перед собой концом изогнутого посоха. Ноги человека скользили на раскисшей глине, и он два раза упал. Вставал человек долго, с трудом разгибаясь и нашаривая в траве свой посох. Трава липла к рукам...

Человек наконец вышел на ровное место, поднял голову к мутному небу; ветер трепал его редкие волосы, пегие от седины и грязи...

Это был Тварец. Сигурд никогда раньше не видел Тварьцов, но ошибиться он не мог.

Тварец. Сын Большой Твари.

В среде саларов о Тварьцах говорили разное. Молодежь со всей самоуверенностью юности утверждала, что все это — легенды и россказни выживших из ума старейшин. Салары постарше — особенно те, кому якобы доводилось видеть Тварьцов — считали Сыновей Большой Твари чем-то вроде патриархов среди Перевертышей. Наставники — Сыновья и Внуки Богов — обсуждать эту тему отказывались, не поддаваясь ни на какие уговоры. Возникала даже проблема: с какой буквы пишутся «тварьцы» — с большой или маленькой?

Писали по-разному. Но чаще с большой.

Тем не менее поднять руку на Тварьца или Тварицу — кем бы они ни были — считалось делом постыдным и недостойным Скользящего в сумерках.

Во-первых, те никогда не сопротивлялись — по утверждениям «очевидцев». Во-вторых, не было случая, чтобы сами Тварьцы причиняли поселенцам какой-нибудь вред, в отличие от Перевертышей. В-третьих, были ли они на самом деле, и если были — то кем?!

Во всяком случае, в зверином облике их не видел никто. Только в людском. Про салара, чьи глаза становились пустыми и тусклыми, а язык забывал произносить слова, говорили: «Он убил Тварьца».

...Тварец подошел к дереву, сел прямо в грязь и прислонился спиной к стволу. Он не отрываясь смотрел на другой берег речушки, и капли дождя стекали по его морщинистому лицу.

Потом Сигурд понял, что дождь уже кончился. И это был не дождь.

По склону спускались люди. Нет, не люди. Перевертыши. Сигурд узнал Оркнейскую лань, остальные были незнакомыми, кроме коренастого угрюмого крепыша с пронзительными глазками, блестевшими из-под мощных надбровных дуг.

Салар не мог ошибиться и в этом случае. Девятикратный не мог не узнать причину своей смерти. И Зу тихо шевельнулся, глядя на человека-вепря, подошедшего к дереву первым.

Все Перевертыши сохраняли людское обличье. Кроме того, листва была достаточно густой и мокрой, и Сигурд видел в этом свой шанс. От звериного нюха он бы не укрылся.

— Я не смог отговорить их, — грустно сказал человек-вепрь. — Оркнейя убеждает лучше меня. Извини, Эхион...

— Ничего, — бесцветно ответил Тварец Эхион. — Я и не рассчитывал, Лидон, что тебе удастся такое... Говорить — не твоя стихия.

Остальные Перевертыши к дереву не подошли. Они спустились прямо к реке и тесной группой встали на берегу. Сигурд видел, как Оркнейская лань подбивает на что-то гибкого, высокого мужчину в желтой набедренной повязке. Девушка активно жестикулировала, и мужчина, похоже, с ней соглашался. Потом он махнул рукой — и Перевертыши двинулись через брод.

— Они ушли в запретные земли, — тем же тоном произнес Эхион. — Они нарушили границу с Отцами... И будут прокляты. Это в лучшем случае...

«Отцами-и-и...» — эхом отдалось в голове Сигурда. Отцы. Пенаты Вечных. Запретные земли...

— Да, — сказал вепрь Лидон. — Ты же знаешь этих взбалмошных кошек, Эхион!.. Тем более, что салар успел прикончить парочку из их клана. Они теперь не успокоятся, пока не уложат его в последний раз. И с ними Оркнейя. Эта маленькая дрянь... Она сказала, что они перейдут границу, не выпуская Зверя и не меняя облика, лишь из уважения к твоей дряхлости...

— Плевать я хотел на их уважение, — процедил Эхион, и Сигурд вздрогнул, ощутив страшный холод этого голоса. — Зверь во мне достаточно молод, чтобы все они пожалели о своих словах... Но он никогда не выйдет на волю. Ни к чему и не вовремя... Нельзя снимать цепи с ужаса прошлого. Настолько прошлого, что... нет, нельзя. Я умру человеком. А теперь уходи, Лидон... Ты был моим лучшим учеником. И помни: опасно быть зверее зверя.

Лидон еще немного постоял, потом резко повернулся и пошел прочь. Споткнулся. Побежал. И вот уже матерый вепрь-секач растворился в брызжущей поросли...

...К вечеру похолодало. Сигурд спустился с дерева, обошел недвижное мертвое тело Тварьца Эхиона и вынул меч.

Земля поддавалась легко. Могила оказалась чуть большей, чем надо, и Сигурд навалил сверху несколько крупных камней.

Получился холм. Совсем крохотный холм.

Потом салар перешел реку чуть выше по течению. И на этот раз Зу не сопротивлялся.

СРЕЗ ПАМЯТИ
УЗОР НОЧНОГО ТУМАНА

Сигурду — тридцать. Он по-прежнему живет в Вайнганге, но последний год он и Брайан Ойгла избавлены от необходимости лесных дежурств. На их место присланы новые салары. Семь человек в дополнение к братьям Гоурам — потому что Вайнганга разрослась, уплатив за это дорогую цену, цену шестимесячной войны с объединившимися Перевертышами. К исходу прошлого лета оборотни были оттеснены в глубь пущи на расстояние двухдневного перехода, и лес уступил Девятикратным новые участки посевной земли.

С этого момента Сигурд Ярроу и Брайан Ойгла, салары Пятого уровня, перешли в прямое и непосредственное подчинение к наставнику Фарамарзу, временно переехавшему в Вайнгангу. Он должен был подготовить их к переходу на следующую ступень — должность младших наставников в школах саларов; или, как шутил Брайан, сделать из них Племянников Богов.

Правда, в истекшие месяцы на шутки просто не оставалось времени.

Сигурд втайне подозревал, что найденная Брайаном дорога сыграла в переломе их судьбы не последнюю роль. Впрочем он и не заострял внимания на случайном обрывке дороги и неосторожных словах Фарамарза. Можно разрушить дорогу, но Путь останется... И если его Путь когда-либо пересечется с древней дорогой к рудникам Ра-Муаз, — ну что ж, он пройдет по нему, сколько может...

А пока что — оружие, медитации, ночные учебные вылазки и бесконечные беседы с неменяющимся Фарамарзом. Через полгода они должны были получить книги. До того

Сигурд видел книги всего два раза, и то наставник всегда прятал их.

Говорил — рано. А читать учил по специальным учебным свиткам. Еще в школе...

...В комнате Фарамарза пахло распаренной малиной, медом и шиповником. Наставник был простужен. Он надсадно кашлял, кутал ноги в клетчатое покрывало и пил чай в невообразимых количествах. Впервые Сигурд всерьез задумался о возрасте Фарамарза. Ярроу уже знал, что Сыновьями Богов могут стать лишь те, кому осталась всего одна жизнь. Вернее, лишь те из учителей...

Очень мало места на руке старого наставника, на один браслет хватит, и все... все. Успеет ли?

Сигурд молча поклонился и сел на циновку. Наставник сидел на смятой постели и читал какое-то послание, указав Ярроу на чайник с кипятком.

Сигурд налил себе чаю, подумал, добавил меда и стал ждать.

— Письмо из Калорры, — наконец разлепил запекшиеся губы Фарамарз, не отрываясь от свитка. — Неприятности у них. Большие. И очень странные.

И вновь замолчал, топорща седые косматые брови.

Сигурд отхлебнул чая, поставил чашку рядом с собой и приготовился слушать. Он понимал, что лишь действительно серьезные новости могли взволновать Фарамарза. Но что серьезного может произойти в Калорре, если не считать, что...

Калорра умирала. Пустовала уже добрая половина города, оставшиеся горожане переселялись поближе к центру, а Вершители даже не пытались создать хоть видимость власти и порядка. Среди Девятикратных — особенно в южных и юго-восточных поселениях — возникла и распространялась полигамия. Южане, с их пылким темпераментом и землями, почти очищенными от Перевертышей, заводили целые гаремы из женщин Калорры, правда, относясь к ним с должным уважением и не делая особой разницы между женами—потомками богов и горожанками, умиравшими раз и навсегда.

Дети и от первых, и от вторых все равно одинаковы; все они были Девятикратно живущими.

До северо-восточных поселений, вроде Вайнганги, волна полигамии еще не докатилась, но среди молодежи начали возникать подобные разговоры.

Боги ушли. Теперь уходили люди. Просто — люди.

— Плохие новости, — сказал Фарамарз. — Равновесие

нарушено. Раньше все было понятно. Не скажу — хорошо, но понятно: мы и Перевертыши. Два полюса. И посредине — люди Калорры. Устойчиво и доступно. Возможно, Отцы покинули нас и удалились в Пенаты Вечных именно из-за этой устойчивости. Но теперь...

Он помахал в воздухе свернутым посланием. Закашлялся. И долго не мог успокоиться.

Сигурд терпеливо ждал.

— Наставник Гударзи пишет, — вновь заговорил Фарамарз, — что в Калорре появились некто. Он называет их — мороки. На древнем калльском наречии это значит — наваждение. Или, если быть точным, — узор ночного тумана... Сами горожане называют пришельцев Бледными Господами. На том же наречии — варками... И мне не нравятся оба эти слова.

Сигурд не очень хорошо знал ранние диалекты калльских племен. Брайан значительно превосходил его в этой области. Но от слов, произнесенных Фарамарзом, веяло чем-то темным и холодным.

Узор ночного тумана... мороки... варки...

— Ерунда... — неуверенно протянул он, машинально берясь за рукоять меча. — Добрый клинок всегда прикроет Скользящего в сумерках...

— Клинок — вещь хорошая, — задумчиво произнес Фарамарз. — Только это уже не сумерки. По-моему, это уже ночь...

— А рассвет? — тихо спросил Сигурд, мало что понимая в происходящем и не ожидая ничего хорошего от грядущего понимания.

— Где-то должен быть и рассвет. Потом...

4

...Прежде чем углубиться в скалы, он распаковал вьюк, извлек из него тисовую палку с двойным изгибом, длиной примерно с меч, и скрученную из тонких жил тетиву. Потом взял нож и принялся за изготовление лука.

Зу глядел на все это с крайним неодобрением. Он вообще отрицательно относился к любому метательному оружию из каких-то своих змеиных соображений, считая швыряние предметов на большие расстояния занятием глупым и расточительным. С некоторым уважением удав воспринимал лишь полет кривой складной кейфы — маленького бумеранга, басовито гудевшего в воздухе. Звуки такого тона

Зу слышал прекрасно, и кейфы вызывали в нем тайную симпатию. Но через полчаса он уполз за пропитанием, а когда вернулся, волоча трех зверьков, похожих на тушканчиков — лук был готов, и Сигурд ставил оперение на восемь бамбуковых стрел. Перья можно было добыть без труда, а наконечники носил с собой любой салар.

Ярроу, как правило, носил и перья, потому что предпочитал тройное оперение, и не всякое перо вело стрелу так, как надо.

Обложив углубление в камне мелкими обломками, Сигурд запек тушки грызунов, стараясь, чтобы дым стелился в сторону реки, и плотно поужинал. Зу к предложенному мясу остался равнодушен, и становилось ясно, что не один зверек заполнил собой объемистое брюхо удава. Ну не объемистое — длинное, если это что-то меняет...

Для Зу это не меняло ничего. Но снять наголовник он не дал, хотя и не любил зря таскать лишние тяжести. Ловчий удав, ловчий, битый...

Сигурд завалил импровизированный мангал, собрал вьюк, нацепил поверх него лук и стрелы в кожаном колчане и долго смотрел через реку на глыбы, отмечавшие могилу Тварьца Эхиона.

Он не знал, что двигало им при этом поступке. Рыть могилу оборотню, да еще мечом — подарком Фарамарза... Чем же были они похожи: наставник Скользящих в сумерках, Сын Богов, Девятикратный Фарамарз и патриарх Перевертышей, Тварец Эхион, хотевший умереть человеком?..

Впервые Сигурд подумал, что он сам и человек-вепрь Лидон тоже похожи. Но он и Оркнейя... или он и высокий хищник в желтой повязке на узких бедрах...

Собственно, он — Сигурд Ярроу — тоже хищник.

— Ты знаешь, Зу, — прошептал Скользящий в сумерках, — мы с тобой разные... Ну и что? Наверное, не в этом дело...

И снова ему показалось, что удав следит за его губами.

Сигурд вздрогнул, поправил вьюк и двинулся в горы. По дороге богов к Пенатам Вечных.

...Утром следующего дня он нашел скелет.

Выбеленные кости были полускрыты каменной осыпью, и Сигурд чуть не прошел мимо, но вовремя остановился.

Он не знал ни одного животного, способного оставить после себя такой костяк.

Умерший некогда зверь был ненамного крупнее человека, но его костная основа подходила скорее гиганту. Мощные рельефные позвонки переходили внизу в три ответвле-

ния, два из которых были, вероятно, нижними конечностями — ногами или лапами? — а третье служило хвостом. И неплохо служило, судя по виду...

Добавить что-то еще было трудно, потому что скелет казался сильно потрепанным временем...

Сигурд представил себе возможную толщину этого хвоста и задумчиво покачал головой. То же движение вызвали у него и когти, сохранившиеся на трехпалых конечностях. Серьезные были когти, внушающие уважение...

Поодаль валялся треснувший череп, напоминающий змеиный, но гораздо шире и объемнее. В Калорре и на юго-западе Сигурду доводилось видеть лошадей, и найденный череп также смахивал на их головы, только с совершенно иным оскалом.

Похоже, покойный монстр сену предпочитал мясо. Свежее мясо. Сигурд огляделся вокруг и шагах в тридцати обнаружил еще один скелет, на котором сохранились обрывки шкуры.

Нет, не шкуры — чешуи...

— Пошли, Зу, глянем... — недоуменно пробормотал Ярроу.

И в то же мгновение торжествующее рычание раскатилось над ущельем.

Они все-таки достали его. Шесть или семь крупных кошек поднимались снизу, их когти скрежетали на камнях, а морды просто сияли от предвкушаемого удовольствия. Чуть позади шли Оркнейя и высокий вожак. Они о чем-то переговаривались. Видимо, главарь Перевертышей не мог отказать себе в праве встретиться с саларом лицом к лицу — а не лицом к морде...

Его собратьев это не волновало. В звериных ипостасях Перевертыши были трудно уязвимы, мелкие раны быстро затягивались — и оборотни не хотели рисковать. Ну что ж, совсем не глупо...

Сигурд сбросил поклажу, ослабил защелку ножен, и стрела мягко легла на тетиву маленького лука. Браслет жизни Скользящего в сумерках стоит недешево, и придется платить — и ему, и пумам на склонах... Зу свернулся рядом, возбужденно раскачиваясь и шипя, но смотрел он почему-то совсем в другую сторону.

Сигурд резко обернулся, солнце полыхнуло ему в глаза, и на скале у себя за спиной он увидел черный человеческий силуэт.

Стрела сама вырвалась из пальцев и впилась в ослепительный солнечный блеск и черноту силуэта, купающегося в нем. За ней рванулась другая.

Человек на скале сделал шаг в сторону и скрылся за камнями. Потом в просвете еще раз мелькнула сутулая фигура и исчезла совсем.

Незнакомец двигался по направлению к Перевертышам. И поначалу Сигурд готов был поклясться, что на скале оказался Тварец Эхион, похороненный им самим сутки назад. Но теперь Ярроу не был уверен ни в чем. Он стоял и ждал.

Перевертыши остановились. Вожак крикнул на них, и пумы зарычали, глядя не на Сигурда, а куда-то вбок.

Они зарычали, и голос зверей расплавился и умер в ответном реве.

Никогда еще не встречал Скользящий в сумерках существа, способного на такое; и никогда не слышал подобного рева. Словно взбесившаяся вечность прорвала громаду веков и эпох, выходя из тесной берлоги времени; словно раненая ночь пустыни выгнулась навстречу огню восходящего солнца; словно... Змеиное шипение стыло в нем, и ярость агонизирующего пардуса, и крик человека, впервые вздымающего над головой тяжелый каменный топор...

Они бежали. О небо, как же они бежали! — оскальзываясь на хрустящем крошеве, разрывая шкуру острыми гранями сланца, взвизгивая и не смея обернуться, не смея вспомнить, услышать еще раз; как щенята, забравшиеся в логово волка, как котенок, случайно наткнувшийся на сытого Зу; как бежали молодые самоуверенные салары от разъяренного наставника Фарамарза...

Человек спустился в ущелье и направился к Сигурду.

Нет, это был не Эхион... Но сходство было несомненным. Маленький, сутулый, то старик, то какого-то неопределенного возраста; в левой руке он рассеянно крутил Сигурдову стрелу. Зу шевельнулся, и на него упал строгий взгляд немигающих глаз человека.

Человека?! — но удав распустил кольца и вытянулся во всю длину, часто высовывая раздвоенный язык.

— Отец? —, неуверенно спросил Сигурд. И осекся.

Человек посмотрел на Ярроу, потом — на стрелу, и улыбнулся. Мягко и невесело.

— Отец... — повторил он. — Да нет, тогда скорее — дядя... Добро пожаловать в рай, племянничек...

Сигурд не знал, что такое — рай.

...Огонь метался от ветки к ветке; искры, возмущенно треща, подпрыгивали на высоту человеческого роста и рас-

творялись в равнодушии ночного мрака; сучья чернели, превращаясь в пепел, и все это называлось — костер.

Сигурд сходил к хижине, принес охапку сушняка, сунул ее в огонь... Дым стелился как положено, только сейчас это было неважно. Пенаты Вечных — если только это были они, в чем Сигурд сильно сомневался — оказались совсем не такими, какими выглядели в легендах. Скала, прилепившаяся к краю ущелья маленькая хижина и молчаливый хозяин с помятым котелком в руках...

Сигурд сидел у костра, отхлебывая из предложенной кружки странный зеленый чай, терпкий и горький одновременно, и салару было хорошо. Хорошо и спокойно — впервые за все время с того момента, когда он вышел на мощеную дорогу и пошел искать Отцов.

Единственное, что смущало Скользящего в сумерках — он никак не мог сосредоточиться на внешности хозяина ущелья. Вроде бы и внешность эта ничем таким не примечательна, человек как человек, но Ярроу не мог восстановить в памяти лицо хозяина, если не смотрел на него в данную секунду. Словно глядишь с обрыва в бездонную пропасть, затянутую дымкой, и глазу не за что уцепиться, и все плывет, меняется...

Хоть сам туда бросайся — растворишься, исчезнешь в пустоте и только...

Когда Ярроу честно признался в этом, хозяин долго смеялся, но совсем не обидно, а даже наоборот — с уважением, а потом сказал, что его зовут Даймон, но Сигурд может звать его Пустотник Даймон, или просто Пустотник, или просто Даймон, или вообще как угодно, хоть Дэмми...

Сигурд про себя решил, что будет звать его по-всякому, чтоб не ошибиться; позже вскипела новая порция чая, и Сигурд неожиданно для самого себя стал рассказывать.

Он никогда не был особенно разговорчив, слова давались ему с трудом, но Пустотник Даймон слушал внимательно, не перебивал и только хмурился, совсем как наставник Фарамарз в тот последний день, когда Сигурд и Брайан тайно ушли в Калорру, а вернулся один Сигурд...

СРЕЗ ПАМЯТИ
СМЕХ МЕРТВОГО ГОРОДА

Сигурду тридцать. Он и Брайан Ойгла идут по ночной Калорре, и эхо их шагов плывет по пустырям заброшенных кварталов. Они не скользят, они идут — шумно, подчерк-

нуто уверенно — и Сигурд старается незаметно для Ойглы поглядывать по сторонам, потому что считает затею Брайана опасной и неумной.

Сам Брайан так не считает.

Темные слухи поползли из Калорры, темные да скользкие... Вот помер человек — своей смертью, не насильственной, — оплачут его как положено, похоронят, подымут чашу в память об умершем и разойдутся по домам. А потом видят покойничка в переулках: то говорит с кем, то идет куда, то еще что промышляет...

Бодрый такой, улыбчивый, разве что бледный, так с чего ж ему и взяться, румянцу-то?!. Да все с вечера, в сумерках бродят — и свои, которых позарывали, и чужие, неизвестные, пришлые... так вроде не трогают никого, не замечали за ними, только и их трогать — себе дороже.

Одно слово — варки. Мороки... Старики, правда, ворчат: не от смерти, мол, люди помирают... — только кто их слушает, стариков-то...

Девятикратные смеялись поначалу. Думали — завидуют горожане. Им, потомкам богов, завидуют. Их ведь тоже убивай не убивай — пока жизни имеются, да на руке браслетам места хватает... Только Девятикратные со смертью ночь спят, вроде свадьбы, а утром встают: ну а городские, видать, наоборот — ночью шляются...

Сказки... Только однажды пошел в сказку, в город то бишь, салар из южного поселка — пошел и сгинул. А ему еще жить да жить, то ли три, то ли пять раз... Дальше-больше, еще один Скользящий в сумерках в ночь городскую шагнул — и ищи-свищи!.. А ведь он в младших наставниках ходил, не зелень необученная!..

Закрыли Калорру. Собрались наставники, до хрипоты спорили, а сказать-то и нечего! — все равно никто ничего не знает. Так что порешили: продовольствие слать, долг перед людьми, один раз живущими, исполнять, а так — ходу нет!

Пока знаний не добавится. А где ж его взять, знание это?.. Оно само не ходит, ни днем, ни ночью...

Не мог Сигурд Ойглу одного отпустить, ну никак не мог, а тому хоть кол на голове теши: в город собрался! Перевертышей стало мало! Теперь на неведомых Мороков ночью идти решил... Сказать бы Фарамарзу, да нельзя — не простит Брайан. Не простит...

...Они свернули за угол и тут же превратились в две бесшумные тени. Прислушались. Луна осторожно выглянула из-за полуразрушенного дома, спугнув сонного нетопыря, тот метнулся было прочь...

Сигурд разрубил летучую мышь пополам, даже не успев сообразить, что произошло, и из темноты между особняками ему почудился тихий женский смех. Он вздрогнул и посмотрел на Брайана. Тот досадливо поморщился и махнул рукой — дескать, ты налево, я направо... на углу встречаемся...

Сигурд никогда не боялся ночи. Он купался в лесной темноте, истекающей знакомыми шорохами; спокойно ходил по ночной Вайнганге, но сегодня он — Скользящий в сумерках, синяя сталь века — проклинал ту минуту, когда согласится идти с Брайаном в Калорру после заката. Здесь все было чужое, здесь все было мертвое, здесь все отдавало тлением. Мертвые дома обступали салара, пялясь выбитыми глазницами окон; мертвые камни разрушенной мостовой норовили вывернуться из-под ноги, и Сигурду стоило большого труда удержать нужное состояние.

Несколько раз ему мерещился все тот же тихий смех, прозрачный, как звон льдинок, и призрачный, как вечерний туман. Потом по его лицу скользнула маленькая холодная ладонь, и он услышал легкие шаги — но вокруг по-прежнему никого не было.

Он ускорился и в два прыжка достиг угла улицы.

И увидел Брайана.

Ойгла стоял у забора, безвольно опустив руки, и к нему прижималась смутная хрупкая тень, шепчущая неразборчивые, ласковые слова. Сигурд кинулся к Брайану, выхватывая меч, но тень обернулась к нему — и он увидел лицо.

Удивленное женское лицо. Бледный, чуть удлиненный овал с распахнутой бездной черных глаз, в глубине которых игриво мерцали алые отсветы; пушистая бахрома ресниц и пепельные пряди волос, уложенных в фантастическую прическу.

Женщина. Морок. Варк. Но — женщина. И Сигурд не смог ударить.

А если бы смог?..

Смех зазвенел в чернильной тишине переулка, и лишь нечто расплывчатое, зыбкое метнулось вверх по лунному лучу. А у забора лежал мертвый Брайан Ойгла, и на лице его остывало счастье. Такое счастье, что, увидев его, Сигурд побежал.

Он бежал, как не бегал никогда в жизни, плача злыми слезами, слыша смех женщины из бреда, спотыкаясь и чувствуя себя Перевертышем, по следу которого идет неумолимый Скользящий в сумерках...

...К рассвету он заставил себя вернуться в памятный пе-

рёулок, но Ойглы там уже не было. Это казалось невероятным. У Брайана еще осталось несколько жизней, он должен был встать и дождаться Сигурда или вернуться в Вайнгангу...

В Вайнганге Брайана никто не видел. Сигурд вошел в свой дом, оставил записку для наставника Фарамарза и собрал вещи. Потом вышел на улицу, свистнул голодного Зу и двинулся на восток. Туда, где лежал найденный Брайаном обрывок дороги и высились равнодушные вершины Ра-Муаз.

Сигурд Ярроу шел искать Пенаты Вечных. Он шел задавать вопросы Отцам.

Он чувствовал, что — пора.

5

— Ну вот ты и дошел, — сказал Пустотник Даймон, морща свой непропорционально большой лоб. — Ты сам как считаешь: дошел или не дошел?

— Не знаю, — честно признался Сигурд. — Вначале думал, что да. Когда ты прогнал Перевертышей... А теперь не знаю. Ты совсем не похож на Отца. Во всяком случае, я представлял тебя другим. Ты скорее похож на Эхиона, Сына Большой Твари... Скажи честно, Даймон, ты — Тварец?

— Сын Большой Твари... — задумчиво протянул Даймон, и голос его был глух и полон горечи. — Я не знал, что они еще сохранились по эту сторону Ра-Муаз... Нет, Сигурд, я не Сын Большой Твари. Я — Отец. Ты был прав. Отчасти... Я и есть та самая Большая Тварь. Очень большая и очень старая. Такая старая, что помню времена, когда простые люди, а не Девятикратные и Перевертыши, звали нас богами или демонами. Звали, не делая различий. Нас, Пустотников, Меченых Зверем, и других Пустотников, и тех, иных, ваших отцов... Сами они называли себя — «бесы». Слово «бессмертные» слишком длинное. Вот они и сокращали его...

— Они? — хрипло перебил его Сигурд, начиная понимать смысл слов «бесовское отродье». — А вы? Вы не были вечными?!

— Мы — нет. Это кладбище, мальчик, все, что ты видишь вокруг, — кладбище... Сюда приходят умирать такие, как я. Если только я не последний...

Мир вывернулся наизнанку. Пенаты Вечных обратились

в прах, некому было отвечать на вопросы, и скелеты древних скалились Сигурду в лицо своей страшной ухмылкой. Большая Тварь сидела перед ним и пила чай. Салар машинально напрягся, лежащий рядом Зу тут же поднял голову и зашипел — но в следующую секунду Сигурд наткнулся на бесконечно усталый, больной взгляд Пустотника Даймона...

И вспомнил рев за скалами, черный силуэт в зените и стрелы, пойманные на лету.

Даймон протянул руку и погладил Зу по голове. И удав снова лег. Это было невероятно. Но это было. Сигурд проглотил комок, застрявший в горле, и попытался унять дрожь в пальцах. Мир вывернулся наизнанку, и надо было привыкать жить в таком — вывернутом мире.

Где-то далеко, в глубине сознания, он понимал, что дело не в мире. Просто он уже начал получать ответы на вопросы.

Пустотник Даймон не мигая смотрел в огонь, и пламя костра отражалось в глубине его бесцветных глаз.

— Ты принес мне страх, мальчик, — сказал он, и Сигурд действительно ощутил себя ребенком перед сидевшим у костра существом.

— Ты принес мне очень большой страх. Твое счастье, что ты не дошел до того места, которое ты называешь Пенатами Вечных. Мы не зря ушли в свое время... не зря... Вы, оставшиеся, могли создать равновесие — но только без нас. Вы — Девятикратные и Перевертыши, и люди... Или просто: вы — люди... Кровавое, шаткое, но — равновесие. Потому что так или иначе, но вы все люди, в той или иной степени. И когда вы умираете, это тоже смерть живых, потому что рано или поздно вы умираете в последний раз. А вот то, что тебе довелось видеть в Калорре... Если бы мы знали, что это когда-нибудь появится в вашем мире, мы бы, наверное, не ушли... А теперь поздно. Поздно... Вы уж сами...

— Что было тогда на улицах Калорры?! — холодея, почти выкрикнул Сигурд. — Кто те, кого зовут варками? Кто они?!

— Это смерть, мальчик... Но не смерть живых. Это живая смерть. Это — та сторона мрака. Это — сумерки мира. А потом следует ночь.

— Где-то должен быть и рассвет. — Сигурд повторил чужие слова, и они неожиданно стали его собственными. — Потом...

— Кто это сказал?

— Мой наставник.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — прошептал Пустотник Даймон. — Но... Я расскажу тебе все, салар Сигурд Ярроу. Все, что знаю. А после ты узнаешь остальное. Глядишь, и отыщется узенькая тропинка к рассвету... Но по ней ты пойдешь без меня... или со мной, но для тебя это ничего не меняет...

Даймон спустился вместе с Сигурдом в ущелье, довел салара и его удава до того места, откуда они впервые увидели Пустотника стоящего на скале, и неожиданно заявил, что ему теперь самое время поразмыслить — а вот гостю пора спать.

Спать, как понял Ярроу, предлагалось именно здесь, неподалеку от жуткого скелета, невидимого в темноте. Сигурд не знал, почему ему нельзя лечь в хижине или хотя бы возле нее, но спросить не осмелился. Собственно, ему не впервой было ночевать под открытым небом, тем более что реальной опасности не предвиделось; а Зу уже успел облюбовать себе уютное углубление между камнями и теперь скручивался в какой-то особенно замысловатый узел.

Когда Даймон ушел, Сигурд опустился в траву, привалясь спиной к нагревшемуся за день валуну, и закрыл глаза. Спать не хотелось. Перед уходом Пустотник как-то странно намекнул, что в этом месте иногда снятся необычные сны, но сон не шел к Скользящему в сумерках — ни обычный, ни простой. Усталость качала его на своих крутых волнах, расслабиться никак не удавалось, и неожиданно Сигурду примерещилось, что он бежит, бежит, обжигая ноги о горячий песок...

Он бежал и бежал, а вокруг молчали раскаленные пески Кархруфи, — и Сигурд твердо знал, что это именно пески Кархруфи, хотя никогда не бывал здесь, — и впереди ждали ответы на заданные вопросы, только ответы были ужасно далеко, а опасность была совсем близко, она дышала в затылок; и взглянув вниз, Сигурд увидел четыре звериные лапы и не сразу понял, что это его лапы...

— Зу, где ты? — хотел позвать Сигурд, но вместо этого из его горла вырвался хриплый волчий вой...

КНИГА ПЕРВАЯ

СКАЗАНИЕ ОБ УХОДЯЩИХ ЗА ОТВЕТОМ

...И никто из них не вернулся назад, чтобы рассказать оставшимся о скрытом за облаками; и ветер занес горячим песком следы безумцев, уходящих за ответом...

Фрасимед Мелхский

ТЕНЬ ВТОРАЯ

Зверь, Человек, Бог. Солли из Шайнхольма, Изменчивый

1

Ветер уныло лизал барханы, оплавляя их желтыми сыпучими струйками, ветер грустно посвистывал в сухих ветвях колючника, как делал это уже многие тысячи лет — пустыня, что с нее возьмешь... Все та же монотонная песня, те же пологие барханы — нет, не те, конечно, но такие же... И неровная цепочка волчьих следов, быстро заносимая песком. Сколько их, эфемерных следов жизни, засыпал ветер на своем однообразно-бесконечном веку, от Сифских источников до отрогов Ра-Муаз? Считай не считай — собьешься... Да и не только следы, а зачастую и иссушенное солнцем тело со стекленеющими глазами, в завершение цепочки зыбких ямок — ветер давно привык к этому и равнодушно скользил мимо.

Пустыня...

Но на этот раз что-то было не так. Ветер почувствовал давно забытый укол любопытства — и тут же, с удивившей его самого поспешностью, рванулся вперед, по следу, срывая верхушки с опешивших барханов; с воем проносясь между ними, стремительно нагоняя того, кто упорно шел вперед, оставляя так изумившие ветер следы...

... — Куда ты так спешишь, Арист? — человек заслонился полой серого плаща от внезапно налетевшего и умчавшегося ветра, щуря глаза и сплевывая хрустящую на зубах слюну.

— Все равно мы догоним его, никуда не денется. Да и остальных наших неплохо бы обождать, а то как бы снова не нарваться по-дурному, в спешке-то...

И он машинально потер свежий браслет потерянной жизни, седьмой по счету. Его спутник, коренастый, крепко сбитый мужчина в форменной тунике и грязно-сером плаще Скользящего в сумерках, остановился и поправил меч у пояса.

— Ветер, — отрывисто бросил он, словно с неохотой расставаясь с произносимыми словами. — Следы заметает. Упустим. Скорее бы надо...

Высокий и худощавый противник спешки что-то недовольно пробурчал себе под нос и нехотя двинулся за приземистым Аристом, который уже шел по следу, даже не оглянувшись — он и так не сомневался, что второй салар следует за ним...

...А на другом конце неровной цепочки следов, в трех-четырех тысячах шагов от людей, уходил размашистой рысью матерый волк — с большой лобастой головой, крепкими лапами и вывалившимся из пасти языком, длинным и розовым. Волк устал; он двигался все медленнее, и ветер легко поравнялся с ним — и в изумлении притих, затаившись между барханами.

Было от чего — потому что к спине зверя оказалась приторочена кожаная фляга, походная сумка внушительных размеров, из которой торчали рукояти меча и двух ножей, а также несколько мелких предметов неизвестного ветру назначения.

Вся поклажа была умело скатана, запакована и уложена — причем явно человеческими руками.

Свернув за очередной бархан, волк устало опустился на песок и некоторое время отдыхал, тяжело дыша и постепенно успокаиваясь. Потом, как-то хитро изогнувшись, он отполз назад, и все вещи остались лежать на песке перед ним.

С заметным облегчением волк закрыл глаза.

Он лежал совершенно неподвижно, казалось, прекратилось даже дыхание, и тут что-то начало неуловимо меняться в облике зверя. Очертания его тела потекли, стали зыбкими, шерсть растворилась в туманном мареве...

С песка встал, разминая затекшие плечи и вертя головой, молодой парень лет двадцати трех, совершенно обнаженный. Глаза цвета весеннего неба, спутанная грива пепельных волос... да и вообще, возможно, излишне волосатый, но — в пределах нормы...

Солли стряхнул с себя песок и шагнул к тюку со свернутой одеждой. Он знал, что Мертвители висят на хвосте, и времени на отдых почти не остается.

Одевшись, он сделал пару глотков из полупустой фляги, покатал воду на языке, ополаскивая рот, и, поморщившись, проглотил теплую безвкусную жидкость. Потом проверил, легко ли ходит меч в ножнах, вложил метательные ножи в специальные пазы своей короткой куртки и, отступив в ненадежную тень песчаного холма, стал ждать.

Он прекрасно понимал, что в волчьем облике у него нет ни единого шанса против двух натасканных Мертвителей, в одиночку выходящих на стаю; даже если не подоспеют остальные Скользящие в сумерках, как они сами себя называют...

Он встретит преследователей как человек. Только в этом случае он еще может на что-то рассчитывать. В конце концов, тех, серых, всего двое...

Почему-то Солли был уверен, что за ним идут всего два человека. Он не мог назвать причину своей уверенности и не очень-то задумывался над этим...

...Ветер, негромко подвывая, шелестел песком, и Солли не сразу понял, что шелест этот чуть-чуть изменился. Да и ветер-то уже почти стих...

Солли едва не опоздал. И если бы не многолетняя выучка, властно швырнувшая его навстречу серой фигуре, вынырнувшей из-за бархана... навстречу, а не назад, в пустыню... Салар попятился, вскидывая небольшой арбалет, но нож Солли уже ввинчивался в плотный горячий воздух.

Мертвитель споткнулся, хрипя и хватаясь за окровавленное горло, по которому полоснуло короткое отточенное лезвие, и Солли легко уклонился от стрелы, пущенной слабеющей рукой.

Кажется, этого Солли уже один раз убивал. Дня три назад, что ли...

В последний момент он каким-то шестым чувством уловил движение у себя за спиной и инстинктивно отпрянул в сторону. Тень с мечом в руке возникла точно на том месте, где только что стоял сам Солли. Потом салар посмотрел на меч, выхваченный Солли, на всю его сжавшуюся фигуру — и пренебрежительно рассмеялся.

Белая молния полыхнула вокруг запястья Девятикратного, разрубив ветер надвое, и Солли понял, что проиграл. Против этого Постоянного Изменчивый был бессилен.

Мертвитель мог не спешить. Он даже мог немного растянуть удовольствие, поиграть с жертвой в кошки-мышки — и оба они это понимали.

«Если не можешь победить в честном бою — побеждай, как можешь. Если у врага — девять жизней, а у тебя — одна, важен лишь результат. Все остальное — ловушка для глупцов».

Так любил повторять старый Морн, Сын Большой Твари, и его ученики хорошо усвоили правило мудрого Тварьца.

Солли коротко ткнул мечом перед собой. Мертвитель даже не шелохнулся, но Изменчивый одновременно с глупым выпадом выбросил вперед выпрямленную левую руку — и резко взвел ладонь на себя, пальцами вверх.

Салар машинально увернулся, ловя на лету крохотный дротик, потом он дернулся, с недоумением поглядел на свою ладонь, оцарапанную деревянной колючкой, и сполз в рыхлый песок. Лицо его приобрело багровый оттенок; он пару раз выгнулся и затих.

Солли бросил меч в ножны и отстегнул рукавный самострел. С такой игрушкой всегда существовала опасность оцарапаться самому, но у Изменчивых смола дерева йикининки — а именно ей смазывались дротики и духовые иглы — вызывала по первому разу лишь трехдневную горячку с фантасмагорическими видениями. Со второго раза возникло стойкое привыкание к наркотику, и Изменчивый сгорал в считанные месяцы.

С Постоянными все обстояло иначе. Сразу, и никаких видений.

Солли наскоро обыскал убитых и остался доволен, обнаружив две почти полные фляги, пять лепешек и ленту сушеного мяса. Он, правда, предпочитал свежее, но Девятикратных лучше не есть — все равно впрок не пойдет.

Солли перекусил, выпил всю воду из одной фляги, вторую прицепил к своей упряжи и внимательно осмотрел оружие саларов. Меч первого ему понравился, и он взял клинок вместо своего, кстати, тоже позаимствованного подобным образом.

Все остальное, включая и свой старый меч, он аккуратно завернул в одежду, снятую с Мертвителей, отнес подальше и закопал. Он знал, что поступает жестоко, но не мог иначе.

Эти двое оживут на рассвете, но далеко ли они уйдут без воды, еды и оружия? А остальные Мертвители пока отстали... За ночь ветер занесет следы, и можно будет свернуть туда, куда он, собственно, и направлялся...

...Крупный волк вынырнул из-за бархана и резво затрусил на запад, неся на себе слегка потяжелевшую упряжь. Он шел, опустив голову к самому песку, и пустыня молча-

ла, пропуская через себя упрямую фигурку с вьюком на спине. Солли шел к Отцам.

А ветер тем временем продолжал свою всегдашнюю неспешную работу, занося песком следы странного одинокого волка и два обнаженных тела, заботливо укрытых широкими плащами.

Серыми плащами Скользящих в сумерках...

...Солли шел уже седьмой день. Погони за собой он не чувствовал — Мертвители безнадежно отстали. Но тем не менее он продолжал идти, да и спать, в волчьем облике. Так и двигаться удавалось куда быстрее, и направление не страшно было потерять, и ночью он просыпался при малейшем шорохе.

Впрочем, спал он мало и в основном — днем, найдя какую-нибудь тень, потому что к вечеру спадала жара и идти становилось легче. Тысячи и тысячи шагов отмахали неутомимые, казалось бы, лапы Солли, а вокруг по-прежнему лежала все та же пустыня, и знакомый ветер, уже переставший удивляться, лишь одобрительно похлопывал его по плечу; и хрустел на зубах песок; и все труднее становилось широким мощным лапам нести вперед исхудавшее тело...

В тот день у него кончилась вода. В очередной раз приняв человеческий облик, Солли влил в пересохшую глотку последние затхлые капли и некоторое время лежал, закрыв глаза и приходя в себя. Солнце перевалило за полдень, и это было хорошо. Ночь он еще продержится. Самое большее — до середины завтрашнего дня.

Если к этому времени не отыщется вода — ему конец.

Солли думал о смерти спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся. Он знал, на что шел, и давно свыкся с мыслью, что его жизнь может оборваться в любую минуту. Как, впрочем, и жизнь любого Изменчивого. Мертвители тоже не боялись смерти — еще бы, с запасом в девять жизней... А вот те Постоянные, городские, которые жили один раз — те боялись, хотя Солли и не понимал — почему.

Изменчивые тоже жили один раз, но ведь они не боялись...

Боялись—не боялись... Разве в страхе дело? Смерти не скажешь — извините, уважаемая, обождите минутку, пока я успокоюсь и отбоюсь...

Но все-таки лучше найти воду. И тогда — извините, уважаемая...

...Снова трусит между барханами одинокий волк — вперед, вперед, на запад, вслед за уходящим солнцем, которое каждый вечер умирает и каждое утро возникает вновь... быть может, поэтому некоторые Девятикратные считают себя правнуками солнца?..

Он шел всю ночь. Он продолжал идти, когда позади него выполз из-за горизонта зловещий багровый край равнодушного светила. Солнце медленно поднималось по небосклону, раскаляя гигантскую песчаную сковородку, а по зыбким буграм этой сковородки все тащился упрямый глупый волк, уткнув морду в песок и уже ничего, кроме этого песка, не видя.

Потом он упал.

СРЕЗ ПАМЯТИ
ИЗМЕНЧИВЫЕ И ПОСТОЯННЫЕ

...Огненные круги плыли перед глазами, и память уносила его вдаль, покачивая его на своих призрачных волнах, в даль ушедшего детства, под сумрачный полог родного Шайнхольмского леса, прочь от нестерпимой, иссушающей жары, в тенистые глубины, откуда он шел, бежал, полз, веря...

Ребенок отнюдь не считал себя существом двойственным. И волчий, и человеческий облик были для него одинаково естественны, порой он даже не замечал перехода и воспринимал свое существование как должное и единственно возможное. Когда ему хотелось побыстрее добраться до отдаленной поляны, он, не задумываясь, становился волчонком и несся через весь лес, легко огибая пни и колючие ветки; но за орехом или особенно спелой ягодой тянулась уже рука мальчика.

Он был один — Солли — он не делился на человека и зверя, а менял облик, как менял одежду, в зависимости от обстоятельств.

Его сверстник и приятель Ролло был пардусом, хромой мельник Корм — вепрем; в небольшом чистеньком домике на краю селения жили две гибкие черноглазые сестры-косули; да и клан волков, к которому принадлежали родители Солли, был отнюдь не малочисленным. Правда, мать Солли предпочитала оставаться почти все время человеком, зато отец — злой и веселый Лорквоу — неделями мог пропадать в чаще, возвращаясь с обильной добычей и шальными огоньками в глазах.

Солли замечал, что мать в таких случаях становилась скованной, нервной, с трудом удерживая внутри себя волчицу, и мальчик недоумевал — почему?! Но мать не отвечала и лишь спешила унести мясо в дом... Потом жаркое шипело и постреливало соком, распространяя завораживающий аромат, — аромат не мяса, плоти, крови, но запах еды — и мать постепенно успокаивалась, расслаблялась, а отец — уже человек — сидел у огня, довольно щурясь в предвкушении ужина...

И лишь однажды, когда отец отсутствовал почти месяц и Солли с матерью перебивались овощами и пресными лепешками, увидя волка Лорквоу, вернувшегося и с радостным ворчанием тащившего за собой убитую лань, мать не выдержала.

Они втроем упоенно рвали клыками мясо, давясь, захлебываясь свежей кровью, не в состоянии насытиться, и это было здорово... Только вот потом мама молчала почти до вечера...

Почему, мама?!

Очень скоро Солли узнал — почему. Вечером к ним пришел Морн, Сын Большой Твари. Слово его было в деревне законом, и Солли всегда видел Морна лишь в человеческом обличье. Солли даже не знал, кто он — Морн...

Обиженного Солли прогнали в лес — погулять — а Морн о чем-то долго беседовал с отцом и с матерью, и Солли не решился вернуться и подслушать...

На следующее утро родители отправили его на другой конец деревни, к старому Морну. Так началась его учеба. Так он впервые узнал о контроле над изменениями. И о том, что он — Изменчивый.

От Морна Солли впервые услышал и о существовании Постоянных. Он не сразу сумел представить себе людей, запертых в одном-единственном облике, но Морну нельзя было не верить — и Солли поверил. В конце концов, многие звери тоже не могли превращаться в людей, так отчего бы не быть и подобным людям?!

Постоянные ненавидели Изменчивых. Ограниченные своей единственной телесной оболочкой, они боялись Изменчивых, а возможно, и завидовали им; мало кто из них был способен отличить Изменчивого от зверя или человека, в зависимости от принятого облика, но меняться в присутствии Постоянных было равносильно самоубийству.

Постоянные наступали на лес, выкорчевывая деревья, истребляя животных и самих Изменчивых, не делая между

первыми и вторыми особой разницы; а главное — их было больше.

Гораздо больше.

Лес, скрывающий Изменчивых, простирался далеко на север и на восток, но южнее, через день пути для человека, он начинал редеть, переходя в буйное разнотравье степи, а степь в свою очередь сменялась солончаками и бесплодной пустыней. Именно на узкой полоске между лесом и пустыней и селились Постоянные.

Они распахивали и засевали степь, разводили коров и свиней, а Изменчивые так и не сумели понять, зачем нужно перекапывать столько земли, и почему нельзя охотиться на жирных и неповоротливых свиней или тех же коз... Зверь не может быть чей-то, он — зверь, даже если он свинья; а если ты убил его, то это добыча, причем твоя добыча!..

Постоянные так не считали. И в результате частенько сами становились добычей. Тогда Постоянные окончательно отказались от различия между зверями и Изменчивыми, и в их поселках появились Мертвители — холодные, беспощадные убийцы, воспитанные в ненависти к лесным жителям...

Они звали себя — салары. Скользящие в сумерках. А Изменчивых они звали Перевертышами. И лес дрогнул. Дрогнул и отступил... Потому что Изменчивые жили один раз, а Мертвители и Постоянные — девять, отчего они считали себя потомками богов.

Правда, не все Постоянные жили девятикратно, — далеко, на юго-западе, в четырех дня пути лежал Согд — город людей, умирающих навсегда. Сам Согд не очень-то интересовал Изменчивых, но иногда старый Морн брал с собой двух-трех учеников постарше и шел в город на Охоту, проскользнув в темноте мимо кордонов Мертвителей.

В Согде они меняли шкуры и дикий мед на оружие и инструменты. Морн тщательно подбирал себе спутников, но один раз их учуяли собаки Мертвителей, испортив всю Охоту; потом молодой волк Горхат, несмотря на запрет Тварьца, перебрал хмельного и потерял контроль в какой-то таверне...

Его разорвали на части, а от того, что двое Постоянных легли рядом с волком, матери Горхата не стало легче...

Так что каждое утро два десятка подростков собирались у дома Сына Большой Твари — учиться. Учиться выживать. И убивать.

Убивать за себя и за зверя. Впрочем, сам Морн всегда

оставался человеком — и Солли с приятелями оставалось только гадать, что за Зверь скрывался в Сыне Большой Твари.

И лишь потом, через много лет, Солли понял, что среди Мертвителей были куда лучшие учителя, чем Морн. Учителя меча — но Тварец учил молодых Изменчивых не только мечу и когтю.

Он учил — а они...

Они уже умели по запаху различать Постоянных и Изменчивых, могли без устали по нескольку дней гнать добычу, настигая ее в конце концов стремительным броском; многие овладевали разными ремеслами, чему очень радовались родители... Они учились готовить из трав целебные мази, а не жевать инстинктивно найденный лист, определять направление по звездам, не всегда полагаясь на звериное чутье, они...

Многое передавал им старый Морн — но молодые оборотни охотнее хватались за деревянные, а позже — стальные мечи, с жаром рубились, часами готовы были стрелять из лука, бросать ножи, а вот долгие рассказы Тварьца о травах, звездах, обычаях Постоянных или беседы о давно ушедших временах зачастую пролетали мимо юных горячих голов.

Впрочем, не всех...

Однажды торжествующий Солли примчался к Морну и с гордостью сообщил, что если к мази от ожога добавить толченую кору Красного дерева, то новая кожа нарастает значительно быстрее. Он захлебывался радостью открытия — и впервые увидел, как расплывается в улыбке лицо Сына Большой Твари, веселые лучики собираются у помолодевших глаз...

Никогда не улыбались глаза Морна во время уроков боя, а тут...

Целый день Солли носился с мазью, вспоминая улыбку старика, а завтра утром...

— Мертвители!..

Солли часто видел потом в ночных кошмарах то утро, когда в деревню влетел мчавшийся из последних сил пардус Ролло. Его раны затягивались на глазах — в зверином облике лишь тяжелые ранения угрожали жизни, чего нельзя было сказать об облике человеческом, — но Ролло не мог дожидаться и уже стоял на двух ногах, обливаясь кровью.

— Облава! — прохрипел он. — Скорее...

И упал, но упал на четыре лапы с выпущенными когтями.

Не раздумывая, Солли рванулся к своему дому — волком.

Отец. Мать. Оружие.

Он не успел. Мертвители ворвались в деревню с трех концов, и крайние дома уже горели, а люди в серых плащах перекрывали улицы. Увернувшись от удара мечом, Солли вьюном проскочил между ногами салара, цапнув того за щиколотку, и скрылся за углом.

У их дома кипел бой. Отец и мать рычали и метались в кольце врагов, и шерсть их слиплась от крови. Солли прыгнул сзади на Мертвителя, замахнувшегося на мать, и не разжал сомкнутые на чужом горле клыки, даже когда острая боль пронзила его бок.

Потом он кинулся в дом.

Солли плохо помнил, что было дальше. Горела деревня, он оглох от криков и лязга оружия; они с матерью и бешеным Лорквоу стояли посреди улицы — два волка и человек — и Солли бросал свои ножи в накатывающуюся волну Постоянных, но ножи кончились, и остался меч, и кровавый вихрь захлестнул его. Отец рухнул с разрубленной головой, так и не выпустив корчащегося салара; рядом то ли взвизгнула, то ли всхлипнула мать, когда зазубренный клинок отсек ей переднюю лапу; Солли подхватил мать на руки и побежал, чувствуя, что надолго его не хватит, что это конец, а потом наступила тишина и он остановился.

Перед ним стоял Морн.

— Уходи, — коротко приказал Морн; и Солли заковылял дальше, спотыкаясь и не падая только потому, что на руках у него была мать, видя вокруг себя отступающих к лесу Изменчивых...

Последнее, что он запомнил — пустая улица, багровый дым и шеренга Мертвителей, медленно надвигающаяся на одинокую сутулую фигуру Морна...

...Когда они вернулись, Морн все так же стоял посреди улицы, скрестив руки на груди, и в глазах его затухали, подергиваясь пеплом, страшные жгучие угольки...

Постоянных не было. Они ушли, поспешно забрав убитых и раненых. И никто из Изменчивых так и не узнал, что увидели Мертвители на опустевшей улице, когда на пути у них встал Морн, Сын Большой Твари.

Они не посмели напасть на него.

Потомки богов — не посмели...

2

...Водоворот воспоминаний все быстрее вращался перед глазами слабеющего волка — звериные морды, искаженные лица, звон клинков, горящая деревня, дым, кровь, отчаяние и ужас, внезапно вспыхнувшая надежда... лицо той Постоянной, которая была запретна для него — но которая... выжженное солнцем блекло-голубое небо, снежные шапки на вершинах гор...

...Горы! Волк открыл глаза, снова зажмурился, встряхнул тяжелой головой, словно отгоняя наваждение — и вновь увидел горы. Это был не сон, не бред, не эфемерная иллюзия памяти — перед ним высились выбеленные снегом вершины.

Горы Ра-Муаз.

Он все-таки дошел.

Солли не помнил, как он дотащился до первых отрогов, каким образом набрел на веселое журчание ручья — он пришел в себя, стоя над ручьем и шумно, с жадностью лакая упоительно прохладную воду. По всей видимости, делал он это уже довольно долго, потому что брюхо было совершенно переполнено, и Солли почувствовал, что выпил воды больше, чем мог, но меньше, чем хотел.

С сожалением перестав лакать, он погрузил в ручей морду, потом отошел в сторонку, сбросил с себя поклажу и, найдя заросшее мхом углубление в тени большого валуна, мгновенно уснул.

Снов он не видел.

Проснулся Солли уже утром следующего дня. Он давно не менял облик, а выпускать зверя на чрезмерно долгий срок не рекомендовалось. Так что теперь к ручью подошел человек. Вдоволь напившись, он решил было облачиться в свою походную одежду, но раздумал и, голый и мокрый от пота, стал карабкаться вверх по склону. Где-то здесь, согласно легендам, и должны были обитать Отцы, к которым шел Солли. Но сейчас его больше интересовали не Отцы, а какая-нибудь мало-мальски съедобная живность — голод, заснувший вместе с ним, теперь проснулся и настойчиво требовал утоления...

Оленя он заприметил издалека и, уже в волчьем обличье, стал осторожно подкрадываться к нему. Сейчас Сол-

ли доставляло истинное удовольствие скользить между скал, неслышно раздвигая влажную от росы траву и вспоминая недавнее пекло пустыни. Да, неплохое местечко подобрали себе Отцы... губа не дура...

Бросок Солли был стремителен и точен, но за мгновение до того олень учуял грозящую опасность, и зубы волка клацнули всего в каком-то локте от вожделенной добычи!

Солли извернулся в воздухе и рванул по склону за удирающим оленем; оторваться жертве не удалось, но и расстояние между ними не спешило сокращаться. Олень обогнул огромный замшелый валун, Солли метнулся наперерез — и тут другая серая тень прыгнула на спину обезумевшего животного. Секундой позже Солли вцепился в горло своей — своей! — добыче, олень с хрипом повалился на бок, брыкаясь и мотая головой в тщетных попытках стряхнуть с себя безжалостных палачей — и вскоре все было кончено.

Когда олень затих и Солли, наконец, разжал челюсти — он увидел четырех волков, окруживших его и пристально разглядывавших чужака. Нет, пятерых — пятая, поджарая молодая волчица, стояла чуть поодаль, делая вид, что все происходящее ее совершенно не интересует, но тем не менее с любопытством наблюдая за развитием событий.

Ситуация не вызывала сомнений. Эта четверка с увлечением выясняла между собой, кому же достанется самка, и тут, в самый неподходящий момент, на поляну вламывается он, Солли, в погоне за своим завтраком!

Сам Солли с трудом подавил в себе волка, уже учуявшего возбуждающий запах течки и готового вступить в драку за право обладать самкой. Волчица, конечно, хороша, вполне аппетитная волчица, но не за самками же тащился он через всю проклятую пустыню!

Правда, отступить и оставить местным волкам задранного оленя он тоже не собирался — и вот обнаженный мужчина поднимается с земли под изумленными взглядами пяти пар волчьих глаз.

Обычно это действовало безотказно — но сейчас почему-то не сработало. То ли здешние волки никогда не встречали Изменчивых и не боялись их, то ли азарт брачной поры заглушил в них прочие чувства — но вся четверка немедленно бросилась в атаку. Тут уж не до любви...

От первого Солли уклонился, но другой волк вцепился ему в лодыжку. Солли пнул его свободной ногой, выругавшись сквозь зубы, и тут на плечи Изменчивого прыгнул еще один зверь, Солли не удержал равновесия и упал — упал на четыре волчьи лапы!

Свои собственные, редко подводившие его лапы.

Низкий грозный рев вырвался из его глотки, Изменчивый легко стряхнул с себя всю свору и развернулся к опешившим противникам. Он был заметно крупнее местных, и молодые волки почувствовали в пришлом звере уверенность и силу, которой не было в них самих.

Уверенность и силу вожака.

Волки попятились, с опаской обходя ворчащего Изменчивого, а Солли отошел к валуну, который защищал его с тыла, и спокойно ждал.

Он не торопился.

Волки еще некоторое время кружили на безопасном расстоянии, потом волчица подошла к Солли вплотную, кротко взглянув на него, потерлась мордой о его плечо и улеглась рядом. Остальные сели поодаль, и Солли с ужасом подумал, что теперь это не просто волки.

Это стая. Его стая.

Сперва Солли насытился сам, потом пустил к туше волчицу; та, благодарно оглянувшись на новоявленного повелителя, без лишней спешки съела свою долю. Обождав, Солли превратился в человека и сбегал за ножом, отделил лучшие на его взгляд части оленьей туши и перенес их на соседнюю поляну, а остальное отдал четверке — и те жадно принялись делить еду между собой.

Натаскав хвороста, Солли развел небольшой костер и принялся обжаривать мясо на огне — чтоб лучше сохранилось. Коптить не было ни времени, ни желания. Волчица испуганно жалась к кустам на краю поляны, но не уходила. Совсем молоденькая, однако...

Чтобы успокоить ее, Солли превратился в волка и приблизился, игриво пританцовывая, но тут он наткнулся на нетерпеливый, ждущий взгляд волчицы — и Солли сдался.

Больше он не помнил об Отцах, о том непонятном и жутком, что привело его в горы Ра-Муаз, он забыл о костре и мясе, превращавшемся в уголь — он был волком, здоровым, зрелым волком, и перед ним была волчица...

...Когда человеческий разум обрел наконец контроль над волчьим телом, Солли обнаружил, что лежит рядом с Вайл (так он теперь называл волчицу, имя это что-то значило для него, но он не мог вспомнить — что именно), лежит в тени скалистого утеса.

Солнце давно клонилось к закату, мясо пропало безвозвратно, но это его особенно не расстроило — время, про-

веденное с Вайл, с лихвой искупало потерю. С удовольствием и некоторым налетом стыда он заново переживал эти часы. Обычно Изменчивые не позволяли себе ничего подобного, но... из всякого правила должны быть исключения. Как, например, сейчас. Ведь дорога к Постоянным тоже была закрыта для народа Солли — и тем не менее...

По телу растекалась приятная истома, и при мысли, что сейчас надо будет вставать на две ноги, заново раздувать костер, потом взваливать на себя поклажу, лезть в гору... Всякое желание выполнять все описанные действия, несмотря на их необходимость, у Солли пропало окончательно.

Глаза сами собой закрылись, Изменчивый привалился к теплому боку Вайл, блаженно раскинувшейся рядом, и сам не заметил, как заснул...

СРЕЗ ПАМЯТИ
ВОЙ В НОЧИ

...Старый Морн был против этого похода и всячески отговаривал их — но приказать, запретить он просто не мог. Как запретишь мстить тому, чья родня остывала в пепле у него на глазах?!

Морн был против, но они не послушались Морна. И Солли, отвернувшись, прошел мимо учителя — его отец теперь никогда не уйдет в лес за добычей, а мать навеки лишилась кисти левой руки, и становясь волчицей, хромала и лишь провожала взглядом самых медлительных зверьков.

Солли больше не видел тихой улыбки, которая освещала мамино лицо раньше, когда он рассказывал ей о своих успехах или похвале учителя. Все. Захлопнулась невидимая дверь, выпускавшая улыбку на белый свет, и в глазах его матери осталась лишь тоска, тоска и ожесточенность... Она не плакала и не говорила ничего — но лучше бы она плакала или даже выла...

...Они шли молча. И не оглядываясь. Шли — зверьми.

Некоторые несли на себе упряжь с оружием, другие полагались только на когти и клыки. К ним примкнуло десятка два Изменчивых-одиночек, не любивших огня и живших в норах или случайных укрытиях. Солли знал, что в здешних местах только у них была деревня, да и той не стало, и сейчас Морн уводил оставшихся на новое место. От того же Морна Солли слышал о дальних восточных поселениях его народа, но в такие дебри никто из местных не рисковал забираться.

Говорят, еще за горами, за перевалами Ра-Муаз...

Можно было бы собрать вдвое больше Изменчивых, но ярость гнала их вперед, не позволяя ждать; кроме того, все Мертвители из намеченного поселка Постоянных были отозваны на какие-то сборы — так донесли разведчики — и остальные Девятикратные не способны были оказать серьезного сопротивления.

Солли, пожалуй, лучше многих понимал, чем могла бы закончиться их вылазка, если бы Мертвители оказались на месте, но случай благоприятствовал лесу.

Слепой от ярости случай...

Дождь хлестал их спины, словно само небо бичами подгоняло мстителей, вокруг стояла кромешная темнота, но они-то и во мраке видели прекрасно, а вот Постоянные... Горе убийцам! Не спасут их девять жизней — Изменчивые утащат тела в лес, и там — день за днем — они будут умирать, пока однажды последний браслет не искупит их преступлений!..

...Собак удавили в считанные секунды. И торжествующий вой возвестил о начале праздника!

Родившаяся в ночи живая волна выкатилась из леса и захлестнула частокол. Успевшие принять человеческий облик карабкались на изгородь, обдирая кожу, спеша открыть ворота... Солли спрыгнул вниз и недобро усмехнулся, помогая гибкому Ролло сдвинуть деревянный засов. Вспышка молнии высветила волчий оскал на лице юноши и, испугавшись, погасла с хриплым стоном.

Ворота распахнулись — и началась бойня. Оборотни не щадили никого. Невидимая в темноте смерть настигала Постоянных всюду, мечи и клыки работали без устали, рассекая шарахавшуюся ночь и податливую плоть человеческую...

Солли как раз бежал мимо распахнутой двери, когда оттуда выскочил Девятикратный — почти голый, но с мечом в руке. Постоянный попросту не заметил мгновенного удара Солли, уже мертвым сползая на порог собственного дома, и Изменчивый еще раз вознес хвалу царившему вокруг мраку. Потом он скинул перевязь — и волк ворвался в дом. Ему было мало меча. Он хотел большего...

И лишь тогда возмездие можно будет считать совершившимся.

За первой дверью оказалась вторая. Солли толкнул ее лапой, и дверь со скрипом отворилась. Волчьи глаза сразу различили две фигуры, забившиеся в угол и жавшиеся друг к другу.

Девушка. Почти девочка, хрупкая, нескладная, и прикрытый ею мальчишка лет семи, молча дрожащий от страха.

Дети убитого на пороге.

Луна осторожно выглянула в разрыв между тучами и через открытое окно осветила комнату. Девушка увидела волчий силуэт и, вздрогнув, подняла голову. И в это мгновение Солли ясно прочел в ее взгляде тоску; знакомую, родную тоску...

Это были глаза его матери. Это его отец лежал сейчас мертвым у входа... Это он сам тихо давился ужасом в углу, за ненадежной защитой худенького тела в легком платье...

Не думая уже о том, что он делает, Солли поднялся на две ноги, на две человеческие ноги — он стоял перед девушкой, и робкая, невозможная надежда стояла между ними. И луна не спешила спрятаться, забывшись в удивлении...

С шумом, шатаясь, словно пьяный, в дверь ввалился Ролло. В человеческом облике, совершенно обнаженный, и его меч был покрыт кровью. Человек-пардус был пьян этой кровью.

— А, и ты подыскал себе забаву, Солли! — выдохнул Ролло, оскаливаясь в упоении. — Ну что, поделим пополам? Тебе — девчонка, мне — щенок... А потом — каждого — тоже пополам, и еще раз...

Он воткнул меч в пол, готовясь стать пардусом, бешеной желтой кошкой, но тут Солли повернулся к нему, Ролло посмотрел в лицо приятеля — и сразу все понял.

— Да ты что, Сол... — протянул он, медленно пятясь к двери. — Они же твоего старика... и маму... ты что...

— Они, — голос Солли был глух и бесцветен, как у Морна. — А потом мы... А потом опять они... и снова мы... и снова... Постоянные, Изменчивые — в одном мы постоянны, как никто...

Солли никак не мог остановится, он бубнил и бубнил как заведенный, и вдруг Ролло сжался в комок, а Солли сразу замолчал и испугался.

Не за себя. Как человек, он мог потягаться с Ролло, но Ролло-пардус играючи разорвал бы и Солли-человека, и Солли-волка, а после...

Рука Солли инстинктивно легла на рукоять торчащего из пола меча Ролло, и в ту же секунду рычащий, оскаленный вихрь смерти ринулся на него из темноты. Солли, не задумываясь, вскинул руку для защиты, но пальцы его сомкнулись на рукояти мертвой хваткой, и острое лезвие распороло пардуса от задних лап до самого горла; мускули-

стое, дергающееся тело сбило Солли с ног, он тотчас вскочил, замахиваясь...

Спешить было некуда. Ролло умер.

— У вас есть где спрятаться? — обернулся Солли к девушке.

Она молчала.

— Есть, — ответил за нее мальчик. Потом подумал и несмело добавил:

— Спасибо...

...Солли спрятал их в сарае, потом отнес туда же тело убитого им отца девушки — чтоб не уволокли в лес — и закидал всех троих сеном. Отец к утру должен был встать, как любой из Девятикратных, и, по мнению Солли, он вполне способен был сам позаботиться о своей семье.

А потом он со всеми шел через лес. Многие тащили на себе тела Девятикратных, для завтрашнего продолжения, но сам Солли двигался налегке, унося в памяти девушку Постоянных с карими глазами его матери... и мертвого Ролло на полу...

Они шли не оборачиваясь.

3

...Проснулся Солли уже вечером. Вайл неспешно обгладывала кость из его запасов, и, когда он пошевелился — все еще крупный темно-серый волк, — она вопросительно взглянула на него. Взгляд у зверей значил куда больше, чем могли представить себе Постоянные, а во взгляде Вайл было даже несколько смысловых слоев.

Если первый лежал на поверхности: «Ты не сердишься, что я ем твое мясо?», то второй уже улавливался гораздо сложнее и весьма приблизительно означал: «Сейчас ты, наверное, тоже поешь, и что мы будем делать дальше?... Может быть...»

Еще глубже лежала особая, звериная любовь, покорность и нечто, близкое к понятию «преклонение» или «обожествление»...

Солли смущенно поднялся, проворчав что-то вроде: «Ладно, ешь, а там видно будет...», и решил заняться делом. Становясь человеком, он обратил внимание, что волки, у которых он, сам того не желая, отбил Вайл, никуда не ушли.

Они были здесь. Рядом.

Волки ждали. Все было правильно. Он сильнее, к нему

ушла волчица, он поделился с ними добычей. Теперь он должен вести их. Он — вожак.

Это были уже не просто волки.

Это была стая.

Его стая.

Солли усмехнулся. «Стая — это неплохо, — подумал он. — В случае чего пять таких зверюг не помешают...»

Он неожиданно нахмурился и стал быстрее одеваться, попутно проверяя оружие. В момент изменения он почувствовал еще кое-что.

Кто-то шел за ним. Кто-то, настолько далекий, что лишь краешком сознания Солли сумел уловить опасность. Но она была. И медленно, но неуклонно приближалась.

Солли оделся и снова развел костер, на этот раз под прикрытием двух валунов, чтобы огонь нельзя было заметить издали.

Почти всю ночь он коптил мясо, оставив немного сырого для Вайл. Стаю он обеспечит завтра. Глаза волчицы двумя испуганными зелеными огоньками глядели на него из темноты, а еще одна россыпь огоньков говорила о том, что четверка тоже наблюдает за действиями своего странного вожака, портящего такое прекрасное мясо...

К утру он ненадолго позволил себе забыться сном под надежной охраной волков и Вайл, но вокруг все было спокойно.

Подозрительно спокойно...

...Вайл трусила рядом с ним, время от времени заглядывая снизу вверх в лицо своему господину, словно желая удостовериться, что он не превратился еще в кого-нибудь.

«Зачем тебе нужно это неправильное тело?! — взывал ее взгляд. — Падай на все четыре — и вперед!..»

Но Солли сейчас больше интересовал обзор, открывающийся с высоты человеческого роста. Он приступил к поискам. Даже Морн мог лишь приблизительно указать место, куда ушли Отцы, и Солли предстояло искать их самому. Дни? — или, может быть, месяцы?..

Не мог он себе позволить такую роскошь, как время. Дважды смутная опасность давала о себе знать — ближе, гораздо ближе, но все равно недостаточно близко, чтобы сказать о ней что-то определенное. Прояснилось лишь направление — явно со стороны пустыни.

Снова Мертвители?!

Гадать было бессмысленно. В любом случае надо искать Отцов.

...Уже сутки они упрямо лезли в гору. Вокруг заметно похолодало, но и волки, и сам Солли не обращали на погоду особого внимания. Постепенно стая привыкла к сменам облика вожака, тем более, что добычи хватало — утром они загнали косулю, а всякая мелкая живность буквально лезла под ноги. Холодный, кристально чистый воздух бодрил, поднимал настроение, и звериная часть Солли все больше проступала наружу, чему явно способствовало послушание волков. Ему было хорошо с Вайл, со своей стаей, ему нравилось дикое величие гор, и временами Солли стоило огромных усилий не забыть, зачем он здесь...

На третий день они наткнулись на заброшенный рудник. Волкам хотелось поскорее уйти отсюда, и Солли-волк был с ними абсолютно согласен, но Солли-человек с чисто человеческим любопытством полез вниз, в выработку, оставив стаю наверху.

Выработка была покинута много лет назад, быть может, даже много веков: найденные Солли лопата и две кирки проржавели до неузнаваемости, а их деревянные ручки сгнили почти полностью.

Здесь добывали олово. Он слышал это слово в Согде, когда ходил с Морном на Охоту и на площади горожане упоминали о брошенных оловянных рудниках — гордости и славе древнего Согда.

Кто и когда разрабатывал эти копи, и что заставило неведомых горняков прекратить работу — эти вопросы оставались без ответа. Здесь спала древняя тайна. Что-то произошло в Ра-Муаз, а может быть, и во всем мире несколько веков назад, и лишь смутные отголоски преданий да покинутый рудник напоминали о тех далеких событиях.

Морн кое-что рассказывал о золотом веке Согдийской империи, но и он многое попросту домысливал сам.

Начал накрапывать мелкий колючий дождик, и Солли решил выбираться отсюда — во всяком случае, Отцами здесь и не пахло.

Однако выбраться из огромного котлована оказалось не так-то просто: крутые стены, по одной из которых он легко съехал вниз, проявили дурной характер. Солли скользил по глине, быстро раскисавшей под дождем, за мокрые камни невозможно было ухватиться, и он никак не мог одолеть даже половины подъема ни в волчьем, ни в человеческом облике.

Обеспокоенные волки тоскливо завыли, страдая от бес-

силия, от невозможности помочь попавшему в ловушку вожаку; и Солли с трудом удержался от того, чтобы не присоединиться к ним.

Так, не будем терять самообладания... Это рудник. И руду увозили отсюда, в Согд или куда там еще — но не через эти же стены ее перетаскивали?!

Солли встал и медленно пошел по периметру. Вскоре он обнаружил узкий проход в толще скал, шириной всего в три-четыре локтя. Он быстро зашагал по нему и почти сразу же споткнулся о полузасыпанный землей человеческий скелет с проломленным черепом; чуть поодаль валялся еще один костяк, и еще...

Кто были эти люди? За что их убили?.. Сейчас эти вопросы мало занимали Солли. Он спешил выбраться из западни.

Вскоре он оказался снаружи и с облегчением вздохнул, поднимая голову к небу, серому, как плащ Мертвителя, подставляя лицо косым струям усиливающегося дождя...

СРЕЗ ПАМЯТИ
ХВАТАЙТЕ ПЕРЕВЕРТЫША!..

...Морн хмуро глядел на вернувшихся. Изменчивые не досчитались Ролло и еще одного пардуса — Хинса; остальные были целы, если не обращать внимания на мелкие раны и ссадины, уже почти затянувшиеся.

С собой они привели дюжины две Постоянных, среди них несколько женщин, детей и одного старика, но Морн, несмотря на молчаливое недовольство соплеменников, приказал всех отпустить, когда они встанут.

Солли избегал Тварьца: во-первых, он стыдился ночного побоища, во-вторых, был узкий меч и мертвый Ролло.

От мысли, что никто и никогда не узнает о преступлении, легче не становилось.

Целый день Солли бродил наедине со своей совестью, а вечером пришел к Морну и рассказал ему обо всем.

Морн долго молчал, и Солли весь закоченел в ожидании приговора. Потом Сын Большой Твари протянул к нему костлявую, но еще сильную руку — Солли лишь сжался, предчувствуя неизбежное, — но старик неожиданно мягко опустил ладонь на взъерошенную голову юноши и провел пальцами по спутанным волосам Солли, расправляя их.

— Ты стал взрослым, мальчик, — тихо сказал Морн. — Потому что нельзя быть зверее зверя...

— Но ведь и они, — встрепенулся Солли, — они...

— И среди них есть люди. И среди нас. Девять жизней, смена облика, лес, город — мало кто способен разглядеть за внешней мишурой человека. И я очень рад... Иди. О нашем разговоре никто не узнает. И никто не сможет решить за тебя — правильно ты поступил или нет. Иди. Сегодня у старого Морна удачный день...

...Назавтра Морн отдал мужчин-Девятикратных в руки возликовавших соплеменников, но женщин, детей и старика поручил заботам Солли и велел отвести их к опушке леса. Сперва Солли хотел завязать им всем глаза, но потом передумал, и правильно — сохранить ориентацию в тех дебрях, которыми они шли, мог только Изменчивый или...

Или Мертвитель высокого уровня.

Они старались не смотреть друг на друга и через две тысячи шагов внезапно остановились. Два знакомых пардуса выскользнули из чащи и загородили дорогу, принимая человеческий облик.

— Зачем ты ведешь это мясо дальше, Солли? — спокойно спросил один из них, глядя в упор на сопровождающего — и осекся, напоровшись на яростный взгляд голубых глаз.

— Мне поручено довести их до опушки живыми, — Солли сделал ударение на слове «живыми». — Ты понял меня, Тхинар?

Тхинар его понял. Более того, он понял, что если сопровождающий не вернется обратно, то ему, пардусу Тхинару, придется отвечать перед Морном...

Он все понял, и пардусы вновь растворились в чаще.

...Шли долго. Старик под конец начал отставать, и Солли хотел помочь ему, но тот немедленно вырвался, злобно бормоча и сверкая ненавидящими глазами из-под серых кустистых бровей, и заковылял со всей возможной скоростью...

Когда они добрались до опушки, уже начало темнеть, но Солли все же показалось, что он различает вдалеке, у частокола, знакомую хрупкую фигурку. Он вздрогнул, всматриваясь, — и из-за кустов к нему метнулись тени в серых плащах.

— Хватайте его! Хватайте Перевертыша! — истерически завизжала одна из женщин и попыталась вцепиться в Солли. Он оторвал от себя неловкие пальцы и нырнул в чащу. Две стрелы просвистели над головой, одна воткнулась в дерево совсем рядом — но где было Постоянным угнаться за волком?! Солли мчался по замершему в пред-

дверии ночи лесу, а в ушах его продолжал звенеть вопль той самой женщины, которую он провожал и за которую встал перед пардусом Тхинаром — таким же Изменчивым, как и он сам...

— Хватайте!.. Хватайте Перевертыша...

Он не утерпел. Через два дня он пробрался на то же место и, выглядывая из-за кустов, услышал совсем рядом тихий шорох. Солли резко обернулся, готовый защищаться или бежать...

Защищаться было не от кого. А бежать он не мог. Он стоял и смотрел, как закатное солнце просвечивает сквозь простое светло-зеленое платье, обрисовывая контур девичьей фигуры, смотрел на каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам, смотрел в карие глаза, лучившиеся радостью встречи...

— Меня зовут Солли, — хрипло произнес он. — Я — Изменчивый. Волк. А как зовут тебя?..

4

...К дождю Солли относился спокойно, как к досадному явлению, над которым он, к сожалению, не властен. Дождь не вызывал у него раздражения, и он мог долго брести под холодными пронизывающими иглами, хлюпая по грязи и оскальзываясь на мелких камнях.

Впрочем, он совсем не возражал против того, чтобы переждать этот каприз природы в более теплом и сухом месте. Поэтому, когда один из волков подбежал к нему и, призывно проскулив, позвал за собой — Солли сразу понял, что это может означать.

Волки явно знали или почуяли укрытие, где можно было бы пересидеть непогоду. Это случилось как нельзя кстати, и Солли, собрав всю свою амуницию, поспешил за Вайл и остальными серыми приятелями. Они молча бежали вперед, лавируя между валунами, взбираясь на уступы; плети ливня хлестали их, ероша насквозь промокшую шерсть, и Солли вздохнул с облегчением, когда они наконец добрались до цели.

Почти невидимый снаружи, заросший кустарником вход открыл им сухой полумрак пещеры; волки шумно отряхивались и ложились у входа, глядя на белесую пелену воды, скрывавшую оставшийся снаружи неуютный мир. Волосы и

одежда Солли тоже пропитались влагой, но, к счастью, в пещере валялось немало относительно сухих сучьев — и вскоре жаркие языки пламени бросили причудливый отблеск на стены пещеры, разгоняя застоявшийся древний сумрак...

Волки тоже потянулись к костру — путешествуя с новым вожаком, они быстро приучились не бояться огня и теперь с удовольствием подбирались поближе к теплу, чувствуя, как высыхает и распрямляется мокрая шерсть, как согреваются озябшие лапы... Какое им теперь дело до шумящего за пещерой надоедливого дождя? — им тепло и хорошо, они честно позаботились о своем вожаке, а он честно позаботился о них.

Солли стало клонить в сон. Он принял волчий облик, устало привалился к расслабленной Вайл и закрыл глаза. Если бы какой-нибудь путник заглянул в это время вглубь пещеры, то его глазам открылось бы прелюбопытнейшее зрелище: шесть волков, мирно спящих у весело потрескивающего костра...

СРЕЗ ПАМЯТИ
ЛАЙХАЛЛ КВОРРИ, ОТЕЦ ПОСТОЯННОЙ

...Ее звали Дорис. С ней он совсем потерял голову, и, наверное, это было заметно. Через две недели мать впервые после смерти отца улыбнулась и тихо спросила:

— Кто она?

На ответ мать явно не надеялась, поэтому он тоже улыбнулся и не ответил. Сложнее обстояло дело с молодой порывистой Вангой — волчицей, как и сам Солли — ходившей мрачнее тучи. Солли очень не хотелось обижать ее, тем более что, несмотря на встречи с Дорис, он понимал всю глубину пропасти между собой и Постоянной, а Ванга была своей, и Солли раньше был к ней неравнодушен — но все эти доводы ничуть не помогали.

И даже когда Ванга демонстративно, на глазах у Солли, скрылась в чаще вместе с Альдом — красивым черноволосым парнем чуть постарше Солли — Изменчивый промолчал. Несмотря на неопытность в делах сердечных, он не сомневался, что Ванга отнюдь не воспылала внезапной страстью к распухшему от гордости Альду. Тем более, раньше она всегда говорила, что недолюбливает красавчиков...

Солли деланно усмехнулся и поспешил на свидание с Дорис.

Девушка уже ждала его в условленном месте, и Солли с каждым разом становилось труднее сдерживать себя. Именно поэтому Изменчивым и запрещалось встречаться с Постоянными — когда страсть захлестывала сознание, они теряли контроль над собой, и зверь зачастую вырывался наружу... Многие после этого сходили с ума, убегали куда глаза глядят, кончали с собой — и Солли оставалось лишь изо всех сил сдерживать себя от...

И Дорис.

Но на этот раз невидимые ремни лопнули, и, окунаясь с головой в омут восхитительного безумия, ощущая под руками податливое, ждущее тело, захлебываясь чужой покорностью — он последними остатками воли вцепился в рвущегося наружу волка, а сладкий вихрь растворял в себе, и сознание меркло... но что-то еще оставалось в бездне по имени Солли, и когда он наконец очнулся в объятиях Дорис — он был человеком!..

Он смог.

Дорис медленно провела рукой по его мокрым волосам.

— Бедный мой, глупый волк... Ты думаешь, я не понимаю, чего тебе это стоило? Не бойся, не надо — даже если когда-нибудь ты не сможешь пересилить себя, со мной ничего не случится. Потому что я люблю тебя такого, какой ты есть...

...Когда они встретились в следующий раз, из-за дерева спустя минуту послышалось деликатное покашливание, и влюбленные мгновенно отпрянули друг от друга. Солли понимал, что это не может быть враг — враг не станет так долго кашлять перед нападением, если только это не очень простуженный враг, — но рука его непроизвольно потянулась к мечу.

Из-за дерева выступил мрачный коренастый мужчина с густой бородой, уже начавшей обильно седеть, и умными цепкими глазами. Одет он был, как и большинство поселенцев — добротно и просто, но серого плаща Мертвителей бородач не носил, хотя короткий тесак болтался на его наборном поясе.

Довольно долго гость изучал Солли, а Солли изучал его — он уже догадался, что это убитый и спасенный отец Дорис.

«Странное сочетание — убитый и спасенный, — подумал Солли, — но, тем не менее, дело обстоит именно так...»

Наконец человек, по всей видимости, удовлетворился осмотром.

— Я так и думал, — неизвестно почему пробормотал он и сделал шаг к Солли.

— Кворри. Лайхалл Кворри, отец Дорис.

И протянул Солли руку.

— Солли. Изменчивый. Клан волков, — чуть заметно усмехнулся Солли, пожимая протянутую ему жилистую руку.

При последних словах Лайхалл вздрогнул и бросил быстрый взгляд на руку Изменчивого, словно опасаясь, что она сейчас превратится в волчью лапу.

— Надо понимать, это ты и спас мою семью?

— Ну, в общем... да, — неохотно признался Солли. — И при этом забрал у тебя жизнь.

— А, ладно, — досадно поморщился бородач, — на мой век хватит... Дорис мне рассказывала, как дело было, да я, признаться, не поверил. Не слыхал раньше о таких Перевертышах... пока сам не убедился. Теперь верю. Несмотря на то, что вы у нас натворили... — и лицо его потемнело.

— Моя мать — калека, — отчетливо произнес Солли. — Мой отец убит. И не только мой...

— Извини, парень, — торопливо сказал Лайхалл. — Все мы друг друга стоим. Одна цена на всех...

Солли только кивнул.

— В общем, вижу, и среди вас... люди есть, — Лайхалл слегка запнулся на слове «люди». — Только нашим саларам этого не растолкуешь. Так что слушай и запоминай. Через три дня готовится большая облава на Перевертышей. Из восьми поселков всех Скользящих в сумерках созвали. А я так себе мыслю — пусть по лесу пошастают, не встретят никого и обратно вернутся. Ты как полагаешь?

— Полагаю, что не встретят, — улыбнулся Солли. — И даже почти уверен в этом. Лес — он такой, раз на раз не приходится...

— Сообразительный парень, — Кворри подмигнул дочери, и борода его расплылась в разные стороны. — Даром что волк. Ладно, не буду вам мешать, сам молодой был, когда тебя да малого делал...

Он повернулся, чтобы уйти, но немного задержался.

— А хорошо ты меня тогда рубанул, — усмехнулся Лайхалл Кворри, Девятикратный со странностями, — ничего не скажешь...

— Я в темноте вижу, — виновато развел руками Солли.

Предупреждение оказалось крайне своевременным. Правда, некоторые горячие головы, особенно из клана пардусов, предлагали устроить Мертвителям засаду. Их поддержал и Альд, но, слушая его, Солли давился от смеха: во-первых, он понимал, что последнее слово все равно останется за Морном, а во-вторых, под глазом у Альда красовался свежий синяк, что резко снижало впечатление от его пламенной речи.

Видимо, уединение с Вангой оказалось слишком бурным для Альда... да и результаты оставляли желать лучшего.

Облава провалилась. И на некоторое время наступило затишье...

5

...Солли проснулся от слабого дуновения ветерка и тревожно приподнял голову. Нет, показалось... Все спокойно. Костер уже догорел, но в пещере было по-прежнему тепло и сухо. Дождь, не умолкая, шумел у входа; волки проснулись и теперь бродили по пещере, от нечего делать обнюхивая все углы вынужденного убежища.

Снова потянуло ветром. Сквозняк шел из глубины пещеры — видимо, там должен был находиться еще один выход. Солли немного полежал, потом встал и направился в глубь укрытия, проворчав волкам приказ ждать его возвращения.

Обнаруженный ход постепенно сужался, вокруг становилось все темнее, из стен по капле сочилась вода, стекая в тонкие трещины наклонного пола, а Солли — волком — пробирался все дальше, с трудом различая дорогу перед собой.

Потом дышать стало легче, ход чуть расширился, посветлев; Солли поспешил сделать последние, как ему казалось, шаги — и застыл в недоумении.

Он стоял у входа в огромную пещеру. Колоссальный каменный зал, дальний конец которого терялся во мгле. Откуда-то сверху проникал слабый, неверный свет, и в рассеянной дымке проступали бесчисленные искрящиеся сосульки сталактитов, свисающие с потолка. А под многими из них стояли статуи...

Нет, не статуи! Люди!.. Они стояли, вернее сидели, здесь уже много веков, и падающие капли постепенно покрывали их сперва прозрачной и невидимой, а потом все более прочной коркой солевых отложений — и в конце концов человек превращался в статую...

Солли не знал, откуда ему это известно, но не сомневался, что именно так оно и было. Кто эти люди? Почему они добровольно ушли из жизни в вечное безмолвие пещер, превратившись в камень, в жуткие сталагмиты, которые когда-нибудь срастутся с породившими их сталактитами в монолитные колонны, внутри которых...

Солли инстинктивно принял человеческий облик и, осторожно ступая, благоговейно приблизился к одному из сидевших в зале. Опустившись на колени, он заглянул в глаза застывшему человеку-статуе. Человек внимательно смотрел на него сквозь каменную пленку, глаза в глаза, и прозрачная, призрачная грусть стояла в спокойном взгляде с *той* стороны.

И глаза эти были — живые!..

СРЕЗ ПАМЯТИ
ВОПРОС, СГОРЕВШИЙ У СТОЛБА

...Он не выдержал. Он захлебнулся в феерическом водовороте каштановых волос, в растянувшемся мгновении, когда двое становятся одним и плывут, плывут по бесконечной реке забвения, имя которой...

А когда он очнулся, то осознал, что Дорис, его Дорис, сжимает в объятиях волка!

Потом — уже человек — он лежал на земле лицом вниз, всхлипывая от стыда и ужаса, от того, что наконец произошло...

Как он мог, неблагодарное животное, зверь, зверь, зверь...

А Дорис тем временем гладила его по спине и шептала:

— Ну что ты, милый, успокойся, все в порядке, со мной ничего не случилось... ничего, ничего, все уже позади... Я понимаю, ты не мог, ну перестань, милый, не кори себя... ты не мог иначе...

И он дал уговорить себя.

А позднее, когда они уже прощались, неожиданно появился Лайхалл Кворри.

— Не помешал? — При этих словах он должен был улыбнуться, но не улыбнулся. — Слушай, парень, странные вещи в деревне творятся... Если это не ваших лап дело, то уж и не знаю, что подумать...

И Кворри рассказал.

Все, по его словам, началось с прошлых торгов в Согде. Сами торги прошли удачно, купцы Девятикратных верну-

лись довольные и при товаре — но один из них был бледен до полной прозрачности, и глаза его даже вроде начали светиться. О такой болезни никто и слыхом не слыхивал, только к ночи незадачливому купцу вдруг полегчало. Родные было обрадовались, решили — был сглаз, да весь вышел — а наутро у больного пошла трясучка, кожа его посерела и стала шелушиться, и когда в комнату заглянуло солнце, то больной забился в самый темный угол, и трое здоровенных мужиков не смогли выволочь его оттуда.

Знахарь сказал, что пропал человек, и к ночи больной действительно пропал — причем неизвестно куда. А вот сестра его с утра ощутила подобное недомогание. Видать, зараза перекинулась...

Купец так и не объявился, сестрица его померла через пару дней, а вот хворь дальше гулять пошла. И что странно — некоторых из покойничков видели потом... Бледные сами, глаза горят, а так вроде ничего — говорят, ходят, только домой не идут...

Не впервой Девятикратным после смерти вставать — но почему ночью? Утром же положено...

Сам Кворри поначалу посмеивался, да вот вчера к полуночи перебрал у соседа хмельного пива и домой направился...

...Деревня спала, луна высвечивала толстые бревна частокола, стены домов, изгороди... Сворачивая к дому, подвыпивший Лайхалл наткнулся на незнакомого человека в сером плаще салара, стоящего у чьей-то калитки. Человек улыбнулся и шагнул к Кворри, и тому показалось, что чего-то у человека не хватает. Потом Лайхалла качнуло, он ухватился за чужой подоконник, и взгляд его упал на землю у самых ног незнакомца.

— Слышь, парень, где ты тень свою потерял? — недоуменно спросил Кворри и начал стремительно, неумолимо трезветь. Человек по-прежнему шел к нему; он почти не двигал ногами, но тем не менее быстро приближался, словно скользя над поверхностью земли.

Лайхалл бросился бежать, а по ночной улице за ним гнался гигантский черный кот с красными углями зрачков, скалясь в неизменной усмешке, и над котом реял серый плащ Скользящего в сумерках!..

Потом кот остановился — это Кворри уже видел из окна своего дома, куда он влетел, задыхаясь и хватаясь одновременно за засов и топор, — тело зверя потекло струйками голубоватого тумана, и лишь неясное облачко, словно пар от дыхания в морозную ночь, метнулось вверх по лунному лучу...

Солли медленно покачал головой.

— У Изменчивых есть тени, Лайхалл, и глаза пардуса отсвечивают зеленым, а не красным... Но самое главное — ни один из нас ни за что не наденет серый плащ Мертвителя!..

Возвращаясь обратно, Солли впервые услышал Зов.

Вначале он увидел волков. Их было семеро, и они бежали через лес, никуда не сворачивая и глядя перед собой невидящими, остановившимися глазами.

Кто-то вел их. Некоторые из Изменчивых умели нечто подобное, но на такую стаю не хватило бы даже Морна.

Словно холодное, сырое дуновение ветерка пронзило Солли насквозь, и он услышал сам Зов — сперва невнятный, вкрадчивый шепот, который разрастался, подавлял волю, заставлял идти, бежать, спешить...

И Солли неуверенно свернул с тропы в чащу. Он успел пробежать совсем немного, когда впереди, между деревьями, возник сгусток мрака, глядящий в ночь двумя голодными алыми огоньками — и Солли впервые за всю его жизнь стало по-настоящему страшно. То, что звало его — разве это можно убить мечом, разорвать клыками, растоптать?! Это уже было мертвым...

Он встал во весь человеческий рост — и Зов внезапно ослаб, утратив непоколебимую уверенность. Так значит, лишь звериное начало послушно тебе, оживший кошмар горячечных снов?! Так значит...

Голос звучал в мозгу Солли, Голос того самого мертвого существа, которое взывало к нему:

— Подойди! Подойди ко мне!.. Не все ли тебе равно: мертв я или жив, если мне открыта Вечность?.. Подойди, и я отворю тебе Дверь, и ты станешь таким же, войдешь в сонм избранных, и...

Солли ринулся прочь, с треском ломая кусты — но Голос, затихая, все звучал у него в голове, и Солли готов был поклясться, что это голос пропавшего во время набега на селение Девятикратных пардуса Хинса...

В тот вечер он не успел рассказать о случившемся Морну.

А потом...

— Что случилось, Лайхалл?

— Они узнали, что Дорис встречается с Перевертышем. Мне удалось тайно вывести ее из поселка, но обратно ей

дороги нет. Разве что для ступенчатой казни, до последнего ухода...

— Но наши... что я скажу им?..

— Значит, построите дом и будете жить отдельно! Или мне надо учить тебя, как должен вести себя мужчина?!

— Хорошо. Ты прав. Извини меня, Лайхалл... А как же ты?

— Как-нибудь...

— Морн, это Дорис. Постоянная. Она поселится в моем доме.

— Да. Так и будет. И если мое слово еще что-нибудь значит, тебе не придется защищать ее.

— А если...

— Если в деревне и найдется такая тварь, что захочет преступить мое слово, она вовремя вспомнит, что я — Сын Большой Твари.

...Многие в деревне смотрели на них косо, но особых неприятностей, благодаря Морну, не возникло. Мать Солли давно подозревала, к кому бегает ее сын, и приняла Дорис спокойно, хотя и подчеркнуто сдержанно. Дорис оказалась отличной хозяйкой; она тут же заставила недовольного Солли подлатать крышу и привести в порядок кладовку, да и готовила она ничуть не хуже матери Солли. Вскоре холодок в отношениях между женщинами пропал, они словно забыли — кто они, и Солли был очень рад этому.

На удивление мирно прошли и его объяснения с Вангой. Та даже подружилась с Дорис, и они вместе мастерили нехитрые самодельные украшения и без умолку болтали, посвящая друг друга во все интимные подробности Изменчивых и Девятикратных.

Солли просто глазам своим не верил, глядя на эту парочку, и идея многоженства уже не казалась ему такой отвратительной.

Но сон скоро кончился. Сначала из их деревни исчезли бесследно двое волков, потом одна из косуль и пардус. А еще через день в кустах нашли умирающего пардуса Орхасса, в человеческом обличье и со следами клыков на шее. Орхасс был страшно бледен, в сознание не приходил и дышал еле-еле. К ночи ему неожиданно полегчало — и Солли вспомнил слова Лайхалла Кворри.

И зовущий голос пропавшего Хинса.

Он отвел Морна в сторону и рассказал ему все. Тварец размышлял недолго. Он приказал привязать Орхасса к столбу посреди деревни и не спускать с него глаз.

Слова Тварьца вызвали всеобщее недоумение. Мать Орхасса чуть не бросилась на него, но наткнулась на ледяной, немигающий взгляд и, заплакав, отошла в сторону. Морн был непреклонен, и всю ночь он, Солли и еще трое Изменчивых просидели на площади у столба.

Порой им казалось, что очертания Орхасса начинают расплываться, словно он собирался сменить облик, но ничего не происходило. К тому же Орхасс все никак не умирал, хотя ему давно пора было испустить дух.

Но когда первые лучи солнца упали на деревню, существо у столба издало страшный — не человеческий и не звериный — вопль. И все увидели серое шелушащееся лицо, слезящиеся воспаленные глаза, скрюченные пальцы и вздернутую верхнюю губу. Это создание не было прежним Орхассом, оно не было ни зверем, ни человеком, и кожа его под солнечным светом шипела и обугливалась, открывая бурые язвы. Оно билось у столба, силясь разорвать веревки, но солнце поднималось все выше, и вскоре с тем, кто некогда носил имя Орхасс, было покончено.

Теперь они знали... Но этого знания было недостаточно.

...Через неделю Солли покинул деревню. Он шел к Отцам, неся вопросы. То, что он слышал и видел, было страшнее всех Постоянных, вместе взятых.

Страшнее Мертвителей.

Он привык балансировать между жизнью и смертью. Но это была Смерть в чистом виде.

Солли шел задавать вопросы.

6

...Он не выдержал и в изнеможении упал на холодный каменный пол. Солли чувствовал, что в те считанные мгновения, пока он стоял на коленях и глядел в глаза сталагмита... Все, что он знал, видел или слышал, все, чем мучился и над чем задумывался: пустыня Карх-Руфи, Мертвители и Морн, Дорис и Ванга, мать и кричащий Орхасс у столба — все завертелось в ревущем водовороте, выплеснувшись пенным гребнем, и рухнуло во внимательную пропасть чужого взгляда.

Он только не знал — можно ли считать, что он все-таки задал вопрос, вопрос ли это и удастся ли дождаться от-

вета?.. Почему-то он понимал, что поиски закончились. Во всяком случае, некий отрезок поисков. Закончился случайным переходом, три локтя шириной...

Начиналось ожидание.

Солли вернулся в покинутую им пещеру, оставив за собой молчащую колоннаду людей-сталагмитов, сдержанно принял восторги Вайл и волков; он ощущал гнетущую усталость.

Усталость и опустошенность.

Солли сел, прислонившись спиной к стене пещеры, прикрыл глаза и неожиданно ему почудилось, что он снова идет — идет через незнакомые гудящие, пряно пахнущие джунгли, и вопросы по-прежнему жгут ему гортань, а впереди высятся равнодушные остроги Ра-Муаз, только не на западе, а на востоке; и тех трех жизней, что у него еще осталось, может не хватить на последние, самые важные шаги... а за его плечами бьется серый плащ, схваченный у горла тусклой застежкой.

Плащ Скользящего в сумерках...

КНИГА ВТОРАЯ

СКАЗАНИЕ О ВИДЕВШИХ РАССВЕТ

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!..

Н. Гумилев

С точки зрения небосвода, горбатого, как самый быстроногий верблюд породы гейри, все было в полном порядке. Собственно, горбатым небо считалось лишь по прихоти людей, а на самом деле оно просто выгибалось над вершинами Ра-Муаз, чтобы седой Сивас и могучий Ырташ не продырявили небу его нежное голубое брюхо, а люди...

Людям только бы языки чесать!..

Ох уж эти человечки!.. Небо никак не могло понять, чем же они все-таки отличаются друг от друга, да еще настолько, чтобы из-за этого стоило так долго выяснять отношения и посылать проклятия в адрес неба — словно оно

виновато в человеческой бестолковости. А сказки?! Это же не сказки, это плод больной фантазии, и если через тысячу лет какая-нибудь сумасшедшая мать рискнет рассказать такое своему детищу...

Кто-кто, а уж небо твердо знало, что оно никогда не вступало в брак ни с землей, ни с морем, ни с кем-нибудь еще; более того, оно вовсе не рожало никаких детей, да еще столь жутких и огромных, как наивно полагали тешащие свое воображение люди; небо вообще никого не рожало, кроме дождя, а о том, чтобы подняться на его бирюзовую равнину или, тем более, спуститься оттуда — об этом вообще не могло быть и речи!..

Небо решило сочинить сказку. О людях. В отместку... Оставалось лишь найти время и место действия. Со временем у неба не было никаких хлопот, а место, кажется, объявилось само собой. Северо-восток Ра-Муаз с его заброшенными рудниками — это, конечно, отнюдь не пуп земли, но почему-то именно здесь сходились предполагаемые дороги, и дорог этих было на удивление много.

Путь лохматого парня в окружении стаи молодых волков, путь нескольких упрямых людей в серых плащах, мертвой хваткой вцепившихся в след того самого парня и бредущих по нему через раскаленные пески Карх-Руфи; дорога хмурого мужчины в таком же плаще, только идущего через перевалы совсем с другой стороны, в сопровождении удава и странного человека без возраста — человека? — раздумавшего умирать среди дорогих его сердцу скелетов древних ящеров...

В последнем случае небо не до конца было уверено, кто именно идет и в чьем сопровождении, но за этой троицей через хребет Ырташа двигались то гибкий дикарь с гордой злобой во взгляде и худенькая девушка, то крупная матерая пума-самец и совершенно неуместная рядом с хищником крохотная грациозная лань... но смена облика не меняла ожесточенности глаз...

Дороги должны были сойтись! — они не могли, не имели права на самовольные изгибы, эти дороги, ведущие и выводящие...

Небо внимательно сощурилось — и над миром настали сумерки...

ТЕНЬ ТРЕТЬЯ

Бог, Зверь, Человек.
Даймон, Пустотник, Меченый Зверем

1

Сигурд так не понял до конца, зачем Пустотнику Даймону понадобилось тащить их с Зу через заснеженные перевалы Ырташа. Сам Даймон шел уверенно, явно неплохо разбираясь в здешних тропках и ледниках; и его утверждения о том, что не позднее третьего дня они доберутся до Пенат Вечных, не будили в саларе прежнего трепета и благоговения.

После Кладбища Больших Тварей Сигурд прекрасно понимал, что и Пенаты Вечных наверняка окажутся совершенно не такими, какими их представлял себе пылкий и наивный салар Ярроу. Иногда он вспоминал, что в иерархии Скользящих в сумерках видеть Пенаты дозволялось лишь наставникам высшего уровня, Сыновьям Богов — то есть тем Девятикратным, у кого осталась всего одна жизнь — и это наводило Сигурда на невеселые размышления.

Но Даймон категорически заявил, что лишь в присутствии Отцов Девятикратных он согласится говорить о прошлом, потому что сам он знает лишь одну сторону этого прошлого — свою, личную сторону! — а им потребуются все остальные стороны, иначе он, Даймон, не надеется на появление мало-мальски разумного ответа. И если такое положение вещей не устраивает любопытного путешественника Сигурда Ярроу, то Пустотник Даймон отнесет его вместе со змеей в Пенаты Вечных на собственных плечах, потому что он, Даймон, уже совсем было собрался умирать, а после всего рассказанного Сигурдом, умирать ему страшно и совершенно некогда.

Вот так-то...

Ерничанье Даймона лишний раз убедило Ярроу в серьезности происходящего. За время пути он все же сумел приглядеться к Пустотнику и почувствовать, что за вечной иронической маской на деле прячется умная и грустная личность. А там, за личностью, за человеком, в неизмеримой глубине ворочалась и порыкивала Большая Тварь, рвущаяся на свободу из мертвой хватки стальной воли...

Сигурд по-прежнему боялся заглядывать в эту живую пустоту, но первая дымка опаски и удивления успела раз-

веяться, и временами Скользящий в сумерках начинал задумываться: что же он все-таки знает о своем проводнике?

Маленький. Тощий. Чуть сутулый. На правой руке не хватает мизинца, отчего ладонь кажется неестественно узкой... чрезмерно высокий лоб с крутыми залысинами, выступающие скулы и широкий рот, часто растягивающийся в улыбке до самых ушей...

И глаза... Печальные, строгие глаза, резко контрастирующие с остальными чертами лица, все время норовящими разбежаться в разные стороны.

Почему же тогда, в первый раз, он не мог рассмотреть Даймона, как ни старался? Темно было? Или просто сам Пустотник не захотел?..

Тогда не хотел — а сейчас? А завтра?..

Время от времени Даймон останавливался, садился на что попало и долго смотрел в одну точку — совсем как наставник Фарамарз после посещения Пенат Вечных — лоб его покрывался мелкими бусинками пота, и руки начинали дрожать. Лицо Даймона в эти моменты становилось чудовищно похожим на череп Зверя в ущелье, и Сигурд старался отходить подальше и заниматься чем-то отвлекающим; а Зу ложился у ног Пустотника и со странным вниманием смотрел в каменный немигающий взгляд. Что-то видел удав, что-то чудилось ему в глубине чужих зрачков — нечто притягательное, забытое, темное...

Сигурд ни на секунду не сомневался, что в бою удав скорее разорвется пополам, чем предаст Скользящего в сумерках, но здесь крылось иное, древнее чувство большой змеи, непонятное салару, но тем не менее вызывающее уважение...

А потом Пустотник Даймон вставал, вытирая пот, бросал в сторону Ярроу какую-нибудь малозначительную реплику, и они шли, брели, ползли дальше... Дважды Даймон перетаскивал Зу через ледники на своих плечах, и оба раза Сигурд с суеверным страхом смотрел на сухощавую фигуру, даже не горбящуюся под страшной тяжестью. А через час Пустотник неожиданно спотыкался, и салар буквально тащил его на себе — пока впереди не возникала трещина, или провал, или что-то еще, вновь возвращавшее к жизни прежнего Даймона...

Когда они перевалили на ту сторону, Сигурд стал иногда замечать за собой, что его воспоминания о прошлых годах жизни начинают тонуть в сыром промозглом тумане. Временами всплывало то нахмуренное лицо Фарамарза, то крыльцо дома в Вайнганге, то пятнистый силуэт Оркней-

ской лани или холм на могиле Тварьца Эхиона — но сосредоточиться на них с каждым шагом становилось все труднее. Спускаясь вниз по юго-восточному склону Ырташа, он словно все глубже погружался в некую атмосферу забвения и безразличного спокойствия, царившую здесь. Когда он спросил об этом у Даймона, тот лишь грустно усмехнулся и сказал всего два слова:

— Пенаты Вечных...

— Тогда почему они не действуют на тебя? — спросил Сигурд.

— Ты же их потомок, а не я...

После этого разговора Даймон долго молчал, идя впереди и не оборачиваясь.

Но одно Сигурд помнил ясно — смех мертвой Калорры. Смех, холодную невидимую ладонь у себя на щеке и тело Брайана Ойглы, сползавшее по забору; и женщину, становящуюся туманом.

Эта память гнала его вперед, как слепни гонят обезумевшую лошадь.

Уже вторые сутки они спускались вниз, и жидкая растительность обещала вскоре перейти в более серьезную поросль, а там...

2

Зу охотился. Сейчас он остался единственным добытчиком, поскольку Даймона скрутил особенно сильный приступ, и Сигурд делал вид, что поглощен упаковыванием вьюка, а сам с тревогой поглядывал в сторону неподвижного Пустотника, белого, как снега Ра-Муаз.

Собственно, сами слова — *Сигурд*, *Даймон* — не имели для ловчего удава никакого значения. Он их даже никогда не слышал по причине природной глуховатости. Зато он прекрасно ощущал любую вибрацию, и поступь салара или кашель Даймона Зу не спутал бы с шагами и сотрясением грудной клетки никого другого.

Зу мыслил образами — и даже не мыслил, а переживал, чувствовал, ощущал; и при взгляде на Пустотника в плоской голове змеи сразу вставал яркий осенний лес, сброшенная старая кожа и он сам — еще маленький змееныш — застывший перед всем великолепием тугих колец патриарха пресмыкающихся, лениво скользящего мимо...

Образ другого, Скользящего в сумерках — того, единственного, отличного от всех — нельзя было описать изве-

стными человеку словами, но этот образ удав мог утратить лишь вместе с жизнью.

Своей собственной, долгой, но от этого не менее ценной. Ценной — и все же...

А сейчас Зу охотился. Сам он уже давно успел насытиться: местная живность, похоже, никогда не сталкивалась со змеями его породы, а здешние чешуйчатые пигмеи были даже не ядовиты — но борясь с сонливостью набитого желудка, он понимал, что должен приволочь к месту их стоянки мясо. Другой еды Зу не представлял — разве что яйца, но где их найдешь в таком количестве...

Мясо как раз сидело перед ним, завороженно глядя в стеклянные глаза Зу, и тихо дрожало ушами. Мяса было немного, но для начала сойдет... Зу собрал и распустил свое длинное тело, обвитое вокруг корявого ствола, хвост его коснулся земли — и тут произошло непредвиденное.

Серый зверь, отдаленно напоминавший мелкорослых собак Вайнганги, выскочил на поляну, часто дыша и поводя боками; потом взгляд его равнодушно скользнул по удаву, слившемуся со стволом, упал на парализованное трясущееся мясо...

Первые секунды Зу просто не мог оправиться от потрясения, а наглый зверь уже успел приступить к трапезе и даже сожрать изрядную толику чужой добычи. Потом удав приоткрыл пасть, узкий язычок мелькнул между мощными челюстями — если бы Зу умел улыбаться, можно было бы сказать, что он улыбнулся— и события стали развиваться со стремительностью... да, именно со стремительностью атакующей змеи.

В какой-то степени такая редкая наглость заслуживала некоторого поощрения, и Зу ударил не в половину, и даже не в четверть полной силы. Но этого оказалось достаточно, чтобы серый мародер взвыл и отлетел на три-четыре шага, подавившись ворованной добычей. Затем зверь — Зу попросту не обратил внимания, что перед ним самка — попытался подняться на ноги, снова упал; и в это мгновение кусты затрещали, выпуская на поляну еще четверых таких же зверей, и ничего хорошего ждать от них явно не приходилось.

Зу отпустил ствол, спускаясь на землю, и его голова вознеслась над опорными кольцами на всю высоту боевого уровня. Грозное шипение расплавленной лавой потекло по притихшей поляне; сбитая самка замерла и тихонько заскулила.

Волки обошли удава облавным полукругом и присели на задние лапы, глухо ворча.

...Предательская тишина обманула Сигурда. Только что он слышал шипение Зу, идя на знакомый звук, и вот — тишина... Так, налево, еще раз налево, и через вон тот колючий кустарник...

Они вышли одновременно. Сигурд успел сделать лишь шаг по направлению к Зу, когда между рычащими волками появился высокий юноша в короткой кожаной куртке и немедленно кинулся к лежащей на земле волчице. Он упал на колени, поднимая голову зверя, отирая розовую пену с полуоткрытой пасти, потом юноша запрокинул голову к небу, и из человеческого рта вырвался тоскливый и протяжный волчий вой.

Стая ощетинилась и злобно подхватила вой — но с совершенно другими интонациями.

«Перевертыш, — подумал Сигурд, и сам удивился своему равнодушию. — Перевертыш с мечом за поясом. И меч-то, похоже, саларский...»

Сигурду не хотелось убивать. Здесь — не хотелось.

Дома это была работа и долг. Дома он знал — за что. А здесь не знал...

«Плохой из меня салар, — еще успел подумать Сигурд, — думаю много...»

В следующую секунду юноша посмотрел в его сторону, заметил серый плащ и бросился вперед, выхватывая меч.

Волки не двигались. Зу ждал. Поединок между вожаками — дело святое. А удав... удав следил за волками, не доверяя этим странным собакам.

Сигурд ощутил привычную тяжесть дареного Фарамарзом клинка, затем глянул на выставленную далеко вперед руку противника и понял — поединка не будет.

А убивать ему не хотелось. Пойми, наставник...

...Солли впору было плакать от бессилия. За его спиной молчала стая и извивался гигантская тварь из горячечных снов; за его спиной жалобно поскуливала искалеченная Вайл, а перед ним возвышался ненавистный Мертвитель, и в глазах убийцы мерещились Солли насмешливые огоньки...

Трижды бросался он на врага, и трижды меч, взвизгнув, вырывался из его руки, а сам Изменчивый, не удержавшись на ногах, постыдно шлепался на землю. В четвертый раз Солли даже не стал подниматься. Он сидел, скорчившись от презрения к самому себе, и слезящимися глазами следил, как Мертвитель медленно вкладывает свой меч в нож-

ны, поворачиваясь к Солли спиной, и делает бесконечно долгий шаг к зарослям.

И еще один шаг.

Слезы высохли сами собой. Солли бесшумно вскочил, и рука его сдвинула отворот куртки, привычно сжимая ребристую рукоять метательного ножа. Изменчивый чуть присел, замахиваясь — и Мертвитель неожиданно обернулся, сведя густые брови в одну черную полосу, отчего задохнувшийся Солли вспомнил его лицо.

Это было лицо из странного сна. Сна, наступившего после посещения зала живых сталагмитов. И серый плащ колыхнулся в плотном воздухе, превращаясь в туман, обволакивая нож, не давая смерти вырваться из пальцев...

Похоже, Мертвитель испытывал нечто подобное. Он замер, вглядываясь в застывшего Солли; джунгли Вайнганги ощупывали взглядом Шайнхольмский лес, и Время послушно стояло в стороне, но долго стоять оно не могло, и, вздохнув, Время двинулось дальше...

— Не смей, Зу!.. Не смей!!!

Солли уже катился по земле, выпустив нож, а Сигурд вцепился в разъяренного Зу, не давая ему заключить крупного волка в свои смертельные объятия; через секунду Солли свирепо рычал на своих волков, прижимая уши и скалясь страшной пастью, а волки все норовили вцепиться в дергающийся хвост Зу, и еще некоторое время дикая какофония рычания, воплей и шипения царила над поляной, распугав все зверье на добрую милю кругом...

Когда звери немного успокоились, Сигурд подошел к слабо ворчащей Вайл, умело ощупал ее бок, затем размотал свой широкий и длинный пояс и стал туго бинтовать туловище волчицы. Вайл один раз попыталась укусить руку салара, но тот лишь похлопал ее по морде и продолжал накладывать повязку.

— Откуда ты знаешь, как лечить волков? — хрипло спросил Солли. И закашлялся.

Сигурд почти все понял, разве что произношение было более гортанным, чем даже у южан Калорры, и многие слова имели плавающее, меняющееся ударение...

— Я не знаю, как лечить волков. Я знаю, как бьет мой удав. У нее сломаны два ребра...

Обиженный Зу подполз к стае, вытянулся во всю длину и презрительная волна пробежала по его упругому телу.

Волки с уважением посмотрели на этот сплошной хвост

длиной почти в три волка, если третьей поставить Вайл, и один их них склонил голову набок.

Зу счел это вполне удовлетворительным началом, если не считать того, что охота была совершенно испорчена...

3

...Пришедший в себя Даймон долго смотрел на Солли, словно пытаясь высмотреть в Изменчивом нечто, известное только ему; потом вздохнул, наморщил лоб и повернулся к Сигурду.

— Когда я оставил тебя на ночь в ущелье... — Даймон запнулся и спустя мгновение продолжил: — Тебе не привиделось чего-нибудь такого... этакого?..

— Да.

Ярроу все разглядывал свои ладони, словно видя их впервые.

— Боги милостивы к вам, мальчики...

Даймон весь как-то сморщился, сгорбился и стал ужасно старым, но старым по-человечески, а не так, как это случалось у него перед приступами.

— Боги милостивы к вам... Если и уходящие за ответом примутся рвать глотки друг другу, то уж и не знаю... Железный век, железный, ржавый... О боги, боги, которых нет, что за глупая шутка?!.

Сигурд задохнулся от последних слов Пустотника, словно оставленный в Вайнганге Фарамарз на миг встал перед саларом; перед восторженным мальчиком в сером плаще с серебряной застежкой... И опять живой Брайан задавал вопросы со слезами в ломающемся голосе подростка...

— О боги, боги, которых нет...

— Как нет? — перебил его Сигурд. — А ты?

— А эти?.. — вмешался Солли. — Эти, статуи в рудниках... Отцы...

— Ну разве что я, — невесело рассмеялся Пустотник Даймон. — И эти... Как ты их назвал, парень? Статуи? А провести туда сможешь?..

Солли заколебался, недоверчиво глядя на Пустотника, и внезапно сделал в воздухе странный жест: будто две окружности перечеркнул крест-накрест. Даймон мгновенно отвернулся, словно движение Солли обожгло ему глаза; контуры фигуры Пустотника дрогнули, становясь зыбкими... но почти сразу же Даймон стал прежним Даймоном.

Он резко шагнул вперед и влепил Солли здоровенную оплеуху.

— Проведу, — сказал Солли, счастливо улыбаясь и потирая вспухшую щеку. — Морн говорил на прощанье: если отвернется, не выдержит, — значит, Отец. Наш Отец... Перед уходом и знак показал. Проведу...

— Умен твой Морн... Считай, что это я тебя по-отечески и... А знак — забудь. Совсем. Навсегда. Не успел бы отвернуться — конец всем вам. Злой конец, страшный, даром что вы у меня орлы... Знак Больших Тварей только мы, Меченые Зверем, помним. Да еще сыновьям передали. Пусть умрет знак вместе с нами... не тебе такое тащить, парень... А дорогу в Пенаты Вечных я и сам помню, не забыл еще. Там, так сказать, всем семейством, и говорить станем...

Даймон подхватил вьюк и быстро зашагал вперед. У остальных просто не оставалось времени на размышления.

Вайл идти не могла, и Солли с Сигурдом несли ее по очереди. Когда волчица переходила в руки Ярроу, она неизменно рычала, но укусить больше не пыталась. Солли лишь качал головой, глядя на легкую, размеренную походку Скользящего в сумерках, и про себя благодарил судьбу за то, что среди Мертвителей Шайнхольмских поселений не было таких... таких саларов.

Зу полз чуть позади стаи, и волки бежали быстрее обычного, нервно оглядываясь на предательскую рябь травы...

...Звери остались снаружи, а остальные — Солли и Сигурд, не сговариваясь, прибавили мысленно слово «люди» — остальные люди вошли в пещеру и по узкому переходу в скальной породе спустились в зал живых сталагмитов.

— Вот они, Пенаты Вечных, — шепнул Даймон остановившемуся у порога Сигурду, и шепот его был отчетливо слышен в тишине, которая, словно пыль, копилась здесь множество веков.

— Смотри на своих Отцов, потомок бессмертных, сын бесов, смотри на предков Девятикратных и склонись не перед догматом веры, но перед мужеством ушедших — сумевших уйти, когда Вечность держит за горло и уйти нельзя, да и некуда... смотри, салар, смотри, и не закрывай глаз, как не закрывают их они — Отцы, боги, бесы, Вечные... такие же, как и все, только гораздо более несчастливые, потому что цели нет, и храм жизни пуст и заброшен... Смотри на Время, капающее с потолка и обволакивающее тех, кто был со Временем на «ты», и окаменел в паутине мгновений... смотри...

Сигурд не сразу понял, что Даймон уже давно молчит, но тихий грустный голос продолжает звучать в мозгу Девятикратного; и он не знает, чей это голос, и голос ли это...

— Спускайся вниз, мальчик, сын, потомок — мужчина и воин — спускайся вниз, взыскующий ответа, и коснись великой памяти Отцов ножом своего сознания, открывая кровь и плоть ушедшего, входя в то, что было, входя в души Видевших рассвет.... ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят, ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья... входи...

Солли вздрогнул, когда Сигурд Ярроу двинулся вперед, с уверенностью сомнамбулы скользя между неподвижными фигурами, под каплями природной клепсидры, выбирая тот сталагмит, который был для него сейчас единственно необходим. Солли вздрогнул, и ладонь Пустотника настойчиво подтолкнула Изменчивого вперед.

— Иди за ним. Он знает, что делает...

И Солли спускался вниз, шел между статуями, растворяясь в терпкой глубине окаменевшей жизни и скорбной Вечности; он садился рядом с Девятикратным, точно повторяя его позу, а потом взгляд Солли встретился с живым, трепетным взглядом человека внутри колонны, и Время послушно встало за спиной сидящих, распахивая свой серый плащ...

СРЕЗ ПАМЯТИ
КАЛОРРА. ПОВОД К НАБЕГУ

— В Согде восстание бессмертных!..

Словно огромная скала не выдержала тяжести собственного веса и рухнула в Сперхейский залив, вздымая крутые волны слухов и домыслов, неумолимо разбегающихся во все концы Согдийской империи и дальше, дальше...

Скребли бороды и переглядывались крестьяне Окхироэ и Шайнхольма, брызгали слюной купцы на заморских базарах Фиссии; замелькали между барханами Карх-Руфи клетчатые тюрбаны смуглокожих гонцов, и племена Бану стали задумываться над необходимостью платить дань; и наконец мутный вал, гудящий сотнями наречий, разбился о хребты Ра-Муаз, но брызги его успели долететь до деревень земледельцев, а там и до самой могучей Калорры, испокон веков косящейся в сторону богатого Согда хищным прищуренным взглядом...

Давненько уже снились Вершителям Калорры знамени-

тые Медные ворота гордого Согда, послушно распахнутые перед островерхими шлемами и кривыми саблями конных орд каллов; как снятся юношам прекраснейшие женщины, распахнувшие объятья только для них... Но, наверное, удовлетворились бы властелины мелкими набегами на нищие племена пустыни — окраинных вассалов Согда, когда б не донесения слухачей, засланных в столицу согдийцев еще при прошлых династиях...

Ну почему боги и демоны не выбрали для своего пришествия Калорру, где им воздвигали бы пышные храмы и четырнадцатилетние девственницы служили бы бессмертным?! Почему они явились в надменный Согд, где гордыня Совета Порченых жрецов — высших иерархов империи — низвела богов, прозванных бесами, до уровня парий, достойных лишь кирки рудничного раба или манежа гладиаторских поединков? ! А демоны Пустотники покорно превратились в надсмотрщиков за бесами, и всех, похоже, устраивало такое противоестественное положение вещей... всех, но не Вершителей Калорры.

Пять династий сменилось на кованом троне каллов, пять девизов правления ушли в небытие, а Вершители ждали, наследникам передавая мечту о далеких воротах и опаску перед чужими бессмертными богами, которые развлекают на аренах вопящих зрителей, кичащихся своим человеческим Правом на смерть... Передавали, ждали, надеялись — и вот...

— В Согде восстание бессмертных!..

...Третий день войска шли через Калорру. Шли тяжеловооруженные латники юга, шли лесные братья из Оркнейских чащоб со своими луками в рост человека; шли копейщики Муаз-Тая, шли мерным шагом белые иноходцы с лугов Арродхи, несущие своих горбоносых седоков, страшных в стремительном обвале атаки; шли, ехали, везли осадные орудия и тараны... А впереди армад летела молва о героях, вышедших на защиту несчастных бессмертных, стонущих под пятой сыновей мрака и их Порченых жрецов, забывших о вере и чести. Доколе богам терпеть поругание? И уж коли сами они не выдержали, то святой долг армии Калорры...

Ведь не о богатствах же Согда вещать молве на все четыре стороны? — не о низменном... хотя и гораздо более близком к истинному назначению похода...

...Широкоплечий воин с длинными вислыми усами поднял к себе в седло девочку, стоящую рядом с матерью в толпе зевак.

— Расти скорей, ясноглазая! — весело крикнул он,

улыбаясь ребенку, подхватывая девочку на руки и щекоча ее усами. — Когда я буду господином над черномазыми рабами, а боги вернутся к себе на небо, — я приеду за тобой! Мне тогда понадобятся сильные, здоровые сыновья, много сыновей!.. Хочешь родить воина, ясноглазая?

— Не хочу, — серьезно ответила девочка. — Воина — не хочу. Хочу — бога.

Всадник поперхнулся, натянуто усмехнувшись, и передал ребенка матери. Потом он перехватил поводья и тронулся дальше.

Стоявший в толпе рядом с женщиной человек — мужчина лет тридцати в пыльном заношенном халате — покачал головой и стал выбираться из давки. Он пришел в Калорру месяца два назад и теперь работал подручным у кузнеца-оружейника. Кузнец нахвалиться не мог на нового подмастерья, и лишь одно смущало мастера: у молодого мускулистого молотобойца был тусклый взгляд древнего старика. Да еще дважды кузнец замечал краем глаза, как забывшийся подмастерье положил ладонь на раскаленную заготовку и отдернул руку лишь тогда, когда увидел изумленный взгляд хозяина. Надо ли говорить, что с рукой ничего не произошло?..

Кузнец не знал, что его новый подручный — беглый раб с согдийских оловянных рудников.

Бессмертный. А если короче — бес.

4

...Мир стал блекнуть, распадаться; и внезапно все исчезло. Смолк перестук копыт и лязг доспехов, угас блеск солнца и отсвет его на чешуйчатых шишаках, и лишь лицо беса, стоявшего некогда в толпе зевак Калорры, продолжало глядеть на Солли и Сигурда из глубины сталагмита.

Лишь оно напоминало о случившемся.

— Это было? — спросил Сигурд у подошедшего Даймона.

— Это — было.

— Это было давно? — спросил Солли.

— Это было давно.

Больше вопросов не было.

Следующим утром они не сразу пошли в зал. Солли заново перетянул Вайл разбитый бок и дал напиться, а волчица лизнула ему ладонь и искательно заглянула в лицо —

но превращаться в присутствии Сигурда Солли... нет, не боялся — стеснялся, что ли... Ярроу, латавший в углу износившуюся тунику, поднялся и с удивившей его самого деликатностью вышел из пещеры. На свежий воздух.

Там он некоторое время повозился с Зу, на которого неожиданно напало игривое настроение, потом салар несколько запыхался и отправил разогревшегося удава за провизией.

Волки подошли ближе, с интересом наблюдая за борьбой человека и змеи, и когда Зу уполз в кусты, стая с некоторым колебанием последовала за ним. Общение с Изменчивым приучило волков меньше обращать внимание на внешний облик и больше ценить практическую пользу. А охотничьи качества Зу они оценили весьма высоко, проверив их в прямом смысле слова на собственной шкуре.

Сигурд решил, что они не будут испытывать особой нужды в продовольствии, при таких-то заготовителях, и еще некоторое время сидел на поднадоевшем ему свежем воздухе, переваривая последние впечатления, пока Солли не показался у входа, давая понять о возможности вернуться обратно.

Они обменялись несколькими малозначащими репликами, натаскали кучу хвороста поближе к пещере, потом Сигурд с полчаса учил Солли технике «скользящей кисти», пока Изменчивый не понял тех приемов, которыми он был обезоружен при первой встрече, и лишь к обеду они зашли под каменные своды, встреченные ворчанием покинутой и недовольной Вайл.

Кусок мяса из остатков привел волчицу в более приемлемое расположение духа, а еще через час заявились волки, подгоняемые бдительным Зу, который тщательно следил за перекинутыми через их спины тушами трех косуль, не давая носильщикам откусить даже кусочек.

Солли с некоторой завистью наблюдал за этой компанией, а потом одна косуля была оставлена для стаи и отнесена подальше; часть филе Сигурд нарезал крупными кусками — для Зу, а остальное мясо они коптили до самого вечера, и лишь тогда спустились в Пенаты Вечных.

Даймон был там. Он находился в дальнем конце зала, бродя между статуями и время от времени останавливаясь и бормоча что-то себе под нос. Солли хотел было задержаться и рассмотреть Пенаты поподробнее, но Сигурд снова впал в свое тихое опьянение, и Солли спешно последовал за ним.

Ярроу на этот раз долго блуждал среди сталагмитов, по-

том резко остановился и опустился на колени. Солли сел рядом и вгляделся в чернобородое лицо с крупным горбатым носом и выпуклыми белками глаз. Он еще успел разглядеть плечи — более мощных плеч ему не доводилось видеть — закованного в броню камня беса, толстую короткую шею...

Больше он не успел рассмотреть ничего.

СРЕЗ ПАМЯТИ
СОГД. ПРАВА ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ

...Волны гуляли по гладиаторским казармам — волны нервного возбуждения и нетерпеливого ожидания — и казармы гудели, словно растревоженное осиное гнездо. Только жили здесь не осы — здесь жили бесы. Поэтому у каждой «осы» имелось жало. А иногда два или три — блестящие, отточенные, смертоносные...

Там, за стенами, знали это. И прекрасно понимали, что произойдет, если между восставшими бессмертными гладиаторами и упрямым Советом Порченых жрецов не будет достигнуто соглашения... Не спасут тогда город ни Пауки со своими сетями и веревками, ни гвардия, сверкающая золотом шлемов, ни...

И тем не менее, Паучья центурия окружила казармы, рассыпавшись в полной боевой готовности; и центурион Анхиз с забинтованной головой и бледным, несмотря на жару, лицом стоял напротив ворот, замерев в сосредоточенной неподвижности.

Он ждал. Ждали Пауки. Ждали притаившиеся в переулках гвардейцы. Ждал весь Согд.

Город ждал — а во дворце Порченых жрецов уже который день шли переговоры...

Собственно, эта гнетущая атмосфера неопределенности висела над Согдом уже вторую неделю, и все это время Пауки, сменяя друг друга, дежурили вокруг казарм, молча пропуская некоторых из бесов, поодиночке выходящих в город. И провизию в казармы поставляли исправно — причем куда лучшего качества, чем обычно. А бесы маялись от безделья и неизвестности, и несколько раз порывались уже идти на улицы — «устроить им всеобщую Реализацию» — и каждый раз Кастору и еще двум-трем гладиаторам с трудом удавалось остановить озверевшую Вечность.

Кастор, самый старый из бесов, надломленный, вечно сонный старик Кастор с телом юного атлета — он вдруг

снова ожил! Словно слетела с его могучих плеч тяжесть бессмысленных веков; и не сквозила больше в глазах Кастора серая пустота Безвременья. Казалось, он успевает повсюду, находясь одновременно в десятке мест, успокаивая крикунов, распределяя продукты, проверяя посты...

Кастор знал, что делать. Надо было ждать. Как ни смешно для бессмертного тянуть время, но... К тому же это было опасно — кипящий котел под названием «казармы» готов был взорваться в любую минуту, затопив Согд яростью и безумием — но Кастор чувствовал, что Порченые не выдержат первыми.

И жрецы не выдержали. Волны злобы и страстного желания убивать перехлестывали через стены казарм, и бледные Пауки крепче сжимали свои снасти — но не уходили; и пятились в переулках гвардейцы, и роптали на площадях трясущиеся горожане... дескать, Право — Правом, но ведь если *эти* вырвутся — все, конец...

Порченые поняли. Если не бесы — свободные граждане не выдержат напряжения и штурмом возьмут дворец.

Нет, они не боялись смерти. Они даже жизни не боялись — ни тех, коротких жизней, шумящих на площади; ни той, бесконечной жизни, что ждала в восставших казармах... Но жрецы знали, что будет потом — хаос, кровь, конец с таким трудом поддерживаемой цивилизации...

Последним доводом послужили сведения с северо-западной границы. Армия Калорры неожиданно вторглась в пределы Согдийской империи, захватывая копи и рудники и быстро продвигаясь вперед.

Времени на раздумья больше не оставалось.

И к концу недели Медонт Гуриец, Отец Свободных, Порченый жрец пятого поколения, постучался в ворота гладиаторских казарм.

Бес Кастор дождался своего часа.

...Переговоры вновь затягивались. Порченые, несмотря на нараставшее волнение за окнами, которое ощущалось почти физически, старались сохранить лицо и на уступки шли неохотно, со множеством оговорок, пытаясь хоть как-то спасти устанавливавшийся веками и такой привычный порядок.

Так было все хорошо... Вот смертные люди, свободные граждане с их неотъемлемым Правом на смерть, вот Совет Порченых жрецов — элита и мозг общества; вот бесы, не способные даже умереть — пыль рудничная, грязь манежная... вот Пустотники, с которых все и началось, демоны в человеческом обличье — но незаменимые для контроля над бессмертными... и вот на тебе...

Сидевший в углу Пустотник участия в переговорах не принимал, только молча наблюдал за всем этим действом, время от времени расплываясь в широкой плотоядной ухмылке. Чему он радовался, и радовался ли он вообще — этого никто понять не мог.

Кастор внимательно выслушивал доводы надменных оппонентов, изредка вежливо, но твердо возражал, а потом потребовал перо и бумагу.

И пока продолжал говорить сгорбленный и высохший Брат Ушедших, Эвпид из Зама, — Кастор писал. К концу речи Эвпида бес отложил перо и встал:

— Вот наши требования...

Бес говорил тихо и внятно, и голос его был отчетливо слышен каждому, разносясь в наступившей вдруг тишине.

— Мы не просим многого, хотя могли бы. Вечность приучила нас к сдержанности. Но если вы не подпишете — ворота казарм откроются.

Читайте — и подписывайте.

...Они читали молча, иногда с трудом разбирая почерк бессмертного — и лишь Ктерий Бротолойгос, Отец Вещей, тихо шептал текст ультиматума на ухо сидевшему во главе стола неестественно прямому человеку с впалыми глазами. Это был Мердис Фреод, Пастырь Греха. Он был слеп. От рождения. Как и все Пастыри Греха до него.

Потом, когда чтение закончилось, и отзвучал тихий шепот Бротолойгоса, над столом воцарилось молчание. Новое молчание. Выжидающее.

Кастор и два сопровождающих беса безмятежно поглядывали по сторонам. Им некуда было спешить. Время работало на них — у людей же его почти не оставалось.

Первым нарушил молчание Архелай Тисский, Отец Строений:

— Да. Я подпишу это. Рушатся основы прежнего мира, но другого пути я не вижу.

— Да, это так. Иначе придет Хаос, — медленно кивнул Ктерий Бротолойгос.

— Да, — коротко и тяжело упало слово Эвпида.

— Нет, — слово Медонта было еще тяжелее. — Подписав, мы ниспровергаем весь Кодекс Веры, и Хаос все равно придет в пределы некогда великого Согда. Пусть не сейчас. Через сто лет. Через пятьсот. Но это не имеет значения. Я против.

Тишина. Слепой Мердис выдержал паузу.

— Да, Хаос придет, — прозвучал его бесстрастный голос, и пустые незрячие глаза Пастыря Греха открылись. —

Но это будет чужой, завтрашний Хаос. Я не возьму на себя сегодняшнюю кровь тех, кому безразличны грядущие сумерки мира. Я — подпишу.

... — Участие в войне с Калоррой... создание пограничных поселений для бесов... да, это нас устраивает. Мы в свою очередь согласны.

И Кастор взял перо.

— Бедные могучие воины Калорры, — со скрипучим смешком произнес из угла Пустотник. Это были его первые слова за все время переговоров, и тон сказанного неприятно резанул слух собравшихся. — Им придется плохо. Очень плохо. Пять сотен бессмертных, да еще с многовековым опытом боя на аренах — это страшно. И если перед ними встанет целая армия — это будет еще страшнее...

— У Согда тоже есть армия, — сухо заметил Медонт.

— Есть. Но она будет стоять и смотреть. Если ей позволят смотреть... Потому что все будет гораздо хуже, чем вы можете предположить. Потому что бесы пойдут вторыми.

Тишина. Снова вопрошающая, чужая тишина.

— Первыми пойдем мы, Пустотники. И хотя мы смертны, даже бесы сходят с ума от поединка с нами.

Пустотник искоса посмотрел на Кастора, и бес неожиданно для себя самого выдержал стеклянный, немигающий, стоячий взгляд.

Кастор помнил, с чего все началось. Когда Большая Тварь, в которую превратился окружной Пустотник, растоптала их школьного учителя — ланисту Харона, растоптала на арене под вопли зрителей; когда самому Кастору хватило одной пощечины Большой Твари, чтобы превратиться в трясущийся студень — лишь припадочный бес Марцелл, на которого смотрели косо даже его собратья по вечности, сумел завалить Зверя...

Только потом этот непредсказуемый бес Марцелл скрылся в неизвестном направлении, и бесы шептались, что Марцелл утащил раненого Пустотника в полумифический Зал Ржавой подписи; но мало ли о чем шепталась пыль манежная?..

Кастор был практиком. И поэтому он дал Марцеллу уйти, поставив казармы на пути Паучьей центурии, специализировавшейся на поимке беглых бесов. Поставил — и держал, держал до тех пор, пока Порченые жрецы не поняли глубины пропасти, открывшейся при бунте бессмертных...

... — Первыми пойдем мы — Пустотники.

— Но почему? — не удержался Архелай.

— Потому что мы в ответе за всех вас, — тихо и очень серьезно ответил Пустотник.

Он больше не улыбался.

К вечеру был оглашен приказ: бесам давались равные со всеми гражданами права. Кроме одного, главного права — Права на смерть.

Его бесам не мог дать никто.

Ну а в остальном... не будет больше бессмертных бойцов на аренах цирков, не будет бессмертных рабов в оловянных и прочих рудниках, а беглым бесам объявлялась амнистия — отныне все они являлись полноправными гражданами Согдийской империи.

Столичные горожане поначалу ворчали: где, мол, это видано, чтобы бесы, без Права — и Свободные?.. что же это такое-перетакое... Ворчали — и все равно вздохнули с облегчением.

А бесы уже готовились к выступлению навстречу кальльским армадам.

Наконец-то у них было Дело...

5

«Это — было?» — подумал Сигурд Ярроу, Постоянный, Скользящий в сумерках.

«Это — было?» — подумал Солли из Шайнхольма, Изменчивый, Перевертыш.

И оба ответили сами себе:

«Да. Нам не понять многого, но нам дано знать. Это — было».

...Солли проснулся от острого ощущения опасности. Он коротко заворчал, загривок вздыбился серым подлеском, и пасть волка приоткрылась, обнажая влажный жемчуг клыков. Воздух горчил, сырость проникала в легкие, и вообще все было не так, как надо.

«Мертвители... — мелькнуло в мозгу Изменчивого. — Рядом...»

Сигурд уже стоял у выхода из пещеры, держа руку на полуобнаженном мече, и напряженно всматривался в предрассветный сумрак.

В повадке салара мгновенно пробилось что-то хищное, впитанное с молоком матери и невытравляемое никаким опытом и обстоятельствами.

— Перевертыши, — не оборачиваясь, бросил Ярроу. — Близко...

Стаи и Зу в пещере не было. Даже Вайл куда-то делась, а о Даймоне нечего было и говорить — Пустотник почти не покидал Пенат Вечных, пропадая там с утра до ночи...

И вдруг все успокоилось. Исчез горький привкус беды, унялась дрожь листьев, ветер перестал жарко дышать в затылок; и пещера больше не казалась западней, а стала, чем и была, — пристанищем.

Не сговариваясь, Постоянный и Изменчивый шагнули наружу, окунувшись в сонное предчувствие восхода, и мгновенно перешли на бег — ровную, размашистую рысь волка и мягчайшую, ритмичную поступь Скользящего в сумерках. Вдвоем, вместе, они неслись в умирающей ночи, в немыслимом для этого мира сочетании, сливаясь с ним и друг с другом; и когда Солли резко свернул в сторону от привычной тропы — салар последовал за ним, не задумываясь.

Солли почуял свою стаю. Сигурд услышал начало гона. Волки подняли какого-то зверя и теперь умело вели его к водопою, где добычу уже ждал невидимый и неумолимый Зу. Бросок, удар — и обвал стаи захлестывал сбитую с ног жертву. Потом волки отходили от тела, возбужденно рыча и косясь на свивающего свои петли удава. Это был их новый, но входящий в привычку ритуал. Зу подползал к жертве, долго раскачивался над ней и лишь после этого разрешал волкам уносить добычу к пещере.

Но сейчас... Сейчас что-то было не так.

Солли внезапно остановился как вкопанный. Остановился и сменил облик. Сигурд отвернулся. Он не любил смотреть на момент перехода: в памяти сразу всплывали учения в школе саларов, Вайнганга и многое другое из его лесной жизни, о чем Ярроу предпочел бы теперь вспоминать пореже.

Солли не двигался. У ног его набухал от росы серый широкий плащ, разодранный надвое и почти неразличимый в рассветных сумерках — но Изменчивый не мог ошибиться. Чуть поодаль, вцепившись в сломанный меч, скорчился худой человек в короткой тунике, открывавшей жилистые ноги в шрамах. Голова убитого была неестественно вывернута, и спину прочерчивали страшные борозды от кривых когтей.

— Это Мертвитель, — хрипло сказал Солли, забыв о том, кто сейчас стоит рядом с ним самим. — Они шли за мной еще по пустыне...

Он присел и всмотрелся в подсыхающие раны.

— Странные когти... У пардуса не такие... Да и не водятся они здесь, пардусы-то...

— Это Перевертыш, — Сигурд шагнул к кривому, чахлому стволу дерева раус. — Пума-Перевертыш. Я уходил от них через Муаз-Тай. Думал — отстанут, Даймона побоятся... Они...

Сигурд осекся. Остановился. И долго молчал.

— Нет, не они. Он. Гляди, Солли...

Два тела настолько переплелись в яростном, смертельном объятии, что было трудно понять, кто из них — салар, а кто — Перевертыш. Им самим, во всяком случае, это было уже безразлично. Сигурд осторожно высвободил левую руку убитого салара, разорвал рукав...

Потом проделал то же самое с его напарником.

— Все, — отрывисто сказал Ярроу. — Все браслеты. Чистого неба вам, уходящие в последний раз... И тебе чистого неба, гордый вождь Оркнейских лесов, несущий свою ненависть, подобно знамени... Тварец Эхион был мудр — ты был горд. Но, увы, оба вы — были...

— Этот Изменчивый шел не один, — перебил его Солли, опускаясь на корточки. — С ним шла женщина. Мертвители подкрались и схватили его женщину — и тогда он бросился на них из-за кустов. А женщина убежала.

Солли коснулся пальцами влажной, мягкой земли.

— Но это не могла быть его женщина, чтобы за нее стоило умирать. Они ведь различных кланов. Вот...

И Сигурд наконец увидел маленький след острого копыта.

— Оркнейская лань...

Торжествующий вой колыхнул зыбкие вершины Ра-Муаз, и Ярроу понял, кого гнала их стая через предутренний туман.

...А волки так и не смогли понять, почему добычу нельзя есть, а надо зарывать в землю, да еще так глубоко, что это никак нельзя было считать запасами.

За входом пещеры просыпался ставший неестественно безопасным лес, и Солли казалось, что нечто умерло в нем — нечто прошлое, щемящее и бесконечно ценное. Что-то умерло и что-то рождалось.

Восходило солнце.

— Горящий Орхасс у столба, — пробормотал Солли.

— Мертвый Ойгла на улицах Калорры, — эхом отозвался Сигурд.

Память звала уходящих за ответом.

И они нырнули в переход, ведущий к залу живых сталагмитов.

Прошлое ждало их. Прошлое было у них впереди. И они окунулись в каменное море ушедшего времени.

Чтобы настоящее когда-нибудь смогло стать прошлым.

СРЕЗ ПАМЯТИ
БИТВА У СИФСКИХ ИСТОЧНИКОВ

...Калоррианцы быстро и весьма успешно продвигались вперед, не встречая на своем победоносном пути серьезного сопротивления — полки Согда были поспешно стянуты к столице, вплоть до легкой конницы племен Бану, и границы оказались оголенными. Армады Калорры мгновенно поглотили несколько рудников, казавшихся непривычно и неприятно вымершими — куда делись бесы-рабы, никто так и не сумел понять — сожгли с полдюжины горных пограничных селений и, пополнив запасы воды и продовольствия, двинулись дальше — через пески Карх-Руфи, через оазисы Сарз и Уфр, по Большому Масличному перегону... дальше, дальше...

Они рвались на восток, к Согду — столице империи, колоссу на глиняных ногах; к тучным степным пастбищам и пахотным землям, рассчитывая сбросить противника в ленивые глубокие воды Тессийского моря. Слухи о восстании бессмертных полностью подтвердились, и трусливым согдийцам сейчас, скорее всего, было не до вторжения.

Разве что бесы — восставшие, далекие и неправдоподобно легендарные — те самые бесы... Ну что ж, кем бы они ни были, они наверняка поддержат завоевателей, ниспровергших столь ненавистный им Согд. И тогда давнишний спор цивилизованного одряхлевшего Согда и юной варварской Калорры закончится раз и навсегда!..

...Пятитысячная армия уверенно шла через пустыню, ведомая купленными проводниками, из которых последний куда-то исчез позапрошлым утром — шла, оставляя за собой насколько хватало глаз огромную полосу взрытого, разметанного песка — вот так же горячий ветер разметет скоро прах тех, кто еще недавно грозил восточным рубежам

Калорры, каждый раз отшвыривая доблестных каллов через перевалы Ра-Муаз...

Они уже почти дошли до Сифских источников, откуда до Согда оставалось не более четырех дней пути, когда из-за барханов навстречу передовым отрядам вышли люди. Человек пятьдесят, все в одинаковых блестящих плащах и без оружия.

Эта странная процессия на миг замедлила свое неспешное движение и продолжила идти к калоррианцам.

Ехавший впереди отряда телохранителей военачальник Симад Арродхский с презрительной улыбкой взирал на жалкую горстку обреченных. Ради них не стоило даже разворачивать головной полк в боевые порядки. Симад распорядился взять этих олухов живыми, затем допросить с пристрастием и по мере приближения к источникам — повесить на деревьях (что?.. ах да, пустыня... ну, в оазисах-то обязаны быть деревья!), повесить всех, кроме тех, кто согласится стать проводниками.

Однако глупые смертники в дурацких плащах не стали интересоваться потребностью Симада в проводниках. Они вообще ничем не интересовались, а им самим проводники были явно не нужны.

Когда до передового отряда каллорианцев оставалось не более тридцати шагов, приближающиеся безумцы перешли на бег, очертания их фигур заколебались, потекли — и дальше началось страшное.

Никто не успел рассмотреть, как выглядели те чудовищные твари, которые с низким громовым ревом буквально вгрызлись в мгновенно смешавшийся строй. А те несчастные, кто все-таки сумел их рассмотреть, уже ничего не могли рассказать — от клыков и когтей чудовищ не спасали даже знаменитые кольчатые нагрудники, а взмахи хилых на вид передних лап отрывали людям головы вместе со шлемами. Ревущий кровавый водоворот смерти стремительно расширялся, поглотив уже весь передовой отряд, и с изумлением и ужасом взирал Симад на разорванные в клочья тела своих личных телохранителей, павших на багровый слипшийся песок.

Пока воины опомнились и в их воспаленном сознании возникло понимание, что твари так же смертны, как и люди — многие были растерзаны, и страх несся впереди ожившего кошмара, скрежеща чешуей и глядя в глаза самых смелых стоячими омутами бесстрастных змеиных глаз. Симад Арродхский судорожно пришпорил своего жеребца, выхватывая кривой меч, но жеребец взвился на дыбы, под-

пруга лопнула, и последним, что успел увидеть в этой жизни гордый военачальник, была ухмыляющаяся пасть с острым частоколом белоснежных клыков...

Обезумевшие воины — несколько десятков несчастных, оставшихся от авангарда — в панике попытались было спастись бегством, но на их пути уже ощетинился копьями железный вал панцирной пехоты — ветеранов, поседевших в сражениях и разучившихся отступать. Фаланга смела трусов, и на бесновавшихся в чаду побоища ящеров двинулась живая стена сверкающих на солнце отточенных наконечников длиной в добрых полтора локтя...

И вот тогда из-за барханов снова вышли люди.

Вышли толпой, нестройной цепью, мгновенно переходя на какую-то завораживающе неспешную рысь. Их было больше, чем тварей, но тоже бесконечно мало перед приходившим в себя воинством.

Около пяти сотен почти голых, мускулистых парней, вооруженных пестро и каждый на свой лад: мечи, топоры, цепи с гирьками, трезубцы, короткие копья... оружие ближнего боя.

Фаланга уже набирала разбег для своего страшного удара, когда эти обнаженные дьяволы в одно растянувшееся мгновение сумели миновать ящеров и врезаться в непробиваемый, казалось бы, строй латников — и вот уже они с криками прыгают на плечи копейщиков, взбегают по древкам, проламывая панцири и шлемы, а то и просто попутно сворачивая шеи голыми руками...

Первые линии фаланги рассыпались, подобно множеству песчинок под одним единственным порывом ветра; ящеры рвали воинов, уцелевших после атаки голых варваров, но судьба одиночек никого больше не интересовала — потому что очередная шеренга воинов внезапно упала на колено, смыкая щиты, и из-за их спин в упор ударил залп гудящих стрел лесных братьев из Оркнейских зарослей. Ударил, и в считанные секунды все было кончено. Ни один из обнаженных смертников Согда не успел подойти к копейщикам средних рядов вплотную.

И вновь фаланга двинулась вперед, топча трупы своих и чужих, и их копья готовы были вонзиться в оскаленные пасти чудовищ — но шум и крики позади остановили воинов. Многие обернулись, и в ужасе увидели, как расстрелянные и растоптанные атлеты спокойно поднимаются с песка, подбирая свое оружие, и направляются к замершему строю.

Визг разорвал раскаленный воздух песков Карх-Руфи,

пронзительный истеричный визг несколько сотен глоток, еще недавно рычавших в упоении боя:

— Бессмертные! Бессмертные боги! Нас обманули!.. Ни боги, ни демоны не хотят, чтобы мы шли в Согд!.. Горе тебе, обманутая Калорра! Горе детям твоим!..

Паника взметнула над распавшимся войском свистящие черные крылья — и калоррианцы побежали, бросая оружие и предоставляя богам и демонам самим выяснять свои сложные отношения с надменными гражданами Согда... Они бежали, и тут с трех сторон на толпу, в которую превратилась армия Калорры, ударили подошедшие из-за барханов согдийские полки.

Через сто лет сказители — от лугов Арродхи до окраин Сай-Кхона — будут петь песни о Сифском побоище. Но ни тем, кто сумел уйти из мясорубки, ни тем более оставшимся там навсегда — всем им было не до грядущих легенд.

А в легендах все выглядело гораздо красивее и почти совсем не страшно...

...Когда победоносная армия Согда возвратилась в столицу, оставив на границе защитные кордоны, вместе с воинами в город вернулись бесы и уцелевшие Пустотники.

И вместе с ними вернулось смутное время. Победа-победой, но теперь по улицам бродили не рабы, не парии, а свободные и равноправные граждане-бесы — молодые, здоровые, красивые, при хороших деньгах, все чаще заговаривающие с молодыми женщинами всех сословий... — и жители Согда, все еще цеплявшиеся за пошатнувшийся Кодекс Веры, постепенно начали в глубине души осознавать свою изначальную ущербность, отчего их неприязнь к бессмертным только усилилась.

Через два месяца состоялись переговоры с Вершителями Калорры, в которых со стороны Согда участвовали Ктерий Бротолойгос, Медонт, Кастор и двое Пустотников, одного из которых ни жрецы, ни Кастор почему-то никогда раньше не видели. Но Пустотник есть Пустотник, и значит, так было нужно.

Это действительно оказалось нужно, потому что когда Вершители заупрямились и не захотели соглашаться на весьма умеренную (по мнению Медонта и Кастора) контрибуцию, то второй Пустотник молча обвел всех присутствующих тяжелым взглядом, потом остановил его на Вершителях... и те тихо подписали все, что от них требовалось.

За время переговоров этот Пустотник так и не произнес ни одного слова...

Еще через месяц бесы начали готовиться к отъезду: согласно договору, они должны были основать вдоль границы ряд поселений, отдававшихся им в наследственное владение, и само существование подобных форпостов должно было отбить у каллов любое желание попытать военного счастья еще раз.

И не только у каллов — часть бесов уезжала на восточные и северо-восточные рубежи. Мало ли...

Несколько согдийских женщин — прозванных «бесовками» — добровольно согласились последовать за избранными бесами, но таких нашлось отнюдь не много, и экс-гладиаторы все тянули с отъездом, страшась многолетнего, если не многовекового, одиночества.

И в этот самый момент внезапно объявилась средняя дочь покойного Архонта — куда-то пропавшая совсем недавно лар Леда Согдийская — объявилась и публично заявила, что намерена ехать на границу вместе со спасителем империи бесом Кастором.

Скандал получился огромный. Аристократы-женщины негодовали, аристократы-мужчины ревновали; жрецы, и в особенности Отец Свободных Медонт, были вне себя, но буква закона в данном случае никак не нарушалась, и строптивая девица преспокойно укатила с сияющим Кастором — помолодевшим лет эдак на пятьсот — заодно прихватив всех своих слуг и часть вассалов их семейства.

Мода есть мода, и через пару дней бесы стали уезжать, увозя с собой двух, а то и трех жен; отцы запирали дочерей, мужья подозрительно косились на верных супруг — но все равно свободные гражданки великого Согда мечтательно вздыхали, провожая томным взглядом бронзовокожего атлета.

Бессмертного.

Беса?

Бога?

Какая разница?.. Начало было положено.

6

... — Ладно, Даймон, — Сигурд запнулся, пытаясь поделикатнее сформулировать свою мысль. — Я все понимаю... История есть история. Тем более что это история нашего мира, а мы, как выяснилось, пробавлялись легендами... Но все-таки это дело прошлое, а мы хотим знать: где ответ на *наш* вопрос? Наш с Солли?!.

Пустотник внимательно выслушал Скользящего в сумерках, потом бросил взгляд за его спину, где бесшумно возник крупный темно-серый волк — Изменчивый тоже ждал ответа.

— Это и есть ответ, — медленно и тихо проговорил Даймон. — Или это и есть вопрос — твой, мой, их... То, что хотим узнать мы с вами — это лишь часть большого, бесконечного Вопроса, имя которому — Жизнь. И Смерть. Так сказать, Его Величество Вопрос... Даже самые светлые в мире умы не смогли разогнать окружающей тьмы; рассказали нам несколько сказочек на ночь и отправились, мудрые, спать... как и мы... Смотрите, мальчики, смотрите, спрашивайте — всему свой черед. Если срубить одну ветвь, то на ее месте вырастет дюжина других. Но рассмотрев ствол, проследив за корнями, можно выкорчевать дерево целиком, чтобы оно не сумело возродиться снова.

Идите — смотрите, слушайте, внимайте. Живите чужими жизнями, потому что скоро нам придется жить своими — а они были и будут ничуть не лучше того, что вы успели увидеть или увидите в дальнейшем. Так что радуйтесь передышке и живите — сегодня и сейчас. Спрашивайте, мальчики, спрашивайте...

Они поняли. Сегодня и сейчас. И «вчера» тоже когда-то было «сегодня и сейчас».

И лишь потом стало — вчера.

СРЕЗ ПАМЯТИ
ЦЕЛЛИЯ. РОЖДЕНИЕ ДЕВЯТИКРАТНОГО

...Крики роженицы, смягченные стенами дома, а также плотно закрытыми дверьми и окнами, были тем не менее отчетливо слышны во дворе и даже на улице, вызывая живейший интерес у нескольких старушек из прислуги, увлеченно обсуждавших происходящее.

— Не разродится, — со знанием дела заявила кухарка Деметра, поправив узел чепца под тройным подбородком. — У них, у аристократов, завсегда так... не тех статей...

Ее собеседницы — высохшая, крохотная знахарка Юки-Онна и ткачиха Фисса с неестественно крупными ступнями и ладонями — переглянулись между собой, затем скосились на пышный бюст краснолицей Деметры и согласно закивали головами. Польщенная кухарка порылась в карманах,

извлекая оттуда пригоршню жареных косточек плодов дерева раус и щедро одарила приятельниц.

— Говорят, корень ойлоххо помогает. — У Юки-Онны были не по возрасту крепкие зубы, и шелуха от разгрызенных косточек мгновенно усыпала землю у ее ног.

— Заварить с нужными травками и пить по ущербным лунам... и бабка чтоб была хорошая, рукастая — размять там или потянуть, где надо...

Фисса все поглаживала свои опухшие пальцы, и голос ткачихи был такой же опухший, бесформенный, тягучий.

— Слыхали, бабы, — повитуху из самого Согда выписывали... на верблюдах везли, как благородную... ба-альшие деньги плачены...

И Фисса сочно причмокнула губами, словно пробуя на вкус те самые «ба-альшие деньги».

В конце улицы взвилась пыль, и из душного облака вылетел смуглый юноша в белом бурнусе, горяча норовистого трехлетка. Он резко осадил коня у скамеечки, где сидели женщины, и те закашлялись, ворча и отплевываясь.

— Хай, ящерицы! — добродушно заорал наездник, вертясь в седле, словно ему под шаровары засунули полосатую горную осу. — Когда гулять станем?! Дому опора нужна, господину Кастору наследник нужен, веселому Бану Утбе праздник нужен! Сколько можно праздник рожать?! Делать — быстро, почему рожать долго?!

— Айя, бешеный... — замахала руками Юки-Онна, пересаживаясь подальше от пляшущей лошади. — Тебя, видно, делали быстро, а рожали и того быстрее... Ума не сделали, сердца не сделали, один ветер между ушами... Госпожа Леда не от ваших кочевников-верходуев дитя носит, от самого господина Кастора! Думаешь, легко богу сына родить?

— Не знаю, не доводилось! — расхохотался Утба, подпрыгивая и хлопая в ладоши. — В набег ходил, женщин любил, коней объезжал — рожать не успел пока... Постарею — к вам приду, старухи... Учиться!..

Он свесился вниз и лукаво подмигнул недовольной Деметре:

— Скажи, кухарка: если соль и сахар вместе смешать — что получится?! Лар Леда — наша, земных кровей, господин Кастор — бес, ему Вечность улыбалась... Дите каким получится? Чего больше — соли или сахару?

Старухи переглянулись. Вопрос Утбы вскрыл причину, по которой они вот уже пятый час сидели у дома Кастора. И вся Целлия мучилась той же проблемой, шепчась по углам, ероша волосы, пожимая плечами...

Целлия была третья в линии поселений Муаз-Тая, и основал ее лично бес Кастор с тремя своими братьями по манежу. Первоначально он назвал поселок Марцеллией — в память сгинувшего в поисках Зала Ржавой Подписи беса Марцелла — но через два года в поселок набилось столько разноязычных искателей счастья и приключений, что название само собой урезалось до короткого и легкого в произношении — Целлия.

Беглецы из Согда и Калорры, на удивление спокойно уживающиеся рядом; младшие сыновья вождей племен Бану со своими воинами и наложницами; крестьяне и ремесленники, на вопросы о своем происхождении не отвечавшие, но работавшие за троих... За несколько лет Целлия разрослась, и уже многие голопузые шалопаи считали ее родиной, а далекие города превращались для них скорее в интересную, но мало похожую на правду сказку. И вот...

Первый ребенок — смертной от беса. Чего больше? Кто родится? Или — что родится?!

Ответ задерживался. У многих бесов было уже по нескольку жен — пока бездетных — но лар Леда не позволяла мужу жениться во второй раз. Со слов кухарки Деметры, госпожа собиралась родить наследника и лишь потом начать спокойно стариться, пустив бессмертного в заждавшийся цветник женских прелестей.

Умна была дочь покойного Архонта Согда, умна да терпелива, — а здоровьем не вышла...

Дверь дома открылась, и во двор выглянула высокая, похожая на коршуна, старая кормилица Леды. Мало кто мог сейчас поверить, что именно впалая грудь Зу Акилы выкормила ту красавицу, что кричала сейчас в доме.

Нет. Уже не кричала. Тихо было в доме, тихо да пусто. Чего-то не хватало. Жизни, что ли...

— Мальчик? — взвился в седле неугомонный Утба, но наткнулся на взгляд Зу Акилы и мгновенно угас, стягивая бурнус и вытирая бритую потную макушку.

— Мертвый, — сухо произнесла Зу Акила, плотно сжимая сухие бескровные губы. Словно и не она сказала это слово, а так — ветер принес, дом закашлялся, горы нахмурились...

— Скачи за подростками, Утба, — пускай цветы несут. Чтоб к вечеру холм цветов был. Пусть в лепестках уходит...

Всю ночь Зу Акила просидела на пороге комнаты, где лежало тело новорожденного. Ни слезинки не увидели люди в пустыне ее глаз, ни стона не сорвалось с уст кормилицы, на щеках которой проступали ритуальные шрамы умершего племени Бану Зу Ийй.

А утром...

Когда на неистовый вопль кормилицы сбежался весь дом, люди увидели рыдающую женщину, в чьих руках пищал и размахивал пухлыми лапками наследник смертной Леды и беса Кастора.

Живой. И очень голодный.

Кастор ступил в увядающие цветы, взял ребенка у обессилевшей кормилицы и поднял над головой. Младенец негодующе завопил и уцепился за палец Кастора — и все увидели странный черный ожог в форме браслета, обнявший хрупкое запястье ребенка.

И еще один. Два браслета.

Кастор внимательно смотрел на сына.

— Сколько их у тебя в запасе, малыш? — прошептал бес. — Сколько раз еще? Сколько?..

Ребенок не унимался. Он был мокрый. Он хотел есть.

У него были более важные проблемы.

7

...Они сидели у костра, и их огромные, неправильные тени колебались на стенах в бликах пламени. Костер уютно потрескивал, дымное тепло ползло по пещере, мясо истекало соком — и все равно что-то было не так. Самой малости не хватало.

Какой?

Даймон, видимо, почувствовал их состояние.

— Я знаю, чего вам не хватает, — неожиданно заявил он. — Просто до сих пор вас знакомили с одной стороной монеты. Но есть и другая. Мы — Пустотники. И эти, — он махнул рукой в сторону зала, — что они знали о нас? Наверное, пришло время...

Даймон умолк, и Солли с Сигурдом взглянули на него. И больше не могли оторваться от старых, больных, подернутых дымкой измученной жизни — от бесцветных глаз Пустотника, в которых...

СРЕЗ ПАМЯТИ
СЫН БОЛЬШОЙ ТВАРИ

...Мир менялся. Он стремительно менялся, и опустели гладиаторские казармы и арены, ушла в прошлое война с Калоррой, разъехались по приграничью бесы со своими же-

нами и добровольными спутниками, улеглись страсти в стенах древнего Согда; и жизнь стала понемногу входить в свое привычное русло.

Но...

В одну и ту же реку не войдешь дважды. И вот уже какой-то неуловимый налет увядания появился на лицах людей, тень обреченности легла на ветшающие стены, на брусчатку мостовой... Уехали бесы, и кое-кто из свободных граждан почувствовал себя не таким свободным, как раньше, и начал всерьез задумываться: а действительно ли это привилегия, всеобщее Право на смерть?!. И не так строго следили помощники Порченых жрецов за соблюдением Кодекса Веры, и скучали без дела Пауки, пропивая в кабаках дармовое казенное жалование; и ветер на городских улицах еле заметно пропитывался тлением, и осенняя дремотная пелена сгустилась над великим Согдом. Не было больше восхитительного бесправия бессмертных, ушли таинственные демоны-Пустотники, и в городе остались одни люди...

А людям стало скучно. Бытовая сказка про хитрых плутов, глупых лавочников и неверных жен...

Да, Пустотники тоже ушли. Вслед за бесами. Часть из них осела в отдаленных деревнях, часть удалилась в глубь лесов, избрав путь отшельничества, и, пожалуй, это были самые мудрые из всех...

Остальные пытались приспособиться. Они очень пытались...

...Пустотник уходил. Селение давно осталось позади, и сейчас он был один, — один среди бескрайней степи, переходившей ближе к горизонту в грязно-желтое бесплодие песков Карх-Руфи. Ему некуда было спешить. Да и идти, собственно, тоже было некуда — разве что в пустыню...

В пустыню. Именно туда он и направлялся. Один — и по щекам Пустотника медленно катились слезы. Ветер высушивал их, но бороздки на пыльной коже все равно оставались. А человек равнодушно, как заведенный, переставлял ноги, одну за другой, и его стеклянные, остановившиеся, змеиные глаза плакали солью отчаяния и безнадежности...

За что, Господи, за что?! Ну почему я не могу жить, как все люди?! Господи, которого здесь не знают — за что проклинаешь?!

В начале была деревня. Правда, на первых порах сельчане отнеслись к чужаку с недоверием, опасливо косясь

вслед, когда тот шел по улице, кутаясь в свой шуршащий плащ. Потом — привыкли. Он поселился на отшибе и вскоре стал кем-то вроде местного костоправа: вывихи, переломы, мази и настои, и даже горбуны под его умелыми пальцами выглядели... прямее, что ли...

Привыкли, расслабились, зауважали, и теперь не только с болью, но и за советом шли, и просто поговорить, отвести душу... И каждому он старался помочь в меру своих сил, а меры этой хватало на многих...

Разве что женщины все еще сторонились его, пока не нашлась одна — причем именно та, на которую и сам Пустотник поглядывал с робкой надеждой. Как ни странно, он, знающий и умеющий куда больше всех этих людей, взирающий на них с высоты своего опыта, почти бог или демон, захоти он стать тем или другим — перед женщинами он робел как мальчишка, и понимал в этом деле куда меньше, чем самый худосочный деревенский подросток; и что-то холодное, неумолимое временами стискивало сердце...

Праздник удался на славу. Вся деревня шумно поздравляла молодых, а настойка Красного корня, приготовленная лично Пустотником, была выше всяких похвал. Наконец подвыпившие гости отжелали новобрачным все что положено и разошлись по домам, и они остались вдвоем. Он долго не решался прикоснуться к ней — и тогда она первая подошла к нему, берясь за бронзовую пряжку на плече, и он впервые позволил себе расслабиться...

Женский крик, крик боли, ужаса и отчаяния взвился над деревней — и тут же потонул в диком торжествующем реве... реве, который не могла исторгнуть ни одна глотка в этом мире — ни человеческая, ни звериная...

Большая Тварь, проклятие Меченых Зверем, вышла из-под контроля.

Утром он попытался покончить с собой, но зверь и тут оказался сильнее. Ящер не хотел умирать, а человек хотел — но не мог!

Несколько дней он бессмысленно кружил по лесу, с гулкой пустотой в сознании, втайне надеясь свалиться с какого-нибудь обрыва, разбиться, разорвать это ненавистное двойное тело... Но этого не произошло, и тогда он понял, что должен делать.

Он должен предупредить остальных Пустотников. Пусть не все звери столь чудовищны, как Большая Тварь, но они опасны для людей. И вдвойне — для тех людей, которых они любят... Они, Пустотники; когда еще могут любить...

У Пустотников не будет потомства. Они живут долго, очень долго, но они в конце концов смертны — и умрут бездетными.

Пустотник-волк внимательно выслушал исповедь Большой Твари и долго молчал. А потом тихо и печально произнес:

— Ты опоздал.

— Опоздал? Значит, и ты...

Волк молча кивнул.

— А она... тоже погибла?..

— Нет, — ответ прозвучал глухо и отстраненно. — Но теперь при виде меня или другого Пустотника она впадает в истерику. И я ничем не могу ей помочь.

— И ты ушел...

— И я ушел.

Некоторое время оба собеседника боялись говорить. Но говорить было надо.

— Ты не пытался предупредить остальных? — заставил себя разлепить губы тот, который был Большой Тварью.

— Пытался. Но тоже опоздал. Лишь у двоих все прошло более или менее благополучно. Первый сумел сохранить контроль. А второй... Он — пардус, но они с женой любят друг друга...

Больше говорить было не о чем.

— Значит, у нас не будет детей... Что ж, это и к лучшему.

Тот, который был волком, как-то странно глянул на собеседника.

— К сожалению, ты и здесь ошибаешься. Или — к счастью... Мы не можем иметь детей в человеческом облике. Но у наших Зверей мощный инстинкт продолжения рода, а в лесах достаточно самок. Самок-животных. Так что дети не только будут, но и уже есть. У меня. И не только у меня...

Тот, который был Большой Тварью, грузно поднялся.

— Возможно, ты и прав. От судьбы не уйдешь. Но если это неизбежно — дети Пустотников от зверей, — мы должны сделать все, чтобы они выросли людьми.

Тот, который был волком, согласно кивнул. Пустотник шагнул к двери, но задержался на пороге.

— Это выход, — сказал он. — Но он — не для меня. В этом мире, кроме нас, нет Больших Тварей. Да и нас после Сифского побоища осталось совсем немного... Я не

могу убить себя — но я ухожу в пустыню. У меня не будет детей. И у таких, как я.

Дверь за тем, кто был Большой Тварью, тихо закрылась. Тот, который был волком, долго сидел за столом задумавшись. В доме было темно и пусто.

— От судьбы не уйдешь... — наконец пробормотал он. — Даже в пустыню. В пустыню, где водятся песчаные вараны... до трех метров в длину... От судьбы не уйдешь...

...Тому, который был волком, было тяжело со своими детьми. Ведь он видел в них прежде всего людей — пусть оборотней, Изменчивых, как он сам звал их, — но ЛЮДЕЙ!..

И когда несмышленые волчата время от времени превращались в вопящих, беспомощных малышей — они страшно пугались, и мать-волчица неодобрительно рычала на них, что не нуждалось в переводе... «Ну вот, все в отца, опять непонятно чем занимаются...» К его изменениям она успела привыкнуть, но дети, ее дети!..

Пустотник все свое время проводил с детьми, и постепенно они поднялись на две ноги, в глазах начало проскальзывать осмысленное выражение; и волчица почувствовала, что дети все больше отдаляются от нее. Ну что ж, дети растут, это так естественно...

В два с половиной года они заговорили. И в тот день он плакал и не стыдился своих слез. И что главное — не стыдился своих детей.

Изменчивых.

...Прошло тридцать лет. Тот, который был волком, успел забыть о давнем разговоре с тем, кто был Большой Тварью. Большие Твари исчезли, их никто и нигде не видел. Они ушли. Сдержали слово...

Число же других Изменчивых росло, у Пустотников успели появиться внуки — тоже Изменчивые; по совету отцов они старались вступать в брак только друг с другом, но хватало исключений. Лесные поселения разрастались, но многие Изменчивые предпочитали вести практически звериный образ жизни, а их дети от зверей плохо говорили и не любили принимать человеческий облик. Пустотникам становилось все труднее справляться с этой быстро дичающей ордой. И тогда они забеспокоились всерьез, стараясь удержать, сохранить остатки человечности или хотя бы цивилизованности...

...По поселку медленно шел тот, который был Большой Тварью. Рядом с ним шел молодой мужчина в таком же синем плаще и с такими же отрешенными, чуть присыпанными пылью глазами. Взгляд его был не менее тяжел, чем взгляд Пустотника.

Змеиный мудрый взгляд. И тот, который был волком, понял.

— Здравствуй, брат.

— Здравствуй. Это мой сын. Ты был прав тогда. Но он полностью контролирует своего Зверя и никогда не выпустит его наружу. Об этом мы с ним договорились.

— Это хорошо. А у нас все обстоит совсем не так гладко...

— Знаю. Ваши дети не способны сдерживать себя сами... Им нужны пастыри. Сыновья Больших Тварей помогут Изменчивым остаться людьми. Но у них самих никогда не будет потомства. Они бесплодны. Это необходимо.

— Они будут людьми... Наши дети, — тот, который был волком, твердо взглянул в глаза Большой Твари, — они ни в чем не уступят детям бессмертных. За двумя народами — Изменчивыми и Девятикратными — будущее этого мира.

Тот, который был Большой Тварью, не ответил. Он достаточно знал людей, чтобы не заглядывать в будущее. Оно так быстро становится прошлым, и тогда больно говорить: «За нами — будущее...» Ведь оно действительно *за* нами, причем далеко позади...

Его сын стоял чуть поодаль. За все время он не произнес ни слова, но толпящиеся вокруг Изменчивые под его взглядом умолкали и вели себя неуверенно и тихо.

Гораздо тише, чем обычно. Как и положено вести себя в присутствии Сына Большой Твари.

Тварьца.

8

...В то утро они решили сделать передышку. Многочасовое сидение перед живыми сталагмитами утомило обоих, головы салара и Изменчивого раскалывались от обилия новых знаний, кричащих и плохо ладящих друг с другом; так что сегодня — отдых. Окончательно и безоговорочно.

Даймон по-прежнему угрюмо бродил по залу, время от времени надолго застывая то у одной, то у другой статуи, и был мрачен, как никогда. Стар был Пустотник, чудовищно стар, много повидал на своем веку, который не один век насчитывал — и теперь призраки прошлого терзали его из-

раненную, мятущуюся душу, и силилась вырваться на волю из стареющего тела Большая Тварь... а Пустотник устал, очень устал от этого бесконечного поединка, потому что он все-таки был человек, и значит, ничто человеческое...

Солли и Сигурда такое поведение Даймона вполне устраивало. Пустотнику явно было не до них, а им обоим сейчас остро хотелось свежего воздуха, чистого неба, реальности сегодняшней, о которой почти забылось в каменном безвременье... Они внезапно ощутили, что они живы, молоды, что им пора развлечься или хотя бы — отвлечься...

Сигурд немедленно отправился к ручью, сославшись на очередность и потребность в питьевой воде, а Солли, прекрасно понимая, что салар будет отсутствовать никак не менее получаса, поспешил сменить облик и уединиться с почти выздоровевшей Вайл. Собственно, это Солли считал, что почти, а Вайл была убеждена, что совсем, и доказывала это всем своим поведением. Зу пошипел-пошипел в углу и тактично увел волков на охоту, так что никто не мешал дальнейшему лечению волчицы, однажды и навсегда сделавшей свой странный выбор...

...Потом они завтракали втроем — Сигурд, Солли и вечно голодная Вайл, после чего Сигурд и Солли взялись за мечи, с головой уйдя в непростую науку старого Фарамарза, а волчица с вниманием и неодобрением наблюдала за этим звенящим безобразием, распугавшим дичь на два гона вокруг!..

Солли оказался способным учеником, хотя ближнего боя он не выдерживал, все время норовя сменить облик и всякий раз получая — звонко и обидно — тыльной стороной меча по хребту. Про себя Изменчивый благодарил небо за то, что оружие салара имело одностороннюю заточку, и снова с настойчивым упрямством принимался изгибать запястье и осваивать новые, какие-то совершенно противоестественные вращения клинка.

Зато когда Сигурд позже поинтересовался рецептом мази, которой Солли пользовал Вайл, тут уж Изменчивый отыгрался за все. Еще в начале его подробного рассказа о технике приготовления мази выяснилось, что Девятикратный понятия не имеет о подавляющем большинстве тех трав, названиями которых так и сыпал увлекающийся Солли.

— Ладно, это дело поправимое, — снисходительно заявил Изменчивый, и сам расхохотался от собственной гордости.

Впрочем, дело действительно оказалось поправимым.

До полудня они бродили по окрестностям, и Солли из-

редка наклонялся и показывал салару какую-нибудь неказистую травку, объясняя ее свойства. Сигурд честно пытался все запомнить, но честность никак не влияла на возмущенную таким насилием память. И Скользящий в сумерках втайне даже обрадовался, когда все компоненты были наконец собраны и осталось добыть лишь ту самую кору Красного дерева, добавлением которой в мазь Солли в свое время привел в восторг неулыбчивого Морна.

Подходящий кряжистый ствол характерного бурого цвета Солли заметил еще издали. И почти тотчас же увидел тоненькую струйку дыма — чуть левее. Он схватил Сигурда за плечо, но это было излишним — Скользящий в сумерках не нуждался в поводырях. Они переглянулись и поняли друг друга без слов. С каждым новым посещением Пенат Вечных такое понимание давалось им все легче и легче.

Волк и человек скользнули в разные стороны, неслышно раздвигая кустарник, обходя мирную на вид голубую ленту, таявшую в ветках деревьев.

Они были не одни! По эту сторону Ырташа снова завелись гости...

На овальной прогалине под деревом сидел человек. Странный человек — почти голый, очень загорелый и с узким разрезом глаз, какого ни разу не видели ни Солли, ни Сигурд. На костре перед ним жарилось мясо, и человек периодически брызгал в огонь из плоской фляги, жмуря от удовольствия свои и без того прищуренные глазки.

Человеку явно было хорошо.

На вид незнакомец был лет на пять моложе Ярроу, то есть почти такой же, как Солли, но точеный рельеф мышц под бронзовой кожей невольно вызывал уважение. Когда человек наклонялся к импровизированному вертелу, укрепленному между двумя рогульками, его тело словно переливалось вперед с мягкостью родниковой воды, и Сигурду оставалось лишь восхищенно качать головой. Ярроу знал толк в человеческой пластике...

В трех шагах от костра валялся небольшой тюк, из которого торчали две округлые рукоятки. Сигурд сразу заметил, что оружие старинное, дорогое, сделанное на заказ и без лишних украшений. Серьезная вещь, под стать владельцу, разве что коротковато малость...

И все же гость Ра-Муаз выглядел мирным и неопасным. От костра тянулся дразнящий аромат, и Солли машинально стал принюхиваться.

«Косуля, — безошибочно определил он. — Задняя

часть и печенка... Интересно, чем это он на мясо брызгает?..»

Человек без одежды не был Перевертышем — Солли всегда чуял своих, это закладывалось в Изменчивых на уровне инстинктов, и промашка исключалась. Собственно, и у Ярроу глаз был наметанный... Но и к Девятикратным незнакомец не принадлежал — его мускулистые руки с удивительно тонкими, почти женскими запястьями были чистыми, без Браслетов Жизней.

«Варк...» — холодея, подумал Ярроу, и тут же отбросил эту мысль. День на дворе, до ночи далеко, бледностью человек у костра никак не страдал, да и тень отбрасывал исправно. Оставалось одно-единственное предположение.

Человек. Просто — человек. Из немногих оставшихся, тех, кто живет однажды и умирает навсегда.

Солли и Сигурд заметили, что испытывают к незнакомцу одинаковое чувство — слабый интерес (и как его, бедолагу, сюда занесло?!) и легкую жалость к существу, не способному ни встать на следующее утро после смерти, ни сменить облик в случае чего...

Этот человек был для них безопасен, беспомощен и бессмысленен. И даже не особо интересен — своих, более важных дел хватало. Пусть себе ест свое мясо и брызгает на него, чем хочет... У них разные дороги.

Человек у костра лениво почесался, зевая во весь рот, и сунул руку прямо в огонь. Спокойно оторвал чуть подгоревший кусок жаркого, ободрал корку, обнажая сочную, ароматную мякоть, и вгрызся в мясо, сопя и довольно чавкая. Рот Сигурда наполнился вязкой слюной, и, когда незнакомец не глядя зашвырнул в кусты обглоданную кость, Ярроу едва успел увернуться, неслышно выругавшись. Еще секунда — и схлопотал бы костью прямо по лбу...

Солли — будь он сейчас человеком — наверняка не удержался бы и прыснул от смеху. Но волк лишь оскалился, высунув розовый язык и продолжая следить за любителем жареного мяса, который теперь елозил босой ногой по песку в поисках чего-то, невидимого из кустов; а потом нога его резко распрямилась, и шишка оцарапала волчье ухо, пролетев через всю прогалину.

Сигурду ужасно не понравилась эта вторая случайность. Не понравилась — и все. Но человек перестал швыряться, разлегся на траве и, похоже, уснул. Днем. В лесу. И спалось ему неплохо. Крепко, как у себя дома.

Просто отлично спалось на сытый желудок.

Солли и Сигурд подождали еще немного, затем бесшум-

но отползли назад, и Изменчивый сменил облик. Они набрали коры Красного дерева и вернулись к пещере — готовить мазь.

О странном незнакомце они не говорили, словно его и не было вовсе. И Даймону не сказали ни слова... О чем тут говорить?

Горы большие, леса много, места всем хватит...

СРЕЗ ПАМЯТИ
ЦЕЛЛИЯ. ИСХОД ДЕВЯТИКРАТНЫХ

...Крохотный букетик цветов с бледно-голубыми, почти прозрачными лепестками, трогательно выгнутыми, подобно векам спящей юной женщины...

Белый, матовый мрамор плиты; бегущие во все стороны прожилки, словно вены свесившейся вниз руки с тонкими, длинными пальцами; и высеченные в камне слова, нагревшиеся за день...

«Лар Леда Согдийская, из рода Архонта Пеллия, 352 — 413 гг. До встречи, госпожа — мы любили тебя...»

Кастор медленно встал на колени, коснувшись надгробья, легко-легко, как ветер, как дождь, как время; и пальцы, пробежав по отрезку эпитафии — «До встречи...», — вывели поверх него всего один-единственный знак, невидимый на камне...

«Прощай...»

Уже не внуки — правнуки с длинным хвостом приставок «пра» населяли Целлию, и все приграничье давно забытой границы на добрых три четверти состояло из Девятикратных, для которых имя покойной Леды Согдийской тонуло в глубинах прошлого и плохо увязывалось с живым, чернобородым, могучим бесом Кастором зу Целль, бессменным господином и правителем.

И мало кто замечал в каждодневных делах и заботах, что в спокойных, внимательных глазах Кастора с некоторых пор опять побежали знакомые паутинки тумана. Серый паук Вечности после долгого перерыва опять принялся за свою неспешную работу.

Каждую весну в этот день он приходил на Целлийское кладбище и долго сидел у могилы первой жены. Дома ждали дела, дела и нынешние жены — согласно обычаю и по зову плоти, — все они ждали и вполне могли подождать.

Она не могла. Потому что была первой.

...Легкое покашливание за спиной вывело беса из состояния задумчивости. Не вставая, он обернулся и увидел од-

ного из сопровождающих, робко переминающегося с ноги на ногу. Высокий, смуглый воин с профилем племен Бану и голубыми глазами согдийцев смущенно ждал, теребя полу набивного кафтана и поминутно поправляя плоский шлем с назатыльником.

Кастор помнил его еще ребенком, увлеченно размахивающим деревянным мечом, и детская преданность во взглядах потомков, слуг и учеников в последнее время тяготила беса, опутывая липкими водорослями скуки и отрешенности.

— Что там у тебя, Гударзи?

— Люди, Отец. Незнакомые, чужие люди... тебя просят. Говорят, что из города...

Гударзи один ходил в леса Муаз-Тая, он уже пятый год был наставником в школе Скользящих в сумерках, но с Кастором воин говорил коротко, отрывисто, тщательно подбирая слова. Все приказа ожидал...

Кастор вздохнул, поднимаясь с колен, потом кивнул сопровождающему и двинулся по узкой дорожке, усыпанной белым песком из заброшенных карьеров. Туда, где у выхода с кладбища притаилась ажурная круглая беседка, полускрытая вьющимися побегами.

В беседке ждали трое. Глубокий замшелый старик, чьи руки непрерывно дрожали, а лицо напоминало прибрежные изрезанные склоны с их оползнями и расщелинами; пожилой усатый мужчина лет пятидесяти, чем-то неуловимо похожий на старца; и третий...

Третий, молодой человек с предплечьями молотобойца и гладкими щеками юноши, стоял у входа в беседку и пристально глядел в сторону кладбища. Из-за плетей вьюнков он не видел подходящего сбоку Кастора, и в глазах его пульсировало странное, неуместное чувство — зависть...

Потом он заметил беса, смешался и неуверенно шагнул ему навстречу.

Кастор протянул ему руку, затягивая рукопожатие дольше, чем это принято в первый раз между незнакомыми людьми. Пауза повисла в воздухе и стала увеличиваться в размерах.

— Мы из города, — сказал молотобоец.

Старшие молчали и разглядывали хозяина здешних мест.

— Из Согда? — бровь Кастора удивленно поползла вверх. — Пешком? Сумели добраться?

— Нет, не из Согда. Из Калорры. Спаси Калорру, бес. Голод у нас. Дети мрут, как... На тебя последняя надежда.

Кастор продолжал держать ладонь пришельца в своей, и плечи беса незаметно вспухали от скрытого напряжения.

— Отчего голод? — холодно спросил Кастор. — Крестьяне обленились? Или опять Вершители налогами душат?..

— Нет налогов. И крестьян больше нет. Все, кто по деревням жил, теперь в стенах укрылись, в Калорре... В поле не выйди, в лес не сунься — проклятые Перевертыши озверели совсем... Хотя им-то и звереть дальше некуда. Пять сел — в клочья, отряд воинов в топи заманили... Лютуют оборотни. От того и голод...

— Лютуют, говоришь... А от нас чего хочешь? Чтоб пахать вышли?

— Пахать не надо. Сами вспашем, и вас еще прокормим... Дай бойцов, бес. Про твоих саларов Девятикратных молва далеко бежит: дескать, все, чему тебя арена за века обучила, ты детям передал. Дай своих, бес, Скользящих в сумерках, или сам приди — учить. Не зря Перевертыши от ваших шарахаются. Ох, не зря... Дай людей, прикрой Калорру...

Кастор неожиданно отпустил парня и как кошка прыгнул к его спутникам, хватая их за широкие рукава халатов. Те испуганно отшатнулись, послышался треск разрываемой материи — и левые руки пришедших за помощью калорианцев оказались обнажены.

Руки, на которых были выжжены Браслеты Жизней. У старика — восемь, у усатого — шесть. Ходоки были Девятикратными. Но пришли они — из Калорры.

Молотобоец выхватил нож и теперь стоял, не зная, что с ним делать.

— Что не бьешь?! — расхохотался Кастор. — Думал, бес беса не узнает? Сразу видно, что ты из рудничных, беглый, а не манежный... Я все никак понять не мог: куда ваш брат-то делся? Как Права бесам дали да надсмотрщиков-Пауков с копей поснимали, так даже Порченые жрецы диву дались — рудники через день пустые, никого нет, ни души... Искали вас, искали... у вас там в подземельях сам бес ногу сломит...

Молотобоец-бес спрятал нож и улыбнулся.

— Думать надо, — продолжал Кастор. — Заранее думать... Молодой говорит, а старики молчат — первый промах. От моего рукопожатия лучшие салары корчатся — а ты на боль внимания не обратил. Значит, второй промах... И третий, главный — на кладбище с завистью одни бесы смотрят.

Старик в беседке кивнул, соглашаясь со сказанным. Ка-

стор долго и внимательно смотрел на него и усатого; и бес из Калорры понял невысказанную мысль.

— Хитер ты, Кастор зу Целль... Поймал, не спорю. На взлете снял. Только слова мои от того не меняются. Отпусти саларов в Калорру. Иначе не обуздать оборотней... Мало бесов в Калорре, я да трое еще, тоже беглые в прошлом, да дети наши... Вот — внук мой, и сын его, старшенький... Сам видишь: охотники, кузнецы — бойцов нет. Отпусти или научи.

И снова кивнул, соглашаясь, дряхлый внук молодого деда из забытых времен, когда бесы еще бегали с рудников Согда.

И кивнул правнук.

— Меняться будем, — наконец сказал Кастор. — Слово за слово, тайну за тайну. Скажи, рудничный, почему выработки в горах пустуют? Куда ваша порода ушла? Почему не объявляется? И почему до нас восстать не подумали — ведь надсмотрщик бесу не указ... впрочем, и мы хороши...

— Мало ты знаешь о рудничных, манежный Кастор... Не заваливали тебя в шахте, когда Время горлом идет... Так что давай не будем. Было — и прошло. А вот куда наш брат после делся... Есть за Ырташем штоленка заброшенная. На нижнем ярусе зал там большой — в него все и ушли. Вас ведь сотен пять, а нас и того меньше будет... Камнем обросли, в камень спрятались, камнем стали... От Вечности только в камень прятаться. Запоминай, Кастор, может и пригодится когда... Не могли жить больше, и не жить не могли. Теперь сидят, Время на зуб пробуют. Говори, говори свое слово, Кастор — я ответил.

Кастор задумчиво качал головой. Потом невесело улыбнулся и взял собеседника за плечо. Плечо было твердым и упругим.

— Ты когда по Целлии шел — что видел?

Калоррский бес нахмурился, вспоминая.

— Суету видел... повозки видел... большие такие, деревянные... люди тюки таскают...

Догадка выступила на его лице капельками пота.

— В Согд уходите!.. Согд спасать... а мы... мы не люди... мы...

— Дурак ты, — незлобиво обозвал его Кастор. — Вечный, а дурак... Люди, не люди, Согд, Калорра... не до различий теперь. В Согд восточные поселения идут, а мы-то как раз в Калорру. Видно, судьба у Девятикратных — людей от Перевертышей прикрывать... А у моих детей, у саларов — судьба вдвойне. Только вот...

— Только что? — тихо спросил бес из Калорры.

Кастор ответил не сразу. А когда ответил, то было слово его тяжелым и мертвым, как камень заброшенных рудников Ра-Муаз.

— Только что скажут Пустотники? Их дети, их кровь...

9

...Даймон по-прежнему предавался черной меланхолии, и Солли с Сигурдом предпочитали его не трогать без особой необходимости. Дни шли своей неспешной чередой, и общение с Бессмертными наложило отпечаток и на эту пару.

К счастью, у волков и Зу никаких проблем не возникало, и они успели завалить мясом добрую треть пещеры, так что салару и Изменчивому пришлось попридержать своих зверей — иначе запасы попросту начали бы портиться. Солли даже пошутил, что придется попросить Даймона выпустить на полчасика своего Зверя — не пропадать же добру?! Только при этом надо успеть подальше унести ноги...

Сигурд задумчиво предположил, что можно и не успеть унести; Солли подумал и предпочел сменить тему.

Сытые волки лениво разлеглись на солнышке неподалеку от дерева, на котором блаженствовал такой же сытый и ленивый Зу. Обе стороны были чрезвычайно довольны друг другом.

...Под вечер Солли и Сигурд решили спуститься к ручью — освежиться. Солли в волчьем обличье вяло трусил впереди и неожиданно замер как вкопанный, даже забыв опустить на землю одну лапу...

Сигурд уже пригнулся, и ладонь его тронула привычную рукоять меча, забывшего вкус крови и полюбившего безопасные упражнения по утрам.

Что-то двигалось в зарослях по ту сторону ручья. Ветки слабо колыхнулись, дрогнули листья — и на берег выступил человек. Он старался держаться в тени, но когда он повернулся в пол-оборота, то во впалых глазницах полыхнули багровые отсветы. Бледное, худое лицо, ввалившиеся щеки, бесформенный темный балахон, и непонятно — одежда это или просто сплошной сгусток мрака...

Позади него бесшумно возникла другая такая же фигура. Ни один лист, ни одна ветка при этом не дрогнула — словно существо просочилось сквозь кусты подобно облачку тумана. Новый гость был гораздо увереннее, спокойней первого, словно волк, впервые выведший на охоту подросшего детеныша.

Нечто знакомое почудилось Солли в чертах второго призрака, но они непрерывно расплывались, и Солли никак не мог сосредоточиться, как будто он смотрел на Изменчивого, все время находящегося между двумя обликами...

...Скользящий в сумерках и Изменчивый так и не поняли, заметили их эти двое или нет, но в какое-то мгновенье берег ручья стал пуст и безлюден.

— Мы ушли за ответом, оставляя вопрос за спиной... — пробормотал Солли, становясь человеком и устало опускаясь на землю.

— И вопрос догнал нас, — закончил за него Ярроу. — О небо, спаси глупого человека, которого мы видели у костра...

Сигурду один из призраков тоже показался знакомым. Или просто эти меняющиеся черты лица можно было наполнить любым памятным содержанием? Ярроу боялся признаться в этом даже самому себе.

На этот раз они обо всем рассказали Пустотнику. А тот ничего не ответил.

И лишь молча указал на тоннель, ведущий в Пенаты Вечных. Впервые Сигурд подумал тогда, что это обмен знанием с двух сторон — они узнают от бесов о рассвете мира, но и сами бесы каким-то своим, тайным, образом узнают от Солли и Сигурда о сумерках. Может, это и объясняло настойчивость Пустотника?.. Но Ярроу также показалось, что в глазах Даймона, когда он слушал рассказ о голом незнакомце, мелькнуло странное выражение — боль, радость, сомнение, надежда, боязнь разочарования...

Салар не знал, что такая смесь возможна. Но у Пустотника были уж очень необычные глаза...

СРЕЗ ПАМЯТИ
МУАЗ-ТАЙ. КОГДА ОТЦЫ ОСТАВЛЯЮТ ДЕТЕЙ

... — Мелес Бану-Сарзи?
— Здесь...
— Филомен от оазиса Уфр?
— Я...
— Хеопт Сайский?..

Маленькой длиннохвостой обезьянке ардхи было любопытно и страшно одновременно. Страшно — потому что маленькая, а любопытно — потому что все обезьяны поро-

ды ардхи любят совать свой длинный хвост куда не следует. За что и страдают.

Обезьянка собралась было откусить кусок от свежесорванного плода дерева сиорр, но передумала, сочтя плод перезрелым, и запустила им в горящий на поляне костер, возмущенно брызнувший искрами и пеплом. Сидевшие вокруг костра крупные бесхвостые обезьяны даже не пошевелились, а тихий монотонный голос продолжал бубнить свое, время от времени прерываясь короткими однозначными репликами.

— Этайр из поймы Оккироэ?

— Я...

— Тиресий Шайнхольмский?

— Есть...

— Кто с побережья Тесс?

— Я, Закинф...

— Телем из Вайнганги?

— Здесь...

Обезьянка очень расстроилась. Она так надеялась, что ее замечательный бросок пробудит у всех интерес к ней, такой невидимой в темноте обезьяне, а вместо этого... Обида и любопытство некоторое время боролись в ее худеньком мохнатом тельце, решая — убежать или остаться — и все это время ровный поток слов плыл вместе с сизым дымом, клочьями оседая на колючих ветвях кустарника...

— Кастор зу Целль?

— Я...

— Братья Эрль-Кавус от лугов Арродхи?

— Мы тут...

Восемнадцать бесов от восемнадцати крупнейших поселений вокруг Согда и Калорры сидели у костра, горевшего в зарослях Муаз-Тая, на одной из многих полян... Никто другой уже не смог бы добраться сюда живым через леса Оркнейи и Шайнхольма, через пески Карх-Руфи, ставшие ареной упрямой, бесконечной, монотонной и хронической вражды между Девятикратными и Изменчивыми.

За спиной первых были города и люди, за спиной вторых — леса и звери. И в этой войне не могло быть победителей. Потому что каждый считал, что будущее — только за ним, а за всеми остальными — прошлое, и то совсем уж прошлое...

А настоящее никого не интересовало.

— Пустотник Эдгар?

— Я...

— Пустотник Даймон?

— Я...
— Пустотник Кали?
— Здесь...

Девять Пустотников — только Большие Твари — от самых многочисленных группировок Изменчивых тоже были тут. И отблески костра плясали в их немигающих глазах. Они молчали и ждали.

Все знали, что произошло.

Около трех месяцев назад отряд особенно ретивых саларов из поселка на берегу Оккироэ углубился в Шайнхольмский лес и неожиданно обрушился на деревню Изменчивых. Потом трудно было разобраться в происшедшем, но так или иначе — в деревне случайно оказался Пустотник Идас, один из немногих уцелевших после Сифского побоища, которое успело прочно обосноваться в легендах и преданиях.

И он не выдержал. Он разорвал данную некогда клятву, разорвал вместе с половиной саларского отряда, и преследовал беглецов во главе ликующих Изменчивых...

И был встречен главой поселка, манежным бесом Пелидом.

Сам Идас был убит разъяренным Бессмертным, его спутники бежали, а пришедший в себя Пелид в ужасе от содеянного заперся в своем доме и, похоже, впал в помешательство.

Отцы вступились за детей. В первый раз. Но это грозило повториться. И тогда все имели шанс остаться в прошлом, все, кроме бесов, которых ужасала перспектива такого будущего.

Решать надо было в настоящем.

— Мелес Бану-Сарзи?
— Да...
— Филомен от оазиса Уфр?
— Да...
— Хеопт Сайский?
— Да...

Бесы согласились уйти. Их ждали Пенаты Вечных — дальняя, заброшенная штольня в отрогах Ра-Муаз, с капающим с потолка Временем. Рядом с застывшими вечными рабами рудников сядут вечные, прошедшие манежи, бои, славу и последний приговор. Который они вынесли сами себе. Несогласные — уйдут насильно. И лишь предания об Отцах Девятикратных будут передаваться седыми наставниками Скользящих в сумерках...

— Пустотник Эдгар?

— Да.
— Пустотник Даймон?
— Да.
— Пустотник Кали?
— Да...

Пустотники согласились уйти. Навсегда. Пока смерть не придет за последним из них, ни одна живая душа не должна видеть живого Пустотника. И лишь предания об Отцах Изменчивых останутся жить в глубинах древних лесов. Было выбрано место для кладбища и пути изгнания. Всем. И навсегда. Несогласные — умрут сразу.

— Кастор зу Целль?
— Да.
— Братья Эрль-Кавус от лугов Арродхи?
— Да.
— Телем из Вайнганги?
— Да.
— Да...
— Да...
— Да...
— Да...

Отцы уходили. Дети оставались сами. Рассвет закончился.

Обезьянка потеряла к происходящему всякий интерес и ускакала по веткам в глубину леса. Через неделю ее съели. Ну и что? Одной глупой обезьянкой в этом мире стало меньше... Правда, можно сказать и так, что этот мир обеднел на целую любопытную обезьянку...

10

...Все началось с того, что к вечеру следующего дня Сигурд Ярроу почувствовал себя последней сволочью. Солли с волками куда-то ушли, и одиночество лишь усугубляло это новое, непривычное и крайне неприятное ощущение. К тому же оно странным образом увязывалось для Ярроу с двумя равнозначными моментами.

Во-первых, картины прошлого сцепились друг с другом, выстроившись в затылок и обозначив длинную, протоптанную множеством ног Дорогу, которая шла одновременно через Калорру и Согд, пустыню Карх-Руфи и Оркнейский лес, предгорье Муаз-Тай и улицы Целлии, и дальше — деревня Солли, Вайнганга, Пенаты Вечных, кладбище Пустотников... Правда, великое множество деталей и подробно-

стей остались для салара загадкой, но если подглядывать за Временем в замочную скважину чужих зрачков, то и не стоит рассчитывать на подробные объяснения!

Сигурд всем своим существом ощутил этот неизмеримый Путь, проходящий и через него самого; и в то же мгновение прошлое влилось в настоящее, переполнив чашу...

Настоящее — в нем был озабоченный Фарамарз над письмом наставника Гударзи, в нем стыл «узор ночного тумана», и смеялась мертвая ночь Калорры, и Брайан Ойгла сползал по забору к ногам призрачной красавицы с удивленно-холодным лицом... Это было настоящее, кричащее, кровоточащее, забытое на время в каменном безмолвии, но теперь оно вспыхнуло с новой силой и Сигурд задохнулся от его жара.

Во-вторых, салар никак не мог избавиться от мысли, что он предал беспечного голого парня, встреченного ими в зарослях; предал в ледяные, жадные руки порождений ночи — нет, не ночи, но сумерек этого мира! Он — Сигурд Ярроу, Девятикратный, салар Пятого уровня — продал беззащитного бродягу за возможность увидеть еще одну-две картины из жизни обитателей Пенат Вечных!..

Будь ты проклято, прошлое, если за тебя надо платить такую цену!

Сигурд встал, накидывая серый плащ и щелкая застежкой на плече. Уходящий за ответом, Видевший рассвет — так или иначе, он знал, что должен делать. Должен. И сделает.

Через мгновение Скользящий в сумерках вышел из пещеры, поправляя перевязь с мечом, и направился к зарослям. Трава у его ног тихо шелестела. Ловчий удав Зу сопровождал хозяина. Баловство закончилось. Их дело, их охота...

Они не видели, как из тоннеля в пещеру ввалился Пустотник Даймон. И очень хорошо, что не видели, потому что такого Даймона они не видели никогда.

Пустотник был пьян. Никто так и не узнал, что именно послужило причиной опьянения: настойка Красного корня, дурман смолы йикининки или горькая смесь прошлого с настоящим.

Это было неважно.

Даймона трясло. Он метался по пещере, натыкаясь на стены, рот его неестественным образом растянулся до ушей, открывая острые белые зубы; и кожа толстой шеи пошла складками и начала шелушиться, напоминая скорее чешую.

Потом он упал на колени, судорожно вцепившись в оставленную Солли кожаную куртку; плотная кожа треснула в его скрюченных пальцах, и этот звук, казалось, пробудил к жизни прежнего Даймона.

— Мальчики... — прошептал он, запрокидывая голову к каменному небу пещеры и мучительно хрипя, — бегите, мальчики... дальше бегите... Не могу больше, не удержу!.. старый я... старенький... ах ты, тварь...

Шепот захлебнулся, и острые кривые когти располосовали куртку с поразительной легкостью. И стены пещеры отразили низкий, страшный рык.

Стар был Пустотник. Чудовищно стар.

Чудовищно.

...Сквозь кусты Сигурд Ярроу увидел знакомого бродягу, на этот раз соизволившего натянуть короткую тунику из грубой ткани, и рядом с ним — Солли.

Увидел — и не удивился.

Чуть поодаль, тихо ворча, сидели недовольные волки, а Изменчивый что-то горячо втолковывал бродяге, размахивая руками и поминутно тыча в сторону пещеры. Бродяга же со всей присущей молодости самоуверенностью пожимал плечами, морщился и наконец указал на свой тюк со спрятанным оружием — дескать, не волнуйтесь, отобьюсь в случае чего!..

Сигурд хотел было выйти и силой уволочь несговорчивого самоубийцу — для его же блага! — но тут случилось нечто странное.

Самый молодой из волков неожиданно вскочил, насторожив узкие уши и скалясь чужой, мертвой ухмылкой; затем глаза зверя приобрели оттенок мутного зеленого стекла — и волк прыгнул на спину Солли, подминая Изменчивого под себя!

Стаю словно пружиной подбросило. Ярроу готов был поклясться, что перед прыжком он услышал тихую заунывную мелодию, тягучую и похожую на вой, но сейчас ему было не до выяснения подробностей. Волки рычали, рычали на своего вожака; Вайл, покорная Вайл, исходила слюной, с ненавистью глядя на Солли, а Изменчивый в волчьем обличье стоял, прижимая передними лапами к земле непокорного зверя, дерзнувшего на неслыханное, и недоумение билось в таких человеческих глазах большого волка!

В следующую секунду бродяга резко нагнулся, хватая Изменчивого за холку и заднюю ногу, и с поразительной

легкостью швырнул матерого волка в растущие неподалеку кусты дикого шиповника. Солли взвыл, обрушившись в колючую поросль — и Сигурд одновременно с Зу вылетел на поляну.

Синяя сталь меча описала смертоносную восьмерку, и салар даже не успел удивиться, почувствовав, что возносится ввысь. Рука с мечом была намертво зажата в цепких пальцах бродяги, и Сигурд понял, что летит, летит вперед головой, а еще через секунду понял, куда летит.

Шиповник оказался на редкость колючим, его шипы мгновенно вцепились в широкий плащ и одежду салара еще похлеще, чем пальцы бродяги, а Зу свернулся в боевой узел между рычащими волками и пришельцем и шипел — но почему-то шипел на волков, полностью игнорируя происходящее с людьми.

Сигурд и не подозревал, что его удав умеет так шипеть. Зу яростно бил хвостом, его тело свивалось в самых немыслимых вариантах, и еле слышная мелодия, исходящая из зарослей на другом конце прогалины, вступала в неясное противоречие с шипением огромной змеи; и стая замерла.

Стая перестала рычать.

Тихий холодный смех пронесся над поляной — Сигурд вздрогнул, услышав его — и мерцающее, голубоватое облачко выплыло из кустов, медленно сгущаясь и принимая человеческие черты.

Бледный Господин — «варк» на калльском наречии — одернул свой балахон и снова рассмеялся.

— Я не знал, что такая змея может противостоять Зову, — сообщил он бродяге, нагнувшемуся над своим тюком. — Впрочем, я никогда и не видел столь больших змей. Она поистине заслуживает уважения... да и ты, человек, тоже...

Варк почему-то избегал смотреть в сторону шиповника, где застыли Сигурд и Солли; но его взгляд, направленный на человека в тунике, был пристальным и оценивающим.

— Ты мне нравишься, человек. — Варк сделал шаг и снова остановился. — Ты достоин того, чтобы тебе открыли Дверь... Сегодня. Сейчас. Немедленно...

Бродяга выпрямился и выставил вперед руку с коротким, в локоть длиной, и очень широким лезвием, по краю которого шла тусклая гравировка. В левой он сжимал другой такой же нож — или что там у него было? — но держал его вдоль предплечья, так что клинок был скрыт и плохо различим.

— Хорошее оружие, — с видом знатока заявил варк, приближаясь. — Руби, парень... руби, не стесняйся...

Он прыгнул вперед, и бродяга выбросил перед собой

правую руку. Острие вошло в живот варка, но тот не обратил на него ни малейшего внимания, словно нож разрезал ночной туман, а не живую плоть. Собственно, эта плоть и не была живой...

Ладони Бледного Господина легли на лицо бродяги, запрокидывая тому голову, и тогда лезвие второго ножа отразило свет молодого ущербного месяца, робко вышедшего на небо. Лезвие было необычно серым и блестящим, и серебристые блики заиграли на нем, когда нож вошел в тело варка.

Варк кричал. Он кричал, как кричит смертельно раненный человек, он выл, всхлипывал, он корчился на земле, а тело его горело призрачным, желтым огнем без дыма; и через минуту лишь обугленный труп лежал на поляне, лежал и казался одной из теней надвинувшейся ночи.

Солли первым выбрался из шиповника. Стая, повизгивая, ползла к нему на брюхе; самой последней ползла жалобно поскуливавшая Вайл, но Изменчивый даже не посмотрел в их сторону.

Он смотрел на бродягу. Сигурд встал рядом с Солли и открыл рот, собираясь выпалить все накопившееся за время сидения в колючках, но тут кусты снова раздвинулись, и на прогалину буквально выпал шатающийся Даймон.

— Мальчики! — радостно прохрипел он, увидя Изменчивого и салара. — Все, мальчики, все... все в порядке... Справился! Сам справился!.. Значит, могу еще... шалишь, тварь, не выйдешь... пошли домой, мальчики, дома хорошо... дома бесы сидят... дома...

Бродяга неожиданно пригнулся и пошел мягким, звериным шагом по кругу, держа Пустотника в центре. Сигурд собрался было вмешаться, но его остановил взгляд Пустотника, прикованный к идущему человеку.

Сияющий, счастливый, безумно усталый и одновременно торжествующий взгляд...

...А потом они обнимались, хлопая друг друга по спинам и плечам, бормоча нечленораздельные фразы и целуясь по-мужски невпопад; а Солли и Сигурд стояли, переглядываясь, и чувствовали себя полными идиотами.

Наконец Даймон успокоился и вспомнил о них.

— Знакомьтесь, мальчики, — Пустотник указал на бродягу, укладывавшего свои странные ножи обратно в тюк. — Марцелл. Бес. Видимо, тоже последний...

Парень по имени Марцелл повернулся к Сигурду и одобрительно оттопырил большой палец.

— Хороший удар, — сообщил он, кивая на меч Сигурда. — Просто отличный удар. Мне очень понравилось...

— Я промахнулся, — уныло буркнул Ярроу. — И нечего издеваться.

— Почему — издеваться?! — удивился тот, кого звали Марцеллом. — И ничего не промахнулся! Ты меня убил. То есть, как бы убил... понарошку... Считай, что мне опять повезло...

— А это... — хмуро заявил Солли, выдергивая очередную колючку. — Я имел в виду — в шиповник-то зачем?! Тоже понарошку?!

— Нет, — серьезно ответил Марцелл. — Шиповник — всерьез. Эти гады его почему-то терпеть не могут. Третьего дня заметил...

...Даймон и Марцелл, про которого Пустотник сказал, что тот — бес, шли впереди и шумно предавались воспоминаниям.

Солли и Сигурд уныло тащились за ними, и пережитое тяжким грузом лежало на их плечах. Солли очень расстраивался из-за бунта стаи. Он прекрасно помнил, как сам растворялся во властном потоке Зова; он не винил волков, плетущихся следом и ждущих неизбежного наказания от оскорбленного вожака, но былая ненависть в горящем взгляде Вайл преследовала Изменчивого по пятам. Зов зовом, но ведь это сидит в каждом из нас и в любую секунду готово выплеснуться наружу, неукротимым потоком захлестывая кричащее сознание... Варк лишь помог, подтолкнул спящего Зверя... Давно ли он сам бросался на Ярроу, плача злыми слезами бессилия? Кажется, вечность прошла... и действительно — прошла...

Сигурд поначалу пытался прислушиваться к разговору Даймона с новоявленным бесом — это, значит, с Отцом, что ли?! — но разобрать ничего не смог и бросил это бессмысленное занятие. Он шел, незряче глядя перед собой, и вновь и вновь прорывался сквозь кусты, взмахивал мечом, летел в шиповник; и смеялся надменный Бледный Господин, впуская в себя бесполезный клинок, и горел от второго удара, удара этого молодого, веселого парня, совершенно обычного, земного, своего...

Своего?!

Марцелл неожиданно замолчал и повернулся к Сигурду, внимательно глядя ему в лицо — только не в глаза, а рядом и чуть мимо. Тяжелый взгляд, но не такой как у Даймона, а такой, какой был у наставника Фарамарза во время учебных боев...

— Ты мне не веришь, — отчетливо произнес Марцелл

и вздохнул. И даже не вздохнул, а так! — набрал полную грудь воздуха и процедил его сквозь сжатые зубы.

— Ты мне не веришь. Тебе нужен маскарад. Варку ты веришь — еще бы... туман, алые зрачки, неуязвимость... А мне не можешь. Ну хочешь — руку отрублю? Или ты мне отруби... Сигурд неверующий...

— Руку не надо, — помолчав, сказал Сигурд. — Дурость все это... Ответь на вопрос, Марцелл, — там, в Пенатах Вечных, они почему-то не хотят отвечать... Что было в начале? — нет, не в самом начале, а тогда еще, когда бесы были гладиаторами в Согде? Я так понимаю: арена, зрители, а они дерутся... Арена — понятно, зрители — понятно, дерутся — плохо понимаю, но в общем — ясно... А все вместе — не понимаю... Как это — драться на арене для зрителей? Сможешь объяснить — поверю, что ты бес.

Марцелл долго не отвечал, переводя взгляд с Ярроу на Солли, и желваки играли на его крутых скулах. Сигурд уже пожалел о сказанном, потому что чувствовал — сунул пальцы в живое, в кровь и мясо, в самое-самое... Но обратного пути не было.

— Объясню. Но потом не скулите... Стань сюда... нет, левее... а ты — сюда...

Солли послушно встал напротив Сигурда и посмотрел на Марцелла. Тот внезапно поднял голову, и его узкие глаза, похожие на суровые бойницы, распахнулись и обрушили на Изменчивого и Девятикратного небо — блеклое, выгоревшее, горбатое небо... а потом песок запорошил им глаза, и подбадривающие вопли огромной, немыслимой толпы накатились и растворились в жарком шелесте...

СРЕЗ ПАМЯТИ
НАЧАЛО. СОГД. ПРАВО НА СМЕРТЬ

Желтый песок арены, казалось, обжигал глаза. Я поморгал воспаленными веками и медленно двинулся по дуге западных трибун, стараясь оставлять центр строго по левую руку. Я был левшой. Некоторых зрителей это почему-то возбуждало.

В центре арены бесновался бес. Хороший, однако, каламбур, не забыть бы... Аристократы ценят меткое словцо, и похоже, сегодня вечером я выпью за чужой счет... Бес протяжно выл на высокой, режущей слух ноте, взбрыкивал окованными сталью копытами и без устали колотил себя в оголенную волосатую грудь. Он уже разодрал себе шкуру

в кровь шипами боевых браслетов, и их гравировка покрылась тусклым, запекшимся пурпуром. От когтей, равно как и от хвоста, отказались еще в Старой Эре, потому что их крепления вечно ломались, когти слетали с пальцев, а хвост больше путался в собственных ногах, чем подсекал чужие. После какой-то умник придумал шипастые запястья, и тогда же ввели узкий плетеный бич с кисточкой на хвосте — для сохранения традиций. Новинки прижились, бич так и прозвали «хвостом», но многие бесы все же предпочитали нетрадиционное оружие. Я, например, предпочитал, и ланисты нашей школы слова никогда поперек не говорили... А хоть бы и говорили... Я махнул рукой в адрес впавшего в амок беса, и солнце на миг полыхнуло по широкой поверхности моей парной «бабочки». Трибуны загудели от восторга, я незаметно поморщился и сделал еще один шаг. Второй тесак болтался на поясе, и мне было лень его доставать. И так сойдет...

Скука. Скука захлестывала меня серым липким потоком, она обволакивала мое сознание, заставляя думать о чем угодно, кроме происходящего вокруг — и я ощущаю ее почти физически, вечную вязкую скуку, свою и тщательно притворявшегося беса. Я шел по кругу, он ярился в центре, но зрители, к счастью, не видели наших глаз. Ну что ж, на то мы и бесы...

Я подмигнул ему: давай, брат, уважим соль земли, сливки общества, и кто там еще соизволил зайти сегодня в цирк из свободных граждан... Давай, брат, пора — и он понял меня, он легко кувыркнулся мне в ноги, стараясь достать, дотянуться, зацепить рогом колено. Я сделал шаг назад, подкова копыта ударила у самой щеки, и пришлось слегка пнуть беса ногой в живот, держа клинок на отлете. Рано еще для кровушки... жарко...

Он упал и, не вставая, махнул «хвостом». Я увернулся и снова пошел по кругу.

Выкладываться не хотелось. Для кого? Игры Равноденствия еще не скоро, и к нам забредали лишь ремесленники со своими толстыми сопливыми семействами, бездельники с окраин, да унылые сынки членов городского патроната. Все это были солидные, полновесные граждане, у всех у них было Право, и плевать я на них всех хотел.

Я облизал пересохшие губы и сплюнул на бордюр манежа. Плевок чуть ли не задымился. Бес проследил его пологую траекторию и твердо взглянул мне в лицо.

«Хватит, — одними губами неслышно выдохнул бес. — Кончай...»

Я кивнул и двинулся на сближение. Трибуны требовали своего, положенного, и надо было дать им требуемое. И я дал. Этому трюку сто лет назад меня обучил один из ланист, и исполнял я его с тех пор раза два-три, но всегда с неизменным успехом.

Вот и сейчас, когда «хвост» обвил мое туловище, я прижал его кисточку локтем и прыгнул к бесу, одновременно вращаясь подобно волчку. Бич дважды обмотался вокруг меня, бес не успел вовремя выпустить рукоять, и резким косым взмахом я перерубил ему руку чуть выше полосы браслета. Кисть упала на песок, бес покачнулся, и моя «бабочка» легко вошла ему в правый бок — ведь я левша, когда сильно хочу этого. Ах да, я уже говорил...

Кровь толчком выплеснулась наружу, забрызгав тунику, — мою, совсем новую, надо заметить, вчера только стиранную тунику, — хрустнули ребра, и бес стал оседать на арену.

Трибуны за спиной взорвались, и в их привычном реве внезапно пробился нелепый истерический визг:

— Право! Право!..

Я обернулся. По ступенькам бокового прохода неуклюже бежал лысый коротышка в засаленном хитоне с кожаными вставками, неумело крутя над плешью огромной ржавой алебардой. За плечом у меня хрипел бес, публика сходила с ума от счастья, а я все не мог оторваться от сопящего бегуна и проклинал сегодняшнее невезенье, сподобившее в межсезонье нарваться на свободного гражданина, Реализующего Право.

Реализующий вылетел на арену, не удержался на ногах и грохнулся у кромки закрытых лож. Потом вскочил, послюнил разбитое колено — неуместный, домашний жест вызвал глумливое хихиканье галерки — подхватил оружие и кинулся ко мне.

Я подождал, пока он соизволит замахнуться, и несильно ткнул его носком в пах, чуть повыше края грубого хитона. Реализующий зашипел и ухватился за пострадавшее место, чуть не выколов себе глаз концом алебарды. Не так он себе все это представлял, совсем не так, и соседи не то рассказывали, а я не собирался его разубеждать.

Я повернулся и направился за кулисы. Свободный гражданин моментально забыл о травме и зарысил вслед, охая и собираясь треснуть меня по затылку своим антиквариатом. И тут за ним встал мой утренний бес. Ремешок на его ноге лопнул, копыто отлетело в сторону, и, припадая на одну ногу, он казался хромым. Хромым, живым и невредимым.

Каким и был.

Никто и никогда не успевал заметить Момента Иллюзии.

Правым кулаком — кулаком только что отрубленной руки — бес с хрустом разбил позвоночник Реализующего Право; и лишь распоротая туника беса напоминала об ударе моего тесака, сорвавшем аплодисменты зрителей.

Реализующий подавился криком и сполз мне под ноги. Я посмотрел на ухмыляющегося беса и отрицательно покачал головой. Бес пожал плечами и склонился над парализованным человеком. Шип браслета погрузился в артерию, Реализующий дернулся и начал остывать.

Я подобрал алебарду и поднял глаза на неистовствующие трибуны. Все они были свободные люди, все они имели Право, и я завидовал им.

Право на смерть. Все — кроме нас. Мы не имели.

Мы — бесы. Бессмертные. Иногда — гладиаторы, иногда — рабы на рудниках.

Низшая каста.

Подонки.

Пыль манежная.

11

...Марцелл сделал шаг назад и сжал ладонями виски, болезненно морщась.

— Ну как? — тихо спросил он глухим, чужим голосом, словно гордо его было забито песком ушедшей в небытие арены.

Сигурд не ответил. Он все смотрел на свои руки, словно впервые их видел, и судорожно сжатые в кулак пальцы никак не могли расслабиться и стать — ладонью.

— Плохо, — вместо него ответил Солли. — Тошно и противно. Я бы на вашем месте тоже восстал. Только веков на пять-шесть раньше...

Марцелл грустно улыбнулся. Так, наверное, могла бы улыбнуться скала.

Или ребенок.

— Знаешь что, парень, — оставайся-ка лучше на своем месте. И не думай, что оно чище или грязнее чужого...

...А дальше была пещера, костер, и то особенное, ночное состояние после тяжелого дня, когда тепло и спокойствие обволакивает утомленное тело, и хочется говорить, говорить, ни к кому конкретно не обращаясь, говорить — или слушать...

— Хорошо... — еле слышно прошептал Даймон. — Как в сказке... тихо и спокойно...

Марцелл подбросил в огонь кривую раздвоенную ветку, и Ярроу поймал себя на том, что любуется изяществом этого простого жеста. Бес двигался легко и экономно, и даже неподвижность его была сродни неподвижности парящего орла, застывшего в потоке несущей его стихии... Кастор выглядел мощнее: каменные плечи, гранит рук и спины, валуны бедер, но Кастор был внизу, в зале, со многими другими, а Марцелла даже представить нельзя было ушедшим в сталагмиты.

— Что как в сказке? — спросил Марцелл, щурясь от дыма и отворачиваясь.

Даймон расслабленно потянулся, закладывая руки за голову.

— Все это... Ночь, огонь... сидим вот... дым тебе в глаза лезет... Одна сказка закончилась, а другая еще не началась... и до завтра — далеко...

— А что это такое — сказка? — неожиданно спросил Солли. Он лежал в трех шагах от костра, бок, исцарапанный колючками, болел, и очень хотелось сменить облик, но Солли почему-то стеснялся.

— Сейчас, Солли, сейчас объясню...

Марцелл приподнялся и обвел рукой пещеру.

— Вот ты — Солли, Изменчивый, оборотень, гуляющий из шкуры в шкуру с легкостью воды, принимающей форму сосуда, в который налита, но всегда остающийся самим собой; вот Сигурд Ярроу — Скользящий в сумерках, салар, Девятикратно живущий, уходящий и возвращающийся, чего не может сказать о себе ни один из нас, потому что я никогда не уходил, а вы не способны вернуться... Вот Даймон, Пустотник, Меченый Зверем, темница Большой Твари, способный стать зверее зверя и поэтому умеющий быть человечнее человека; и, наконец, я — обреченный играть с Вечностью в кошки-мышки, каторжник, прикованный к каменному ядру бессмертия, обломок нелепости — бес... Что это — мы все вместе, здесь, в этом вывернутом наизнанку мире?..

— Это правда. — Солли даже не заметил, что он уже не слушает, а отвечает. — Это жизнь. Это — есть...

— А ночь? Ночь, покой и тепло крохотного костра? И никаких варков, и после смерти нельзя встать, а бессмертия вообще не бывает, и оборотень — лишь легенда, щекочущая нервы и страшная ровно в меру поглаживания против шерсти, а волки и удав никогда не смогут охотиться вместе?..

— Это выдумка, — одновременно усмехнулись Солли и Сигурд. — Так не бывает...

Марцелл покачал головой и посмотрел на Даймона.

— Вот это я имел в виду, — грустно бросил Даймон и отвернулся.

У Ярроу возникло подозрение, что Пустотник имел в виду нечто совершенно другое, но он не рискнул переспрашивать.

— Это потому, что все мы в чем-то Пустотники, — задумчиво протянул Марцелл. — В большей или меньшей степени, но — все...

— Почему это все?! — обиделся Даймон. — Это только я — Пустотник, а вы — так... ноги для удава...

— Смотря что понимать под пустотой... Если дырку от бублика, то — да, конечно...

Марцелл для большей убедительности сцепил большие и указательные пальцы рук в кольцо и шумно дохнул в него. Даймон покосился на беса и поджал губы.

— А что понимаешь под пустотой ты?

— Я? Смотри, Даймон, вот сидит хороший парень Солли... Сидит, греется, мясо жует, весь забрызгался... Где сейчас тот свирепый волк, который еще недавно готов был разорвать все и вся?! А дальше сидит хороший парень Сигурд, но швырни его в тревожную ночь — и где искать *этого* Сигурда? Когда остается лишь Скользящий в сумерках, способный выжить там, где не выживет никто, кроме беса... И куда уходит тот, кто был мной всего минуту назад, уступая место тому, кем буду я или кем я стал?.. Вот это я и называю Пустотой — то, чего нет, но может быть. Дружбы между Изменчивым и Постоянным не было — но она могла быть, и теперь она есть. Бессмертия когда-то не было, а сейчас оно есть... или вновь исчезнет из этого мира. Пустота — это пауза между тем, что есть, и тем, что может быть. Пустота — это возможность бытия...

— Варков не было, — хмуро подвел итог Сигурд, — а теперь они есть. И еще как — есть... И мы есть, но если так пойдет дальше, то нас не будет. Кроме тебя, Марцелл, и этих, которые в зале...

— Сами виноваты, — жестко сказал Марцелл. — Просто все вы так часто делали из живого мертвое, что мертвое наконец решило стать живым.

Даймон внезапно вскочил и нервно забегал по пещере. Зу свернулся в клубок, отодвигаясь к стене, а Вайл испуганно заворчала.

— Откуда ты это знаешь? Ты уверен? Факты, Марцелл, факты!..

— Этого не может быть... — хрипло бросил Солли.

— Кто знает? — Сигурд встал и подошел к Марцеллу,

понимая, что сейчас он, Уходящий за ответом, может получить то, за чем уходил, и внутренне страшась этого.

— Кто знает? Может быть, ты знаешь, Марцелл? И это знание — оно и есть твоя Пустота?..

— Нет, — еле слышно ответил бес. — Это не Пустота. Это Бездна. То, чего не может быть, не должно быть, но что очень хочет — быть.

КНИГА ВТОРАЯ

СКАЗАНИЕ О ВИДЕВШИХ РАССВЕТ

Какое, милые, у вас
Тысячелетье на дворе?
Б. Пастернак

ТЕНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Бог, Человек, Зверь
Марцелл, Бес

1

Я отложил перо, встал, разминая затекшее тело, и прошелся между стеллажами. Как зверь в клетке. Туда — обратно. Сорок с половиной шагов — туда, сорок шагов — обратно. Почему-то на обратном пути мне всегда не хватало этой нелепой половинки шага. Никогда не ходите обратно. Всегда чего-нибудь не хватит. Всегда, никогда, да... Ерунда.

Конечно, ерунда. Зал не был клеткой, а если и был, то я сам запер сюда самого себя, и ключи от свободы лежали у меня в заднем кармане. Фигурально выражаясь. Потому что ни ключей, ни кармана у меня не было. А что было?

Было. Быть. Будет. Быть или не быть. Почему я вечно скатываюсь на трамплин этого банального глагола?.. А он, подлец, уже ждет, чтобы бросить мое, измученное Вечностью сознание, в очередные дебри, чья новизна утомляет и приедается к вечеру...

Книга — моя книга — была практически закончена. Оставалось дописать два крохотных куска в качестве своеобразных эпилогов, потому что сюжетные линии упорно разбегались в разные стороны, то сходясь, то вновь спеша своей дорогой.

Вначале я так и собирался назвать книгу: «Дорога», но в последние дни (дни или годы?) чаша весов стала клониться в пользу иного названия.

«ТЕ, КОТОРЫЕ Я».

Однажды мне доводилось видеть, как мастер-оружейник кует из пучка странно переплетенных стальных проволок знаменитый согдийский клинок, который потом можно носить вокруг талии вместо пояса — свернув в кольцо и вставив острие в отверстие рукояти. Не так ли и с моей недописанной «Дорогой», с теми, которые Я?..

Тем, которые Я, было глубоко наплевать на все мои проблемы. Они в углу уже пятый час резались в карты на щелчки и азартно хлестали замасленными листками по табурету, заменявшему стол. Табурет подпрыгивал, громыхая полуотвалившейся ножкой, и короли с дамами принимались отплясывать некий сумасшедший менуэт, меняясь парами и придерживая сползающие короны.

Тот, который Не Я, проигрывал тому, который Был Я, уже тридцать восьмой щелчок и ужасно нервничал по этому поводу. Рука у того, который Был Я, была тяжелая и беспощадная. Это знали все.

— По центру не бей... — бурчал тот, который Не Я, пока партнер злорадно прицеливался. — Ишь, размахался... мухлевщик... Да что ж ты все в одну точку-то лупишь, скотина! Ладно, сдавай по новой... на отыгрыш...

Те, которые Почти Я и Я, но Не Совсем, стояли за спинами игроков, перемигиваясь и готовясь подсказывать, что было почти так же интересно, как играть самому, но гораздо безопаснее.

Все было в порядке. Как обычно. И все равно что-то было не так. Незнакомый привкус носился в затхлом воздухе, еще недавно казавшемся свежим; писать эпилоги не хотелось, хотя они были продуманы до мелочей, и привычные детали вдруг начинали раздражать, как жесткая складка в уюте домашних шлепанцев.

Я прошел мимо стеллажей, пересекая Зал, и по узкой винтовой лесенке поднялся на второй ярус. Там располагалась маленькая каморка с плитой вместо потолка, а над плитой было небо. Я еще помнил его. Выбеленное солнцем, шершавое небо пустыни, разгневанно выгнувшееся над пыльной зеленью Мелхского оазиса. Многое могло измениться надо мной и моим Залом, но небо обязано было оставаться прежним.

Как и я. Это наш общий крест, мой и неба.

Высокопарность подобного заявления могла рассмешить

кого угодно, и я тоже рассмеялся, прикидывая, как давно я не покидал Зала, — если слово «давно» может что-то значить для беса.

Вспомнить не удалось. Я прислушался к себе. Нет. Не это бродило в моей крови сегодняшним хмелем. Совсем не это.

Что?..

Пальцы машинально нащупали рукоять рычага, полуутопленного в нише стены, и всей тяжестью я привычно налег на него. В плите потолка возникло овальное отверстие, и оттуда спустился небольшой поднос из начищенной меди. На нем лежала кучка плодов, плетеная бутыль на ремне и две-три ленты вяленого мяса в красном перце. Еще там были шарики хурута — соленого высушенного творога и совершенно неуместный золотой обруч с крупным дымчатым топазом в розетке посредине. Да, и еще большая пресная лепешка...

Обруч я зашвырнул в угол, где уже валялась изрядная куча подобного хлама, а остальное забрал с собой вниз. И впервые во мне шевельнулся слабый интерес, впервые за последние несколько лет — или столетий, — а откуда, собственно, берется эта еда? И почему на подносе частенько обнаруживаются всякие безделушки вроде обруча?..

Впрочем, интерес так же легко угас, как возник. Жуя слоистые катышки хурута, я спустился в Зал и на двадцать шестом шагу замер в проходе со своим дурацким подносом в руках. У меня были гости. Ну и денек, однако... Не потому ли, что я закончил свою «Дорогу»?

Почти закончил. Почти.

В кресле небрежно развалился Пустотник. Я с трудом припомнил, что зовут его Айрис, и что он не из Меченых Зверем, а из Чистых, да и виделись-то мы с ним раза три-четыре... это когда я прибыл в Мелх во время восстания бесов и потребовал допуска в Зал.

Теперь Айрис был совершенно седым, но кожа его красивого лица с правильными классическими чертами выглядела розовой и упругой, что почему-то наводило на мысли о маске. Лицо статуи, прическа уложена волосок к волоску, а тело подкачало — мелкое какое-то, не от того человека...

Пустотник Айрис задумчиво листал мою рукопись, при этом глядя не в текст, а поверх него, на отдельно лежащий листок черновика. Он молчал, но текст отчетливо звучал в моем мозгу, произносимый глухим насмешливым баритоном с едва заметной хрипотцой.

Айрис, как я уже говорил, принадлежал к Чистым Пу-

стотникам, так что меня не удивил бесплотный сарказм, вторгшийся в мое в сознание. И не такие шутки шутили изредка Чистые, а слова я и так помнил наизусть.

«Пустотники делятся на три основные, ярко выраженные категории. Первая и самая большая из них — это Меченые Зверем. Когда Пустота — то есть Бессознательное — вырывается наружу, поглощая интеллект и самосознание себя как личности, Меченые утрачивают контроль над освободившимся зверем и меняют внешний облик. Срок самостоятельного существования в новом теле относительно невелик, за исключением реликтовых Больших Тварей, у которых он в пять-шесть раз больше, чем у остальных.

У второй категории Пустотников — так называемых Чистых — прорвавшаяся Пустота создает иллюзию полного растворения в окружающем мире, что проявляется в умении воздействовать на мир нетрадиционными способами. В обычном состоянии Чистые Пустотники также сохраняют эти качества, но лишь в частичном, ограниченном объеме.

Третьей категорией являются Отшельники. Пустотник-Отшельник способен, войдя в состояние Пустоты, воспринимать чужие линии бытия как свои собственные, вне зависимости от времени и пространства. Сами Отшельники утверждают, что контролируют цепочку личных перерождений, но пока нет аргументов ни «за», ни «против» подобных утверждений.

Во всяком случае, в состоянии Пустотности Отшельник способен ментально участвовать в некоторых событиях прошлого, а также интуитивно и безошибочно действовать в ситуациях, безвыходных с точки зрения интеллекта.

Записано со слов Пустотника Даймона, Меченого Зверем».

...Те, которые Я, ругались в своем углу, потому что Айрис мешал им доигрывать партию; но Пустотник не видел их. И не слышал их обидных высказываний.

И очень хорошо, что не слышал, потому что те, которые Я, не отличались щепетильностью в подборе выражений.

Никто, кроме меня, не мог воспринимать тех, которые Я.

Никто, никогда, да и я сам изредка начинал чувствовать, что сошел с ума, так и не заметив этого. Эх ты, глупый бес Марцелл с глупым медным подносом, последний в безначальном ряду состояний Отшельника; бессмертный, трагический финал дороги, зашедший в тупик...

Быстро — значит гореть, долго — значит гнить... А если вечно? Некогда я проклинал судьбу и тех, кто в спешке бегства из мира в мир сделал меня бессмертным. Теперь мне стыдно за неразумные проклятия прошлого.

Я цыкнул на тех, которые Я, прошел к шкафчику и запер в боковое отделение полученную еду, не предложив Айрису разделить ее со мной. Потом скинул с табурета карты, сел на него, закинув ногу за ногу, и принялся ждать.

Но предварительно я дал хороший пинок назойливому голосу Айриса, выдворив его из своего сознания. Я просто не мог отказать себе в таком мелком удовольствии.

Я не звал гостей. Я не просил его рыться в моих черновиках. И вообще он мне никогда не нравился. Ни прежде, ни сейчас. Кроме того, Айрис не был тем, которые Я, он был тем, которые Они — а Они меня не интересовали.

Иначе я не ушел бы в свой Зал. А я ушел. От них. Я хотел быть один.

— Все забыли о тебе, Марцелл, — обиженно протянул Пустотник. — Время похоронило тебя под холмом лет, и кроме нас — Чистых — никто не взялся бы раскапывать могилу забытого беса. А может, у других просто не нашлось подходящей лопаты...

Эта тирада была явно заготовлена заранее. Но что-то помешало розовому Айрису войти в планируемую колею беседы, и он, похоже, неожиданно для себя самого, начал с середины. А теперь нервничал, нащупывая спутавшуюся нить.

Я ощутил робкое искательное прикосновение — изнутри, вслепую Пустотник пытался нащупать контакт, понимая всю тщетность насильственного вторжения в психику Отшельника, и к тому же — Отшельника-беса.

Я вздохнул — и расслабился. Айрис облегченно откинулся на спинку кресла, его тщедушное тело почти исчезло в складках широкой бесформенной одежды; и события прошлого — или события моего затянувшегося настоящего — хлынули через меня. Я пробовал их на вкус, различал цвета и запахи и ни на мгновение не забывал о том, что Пустотник наверняка придает всему некую личную окраску.

Победоносное нашествие калорриан цев, соглашение Порченых жрецов с восставшими бесами, страшный разгром у Сифских источников, эмиграция бесов из Согда и их приграничные поселения, новые расы второго поколения — Девятикратные и Изменчивые, войны между выросшими детьми и, наконец, поляна в зарослях Муаз-Тая и решение об уходе...

...Айрис взмок, и я поглядел на него с некоторым сочувствием и скукой.

— Неужели ты сам не замечаешь банальности происходящего? — спросил я. — Или, вернее, происшедшего... Боги и демоны, Айрис, белые боги и черные демоны, и их дети от смертных — герои и чудовища, каждый из которых считает себя героем, а всех остальных — чудовищами и готов доказывать свою правду любыми методами... Это так естественно. К сожалению... А потом боги под руку с демонами удаляются в легенды — или куда там вы собрались? — а герои истребят чудовищ и примутся друг за дружку. Тысячелетие спустя слепой картавый певец опишет их подвиги длинными строчками с необычным ритмом, причем половину переврет, а половину придумает сам. Я...

— Я ведь предупреждал тебя, Айрис. Он не пойдет.

Из-за стеллажа вышел человек. Просто человек. Я не мог ошибиться. Смуглый, горбоносый, в просторной тоге согдийских аристократов — но я не стал разглядывать его.

Айрис посмел привести в мой Зал чужого! Чужого!.. Посмел!..

— Вон отсюда, — тихо сказал я, поднимаясь. — Немедленно...

Те, которые Я, сгрудились у меня за спиной, и Айрис вздрогнул, почувствовав тяжесть сгустившейся в воздухе тишины.

— Это лар Тидид, глава одного из самых влиятельных в нынешнем Согде семейств, — поспешно сказал Пустотник, пытаясь снять напряжение.

Я молчал. Человек по имени Тидид глядел на меня, кривя тонкие бесцветные губы, и я снова уловил отголосок странной утренней тревоги, смешанный с ароматом дорогих благовоний.

— Мы, Чистые Пустотники, — продолжал меж тем Айрис, — и те из людей, что еще сохранили гордость, приняли решение. Мы спасем людей, Марцелл. Мы уведем их от вас — бессмертных, оборотней, возрождающихся — и за недолгие годы передышки будем искать Дверь. Людям нужен свой мир, где их не станет преследовать ожившая легенда. Мы идем тремя большими группами, и с каждой идут Чистые. Это будет нашим делом — потому что людям должно принадлежать будущее. Просто людям. То будущее, которое у них отняли.

Лар Тидид согласно кивнул. Глаза его горели темным, яростным огнем. Огнем костра в ночи, у которого не найти тепла и приюта.

— Не надо делить будущее, — сказал я. — Не надо, Айрис... Ищи свой мир, мир просто людей, открывай Двери, но знай: стоящий рядом с тобой согдиец никогда не захочет стать просто человеком. Ему необходимо ощущать себя *просто человеком*. А такое смирение паче гордыни. Ломись в Дверь, если она есть, но не забывай об этом. Спасай людей, но не дели живущих по придуманным тобою признакам. Иначе придет час, когда будут спасаться от вас. Ты же видишь, твой Тидид уже сейчас согласен убить меня — меня, беса! — за то, что я не хочу участвовать в вашей игре. Фанатики умеют разжигать костры или гореть на них. Это все, что они умеют.

— Ты уже мертв, бес, — покачал головой согдиец.

Голос у него был низкий и гулкий. Властный голос... За таким пойдут...

— Выйди наверх, бессмертный отшельник, и ты поймешь, что давно умер. И помни: мы звали тебя с собой. Ты мог стать человеком. И не захотел.

Через мгновение Зал был пуст. Гости исчезли. Я всегда удивлялся способностям Чистых, но никогда не завидовал им.

2

— Ну и убирайтесь, — бросил я в пустоту.

Ответа не последовало. Яд кипел в моем мозгу, и немалая часть его принадлежала надменному Тидиду.

— Сам дурак — попробовал усмехнуться я.

Не помогло. Пустота была внутри, а не снаружи меня.

— Бесполезно, — тихо шепнул я, разводя руками. — Ломайте стены между мирами, спасайте людей от самих себя, только в любом мире ваши «просто люди» будут мечтать о бессмертии, бояться оборотней и петь песни о героях, возрождающихся из пепла. Не это делает человека человеком или нечеловеком, но вы этого никогда не поймете. Бессмертные, Девятикратные, Пустотники, Изменчивые — во имя «просто людей» вы уже успели прийти к понятию «просто нелюди», и это не та Дорога, которая ведет к спасению. Да и стоит ли?..

Я говорил, но слова не смывали с моей души жгучего налета последних слов Тидида. Почему он сказал, что я мертв? Я, бес — мертв?!

Те, которые Я, сидели в углу и недоуменно перешептывались, пожимая плечами. Я скользнул по ним рассеян-

ным взглядом, потом повернулся и глянул внимательнее... И понял причину сегодняшнего раздражения и беспокойства. Двоих не хватало. Тот, который Буду Я, и тот, кем Я Не Буду Никогда — они ушли. Я даже не заметил, когда они ушли.

У меня больше не было будущего. Оно ушло. Только прошлое и настоящее.

...Я поднялся по винтовой лестнице на второй ярус и стал взбираться по костылям, вбитым в стену, к плите, служившей потолком и закрывавшей небо.

Я шел к небу. Я шел искать того, который Буду Я.

Потайная пластина отъехала в сторону, и я выбрался наверх, запрокидывая голову...

И замер. Надо мной не было неба. Надо мной была крыша.

В дальнем углу приземистого полутемного здания стояла статуя. Я глянул на нее и мне показалось, что я смотрю в зеркало.

Это был я.

Только каменный. И на лице у меня застыло отвратительно-величественное выражение.

3

...А неба не было!..

Вместо блекло-голубого купола, отполированного шершавым ветром пустыни, надо мной нависал серый потолок с какими-то странными фресками и барельефами. Круглые окошки, напоминавшие бойницы, по капле цедили солнечный свет — когда я выбирался из Зала, меня не покидала уверенность, что наверху — день. И я не ошибся...

Понастроили, понимаешь... Не успеешь отлучиться лет эдак на пятьсот, как обязательно апостолы понабегут и навалят кучу хлама... Стоп! Не хлама — храма!.. И верно — храм, а посредине, значит, объект поклонения собственной персоной... Геройский, надо сказать, объект: торс обнажен, мышцы гипертрофированы, лицо искажено экстазом борьбы и, вообще, довольно-таки злобная харя, а в победно вскинутых руках — два широких блестящих ножа. Ну не то чтобы ножа, но штука хорошая, с понятием — мои старенькие манежные «бабочки», которые я ухитрился где-то потерять те же пятьсот лет назад.

Так что стою я здесь давненько, стою и скалюсь на входящих. Каменный. С «бабочками».

Храм был посвящен мне. Сколько ж это я в Зале просидел?.. М-да... Спасибо тебе, Тидид, спасибо за слова твои горькие... Какое это, милые, у вас тысячелетье на дворе?..

Ладно, скулить не время, лучше поглядим, что мои почитатели здесь наваяли... Фрески добротные — умеют рисовать, и краски яркие, даже в полумраке видать, — впрочем, мне не привыкать, как-никак столько времени в сумраке Зала... Ага, кажется, вот и мои двенадцать подвигов... интересно, я хоть парочку из них совершал или нет?

Да уж, оказывается, совершал... вон, крайний слева. Иду себе по диагонали, злой и радостный, и тащу на плече издыхающее чудище с обломком трезубца в чешуйчатой груди. Врете, апостолы хреновы — трезубец-то как раз на арене остался, а Даймон, когда я его в Мелх тащил, уже человеком был. Но — мифология, что с ней поделаешь... художественный вымысел, гипербола, метафора и прочая анафема...

Хотя Большую Тварь художник явно никогда не видывал. Те, кто ее видели, те потом не рисуют. И рога у нее (у Твари, то есть) отсутствуют, и морда не как у крокодила, а плоская и шире, ну и, понятное дело, дыма она из пасти отродясь не пускала...

А пятиголовых змеев — этих даже я не встречал. И те, которые Я — тоже... Но местные, надо полагать, лучше знают — встречал и рубил, и вполне успешно. А вот средняя морда змия мне кого-то напоминает... Медонта, что ли?.. Что ж это получается: пять голов — пять Порченых жрецов Согда?! Интересная аллегория...

Следующие восемь подвигов нагоняли тоску полным единообразием. Ой-ой-ой, братцы и сестрицы, сколько ж я народу порубить успел, пока в Зале отсиживался! Не покладая рук...

Скрипит дверь. В храме резко светлеет, солнечный бич хлещет по моему изваянию и клинки в руках статуи вспыхивают то ли радостно, то ли зловеще. Свет бьет мне в глаза, я щурюсь и различаю лишь темный силуэт на фоне проема. Но меня человек явно видит. Ну-ка, ну-ка, правоверный, как тебе второе пришествие?..

Человек дико визжит и принимается скакать, размахивая руками. С минуту я тупо гляжу на него, размышляя о странности здешних ритуалов, потом понимаю, что меня приглашают выйти из храма.

Приглашение становится все более настойчивым, у меня чуть не лопаются барабанные перепонки, и я решаю не пререкословить. Тем более, что в мои планы не входит посвящать остаток Вечности созерцанию собственного героизма.

Прошествовав к двери, я задерживаюсь на пороге и по-

лучаю увесистый пинок от крикливого и мрачного туземца — и правильно, нечего зря пялиться на чужие святыни. Видимо, статуя походила на оригинал меньше, чем мне сгоряча показалось.

Я ускоренно покинул храм и снова прищурился. Не от пинка, конечно, который пришелся совсем на другую часть тела, а от солнца, прочно забытого мною в сиреневых сумерках Зала. Пора привыкать заново... и к солнцу, и ко всему остальному...

Когда глаза мои обрели способность видеть, я обнаружил невдалеке множество разноцветных кибиток, вокруг которых суетились темнокожие люди в тюрбанах и халатах; а также выяснил, что под пальмами древнего Мелхского оазиса пасутся банальные овцы и с десяток верблюдов. Один из них покосился в мою сторону и меланхолично плюнул.

Кочевники. Храм. Кибитки. И стоят здесь не первый день и не в первый раз — по всему видно. Овцы, опять же... И верблюды. Раньше ничего этого тут не было. Кажется, жизнь успела сделать очередной виток.

А небо... небо все то же. Здравствуй, небо! Будем привыкать заново...

4

...Я привыкал уже несколько часов подряд, причем привыкал довольно своеобразно: меня сторожили два здоровенных смуглых воина с ассегаями, а неподалеку бушевал расширенный совет племени. Поначалу я ничего не мог разобрать, кроме одного: чужака застали в храме Великого Отца Маарх-Харцелла, а в оный храм и своим-то без особой надобности ходить не рекомендовалось. И теперь совет племени битый час выяснял, кто я такой, откуда взялся и что положено со мной делать.

Предлагалось многое и разнообразное. А я все никак не мог понять: почему они не пытаются получить ответы на свои вопросы у меня, вместо того чтобы долго и безуспешно спорить? Правда, пока они препирались, я успел сообразить, что говорят кочевники на одном из знакомых мне наречий племен Бану, только произношение оставляло желать лучшего: или время, или всеобщее возбуждение сделали свое дело. А некоторые выражения были мне совершенно неизвестны, и, кажется, к счастью...

Я лежал, слушал и привыкал. Нет, богом меня явно не считали. И не надо. Лишь бы им сгоряча не пришло в го-

лову меня казнить. Или попытать для разнообразия. Думаю, в этом случае всех ждало сильное разочарование. Для роли казнимого я, со своим Моментом Иллюзии, присущим всякому бесу, никак не годился. А так — сколько их было, судеб, масок, тех, которые Я...

Наконец старейшины (вожди? жрецы?) устали от собственных воплей, так и не придя к единому мнению, и потребовали привести святотатца.

То бишь меня.

Суровый седовласый вождь в неприлично вытертом для патриарха халате внимательно осмотрел меня с ног до головы, неодобрительно поцокал языком и буркнул нечто нечленораздельное.

Догадаться было нетрудно. «Ты кто такой?» и еще одно слово. Короткое совсем... хорошо, хоть одно.

Мог бы и раньше спросить.

— Человек.

Ответ вызвал оживление окружающих.

— Как ты проник в храм Великого Отца племени Бану Ал-Райхан, Вечного Маарх-Харцелла?!

Ну не объяснять же им, как я туда попал на самом деле?! Или что я и есть Великий Отец Маарх — Карх — хх... ну и имечко! Не хочу быть богом. Хочу человеком. Пока получится.

— Не помню.

Не знаю, поверили ли мне, но бородатый доходяга с размалеванным лицом и в особо высоком тюрбане — я сразу окрестил его жрецом — засеменил к вождю и шепнул ему на ухо:

— Отец Маарх-Харцелл отнял память у осквернителя!..

Наверное, он решил, что Харцелл отнял у меня заодно и слух. Я не стал его разубеждать.

Вождь согласно кивнул.

— Ты не помнишь, кто ты и откуда? — Вопрос был больше похож на утверждение.

Мне не хотелось его разочаровывать. Как и жреца.

— Не помню. Ничего не помню.

— Даже как тебя зовут? — подозрительно спросил вождь.

— Не помню, — привычно повторил я, поскольку еще не успел придумать себе имя.

— Что ты умеешь делать?

— Не знаю. Может быть, руки вспомнят. Голова забыла.

Вождь нахмурился. Слишком умная фраза. Особенно для святотатца, чей разум помутил гневный Маарх...

— Его надо наказать, — упрямо заявил один из ста-

рейшин. Он мне сразу не понравился. — Давайте побьем его камнями.

— Он уже наказан, — презрительно бросил жрец, садясь на циновку. — Пусть живет. Он правильно сказал — руки вспомнят. А работа найдется.

Я посмотрел на грязных верблюдов и понял, что работа действительно найдется.

Вождь снова согласно кивнул. Похоже, здесь всем заправляет тощий жрец. Учтем...

— Хорошо. Пусть остается с детьми песков Карх-Руфи. Мы найдем для заново родившегося имя и дело.

5

...Почти год я растворялся в терпкой, хрустящей на зубах естественности Бану Ал-Райхан. Три пыльных зимних месяца в Мелхе, три жарких перегона между оазисами Сарз и Уфр, три долгих выпаса на северо-восточных пастбищах, где уже начиналась степь, запретная для гордых и наивных детей Карх-Руфи... Иногда у меня создавалось впечатление, что за счет природного барьера хребтов Ра-Муаз с одной стороны и одуряющей жары и безводья пустыни — с другой, племена Бану — которые еще оставались — словно выпали из общей картины мира и не спешили вернуться.

Изменчивые. Девятикратные, уведенные Чистыми Пустотниками горожане, ушедшие сами бесы и остальные Пустотники — все это было где-то далеко, за занавесом горизонта, и легко тонуло в неизвестности и безразличии.

Пожалуй, я был счастлив. Я искал имя и дело, я искал того, который Буду Я, или хотя бы того, кем Я Не Буду Никогда, и мои новоявленные соплеменники помогали мне — беззлобно и весело.

Я неумело доил верблюдиц и шарахался в сторону от злобных горбатых гигантов-наров, стриг косматых овец, путаясь в их курчавой шерсти; бил молотом по наковальне в перевозной кузнице Фаарджа, потерявшего левый глаз из-за случайной искры, и мои руки тоже были счастливы, потому что им не приходилось вспоминать прежние навыки...

Что мог бывший бес-гладиатор бывшей Согдийской империи? То же самое, что прекрасно умел Отец Маарх-Харцелл на фресках Мелхского храма...

Я умел убивать — и был рад забыть об этом. Пятиголовые змеи мне не попадались, так что некому было возрождать к жизни умершего некогда бессмертного Марцелла.

Вместо него осталась статуя в храме с «бабочками» в каменных руках и неловкий чужак по имени Марх-Ри, что в приблизительном переводе значило «Ударенный Отцом».

В дословном варианте все звучало гораздо грубее, хотя и довольно смешно. Во всяком случае, с точки зрения Бану Ал-Райхан...

О небо, какими же мирными и безобидными были они, с их широкими ассегаями и устрашающей раскраской! Иногда я вспоминал все, что успел рассказать мне Пустотник Айрис перед уходом, и тогда мне становилось страшно. Чистый не обманул меня.

Сумерки надвигались. Они подошли вплотную.

Спор за будущее между Девятикратными и Изменчивыми рано или поздно — но неизбежно — должен был захлестнуть безмятежные пески Карх-Руфи, вовлекая племена Бану в убийственный, обжигающий смерч, и много ли будут стоить тогда тяжелые лезвия ассегаев против мечей Скользящих в сумерках, против клыков Меняющих облик и против девяти жизней — усеченной вечности по Отцовской линии?!. И что будет, если я не выдержу и вмешаюсь?.. Последний манежный бес в этом парадоксальном мире, ставшем ареной для того, что не должно освобождаться из оков сказаний и легенд... Ах, как хорошо умел я убивать на такой арене — я, не способный умереть на ней...

Возможно, Чистый Айрис и гневный Тидид были правы, мечтая увести людей за пределы, но их правота не подходила мне. По-моему, если бы сородичи Тидида получили бы все те качества, в которых им было отказано судьбой — бессмертие или хотя бы возрождение, умение менять облик и способность воздействовать на мир, подобно Чистым Пустотникам — то дальнейшее поведение Тидида можно было бы свести к трем словам.

Горе всем остальным!..

Знакомые слова, не правда ли?..

Я был бес. Время работало на меня. И некое подобие плана стало созревать в моей голове. Ведь смог же бес Марцелл превратиться одновременно в яростно-сокрушающего Маарх-Харцелла, Отца людей Бану Ал-Райхан, и в безродного дурачка Марх-Ри?

Я собирался превратить смуглых кочевников в нечто. В легенду. У меня был опыт. Дело оставалось за малым.

Мне нужна была власть.

Конечно, я мог взять ее силой, как берут непокорную рабыню. Мог — и не хотел. Цель иногда оправдывает средства, но чаще предпочитает выступать в роли обвинителя.

Случай представился совершенно случайно. Как и подобает случаю.

В канун новых кочевий мы вновь вернулись в Мелх — поклониться храму и спеть гимн в честь меня. Тьфу ты... впрочем, гимны мне все равно не понравились.

Тощий жрец Нууфис заводил по дюжине мужчин в храм — первыми шли вожди, чтобы достойнейшие в полной мере могли усладить свои взоры созерцанием деяний Предвечного и так далее. Однообразие сюжетов их почему-то не смущало, и даже напротив — зрители впадали в экстатический восторг, и взмокший Нууфис спешил вывести их наружу и усадить на песке широким полукругом.

За вождями и мужчинами располагались юноши-подростки и я, в качестве отрицательного примера для юного поколения, а женщины и дети толпились на почтительном расстоянии. Четверо стариков принялись усердно терзать толстые струны, натянутые на невесть что, и под их рокочущий аккомпанемент на сцену вышел все тот же жрец Нууфис, по самые татуированные уши преисполненный чувства собственного достоинства.

Лицо Нууфиса всегда было разрисовано до полной неузнаваемости, а сегодня он просто превзошел самого себя. Я глядел на него и удивлялся тому, что можно сотворить из обыкновенной человеческой физиономии. Однажды я совершенно случайно увидел жреца без грима — ничего особенного, довольно-таки противный старикашка... А тут...

С полминуты Нууфис плясал нечто ритуальное и даже в некоторой степени воинственное. Он высоко задирал худые старческие ноги, мучаясь одышкой и спотыкаясь, а потом плюхнулся на песок и нараспев принялся сообщать племени о неисчислимых подвигах их замечательного Отца.

Через некоторое время все Бану Ал-Райхан мерно раскачивались из стороны в сторону, изредка хлопая в ладоши, а я прятал усмешку и старался не выделяться.

Сказитель из Нууфиса был никудышный. Ритм он держал из рук вон плохо, импровизировать не умел и зачастую перескакивал с одного на другое, отчего великий Маарх-Харцелл переходил от любви к смертоубийству без особой разницы между первым и вторым.

Мне стало скучно, и я огляделся вокруг. И в это мгновение те, которые Я, приблизились и положили руки мне на плечи.

Если хотите, считайте меня сумасшедшим, но тот, который Буду Я, стоял вместе с остальными. Я наконец нашел его. Или, вернее, это он нашел меня.

Я вскочил на ноги, перепрыгнул через сидящих впереди, вырвал два копья — у вождя Менгира и кузнеца Фаарджа — и ринулся на свою арену.

Нууфис в изумлении поперхнулся, но я не дал ему опомниться. Для начала я исполнил боевой танец «Горный хребет», который обычно танцевали манежные бесы в Согде перед открытием Игр Равноденствия. Правда там он исполнялся с плетеным бичом и трезубцем, но я внес по ходу дела некоторые изменения, а Бану Ал-Райхан не были столь уж строгими ценителями.

Дождавшись восхищенной тишины, я издал дикий визг и скорчил самую ужасающую рожу, на которую был способен. Затем голыми руками сломал толстое древко копья — собственно, не такое уж и толстое — и подмигнул одному из тех, которые Я.

А он улыбнулся в ответ.

— Гнев воспоем Маарх-Харцелла, великого мужа,
Грозный, который согдийцам тысячу бедствий наделал;
Многие души могучие славных героев низринул
В самую бездну и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам...

Племя безумно взвыло в экстазе, подбрасывая в воздух все, что только можно было подбросить. Нууфис застыл с открытым ртом, а те, которые Я, уже кружились вокруг меня в бешеном хороводе, и мне оставалось лишь удерживать этот водоворот и самому удерживаться в нем...

— Ой ты гой еси, добрый молодец,
Богатырь Маарх свет Харцеллушка!
А и ехал он по пустынюшке
На добром коне неподкованном...

...Женщины перемешались с мужчинами, вожди били в ладоши наравне с подростками, приземистой тушей возвышался за моей спиной храм с дверьми в виде разверстой пасти ужасного монстра, а я плясал, размахивая уцелевшим копьем, плясал в упоении, как некогда на манеже древнего Согда танцевали бесы перед боями, в которых не было, да и не могло быть убитых, — о небо, если бы только такие бои могли случаться на этой несчастной земле!..

— Длинных копий частый лес
В клочья мелкие изорвал
Семь небесных покрывал.
Семистолпный смерч до небес
Над песками Карх-Руфи встал.
Уходи, кто пока что цел!
Вай, Отец наш, Маарх-Харцелл...

...На следующее утро я был произведен в ранг помощника жреца Нууфиса. Еще через полгода меня объявили его официальным преемником. Правда, для этого мне пришлось жениться на всех восьми дочерях Нууфиса...

И если вам скажут, что это произошло в течение одной ночи, — плюньте тому в лицо...

6

...Спустя четверть века не было для Девятикратных и Изменчивых места страшнее, чем зловещие пески Карх-Руфи. Те, кто случайно забрел в пустыню и кому удалось вернуться, рассказывали потом не об удушающей жаре и муках жажды, а лопотали нечто бессвязное о раскрашенных демонах в человечьем обличье, об огнедышащем драконе, внутри которого расположилось тайное капище, и о шамане Владыки Тьмы Маарх-Харцелла, который на глазах у пленных вспарывал себе живот, пил расплавленное олово, а потом — целехонек — провожал заикающихся горемык до границ его песчаных владений и любезно приглашал заходить еще.

Желающих, как правило, не находилось.

А через три четверти века все прочно позабыли и о жутком шамане с его странным племенем, и о людях, ушедших вслед за Чистыми Пустотниками в поисках выхода из этого мира, ставшего для них чужим.

Бесы скрылись в Пенатах Вечных, Пустотники — Меченые Зверем — умирали или продолжали скитаться в одиночестве, Скользящие в сумерках и Перевертыши спорили из-за будущего и все никак не могли его поделить; годы шли неспешной вереницей, и наконец подошел тот черный год, когда наставник Гударзи сообщил наставнику Фарамарзу о появлении в Калорре Бледных Господ, а Солли и Морн с ужасом смотрели на горящего под лучами солнца Орхасса, привязанного к столбу.

Пришел год Уходящих за ответом...

7

— Айя, господин!.. Господин!..

Маленькая Юкики, запыхавшись от быстрого бега, в нетерпении пританцовывала у задернутого полога шатра. Она была всего лишь пятой женой великого жреца Маарх-Сату,

что значит «Голос Отца», и ей не полагалось без разрешения входить в шатер престарелого мужа. Свежие новости щекотали молодой женщине небо, и она еле-еле дождалась хриплого, неопределенного голоса из ковровой глубины.

— Что там, Ю?..

Юкики переступила толстую складку порога и замерла у входа. Жрец Маарх-Сату сидел у дальней кошмы в позе созерцания. Его седые космы выбились из-под головной повязки, падая на раскрашенное лицо. Он чуть горбился, и руки жреца прятались в широких рукавах тяжелого ватного халата. Неподвижность его была сродни неподвижности древнего идола.

Юкики вздохнула и осмелилась начать.

— Гость, мой господин! Странный гость — сам пришел, один, пить не просит, есть не просит, тебя просит... Говорит — в Мелх не войду, буду у колодца жреца ждать. А не захочет идти — передай это...

Юкики вытянула перед собой руку, еще не набравшую полной женской округлости, и разжала пальцы.

На ладони лежала монета. С выбитым чеканным профилем в узком зубчатом обруче.

Согдийский феникс. Древний и потертый.

Слишком древний.

Жрец Маарх-Сату медленно встал, разгибая хрустящие колени, и вышел из шатра, не говоря ни слова. Юкики смотрела ему вслед, и губы ее беззвучно шевелились.

— Ай, господин... мой господин... Гость — тоже господин... только совсем плохой... бледный-бледный... Есть не просит, пить не просит... Зачем пришел?

Маленькой женщине почему-то хотелось плакать.

8

— Ты, Тидид?

— Я, Марцелл...

— Ну что, открыли Дверь?

— Открыли, бес...

— И что за Дверью?

— Бездна, Марцелл. Оттого и не ушли. Остались...

— Побоялись в бездну шагнуть?

— Не в бездну. В Бездну! И только так. Но не побоялись. Шагнули. Чистые шли первыми. Я и другие — за ними. Скоро все люди станут такими, как мы.

— Как я?

— Как ты. Я теперь вечен, Марцелл.
— Как Изменчивые?
— Как они. Я меняю облик, Марцелл... И многое другое.
— А где тень твоя, Тидид?
— А зачем мне тень, Марцелл?
— Луна в глазах твоих... Где твой рассвет, Тидид?
— А зачем мне рассвет, бес?
— Хорошо, пусть так. А остальные? Те, кто не пойдет?..
— Горе всем остальным, Марцелл!..
— Ты говорил мне раньше, согдиец, что я — мертв. Теперь я — жив. Ты раньше тоже был жив. Теперь ты — мертв.
— Ты вечно жив, Марцелл. Я — вечно мертв. Есть ли разница?!
— Не знаю. Зачем пришел? Опять за мной?
— Нет. За людьми пришел. За твоими людьми. Пусть уйдут со мной. К Двери.
— Нет.
— Да...

...Сгорбившись, старый жрец смотрел, как худой человек, не оборачиваясь, не отбрасывая тени, идет между кибитками, растворяясь в сумерках.

Потом жрец перестал горбиться. Он устало стянул головную повязку вместе с седым париком и вытер ею потное раскрашенное лицо.

9

...Вот и случилось то, чего боялся я и во что не хотел верить, пряча голову в горячий песок сиюминутности...

Я не знаю, кем ты стал, упрямый Тидид, но ты получил все, к чему стремился. Все — и с лихвой, и зависть захлебнулась полученным... Не дорого ли плачено, Тидид?!. Жизнью своей оплатили вы, ушедшие и вернувшиеся, новое могущество, потому что живые не должны уходить — и возвращаться.

Девятикратные тоже умеют возвращаться, но — утром. Утром, с рассветом, а не в ночи, после заката, как воры... Вы отбросили жизнь свою вместе с тенью, потому что солнце не хочет больше видеть вас, только сами вы вряд ли понимаете это. Ты смеешься, Тидид, ты разводишь руками, речи твои разумны — но они холодны, и от голоса твоего несет тлением!.. Так что разница между нами все же есть...

Ты пришел за людьми. Ты хочешь увести Бану Ал-Райхан, увести к бездне. Ты желаешь им добра, ты хочешь всех сделать такими, как ты сам, ты всех хочешь сделать такими...

Мертвыми.

Нет, ты не скажешь им этого. Ты и себя не считаешь мертвым. Но я-то чувствую правду, и я — боюсь! Я, бес, бессмертный, которому никто и ничто в этом мире не в силах причинить вред — я боюсь! Потому что не знаю, что могу я, вечно живой, противопоставить тебе, вечно мертвому?! Я не нахожу ответа на свой вопрос, и страх охватывает меня, сжимая вечно молодое сердце липкими старческими пальцами. Ибо ты, Тидид, знаешь, зачем пришел, и знаешь, что тебе делать, а я — не знаю.

Я знаю одно: меня снова силой вовлекают в жуткую и бессмысленную игру, в которую я когда-то выиграл, а теперь оказывается, что это игра без правил, и вновь передо мной мой старый противник — Смерть. Что с того, что тогда, почти шесть веков назад, она звалась Некросферой, и я считал, что навсегда отправил ее в небытие? — Разве может умереть то, что и так мертво?! Ты стоишь передо мной, посланец Бездны, небытия, захотевшего быть; и веет от тебя могильным холодом. Нет во мне смерти, Тидид, неподвластен я тебе — но и ты неподвластен мне, ибо нет в тебе жизни... Мы в разных плоскостях с тобой... но где-то далеко за горизонтом наши плоские миры пересекаются. А может быть, он не так уж и далек, этот горизонт...

И я боюсь, до дрожи боюсь нашего пересечения; у меня отнимаются ноги, и во рту становится сухо, и я заливаю эту пустыню дождем терпкого, недобродившего вина и уже не могу понять: действительно ли это ты, Тидид, стоишь напротив, стоишь и усмехаешься, или это лишь плод моего взбесившегося воображения...

Следующая чаша была выбита у меня из рук. Тот, который Был Я, без лишних церемоний закатил тому, который Есть Я, увесистую затрещину, и рядом с ним молча встали остальные — Те, которые Я.

О небо, как же они меня били!.. Били и молчали... «Ты же Отшельник, скотина, — молчали они, — вставай, мразь, вставай, пьяный бес, забывший себя, как встал ты шесть веков тому назад!.. Иди на арену, пыль манежная, иди туда, где твое место, иди — трус!.. Они все ушли, твои братья по Вечности, и один в поле не воин, но все равно — вставай, тот, который Мы!..»

Я судорожно вцепился в остатки своего родного и уют-

ного страха, но хмель неудержимо улетучился из головы, а страх уходил вместе с ним, уходил, не оборачиваясь, и осталась одна ярость, зрячая, страшная, бесовская ярость, потому что те, которые Я, были правы, потому что ночная тварь уводила людей, уводила мое племя, а я...

Я встал. И Тидид — или его призрак — колыхнулся и растаял в свежем дыхании ветра, откинувшего полог моего шатра.

Голова раскалывалась, но мне было не до того. Во-первых, одного из нас по-прежнему не хватало. Я не мог понять, кого именно, но он был мне очень нужен. И второе: улыбка, улыбка Тидида, кривая, но торжествующая улыбка на тающем лице...

Я отдернул полог и вышел из шатра.

И увидел покинутый, опустевший Мелх. А из-за горизонта вставало кроваво-красное солнце...

10

...Я медленно брел по брошенному лагерю, незряче уставившись перед собой, и вдруг из кибитки старого знахаря Хар-Алама мне послышался приглушенный стон. Не задумываясь, я метнулся туда...

Старик лежал на вытертой кошме и натужно, с хрипом дышал.

— Пить... — еле слышно простонал он, не открывая глаз.

Я сбегал за водой. Немощный знахарь жадно глотал теплую жидкость, заливая впалую грудь, и наконец разлепил веки.

— Кто ты? — с испугом спросил он.

— Ты что, Алам? Совсем плох?!

— Кто ты? — снова повторил знахарь.

— Маарх-Сату, великий жрец...

— Лжешь!..

Только тут до меня дошло, что я сейчас без грима, без парика, без...

— Смотри на меня внимательно, мудрый Хар-Алам... Когда ты был ребенком, ты видел меня молодым, и память твоя не ослабла с годами. А теперь Великий Отец Маарх-Харцелл в награду за послушание вернул мне молодость!

Ничего лучшего я придумать не мог.

Знахарь долго изучал меня, и недоверие в его взгляде уступало место изумлению и благоговейному трепету.

— Я узнаю тебя, о святой Маарх-Сату! Прости, подвижник, дряхлого глупца, усомнившегося в очевидном...

— Ладно, старик... В том нет твоей вины. Но Великий

Отец призвал меня к себе, и я отсутствовал всю ночь. Скажи, Хар-Алам, что здесь произошло?

Знахарь мучительно кашлял, брызгая слюной и хватаясь за горло. Потом он перевел дух и осмелился заговорить.

— Печален будет мой рассказ, о великий жрец. На закате к нам явился бледный господин, беседовавший с тобой, собрал племя и объявил, что Отец Маарх-Харцелл желает сделать своих детей Бану Ал-Райхан могучими и счастливыми. Он прислал его, пророка Тидида Верхнего, дабы увести нас к Двери в вечное блаженство. Немногие избранные удостаивались такой чести, но Бану Ал-Райхан заслужили ее своей верностью их Отцу, великому Маарх-Харцеллу.

Вначале люди не поверили ему. Хотели даже послать за тобой, но Тидид сказал, что ты сейчас беседуешь с Отцом, и мы не посмели тебе мешать.

Тидид видел, что ему не верят, и тогда он объявил, что готов делами доказать высокое звание Пророка Отца. Я не знаю, откуда пришел этот человек, и человек ли он вообще, но он показал нам такое... Ассегаи лучших воинов проходили сквозь него, как сквозь воду, а он стоял и смеялся; тело его текло туманом и исчезало, а спустя мгновение его смех звенел за нашими спинами; и обличья многих зверей принимал он... А после сказал, что и мы, пойдя за ним, станем такими же...

И люди поверили. Все. Кроме меня. Я — знахарь, я и Смерть не раз стояли бок о бок над изголовьем больного, и веяло от Тидида холодом могилы, а не вечным блаженством. И тени он не отбрасывал, лжепророк лже-Отца, а худшей болезни я не знаю...

Но демон рассмеялся мне в лицо, и у меня отнялся язык. Он выпил мою и без того иссякающую жизнь, Маарх-Сату, но я остался здесь, а не пошел за ним!.. И я счастлив, что наш Отец вернул тебе молодость и силу — спаси своих доверчивых братьев, а если нет, то хотя бы отомсти демону, погубившему Бану Ал-Райхан...

11

Через три дня я похоронил Хар-Алама. Жизнь просто вытекла из его изношенного тела, как вода из прохудившегося бурдюка, и на третье утро он не проснулся. Я не сомневался, что это дело рук Тидида.

«Рай» уверовавшим — и горе всем остальным!..

Днем я бесцельно слонялся по Мелху, а ночами ко мне

приходили те, которые Я. Они сидели и молчали. А я ничего не мог им ответить. Теперь я знал, кого не хватало среди нас.

Того, кем Я Не Буду Никогда.

Это означало, что я еще не сделал своего выбора. Видимо, где-то в глубине души все еще тлела тяга к смерти, естественная для каждого беса, неспособного умереть. И зловещий холод, исходивший от Тидида, странным, извращенным образом притягивал меня, как тянется друг к другу все противоположное.

Время шло. И я еще не сделал выбора.

... — Разреши мне войти, мой господин...

— Кто здесь? — спросонья я что-то плохо соображал.

— Это я, Юкики, господин...

— Ю?! Входи, конечно...

Она скользнула внутрь шатра и легко опустилась на кошму рядом со мной.

— Как ты очутилась здесь, Ю? Ты ушла от них?

Я уже чувствовал, что это не так, но... надежда умирает последней.

— Нет.

Она странно улыбнулась, и мне очень не понравилась эта улыбка. Что-то она мне напоминала...

— Я пришла за тобой, мой господин...

— Значит, ты...

— Да, мой господин. Пророк Тидид приобщил меня, сделав Посвященной раньше других — сам! — чтобы я вернулась за тобой.

Она вновь радостно улыбнулась новой, чужой улыбкой.

— Пойдем с нами, господин! Это хорошо, очень хорошо — уметь...

— Знаю. Растекаться туманом, менять облик, купаться в лунном свете, как в озере, и не-жить вечно...

— Да! Так ты уже знаешь?! И до сих пор не пришел к нам? Ты боишься оставить храм?..

Юкики была неподдельно удивлена, и сейчас в ней сквозило нечто живое, часть той, прежней, наивной Ю.

Я мягко взял ее за руку и невольно вздрогнул. Рука была холодна как лед. Я заглянул в ее глаза. Там тоже был лед, и сквозь его толщу еле-еле проскальзывал знакомый огонек другого, брошенного берега.

— Нет, Ю, я не пойду. Но ты даже не удивилась, увидев меня молодым. Это Тидид рассказал тебе о том, кто я?

— Да, — чуть слышно прошептала она, смутившись. — Но я люблю тебя, господин, и хочу, чтобы...

— У тебя холодные руки, Ю. И холод во взгляде. Вы мертвы...

Все-таки я не выдержал... А она часто-часто заморгала, и на лице ее играла эта застывшая недобрая усмешка.

— Не говори так, мой господин. Разве мертвые могут ходить, говорить... любить?

— Наверное, могут, — тихо пробормотал я, отворачиваясь.

— Хорошо, господин. Я уйду. Поцелую тебя на прощание — и уйду.

Мне стало по-настоящему жалко ее. Неожиданно горячие губы припали к моей шее, и я почувствовал легкий укол. Ничего не понимая, я рванулся, — но Юкики уже сползала на кошму, в глазах ее кричало совершенно человеческое страдание, и губы Ю окрасились кровью.

Моей кровью.

...Она лежала неподвижно, словно рухнувшая статуя, и только распахнутые тоскливые глаза жили на этом мраморном лице с пунцовым ртом.

— Ю, что с тобой?!

Она не отозвалась.

Я коснулся ее тела. Камень. Твердый и холодный.

Кровь! Моя кровь! Кровь беса!..

Вокруг стояли склонив головы те, которые Я. Они молчали. И я теперь знал. Вкусившим Бездны нужна кровь, кровь людей, ибо так и только так они могут делать других подобными себе, передавая зародыш Небытия! И Юкики надеялась таким образом забрать меня с особой. Или ей это посоветовал Тидид...

Но во мне нет Смерти, и я не способен принять их мертвую Вечность — во мне уже живет иная Вечность, и бессмертная кровь моя оказалась для Юкики ядом.

Прости меня, девочка моя... Мертвые не должны забирать к себе живых. Я ничего не могу сделать для тебя, но я еще могу сделать многое для всех тех, которые Не Я!..

И лишь одна фраза, произнесенная незнакомым глухим голосом, пульсировала в моем сознании, подобно воспалившейся ране.

«...И живые позавидовали мертвым...»

Позавидовали.

12

Я отнес ледяное, каменно-твердое тело Юкики в храм, бережно опустил на пол у самого постамента и поднял глаза, встретившись с радостно-гневным взглядом другого камня. Застывшего триумфа с тусклыми клинками во вскинутых руках.

Мы узнали друг друга. Почему это не произошло раньше?

Почему...

Это он искал меня, увязая в запекшейся крови этого несчастного мира, искал и не нашел, и окаменел в глуши забытых песков, глядя на подвиги, которых никогда не совершал...

Это я искал его, стоявшего совсем рядом, искал среди тех, кого хотел и не сумел спасти, и его опустевшее место стало брешью в моих призрачных доспехах...

Всесокрушающий Маарх-Харцелл, исполненный гневной радости возмездия, тот, кого слишком долго не хватало тем, которые Я.

ТОТ, КЕМ Я НЕ БУДУ НИКОГДА.

Когда я понял это, я забрался на постамент и, привстав на цыпочки, вынул утерянные мною ножи-«бабочки» из тяжелых ладоней статуи.

— Аве, Цезарь, — молчал я, — бессмертный, идущий на Смерть, приветствует тебя!..

Рукояти ножей были теплыми.

Потом мы — Я и те, которые Я, в полном составе — вернулись в шатер Юкики, собрали ее старые, подаренные мною серебряные украшения и отправились в осиротевшую кузницу.

Когда наконец отпылал горн и отзвенела наковальня, один из клинков был окован серебром.

Тот, который Был Я, знал цену серебру, металлу, позже получившего имя «Тяжелого блеска».

Затем мы спустились в Зал, достали рукопись и завершили эпизоды, которых не хватало моей книге.

Моей «Дороге».

Только вместо слова «Эпилог» было написано совсем другое слово, хотя и похожее. Написано жирно и размашисто.

«Пролог».

Выйдя из Зала, я — Я! — заседлал злобного трехлетка, забытого у коновязи, и погнал его в пустыню, туда, где вдалеке высились остроги Ра-Муаз.

Через три дня конь пал подо мной.
Тогда я пошел пешком.

МЕСЯЦ СПУСТЯ. ПЕНАТЫ ВЕЧНЫХ

... — Нет, — еле слышно ответил я. — Это не Пустота. Это Бездна. То, чего не может быть, но что очень хочет — быть.

— Ты знаешь, куда идти? — Даймон хрипло закашлялся, и слезы выступили на его глазах.

Раньше не водилось за ним такого... Совсем как дряхлый Хар-Алам...

— Знаю.

Я достал из-за пазухи и положил перед собой деревянную брошь на странной каменной основе. Тонкий орнамент змеился по матовой полированной поверхности.

— Это я нашел в шатре Ю. Тидид оставил ей эту брошь, чтобы в случае чего она смогла найти дорогу к Двери. Я думаю, он до конца надеялся, что сумеет уломать беса стать таким же, как и варки. Он ждал, что я приду. И тут он не ошибся. А орнамент укажет дорогу.

Те, которые Я, встали — и волки отползли в самый дальний угол, тихонько подвывая, а Зу поднял голову и зажег в глазах зловещие огоньки.

— Ты слышишь меня, потерявший тень Тидид? Ты слышишь меня — сам ставший тенью?! Я, Марцелл, бес, Отшельник, я — человек! — приду!..

— Я, человек, приду... — грозным эхом отозвался Даймон, Пустотник, Меченый Зверем.

— Я, человек, приду!.. — прорычал Солли из Шайнхольма, Изменчивый, Перевертыш.

— Я, человек, приду!.. — словно давая клятву, повторил Сигурд Ярроу, Скользящий в сумерках, Девятикратный.

13

...Когда Видевшие рассвет уже стояли на пороге пещеры, готовые окунуться в ждущие их сумерки — тот, которого звали Марцеллом, неожиданно запрокинул голову к равнодушному небу и долго смотрел в лиловую пустоту.

Словно пытался высмотреть в ней нечто.

— Где мне найти бога? — прошептал Марцелл. — Где мне найти бога, чтобы взять его за бороду?!

КНИГА ТРЕТЬЯ

СКАЗАНИЕ О ВСТАВШИХ ПЕРЕД БЕЗДНОЙ

...И плачущие, как не плачущие;
и радующиеся, как не радующиеся;
и покупающие, как не приобретающие;
и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся...

Из Первого Послания к Коринфянам
св. Апостола Павла

БОЛЬШОЙ ЭПИГРАФ

«...сказал герой Феникс:

— Ты учил нас, Хирон, что, стоя над бездной, надо бесстрашно заглядывать в ее глубь и приветствовать жизнь; что жизнь — это радость подвига. Ты учил нас, что когда ходишь над самой черной бездной по самому краю, надо смотреть в лазурь. Теперь и ты, Хирон, бессмертный, стоишь — как и мы, герои — на краю бездны. Куда же ты смотришь?

И ответил бессмертный Хирон:

— Я бессмертен, но подвержен страданию смертных. Когда чаша страданий так переполнена, что перетекает через край и в ней тонет мысль, тогда отдают эту чашу обратно жизни. Всякому страданию дано переходить в радость. Одним страданием не живут.

— Скажи, что ты знаешь об этом, Геракл? — спросил тогда Феникс полубога, сына Зевса.

Ответил Геракл:

— Я не умею знать — я делаю. Я не заглядываю в бездну — я спускаюсь в нее, чтобы вынести Ужас Бездны на свет дня. Я не умею отступать и хожу по любому краю.

Сказал тихо Хирон:

— Ты найдешь свой край, Геракл. Но слова твои меня радуют.

Тогда спросил Феникс Киклопа:

— Почему ты молчишь, Телем?

И ответил Киклоп Телем:

— Нет для меня края и глубины Бездны и некуда мне заглядывать. Я сам в бездне. Не придешь ли ты и за мной, Геракл?

Ответил Геракл:

— Приду».

Я. Голосовкер «Сказания о титанах»

ТЕНЬ ПЯТАЯ

Скит Крайнего Глотка
Преддверие

1

Брата Манкуму, послушника братства Крайнего глотка, терзали видения. Последнее и самое упрямое из видений вот уже с полчаса пыталось разжать ему зубы и влить хоть каплю воды из выщербленной кружки. Манкума простуженно сопел, но зубов не разжимал.

Всякий послушник братства обязан пройти очищение перед церемонией Открытия Двери. Для этого и отводятся особые шалаши, возведенные в удалении от родного частокола Скита Крайнего глотка. Испытуемый должен провести семь дней в уединении, не вкушая пищи и позволяя себе лишь одну кружку воды — в полночь. Таков обряд очищения, и лишь прошедший его сподобится предстать перед патриархом Скита и затем явиться к Двери.

До полуночи оставалось целых два часа, и поэтому брат Манкума, задыхаясь, истово сопротивлялся искусу назойливого видения.

Голова призрака уплыла куда-то в сторону, а на ее месте возникла плоская треугольная морда с раздвоенным язычком, покачивающаяся на беспредельно длинной шее. Морда облизнулась и с нехорошим любопытством уставилась на послушника.

Брат Манкума истерически хихикнул и закашлялся, потому что вода попала ему в дыхательное горло. Хитрый призрак добился своего и теперь хлопал хрипящего послушника по спине. Рука видения оказалась неприятно увесистая. Второй кошмар в шалаше целиком не помещался, и брат Манкума прикрыл глаза и предался размышлениям о том, можно ли теперь считать его пост нарушенным, и если да, то по чьей вине?..

В общем-то, галлюцинации появились уже на четвертую ночь поста и с тех пор не исчезали. Брат Манкума полз за Бледными Господами, тающими в вечерней синеве, умоляя взять его с собой; шарахался от звезд, просвечивающих сквозь зыбкое тело патриарха Маурикия, стоявшего над испытуемым с ломтем ветчины в руке; по углам скреблись и шептались обнаженные девицы с мышиными хвостиками — но все это вряд ли можно было считать знамением или хотя бы откровением.

Будь ты хоть трижды знатоком Слов и Знаков, переписывай набело в тридцать восьмой раз хроники Верхних или предания старины — без очищающего поста и размышлений, а главное, без мало-мальски подходящего знамения нечего даже надеяться на Дверь.

И еще год учения, бесконечного и постылого... Брат Манкума от огорчения даже перестал кашлять и сел на ветхую циновку. Любопытная шея второго видения с пристальным взглядом на конце — или в начале? — успела к тому времени выползти наружу, и теперь там что-то непрерывно шуршало и клацало. Тот же призрак, что прервал пост, сидел сейчас у выхода из шалаша, и лицо его в лунном свете казалось неестественно бледным.

— Как тебя зовут, дубина? — хмуро спросил призрак, заворачиваясь в серый широкий плащ.

— Манкума, — просипел еще не вполне пришедший в себя брат Манкума. — Послушник братства Крайнего глотка.

Он с трудом сдерживал внутреннее ликование. Вот оно, долгожданное знамение!.. Сидит, разговаривает...

— А как мне, недостойному, именовать Бледного Господина? — осторожно поинтересовался Манкума, боясь спугнуть плывущую в руки удачу.

Ночной гость провел ладонью по своей щеке, оцарапался о щетину и скептически поджал губы.

— Бледного Господина... — протянул он. — Ну что ж... Зови меня Сигурд. Сигурд Ярроу.

— А второго? — Настойчиво продолжал брат Манкума, указывая рукой в шипящую и шелестящую темень за шалашом.

— Второго? — удивился Господин Сигурд. — Какого второго?

В проем тихо просунулась уже знакомая Манкуме морда, и ее белые клыки вызвали у послушника целый поток воспоминаний — причем, не всегда приятных. Видимо, он все-таки не успел достаточно очиститься...

— Вот этого, — пояснил Манкума, деликатно кивая в адрес вошедшего (или вползшего?) — Его как зовут? Или он сам соблаговолит ответить?

Господин Сигурд долго смеялся, и Манкума ждал, пока гость успокоится.

— Этого? — наконец выдавил Господин Сигурд. — Этого зовут Зу. Зу Вайнгангский. Устраивает?..

— Сигурд Ярроу и Зу Вайнгангский. И..?

— Что — и?

— А дальше? Дальше как?

— Дальше... — неожиданно серьезно протянул Господин Сигурд, и Господин Зу согласно мотнул головой, блестя чешуей и медным ошейником.

— Мало тебе... Тогда зови нас Видевшими рассвет. Устраивает?

— О да! — не удержавшись, во весь голос заорал брат Манкума. — Устраивает, достопочтенные! Я немедленно бегу сообщить о вас патриарху Маурицию!..

Он кубарем вылетел из шалаша и изо всех сил — откуда только взялись?! — заспешил через рощу, за которой лежал Скит Крайнего глотка.

Один из трех, окружавших Дверь.

2

...Когда брат Манкума как оглашенный несся по кривым улочкам Скита, мелко-мелко перебирая тощими ногами и путаясь в полах рясы, то многие общинники, вышедшие ночью по нужде или еще за чем, глядели ему вслед и озабоченно качали головами.

Не бывало еще такого, чтобы послушники бденье бросали до гонга ритуального, ох не бывало, а коль и бывало, то забито-заколочено и в памяти укрыто. Видать, важная причина забралась под рясу к молодому брату и гонит его, как слепни лошадь, к патриаршим постройкам. Строг седой Мауриций, строг да немилостив, что скажет на это?.. Уж не Верхние ли Господа — суровый Тидид и Чистый Айрис — из странствий вернулись, от иных Дверей-то? А ежели так — что решит патриарх за неделю до церемонии?.. Хоть и не указ патриарх Верхним...

Качали-качали, ничего не выкачали, и по срубам разбрелись. Кто — над рукописями корпеть, кто — в сосредоточенье погружаться, кто — Знаки со Словами зубрить, а кто просто — есть. Ночь утра мудренее. Все равно к рассвету спать ложиться, а с полудня — дела, дела... Ох, заботы наши тяжкие, а не хошь нести — прищемит Дверью причинное место, да так, что хоть вой... А ведь и вправду выть придется, обратят Господа в гневе в кого ни попадя...

...Добился-таки неугомонный брат Манкума своего, достучался, докричался — сам седой Мауриций, глава общины, вышел в приемный покой поглядеть на крикуна, речи его безумные послушать...

Что-то будет, что станется, чем кончится, да и кончится ли?..

Патриарх Маурикий был схож одновременно с горным ястребом и летучей мышью. Крупный, крючковатый нос резко выделялся на бритом по традиции, морщинистом лице; узкие обескровленные губы всегда кривила полуусмешка — полугримаса неудовольствия; широкие костлявые плечи распирали аспидную рясу, и горбом казался капюшон с падающей из-под него кисейной накидкой — словно клочья тумана облепили сухую корягу, черневшую в сумерках... Не горбился пока патриарх и глядел остро, цепко; так глядел, что и не хочешь говорить, — а ответишь, да с поклоном поясным...

В руке Маурикий держал пергаментный свиток — письмо, что ли? — и вертел его между узловатыми пальцами, явно озабоченный содержанием послания.

— Ну? — властно прогудел патриарх, и брат Манкума рухнул на колени — верней, сперва повис в руках дюжих братьев-услужающих, а уж когда те хватку ослабили, то стукнулся неуклюжий брат об пол сперва коленками, а там и лбом, не без чужой помощи...

— О Отбрасывающий Тень! — возопил Манкума, норовя поцеловать край патриаршей рясы. — Дозволь поведать тебе...

Во время сбивчивого рассказа послушника о его посте и награде в виде явления неведомых — заморских, по всему видать! — Бледных Господ от Иной Двери, патриарх Маурикий нервно расхаживал по приемному покою, со странным выражением поглядывая на злополучный свиток. Он морщился от слепящего света многих свечей на деревянных подставках и, наконец, остановился и забормотал что-то себе под нос, делая некие движения головой и прищелкивая пальцами. Через минуту свечи окутались сизой дымкой, часть из них замигала и погасла, и в покое воцарился полумрак. Но на лице Маурикия не было удовлетворения, и высокий лоб его усыпала соленая роса.

То, на что Верхним варкам достаточно было взгляда, а у варков рангом пониже требовало нескольких слов — то же умение стоило Маурикию многих усилий и двух-трех недель и без того недолгой жизни за каждый раз. Но патриарх Скита Крайнего глотка не мог пройти через Дверь, получив Вечность и все остальное, пока не подготовит себе преемника, властной рукой ведущего Скит по нужной дороге.

Тяжко бремя патриаршества, тяжко да почетно, и высоко ценятся среди Бледных Господ бывшие патриархи! Есть за что страдать...

Маурикий остановился у коленопреклоненного Манкумы и долго смотрел поверх него в невидимые, но явно беспокойные дали.

— Говоришь, сам видел? — наконец произнес патриарх.

— Сам, сам, о Отбрасывающий Тень!.. Один в облике чудища непомерного, другой — как всегда... Говорит — зовите нас Видевшими рассвет... Великое посольство, отче — знаешь не хуже моего, что немногие из Верхних Господ способны рассвет видеть!..

— А тень, тень они отбрасывают?! — настойчиво и грозно перебил Мауриций словоохотливого Манкуму.

— Тень? Не помню, отче... темно было. Водой меня поил, это помню...

— Водой? — осекся Мауриций и резко шагнул к узкому окну, сдвигая занавеси. Ночь стояла за окном и спокойно разглядывала властную фигуру патриарха — Отбрасывающего Тень и ждущего своего часа, чтобы пройти через Дверь и стать Отбросившим Тень.

Младшие братья, вроде Манкумы или услужающих, звались Влачащими Тень.

До поры до времени...

— Водой... — повторил Мауриций, не оборачиваясь и словно обращаясь к ночи за окном. — Патриарх Муасси из Западного Скита пишет — у него тоже гость объявился. Западники поначалу, как и ты, послушник, решили — Бледный Господин, из Иных Верхних... И знаки тому есть: пять волков за ним, как псы, бегут, по Зову... Да только...

Патриарх помолчал, сутулясь и зябко кутая руки в складки накидки.

— Да только тень за ними волочится. Кто их знает, может там, у Иных Дверей, и по-другому все... Только перед церемонией к нашим Верхним обращаться не след, а к остальным Бледным Господам — тем более. Сами проверим.

— Как зовет себя гость? — одними губами выдохнул брат Манкума, забыв о приличиях и о том, что не ему, младшему брату, задавать вопросы в патриарших покоях.

Мауриций и ночь изучали друг друга.

— Да так же, как и твои... Говорит — Видевший рассвет...

3

К полудню зарядил дождь. Мелкий такой, противный... Тучи облепили небо, как мокрые штаны липнут к... ну, скажем, к телу. И сыро, и зябко, а снять нельзя — неудобно, и лучше все равно не будет. В канавах хлюпала

грязная вода, дождевые черви блаженно переползали от лужи к луже, и полдень незаметно стал вечером — а брат Манкума все сидел в приемном покое, коротая время в ленивой перепалке с братьями-услужающими, и ждал решения патриарха.

— Пьян был, небось... — бурчал брат-услужающий, по кличке Кроха Йонг, — лохматый, гнилозубый детина с полностью отсутствующей шеей.

— Насосался зелья, отпостившись-то, на голодный желудок, вот и привиделось неведомо что... страсти разные...

Слово «зелье» Кроха Йонг произносил медленно, с уважением и немалым душевным содроганием.

Братьев-услужающих к Двери на дух не подпускали, а на церемониях — тем паче, по причине обилия тела в ущерб всему остальному. После десяти-двенадцати лет работы их приобщали лично Бледные Господа, только никак не Верхние, а рангом пониже, и это у самих варков называлось «открыть Дверь».

Чтобы открыть Дверь самому и выстоять на пороге в Бездну, получив приобщенье, так сказать, из первых рук — для такого много требовалось. Иные не выдерживали, теряли рассудок и вскоре погибали или падали в Бездну, но зато немногие избранные...

— Не пил я хмельного, Кроха, — в сотый раз уныло отвечал Манкума. — Сам знаешь, не люблю я этого дела... брюхо у меня с него пучит...

— Ну и нечего тогда попусту языком трепать, — подводил итог Фарсаул, второй услужающий, длинный как жердь и непрерывно моргающий близко посаженными глазками.

Манкума обиженно замолкал, а вскоре все начиналось сначала.

Наконец за окном послышались липко чавкающие звуки. Манкума кинулся к занавесям и застыл, торжествующе вскинув непокрытую голову.

По улице шел давешний гость. Он двигался легко, мягко ступая по размокшей земле, растворяясь в окружающих его сумерках, — словно и не было непогоды, дождя, распутицы... Серый мокрый плащ свисал вниз, придавая идущему вид каменного барельефа. За плечом у него висела странная палка — обтянутая черной кожей, с малым блюдцем поближе к верхнему краю.

Звуки, услышанные Манкумой, издавали три сопровождающих брата, месившие грязь позади гостя на почтительном удалении. Похоже, они рады были бы сбежать, потому что то, что ползло между ними и пришельцем, наводило

на мысли, которые лучше не высказывать вслух. Временами чудище вздымало над землей голову на добрых три с половиной локтя и оглядывалось на сопровождающих, шипя в их адрес с весьма неприятным присвистом.

Гостей чинно вели к дальнему срубу, пустовавшему с прошлой церемонии, когда живший там затворник Агрий прошел через Дверь и удалился к Бледным Господам.

...Кроха Йонг и Фарсаул встали за спиной Манкумы и пристально следили за происходящим на улице.

— Слышь, Фарс, а тень у него есть? — протянул Йонг, щурясь и морща лоб.

— А варк его знает... Не видать-то, в мороси этакой, да еще вечером...

— Есть, есть, — радостно захихикал брат Манкума. — Длинная такая тень, с чешуей... тебя, Фарс, проглотит и не подавится...

Позади хлопнула дверь. Все тут же повернулись и склонились перед вышедшим Маурицием. Тот молча отпустил братьев повелительным жестом и потом, в одиночестве, долго ходил по покою.

За окном не умолкал дождь.

— О чем задумался, Мауриций? Все решиться не можешь?..

Патриарх вздрогнул и сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая сердцебиение. Он так никогда и не смог привыкнуть к появлениям Верхних. Животное начало неизменно побеждало, рождая тянущую дрожь где-то внизу живота.

Животное. Живот. Жизнь. Лишить живота...

Мауриций привычным усилием воли стер крамольные мысли и обернулся.

Голос шел из западного угла покоя. Мрак там был несколько гуще, чем в остальных углах, и над темным пульсирующим комком зыбко мерцало лицо Верхнего Тидида — бледное, насмешливо-властное, и алые отблески свечей играли в холодном взгляде, как в кубке горного хрусталя работы согдийских мастеров.

— Зачем пришли чужие, незваные? — стараясь казаться равнодушным, поинтересовался Мауриций. — Не ты ли, Тидид, к нам направил, или кто другой из Верхних так решил? Я мыслю, они к Двери пройти захотят...

— Ну и что? — с необычной любезностью усмехнулся Тидид.

— А то, что силу за ними чую, — резко бросил патриарх. — Большую силу. Вот и колеблюсь... Муасси пишет, что его гостя младшие братья Хозяином Волков прозвали.

Дескать, еще ни один из Верхних за собой такой стаи не водил. А мой... В сумерках идет, как дождь сквозь воздух, а змея его... Это дурак Манкума решил, что Господин в чужой облик влез, а я-то мальчишкой слыхал, какие страсти в Калоррских дебрях водятся...

— И больше тебе скажу, мудрый патриарх Маурициий. — Голос Тидида был ровен и глух, без малейшей тени насмешки. — В Озерном Скиту, у патриарха Норманта, тоже гости. Двое. Одного я ждал, а второго — нет, но знаю его по словам Верхнего Айриса. Ни волков при них, ни удавов, и ходят, как все прочие, — только силы за ними поболе будет. А Бездне их сила нужна, ох как нужна... Тебя, Маурициий, когда в Дверь войдешь, — и то долго менять придется... а ведь ты-патриарх, не чета иным братьям!.. Так что...

— Испытаю пришлых, — перебил Верхнего Маурициий, сердито слушавший последние слова. — Пройдут испытания — пущу к Двери. Закон соблюдать надо...

— Надо, надо, — неожиданно рассмеялся Тидид, и тьма в углу колыхнулась, рождая голубоватые льдистые искорки. — Правильно, Маурициий... пусть все идет, как идет. Советовать не стану. Одно скажу: захотят гости к Двери идти — проверяй-не проверяй, а силой не останавливай. Нет у вас мощи на них, а овец зря терять жалко. Нашими трудами собраны...

— Обычай соблюду, — упрямо сказал патриарх. — А там посмотрим...

Снова раскололся смехом хрусталь в углу и — растаял, как и не было. Тихо, темно — да не темнее обычного.

Маурициий еще раз глянул в окно, на сруб, где остановился странный гость.

— Видевший рассвет... — прошептал патриарх, словно пробуя сказанное на вкус, и ему показалось, что за спиной у него кто-то вздрогнул и отшатнулся.

СРЕЗ БУДУЩЕЙ ПАМЯТИ
ЛОГИКА МИФА

Кто прав — титаны или боги?..

«...За пурпурным островом Заката, между миром жизни живой и миром жизни мертвой, лежит Великая Бездна, где корни земли, и морской пучины и звездного неба — все концы и начала Вселенной. Там бушуют и мечутся свирепые вихри в вечной свалке друг с другом. Там жилища

сумрачной Ночи в черном тумане. Там ужасом веет. Даже боги трепещут перед великой Бездной Вихрей».

Предание о Бездне Вихрей

«...Там небо — черный каменный свод,
Ущербный месяц на нем
Корчится, как немой,
Который силится заговорить
И не может ни слова сказать.
Рябое, щербатое солнце там
Судорожно искривилось, как рот
Глухонемого, который мычит,
А не может заговорить.
Вот оно каково — обиталище бурь,
Бушующая Бездна Одун».

Баарчин-Кара. Легенды черной земли

«... В начале времен,
Когда жил Имир,
Не было в мире
Ни песка, ни моря.
Земли еще не было
И небосвода —
Бездна зияла,
Трава не росла.
Бездна девяти
Живых миров,
Девяти корней
И древа предела,
Еще не проросшего...»

Сказания Семи каллов. Сага об Имире

«... Появилось наваждение
И несчастье от заклятий,
Силой круга чародеев
И певцов весьма искусных —
На седалище злых духов,
На полянах для гаданья,
На равнинах бога смерти,
Изнутри земли явилось.
Из покрытой илом глуби,
Глуби тысячесаженной,
Из шипящего потока,
Из огнем кипящей Бездны...»

Слезы согдийских камней. Песнь III

«...Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И...»

Из поздних источников

«... мы — бездна, смеялись глаза, мы — Бездна Голодных глаз, мы — несыгранная роль, мы — ненаписанная пьеса; мы — сущность, не получившая существования; выпусти нас, человек, и мы станем статистами в твоем бенефисе...»

Трактат магистра Сарта о Бездне Голодных глаз

4

...В два часа пополудни Маурицию доложили, что приближаются братья из Озерного Скита. Сам патриарх Норманд с ними и гости — чужаки, то есть... Дошло, дошло письмо, его, Маурриция, письмо, вовремя дошло, вскоре и из Западного Скита братья явятся — к вечеру, согласно Закону...

Дождь наконец перестал, хотя небо еще хмурилось, и по его мглистой поверхности носились обрывки грязного рубища туч. Озерные братья разошлись по срубам, двое гостей — то ли Господа, то ли нет, не понять в сутолоке — тоже в Агриев домишко подались, где этот, который со змеюкой, обретался; а патриарх Норманд уже поднимался по ступенькам, и двое братьев-услужающих распахивали перед ним двери, и сам патриарх Маурриций шел навстречу почетному гостю...

Еще через пару часов Западный патриарх Муасси прибыл, мучаясь одышкой и багровея тучным лицом, а за ним пришлый шел со сворой своей, и западники шептались о Хозяине Волков и грядущем Испытании. Невидимое за тучами солнце медленно клонилось вниз, и Маурриций заблаговременно приказал готовить костры, что в этакой сырости оказалось делом непростым. Церемония должна была начаться на закате...

...Тревожно и неприветливо метались по утоптанной поляне багровые блики костров, зыбкими сполохами отражаясь в глазах Видевших рассвет, пятерых волков и удава с медным ошейником — замерших в ожидании неизвестного. Тихо перешептывались братья: кто — с почтением, кто — со страхом затаенным, а кто — и с недоверием косясь на темные фигуры. Кто такие — неведомо, откуда взялись — неясно; что за душой? — так поди, залезь к ним в душу-то!..

Высокий молодой парень с пепельной гривой вьющихся волос и хищно-веселым взглядом; другой — непривычно раскосый, бронзовокожий улыбчивый крепыш; еще один — суровое, непроницаемое лицо и плавно перетекающий в сумерки плащ с очертаниями непонятной палки за плечом... И старик в потертой хламиде неопределенного цвета и покроя, в бездонной пустоте глаз своих баюкающий закованное в цепи Нечто — а лица его так никто и не сумел разглядеть: то ли костры чадили немилосердно, то ли еще почему...

Силой, неясной и оттого еще более таинственной силой веяло от них, и трудно было понять: то ли огонь Бездны пылал в глазницах Видевших рассвет, то ли просто пламя костров отражалось в глазах самозванцев...

У всех четверых были тени. Кто они, эти четверо? Ответа не знал никто. Даже патриархи.

Ну что ж, на то и Испытание...

...Толпа послушников почтительно расступилась, и трое патриархов возникли из тьмы дальнего конца поляны. Тяжелые ворота в высоком бревенчатом частоколе вокруг места Испытания распахнулись и со скрипом затворились за их спинами. И с лязгом упал железный засов — хотя никто не прикасался к нему.

Над собравшимися царила тишина ожидания. Патриархи держали паузу. Гости тоже молчали. Послушники затаили дыхание — большинство из них впервые присутствовало на церемонии испытания.

— Мы умоляем достойнейших Господ, именующих себя Видевшими рассвет, простить нас, недостойных, желающих разрешить свои сомнения Испытанием согласно Закону! — голос патриарха Маурициа звучал почтительно, но твердо.

Четверо хранили молчание. И по их лицам бродила одинаковая двусмысленная усмешка.

— Если Господа изъявляют согласие — начнем Испытание. Мы заранее признательны гостям за добровольное участие...

Недобрая тень мелькнула в ровном голосе Маурициа. Патриарх сделал шаг назад, и аспидно-черные, чуть искрящиеся рясы трех владык слились в одно целое, в монолитную глыбу непроглядного мрака. Спустя вечность мрак соизволил распасться на три величественные фигуры, и средний из троих — все тот же Маурициа — шагнул к пылающему рядом костру.

Патриарх не торопясь опустил руку в огонь, и через секунду на ладони Маурициа лежал раскаленный докрасна шар величиной с голову ребенка. Нет, не лежал... Шар непонятным образом висел над ладонью патриарха, словно между брызжущим искрами металлом и человеческой плотью была некая невидимая прокладка.

С застывшей маской ледяной почтительности патриарх медленно поднял шар над головой и легко толкнул его вперед. Ком огня отделился от руки и плавно поплыл по воздуху к Хозяину Волков. Тот то ли отрешенно, то ли завороженно глядел на него, не двигаясь с места. Но в какое-то неуловимое мгновенье другой Господин — раскосый атлет — вдруг шагнул вперед и спокойно взял шар правой рукой. Не поймал, а именно взял, как берут с полки привычный предмет, почти не глядя, зная его место заранее, и находя нужное чуть ли не мгновенно.

Шар плотно лег в ладонь; послышалось шипение, и в воздухе запахло паленым мясом. Господин равнодушно посмотрел на чуть потускневший шар, презрительно плюнул

на него — плевок немедленно испарился — и так же легко метнул шар обратно. Только на этот раз шар не поплыл по воздуху, а полетел быстро и тяжело, как и положено железному ядру, пущенному умелой рукой.

Маурицию не успел поймать или остановить шар, и тот с грузным чавканьем шлепнулся в грязь у его ног. Фигура патриарха окуталась облаком пара, и шар окончательно погас.

Господин сощурился, отчего глаза его превратились в неразличимые щелочки, и так же равнодушно поднял руку над головой. Ладонь его была чиста! Ни следа ожогов — а ведь раскаленный металл должен был прожечь плоть до кости!..

По толпе прошел ропот. Многим показалось, что еще чуть-чуть, и шар бы угодил прямо в патриарха. То ли Видевший рассвет пожалел Отбрасывающего Тень, то ли власти Маурития хватило, чтобы остановить верную смерть... Кто знает? И рука, рука без ожогов... Господин? Да, наверное...

Несколько смущенный Маурицию с поклоном отступил назад, а вместо него выступил высокий и изможденный постами Нормант — патриарх Озерного Скита. С достоинством кивнув собравшимся, он извлек из складок своего одеяния лист бумаги и короткий отточенный нож. Несколько взмахов — и обрезки упали в грязь, а Нормант торжественно дунул на оставшееся и...

Три похожие на человечков бумажные фигурки взлетели в воздух и понеслись к испытуемым; они быстро росли, обретая объем и рельеф — и вот трое воинов в кольчугах и с кривыми саблями несутся к Видевшим рассвет.

Воины мчались на старика в балахоне — и в последнюю секунду его заслонил владелец серого плаща, неспешно поднимая руку к своей странной палке. И никто так и не сумел разглядеть случившееся.

Чужак исчез. Он растворился в мерцающих сумерках, превратившись в две, три, пять фигур, мелькнувших на миг в отсветах костров — и вокруг размазанного молниеносным движением силуэта вспыхнул голубоватый призрачный ореол, полыхнувший стальным блеском и немедленно погасший...

Через секунду Видевший рассвет стоял в прежней позе. Три призрачных воина застыли вокруг пришельца. Чужак усмехнулся и резко топнул ногой — и только мелкое бумажное конфетти осыпалось на землю в тех местах, где стояли три грозные фигуры...

Толпа зашумела. Стали различимы отдельные выкрики:

— Бледный Господин!

— Танцующий с Молнией!

— Слава!..

Танцующий с Молнией с тем же отсутствующим выражением слегка поклонился и отошел в сторону.

Патриарх Нормант также поклонился — заметно ниже, чем в первый раз — и уступил свое место приземистому патриарху Муасси. Тот без поклона простер руки к центру поляны. Некоторое время все оставалось без изменений; послушники притихли, с трепетом ожидая, какую же силу вызовет вспыльчивый Муасси, чтобы испытать гордых пришельцев последним испытанием...

...В центре поляны заклубилось облачко сизого тумана. На лбу Муасси выступили капли пота, руки его задрожали, губы патриарха подергивались, бормоча невнятные слова; потом Муасси с трудом повернул голову к другим патриархам и те поняли. Оба шагнули вперед, и вновь рясы их слились в один искрящийся сгусток мрака. Три пары рук, словно высохшие ветви дерева с тремя стволами, стали лепить взвизгивающий туман, и чем-то первобытным повеяло от кровавых глаз, белоснежных клыков, рождавшихся под пальцами патриархов — и вот уже невиданный зверь скалит огромную пасть и мясистый хвост бьет по земле, а чешуя на клиновидной груди горит алыми отсветами, и топорщится острыми шипами высокий гребень...

Большая Тварь. Вернее то, как представляли ее себе патриархи — не видевшие ее ни разу в жизни.

На свое счастье.

Вот только огни костров слегка просвечивали сквозь ворочавшуюся фигуру чудовища...

Призрак. Призрак Большой Твари.

И метнулась по земле, почти сливаясь с ней, узкая пружинистая лента — ловчий удав Зу, гордость корпуса «гибких копий», давал хозяину время на взмах. И пошатнулся призрак от страшного удара огромной змеи.

Пошатнулся — но выстоял. Удав мертвыми путами охватил задние лапы твари, и ринулся вперед Хозяин Волков — нет, теперь уже Волк-Хозяин, прыгая на грудь врага, стремясь достать горло...

— Превратился!.. — глухой ропот колыхнул сбившуюся толпу.

Силен был призрак, силен, рожденный усилиями трех патриархов, побочный сын Небытия и извращенной фантазии!.. Не достал Волк-Хозяин чешуйчатое горло, и когти твари располосовали его бок; капли дымящейся крови упали на тело призрака, и он словно стал плотнее, материальнее, и тихо ахнула толпа, вздрогнули патриархи — но не только от этого...

Раны Волка-Хозяина зарастали на глазах, минуты не

прошло, а стая во главе с разъяренным вожаком уже кинулась в новую, казалось бы безнадежную, атаку...

— Бледный Господин!..

Опоздал Волк-Хозяин... Двое молодых волков уже бились в агонии, поджарая волчица выла с разорванным бедром, а кровь их впитывалась в чешую монстра, и тот окончательно обрел плоть, налился новой силой, и попятились оставшиеся волки, затравленно рыча; и кончались силы у звенящей от напряжения змеи...

Переглянулись патриархи, невольно отступая назад. А Танцующий с Молнией вырывался из рук того, кто не горел в огне, стремясь кинуться в свалку; и вдруг все замерло, а удав распустил кольца и зашипел почти с мольбой...

И в ответ взревела ночь. Не эта, пьяная от крови ночь, а та, древняя, забытая, встающая над миром во всем великолепии давно схороненного ужаса. И на пути зверя встал сутулый старик в дурацкой хламиде, и словно лопнули невидимые цепи, сдерживавшие ревущее Нечто... лопнули и рассыпались дождем осколков...

Навстречу Призраку Большой Твари вставала Большая Тварь. Только морда второго зверя была заметно шире и более плоская, хвост — короче, задние лапы — мощнее, и всем почему-то сразу стало ясно, кто из них — настоящий.

Непридуманный.

Толпа отшатнулась к окружающему поляну частоколу, и кое-кто уже начал на всякий случай карабкаться наверх. А твари сверлили друг друга пылающими глазами, и потом призрак рванулся вперед, но удар хилой на вид когтистой лапы отшвырнул его, оставляя на теле глубокие борозды. Большая Тварь ударила еще раз, и сквозь рваные раны творения патриархов стало просвечивать пламя костров.

А потом отлетела в сторону и растаяла в воздухе оторванная лапа, расползлась гнилой ветошью несокрушимая чешуя, и победный рык Большой Твари прокатился по оцепеневшей поляне. Патриархи стояли там, где и были во время поединка, и ящер уверенно двинулся к ним.

Мауриций замахал руками, выкрикивая заклинания, но ящер не обратил на смешные жесты старика никакого внимания, быстро приближаясь к людям.

Три фигуры возникли рядом с ошеломленными патриархами. Хозяин Волков, уже в человеческом обличье, сгреб в охапку протестующего Муасси, Танцующий с Молнией перекинул через плечо тощего Норманта, а третий подхватил Маурицию — и Видевшие рассвет с неожиданной легкостью перебросили не успевших ничего понять патриархов

через частокол. А мгновением позже и сами оказались по другую его сторону. Послушники заспешили последовать примеру старших, а оставшиеся в живых волки и удав давно успели исчезнуть неизвестно куда.

Большая Тварь с размаху налетела на частокол, и бревна затрещали под чудовищным напором. Некоторое время дерево еще держалось, а затем огромные колья с хрустом разлетелись в щепки, и оскаленная морда ящера показалась в проломе.

Успевший подняться на ноги Маурициий попятился и невольно закрыл глаза. Вот оно, наказание за неверие, за постыдное Испытание...

Тишина.

Маурициий с трудом сдержал дрожь высохшего тела и открыл один глаз. Затем другой...

Старик в хламиде стоял перед ним и вымученно улыбался.

— Ничего, ничего. — Он отечески потрепал Маурициия по плечу, и патриарх внезапно почувствовал себя мальчиком. — Ничего... Не для вас такие игрушки. Ох, не для вас.. И кто ж это вас надоумил?..

Старик замолчал и, повернувшись, зачем-то полез обратно в пролом. А три вдруг сразу постаревших человека молча смотрели ему вслед...

5

...А утром было солнце. Умытое, розовощекое солнце, и смотреть на него было совсем не больно, а наоборот — тепло и щекотно. Хозяин Волков и Танцующий с Молнией лечили своих зверей, и многие послушники пытались помогать им, преодолев робость и стеснение, но у них плохо получалось, и младшие братья суетились и толкались, наперебой предлагая то свежую родниковую воду, то какие-то особо целебные листья и чистые ткани для повязок. Брат Манкума чванился и носился со своей славой первооткрывателя, зовя гостей уважительно-фамильярно «Господин Сигурд» и «Господин Солли». Впрочем, пришельцы даже настаивали на подобном обращении, все время пытаясь опустить приставку «господин», но мало преуспев в этом деле.

Два других гостя на людях почти не показывались и явно хотели, чтобы их оставили в покое.

После полудня брат Манкума, якобы в поисках клейкой смолы для мази, носился по всему Скиту, тыча под нос всякому встречному левую руку, укушенную особо избранной вол-

чицей Хозяина Волков. Братья серьезно осматривали красные полосы на Манкумином предплечьи и одобрительно хлопали пунцового от счастья Манкуму по разным частям тела.

К вечеру пришло послание от триумвирата патриархов с разрешением на посещение Двери. Все прекрасно понимали, что это пустая формальность, соблюдение буквы Закона, и хвост младших братьев тянулся за Видевшими рассвет, куда бы те ни пошли; и послушники уже начинали шептаться между собой, что если бы все Господа были такими, то...

Что именно подразумевали послушники, выяснить не удалось, потому что в этом месте они неизменно замолкали.

А потом был закат, и Дверная Роща, кроны деревьев которой так тесно переплелись между собой, что румянец заката лишь скользил поверху, не проникая в вечный полумрак; и вход в стволе огромного дерева, и крутая узкая лестница, и переходы, коридоры каменного лабиринта... и зал со стенами, усыпанными слюдяными блестками, напоминавший Пенаты Вечных, но совершенно пустой, и в конце его была — Дверь.

Дверь.

И в сухой тишине зала неслышно перекатывались колючие льдинки на дне хрустального резного бокала. Смех, призрачный смех мертвой Калорры, ночного Шайнхольмского леса, поляны в зарослях Ра-Муаз.

Льдинки на дне бездонного бокала.

Даймон не отрываясь смотрел на Дверь, и Сигурд чувствовал исходящее от Пустотника напряжение, ощущая его почти физически; ознобная дрожь волнами пробегала по худому телу Даймона, передаваясь Ярроу, и от него — строгому неподвижному Марцеллу.

Рядом тихо вскрикнул Солли. Сигурд с усилием повернул голову, глянул на зал у себя за спиной, и возглас удивления замер у него на губах.

Зал был полон темных, чуть колеблющихся фигур с белыми пятнами отрешенных лиц, зал превратился в беззвучно текущее море с пенными барашками на гребнях мерцающих волн; зал был до невозможности похож на Пенаты Вечных, только там, в штольнях Ра-Муаз, молчаливая неподвижность камня скрывала вечно живой, кричащий взгляд добровольно ушедшего беса, а здесь изменчивость очертаний рождала мраморное лицо с недвижными блестками глаз, изредка отливавших алым...

Узор ночного тумана. Мороки. Варки. Дети Бездны. Новая раса...

— Брайан... — тихо шепнул Ярроу, до рези под веками всматриваясь в одно из бледных пятен. — Ойгла, почему

ты не дождался меня тогда, в Калорре?.. Ведь все могло быть совсем по-другому...

— Хинс... — выдохнул Солли, делая шаг вперед и щурясь. — Хинс из клана пардусов, зачем ты звал меня там, в Шайнхольме? Что ты хотел сказать мне, и чего я не дослушал, убегая?..

— Я пришел, Тидид.

Это было все, что сказал Марцелл.

За их спинами хлопнула Дверь. Видевшие рассвет резко обернулись, и словно холодный ветер тронул их плечи стылой ладонью. Даймона рядом с ними не было. И Дверь уже закрылась за ним.

Время уныло бродило по залу, разбрасывая горсти мгновений во все стороны; Время скучало и никак не могло найти выхода, потому что оно ослепло и ощупью двигалось вдоль стен, немых стен, натыкаясь на выступы, обдирая руки о шероховатости камня; и наконец Дверь хлопнула во второй раз.

Даймон шел неуверенно, так, словно он разучился ходить и теперь учился заново. Стар был Пустотник. Чудовищно стар.

— Там ничего нет, — хрипло пробормотал Даймон. Губы его тряслись. — Там ничего нет. И это «ничего», которого нет, едва не свело меня с ума. Если бы я не успел отгородиться от него Большой Тварью... Теперь я понимаю, что такое — Бездна. Это Ничто. Каждый, стоявший на Пороге или получивший поцелуй варка, впускает в себя зародыш Бездны. Теперь в нем существует Ничто, способное стать чем угодно. Отсюда и все их способности... И чем чаще ты пользуешься даром — тем больше в тебе Бездны, тем сильнее становится Ничто, и то «что-то», что некогда было тобой, твоей личностью, — оно разлагается, отмирает, уходит навсегда... Таково знание Бездны.

— И?.. — одним дыханием шепнули Видевшие рассвет.

— Знание само по себе не бывает плохим или хорошим, — твердо ответил Даймон. — Раз в день, на закате, Дверь в Бездну будет открываться только для меня. Я буду писать Книгу. Книгу Знания Бездны. Это ее условие. Читать эту Книгу будут только Видевшие рассвет. Это мое условие. Но писать ее буду все же я — Даймон, Пустотник, Меченый Зверем, Стоявший над Бездной...

— Ты забыл сказать: «Я — человек».

Марцелл пристально смотрел на Даймона, идущего через зал к лестнице.

Зал был пуст. И уставшее Время сидело у западной стены, пустыми глазницами уставясь на Видевших рассвет. А вокруг почему-то царил стойкий, неистребимый аромат опавших осенних листьев...

КНИГА ТРЕТЬЯ

СКАЗАНИЕ О ВСТАВШИХ ПЕРЕД БЕЗДНОЙ

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в запертую Дверь.
Н. Гумилев

ТЕНЬ ШЕСТАЯ

Книжный Червь

1
Сигурд

Казалось, этому не будет конца, но все в этом мире рано или поздно имеет свое завершение. Сигурд равномерно постукивал остроклювым молоточком, и из-под жала крохотного резца выходили знаки, похожие на птичьи следы на песке; выходили и разбегались по изогнутой поверхности Сигурдова меча. Потом надо было смешать золу прошлогодней дубовой коры с соком травы сай и добавить еще несколько составных частей, чтобы полученную жидкость втереть в неглубокие бороздки знаков. Получалось красиво: чернь узора по стальной голубизне клинка. Главное здесь было не ошибиться в последовательности рисунка и сроках настаивания зелья.

И тогда не придется оковывать меч серебром, портя работу древних мастеров: клинок, покрытый узором из знаков, которые Сигурд вычитал в Книге Бездны, успешно мог противостоять любой призрачной плоти...

У Солли память была гораздо лучше, и выученик Сына Большой Твари мог запомнить с первого раза гораздо больше Слов и Знаков, прочитанных ими в Книге, что в последнее время раздражало Ярроу, бравшего в основном работоспособностью. А спрашивать у Даймона было бесполезно — тот вообще жил от заката до заката; и когда Пустотник скрипел пером, разбрызгивая самодельные чернила, то ничего вокруг не видел и не слышал.

Сигурд отложил молоточек, глядя на изгиб клинка и пытаясь привыкнуть к глухой шершавой неприязни, копившейся внутри.

Баловень судьбы Перевертыш с его блохастыми волками,

отмороженный Даймон и Книга, где треть непонятна, треть не нужна — ему, Сигурду Ярроу не нужна! — а от остального голова пухнет; Марцелл еще этот, слова от него не дождешься, шляется неведомо где... братья местные вечно под ногами вертятся, а их улыбки хоть в чай клади, вместо меда...

Зу тихонько ткнулся головой в бедро Ярроу и вопросительно зашипел.

— Отстань, — буркнул Сигурд, дергая ногой. — Не до тебя...

Удав обиженно отполз в сторону и свернулся клубком, искоса наблюдая за хозяином.

Сигурд взял меч, вышел на утоптанное место и медленно протанцевал два «потока» из оружейных канонов Скользящих в сумерках. Вышло вяло и бесстрастно, хотя формы он не потерял. Да только к чему все эти мелочи? Вот настой смешаем, знаки вычерним — хотя они и без настоя сработать должны, только послабее, — и с таким мечом-самобоем при любой форме в мастера прорвемся... Не все ли равно — тот удар или этот, на повторном взмахе или еще как?.. Хорошую Книгу все-таки пишет Даймон, полезную, сколько ни выучим — на наш век хватит... Утрем нос Перевертышу!..

Ярроу бросил меч на землю, сел на бревно и прикрыл глаза. Что-то было не так. В нем. Внутри. Не так.

Он вновь разлепил веки — и увидел.

Увидел валявшийся на земле испачканный меч. Подарок Фарамарза. Брат Скользящего в сумерках. На земле. В грязи.

Рядом шипел расстроенный Зу.

2
Солли

...Вайл скулила, а Солли стоял над ней и чувствовал себя последним подонком. Минуту назад он собственноручно избил волчицу за то, что она не захотела пить воду.

Им сотворенную воду.

Все дело было в роднике. За восточной окраиной Скита Крайнего глотка, в тени невысоких широколистных деревьев бил родник с необычайно вкусной и слегка шипучей водой. Еще месяц назад Солли с удовольствием бегал к источнику по три раза на день, зачастую в волчьем обличьи и вместе с Вайл, которую переполнял щенячий восторг... Но чем дальше, тем меньше хотелось Изменчивому куда-то бежать, да еще из-за какой-то никому не нужной воды, по жаре, и вообще...

В последнее время он разлюбил выходить днем. Вечером и прохладнее, и воздух чище, а вода везде одинакова...

Солли набрал в миску воды из ведра, стоявшего в коридоре, и забормотал над ней тихо и неразборчиво, делая руками странные пассы. Это было совсем свежее знание, он только позавчера вычитал его в Книге и еще не успел проверить на деле.

Вскоре мутная жидкость посветлела, стала прозрачной, и на поверхности заиграли веселые пузырьки. На вкус вода была точно такой же, как родниковая, и Солли подвинул миску заворчавшей Вайл...

Волчица ткнулась в миску носом, зафыркала и отошла в сторону. Три раза Солли пододвигал к ней сотворенную воду, и в последний раз упрямая волчица перевернула миску, разлив воду.

Тогда Солли ударил ее. И еще раз. И еще.

А теперь он стоял над скулившей Вайл, и волчица лизала ему ноги, а Изменчивый плакал, и слезы были подобны родниковой воде из источника под деревьями, только гораздо более соленые...

3
Марцелл

...Те, которые Я, перессорились друг с другом. И мне понадобилось немало усилий и времени, чтобы склеить, собрать из разъяренных и брыжжущих слюной осколков прежнюю мозаику нашего общего Я.

Проклятая Книга! Она манила к себе, как может манить лишь недопетая песня, ускользающая власть, недочитанная и недописанная Книга! — и я погружался в волны тайного знания, огибая островки непонятного, минуя рифы запретного, ныряя в лагунах дозволенного, пока вал пенящейся скуки не захлестнул меня...

Скука. Скука набилась мне в рот, обдирая десны; скука висела у меня на шее мельничным жерновом, и не было у меня Дела, достойного беса, и вновь просыпалась внутри давнишняя мечта об отдыхе, о покое — о Смерти...

Мне уже сейчас не хотелось почти ничего. А когда Даймон наконец допишет Книгу и я прочитаю ее до конца — мне не будет хотеться совсем ничего!.. И от сосущей, дикой, смертной скуки...

Я знал, что Сигурд завидует Изменчивому, опережающему салара в изучении Слов и Знаков; я видел, как Сол-

ли стал обращаться со своими волками, да и меня самого, признаться, начала раздражать раболепная услужливость младших братьев и вежливая почтительность патриархов.

О небо, еще немного, еще одна страница Бездны — и...

Нельзя подписать договор с Бездной и надеяться выиграть — выигрыш неминуемо обернется поражением! О Книжный Червь тайного знания, как легко вползаешь ты в душу, как сладок голос твой, когда ты незаметно вгрызаешься в святая святых...

— Внемли мне, человек, перелистни страницу!..

...И Скользящие в сумерках невидимой грозой выжгут осиные гнезда Перевертышей — и горе всем остальным!..

— Тайное знание, человек, тайное, сокровенное... даром, совсем даром, и только тебе...

...И Изменчивые возденут к небу властные руки, чумой затопляя поселения ненавистных Мертвителей, и горе всем остальным!..

— Кончены труды твои, человек, снято тяжкое бремя; читай — и за тобой будет будущее, твое прекрасное будущее, и только за тобой!..

...И просто люди силой Слов и Знаков сметут с лица земли и первых, и вторых, и третьих — всех, кто не хочет быть просто человеком или не может им быть... и горе всем остальным!..

Вот почему Бездне нужен был Даймон... Или я. Ни один варк, уже вкусивший от Небытия, не смог бы написать Книгу!.. Еще одна Дверь, шуршащая, шелестящая, разлагающая непосредственно сознание, душу — Книжный Червь...

Я встал, и те, которые Я, встали вместе со мной. Если я прав, то лишь у патриарха Маурикия сумею я найти подтверждение моей правоты.

У патриарха. В хрониках Верхних.

Ведь не может же быть, чтобы я оказался первым?!.

4

— Нам необходимо видеть патриарха!

Кроха Йонг лениво поднялся навстречу вошедшим, двигаясь с грацией невыспавшегося носорога.

— Патриарх Маурикий занят, Господа, — вежливо, но твердо заявил он. — Приходите с утра, а лучше — к полудню...

Ярость затопила Сигурда. Какой-то ничтожный услужающий смеет говорить с ними таким образом — с ними, с Танцующим с Молнией и Хозяином Волков!.. Краем созна-

ния он успел удивиться этой слепой ярости, удивиться ее чуждой природе — но было поздно.

— Ты что, ублюдок, не понял?! Или мне придется повторять дважды?!

Кроха Йонг набычился, искоса взглянув на подошедшего сбоку долговязого Фарсаула, и угрюмо промолчал, не двигаясь с места. С лавки у окна вставали еще трое братьев-услужающих, которых оставил Маурицию уехавший к себе западный патриарх Муасси.

Сигурд шагнул вперед, рука его метнулась к рукоятке меча... Салар был страшен, и в эту самую минуту луч закатного солнца просочился в окно и упал на лицо Скользящего в сумерках. Ярроу машинально отмахнулся от неприятно-теплого прикосновения — в последнее время его раздражало многое, в том числе и солнце — и его локоть чуть не сломался в мертвой хватке лапищ Крохи. Сигурд, стиснув зубы, вывернулся под немыслимым углом, стараясь ослабить давление на хрустящую руку, но Кроха держал умело и ловко.

Солли бросился к ним, вскидывая вверх жезл, вырезанный утром из Заветного дерева, и выкрикивая тайные слова, но железные объятия ухмыляющегося Фарсаула стиснули ему ребра, голос прервался, и Солли затрепыхался, словно пойманная рыба, хватая ртом воздух. Две двери открылись одновременно. И в приемном покое объявился величавый патриарх Маурициий с одной стороны и запыхавшийся брат Манкума — с другой. Послушник заканчивал фразу, явно начатую еще на крыльце:

— Даймон... Господин Даймон передает, что сегодня...

Манкума резко замолчал, глядя на происходящее, потом то ли вскрикнул, то ли всхлипнул, и кинулся к Крохе, молотя худыми кулачками по его необъятным плечам и тщетно пытаясь оторвать толстые пальцы Йонга от согнувшегося в три погибели Сигурда.

Один из западников коротко взмахнул полированной дубинкой и опустил ее на затылок Манкумы. Тот дернулся, захрипел и осел на пол, запрокидывая отяжелевшую голову.

Маурициий улыбнулся и аккуратно прикрыл за собой двери в патриарший покой.

— А я-то вас на смену прочил...

Голос Маурициия был, как обычно, сух и ровен.

— Мне ведь известно, кто вы... Испытание — Испытанием, только после я с Верхними разговаривал... с *настоящими* Верхними... Но думал — Книгу дочитаете и дадите старикам спокойно на отдых уйти. Заждалась нас Дверь, истомилась... Неровен час, помрем от старости, тог-

да поздно будет... Тебя, господин Сигурд, на свое место мыслил посадить, а господина Солли Озерный Нормант звать собирался... Патриарх Сигурд и патриарх Солли...

— А я?!

Никто не заметил вошедшего Марцелла. А тот стоял привалившись к стене и со странным любопытством оглядывал приемный покой.

— А ты сам выбирать волен... Не чета иным...

Голос Маурикия не изменился ни на йоту.

Марцелл подошел к телу брата Манкумы и присел на корточки.

— Понял, парень? — тихо, но отчетливо произнес бес, гладя разбитый затылок тщедушного послушника. — Вот так-то... Патриарх Сигурд и патриарх Солли... А ты, дурашка, спасать нас полез! Вот и остывай теперь, за дурость свою человеческую!.. А мы в патриархи пойдем, чего уж там... с нас станется. Уходящие за Ответом, Видевшие рассвет, Вставшие перед Бездной — Патриархи общин Крайнего глотка... Неплохо звучит... для начала...

Словно закатный луч облил багрянцем лица Сигурда и Солли. Стыд, обычный человеческий стыд, ожег их своей свистящей плетью, кровь — живая, кипящая, бунтующая кровь! — бросилась в лицо, смывая бледный призрачный налет; и в приемных покоях патриарха Маурикия на мгновение стало тесно.

Выл Кроха Йонг, тщетно пытаясь удержать в руках неукротимый смерч, визжал белый как мел Фарсаул, в чьих объятьях возник разъяренный волк с оскаленной пастью, гулко шлепались в стены братья-услужающие из Западного скита; а Марцелл склонился над телом брата Манкумы, и глаза его блестели — влажные, раскосые, живые глаза...

...Когда все закончилось, Марцелл оглядел стонущих общинников, властно отстранил напрягшегося Маурикия и прошел в патриарший покой. Вскоре оттуда послышался треск ломаемой мебели, шуршание бумаг, и некоторое время спустя Марцелл вышел с пожелтевшим свитком и потряс им перед собравшимися.

— Все-таки я был прав, — медленно протянул Марцелл. — Вернее, не один я...

СРЕЗ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ
ТАЙНА ОПАЛЬНОГО ПАТРИАРХА

...Аз недостойный, пишу строки эти не из корысти и не в поощрение мудрости, но в великом помрачении и смяте-

нии души, ибо рушится дело жизни моей, и отчаяние овладевает дрогнувшим сердцем...

Если я не прав, то радостно приму кару за помыслы еретические, но если верны догадки мои — горе тебе, мир содрогающийся, и грядут сумерки без рассвета!..

Многое помню я, патриарх Скита Филумен Бротолойгос, ведущий род свой от Порченого жреца Согда, славного Ктерия Бротолойгоса, часто говорившего «нет», когда другие говорили «да» или молчали... Не промолчу и я, далекий правнук его, не промолчу — и пускай кричит память под ножом строгого лекаря-рассудка...

Безусым отроком покинул я ветшающие стены древнего Согда вслед за иными, ушедшими за Чистыми Пустотниками искать выход из мира, ставшего мачехой для первенцев своих. После долгих лет странствий руки мои клали первые бревна срубов Скита — тогда еще Скита Откровения. Отмечен я был господином Айрисом, избран из сверстников и ко многим тайнам приобщен, пока Чистые бились мыслью в стены между мирами, пытаясь выйти за пределы, найти землю иную, чистую, безгрешную...

Небо им судья! Видно, не суждена нам лучшая участь, если звали Простор, а откликнулась Бездна. Давно рвалась она наружу, только не вырваться без чужой помощи тому, что не имеет существования, что есть Небытие; — но стремящиеся за предел удесятерили усилия, и так открылась дверь между Бытием и Небытием.

В тот день — злосчастный! — трое оказались на Пороге, и лишь двое вернулись обратно: Чистый Айрис и лар Тидид. Начало было положено. Бездна бросила зерно, упавшее на благодатную почву.

Что есть зло? Нет ответа на сей вопрос, и вечно герои будут убивать чудовищ, и каждый будет считать героем себя, а всех остальных — чудовищами. Плохо ли, если мудрый и сильный, открыв Дверь, приобретает Вечность и многое другое, чего не имел он до того? Плохо ли, если слабый получает поцелуй Верхнего и становится подобен мудрому в том, что обретает? Есть ли зло в даре и чем за него плачено?..

Не знаю... Некогда зрелый муж Филумен Бротолойгос, увидев сделанное, сказал, что это — хорошо. Я не осуждаю его, не осуждаю себя — того, прежнего; но за истекшую половину века червь сомнений изглодал мою душу, и не могу боле терпеть. Скажу, выплесну боль мою, и будь что будет! — если будет хоть что-то... Слушайте меня, умеющие слушать, и не говорите, что не слышали!..

Варки не способны созидать! Я в давние времена читал

свитки со стихами поэтов Калорры, видел деревянные статуэтки работы лесных мастеров-Изменчивых, любовался чеканкой пряжек и гравировкой клинков Девятикратных — и это было прекрасно! Целебные мази Перевертышей, воинские танцы саларов, тонкая улыбка парадоксов Фрасимеда Мелхского — и это тоже было прекрасно! Разные, непохожие, чаще ненавидящие, чем любящие — все мы были люди, потому что — творцы!

Но за пятьдесят лет существования Двери — а она не единственная, я знаю это! — ничего не было сотворено прошедшими через Дверь или получившими долгожданный Поцелуй! Словно Некто сглазил людей, ставших неуязвимыми, вечными, изменчивыми — и пустыми!

И отныне я, человек Филумен Бротолойгос, слагаю с себя бремя патриаршества в Ските Крайнего глотка, бывшем Ските Откровения. Я впервые называю то, что лежит за Дверью, Бездной Голодных глаз! Ибо иного слова нет у меня и не будет для Небытия, рвущегося в мир с темной завистью...

Бедные Господа, вы мертвы! Потому что мертв убивший в себе Творца, а убивший добровольно — мертв десятикратно! Человек зачинается в поту и стонах, ваш Поцелуй не чище — но вы не можете творить даже детей и приобщаете лишь тех, кто сотворен не вами и до кого вы просто сумели дотянуться...

О Отбросившие Тень, вы способны лишь пользоваться! Чужим телом, чужим знанием и чужой кровью... Горе миру, которым станете пользоваться вы, чья личность разлагается, как в гробу, в вечном мертвом теле!

Горе — ибо Бездна порождает Бездну! Это говорю я, старый мечущийся Филумен Брото...

5

...Напряженное, угрюмое молчание повисло в покоях Маурикия, и лишь эхо страшных слов опального патриарха, слов, произнесенных внезапно охрипшим голосом Марцелла, — лишь гулкое эхо еще раздавалось под бревенчатыми сводами...

Блуждающий взгляд Солли остановился на медленно остывающем теле брата Манкумы; Изменчивый вздрогнул и рванулся к двери.

— Даймон! Книга!.. — отрывисто бросил он на бегу.

Повторять не пришлось. Спустя мгновение в срубе оставался лишь бледный Маурикий да вновь начавшие стонать братья.

Волком Солли добрался бы до Дверной Рощи куда быстрее, но сейчас ему и в голову не пришло сменить облик. Вихрем пронеслись они по улочкам не успевшего опомниться Скита, а за крайним срубом их незаметно нагнала Вайл с двумя оставшимися волками. И рядом в траве зашелестела длинная змеящаяся лента. Впрочем, почему змеящаяся?.. ладно, не до того...

Зу снова был с хозяином.

...Еще не успело стемнеть; но когда они подбежали ко входу в подземелье, несколько зыбких фигур преградили им дорогу. Солли только зло усмехнулся, вскидывая свой засветившийся жезл, но его опередила стальная, испещренная муравьиными письменами Знаков молния. И пущенный недрогнувшей рукой Марцелла серебряный нож вошел в грудь последнего варка.

«Здравствуй еще раз, Тидид... Здравствуй — и прощай. Теперь ты мертв. По-настоящему. Бездна обманула и тебя, обманывающий других...»

Из провала внутри векового ствола вынырнул опоздавший варк, отшатнулся от вспыхнувшего перед ним жезла Солли и, оступившись, неловко взмахнул руками, послышался страшный вопль... — морок напоролся на сук растущего рядом дерева. Оно задрожало, трепеща сизыми листьями, и призрачная плоть вокруг раны задымилась и стала распадаться на глазах.

Солли на миг повернулся к Ярроу:

— Запомни — Трепетное дерево!.. В Книге этого не было...

Сигурд кивнул и нырнул вслед за Изменчивым и Марцеллом в черноту провала...

6
Даймон

...Перо, скрипя, выводило на пергаменте последние завитушки, и Бездна словно подталкивала его — скорее, скорее, ты должен успеть, закончить... И не задумывался старый Пустотник, почему торопит его То, чего Нет, почему он должен спешить — он вообще все реже задумывался в последнее время...

Он писал.

Поначалу, стоя над Бездной, он пытался запоминать и оценивать то, что нашептывало ему поджидавшее за Дверью Небытие; но едва перешагнув порог и вернувшись в зал, он немедленно забывал все. Словно с Дверью захло-

пывалась и некая дверь в его сознании. Иногда Даймону казалось, что Бездна смеется над ним...

Выход был один. Писать Книгу при открытой Двери, отдаваясь во власть исходящего оттуда потока. И — странное дело — тогда ему не нужно было перечитывать потом Книгу, чтобы восстановить в памяти уже зафиксированные бесстрастным (бесстрастным ли?) пером знания... Он помнил все до последней запятой. Белые, с легкой желтизной, и странно плотные листы с черными, похожими на червей завитками — это были листы его собственной памяти...

Его. Собственной. И в то же время...

Нет, не только тайны Запределья выплескивал на шуршащие страницы Пустотник. Дарованные Слова и Знаки наполнял он тем, что крылось в нем самом, что лежало глубоко, едва ли не глубже, чем Бездна — своей болью, своими сомнениями, своей душой... И чем больше души уходило в Книгу, тем меньше ее оставалось в изможденном, высохшем теле Пустотника; и заворочалась, зашевелилась в глубине его Большая Тварь, чувствуя, как слабеет удерживающий ее человек...

Но Пустотник Даймон не осознавал этого. Он писал Книгу. Поначалу он думал, что тайное знание Бездны поможет ему, Марцеллу, мальчикам, всем остальным... потом...

Теперь он вообще не знал, зачем нужна эта Книга. Он просто писал.

А эта троица — как их там?! — в решающие, самые важные дни завершения начала раздражать Пустотника. Никчемные, ограниченные создания, полулюди, полу... ни то, ни се — что они могли понять в строках, созданных им, Даймоном, и Бездной?!

Ничего. Или почти ничего.

Он больше не хотел, чтобы они читали его Книгу. Только *его* Книгу.

...Последняя заветная строка выползла из-под пера и замерла, блестя непросохшими чернилами. Теперь он знал *всё!*

Все силы Безмирья были ведомы ему, мановением руки Пустотник мог разрушать города и миры, повелевать зверьми и людьми, и даже Верхние не могли сравниться с ним в могуществе!..

Даймон встал из-за стола и сухо рассмеялся. Удивление слегка тронуло краешек его сознания: откуда этот чужой, неживой, знакомый смех? — тронуло и исчезло...

Странно. Почему не приходит удовлетворение? Только что он закончил величайшую в истории человечества Кни-

гу, ставящую точку на этой самой истории; Вечность склонилась перед ним, и — ничего...

Ни радости, ни сожаления. Ничего. Пустота. Нет, не Пустота — Бездна.... По лестнице прогрохотали шаги, и в зал буквально скатились те, которые чванливо именовали себя Видевшими рассвет.

— Даймон, ты не успел закончить? — прохрипел, задыхаясь, тот из них, который был бессмертен.

— Не твое дело, бес, — сухо ответил Пустотник.

Вошедшие замерли.

— Кажется, он закончил, — бледнея, прошептал полузверь. Он наивно полагал, что старый Пустотник не услышит.

Но новый Даймон услышал.

— Псы! — гром его голоса раскатился под сводами дрогнувшего зала.— Вы смеете облаивать своего... своего...

Лицо Пустотника неожиданно посерело, он пошатнулся, хватаясь за сердце...

— Мальчики, бегите... — прошептал Даймон, и Книга на столе вздрогнула, как зверь, теряющий след, или встретивший другого, не уступающего тропу зверя.

— Мальчики, простите меня... я не удержу Ее... Бегите, пожалуйста!.. Марцелл, да забери ты их!.. ах ты...

Но Видевшие рассвет не двигались с места. Как завороженные глядели они на бьющуюся в конвульсиях фигуру, внутри которой сплелись в схватке три Вселенные. Бездна, Большая Тварь и Человек. Каждый — сам за себя.

Лоб Пустотника пошел складками, глаза ввалились, пальцы свела судорога — словно он хотел превратиться и не мог. А когда перед стоящими вновь оказался прежний Даймон — он был не просто стар.

Он был дряхл. Он еле держался на ногах.

— Врешь, проклятая!.. Это еще я, Даймон, Пустотник... Нет, теперь просто — Пустой... Совсем пустой... бегите, мальчики!.. Она хотела высосать мою душу, только промахнулась... и выпила Большую Тварь... Теперь она там... Это не Книга, это Дверь! Еще одна Дверь... Марцелл, ну помоги же мне!.. не могу больше...

Дрожащий старческий палец, указывающий на подрагивающий переплет Книги, стал удлиняться; суставы напухли и раздались вширь, вздуваясь венами — нет, не венами, а...

И тогда Марцелл отшвырнул в сторону свои ножи-«бабочки» — Солли поймал их на лету, порезав ладони — и кинулся к Даймону.

Подхватив старика, тело которого напоминало кокон, рождающий Книжного Червя, бес шагнул с ним к рас-

пахнутой Двери. Солли и Сигурд видели, как на глазах менялось лицо Пустотника, молодея и одновременно становясь чужим, нечеловеческим, как очертания тела сходили с ума, — но Марцелл уже стоял над Бездной.

На пороге он обернулся, словно прощаясь — нет, словно собираясь отлучиться и вскоре вернуться, — и легкая улыбка тронула его губы.

«Прощайте, Видевшие рассвет, и не печальтесь обо мне... Миров много, а Время вовсе не такой строгий надсмотрщик, как о нем говорят... глядишь, и свидимся... все-таки я — бес...»

Еще мгновение, еще один шаг — и бес вместе со своей зловещей ношей рухнул в Бездну. Небытие покатало на языке бессмертный зародыш, и вздрогнула Бездна, ощутив в себе чуждую, невозможную, смертельно опасную для нее Жизнь; вздрогнула — и выгнулась в судороге, колебля пространство и время...

Дверь закрылась навсегда. С грохотом рушились каменные плиты, навечно замуровывая вход, становясь глухой стеной, за которой бушевало Ничто; и зал закачался в испуге.

Видевшие рассвет повернулись, чтобы бежать, и остановились.

Посреди бьющегося в падучей зала безликой толпой стояли варки. Некоторое время живые и мертвые молча смотрели друг на друга. И рядом с живыми на странно неподвижном столе лежала пульсирующая Книга.

А потом Солли улыбнулся, и страшной была та улыбка на лице, потерявшем возраст. Ножи Марцелла торчали у него за поясом — стальной и посеребренный, но Изменчивый не притронулся к ним. Его руки медленно поднялись вверх и разошлись в стороны, и на окровавленных ладонях вспыхнули два Знака, вспыхнули холодным зеленоватым огнем. Солли еще шире развел руки, словно собираясь обнять сразу всех варков, и рядом с ним полыхнул тем же светом меч Ярроу...

...Они шли, постепенно тесня толпу, и Тяжелые Слова срывались с губ Изменчивого, волной катясь впереди него, отшвыривая визжащих варков, ужасом отражаясь в горящих зрачках, и там, где не хватало слов, слов Солли, там исправно выполняла свою работу покрытая знаками сталь Девятикратного...

А дальше была смутно знакомая фигура, и лицо над ней — лицо Брайана, салара, друга, в пустых глазах которого не оставалось уже ничего от прежнего Ойглы, но меч внезапно стал непомерно тяжелым...

В следующее мгновение последняя приливная волна заклятий Изменчивого смыла оставшихся варков вместе с

тем, кто некогда звался Брайаном Ойглой, и Солли повернулся к Сигурду:

— Теперь Книга. Сталь и огонь...

Сигурд промолчал.

Сталь и огонь оказались бессильны. Книга по-прежнему лежала на столе, лежала недвижно и равнодушно, а стены зала готовы были рухнуть в любую секунду. Надо было уходить.

— Это не Книга, — как в бреду пробормотал Солли. — Это даже не Дверь. Это и то, и другое, и третье... Третье — это Большая Тварь. Книга обрела собственную сущность. И нам не под силу уничтожить ее...

— За каждое знание надо платить, — эхом отозвался Ярроу. — Даймон заплатил жизнью. Марцелл... прощай, Отец, ты теперь слишком далеко, ты ушел, и не будем об этом... А нам еще только придется платить.

— Уходим, Сигурд... Я чувствую, как знание, которое во мне, властно требует недостающего. Книга тянет меня.

— Да, Солли. Она помогала нам в битве и одновременно — звала. Мы — Ее заложники.

— И мы закроем Ее здесь. Закроем всеми Словами, Знаками и Печатями, какие знаем. Большего мы сделать не в состоянии.

Сигурд посмотрел на Книгу. Она была неподвижна — оазис мертвого спокойствия в разверзшемся аду.

Она ждала.

7

Послушников наверху не оказалось. Причина этого — Вайл, Зу и два взъерошенных волка — была очевидна. Правда, волки жались к ногам Солли и затравленно скулили, и даже удав постарался перетечь поближе к Ярроу.

Нет, не люди испугали зверей. Не люди и не звери.

Не живые.

Огромный, рыхлый ком сбившегося в одно целое мрака, с бесчисленными бледными пятнами смазанных лиц колыхался перед ними, и Бездной веяло от этого сгустка...

Да, Дверь захлопнулась. Но дети Бездны остались снаружи.

«Не думайте, что вы победили, — шипела извивающаяся часть, отсеченная от целого, — эта Дверь — не единственная, не последняя, их много в вашем мире и в любом другом мире, в любом месте, где человек стремится выйти в Запределье — выйти любыми средствами, потому что цель оправдывает средства!.. Везде, где человек ломится в стены своего жалкого бытия — везде открываются Двери, Двери, Двери...»

Сигурд смотрел, слушал и улыбался.

Солли ошарашенно глянул на Девятикратного, потом замер, прислушался — и тоже улыбнулся.

И все — и мертвые, и живые — увидели разрастающееся зарево; там, далеко, на северо-востоке, над горами Ра-Муаз, чуть левее седого Ырташа. Там, в переходах забытого согдийского рудника, по каменному панцирю змеились трещины — сперва робкие, затем все более и более уверенные — и рушились сталагмиты, выпуская в предрассветный мир тех, кто добровольно заточил себя в Пенаты Вечных; тех, за кем навсегда захлопывались Двери в Бездну, как захлопнулась она за Теми, которые Он — бесом Марцеллом...

Хрустела под босыми ногами корка веков, качалась заброшенная штольня, и вставали, поднимались, делали свой первый шаг Бессмертные.

Бесы шли закрывать Двери.

Хватит ли их на все?..

Сигурд положил руку на рукоять меча. Солли кивнул и не торопясь достал из-за пояса покрытую серебром «бабочку» ушедшего Марцелла...

ПРОЛОГ

Когда я устану от ласковых, нежных объятий,
Когда я устану от мыслей и слов повседневных —
Я слышу, как воздух трепещет от грома проклятий,
Я вижу на холме героев — могучих и гневных.

Н. Гумилев

Спросите любого исцарапанного мальчишку, с визгом несущегося по улицам Калорры, кем он хочет стать через пяток лет? Мальчишка засмеется, швырнет в вас пригоршню дорожной пыли и побежит дальше. Но прежде чем свернуть за угол, он остановится и обязательно крикнет срывающимся голосом:

— Скользящим в сумерках!..

А если он не будет спешить по своим мальчишеским неотложным делам, то, может быть, он остановится и поведает вам историю о Великом наставнике саларов Сигурде Ярроу, о его тайном уходе и шумном возвращении вместе с Перевертышем из-за гор, о большом совете Девятикратных и решающем слове престарелого Фарамарза, о Словах и Знаках на синей стали клинка, рассекающего черный бархат ночи...

А потом он все равно убежит от вас, если вы слишком пристально уставитесь на Браслеты его левой руки, или взъе-

рошенным волчонком метнется в ближайший двор, или просто махнет через забор, за которым сушится чье-то белье...

Спросите любого веснушчатого подростка, в упоении машущего деревянным мечом над плитами набережной древнего Согда, спросите — кем он хочет быть, когда пушок, пробившийся над его верхней губой, станет гуще и заметнее?..

Юный согдиец продемонстрирует вам серию блестящих выпадов и унесется домой, где чадолюбивые родители уже битый час не могут дозваться его обедать... Но на берегу он обязательно бросит в соленый морской воздух горсть слов и они покатятся по набережной, подобно серебряным фениксам:

— Скользящим в сумерках!..

А если он все-таки решит обождать с надоедливым обедом, то непременно расскажет вам об Изменчивом Солли и его длинной и грозной дороге домой, о суровом саларе с того края пустыни и Большом Смешении народов в год Черного Солнца — как, вы не знаете об этом?... ну, вы даете... — о захлопывающихся Дверях и открывающихся сердцах, а также о многом, многом другом...

А потом он наверняка помчится обедать, гибкой пятнистой кошкой вспрыгивая на парапет или почесывая на бегу браслет своей очередной разменянной жизни, или просто размахивая такой замечательной палкой...

Остановитесь на мгновенье, послушайте слепых сказителей Оккироэ и Шайнхольма, послушайте их песни о трех женах Солли Шайнхольмского, из которых одна была... — да нет, вы не поверите, но они прекрасно уживались! — послушайте легенду о мастере Сигурде и его школах саларов — охотников за варками; послушайте сказания об Уходящих за Ответом, Видевших Рассвет, Вставших перед Бездной и, наконец, сказание о Вернувшихся вовремя...

Бросьте монету седому сказителю, монету на теплый хлеб и горькое вино, и идите дальше, если вы по-прежнему хотите спрашивать и умеете слушать. Найдите приют на ночь, и спите себе, пока чернила ночи будут расползаться по притихшей земле и чей-то взгляд загорится пурпуром во тьме переулков, загорится и угаснет, когда мелькнут в ночи серые плащи Скользящих в сумерках — саларов Согда, Калорры, Оккироэ, Вайнганги, Шайнхольма... тех, кто снится сейчас сопящим мальчишкам в смятых постелях... мальчишкам, знающим саларов — охотников за варками и никогда не слышавшим иного, прежнего значения этого слова...

А если вы все же выглянете в окно, то вам, возможно, посчастливится увидеть в свете уличных факелов тень

большого волка с пегой от возраста шерстью, волка с перевязью на узкой спине, или размытый силуэт легкого на ногу человека с длинной рукоятью меча, выглядывающего из-за капюшона, и змея рядом с идущим тихо зашипит на вас, и все исчезнет — а вы пойдете спать...

Не спрашивайте завтра об увиденном — вам не поверят, или сделают вид, что не поверили, и вообще — что за видения в наш просвещенный век, берите-ка лучше стакан красного и забудьте, забудьте и не смешите людей!..

И вы выпьете, а потом выпьете еще раз, и еще, и махнете рукой на эту ночь и на все остальные ночи, и пойдете дальше, подставляя лицо теплым ладоням солнца...

Но в одну из пряных ночей наступающей осени — в одну и ту же ночь каждого года — вам непременно приснится сон, если только вы действительно умеете спрашивать и слушать...

...Медленно загорается костер в предгорьях Муаз-Тая, и, словно вторя ему, вспыхивает другое пламя в глуши Шайнхольма; и сидит у каждого огня, у весело пылающих веток недвижный одинокий человек, вороша угли суковатой палкой...

Говорят, в эту ночь, на самом ее переломе, Время и Судьба сходятся вместе для неторопливой беседы ни о чем, и тогда становятся миражом годы и расстояния, и нет «вчера» и «завтра», а есть «сегодня» и «сейчас» — и два далеких костра сливаются в один, брызжущий искрами, и вот уже два человека сидят у огня, изредка перебрасываясь скупыми, отрывистыми репликами... Один из них кутается в выцветший плащ с железной застежкой на левом плече, другой смеется, глядя на это, и встряхивает гривой пепельных волос — нет, совсем уже седых волос, и огромная змея лениво свивает в тепле свои тугие кольца, помнящие не одну сброшенную кожу...

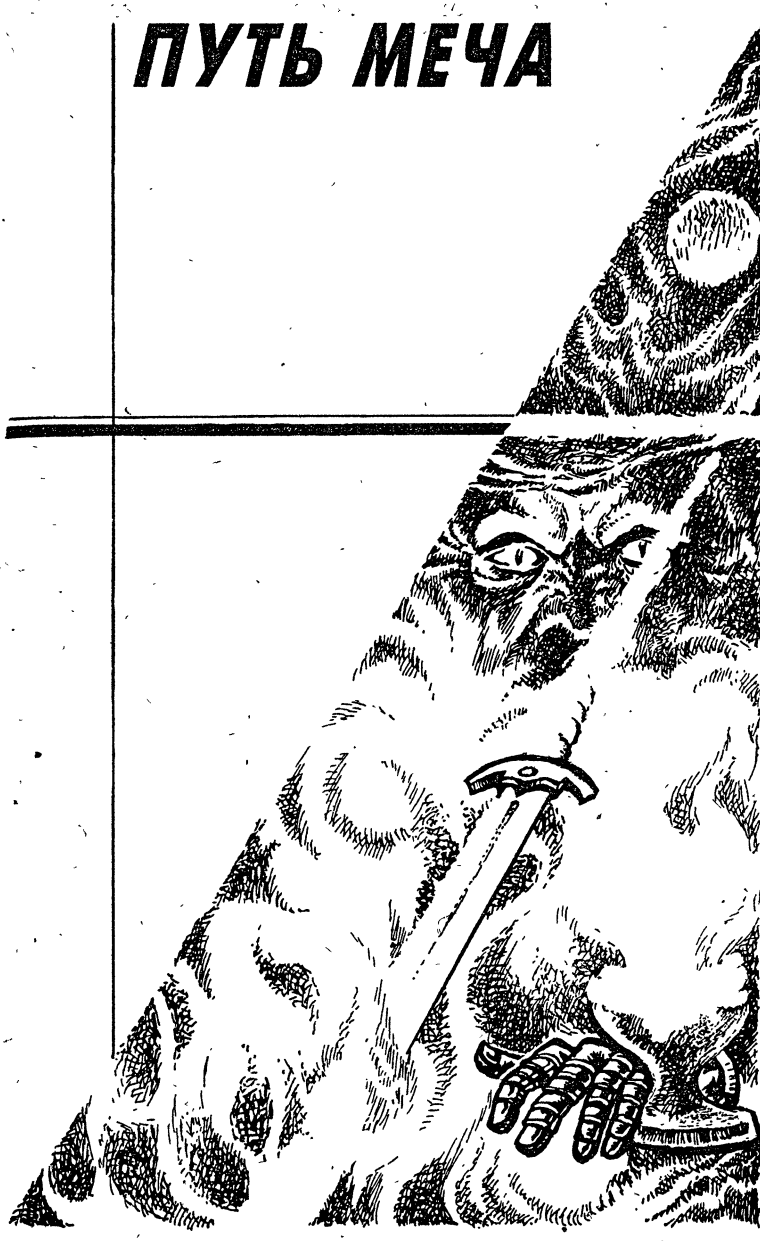
А напротив, там, где тень ночи пытается шагнуть в освещенный круг костра, стоит худой старик в потертой хламиде, и ладонь его — узкая, твердая ладонь, похожая на роговой коготь, лежит на бронзовом плече улыбающегося парня, из раскосых глаз которого глядит пленная Вечность...

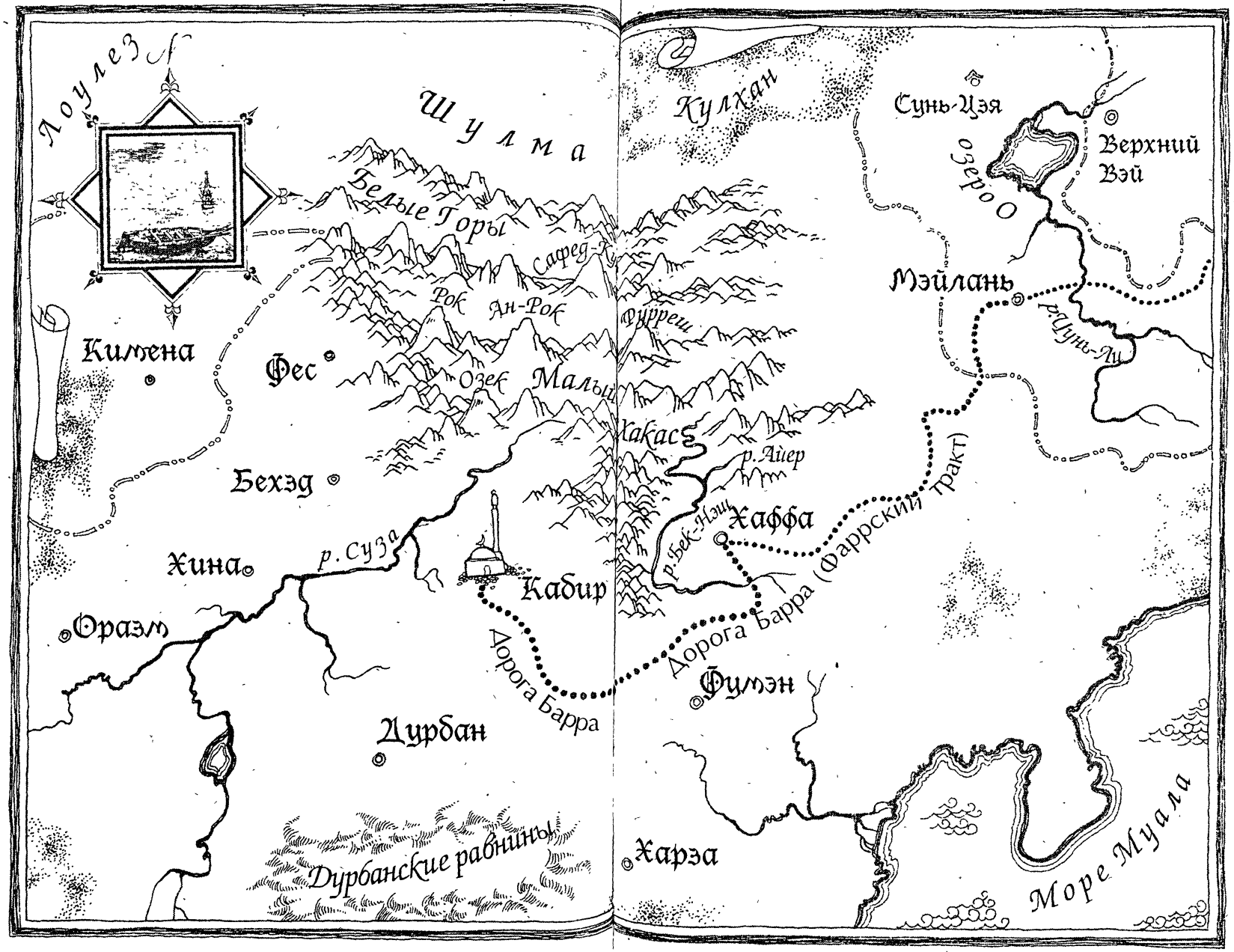
...А потом ветки обугливаются, превращаясь в золу, и посветлевший горизонт рождает первые алые гребни на волнах надвигающегося утра.

Начинается рассвет.

В одну из таких ночей, в далеких песках Карх-Руфи, цоколь храма неистового бога Маарх-Харцелла дал трещину. И смуглые дети пустыни шептались об исчезнувшей статуе и пустом постаменте...

ПУТЬ МЕЧА




Лоулез
Шулма
Кулхан
Сунь-Цзя
Верхний Вэй
озеро
Белые Горы
Сафед-Рок
Ан-Рок
Фурреш
Мэйлань
р. Цунь-Ли
Кимена
Фес
Озек Малый
Какас
р. Айер
Бехзд
р. Бек-Нэш
Хаффа
Дорога Барра (Фаррский тракт)
р. Суза
Хина
Кабир
Оразм
Дорога Барра
Фумэн
Дурбан
Дурбанские равнины
Харза
Море Муала

— Вот человек стоит на распутьи между жизнью и смертью. Как ему себя вести?

— Пресеки свою двойственность и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!

Из разговоров Кусуноки Масасигэ с его наставником

КНИГА ПЕРВАЯ

КАБИР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЧ ЧЕЛОВЕКА

...Вот выносят из подвала
Из-под дюжины затворов,
Из-под девяти задвижек —
Вот несут навстречу солнцу
Под сияние дневное
Короля мечей заветных,
Битв суровых властелина,
Кузнеца почет и муку,
Сильных рук изнеможенье!..

Калевипоэг

Глава первая

1

Мы встретились с харзийцем за угловой башней Аль-Кутуна, в одном из тех грязных и узких переулков района Джаффар-ло, которые подобны нитям старого темляка — спутанным и залоснившимся.

Его Придаток стоял прямо у нас на дороге, широко расставив кривые ноги и склонив к плечу голову, украшенную неправдоподобно маленькой тюбетейкой. Шитье на тюбетейке было мастерское, мелкий бисер лежал ровно и тесно. Руки Придаток держал на виду, и в них, похоже, ничего не было. Обычные руки хорошего Придатка — гладкие и спокойные.

Приближаясь, я прощупал его и сперва не обнаружил Блистающего, равного себе — ни за плечом, ни на поясе, скрытом под складками чуть спущенного плаща, ни...

Одна рука Придатка подбросила в вечернюю прохладу смятый комок, и тот неожиданно вспорхнул белой кружевной бабочкой, на миг зависшей в воздухе; другая рука легла на невидимый пояс, в пряжке что-то звонко щелкнуло — и освобожденный пояс радостно запел, разворачиваясь в стальную полосу, становясь Блистающим и приветствуя меня ритуальным свистом.

Чужой Блистающий еле заметно лизнул тончайшую ткань падающего платка, и из одной бабочки стало две, а я одобрительно качнулся и вспомнил о том, что рожденные в жаркой Харзе — полтора караванных перехода от Кабира — испокон веков гордятся своим происхождением от языка Рудного Полоза.

И мне стало тесно в одежде — будничных кожаных ножнах, схваченных семью плетеными кольцами из старой бронзы.

Я скользнул наружу, с радостью окунувшись в кабирские сумерки, — и вовремя. Придаток харзийца уже приседал, пружиня на вросших в землю ногах, и мне пришлось изо всех сил рвануть руку своего Придатка вверх и наискосок вправо, потому что иначе заезжий Блистающий запросто сумел бы смахнуть верхушку тюрбана моего Придатка, что по Закону Беседы означало бы мое поражение.

Он, видимо, совсем недавно приехал в столицу, иначе не рассчитывал бы закончить Беседу со мной на первом же взмахе. Если даже я и уступал харзийцу в гибкости (а кто им не уступает?!), то в скорости мы могли потягаться — и на этот раз не в его пользу.

— Отлично, Прямой! — прозвенел гость из Харзы, завибрировав от столкновения и с удовольствием называя меня безличным именем. — А если мы...

Он зря потерял время. Я отшвырнул болтливого харзийца в сторону, затем легко толкнулся в ладонь моего Придатка, его послушное тело мгновенно отреагировало, припадая на колено — и я дважды пронзил плащ харзийского Придатка вплотную к плечу и правому локтю, ощутив на себе обжигающее прикосновение чужой и чуждой плоти.

Оба раза я тесно приникал к телу Придатка — сперва плашмя, а потом лезвием; и на хрупкой и ранимой коже не осталось даже царапины.

По меньшей мере глупо портить чужих Придатков, если их так сложно подготовить для достойной службы Блистающим. Впрочем, самоуверенный харзиец мог бы выбрать себе носителя и получше...

... Уже выходя из переулка, я вспомнил, что по завер-

шению Беседы забыл представиться Блистающему из Харзы, и пожалел об этом.

Ничто не должно мешать вежливости, даже занятость или раздражение.

Я — прямой меч Дан Гьен из Мэйланьских Блистающих, по прозвищу Единорог.

Мой Придаток — Чэн Анкор из Вэйских Анкоров.

Хотя это неважно.

2

Вернувшись домой, я поднялся в верхний зал, зацепился одним кольцом ножен за крюк и прильнул к любимому мехлийскому ковру, забыв переодеться. Все мои мысли были заняты странной встречей за башней Аль-Кутуна, поэтому слабым внутренним толчком я отпустил Придатка, который тут же вышел из зала, поправив по дороге навесную решетку горящего камина.

Мне нужно было побыть в одиночестве.

Я уже очень давно никуда не выезжал из Кабира, и здесь меня знали достаточно, чтобы не устраивать подобных испытаний — и уж тем более мало кто рискнул бы вот так, походя, без должных церемоний вовлекать Единорога в шальные Беседы. Такие забавы хороши в юности, когда тело трепещет от избыточной энергии, и жажда приключений туманит сознание молодого Блистающего.

Ах, юность, юность, почему ты так любишь спорить и доказывать?.. и почти всегда — не вовремя, не там и не тому, кому надо...

В моем возрасте — а я сменил уже пятого Придатка, отдавая предпочтение услужливому и умелому роду Анкоров из затерянного в барханах Верхнего Вэя, окраины Мэйланя — итак, в моем возрасте вполне достаточно шести-семи традиционных турниров в год, не считая обычных Бесед со знакомыми Блистающими, случавшихся довольно регулярно.

Пожалуй, чаще других я встречался с Волчьей Метлой — разветвленной, подобно оленьим рогам или взъерошенному хвосту степного волка, пикой с улицы Лоу-Расха, — но она неделю назад увезла своего Придатка куда-то в горы; и, честно говоря, я скучал по Метле, надеясь на ее возвращение хотя бы к середине ближайшего турнира.

Мне нравилось проскальзывать между ее зазубренными отростками. Это было... это было прекрасно. Не то что мой

приятель-соперник, вечно фамильярный, как и вся его двуручная родня, эспадон Гвениль Лоулезский — этот при Беседе так и норовил обрушиться на тебя всей своей тушей, заставляя спешно пружинить и отлетать в сторону; а потом Гвениль удалялся, нахально развалившись на плече двужильного Придатка из породы беловолосых северян и излучая обидное презрение обнаженным клинком.

Я заворочался, вспоминая прошлые обиды. И расслабился, вспомнив, что обиды — прошлые. На недавнем турнире во внешнем дворе замка Бурайя я-таки подловил увлекшегося Гвениля на его коронном взмахе, и мое острие легонько тронуло кадык на мощной шее его Придатка — а даже самоуверенный эспадон прекрасно знал цену моего касания.

— Растешь, Однорогий, — разочарованно присвистнул Гвениль, опускаясь вниз и впервые не спеша улечься на плечо замершего Придатка. — Смотри, не затупись от гордости...

Я отсалютовал лоулезскому гиганту, и с тех пор частенько вспоминал замок Бурайя и мой триумф.

Но все-таки — откуда взялся этот странный харзиец? Во имя Грозового Клинка — случайность или умысел?! Недавно прибывший в Кабир юный задира или опытный Блистающий, расчетливо пробующий силы наедине, без зрителей?..

...Дрова в камине почти прогорели. В дверь зала вереницей двинулись Малые Блистающие моего дома, раскачиваясь на поясах своих Придатков и блестя одинаковыми — фиолетовыми с серебристым прошивом — ножнами.

— Приветствуем тебя, Высший Дан! — коротко звякнули Малые, пока их Придатки толпились возле камина, накрывали на стол, передвигали кресла и вытирали несуществующую пыль с витражных оконных стекол, шурша пыльным бархатом штор.

Я кивнул им с ковра. Некоторых Малых я знал очень давно, с самого рождения — они испокон веков числились в свите Мэйланьских прямых мечей Дан Гьенов. Те из них, чьи клинки были чуть-чуть изогнуты, несмотря на двухстороннюю заточку, а на чашках гард красовалась узорчатая чеканка — эти владели Придатками, лично обслуживавшими Придатка Чэна. Остальные — короткие и широкие кинжалы с плебейскими замашками — следили за неисчислимым множеством суетных мелочей.

Плотно затворить окна, например, чтобы воздух в помещении оставался сухим и теплым — вернее, проследить

за соответствующими действиями вверенных им Придатков — или расставить кувшины, в которых плескалась густая красная жидкость. Такая же течет в жилах Придатков и называется «кровь», а та, что в кувшинах — «вино».

Льющаяся кровь означала порчу Придатка и непростительный промах Блистающего, льющееся же вино иногда было необходимо, хотя и заставляло Придатков терять контроль над собой, впадая в опьянение. Ни один Блистающий не выведет пьяного Придатка на турнир или заурядную Беседу. Не то чтобы это запрещалось...

И хорошо, что не запрещалось. Я еще вернусь к опьянению и тому, почему я — Мэйланьский Единорог — предпочитаю всем прочим род Анкоров Вэйских.

Но об этом в другой раз.

3

Зажгли свечи.

Я уж совсем было собрался приказать, чтобы меня раздели — люблю, когда полировка клинка играет отсветами живого пламени и цветными тенями от оконных витражей, напоминая змеиную шкуру после купания — но случилось непредвиденное.

На пороге зала возник эсток Заррахид, вот уже почти сотню лет служивший у меня дворецким. Его прошлое — я имею в виду прошлое до поступления ко мне на службу — было покрыто мраком, и я знал лишь, что узкий и хищно вытянутый эсток с непривычным для коренных кабирцев желобом почти во всю длину клинка — выходец с западных земель, из Оразма или Хины, граничащих с Кабирским эмиратом вдоль левого рукава желтой Сузы и связанных с ним вассальной клятвой.

Впрочем, прошлое Заррахида меня интересовало мало. Мне было достаточно, что сейчас на каждой из четырех полос черного металла, из которых сплеталась гарда молчаливого эстока, стояло мое личное клеймо — вставший на дыбы единорог. Вдобавок я не раз убеждался в деловитости и безоговорочной преданности Заррахида, а его манерам мог позавидовать любой из высокородных Блистающих.

Я, например, частенько завидовал. И перенимал некоторые, нимало не стыдясь этого.

Чем-то эсток Заррахид напоминал своего нынешнего Придатка — сухого и костистого, с темным невыразительным лицом и подчеркнуто прямой спиной.

— К вам гость, Высший Дан Гьен! — почтительно качнулся эсток, на миг принимая строго вертикальное положение. — Прикажете впустить?

— Кто?

Я не ждал гостей.

— Подобный солнцу сиятельный ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир! — протяжным звоном отозвался эсток, не оставляя мне выбора.

Прикажете впустить, однако...

Шешез Абу-Салим, ятаган из правящей династии, фактически был первым по значению клинком в белостенном Кабире; и уж конечно, он был не тем гостем, какого можно не принять.

Когда я говорю — «первый по значению клинок», — я имею в виду именно «по значению», а не «по мастерству». Во время Бесед или турниров род и положение Блистающего не играют никакой роли, и мне не раз приходилось скрещиваться хотя бы с тем же Заррахидом, причем вышколенный дворецкий вне службы был умелым и беспощадным со-Беседником. Мы внешне немного походили друг на друга и, признаюсь, когда-то я перенимал у Заррахида не только манеры.

Но отдадим должное — если по мастерству родовитый ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир и не входил в первую дюжину Блистающих столицы, то во вторую он входил наверняка, что было уже немало; хотя зачастую Абу-Салим и уклонялся от Бесед с влиятельным кланом Нагинат Рюгоку или с Волчьей Метлой и ее подругами, предпочитая соперников своего роста. И в этом я был с ним заодно, хотя и не всегда. А в последнее время — далеко не всегда.

— Прикажете впустить? — повторил эсток.

Я согласно шевельнул кисточками на головке моей рукояти, и Заррахид отвел своего Придатка в сторону, освобождая проход.

Грузный Придаток Абу-Салима, чьи вислые и закрученные с концов усы напоминали перевернутую гарду надменных стилетов Ларбонны, торжественно приблизился к моей стене, держа на вытянутых руках царственного Шешеза. Затем он немного постоял, сверкая золотым шитьем парчового халата — я обратил внимание, что и сам Шешез Абу-Салим надел сегодня ножны из крашеной пурпуром замши с тиснением «трилистника» и восьмигранным лакированным набалдашником, — и спустя мгновение ятаган Шешез приветственно прошуршал, опускаясь на сандаловую подставку для гостей.

Висеть Абу-Салим не любил — как у всех ятаганов его рода, центр тяжести Шешеза очень близко смещался к расширяющемуся концу его клинка, отчего ятаганы, висящие на стене, выглядели немного неуклюжими. Но Блистающие Кабира прекрасно знали обманчивость этого впечатления, да и сам я не раз видел, как его величество с легкостью рубит десять слоев грубого сукна, обернутого вокруг стальной проволоки. И вообще отличается изрядным проворством.

Даже двуручный грубиян Гвениль Лоулезский и его братья-эспадоны (несмотря на отсутствие вассальной зависимости Лоулеза от Кабирского эмирата) избегали при посторонних звать Абу-Салима просто Шешезом, хотя ятаган и любил свое первое имя-прозвище. Шешез — на языке его предков, Диких Лезвий, некогда приведших своих горных Придатков в Кабир, это означало «молнию» или «лоб Небесного Быка».

Высокородный ятаган вполне оправдывал это имя.

Шевельнувшись в соответствующем моменту поклоне, я уж было решил приказать сменить на мне одежду, но Абу-Салим поерзал на подставке и хитро подмигнул мне зеленым изумрудом, украшавшим его рукоять.

— Терпеть не могу парадных нарядов, — весело сообщил он, устроившись поудобнее. — И жмет, и бок натирает, а никуда не денешься — дворцовые чистоплюи не поймут. Мне бы твоего Заррахида на недельку-другую, чтоб показал им, с какой стороны маслом мажутся...

Я понял, что разговор намечается неофициальный. Придаток Чэн уже стоял позади Придатка Абу-Салима, и мы, не сговариваясь, отослали их к столу — пить свое любимое вино. Малые Блистающие засуетились вокруг, косясь то на нас с Шешезом, то на застывшего у дверей эстока Заррахида.

Абу-Салим не обратил на Малых ни малейшего внимания.

— Хорошо у тебя, Единорог, — мечтательно протянул он, сверкнув черным лаком набалдашника. — Тихо, спокойно... не то что у меня во дворце. Завидую, честное слово...

— Я люблю покой... Шешез, — ответил я, решив принять предложенный тон разговора. — Ты же знаешь — мы, мэйланьцы, в душе отшельники. Приемы да шествия не по нам. У меня и ножен-то подходящих для такого дела нет, и оплетка на рукояти вытерлась...

— Не прибедняйся, — усмехнулся ятаган, — все у тебя

есть. Тем паче что я как раз по этому поводу. Ты дядю моего двоюродного, Фархада Абу-Салима иль-Рахша фарр-ла-Кабир знаешь? Понимаю, что имечко длинное, так ведь и дядя у меня не из коротких... Ну, знаешь или нет?

Я кивнул. Иль-Рахша — иначе «Крыло бури» — я видел, когда давал личную вассальную клятву царствующему дому фарр-ла-Кабир, и еще несколько раз на очень давних турнирах. На последних иль-Рахш по каким-то своим причинам не показывался, но я все равно отлично помнил его нарочито бедную рукоять без серебра и самоцветов, отрывистую манеру Беседовать и любимый удар с оттяжкой при рубке предметов.

Сколько ж это времени прошло? Многовато...

Незабываемый был дядя у Шешеза. Фархад Абу-Салим иль-Рахш фарр-ла-Кабир слыл чуть ли не самым старым Блистающим Кабира, и поговаривали, что он помнит даже времена Диких Лезвий — но в это верилось с трудом.

Ятаган удовлетворенно покачал ремнем ножен, провисшим вниз.

— Вот и хорошо, — заявил он, — вот и славно!.. Ты понимаешь, Единорог, у Фархадова Придатка третьего дня детеныш родился. Крепенький такой, горластый, не то что предыдущие заморыши... Вот дядя Фархад и решил себе нового Придатка вырастить. А то, говорит, у старого рука уже не та. Опять же детеныш, похоже, левша, а у иль-Рахша на это нюх и слабость немалая... В общем, завтра Церемония Посвящения. Придешь? Ведь у нас из Высших Мэйланя кто сейчас в Кабире? Ты да еще Тэссэн Седзи, только этот боевой веер никуда не ездит уже лет восемь. И впрямь отшельники вы, мэйланьцы...

Я подумал. Приглашение, да еще лично от Шешеза (или от самого иль-Рахша?! А переспросить — неудобно...) было лестным. Лестным, но неожиданным, а потому нуждалось в осмыслении. И род мой, и положение в Кабире вполне оправдывали честь присутствия на Посвящении Придатков правящего дома — правда, до сих пор высокородные ятаганы предпочитали отправлять на временный (пока новый Придаток вырастет да обучится) покой членов своей семьи без посторонних.

И особая пышность при этом тоже не поощрялась. Ну, в крайнем случае приглашались родственные сабельные кланы, чьи предки и предки ятаганов фарр-ла-Кабир были выходцами с одних и тех же плоскогорий — цельнокованные Малхусы с зигзагообразным срезом тупой стороны клинка у самого острия и необщительные Киличи из уще-

лий Озека, похожие на ущербный полумесяц. Еще изредка малочисленные Шамшеры перевала Рок...

При чем здесь Высшие Мэйланя, я вас спрашиваю? Я и дома-то не был невесть сколько!.. вот как перевез в Кабир Хо Анкора, прадеда нынешнего Придатка Чэна, так и осел в столице... даже в гости домой не езжу. Вот ведь как — домой в гости...

Я представил себе, как гордый Шешез Абу-Салим приглашает на Посвящение Тэссэна Седзи, а упрямый веер отрицательно шевелит потемневшими от времени пластинами, острыми как бритва, ссылаясь на годы и любовь к одиночеству — и понял, что соглашусь.

— Сочту за честь, — ответил я. — Всенепременно буду.

— Прекрасно! — искренне обрадовался Шешез, и мне вдруг показалось, что ятаган за ширмой непринужденности упорно скрывает истинную цель своего прихода и что сейчас я согласился не только на присутствие при Церемонии Посвящения, но и на что-то еще, на что, может, и не стоило бы соглашаться.

Мало у меня забот?.. харзиец этот непонятный, Метла опять же уехала и когда вернется — неизвестно, а теперь еще и нежданная любовь к мэйланьцам со стороны дома фарр-ла-Кабир...

— Просто прекрасно! А то на таких торжествах ржавеешь от скуки! Ты обязательно приходи, Единорог, расскажешь нам что-нибудь интересное... Помнишь, твой брат, Большой Да-дао-шу ваши предания любил рассказывать, пока не уехал домой? О походах Диких Лезвий, о подземной кузнице Нюринге, о мертвых Блистающих с вечно теплым лезвием... как вы их называете? Отблестевшие, что ли?

— Тусклые. Тусклыми их зовут...

Это вырвалось у меня непроизвольно. Не та была тема, чтобы вот так, попусту, звенеть о ней после захода солнца. Шешез прав — в древнем Мэйлане верили во многое, на что большинство Блистающих эмирата предпочли закрыть глаза или сделать вид, что закрыли... а вот мне все не удавалось. Да и глаза — их Придаткам закрывать привычнее, а в Мэйлане говорят: «От страха в ножны не спрячешься».

Шешез не знал, отчего мой старший брат Да-дао-шу, рядом с которым и Шешез, и гигант Гвениль казались не такими уж большими, прошлым летом спешно бросил все дела в Кабире и вернулся в Мэйлань. Я и сам-то не слыхал послания от наших старейшин, которое и выдернуло Большого Да из Кабира. Посчитали, видно, что молод Единорог...

А еще Шешез не знал, отчего тринадцать отпрысков знатнейших Мэйланьских родов согласно приказу Старейшин Совета Высших Мэйланя в свое время оставили родину и уехали, не оглянувшись. Я и Да-дао-шу — в Кабир, меч-крюк Цзяньгоу — в Хину, остальные — кто куда...

Ну и не надо ему об этом знать. Я не много знаю, как младший в роду — так, все больше догадки строю, — а Шешезу и вовсе ни к чему.

— Да-да, верно, — Шешез довольно потерся о ложе подставки, выложенное трехслойным войлоком. — Тусклые, конечно! А я все никак не вспомню... у Фархада спрашивал — не отвечает. Совсем старый, видно, стал! Собственную тень пополам резать хочет. Ну да ладно, это дела семейные... так ты приходи, Единорог, приходи обязательно!

...Еще около часа мы болтали о всяких светских пустяках, а потом Шешез Абу-Салим резко засобирался домой, словно вспомнив о чем-то неотложном.

— В Хаффе, на открытом турнире, — вскользь бросил ятаган, пока его Придаток поднимался из-за стола, оправляя алый кушак на объемистом животе, — у Кривого Килича Энгра неприятность вышла. Ты вот его не знаешь, а у него Придатка испортили. По-крупному. Сам понимаешь, сабельные кланы — они горячие, им молодые Придатки нужны, а тут правую ногу подчистую отрезало. Выше колена. И самого Кривого Килича выщербили...

— Кто? — холодея, перебил я, забыв о приличиях. — Может, кто-то из неопытных, вчера кованных? Нет, глупость говорю, их на открытый турнир и не допустили бы, на первой же рубке отсеяли!.. Или бывает, что какая-нибудь алебарда у своего Придатка болезнь проглядела...

— Бывает, — уклонился от прямого ответа сиятельный фарр-ла-Кабир. — Всякое бывает. Вот и в Дурбане тоже было... Бывает — это когда раньше, причем так давно, что и не вспомнить; а было — это когда почти сейчас, сегодня или в крайнем случае вчера...

И не договорил.

— На Посвящение приходи, — добавил он уже от дверей. — Ты расскажешь, мы расскажем... глядишь, и время веселей пройдет.

Оставшись один, я представил себе Щербатого Килича, затем подумал, каково это — теплое и тусклое лезвие — и до утра меня мучили кошмары.

Мне снились испорченные Придатки. Я чувствовал приторно-пьяный запах красного вина, хлещущего из разрубленной плоти.

Придаток Чэн всю ночь просидел над кувшином, и я не гнал его из зала.

4

Утром, в середине четвертой стражи я отправил Заррахида с поручением узнать точное время Посвящения у Абу-Салимов — вчера я так и не удосужился спросить об этом у Шешеза — и заодно послушать свежие городские сплетни. Заррахид был не самым лучшим сборщиком слухов, но зато мой эсток умел мгновенно отсеивать шелуху болтовни от редких зерен истины — что сейчас волновало меня в первую очередь.

Я надеялся выловить в мутной реке легкомыслия форель смысла, как говаривал иногда Трехзубый Кра, любивший в часы досуга бить верткую серебристую рыбу в брызжущих пеной горных потоках Айера и Бек-Нэша на северо-востоке от Кабира.

Цветистость слога была нынче в моде. Заразная, однако, штука... Я с сожалением отмечал, что даже в Беседах коротким и ясным выпадам или ударам без замаха предпочитались длинные «фразы» с множеством уверток и двусмысленностей. Увы, столичные нравы оставляли желать лучшего...

Не прошло и полторы стражи, как эсток вернулся и доложил, одобрительно похлопывая взмокшего Придатка эфесом по бедру, что в Кабире ничего не говорят. То есть не то чтобы совсем ничего, и не то чтобы все Блистающие столицы спрятали клинок болтливости в ножны осторожности — я мысленно проклял Трехзубого Кра с его манерой изъясняться — и так далее, и тому подобное, и еще много слов было произнесено эстоком в том же духе.

Когда я наконец понял причину многоречивости обычно молчаливого Заррахида, то еле сумел не расхохотаться.

Клянусь грохочущей наковальней Нюринги, он пытался меня развеселить! Видимо, после визита Шешеза и бессонной ночи я выглядел не лучшим образом, вот верный Заррахид и старался вернуть расстроенному Единорогу былой блеск.

Ну что ж, если так — то эсток преуспел в этом. Правда, ненадолго, потому что мое выигравшее было настроение быстро вернулось к прежнему унылому состоянию, едва я задумался по поводу всеобщего онемения Блистающих. Слог слогом, а врать мне Заррахид не станет.

Кабир молчит за три дня до турнира?! Скорее дерево перестанет гореть в огне, а вода — вызывать ржавчину! И все же...

Неужели призраки мэйланьских легенд достанут меня и в Кабире? Я не знаю тебя, выщербленный Кривой Килич с навсегда испорченным Придатком, но если в маленькой Хаффе объявились Тусклые, то многие разделят твою участь. Тебя это утешает, Килич? Меня — нет.

— Все готово к выезду, Высший! — доложил Заррахид, только что выслушавший слугу из Малых.

Ах да, я ведь собирался в город...

...А во дворе у внутренних ворот уже били копытами по крупному булыжнику две лошади, заблаговременно приведенные из конюшен, и Блистающий-привратник — Южный трезубец Цзи по прозвищу Третий Ус Дракона — презрительно поглядывал на суетившихся конюхов-Придатков.

Привратника мне в свое время порекомендовал Заррахид, и с тех пор Третий Ус бессменно стоял на страже у входа в кабирский дом Единорога. Бессменно — потому что трезубец имел сразу двух Придатков, и пока один из них ел или спал, второй был готов к несению службы.

Было в этом что-то неприличное, но я доверял выбору Заррахида, да и Третий Ус Дракона никогда не участвовал ни в Беседах, ни в турнирах — так что повода к сплетням не давал. А однажды мне случайно довелось увидеть, как он танцует глубокой ночью в пустом дворе, перебрасывая звенящую луну через свои волнообразные лезвия — и я перестал задумываться над странностями своего привратника.

И полюбил выглядывать в окно, когда наступает полнолуние.

Обо всем этом я думал, пока Придаток Чэн выходил во двор и садился на лошадь, откидывая левую полу верхнего халата-кабы зеленого шелка — чтобы ткань не заслоняла мне обзор и не мешала во время поездки общаться с Заррахидом. Сам сопровождающий меня эсток обычно располагался на правом боку своего Придатка, одинаково владевшего обеими руками, так что при конном выезде в город мы оказывались почти вплотную — что, конечно, очень удобно для личных разговоров в городской толчее.

И не обязательно верхом.

— Открыть ворота перед Высшим Мэйланя Дан Гьеном! — коротко и властно прозвенел эсток Заррахид, строго соблюдая все положенные интонации и ритуальную дистанцию между нами — ровно полторы длины моего клинка. Понятное дело, ворота открыли бы и так, без осо-

бого приказа, но традиции есть традиции, и не мне менять установленное предками.

А если уж менять, то начинать надо не с церемонии выезда в город.

Придаток Чэн привстал в седле, устраиваясь поудобнее и слегка задев каблуками конские бока, отчего нервное животное заплясало под нами, прядая ушами и норовя подняться на дыбы. Я звонко шлепнул лошадь по крупу, Придаток Чэн туго натянул поводья — и спустя мгновение мы двинулись вперед, мимо молодцевато вытянувшегося Цзи Третьего Уса.

Я не разбираюсь в лошадях, и мне не стыдно в этом признаваться. Некоторые кабирские Блистающие открыто предпочитают конные Беседы, и от них только и слышишь о седлах, правильной посадке Придатков и о преимуществах рубящего удара на всем скаку. Нет уж, увольте... Дан Гьены, конечно, признавали лошадей, но лишь как удобное средство передвижения, а вести Беседы мы любили по старинке — не на подпрыгивающей спине глупого животного, а имея под ногами Придатка надежную и привычную землю.

Мэйланьские Дан Гьены Беседуют в пешем виде, и поэтому мы всегда отдавали должное молниеносному выпаду, равнодушно относясь к рубке. Разве что в крайнем случае...

Впрочем, я не сомневался, что в столичных конюшнях Мэйланьского Единорога жуют свой овес не самые плохие кони не самых плохих пород. Наверняка Заррахид постарался... вон, едет позади, как влитой, словно родился в седле!

Интересно, а где на самом деле родился мой потрясающий дворецкий, мой строгий и молчаливый эсток Заррахид?

— Куда направимся, Высший? — деликатно осведомился Заррахид, поравнявшись со мной.

За пределами дома, да еще и наедине, эсток немного ослаблял стальные обручи приличий, сковывавшие его обычное поведение. Вдобавок, похоже, что-то волновало Заррахида после утреннего выезда в только-только просыпающийся Кабир.

— Туда, — неопределенно ответил я, а сам загадал: три поворота налево, два направо, и после уже станем думать, куда дальше...

Думать не пришлось. После первого же поворота направо дорогу нам преградила толпа Блистающих вместе с их возбужденными Придатками. Заррахид было сунулся впе-

ред — расчистить нам проход, благо никого из Высших в толпе не наблюдалось — но я остановил его слабым покачиванием кисти, и мы спешились.

Постоять с нашими лошадьми — естественно, за соответствующую мзду — живо согласился какой-то юный четырехгранный кинжал-кончар со смешно оттопыренными усиками у головки рукояти. Его долговязый Придаток отчаянно теребил белесый пушок над верхней губой, но поводья в свободной руке держал крепко, так что вскоре эсток уверенно занял место впереди меня и принялся прокладывать дорогу через галдящее столпотворение.

— ...Вы слышали?

— Нет, а в чем дело?..

— Просто в Хаффе то же самое...

— Куда смотрят власти? Я вас спрашиваю, куда смотрят власти?

— А почему это вы именно меня спрашиваете? Нашли, понимаешь, власть! И нечего мне бок царапать — только вчера лакировался...

— ...и что странно — возле самого эфеса! В наиболее сильной части...

— А вы его знали? Ну и что? А...

— Сказки это! В наше просвещенное время не стоит уделять слишком много...

— Сказки? Вы что, действительно считаете...

— Темляк! Темляк оторвете!..

— И как раз перед Посвящением...

— Чьим?

— Чьим, чьим... сам Фархад иль-Рахш новорожденного Придатка посвящает, накануне турнира!..

— А я что? Я ничего... только, говорят, в Дурбане...

Заррахид неожиданно свернул в сторону, Придаток Чэн резко остановился, словно боясь на что-то наступить — и я увидел то, что увидел.

И мне показалось, что ставшие необыкновенно горячими ножны плотно облепили мое тело, как смесь глины, речного песка и угольной пыли перед самой первой закалкой, а ледяной родниковой воды все не было, и я боялся потрескаться, боялся потускнеть и рассыпаться, боялся...

Передо мной лежал мертвый Блистающий. При желании до него можно было бы дотянуться, но подобного желания не возникало.

Я не знал лежащего лично. Я понимал только, что это кто-то из местных Шамшеров, причем небогатых — по от-

делке видно. Клинок сабли был сломан на три пальца выше треснувшей гарды со сколотым шариком на одном конце. Неровная линия излома наводила на нехорошие мысли — хотя какие уж тут хорошие мысли! — а остальная часть Блистающего валялась чуть поодаль, присыпанная бурой пылью, и острие касалось бедра Придатка, разрубленного от ключицы до паха.

Как кукла на турнире, машинально подумал я. Как кожаная кукла, набитая всяким хламом вперемешку с бронзовыми отливками, когда Шешез Абу-Салим или тот же эспадон Гвениль демонстрирует перед трибунами чистоту рубки, а знатоки славного удара уже готовы завизжать, восторженно вырываясь из ножен и вспыхивая под лучами полуденного солнца.

Только кукла никогда не лежит вот так — жалко и неестественно подвернув голову и далеко откинув бессильную руку, словно и после смерти пытаясь дотянуться до рукояти несчастного Шамшера, превратившегося в две такие же мертвые половинки некогда живого Блистающего.

Они лежали совершенно одинаково — Блистающий и его Придаток — разве что над последним с жужжанием вился рой жирных зеленоватых мух. И, откатившись в сторону, прижался к глинобитному забору одинокий бронзовый шарик с гарды убитого Шамшера.

— Прошу прощения! — послышалось рядом со мной.

Я посторонился, и трое Блистающих из рода тяжелых копий Чиань, чей мощный и широкий наконечник уравновешивался утолщением на другом конце древка, поравнялись со мной и приблизились к трупу. Там двое из них легли на землю, прямо в засохшую кровь, а их Придатки постелили сверху свои плащи, закрепив их поясами, и уложили тело испорченного Придатка на эти импровизированные носилки.

Третий перебрался своему Придатку на спину, и тот бережно поднял обеими руками погибшую саблю. И мне почему-то стало стыдно, что я не знаю имени убитого, что я никогда не встречался с ним ни в Беседах, ни на турнирах, и теперь уже никогда не встречусь.

Никогда. Это слово было тяжелее удара Гвениля и неумолимее выпада Заррахида. Или моего.

Никогда.

...Так они и удалились — три прямых копья Чиань, — унося сломанного Блистающего и разрубленного Придатка, унося по пустынной улице кровавый ужас, пришедший в Кабир; и те из зевак-Блистающих, кто был в ножнах или

в чехлах, обнажились в молчании, салютуя уходящим и думая каждый о своем.

А я думал о том, что невозможное иногда приходит к тебе и говорит, улыбаясь: «Здравствуй! Помнишь меня?..»

— Здравствуй! Помнишь меня? — раздалось за спиной, и я вздрогнул и заставил Придатка Чэна обернуться.

Харзиец по-прежнему обвивал талию своего кривоногого Придатка, только сейчас не высилась рядом сумрачная громада угловой башни Аль-Кутуна, и подавленные Блистающие расходились кто куда, унося в душах частицу общей боли и смятения.

— Что, вчера не договорил? — хмуро поинтересовался я, забыв, что целый вечер размышлял над загадкой Блистающего из Харзы. — Так здесь не место и не время для Бесед...

— Позволь представиться, Высший Дан Гьен, — с неожиданным смирением заявил харзиец, щелкая креплением рукояти и спокойно выпрямляясь в руке Придатка. — Я — Маскин Седьмой по прозвищу Пояс Пустыни, из Высших Блистающих Харзы.

«Ну и что?» — чуть было не спросил я.

К счастью, мой верный Заррахид, не знающий о моей вчерашней Беседе с харзийцем, вернул коня нашего разговора на тропу вежливости.

— Вы оказываете нам великую честь, Высший Харзы Маскин Седьмой, — ненавязчиво вмешался эсток, почтительно и вместе с тем весьма независимо кланяясь. — Позвольте мне, Малому Блистающему из свиты Мэйланьского рода Дан, представить вам Высшего Дан Гьена, известного в Кабире как Мэйланьский Единорог...

И Заррахид умолк на полуслове, ловко вынудив харзийца или прервать возникшую паузу, или удалиться.

Пояс Пустыни, вновь обвившийся вокруг Придатка, внимательно изучал Заррахида — его стройный клинок, сложную гарду из витых полос, деревянную и обтянутую кожей с насечками рукоять, крупный набалдашник-яблоко...

— Если таковы Малые из свиты рода Дан, — задумчиво прошелестел он, — то каковы же Высшие? Впрочем, я уже немного знаю — каковы... Я приглашен сегодня в дом фарр-ла-Кабир, о достойный Малый, чьего имени я не знаю, и чья форма ни о чем мне не говорит, кроме как о врожденном достоинстве... Передай Высшему Дан Гьену, чтобы он в гостях поменьше рассказывал и побольше слушал, потому что знающий не говорит, а говорящий не зна-

ет. Прощай. Да, передай также своему господину, что мы еще встретимся, и не только на Посвящении...

И мы с Заррахидом остались на опустевшей улице одни.

— Куда теперь, Высший? — спросил Заррахид, словно мы лишь на минуту, и то по совершенно пустячной причине, прервали нашу поездку.

— Обратно, — сказал я. — Домой.

— Совершенно верно, — заметил эсток, направляясь к оставленным лошадям (причем оставленным во всех смыслах, потому что мерзавец-кончар уже куда-то удрал!). — Вы должны переодеться перед Посвящением.

— Вот-вот, — угрюмо лязгнул я. — Переодеться... Это как раз то, что необходимо мне в первую очередь.

Глава вторая

1

...Отсветы факелов услужливо метались по стенам коридора, словно расчищая дорогу веренице наших теней через лепные украшения под потолком, начинавшиеся примерно на длину моего клинка выше головы Придатка Чэна.

Алебастр барельефов являл собой подобие изображений древних времен, чуть ли не периода Диких Лезвий: жуткая мешанина сплетающихся Блистающих (в основном копейных и прочих древковых родов) и рук-ног множества Придатков — причем эти руки-ноги были зачастую самой странной формы, с нелепыми наростами на предплечьях и голенях: и некоторые детали обрывались, не успев толком начаться, что порождало раздумья о сломанных Блистающих и испорченных Придатках.

«Кажется, я схожу с ума», — раздраженно подумал я.

Наши тени безразлично перетекали через все неровности лепнины и, похоже, ни о чем особенно не задумывались. Я обратил внимание, что моя личная тень без видимой границы переходит в тень Придатка Чэна, отчего мы становились похожи на неприятное двойное существо с его, Чэна, телом и мною в качестве хвоста и рукояти, торчащей из живота этого чудовища.

Я строго-настрого запретил себе думать о чем-нибудь в этом роде — и перестал. Вот иду себе, в гости иду... все хорошо... Хорошо все, гром меня разрази!.. куда уж лучше...

Факельщики свернули за угол, и мы последовали за ними. Мгновение я двигался в почти полной темноте, и это

подействовало на меня успокаивающе. Правда, за это время находившийся впереди меня серповидный Махайра Кресс отстал — видимо, желая поговорить с кем-то знакомым, — и я помимо моей воли оказался во главе процессии припозднившихся гостей.

Тут меня заинтересовали наши провожатые — Малые Блистающие дома Абу-Салим (Фархадовы, должно быть!), и даже сперва не они, а их Придатки, несущие факела. Самый высокий из факельщиков с трудом доставал макушкой до груди Придатка Чэна, но смазанные маслом обнаженные торсы малюток лоснились, демонстрируя вполне достойный рельеф мышц, а коротенькие ножки в невероятно широких шароварах семенили на удивление проворно.

Теперь понятно, почему факела горели столь низко, а наши тени вытягивались до потолка. Что ж я раньше-то не сообразил?!

За намотанными в добрую дюжину слоев кушаками, поближе к выпячивающимся животикам Придатков, обнаружились не менее своеобразные Блистающие — явно братья, поскольку на одного Придатка-недомерка приходилось по два-три одинаковых Блистающих. Каждый Малый не превышал полной длины моей рукояти — то есть был короче даже любого из малочисленного клана Стилетов Кансаси — и напоминал два молодых месяца, наложенных друг на друга рожками в разные стороны.

Получался вытянутый овал, одна сторона которого была обмотана замшей, другая — остро заточена, и этот овал украшали четыре острия, торчавшие в разные стороны. Даже на расстоянии в этих Блистающих, невзирая на их положение Малых, чувствовался жесткий и независимый характер.

Наверное, увлекшись разглядыванием, я незаметно для себя самого придержал Придатка Чэна, замедлив его шаг, потому что оказавшийся позади Махайра Кресс чуть не ткнулся навершием в спину моего Придатка.

— Интересуешься, Единорог? — рассмеялся он, уворачиваясь от повторного столкновения. — Ну-ну, правильно делаешь... Я, когда к Абу-Салимам в загородный дом впервые попал, чуть в обратную сторону от любопытства не вывернулся! Есть на что посмотреть!..

— Кто это, Жнец? — перебил его я.

Полное имя Махайры было Махайра Кресс Паллатид по прозвищу Бронзовый Жнец из Высших левой ветви Омелы Кименской. Но на церемонию Посвящения, как я понял, в дом Абу-Салимов приглашались вообще только Высшие, да

и мое родовое имя было не из коротких, так что вполне прилично было опустить звонкие титулы, ограничившись прозвищами. Тем более что с веселым Махайрой у меня сложились дружеские отношения чуть ли не со дня моего переезда в Кабир.

Махайра передвинулся поближе ко мне.

— Фархадовы любимцы, — доверительно сообщил он вполголоса. — Гвардия старого иль-Рахша. Малые секиркиблизнецы цзыу-юаньян-юэ.

Я чуть было не запутался в ногах Придатка Чэна.

— Кто-кто?

— А разве это не твои земляки? — в свою очередь изумился Махайра-Жнец. — Я всегда считал, что только у вас в Мэйлане да еще в предгорьях Хакаса такие имена дают!..

Я отрицательно качнул кистью. Хотя, может, и земляки — что ж я, обязан всех знать?!

— Цзыу-юаньян-юэ, — с удовольствием повторил Махайра. — Мне Шешез однажды перевел, уж не знаю, с какого тогда языка — так это не то «север-юг», не то «запад-восток», или вообще «туда-сюда рогами наружу»...

— Ага, — глубокомысленно кивнул я, так и не поняв: говорит Жнец серьезно или по обыкновению подшучивает надо мной. — А почему я их ни в городе, ни на турнирах не встречал? Они что, Придатков своих стесняются, что ли?

— Вряд ли, — снова усмехнулся Махайра. — Они не из стеснительных. Между прочим, у твоего привратника Цзи целых два Придатка, и у каждого рожа шире Гвениля, если того поперек брать... Цзи что, тоже их стесняется, что со двора твоего не выходит? У каждого свои причины, Единорог, и нечего в больное место рогом тыкать!

Эти слова неприятно задели меня. А я-то, дурак двулезвийный, наивно полагал, что о странностях Третьего Уса Дракона никто не знает. Ну разве что я да эсток Зарахид, не считая Малых моего дома... Тупеешь, Единорог, прямо на глазах! Забыл, что в Кабире белостенном всем все про всех известно? Забыл... вот, значит, и напомнили!

Факельщики резко расступились в стороны, утонув в стенных нишах коридора, и мы с разгону влетели в распахнувшуюся перед нами дверь... влетели и невольно замерли на пороге.

Восьмиугольный зал с куполообразным потолком, покрытым тусклой от времени росписью, был полон Блистающих. Стройные Нагинаты — алебарды благородных семей Рюгоку и Катори — благосклонно беседовали с влиятельными двойными секирами Лаброс и их спутником, тихим

клевцом-двузубцем Гэ — побочным отпрыском всем знакомого копья Со и древкового серпа Вейской ветви Гоубан; чуть поодаль копейные семейства Энкос и Сарисса обступили своего дальнего родича (такого дальнего, что уже почти не родича!) Лунного великана Кван-до — обманчиво медлительный Кван был вдвое выше среднего Придатка и тяжелее любого из Блистающих Кабира... На ступенях, ведущих к возвышению для церемоний, вокруг изящной Велетской Карабеллы увивались сразу трое поклонников: короткий упрямец Гладиус Петроний и парочка заморских гостей — Черный Н'Гусу и Хемеш-но-Кем, оба двуручные, оба с односторонней заточкой, только сабельный изгиб хитрого Н'Гусу имел расширение-елмань в конце, а бронзовый Хепеш формой походил на ятаганы фарр-ла-Кабир, но с неестественно длинной рукоятью. И дальше — Киличи, Талвары, как всегда шумные Эспадоны, редкие в Кабире ножи-двойняшки Тао, Шамшеры, Яри...

Минута замешательства прошла — и вот я уже раскланиваюсь с Нагинатой Катори, машу правой кистью недосягаемому для меня эспадону Гвенилю, клевец Гэ о чем-то спрашивает, я что-то отвечаю, мимоходом игриво тронув вспыхнувшую Карабеллу, а Гладиус объясняет возмущенному Н'Гусу, что на Единорога обижаться глупо, и я подтверждаю — да, глупо... и чуть ли не вплотную сталкиваюсь с моим новым знакомцем Маскином Седьмым из Харзы, любителем неожиданных Бесед и двусмысленных замечаний, — мне хорошо, я весел и спокоен, и заботы мои понуро стоят на пороге, опасаясь зайти...

— Его высочество ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!

Малые секирки-близнецы с ужасным именем, которое я уже успел позабыть, выстроили своих низкорослых Придатков по краям церемониального помоста, разошлась ковровая завеса — и мы увидели седобородого Придатка в белой пуховой чалме и халате цвета индиго с золотыми розами, вышитыми по плечам. На темных морщинистых руках Придатка возлежал самый древний ятаган рода Абу-Салим, да и всей династии фарр-ла-Кабир — их высочество Фархад иль-Рахш, простой тяжелый клинок без серебряных насечек, самоцветов или трехцветных кистей.

И одежда Фархада была подстать ему самому: деревянные ножны из мореной магнолии, покрытые черным лаком и схваченные пятью бронзовыми скобами-накладками.

Только тут я понял, как иль-Рахш выделяется на нашем роскошном раззолоченном фоне. Было в его простоте

что-то уверенно-неброское, словно знал ятаган Фархад некую истину, неведомую нам, и в эту минуту я готов был поверить, что иль-Рахш и впрямь пришел к нам из легенд, а не из прилегающей к помосту комнаты...

На возвышение внесли колыбель, увитую синими лентами с золотым шитьем — цвета дома фарр-ла-Кабир. Вокруг спешно были расставлены крылатые курильницы желтого металла в форме сказочных чудовищ, из пасти которых вился сизый дымок, а в глазницах кроваво мерцали рубины. В курениях, наверное, содержались тайные примеси, потому что возившийся и пищавший в колыбели новорожденный Придаток внезапно успокоился и замолчал.

В изголовье колыбели установили высокую палисандровую подставку, потемневшую от времени, подобно рукам Фархадова Придатка — только время у дерева и плоти было разное, — и сам Придаток встал за подставкой, лицом к собравшимся в зале, а затем высоко вознес над головой суровый ятаган по имени Фархад иль-Рахш из рода Абу-Салим.

Извечный обряд Посвящения вступил в свои права, и я вылетел из ножен и скрестился с оказавшимся рядом Махайрой Крессом, а все Блистающие в этом зале сделали то же самое; мы наполнили воздух свистом и звоном нашей Беседы, пока ятаган Фархад медленно опускался на подставку из палисандра, где ему суждено будет пролежать не менее восемнадцати лет — пока ребенок не станет подростком, а потом — мужчиной. Способным поднять Фархада с его ложа.

— Приветствую вас, Высшие Блистающие эмирата! Дождитесь меня!..

Это были единственные слова, произнесенные иль-Рахшем за всю церемонию.

Я слышал мельком, потому что, поднырнув под замешавшегося Кресса, я быстро наметил на его Придатке две точки поражения — правое колено и ямочку между ключицами, — после чего ушел в глухую защиту. На этот раз я отдернулся даже раньше, чем следовало бы, но у меня до сих пор стояла в памяти сцена утреннего кошмара, да и Махайра прекрасно знал, что на турнирных скоростях он мне не соперник. А вот защищаться от вогнутого Кресса, не прибегая к опережающим выпадам, было нелегко и весьма интересно, особенно учитывая вертевшуюся рядом Нагинату Катори — так что мне приходилось заодно отслеживать ее проносящееся мимо древко.

В привычном шуме мне почудился посторонний звук, и лишь остановившись, я сообразил, в чем дело.

Плакал детеныш.

И рассмеялись все Придатки, переглядываясь и улыбаясь друг другу; и рассмеялись Блистающие.

А на фамильной подставке недвижно лежал Фархад иль-Рахш, ятаган фарр-ла-Кабир.

Церемония Посвящения завершилась.

Я с некоторым сожалением опустился обратно в ножны и вдруг поймал на себе чей-то изучающий взгляд.

В углу помоста на поясе плотного и приземистого Придатка в нарочито короткой шерстяной джуббе покачивался Детский Учитель семьи Абу-Салим. По форме и внешнему виду Детский Учитель ничем не отличался от ятаганов, но был значительно легче и меньше, с более клювообразной рукоятью для лучшего упора мизинца. Сам старый Фархад и через десять-пятнадцать лет будет слишком тяжел для детской руки — поэтому, когда юный Придаток впервые встанет на ноги, в его ладонь ляжет семейный Детский Учитель, чтобы сопровождать ребенка до совершеннолетия.

Чтобы учить. И, передав спустя положенный срок подготовленного Придатка Фархаду, ожидать следующего.

Иногда Блистающие с самого рождения готовились уйти в Детские учителя. Но в основном Учителями становились уже опытные, пожившие клинки, чьи размеры и вес позволяли им работать с незрелыми Придатками, заменяя более крупных Блистающих, ожидавших своего часа.

Некоторые семейства — например, Синганские пламевидные Крисы или родственники того же Черного Н'Гусу, кривые и одновременно двулезвийные Панга — при общности формы имели родичей совершенно разного веса и длины. Это было удобно, так как позволяло использовать подростков-Придатков на протяжении всего периода обучения, допуская их даже до отдельных Бесед внутри семьи.

Впрочем, учителя в Кабире, как и в Мэйлане, редко вступали в случайные Беседы, довольствуясь закрытыми встречами с себе подобными. Мне несколько раз доводилось присутствовать на этих встречах в качестве зрителя — единственного зрителя, допущенного из уважения к славным моим предкам, — и я был потрясен даже не столько мастерством Детских Учителей, сколько их уникальной способностью вовремя отдернуть руку неумелого Придатка или в последний момент изменить направление ошибочного удара.

Мастерством меня удивить было трудно, а вот аккуратность Детских Учителей — или Круга Опекающих, как они сами себя называли — была выше всяческих похвал.

Так что ни у кого и в мыслях не возникало отнестись

к Детским Учителям без должного уважения. Они умели учить, и этим все сказано.

Кроме того, большинство крупных Блистающих время от времени нуждалось в их услугах. Придатки, увы, недолговечны...

Я вежливо поклонился Детскому Учителю семьи Абу-Салим и уж совсем было собрался покинуть зал — но внезапно обнаружил за кожаным поясом Придатка на помосте, рядом с любопытным Учителем, еще одного Блистающего.

Этого-то я знал отлично. Да и кто в Кабире его не знал?!

Это был Дзюттэ Обломок, придворный шут Абу-Салимов, над которым смеялись все Блистающие Кабира — смеялись часто и с удовольствием, чему способствовало множество причин.

Во-первых, Обломок был тупым. В прямом смысле этого слова. Его толстый четырехгранный клинок вообще не имел заточки и, чуть сужаясь к концу, более всего напоминал обструганную палку.

Пусть даже и железную палку, длиной немного меньше предплечья взрослого Придатка...

Во-вторых, гарда Дзюттэ Обломка походила на последний лепесток не до конца оборванного цветка. Она бестолково тянулась вдоль нелепого клинка и, не дойдя до середины, отгибалась наружу, вроде уха шутовского колпака — я видел такой колпак на одном Придатке, еще в Мэйлане.

Ну и в-третьих, наш замечательный Обломок был мудрец. Во всяком случае, считал себя мудрецом, о чем громогласно заявлял на каждом перекрестке. Среди Блистающих Кабира это было в новинку, а посему — смешно.

Очень смешно.

Тупой мудрец.

Ха-ха.

А почему это у шута семьи Абу-Салим и у Детского Учителя той же семьи один Придаток на двоих? Ведь они не братья, как ножи-двойняшки — ао или секирки из гвардии иль-Рахша? Хотя, может, Придаток и раньше был один, просто они его в город по очереди выводили, вот я и не заметил...

Или это новая шутка Обломка: шут и Учитель — братья?

Можно начинать смеяться?..

...Блистающие покидали зал Посвящения, разбредаясь по дому в поисках комнат, специально отведенных для отдыха и развлечений, а Детский Учитель и придворный шут

семейства Абу-Салим все смотрели на меня с церемониального помоста. Взгляд их был неприятно строг и оценивающ; они все смотрели, пока я не разозлился и не двинул Придатка Чэна через весь зал к помосту — и тогда их общий Придаток быстро исчез в проеме боковой двери.

Словно его Блистающие хотели смотреть — но не разговаривать.

Я подумал, презрительно щелкнул гардой о металл устья ножен, и тоже направился к выходу.

2

...Комната, где я уже успел провести немало времени, называлась алоу-хона — комната огня. Это было просторное помещение на первом этаже, окна которого выходили в сад, окутанный сумерками и негромко шелестевший под прикосновениями легкого ветра; в западной стене алоу-хона находился встроенный очаг, вроде моего домашнего камина, с лепными фигурами диковинных птиц по бокам.

В очаге лениво тлели угли саксаула и ароматного алоэ, и земляной пол был устлан, согласно традиции, звериными шкурами.

— Спорь не спорь, а все-таки ты не прав, Единорог, — без особого нажима заметил Гвениль, развалившись поперек шкуры пятнистого барса с Белых гор Сафед-Кух и мерцая в отблесках очага.

Рядом с ним лежал Махайра Кресс, почти не принимавший участия в разговоре. Кроме нас троих, больше никого в алоу-хона не было.

— Почему это я не прав? — отозвался я из угла, где стоял, до половины уйдя клинком в специальное отверстие подставки для гостей, изнутри выложенное войлоком.

— Потому, — коротко отозвался гигант-эспадон со своего ложа.

Затем подумал и добавил:

— Если в твоем роду предпочитают обходиться без Посвящения, то это не повод, чтобы и все прочие от него отказались.

— Я и не утверждал, — начал было я, но Гвен перебил меня.

— Слушай, Единорог, а тебе ведь понравилось на Посвящении у Абу-Салимов! Не ври, я же вижу, что понравилось!..

— Ну, понравилось, — пробормотал я и почувствовал,

что краснею отраженным светом очага. — И что с того? Я тут позвенел с вами, душой отдохнул и домой ушел — к турниру готовиться, — а старому Фархаду лежать без дела кучу лет и ждать... Пока еще посвященный Придаток вырастет, пока его Детский Учитель выучит, как положено...

— А почему это у Мэйланьских Данов без Посвящения обходятся? — вдруг заинтересовался до того молчавший Махайра. — Вы что, первых попавшихся Придатков берете, которые повзрослее? Один состарился — другого нашли?

— Обидеть хочешь, Жнец? — вяло поинтересовался я для порядка, поскольку прекрасно знал, что Махайра и в мыслях не держал меня обидеть.

— Да нет, что ты, Единорог?! Просто интересно... да и не похож твой Чэн на необученного! И прошлый — как его, не помню уже — тоже непохож был...

— Учат они Придатков, — снова влез в разговор уставший молчать и слушать других Гвениль. — И не хуже прочих.

Ну спасибо, здоровяк... вот уж от кого не ожидал!

— Только легкие они, — продолжил меж тем эспадон, — Дан Гьены эти! Ты понимаешь, Жнец — ни вида, ни солидности! Меня раз в пять легче будут, да и тебя раза в два... Мы, Лоулезские эспадоны, долго ждем, пока Придаток в полную силу войдет, оттого и рубим мы хоть волос на воде, хоть куклу турнирную на две половины...

Я отчетливо увидел Придатка, разрубленного от ключицы до паха, вздрогнул и пристально вгляделся в Гвениля. Нет, чепуха, этого просто не может быть!..

Увлекшийся эспадон не обратил на меня ни малейшего внимания.

— А Дан Гьены в своем пыльном Мэйлане Придатка с раннего детства сами в работу берут! Ведь такого, как наш Единорог, и дитя в руке удержит. Вот и выходит, что им и без Посвящения можно! Сами учат, сами и пользуются...

«Удержать-то дитя удержит», — про себя подумал я и вспомнил Придатка Чэна шести лет от роду, его отца Придатка Янга в том же возрасте, их предка Придатка Хо Анкора, которого я перевез в Кабир... Вспомнил и те хлопоты, которых стоило мне их обучение. Пока они меня правильно держать научились, не роняя да не спотыкаясь!.. я ведь не канат для падающего, в меня изо всех сил вцепляться нельзя, у Дан Гьенов упор на три пальца...

— А-а-а, — расслабленно протянул Махайра.

— Чего «а-а-а»?! — обозлился я. — Мы со своими будущими Придатками с самого, почитай, начала возимся,

чище Детских Учителей, а не ждем, вроде тебя с Гвенилем, когда нам уже обученного приведут! Вот поэтому...

Договорить мне не дали. Хлопнула дверь, и грузный Придаток внес в алоу-хона Шешеза Абу-Салима. Их величество огляделись по сторонам, соизволили выбрать дальнюю от входа стену, где и повисли сразу на двух крюках. На двух — это для грациозности висения, надо понимать.

Еще раз прошлись по встрепанному меху бордовые сапоги шагреневой кожи с модными кисточками на голенищах — и дверь закрылась за Придатком Абу-Салима.

Шешез поворочался, устраиваясь в более наклонном положении, и с интересом глянул на нас.

— Что замолчали, гордость Кабира? — весело бросил Шешез со стены, и мне показалось, что веселость ятагана неискренняя. — Опять спорите? Я к вам за советом пришел, а вы все что-то делите...

— За советом, как правитель фарр-ла-Кабир, или за советом, как мой вечный соперник в рубке, ятаган Шешез?

Нет, Гвениль положительно не умел соблюдать никаких приличий! Ему хорошо, он в Кабире в гостях, а не в вассальной зависимости... правда, зависимость моя больше на словах, а Гвен сидит в столице лет на сорок дольше меня, и домом своим давным-давно обзавелся, и семьей обзавестись заодно хотел, да отказали ему, грубияну двуручному...

— Как тот и другой сразу, — помрачнев, ответил ятаган.

— А в каком важном деле совет требуется? — Махайра слегка шевельнулся и концом клинка успокаивающе тронул Гвениля за массивную крестовину.

— Турнир хочу отменить.

— Что? — хором вскрикнули мы втроем. — Почему?!

— Потому что боюсь, — оборвал нас Шешез.

Признание его прозвучало сухо и веско, заставив поверить в невозможное: ятаган фарр-ла-Кабир, племянник Фархада иль-Рахша, чего-то боится!

— Знаете, небось, что ночью на улице Сом-Рукха произошло? Мне утром донесли; только слухи — они моих гонцов быстрее...

— Знаем, — проворчал Гвениль.

— Слышали, — отозвался Махайра.

— Кто это был? — вместо ответа спросил я, не уточняя, кого имею в виду: убитого или убийцу.

— Шамшер Бурхан ан-Имр, из сабель квартала Патайя. А убийца... ну, в общем, под подозрением...

Он все не мог договорить, и когда наконец решился, то вид у Шешеза был такой, словно он сам себе удивлялся.

— Под подозрением — Тусклые.

Это было равносильно тому, что сказать: «Под подозрением ночной ветер». Или: «Подозревается призрак Майского Ножа». Или еще что-нибудь в этом же духе...

По позе Гвениля было хорошо видно, как относится прямолинейный эспадон к такому, мягко говоря, странному заявлению. А вот Махайра внезапно оживился и с интересом ожидал продолжения.

А я понимал, что не зря Шешез вчера приходил ко мне в гости, и не зря сейчас он перестал ломать комедию и заговорил всерьез.

Поросший лесом Лоулез — родина Гвениля и его братьев, — где на редких холмах возвышаются сумрачные замки с пятью сторожевыми башнями, или масличные рощи Кимены, где жили родичи Махайры — в Мэйлане уже успели забыть, забыть и снова вспомнить то, о чем Лоулез и Кимена только сейчас начинали узнавать. Да и сам Кабир был все-таки поближе к Мэйланю — я имел в виду близость скорее духовную, чем простое количество верблюжьих перегонов, — и поэтому Шешез сумел решиться, а я сумел задуматься над его словами...

— Что ты знаешь о Тусклых, Высший Мэйланя Дан Гьен? — тут же спросил Шешез, подметивший мое состояние.

И уже другим звоном:

— Расскажи, Единорог... пожалуйста.

И я заговорил.

— Никто достоверно не знает, как рождается Тусклый клинок, или как родившийся Блистающим становится Тусклым. Иные говорят, что когда ломается и погибает Блистающий, то перековывают его в тайных кузницах и закаливают в крови зверя дикого, зверя домашнего и в крови Придатка, не достигшего совершеннолетия. И тогда возрождается Блистающий, но дик нрав его, а клинок тускл и горяч. А еще говорят, что Блистающий, вкусивший плоти Придатка по третьему разу — будь то умысел или недомыслие, — тускнеет в течение полугода, но если примет он участие в пяти честных Беседах и двух турнирах с сильнейшими себя, то вновь заблестит он и отвыкнет от вкуса запретного. Разное говорят и о разном молчат... Слышал я, что даже новорожденный Блистающий прямо при закалке потускнеть может, если в смесь глины, речного песка и угольной пыли подмешать пепел от сожженного Придатка, умершего до того не своей смертью...

Я остановился и некоторое время молчал, глядя в огонь

очага. Редкие язычки пламени выстреливали вверх горячими жадными клинками...

— Ничего я не знаю о Тусклых, — глухо прозвенел я. — Ничего. Я ведь из Мэйланя совсем молодым уехал... а молодые — они глупых стариков слушать не любят. Вот и я — слушался, а не слушал.

— Как это ничего?! — возмутился Махайра. — А это?..

От волнения он стал несколько косноязычным.

— Единорог прав, — отозвался со стены Шешез. — Это не знание. В это можно лишь верить. Или не верить.

Гвениль слегка шелохнулся, срезав клок шерсти с барсовой шкуры, на которой лежал, и вновь замер.

— Я не верю, — холодно заявил он. — Глупости все это! Тусклые, теплые... Ни один Блистающий не станет умышленно портить Придатков! Ни разу не слышал о таком и сейчас тоже не намерен!..

— Стали, — коротко лязгнул Шешез Абу-Салим. — В Хаффе стали, и в Дурбане стали... И в Кабире. Так что я — верю.

— А я не знаю, — честно сказал Махайра. — Не знаю, и все тут. А ты, Единорог?

— Я не верю, — ответил я и, после долгой паузы, закончил. — Я уверен.

3

... — Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир... — Махайра словно пробовал на изгиб прочность этого имени. — А почему ваше величество пришли за советом именно к нам троим? Или все-таки только...

По-моему, Кресс и меня хотел сперва назвать полным именем. Но нет, напускная церемонность слетела с него, и Жнец просто закончил:

— Или все-таки только к Единорогу?

Шешез ответил не сразу. А когда ответил...

— Махайра Кресс Паллантид из Высших левой ветви Омелы Кименской, по прозвищу Бронзовый Жнец — я пришел за советом к вам троим. К тебе, к Высшему эспадону Гвенилю Лоулезскому, известному в Кабире как Рушащаяся Скала, и к Высшему Мэйланя прямому Дан Гьену, более прославившемуся под прозвищем Мэйланьский Единорог. В Кабире погиб Блистающий. Вы хорошо расслышали то, что я сказал?

Ятаган умолк, давая нам осознать всю никчемность наших титулов перед случившимся, и спокойно продолжил:

— У остальных Высших, с которыми я разговаривал сегодня до вас, мнения разделились поровну. Тридцать шесть за то, чтобы проводить турнир согласно традиции и не обращать внимания на досадные случайности; тридцать шесть — против. И без вашего совета нам не выйти с дороги раздумий на обочину решения. Вы — не самые мудрые, не самые старшие, но вы — последние.

Я стоял вроде бы и не особенно близко к очагу, но мне остро захотелось вызвать Придатка Чэна, чтобы тот вынес меня за пределы алоу-хона или переставил как можно дальше от тепла, такого неприятного в этот миг...

— Отказаться от турнира из-за мэйланьских сказок? Чушь! — отрезал Гвениль. — Мы за традиции! Правда, Жнец?

— Неправда, — неожиданно для меня возразил Махайра. — Никогда еще Блистающие не убивали друг друга и не шли на умышленную порчу Придатков. Пока не выяснится, случайно происходящее или нет, турнир проводить нельзя. Я считаю так.

Шешез задумчиво покачался на крючьях.

— Никогда, — пробормотал он, — это сказано слишком неумолимо. Честнее будет сказать, что на нашей памяти Блистающие не убивали друг друга и не портили Придатков. На нашей, пусть долгой, но все же ограниченной памяти... Тем не менее, голоса вновь разделились. Тебе решать, Единорог.

Я вспомнил прошлый турнир. Зелень поля, на котором велось одновременно до двух дюжин Бесед, упоение праздником и разрезаемый пополам ветер, подбадривающие возгласы с трибун и солнечные зайчики, уворачивающиеся от Блистающих... и потом, долго — память о турнире, споры о турнире, нетерпеливое ожидание следующего турнира...

И сломанный труп Шамшера Бурхан ан-Имра из сабель квартала Патайя, что в десяти минутах езды от моего дома... совсем рядом. Одинокий шарик с треснувшей гарды у глинобитного дувала; и бурая запекшаяся пыль, в которую ложились суровые копья Чиань...

Я взвешивал звенящую радость и гулкий страх. Пустоту смерти и вспышку жизни. Моя гарда похожа на чашу, донышком к рукояти; на одинокую чашу весов...

Я взвешивал.

— Если из страха перед незнакомой смертью мы откажемся от привычной жизни, — наконец произнес я, и огонь в очаге притих, словно вслушиваясь, — мы, возможно, избегнем многих неприятностей. Но тогда тень разум-

ной осторожности ляжет на всех Блистающих, и мы начнем понемногу тускнеть. Мы станем коситься друг на друга, в наши Беседы вползет недоверие, и наступит день, когда мой выпад перестанет восхищать Гвениля, а Махайра позавидует Шешезу. Я — Высший Мэйланя прямой Дан Гьен — выйду на турнирное поле в положенный срок, даже если окажусь на поле один. Или если буду знать, что могу не вернуться. Я сказал.

— Ты не будешь на поле один, — тихо отозвался Гвениль. — Ты не будешь один, Единорог. Это я тебе обещаю.

Махайра весело заблестел, подмигивая непривычно серьезному и немногословному эспадону.

— Герои, — сообщил он. — Глупые герои. Или героические глупцы. Придется мне, бедному умнику, тоже явиться на турнир. В случае чего я всегда смогу заявить, что предупреждал вас. Слабое утешение, но другого вы мне не оставили.

— Вот и они так сказали... — прошептал Шешез. — Странно...

— Кто? — спросил я. — Что сказали-то?

— Детский Учитель нашей семьи... он сказал, что если решать придется Единорогу, то турнир состоится. Словно предвидел...

— Ты произнес «они»... Кто еще говорил обо мне?

Я ждал. И дождался.

— Дзюттэ, — нехотя прошуршал ятаган. — Дзюттэ Обломок.

— Шут? — удивился Гвениль.

На этот раз Шешез промолчал.

Глава третья

1

...И трибуны разразились приветственным звоном, когда вокруг злого тонконогого жеребца и маленького Придатка, вставшего на стременах, закружился сошедший с ума смерч семи локтей в поперечнике — и в свистящей воронке мелькали то сталь громадного лезвия с шипом на тупом обухе, то заостренный наконечник обратной стороны древка, то желто-багряные кисти из конского волоса...

— Давай, Кван! — не выдержал я. — Давай!..

И Лунный Кван дал. Храпящий жеребец боком понесся по полю, чудом лавируя между вкопанными деревянными

столбами — и рушились мертвые деревья без веток и листьев, белея косыми срезами, щетинясь остриями изломов, взвизгивая, всхлипывая, треща... Смерч замедлился, став трепещущими крыльями невиданной бабочки, еще раз пронеслись по воздуху осенние кисти — и вот уже спокойный и неторопливый Кван-до, Лунный Вихрь, упирается в землю рядом со взмыленным конем, косящим кровяным глазом.

Не стоило мне, конечно, заводиться, да еще и подбадривать Квана прямо отсюда с поля... Не к клинку. Мне сейчас на другое настраиваться надо. Вон, поле большое, на семи площадках Беседуют, на пяти предметы рубят, дальше Катакама-Яри и Фрамея копейные танцы танцуют — а на каких трибунах больше всего Блистающих собралось?

На западных.

А почему?

А потому, что на третьей западной площадке победитель в последней рубке после всего встретится с Мэйланьским Единорогом — со мной, значит...

Вот и нечего мне на все поле лязгать, позориться!

А рубка знатная была!.. Трое сошлись — Гвениль, эспадон мой неуступчивый, их величество Шешез Абу-Салим и так далее (следит он за мной, что ли? И рубит оттого, как никогда...) и гость один заезжий, тоже двуручник, как и Гвен, а имя я в суматохе спросить забыл.

Видел я похожих, еще в Вэе видел — там их «Но-дачи» звали, «Длинный меч для поля» на старом наречии. Ну и ладно, пусть пока Но-дачи побудет — мне его не титуловать, а так ведь и меч он, и длинный, и для турнирного поля в самый раз... не обидится.

Куклу, понятное дело, вся троица легко срубила, на полувзмахе — а дальше началось! Кто во что горазд, а уж горазды они на всякое... Шешезу, как всегда, грубое сукно на стальную проволоку в дюжину слоев наматывают, гостю циновку из бамбуковых полос в рулон скатали, а Гвениль столб крайний, что от Лунного Квана остался, попросил листовой бронзой обшить на скорую руку.

Свистнули они — было три предмета для рубки, стало шесть! Гвениль на Шешеза скосился и свой коронный «волос на воде» заказывает. Рассек, блеснул улыбчиво и ждет. А ятаган по платку кисейному полоснул — да не прорезал до конца! Платок влажный попался, или сам Шешез оплошал, от забот государственных...

Я и оглянуться не успел — Но-дачи клинком повел из стороны в сторону, медленно так, плавно... Жужжала ря-

дом стрекоза, а теперь лежит на траве два раза по полстрекозы, и обе половинки тихие такие, не жужжат больше!

Смотрю я на Гвениля и на соперника его: похожи они оба, дальше некуда! Оба двуручные, оба без ножен — таких дылд даже из-за плеча не вытянешь, они ж длиннее перехвата руки! — оба у своих Придатков на плечах развалились, и характер у обоих, небось, один другого мягче да приятнее!

Только Гвен обоюдоострый и прямой, а гость однолезвийный и слабо-слабо изогнутый, словно не решил до сих пор, каким ему быть. Ах да, еще у Гвениля крестовина здоровенная, а у Но-дачи огрызок какой-то овальный вместо гарды...

А так — как в одной кузне рожали!

Тут как раз для меня «коровью тушу» вынесли и подвесили на тройных цепях. Мешок это кожаный, и набит он изнутри разным металлическим хламом похуже, чем корова — костями. Еле-еле пустого места остается, чтоб протиснуться!

Нет, ничего, протиснулся... и на прямом выпаде, и на косом, и на том, что родня моя звала: «Спящий Единорог видит луну за тучами». Потом так изогнуться пришлось, чтобы в кость железную не въехать, что успел только небо поблагодарить за гибкость свою врожденную да за пальцы Придатка Чэна, которыми я его учил крюки стальные из стен выдергивать и мух на лету ловить, крылышек не повредив! Ладно, что теперь зря расстраиваться...

Потом Придатки Гвениля и Но-дачи мелкие монетки «гитрифи» в «корову» по очереди кидали, а я в место попадания входил и обратно выныривал, пока монетка на землю соскальзывала. Тут Гвениль почему-то заблестел весь, словно пакость какую придумал, и Придатка своего ко мне ведет.

— Слушай, Однорогий... — говорит, а тут и Но-дачи рядом оказался, почти вплотную.

— То бишь Высший Мэйланя Однорогий Дан Гьен, — поправляется Гвениль. — Тут у нас спор один зашел...

Ну что с него взять? Он ведь не со зла, просто говор у него такой, без тонкостей, как у всех лоулезцев. Помню, я как-то битый час объяснял ему разницу между «однорогим» и «единорогом». Выслушал меня эспадон, не перебивая, а потом и спрашивает:

— Ну, рог-то у него один?

— Один, — говорю.

— Ну и нечего мне лапшу на крестовину наматывать! — отвечает.

Лапша — это еда такая, Придаток Гвениля ее очень любит. Поговорили, значит...

Правда, с тех пор он меня чаще всего правильно зовет. А в турнирном запале — как получится.

— ...спор один зашел, — продолжает меж тем Гвениль. — Соперник мой интересуется: дескать, когда он меня в рубке победит — заметь, «когда», а не «если»! — то как ему с тобой в Беседе работать, чтоб внешность твою замечательную не повредить ненароком. Больно легкий ты, вот он и опасается... Уступить ему, что ли, пусть сразу и попробует?

Улыбнулся я про себя, но виду не подал. Сам Гвениль при первой своей Беседе со мной на том же вопросе и ожегся, так что ему теперь кого другого подставить — самое милое дело!

Повернулся я к Но-дачи, а тот молчит серьезно и ждет.

— Тебя, — спрашиваю, — в землю до проковки зарывали?

— Зарывали, — отвечает. — На девять лет, как положено.

— Ладно, — киваю. — А полировали, небось, дней пятнадцать?

— Да, — отвечает, но уже тоном ниже.

— Хорошо, — говорю, а сам у Придатка Чэна над головой вытягиваюсь вроде радуги. — Ты — гость, тебе и рубить первому. Давай!..

Молодец он оказался! Гвениль по первому разу — и то постеснялся, поосторожничал, а этот с Придаткова плеча и полоснул наискосок, без замаха! Принял я его на полкасания — еще подумал, что Гвен потяжелее будет — а там из-под него вывернулся, Придатка Чэна вправо увел и в дугу согнулся.

Он чуть в землю не зарылся, Но-дачи этот. Правда, «чуть» не считается, особенно если он от земли поперек Придатка моего пошел, во всю длину, да еще на уровне живота! Опасное это дело, такая махина не всегда вовремя остановиться может, даром что он Гвениля легче...

Ну и не стал я с ним в игры играть. Упал мой Чэн, как есть упал, навзничь — а гость над нами пронесся, только ветерком хлестнуло. Придаток его с ноги на ногу перепрыгнул, споткнулся и рядом с нами на четвереньки встал.

А как ему на ногах удержаться, когда у него сандалии на деревянной колодке да на двух ремешках, а я те ремешки на левой сандалии, пока Придаток Чэн на земле раскидывался, пополам разрезал?!

Гвениль веселится — он такие шутки почище Бесед любит, — на трибунах визг со скрежетом вперемешку, а Придаток гостя уже на пятках сидит, и сам гость у него на коленях лежит.

Молчит. Только подрагивает слегка. И пасть кошачья, что у него на головке рукояти, невесело так скалится...

— Ну что, — спрашиваю, — понял?

— Понял, — отвечает. — Благодарю, Высший Дан Гьен, за науку.

Дважды молодец! Гвениль — тот, помню, до вечера ругался, пока не угомонился.

— Еще хочешь? — спрашиваю.

— Обязательно.

— Ну вот, — говорю, — обставишь Гвениля в рубке, тогда и повторим.

И повел Придатка Чэна к другим площадкам.

2

Мне нужно было хоть немного расслабиться. Чтобы одернуть самоуверенного Но-дачи потребовалось больше сил и энергии, чем это могло показаться с первого взгляда. Поэтому я пустил Придатка Чэна бесцельно бродить между турнирными площадками, останавливаясь то тут, то там, а сам попытался на время забыть о предстоящей финальной Беседе — с Гвенилем или Но-дачи.

Первый уже неплохо знал мои обычные уловки — во всяком случае, некоторые из них, — а второй после трепки будет начеку, так что...

Все, забыли! Гуляем...

У южных площадок, где состязались древковые Блистающие, я задерживаться не стал. Волчья Метла к турниру не вернулась, а остальные Длинные — кроме, пожалуй, Лунного Квана, но его я уже видел — меня интересовали мало.

Шел третий день турнира, а первые три дня всегда идут под девизом: «Подобные с подобными». Или хотя бы с более-менее подобными. День смешанных Бесед наступит лишь завтра, но Метлы все нет, и я, скорей всего, раз-другой встречусь с Нагинатой Катори, явной фавориткой, а там уйду на трибуны. Или домой. Нет, домой не уйду, что это я в самом деле...

— Зар-ра! — неожиданно взметнулось слева от меня. — Зар-ра-хид!..

Я свернул на крики и пару минут любовался, как мой замечательный дворецкий беседует с ножами-двойняшками Тао. Зрелище заслуживало внимания. Эсток Заррахида был более чем вдвое длиннее любого из двойняшек, но зато каждый Тао был почти вчетверо шире невозмутимого эстока. Широченные братья верткой рыбой метались в руках своего низкорослого Придатка, то ложась вдоль предплечья, то вновь выныривая акульим плавником острия вперед. Но все их отчаянные попытки ближе подобраться к Заррахидову Придатку мгновенно пресекались недремлющим эстоком.

Я вышел из ножен и, продолжая наблюдать за Беседой, стал повторять некоторые движения Заррахида. Естественно, добавляя кое-что свое.

Придаток эстока, казалось, врос в землю и пустил корни, подобно вековой сосне — да, это не мой Чэн, способный вертеться в момент Беседы почище братьев Тао, хоть и нелепо сравнивать Блистающих и Придатка, — но вытянутое жало Заррахида неизменно нащупывало любую брешь в звенящей обороне двойняшек, отгоняя зливших братьев Тао на почтительную дистанцию.

— Зар-ра! Зар-ра-хид!..

Я на миг присоединился к скандирующим Блистающим, поддерживая моего дворецкого, затем спрятался в ножны и послал Придатка Чэна дальше.

— Единорог пошел, — услышал я чью-то реплику. — Своими любовался...

— Ну и что? — незнакомый голос был раздражающе скрипуч.

— А то, что вон тот эсток — из Малых его дома. Вот я и говорю...

— Ну и что? — снова проскрипел невидимый упрямец.

Я обернулся в надежде увидеть болтунов и обнаружил за спиной Придатка Чэна — кого бы вы думали?! — Детского Учителя семьи Абу-Салим и Дзюттэ Обломка. Они, как и на Посвящении, делили между собой одного Придатка, удобно устроившись: Учитель — на поясе, шут — за поясом.

«Хороший пояс, — ни с того, ни с сего подумал я. — Кожа толстая, с тиснением «узлы и веревки», пряжка с ладонь... на пятерых места хватит».

— Прогуливаешься, гроза Кабира? — опустив положенное приветствие, нахально заявил шут. — Ну-ну...

Голос у него оказался низкий и глубокий, вроде гула ночного ветра в прибрежном тростнике. А я почему-то ре-

шил, что он сейчас заскрипит, как тот, невидимый... нет, конечно же, это не они! С чего бы им меня за глаза обсуждать, да еще и препираться?!

— Прогуливаюсь, — ответил я. — Кстати, Дзюттэ, все хочу тебя спросить — ты в юности, небось, подлиннее был?

Раздражение, накопившееся во мне, требовало выхода.

— А с чего это ты взял? — удивился шут.

— Ну, я так полагаю — сломали тебя когда-то не до конца, вот с тех пор Обломком и прозывают...

Мне очень захотелось, чтобы Дзюттэ обиделся. Или хотя бы втянул в глупый и грубый разговор Детского Учителя. Даже если я не прав — а я не прав.

Только он не обиделся. И Учитель промолчал.

— Иди «корову» потыкай, — ехидно усмехнулся шут. — Глядишь, ума прибавится... Ты — Единорог, потому что дурак, а я — Обломок, потому что умный, и еще потому, что таким, как ты, рога могу обламывать. До основания. А затем...

— А затем я хочу спросить тебя, Высший Дан Гьен...

Это вмешался Детский Учитель. Глухо и еле слышно. После вежливого обращения он выдержал длинную паузу, заставляя меня напряженно ожидать продолжения, которого я мог бы и не расслышать в турнирном шуме. Ну давай, договаривай, тем более что гомон позади нас малость утих... интересно, кто верх взял — Заррахид или двойняшки?

— Ты эспадону Гвенилю доверяешь? — неожиданно закончил Учитель.

— Как себе, — не подумав, брякнул я, потом подумал — хорошо подумал! — и твердо повторил: — Как себе.

— Нашел, кого спрашивать, Наставник! — вмешался шут Дзюттэ, в непонятном мне возбуждении выпрыгивая из-за пояса и прокручиваясь в руке Придатка ничуть не хуже любого из ножей Тао.

Вот уж от кого не ожидал!

— Единорог у нас всем и каждому доверяет! Любому — как себе! И в Мэйлане, откуда удрал невесть когда и невесть зачем, и в Кабире, и здесь, на турнирном поле...

И уже ко мне, вернувшись на прежнее место и выпячивая свою дурацкую одностороннюю гарду в виде лепестка:

— Ну что тебе стоило после Посвящения сказать Шешезу то, что надо? Глядишь, и отменили бы турнир, и у нас забот этих не было бы!..

Интересно, какие-такие у него заботы?!

— Все? — спрашиваю. — Тогда мне пора.

И двинул наискосок к щитам, где метательные ножи

восьми местных семейств и пять гостей из Фумэна в меткости состязались.

Только и услышал вслед:

— Зря ты его злил, Дзю... он и так мало что понял, а теперь и подавно, — это Детский Учитель.

Пауза. И тихо-почему-то, словно весь турнир вымер.

— Злю, значит — надо, — это уже Обломок, шут тупой. — Злые — они острее видят, а добрые — слепцы! Гвениль его только что под чужой удар подставил, до проверки Мастерства Контроля, а этот Рог Мэйланьский... Добренькие мы все, Наставник, по самую рукоять добренькие, не переучить нас!..

И — еле слышно во вновь возникшем гомоне — чей-то скрипучий смешок.

3

...Испортили настроение, мерзавцы! Чуть Учителю сгоряча по-Беседовать не предложил... И не то чтоб я его опасался или еще что-нибудь — у такого и выиграть почетно, и проиграть не зазорно, — а просто неловко на турнирном поле препираться и Беседы случайные затевать.

И с кем? С Детским Учителем семьи Абу-Салим?! Не хватало еще с шутом на площадку выйти, на потеху всему Кабиру... Расслабился, называется! Завелся с первого взмаха, как вчера кованный...

— Айе, Единорог! Оглох, что ли?!

Совсем рядом ударили в землю конские копыта, налетевший ветер принес с собой запах звериного пота и кожаной сбруи, и сбоку от меня вырос Лунный Кван-до, вонзив в землю наконечник основания древка.

Казалось, что щуплый и жилистый Придаток в юфтевой куртке по пояс и штанах из плотно простеганной ткани, гарцуя на плохо объезженном коне, уцепился с перепугу за ствол одинокого кипариса — у которого вместо кроны по ошибке выросло огромное лезвие с толстым шипастым обухом.

— Ну, мэйланец, ты даешь! Тебя на твоей площадке уже битый час дожидаются! Твой выход! Гвениль кривому двуручнику уступил, все тебя ищут...

Вот сколько себя в Кабире помню, всегда у Квана Придатки мелкие...

Что? Что он сказал?!

То, что Гвениль умудрился-таки проиграть заезжему Нодачи, сразу оттеснило на задний план все прочие мысли.

— Как уступил? На чем?!

— Да в самом конце... Их сперва, как ты ушел, на Мастерство Контроля трижды проверяли — и все в лучшем виде! У гранитной плиты, у натянутой струны, у бычьего пузыря — оба при ударе в полный размах вплотную останавливались! После по горящей свечке срубили — опять на равных... фитиль сняли, свеча стоит. А там гость предложил гвозди в воздух кидать. Вот Гвен на втором гвозде-то и срезался!..

Увлекшийся Кван все говорил и говорил, подробно перечисляя мельчайшие подробности состязания в рубке, но я уже не слушал его, поймав себя на странном и неприятном чувстве.

Очень странном и очень неприятном.

После проклятых слов шута поражение Гвениля стало приобретать для меня довольно неожиданную окраску. Действительно ли опытный эспадон уступил рубку, нарвавшись на более умелого Блистающего, или крылся в этом какой-то тайный умысел? Вот и у Абу-Салимов он громче всех за турнир высказывался, несмотря на предупреждения Шешеза да мои слова...

Стоп, Единорог, не дури... Гвениль-то, может, и громче других был, да только твой голос последним получился, последним и решающим! И кто, как не ты сам, минуту назад утверждал, что веришь эспадону, как себе?!

Верю. Да. И в Тусклых верю. И в то, что бред это все — тоже верю. И в то, что Тусклыми не сразу становятся. И...

Ох, что-то много всякой-разной веры на одного Единорога!

И Придатка на улице Сом-Рукха, пополам разрубленного, тоже сам видел. Впервые в жизни такое видел — но понимаю, что в принципе многие из Блистающих на это способны. Вон, тот же Кван или ятаган Шешез... Только я ведь не вчера с наковальни! Кван, конечно, любого Придатка запросто бы развалил — да не так бы это после Кванова лезвия выглядело бы! И после Шешеза не так...

А я или Заррахид — нам проткнуть проще, хотя мы и рубить можем.

Двуручник там был, Тусклый или какой еще — но двуручник, по повадке да удару... и он же Шамшера ан-Имра ломал.

Чтоб тебе гарду сточили, Обломок тупомордый! До чего довел... в друзьях сомневаюсь, думаю невесть о чем, дергаться скоро начну...

— Ну ты как — дождя будешь ждать, из чистого-то неба?! — возмутился Кван, вскидываясь поперек конской холки. — Догоняй!

И я послал Придатка Чэна вслед за удаляющимся конем. Бегом.

Чтоб дурные мысли из себя выветрить.

4

...Шум трибун отдалился, расплылись туманом силуэты тех, кто толпился у самой площадки — и мы остались один на один.

Я и Но-дачи.

Финальные Беседы турниров — не место для досужих размышлений или самокопания. Не место и не время. В эти недолгие мгновения собственное бытие переживается особенно остро, и впору рассечь мир гордым выкриком: «Я есть!» Воистину правы были древние, говоря, что в такие моменты «один меч сам стоит спокойно против неба!..»

Против неба, в котором так же одиноко вспыхнул луч Но-дачи, пресекая все лишние нити раздумий, еще тянувшиеся во мне.

Нет, это был уже не тот вежливо-самоуверенный Блистающий, которого совсем недавно подводил ко мне Гвениль. Теперь он был внимателен и осторожен, теперь его Придаток был босиком и крепко держал рукоять обеими руками, вознося огромный клинок Но-дачи над головой, словно собираясь пронзить облако.

Там он и замер, этот двуручник, который нравился мне все больше и больше, замер странным шпилем над недвижным храмом его Придатка.

В Кабире такие вступления к Беседам были редкостью — но я-то вырос не в Кабире! И поэтому прекрасно знал, что неподвижность Но-дачи была своего рода вызовом, который можно было принимать или не принимать.

Я принял.

Держась на расстоянии, делавшем невозможным удар без предварительного подшагивания, я выскользнул из ножен и медленно провел правую руку Придатка Чэна по дуге вниз, назад и вверх, указав острием на лицо Придатка Но-дачи. Затем я внутренне напрягся — и Придаток Чэн выставил вперед пустую левую руку, одновременно поднимая левую ногу так, чтобы колено очутилось почти у подбородка.

И напротив каменного храма с остроконечным куполом застыло изваяние танцующей птицы Фэн с расправленными крыльями, правое из которых было вдвое длиннее левого и сверкало на солнце.

Долгое стояние на одной ноге гораздо сложнее и утомительнее, чем на двух — как стоял Придаток Но-дачи, — но я не допускал даже тени сомнения в исходе. Слишком часто мы стояли вот так у себя во дворе, водрузив на поднятое колено Придатка Чэна пиалу с горячим вином, и я уже напрочь забыл те времена, когда вино в конце концов расплескивалось.

Молчали онемевшие трибуны, солнце неспешно двигалось по небосводу от зенита к западу, росли наши тени на земле — а мы все стояли, и только когда шпиль над храмом слегка дрогнул и покачнулся, я позволил птице-Чэну победно всплеснуть крыльями и встать на обе ноги.

После чего на меня обрушилась двуручная молния.

Уходя от первого столкновения и разрывая дистанцию до относительно безопасной, я уже понимал, что Но-дачи будет теперь действовать только наверняка. Проиграв состязание в неподвижности и памятуя о разрезанных ремешках сандалий, он не позволит себе ничего спорного, ничего лишнего, ничего...

Ну что ж, я был рад за него. За него и за себя.

Значит, приходило время для того, что было фамильным умением прямых мечей Дан Гьенов моей семьи. Время для того, за что я и отличал род Анкоров Вэйских, предпочитая его любым другим Придаткам.

Придаток Но-дачи стремительно прыгнул вперед, сам Но-дачи взметнулся над его правым плечом — и на миг остановился, не понимая, что происходит.

Придаток Чэн смеялся.

Он смеялся радостно и искренне, а потом протянул пустую левую руку перед собой и принялся шарить в воздухе, словно пытаясь нащупать что-то, невидимое никому, кроме него.

И нащупал.

...Но-дачи не двигался с места, и кончик его клинка подрагивал в опасливом нетерпении.

Пальцы Придатка Чэна побарабанили по опять же невидимой полке и сомкнулись, образовывая разорванное кольцо — как если бы в них оказалась круглобокая чашка.

...Босые ноги Придатка Но-дачи нетерпеливо переступили на месте, подминая хрусткую траву, но сам Но-дачи не изменил своего положения.

Я опустился до земли, приняв самое безвольное положение, чуть ли не упираясь острием в невесть откуда взявшийся камешек.

...И Но-дачи, не выдержав, ударил.

Он ударил неотвратимо, как атакующая кобра, он был уверен в успехе и, демонстрируя высочайшее для двуручника Мастерство Контроля, остановился точно вплотную к голове все еще смеющегося Придатка Чэна.

Вернее, вплотную к тому месту, где только что была голова Придатка Чэна. Потому что Придаток Чэн одновременно с ударом поднес бесплотную чашку к губам и отклонился назад, вливая в себя ее содержимое. Так что голова его отодвинулась ровно на четверть длины клинка Но-дачи, и этого вполне хватило.

В то же время Придаток Чэн неловко взмахнул правой рукой, удерживая равновесие — а в этой правой руке совершенно случайно был я.

И мой клинок легко уперся в подмышечную впадину Придатка Но-дачи.

В Беседах Блистающих, особенно в финале турниров, судьи не нужны. Поэтому Но-дачи понял все, что должен был понять. Понял — и ударил на полную длину клинка, сокращая дистанцию до безысходной и держась по-прежнему на уровне головы моего Придатка. И мне даже показалось, что на этот раз Но-дачи мог бы и не успеть остановиться — хотя, конечно, такое могло только примерещиться.

Но содержимое невидимой чашки ударило в голову Придатка Чэна быстрее, чем разозленный неудачей двуручный меч.

И Придаток Чэн упал на колени. Пьяные Придатки плохо держатся на ногах — вот он и не удержался. А я небрежно пощекотал живот Придатка Но-дачи, после чего устало лег на плечо Придатка Чэна.

Изумленный Но-дачи повел своего Придатка назад, пытаясь разобраться в происходящем, но Придаток Чэн хрипло заорал, протестуя — и кувыркнулся вслед, собираясь продолжить.

Вновь ударила с неба в землю слабо изогнутая молния Но-дачи — и вновь зря.

Придаток Чэн не сумел довести кувырок до конца, неуклюже завалившись на землю еще в середине переката, и Но-дачи вонзился в землю на полклинка левее.

Я по дороге зацепил босую пятку Придатка Но-дачи — и вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой.

Но-дачи вонзился в землю. Но он не мог этого сделать! Не мог!

Он же предполагал, что в этом месте окажется Придаток Чэн... И, значит, должен был остановиться выше земли, над телом, а не в нем!

Нельзя думать во время Бесед. Нельзя...

— Извини, — свистнул Но-дачи, резко опускаясь почти вплотную к навершию моей рукояти. — Мне действительно жаль...

И я ощутил, что сжимавшие меня пальцы умирают.

Нет.

Уже мертвы.

А рядом упирался в багровую траву обрубком правой руки Придаток Чэн, и немой вопрос бился в его трезвых глазах.

— Ты же... ты же не Тусклый?! — это было все, что мог прошептать я, теряя сознание от мертвой хватки коченеющих пальцев.

— Извини...

— Скорее, Но! Не медли!.. — прозвучал совсем рядом странно знакомый скрипучий голос, и я еще успел увидеть троицу совершенно одинаковых Блистающих, коротких и похожих на трезубец без древка; и все трое размещались за поясом тощего нескладного Придатка... они звали Но-дачи, торопя его, не давая мне договорить, узнать, понять — почему?!

А потом я перестал их видеть — и двуручного Но-дачи, и кинжалы-трезубцы с одинаковыми голосами, и солнце, тусклое и горячее, как...

Потому что пришла темнота.

Постскриптум

...А трибуны поначалу ничего не поняли.

Когда веселый Чэн Анкор, наследный ван Мэйланя, начинает по обыкновению притворяться пьяным, и легкий прямой меч в его руке снует проворней иглы в пальцах лучшей вышивальщицы Кабира — зрители на трибунах замирают от восторга, и кто способен уследить за непредсказуемостью движений улыбчивого Чэна, понять истинную причину, поверить в небывалое?!

А те, кто способен был уследить, кто сумел понять, кто готов был поверить — увы, не оказалось их в первых рядах толпы, в конце концов ринувшейся на поле... захлестнуло

их рокочущей волной, смяло и разметало в разные стороны. Тем и страшна толпа, что тонешь в ней, растворяешься, и не прорваться тебе, не успеть, даже если и видишь ты больше прочих, и жгучий гнев клокочет в твоей груди, подобно разъяренному огню в кузнечном горне!..

Где-то в самой гуще людского водоворота оглушающе свистел над головами гигантский эспадон в мощной руке Фальгрима Беловолосого, лорда Доулезского, и зычный рев северянина едва не перекрывал многоголосье толпы:

— Пустите! Пустите меня к нему! Да пустите же!..

И не было понятно, к кому именно рвется неистовый Фальгрим — к невольной жертве или вслед за бежавшим палачом.

Несся от восточных площадок незаседланный каурый трехлеток, на котором, подобно безусому мальчишке-пастуху, пригнулся к конской шее сам эмир Кабира Дауд Абу-Салим, и кривой ятаган на его боку безжалостно бил животное по крупу, торопя, подстегивая, гоня...

Ужом проскальзывала между сдавленными телами белая туника Диомеда из Кимены, и серповидный клинок-махайра неотступно следил за смуглым и гибким Диомедом, вписываясь в еле заметные просветы, раздвигая толкающихся людей, помогая кименцу протиснуться хоть на шаг... хоть на полшага...

И стояла на самом верху западных трибун у центрального входа ничего не понимающая девушка в черном костюме для верховой езды. А рядом с ней, чуть наклонясь в сторону кипящего турнирного поля, напоминающего сверху кратер разбуженного вулкана, стояла высокая пика с множеством зазубренных веточек на древке.

Благородная госпожа Ак-Нинчи из рода Чибетей и Волчья Метла успели вернуться с горных плато Малого Хакаса к самому концу турнира — и мало что говорило им увиденное столпотворение.

Но первыми к Чэну Анкору, истекавшему кровью рядом с наследственным мечом и куском собственной плоти, успели двое. Суровый и строгий дворецкий Анкоров по имени Кос ан-Танья, на перевязи которого взволнованно раскачивался узкий эсток с витой гардой; и один из приближенных эмира Дауда — не то шут, не то советник, не то и первое и второе сразу, — которого все знали, как Друдла Муздрого.

Дворецкий Кос ан-Танья спешно перетягивал искалеченную руку Чэна у самого локтя шнуром от чьих-то ножен, а приземистый шут-советник Друдл все глядел сквозь беснующуюся толпу, пока не опустил в бессильном отчая-

нии маленький бритвенно-острый ятаган и граненый тупой клинок с одиноким лепестком толстой гарды.

И на этот раз никому и в голову не пришло засмеяться.

А когда безумный океан толпы стал постепенно дробиться на капли отдельных личностей, все поняли, приходя в себя и оглядываясь по сторонам — поздно. Поздно оправдываться, поздно искать виноватых и карать злоумышленников, потому что все виноваты и некого карать.

Опоздали кабирцы.

— Пустите... пустите меня к нему, — тихо прошептал Фальгрим Беловолосый, и скорбно поник гигант-эспадон в его руке.

Никогда не простит себе Гвениль сегодняшнего проигрыша в рубке...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕЛОВЕК МЕЧА

...Воздух умеющий рассечь,
Красным пламенем горящий меч,
В грозные дни напряженных сеч
Удлиняющийся меч.
Для закалки того меча —
Так была его сталь горяча —
Не хватило холодных ручьев,
Множество пересохло ручьев!
Бывший во чреве дракона меч,
Гору способный с размаху рассечь,
Такой, что кинь в траву его —
Он траву сумеет зажечь...

Манас

Глава четвертая

1

Боль.

Боль ползет от локтя вниз по предплечью, давящим жаром стекает в кисть и изливается огненным потоком из кончиков онемевших пальцев. Потом боль медленно уходит, посмеиваясь — потому что болеть уже нечему. Нет пальцев, нет кисти, нет части правого предплечья.

Ничего этого больше нет.

Все осталось там, на турнирной площадке — и до сих пор у меня в глазах мерцает тот радужный полукруг, которым на мгновение стало лезвие изогнутого двуручного меча. Тогда я еще не успел понять, что произошло — только ощутил, что моя правая рука стала непривычно короткой и непослушной.

И небо, небо над головой моего соперника... оно слепо качнулось, метнув солнечный диск куда-то в сторону, когда я попробовал найти точку опоры...

И не смог.

Боли еще не было — она придет скоро, но не сразу, — и вот я с недоумением смотрю то на быстро удаляющегося человека с большим мечом на плече, то на чью-то кисть правой руки, которая почему-то сжимает рукоять моего — моего! — Единорога, валяющегося рядом. Почему мой меч лежит в траве? Почему эти пальцы, вцепившиеся в чужой для них меч, подобно пауку в трепещущую добычу — почему они тоже лежат на траве?

Почему зеленая трава так быстро становится алой?!

А потом наконец приходит боль и у меня темнеет в глазах...

...Сколько же времени прошло с того дня? Неделя? Месяц? Год? Столетие?.. Не помню. Время остановилось, жизнь рассечена мерцающим полукругом, и все скрыто туманной пеленой забытья и безразличия.

И боль.

Боль в руке, которой нет.

Как мне жить дальше?

И стоит ли — жить?

Взгляд мой невольно устремляется в тот угол, где на резной лакированной подставке, привезенной еще моим прадедом из Мэйланя, покоится наследственный нож-кусунгобу. Его я удержу и в левой руке. Его я удержу и в зубах. Потому что кусунгобу — не для турниров и парадных выходов в свет. Это пропуск Анкоров Вэйских на ту сторону. Одно короткое движение, слева направо или снизу вверх...

Я встал с постели. Покачнулся.

Устоял.

И долго смотрел на нож, разглядывая потускневшее от времени, но все еще острое, как бритва, лезвие. Потом медленно протянул руку.

Левую.

Рукоять, покрытая костяными пластинками, удобно легла в ладонь. Слишком удобно. Я подбросил кусунгобу и

поймал его клинком к себе. Солнечный луч скользнул по стали, и нож словно улыбнулся, подмигивая и дразня меня.

«Ну что, парень, решился? Тогда ты будешь первым из Анкоров! Я уж заждался...»

Я задумчиво покачал нож на ладони.

— Придется тебе еще обождать, приятель, — невесело усмехнулся я в ответ, аккуратно кладя кусунгобу на прежнее место.

Нож разочарованно звякнул.

И ободряющим эхом отозвался с противоположной стены мой Единорог. Сквозняк, что ли?..

Повинуясь какому-то смутному порыву, я пересек зал и снял меч со стены. Прямой меч Дан Гьен. Фамильный клинок. Часть меня самого.

Держать меч в левой руке было несколько непривычно. А ну-ка, попробуем... тем более что тело меня слушается плохо, но все же слушается.

Для первого раза я замедлился и начал с самого простого. «Радуга, пронзающая тучи» у меня получилась довольно сносно, на «Синем драконе, покидающем пещеру» я два раза запнулся и остановился на середине танца, тяжело дыша. Конечно, усиленные занятия многое исправят, заново отшлифовав движения, но...

Мне и так было достаточно скверно, чтобы пытаться обманывать самого себя. Постороннему зрителю мои движения могли показаться почти прежними, но что-то было не так. Что-то неуловимое, настолько тонкое, что его невозможно было передать словами. И я чувствовал, что *это*, скорее всего, не удастся вернуть никакими самоистязаниями.

Хотя, может быть, дело в моем подавленном настроении?

Я хватался за соломинку.

Я еще раз исполнил «Радугу...», потом сразу перешел к очень сложным «Иглам дикобраза», скомкал все переходы между круговыми взмахами, до боли в деснах сжал зубы и рывком пошел на двойной выпад «Взлетающий хвост» с одновременным падением...

В дверях беззвучно возник мой дворецкий Кос ан-Танья, застыв на пороге и явно не желая меня прерывать.

Однако, я прервался сам. И сделал это с болезненной поспешностью. Я не хотел, чтобы Кос видел мой убогий «Взлетающий хвост», разваливающийся на составляющие его «иглы»...

Вот он и не увидел. Или увидел, но не подал виду. Ну что, Чэн Анкор, наследный ван Мэйланя, тебе от этого легче?

Нет. Мне от этого — тяжелее. Хотя, казалось бы, дальше некуда.

— К вам гость, Высший Чэн.

— Кто?

До гостей ли мне?!

— Благородная госпожа Ак-Нинчи, хыс-чахсы рода Чибетей.

По-моему, только Кос ан-Танья с его уважением к любым традициям мог научиться без запинки выговаривать полное имя той, кого я давно звал детским коротким именем Чин. Кос, да еще сородичи и земляки Чин из поросших лесом предгорий Хакаса. Ну, им-то сам бог велел, хотя бога их зовут так, что даже Кос себе язык свернет...

Нет, мне не стало веселей от прихода Чин. Чэн и Чин — так любили шутить близко знакомые с нами кабирцы. Ну что, Чэн-калека, улыбнись и отвечай бодро и спокойно, как приличествует воспитанному человеку!..

— Пригласи благородную госпожу войти.

Кос отошел в сторону, и почти сразу в дверях появилась Чин — слегка напряженная и взволнованная. А я на миг забыл о себе и просто стоял, любуясь ею, как любуются портретом работы великого мастера — только вместо резной рамы был дверной проем.

Черный облегающий костюм для верховой езды с серебряным шитьем на груди и рукавах лишь подчеркивал гибкость ее фигуры (многие в Кабире сочли бы ее излишне мальчишеской; многие — но не я). Вьющиеся каштановые волосы легко падали на обманчиво хрупкие плечи, и на лбу непокорные пряди были схвачены тонким обручем белого металла без обычных розеток с камнями — только еле заметная резьба бежала по обручу, и язык этой резьбы был древнее множества языков, на которых говорили, писали и пели в эмирате и окрестных землях.

Самый дорогой самоцвет мог лишь умалить ценность этого обруча — знака Высших рода Чибетей из Малого Хакаса; и самое дорогое платье не добавило бы маленькой Чин ни грана очарования.

И не спорьте со мной! Все равно я не стану вас слушать. Влюбленные и глупцы — безнадежны, как сказал один поэт, который не был глупцом, но был влюбленным...

Взгляд зеленых глаз Чин с тревогой метнулся ко мне — но тут она увидела Единорога в моей руке и, даже не успев сообразить, что рука — левая, тревога в ее глазах сменилась радостной улыбкой.

А я незаметно спрятал культю правой руки за спину.

— Я рада приветствовать вас, Высший Чэн, и вдвойне рада видеть вас на ногах и в полном здравии, судя по обнаженному мечу.

Она шагнула за порог и вновь остановилась, обеими руками держась за свою неизменную Волчью Метлу — словно инстинктивно отгораживаясь ею от меня и от того невозможного, небывалого ужаса, который теперь незримо сопутствовал мне.

— И я рад вам, благородная госпожа Ак-Нинчи, — раскланялся я в ответ, стараясь держаться к ней левым боком. И, помолчав, добавил:

— Я всегда рад видеть тебя, Чин. Пусть весь эмират провалится в Восьмой ад Хракуташа — даже корчась на ледяной Горе Казней, я буду рад видеть тебя, когда ты пролетишь надо мной, направляясь в Западный Край лепестков. Ну как, похож я на записного сердцееда?

— Как я на эмира Дауда, — усмехнулась Чин и аккуратно поставила свою Метлу в оружейный угол для гостей. А я, сам не знаю почему, опустил рядом с ее пикой Единорога без ножен — хотя обычно мой меч висел совсем в другом месте, чуть поодаль.

Вездесущий Кос уже успел в считанные секунды накрыть легкий стол, расставив в кажущемся беспорядке поднос со сладостями, фрукты в приземистых вазах, две пиалы тончайшего фарфора — в дверь сунулся было кто-то из слуг, но Кос ан-Танья глянул на него, и слугу как ветром сдуло, — и теперь мой чуткий и замечательный дворецкий ставил на центр стола керамический чайничек с подогретым вином.

Белым, лиосским — судя по запаху. Интересно, когда это он успел его подогреть, не выходя из зала? И камин совсем холодный...

— Что нового в Кабире? — осведомился я, безуспешно пытаясь взять чайничек правой рукой.

Улыбка медленно сползла с губ Чин. Я заметил, что она старается не смотреть на мою искалеченную руку, но, против воли, взгляд Чин то и дело скользил по культе — и тогда пальцы девушки судорожно сжимались в твердые кулачки.

И боль, боль, плывущая в зеленых волнах ее глаз — не моя боль, чужая, но лучше бы — моя...

Я взял проклятый чайничек левой рукой и неловко разлил дымящееся вино в пиалы, пролив немного на скатерть. Горячие капли расплылись, образовав уродливые пятна.

За это время Чин пришла в себя и даже смогла заговорить.

— О, Кабир — большой и шумный город. В нем происходит столько нового, что о половине узнаешь только тогда, когда оно успело уже стать старым. Что именно тебя интересует, Чэн?

О да, деликатная Чин постаралась ответить как можно уклончивей и беззаботней. Ну что ж, каков вопрос, таков ответ...

— Меня интересует, нашли ли человека, который...

Я тоже помимо воли глянул на свой обрубок и перевел взгляд в угол, где располагались Волчья Метла и Единорог. Почему-то вид оружия не успокоил меня, как бывало обычно. Не так блестела сталь, не так лежал меч, не так стояла разветвленная пика.

Все было не так.

— Он... — Чин запнулась и поспешно отпила из своей пиалы. — Он скрылся. Мне Фальгрим и Диомед рассказывали, а суматоху на турнире я и сама видела, только не понимала ничего. Но нашлись люди, которые вроде бы заметили похожего человека в караване, уходящем в Мэйлань...

Она вдруг резко замолчала, поняв, что сболтнула лишнего.

Да, наверное, мне действительно не стоило бы этого знать.

Наверняка — не стоило. Но что сказано — то сказано.

— После его... э-э-э... его бегства в городе больше не случалось ничего необычного? — как можно спокойнее поинтересовался я. Проклятье, все время приходится следить за своими руками...

Чин нахмурилась и плотно сжала губы. Она явно колебалась. Но сделавший первый шаг обречен на второй.

— Трое убиты и два человека ранены за последние две недели. Раненые дали описание двоих... — она долго не могла подобрать подходящего слова, так и не нашла его и тихо закончила: — Но их так и не обнаружили.

— Это не он?

— Нет. Даже не похожи. И оружие совсем другое. Я не понимаю, Чэн...

На глаза ее вдруг навернулись слезы, и от недавней сдержанности не осталось и следа. Передо мной сидела просто испуганная и растерянная девушка, и мне хотелось утешить ее, защитить от всех и вся — если бы не я сам был причиной испуга Чин, не сумев защитить себя самого...

Кто бы меня утешил?! Я смутно подозревал, что в том, что могло бы меня хоть немного утешить, крылось что-то темное и страшное — едва ли не худшее, чем уже случившееся.

— Чэн, я не понимаю, что происходит! Как... как мо-

жет держащий оружие пойти на такое?! Ранить, искалечить, а тем более — убить! За что? И — зачем?! Это не прибавит к его имени ни гордости, ни почета, да и само имя придется вечно скрывать! Я не понимаю... не могу понять... не могу!..

Она закрыла лицо ладонями, и слезой блеснул бриллиант в перстне на безымянном пальце правой руки. Руки. Правой... О Изначальный кузнец Джангар, неужели я навечно обречен с завистью смотреть на чужие руки?! Даже если это руки любимой девушки...

Руки... и я успокаивающе погладил Чин по плечу уцелевшей рукой.

— Не плачь, девочка. Люди, опозорившие свое право держать оружие, не стоят самой крохотной из твоих слезинок. Нет, не пугайся, я говорю не о себе. Возможно, я заслуживаю сочувствия или жалости, но позора нет на мне, и прошу тебя — не жалей Чэна из Анкоров Вэйских! Потому что может прийти день — и я стану недостоин жалости, но стану достоин позора. И в этот день перестанет саднить моя кисть, оставшаяся там, на турнирном поле. И созревший виноград моей жизни станет в этот проклятый день багряным и горьким вином завершения...

Ладони Чин медленно разошлись в стороны, и она совершенно по-детски уставилась на меня во все глаза — но недетскими были испуг и надежда в этом взгляде.

А я все пытался понять — что же я сейчас наговорил ей?! Слишком сумбурно все получилось, слишком порывисто и нелепо... Искренне говорил ты, Чэн Анкор Однорукий, но словно и не ты говорил... вернее, не только ты.

Кто говорил вместе со мной? Чьи слова походили на язык древних поэм безумного Масуда ан-Назри?

Кто предвидел страшное?..

...Хватит. Пора расслабиться.

— А сейчас, благородная госпожа, позвольте вас пригласить? — и я плавно махнул обрубком в тот угол, где стояло наше оружие.

Продолжение нас самих.

— Почту за честь, Высший Чэн. Но...

— Никаких «но», госпожа! Кто, кроме вас и лучше вас, может мне вернуть прежнее умение?

Чин внимательно поглядела на меня и молча кивнула.

И мы пошли к оружию.

Единорог словно бы сам скользнул в мою левую руку. И все же... Я никак не мог избавиться от чувства неполноценности. И заранее понимал — ничего не получится.

Поддаваться мне Чин не станет — я сразу же увижу и почувствую это. А в полную силу...

К тому же меня все время подмывало перебросить меч в правую руку.

И я сознавал — в какой-то момент, когда сознание уступает место мастерству, я не выдержу.

Переброшу.

2

...Силуэт всадницы уже давно растворился в лиловых сумерках Кабира, а я все стоял у распахнутого окна, смотрел ей вслед и слышал — нет, не цокот копыт по булыжнику, но мелодичный перезвон оружия, звучавший, когда соприкасались мой Единорог и Волчья Метла Чин. Только в сегодняшнем танце я оказался слишком неуклюжим кавалером — и звон выходил не таким радостным, как прежде, срываясь зачастую на болезненное дребезжание...

Да и звучал-то он недолго. Мало того, что острие пики дважды замирало вплотную к моей груди — в довершение всего Чин удалось выбить взвизгнувший Дан Гьен из моей левой руки, а такого до сих пор не случалось никогда.

Никогда раньше.

Никогда...

Грустный вышел танец. Для обоих — грустный. Теперь-то я знал...

Знал, что отныне мой удел — грубая проза. Потому что поэзия поющего клинка мне более недоступна.

И Чин тоже поняла это. Не могла не понять. Не думаю, что сейчас ей намного легче, чем мне.

Впрочем...

Я стоял у окна и смотрел в сумерки, поглотившие маленькую Чин, которую родные и близкие друзья иногда называли Черный Лебедь Хакаса.

Я был ее очень близким другом.

Улетай, лебедь...

3

...Фальгрим явно задался целью всерьез споить меня. Он был излишне весел и многословен, нарочито громко шутил (а голос у Беловолосого и так — о-го-го!), постоянно подливал мне вина и изо всех сил старался не смотреть на

мою укороченную правую руку, прятавшуюся в провисшем рукаве халата.

За последние три дня я в полной мере успел оценить деликатность моих знакомых. Все были прекрасно осведомлены о руке бедного Чэна Анкора и все старались на нее не смотреть.

И я в том числе.

Только никому это не удавалось.

И мне — в том числе.

— Наливай! — бросил я просиявшему Фальгриму. — Ах, судьбы наши бренные, кто был — того уж нет... Подымем чаши пенные, как говорил поэт!..

Поднимать чашу можно любой рукой. И я пил, пил — заливая кровью виноградной лозы дорогой полосатый халат и мечтая опьянеть до беспамятства.

И — не пьянел. А посему слушал последние новости Кабира в громогласном исполнении своего приятеля — о предстоящей помолвке племянника эмира Дауда, Кемаля аль-Монсора Абу-Салим и благородной госпожи Масако Тодзи; о приемах и балах; о госте города — Эмрахе ит-Башшаре из Харзы, которому ехидный и острый на язык шут эмира Друдл Муздрый успел прицепить кличку Конский Клещ, и кличка действительно пристала к бедному Эмраху, как тот самый клещ к конской... — Фальгрим смеялся долго и со вкусом, после чего продолжил: о купеческом караване из Бехзда, принесшем совсем уж несуразные слухи; о...

Фальгрим все не умолкал, но я уже плохо слушал его, хотя это было и не очень-то вежливо. Два имени засели у меня в голове. Эмрах ит-Башшар из Харзы и Друдл Муздрый — шут, которого многие считали советником эмира Дауда. Впрочем, одно другого не исключало.

Я вспоминал странное поведение харзийца во время нашей первой встречи у башни Аль-Кутуна и после нее, вспоминал многозначительные намеки Друдла, обильно сдобренные нахальством... Оба они безусловно что-то знали — что-то, что отнюдь не помешало бы знать и мне!

Что?

Хотя... Я невольно покосился на болтающийся рукав. Что мне с этого знания, каким бы оно ни было? Все знание мира не стоило пяти обычных крепких пальцев...

Фальгрим перехватил мой взгляд — и осекся на середине фразы. Понял — зря, все зря. Зря пытался развеселить, отвлечь, напоить... Не казни себя, Беловолосый, не ты в этом виноват. А я и так благодарен тебе уже за саму попытку.

Лицо молодого лорда Лоулезского стало серьезным и суровым. Сейчас он был чем-то похож на собственный двуручный меч-эспадон Гвениль, стоявший позади Фальгрима у стены рядом с моим Единорогом. На мгновение мне даже показалось, что и мечи тоже беседуют друг с другом — разве что вина не пьют.

...Откуда у меня такие мысли? Спьяну, что ли? — так хмель меня сегодня не берет...

— Извини меня, Чэн, — неожиданно тихо заговорил Фальгрим, и его приглушенный бас напомнил мне рокотание отдаленного грома. — Я понимаю, каково тебе сейчас... а если не понимаю, то догадываюсь. Когда б я не проиграл ту проклятую рубку...

Он помолчал, двигая по столу свою опустевшую чашу. Чеканный дракон из серебра, обвивавший ее, подмигивал мне кровавым глазом.

— В Кабире поговаривают, что ты хотел свести счеты с жизнью, — глухо пророкотал далекий гром. — Я рад, что ты не сделал этого...

— Я еще сведу счеты, — криво усмехнулся я. — Только не с жизнью. Вернее, не со своей жизнью.

Фальгрим непонимающе посмотрел на меня и потянулся за узкогорлым кувшином.

Я и сам-то не очень себя понимал. Может быть, во мне проснулась кровь моих легендарных вспыльчивых предков из варварского Вэя, гибких и опасных, как клинки.

Кровь...

Алая кровь на зеленой траве.

— Гонец от солнцеподобного эмира Кабирского Дауда Абу-Салима! — возвестил объявившийся в дверях слуга — низкорослый крепыш с двумя боевыми серпами-камами за поясом.

— Проси, — махнул рукой Фальгрим, обрадованный тем, что столь скользкий и болезненный разговор был внезапно прерван.

Как ни странно, я тоже испытал облегчение. Кто утверждал, что больные любят говорить о своих болезнях? Или просто я — не больной?..

А какой я? Здоровый?!

Этого гонца я не помнил, но одевался он точно так же, как и любой гулям эмира — праздничный чекмень темно-синего сукна, подпоясанный алым кушаком, островерхая шапка с косицей гонца, остроносые ичиги на ногах... Ну, и непременный ятаган за кушаком.

И сам присланный гулям был так же бородат и черно-

волос, с тем же орлиным профилем, что и все гонцы эмира. Выращивают их специально для Дауда, что ли?..

— Великий эмир Кабира приглашает Фальгрима, лорда Лоулезского, к себе во дворец. Сегодня вечером состоится помолвка досточтимого Кемаля аль-Монсора Абу-Салим с благородной госпожой Масако Тодзи.

Гонец отбарабанил все это заученной скороговоркой, потом заметил меня — я еще при его появлении отошел к окну, — и поспешил продолжить:

— Вас, Высший Чэн Анкор, великий эмир также приглашает на торжество. Посланный к вам гулям не застал вас дома...

Он запнулся и неожиданно закончил:

— А из вашего дворецкого слова не вытащишь!..

Я сдержанно кивнул.

Когда двери закрылись за гонцом, отосланным на кухню, Фальгрим посмотрел в окно, обнаружил за ним то же, что и я — близкий к угасанию день — и перевел взгляд на меня.

— Ну что, Чэн Анкор Вэйский, пошли жениха с невестой смотреть? А то темнеть скоро начнет. Может, хоть там развеешься...

Я молча кивнул еще раз. Деликатные все-таки у меня друзья...

4

Пышная суета празднества, на которое мы с Фальгримом слегка опоздали, сразу же закружила меня, действительно давая возможность ненадолго забыться — и я с радостью окунулся в этот шумный водоворот, сверкающий шитьем одежд, ослепительными улыбками, полировкой клинков и чаш с искристым вином.

Я с искренней радостью приветствовал знакомых, стараясь не обращать внимания на бросаемые украдкой сочувственные взгляды; я раскланивался с дамами, говоря один комплимент за другим; я даже шутил, я был почти весел, суматоха лиц и приветствий вытеснила из головы тяжелые мысли — чего не смог сделать хмель вина, сделал хмель праздника.

Мгновениями мне казалось, что все вернулось на круги своя, что все — как прежде, и я сам — прежний обаятельный и галантный Чэн Анкор, душа общества... и ничего не случилось, словно и не было никогда разрубленного тела на

кабирской улице, не было незнакомца с изогнутым двуручным мечом, не было неба, падающего на турнирное поле...

Не было!..

...Когда шум в зале внезапно стих, я даже не сразу сообразил, в чем дело, всерьез увлекшись беседой с крохотным Сабиром Фучжаном, умевшим на удивление легко управляться с огромным Лунным ножом Кван-до.

Оглянувшись, я понял, что близится кульминация сегодняшнего вечера. Гости уже успели освободить центр зала, в углу расположились толстые зурначи со своими дудками и согбенный старец с пятиструнным чангом — и теперь в кругу остались двое.

Племянник эмира Кемаль аль-Монсор — не по возрасту мощный и крепко сбитый юноша — и его невеста, стройная и легкая на ногу Масако из рода Тодзи.

И блики от огоньков множества свечей играли на безукоризненно отполированных лезвиях: узкой и длинной алебарды-нагинаты в руках госпожи Масако, и тяжелого ятагана — в руках Кемаля.

В руках...

Я мысленно одернул себя и стал с интересом ждать предстоящего танца в честь помолвки.

Наконец они поклонились друг другу: аль-Монсор — с неторопливым достоинством и сдержанной улыбкой, Масако Тодзи — низко и почтительно, тоже с улыбкой, но чуть лукавой.

А потом нагината госпожи Масако чуть дрогнула и неуловимым движением взлетела вверх, описывая двойной круг вплотную к замершему Кемалю. Замершему — да не совсем. Трижды раздавался чистый звон металла — это стремительный ятаган аль-Монсора слегка изменял траекторию клинка нагинаты. И тут же сам Кемаль сорвался с места — и жених с невестой закружились по залу в звонком, блистающем танце под пронзительные вскрики зурны и низкий ропот чанга.

Это было — Искусство.

Настоящее.

Дважды мелькало гибкое древко, и мерцающее лезвие нагинаты проходило впритирку к шелковой кабе Кемаля; и дважды пылающий полумесяц ятагана касался вышитой повязки, стягивавшей под грудью узорчатое кимоно госпожи Масако.

Через некоторое время упал на пол разрубленный пояс, и взвихрились освобожденные полы халата аль-Монсора — но в тот же миг одна из прядей черных волос Масако плавно легла ей на плечо и сползла вниз по широкому рукаву.

Жених и невеста улыбнулись друг другу, и танец продолжился. Некоторые гости, не выдержав, начали присоединяться, и зал наполнился звоном и топотом.

Прекрасная пара! Они были просто созданы друг для друга.

Как мы с Чин.

Раньше...

За моей спиной кто-то вежливо кашлянул.

Я обернулся. Передо мной стоял эмир Кабира Дауд Абу-Салим.

Собственной персоной.

— Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, — негромко произнес он, поглаживая окладистую завитую бороду, лишь недавно начавшую седеть. — За все время празднества мы с тобой так и не успели отдать дань приличиям, поприветствовав друг друга...

— Прошу прощения, великий эмир, что я не успел это сделать первым, — смиренно ответил я, склоняя голову. — Для меня большая честь быть приглашенным на этот праздник.

Кажется, я сказал это излишне сухо, а выдавить из себя соответствующую случаю улыбку и вовсе не смог — все, праздничный водоворот в моей голове смолк, и я вынырнул на поверхность таким же, каким был несколько часов назад.

Эмир чуть заметно поморщился.

— Я хочу поговорить с тобой, Чэн, — по-прежнему негромко, но уже другим тоном сказал он. — Здесь слишком шумно. Пройдем в мои покои...

— Как вам будет угодно, великий эмир, — еще раз поклонился я и почувствовал, что говорю не то и не так.

На этот раз эмир Дауд вообще не ответил, и мне ничего не оставалось, как просто последовать за ним.

5

В личных покоях эмира я бывал не единожды — Дауд любил приглашать к себе победителей турниров, а я частенько входил в их число, — и всякий раз они поражали меня заново. Нет, не своим великолепием — да и не были они так уж подчеркнуто великолепны, — а точным соответствием характеру и даже сиюминутному настроению эмира Дауда. Этого, знаю по себе, не так-то просто добиться, даже имея идеальных слуг. Впрочем, где они, эти идеальные — если не считать моего Коса...

Сейчас покои выглядели сумрачными и даже слегка

зловещими. Большая часть свечей в канделябрах на стенах была погашена, и по углам копились вязкие серые тени, словно выжидая своего часа.

Огоньки оставшихся свечей блуждали по перламутровой инкрустации старинной мебели, будто открывая вход в какой-то иной, потусторонний мир. Это было красиво, но вместе с тем немного жутковато.

Хотя, казалось бы, недавно я сам собирался всерьез отправиться в этот запредельный мир теней. И ничего, не боялся... да и сейчас — не боюсь.

Эмир Дауд жестом указал мне на атласные подушки, разбросанные по всему покрывавшему пол ковру. Я послушно опустился на одну из них, а Дауд Абу-Салим устроился напротив, держась неестественно прямо.

Сперва мы немного помолчали. Я ждал, что скажет Дауд, а эмир, по-видимому, собирался с мыслями. Наконец он заговорил — и, признаюсь, от его слов я вздрогнул.

— Ты знаешь, что происходит в Кабире, — начал Абу-Салим без всяких предисловий.

Я не ответил. Я не был уверен, нужен ли здесь ответ, и если нужен — то какой?!

— Конечно, знаешь. И все знают. И я знаю. Но если всем это не нравится, то мне это *очень* не нравится. Как и тебе.

— Мне нравится, — горько усмехнулся я.

— Не перебивай без нужды. Потому что все гораздо хуже, чем ты полагаешь, — жестко сказал эмир, кивнув на мою искалеченную руку.

Это был первый человек, не старавшийся не замечать моего уродства.

— Что может быть хуже, сиятельный эмир?

— То, что это происходит не только в Кабире. Харза, Кимена, Бехзд, Дурбан... Короче, по всему эмирату и многим сопредельным землям. По нескольку случаев на каждый город, но этих городов довольно много...

Я напрягся.

— Вчера я говорил с Эмрахом ит-Башшаром из Харзы, — продолжил Дауд, глядя мимо меня. — У него погиб друг. Та сабля, что у Эмраха вместо пояса — память о покойном. Следы привели ит-Башшара в Кабир. И он, как и мы с тобой, пытается понять, что происходит. Только горяч не в меру, как и все харзийцы. Все нахрапом норовит... Говорил — хочет найти этих... людей. Если их можно так назвать.

Так вот в чем дело! А я-то думал... Мне на мгновение стало стыдно.

— Людей калечат и убивают, — так же жестко говорил эмир дальше. — Пусть — немногих. Ты согласишься, что твоя рука — это немного? И правильно сделаешь. Но мы не в силах положить этому конец. Мы — другие. Нам не понять, как оружием можно убивать. А они, те, кого мы ищем — такие, какие они есть. И, значит, часть из нас должна уподобиться им. Иного пути нет.

— Но это ведь невозможно! — растерянно выдавил я.

— Наши предки были способны на это, если верить легендам. Значит, это возможно. И Эмрах ит-Башшар хочет стать первым...

Дауд Абу-Салим надолго замолчал, и я не решался прервать его молчание. Я и так понимал, кем хочет стать отчаянный Эмрах и зачем ему это нужно. Ах, как я его понимал!..

— Я хочу, чтобы ты стал вторым, — наконец произнес эмир. — Хочу — и не могу приказать тебе. Но иначе при столкновении с Другими ты будешь... обречен.

— Я?! А почему — я?..

— Не перебивай меня! И выслушай до конца. Я допускаю, что Эмрах, побуждаемый местью за друга, действительно научится... — эмир все не мог произнести нужное слово. — И я даже допускаю, что он сумеет найти корень преступлений. Но я хочу, чтобы в этот момент рядом с ит-Башшаром был человек, способный не только на... опрометчивые поступки, но и на понимание. Иначе мы будем гасить огонь огнем. Тем более что у Эмраха наверняка найдутся последователи. Месть — болезнь заразная, вроде чумы...

— Да, заразная, — тихо согласился я. — Хуже чумы.

— Рано или поздно ты сам пришел бы к этому, — кивнул эмир. — Я лишь чуть-чуть подтолкнул тебя. Просто ты — один из немногих, способных устоять на грани. И... ты уже изменился. Разве ты не замечаешь?

— Замечаю, — хрипло проговорил я, не узнав собственного голоса, и откинул правый рукав халата, обнажая обрубок. — Но еще я замечаю и вот это... Не гожусь я теперь в герои. Один, без руки...

— Ты будешь не один. Поисками будут заниматься и другие, помимо Эмраха из Харзы и тебя. А высочайший фирман, обеспечивающий тебе содействие по всему эмирату — и кое-где вне его — я уже заготовил. Теперь что касается твоей руки...

Эмир как-то странно посмотрел на меня.

— Есть человек, которой берется помочь тебе, — закончил он.

Я почувствовал у себя за спиной какое-то движение и быстро обернулся.

Передо мной стоял шут.

Друдл Муздрый.

Плотный коренастый человечек, похожий на пустынного тушканчика, если можно представить себе тушканчика с непоседливостью хорька, нахальством портовой крысы и многими другими сомнительными для тушканчика достоинствами. Восьмиугольная фирузская тюбетейка чудом держалась на его бритом лоснящемся затылке, а многочисленные пятна на куцем шерстяном халате-джуббе говорили об обильных обедах, сопровождавшихся не менее, а то и более обильными возлияниями.

Крохотные глазки шута сверкали двумя черными маслинами, а между ними алела слива вздернутого носа; при этом луна его лица завершалась черной козлиной бородкой, немытой и нечесаной со дня сотворения мира.

Или еще раньше.

Таким стоял передо мной их шутейшество Друдл Муздрый, посмешище всего Кабира.

Со своим дурацким тупым кинжалом за поясом. И вдобавок с детским маленьким ятаганом, который таскал в последнее время.

— Поговори с Высшим Чэном, Друдл, — спокойно заявил эмир. — А я не буду вам мешать.

Дауд Абу-Салим неожиданно легко поднялся на ноги и беззвучно растворился в тенях.

6

Я выжидательно поглядел на шута. Друдл не обратил на мой взгляд ни малейшего внимания и поспешил плюхнуться на ту самую подушку, с которой только что поднялся эмир.

В руках у шута неизвестно откуда оказалось блюдо с ореховой пахлавой, и он мгновенно набил сладостями свой рот, растянувшийся до ушей.

По-моему, столько пахлавы не влезло бы и в седельный хурджин.

— Ты дурак, — Друдл для верности ткнул в меня толстым и липким пальцем. — Спорить будешь?

Я сперва поперхнулся, словно это в мой рот набили гору сластей, потом представил себя спорящим с Друдлом на предложенную тему и сам не заметил, как отрицательно замотал головой — отрицая непонятно что.

— Значит, договорились, — удовлетворенно подытожил шут. — Ты дурак. И я дурак. Давай поговорим, как дурак с дураком. Руку новую хочешь?

— Зло шутишь, Друдл, — вполголоса ответил я, чувствуя, как во мне закипает гнев.

— Это отвечает умный Чэн Анкор, — блюдо с пахлавой пустело прямо на глазах. — А что ответил бы дурак? Давай попробуем еще раз... Руку новую хочешь? Ну?!

— Хочу!

Я даже не успел сообразить, что отвечаю. И впрямь глупею...

Друдл швырнул пустым блюдом в стену и радостно заскакал на подушке, сплющившейся под его увесистым задом.

— Получилось, получилось! — заорал он на все покои, и я испугался, что сейчас сюда сбегутся слуги — спасать эмира от ночных демонов.

Я огляделся — на всякий случай — и пропустил тот момент, когда у Друдла объявилось новое блюдо.

С виноградом. С розовым гератским виноградом.

— Так, продолжим, — шут задумчиво пожевал одну ягодку, плюнул косточками в медную курильницу, не попал и досадливо скривился. — Переходим ко второй части наших дурацких размышлений! А меч ты новый хочешь? Красивый...

— Нет, — твердо отрезал я. — Не хочу.

— Почему? — осведомился шут, лихо объедая кисть винограда. — Была одна железка, будет другая...

Я мрачно усмехнулся.

— Меч — не железка, Друдл. Меч — традиция рода. Меч — продолжение меня самого. Дурак ты все-таки...

— Понятное дело, — легко согласился шут. — Я и не спорю. А ты кончай изображать грозовую тучу — свечи от страха погаснут. Ты лучше вот о чем подумай: меч твой — железный... Да знаю, знаю, что стальной — не умничай! Так вот, меч — железный, рука — живая... меч, как мы выяснили, это продолжение тебя самого... А рука?

— Что — рука? — тупо спросил я.

— Ну, рука — тоже продолжение тебя самого? Ты что, действительно дурак? За моей мыслью следить не успеваешь? Ну, живо отвечай! Рука — продолжение или не продолжение?!

У меня вдруг закружилась голова.

— Продолжение, — промямлил я. — А как же... это ведь рука. Живая...

— Выходит, что у тебя, Чэн-дурак, два продолжения? Одно — железное, а другое — живое?

— Выходит, что так, — обреченно согласился я.

А что мне оставалось делать?

— И одно продолжение — которое живое — тебе укоротили... Так может, нам для равновесия надо другую часть удлинить, а? Железную? Меч — железный, полруки — железные, а дальше — как раньше! И получится у нас...

— Не получится, — угрюмо возразил я, удивляясь, что вообще обсуждаю эту ненормальную идею с ненормальным собеседником. — Ты что, сам не понимаешь — пальцы, ладонь, запястье... Это тебе не просто кусок железа!

— А меч — просто кусок железа? — хитро сощурился Друдл, сдвигая тюбетейку еще дальше на затылок.

— Нет... меч...

— Слыхали, слыхали — продолжение тебя самого! Слушай, Чэн, по-моему, ты сам себе противоречишь! Вот уж воистину — все беды от ума!..

Друдл вскочил на ноги и заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши и корча рожи, которым мог бы позавидовать полуночный людоед-якша.

— А у Чэна-дурака есть железная рука! — пел он противным фальцетом. — Есть железная рука — вот уж штука на века!

— Нет, — твердо заявил я. — Я в это не верю.

— Потому что умный, — сообщил мне пляшущий Друдл. — Был бы дурак — поверил бы. А в меч свой веришь?

— В меч верю.

— Значит, и в руку поверишь. Вот поглупеешь — и поверишь. — Друдл был непреклонен. — Да что я тебя, в конце концов, как маленького уговариваю?! Тебе это нужно или мне? Ты тут радоваться должен...

— Как дурак, — закончил я недосказанную мысль. — Всех дел-то — раз плюнуть. Сходить в кузницу к мастеру получше... Кто у нас из оружейников в Кабире верховодит? Ассатор иль-Убар? Или Мансайя Одноглазый? Сходить и заказать им...

— Нет, — Друдл вдруг стал ужасно серьезным. — Эти откажут. Они умные, а мы с тобой — дураки. Значит, нам кузнец вроде нас нужен...

— И кто же он такой? — поинтересовался я.

— Коблан. Коблан Железнолапый, — веско ответил шут. — Есть на окраине один такой кузнец...

— А почему именно Коблан?

— Он тоже дурак. Как я. И ты.

Глава пятая

1

Если в чем-то Кабир и был единодушен, так это в том, что Коблан Железнолапый — кузнец со странностями. Причем со многими. Мастером-то он считался отменным, и даже, можно сказать, выдающимся — хотя оружие его работы и уступало по изяществу и тонкости внешней отделки изделиям того же Мансайи Одноглазого. Но...

В том-то и беда, что было еще это «но». Мало заказов принимал упрямый Коблан, да и те немногие, на которые соглашался, брал не у всякого — и дело было не в благородстве происхождения или увесистости кошелька заказчика. Насколько я знал от других, кузнец за всю его жизнь ни разу не сделал двух одинаковых или просто похожих клинков. А еще по неизвестным причинам он ужасно не любил узкие мечи вроде эстока моего дворецкого Коса ан-Таньи или того же Единорога; даже редкие в Кабире шпаги, столь популярные у заезжих гостей из далекого Фиона, заслуживали по мнению Коблана участи шампуров для шашлыка.

И то — шашлыка из тощих престарелых баранов. В лучшем случае.

В общем, на оружие, которое ему не нравилось, Коблан заказов не принимал. Даже если такое оружие должно было быть совершенно оригинальным и ни на что не похожим. А когда отвергнутый заказчик упорствовал и назначал двойную или тройную цену — Железнолапый, глядя упрямцу в глаза, скручивал спиралью штыри для городских ворот или звал дюжих подмастерьев, и те бесплатно выносили настойчивого клиента на свежий воздух.

Зато Железнолапый мог две недели кряду возиться с каким-нибудь кривым ножом, заказанным соседом-мясником, а потом взять за работу сущие гроши. Но это в том случае, если нож мяснику был действительно нужен. Причем — позарез.

В этом-то и крылась загвоздка. Оружейник Коблан делал только то, что было необходимо людям. Возможно, оружие, выходившее из-под его рук, выглядело не столь элегантно, как у Ассатора иль-Убара или Ахмета Кованого Ногтя (Мансайю я уже вспоминал), но зато это была именно та вещь, в которой нуждался заказчик.

Удобство и надежность. Главное — надежность. И предельная простота во всем. Ничего лишнего.

Пожалуй, Друдл дал мне и впрямь мудрый совет...

2

Так что на следующее утро после помолвки я стоял перед дверью дома Коблана Железнолапого — коня я отправил обратно вместе с сопровождавшим меня Косом — и не без некоторого волнения настраивался на предстоящий разговор с кузнецом.

Дверь, преграждавшая мне путь, была чрезвычайно большая, тяжелая и окованная полосами металла. Явно работа самого хозяина. Внушительная была дверь. Прочная. И надежная, как любое творение Коблана.

Вот только — зачем? Чтоб отвергнутые заказчики не ломились?

Пока я размышлял и колебался, дверь отворилась на удивление без скрипа, и на пороге возник молодой растрепанный парень в коротких холщовых штанах, просторной рубахе и кожаном фартуке, за которым торчал малый крис — кинжал с волнистым клинком и змеиной головой на рукояти.

Изумительной работы был крис. Не Коблановой ли?..

Подмастерье, похоже, узнал меня. Это не удивительно — в Кабире Чэна Анкора знают многие, и не только понаслышке. Но сейчас эта мысль почему-то не вызвала у меня привычного чувства удовлетворения.

— Проходите, пожалуйста, Высший Чэн Анкор! Я сейчас доложу устаду Коблану. Прошу вас...

Нет, подобострастия не было в голосе лохматого подмастерья, и это неожиданно успокоило меня. Я перешагнул порог, и мы пошли узким темным коридором, после чего подмастерье оставил меня в квадратной комнатушке без окон, все освещение которой составляли два немилосердно чадивших факела.

Мой провожатый удалился — видимо, докладывать кузнецу о моем прибытии, как и было обещано, — а я уселся на обнаруженный в углу единственный (причем почему-то пятиугольный) табурет и принялся ждать.

Кстати, табурет оказался старым, но сколоченным на века. Неужели Коблан от нечего делать балуется плотницким ремеслом? Сомнительно...

Ждать пришлось довольно долго. Коблан, безусловно, не жаловал непрошенных гостей. Хотя, судя по рассказам, он и прошенных жаловал не больше. Чем дольше я сидел, тем жестче становился табурет и тем чаще я вспоминал Друдла, укрепляясь в мысли о собственной дурости. Прав был шут — дурак я и есть, с какой стороны ни глянь.

Я глянул с одной стороны, потом — с другой, с третьей, и это не улучшило мне настроения. Ладно, посмотрим еще, каким окажется этот Коблан. Если Друдл и насчет его не соврал...

Дверь, за которой исчез мой провожатый, открылась, и в проеме вырос почти голый детина в уже знакомом мне кожаном фартуке. Сперва у меня даже мелькнула мысль, что он отобрал этот фартук у подмастерья. Хотя нет — этот все же побольше, и фартук, и детина.

Все тело вошедшего поросло густой жесткой шерстью — ну, не шерстью, и не все, но сперва мне показалось, что все, — и если на голове кое-где поблескивала седина, то в остальных видимых мне местах курчавый волос был безукоризненно черным.

Очень волосатым мужчиной был Коблан Железнолапый, и очень большим. Впрочем, и дверной проем был немалым, так что кузнец (а кто же еще мог стоять передо мной?!) в нем вполне помещался.

— Высший Чэн? — прокашлявшись, хриплым басом осведомился кузнец, и радушия в его голосе было столько же, сколько в рыке попусту разбуженного льва.

Я встал и поклонился, ощутив легкую боль в затекшем позвоночнике.

— А вы, я полагаю, устад Коблан... э-э-э...

Не договорив, я покосился на его руки. Нет, не руки — лапы. И если то, что я видел, не было обманом зрения — кузнец вполне заслуживал своего прозвища. Равно как и звания устада — мастера, имеющего учеников с правом на собственное именное клеймо.

— А то кто же? — хмыкнул Коблан. — Пошли...

И посторонился, пропуская меня вперед.

Спустя несколько минут мы оказались в просторной и довольно светлой комнате, только почему-то практически пустой. Крохотный резной столик на гнутых ножках, ковер на полу, приземистая тахта в углу — и все.

Ах да — на столике медный кувшинчик редкой красоты и две пиалы.

Кузнец молча наполнил пиалы и придвинул одну мне.

— Ну? — выжидательно и весьма неприветливо спросил он, когда я сделал пару вежливых глотков и поставил пиалу на стол.

Вино было не в меру крепким и горьким.

— Отличное вино, — кривя душой, сказал я. — Просто прекрасное.

— Таверна за углом, — отрезал Коблан, опускаясь на

ковер и поджимая под себя мощные волосатые ноги. — Ты что, вино пить ко мне пришел?

Не могу сказать, чтобы начало разговора меня сильно обнадежило. Зато разозлило и вернуло самообладание.

— Дрянь у тебя вино, устад Коблан, — я сел напротив и дерзко ухмыльнулся в лицо кузнецу (вернее, в те островки, что выглядывали из океана бороды). — Напомнишь, я потом распоряжусь, чтоб тебе пару бочек тахирского муската доставили...

Кузнец глянул на меня уже более заинтересованно, а я острее почувствовал, в какое дурацкое положение попадаю.

— Вот, — я закатал правый рукав и показал Коблану обрубок. — Видишь?

— Вижу, — хмуро ответил кузнец. — Не слепой.

— И я вижу, — жестко сказал я. — Так вот, я снова хочу держать меч в этой руке.

— Как ты это себе представляешь? — осведомился кузнец после недолгого раздумья.

— Плохо представляю, — честно признался я. — Что-то вроде железной руки...

И осекся.

Кузнец окинул меня внимательным взглядом с головы до ног.

— Ты дурак? — поинтересовался он.

— Да, — неожиданно для себя самого подтвердил я.

— Похоже, — согласился Коблан. — И кто тебе такое присоветовал?

— Да так, — уклончиво ответил я. — Еще один дурак...

Кузнец сделал изрядный глоток из своей пиалы, встал и прошелся по комнате. Я почувствовал, что в горле у меня пересохло, и тоже поспешил поднести к губам пиалу. За прошедшее время Кобланово вино лучше не стало. Даже наоборот.

— Небось, Друдл? — внезапно спросил Коблан, останавливаясь прямо передо мной.

— Он самый, — выдавил я, подавившись вином.

Кузнец удовлетворенно хмыкнул и опять принялся мерять шагами комнату.

— Друдл, Друдл, Друдл Муздрый, — бурчал он в такт ходьбе. — Друдл... Самый злой язык Кабира. И про меня, небось, говорил, что я — дурак... Говорил или нет?

Я замялся. Сказать правду — обидится кузнец. Соврать — так все равно выплывет, рано или поздно. И вообще, не люблю я врать. Не люблю и не умею.

Я уже открыл было рот, чтобы сказать «да», но вместо этого просто кивнул.

Кузнец остановился посреди комнаты, немного подумал о чем-то своем; потом, видимо, пришел к какому-то определенному выводу и вернулся к столу.

— Если б соврал — выгнал бы я тебя, — доверительно сообщил мне Железнолапый. — В шею. А так — давай поговорим...

3

...В кузнице было очень жарко. В углу пылал горн, бросая во все стороны горячие красные отсветы. Другими источниками света служили: небольшое оконце под потолком и несколько горевших на стенах факелов. Двое подмастерьев усердно звенели большим и малым молотами, придавая замысловатую форму раскаленной, пышущей жаром полосе металла — видимо, гарде будущего меча.

Третий подмастерье орудовал мехами, раздувая горн — который и без того, на мой непросвещенный взгляд, горел достаточно хорошо.

По стенам на вбитых крюках были развешаны в образцовом порядке молоты, молотки, молоточки, зубила, клещи, щипцы и еще превеликое множество всяких инструментов, названия которых я не знал.

Пахло огнем (если огонь имеет запах), раскаленным железом и еще чем-то непонятным, но приятно возбуждающим.

Пока я с интересом осматривал кузницу, Коблан сделал мне нетерпеливый знак рукой, приглашая следовать за собой.

В противоположной от входа стене кузницы, в трех шагах от горна, обнаружилась еще одна, не замеченная мной ранее дверь. Кузнец открыл ее и, пригнувшись, чтоб не снести головой притолоку, вошел.

Я протиснулся следом.

Это было какое-то подсобное помещение, но мне на ум сразу пришли два слова: царство металла.

Здесь действительно простиралось царство металла. Чего тут только не было: просто полосы, бруски и листы стали, бронзы, меди и разных сплавов: старые и новые инструменты, целое и сломанное оружие, кухонная утварь, цепи, части оград... Все это изобилие было на удивление аккуратно рассортировано и разложено, так что рачительный хозяин наверняка мог без труда отыскать понадобившуюся вещь.

Коблан оглядел свой склад, неожиданно быстро запустил лапищу в ближайшую кучу железа и с грохотом выудил оттуда некий странный предмет — металлический цилиндр толщиной примерно с предплечье и длиной ладони в полторы, с двумя отверстиями — на торце и сбоку.

Для чего эта штука предназначалась и чему служила раньше — было абсолютно не ясно.

Похоже, кузнецу это тоже было не совсем ясно. Он повертел находку в своих поистине «железных» лапах, потом искоса посмотрел на меня.

— Может, лучше не руку? — с некоторой надеждой осведомился Коблан. — Может, что-то вроде... вроде этого? Будешь к предплечью пристегивать, в дырку меч вставлять — я тебе рукоять переделаю... Бесплатно. И быстро освоишься. А рука — дурость ведь сложная, и мороки с ней...

Я прекрасно понимал, что Коблан прав. И не исключено, что я и впрямь научусь работать Единорогом, закрепленным в этой штуке — я уже мысленно видел железный держатель, из которого хищно высовывается клинок Единорога, я уже продумывал некоторые изменения в сочетаниях выпадов и перемещений, я...

Ну что, шут Друдл Муздрый, кто из нас дурак?

Оба.

Оба дураки.

— Нет, мастер, — упрямо заявил я. — Засунь эту штуку... обратно в кучу. А мне рука нужна. Первосортная. Не хуже, чем мать с отцом сделали. Чтоб пальцы... и все такое.

Кузнец тяжело вздохнул, пробормотал что-то вроде: «И откуда он взялся на мою голову?!» — но отложил цилиндр в сторону и продолжил поиски.

Некоторое время он рылся в своих завалах, производя шума никак не меньше, чем лавина в горах Сафед-Кух, потом вдруг выпрямился и звонко хлопнул себя ладонью по лбу, оставив над бровями грязный отпечаток.

После сего странного ритуала, видимо, означавшего некоторое прояснение мыслей, Коблан шагнул в угол и склонился над пыльным массивным сундуком, которого я поначалу не заметил.

Железнолапый, как пушинку, поднял крышку — которая весила примерно столько же, сколько и я — зажег стоявшую рядом на полке свечу, спрятал кресало и принялся извлекать из сундука разные предметы совершенно непонятного предназначения.

Изящно выгнутые металлические желоба, отполированные до блеска или покрытые вытравленными узорами и зо-

лотыми накладками; чашки без ручек, зато с креплениями по бокам; плетения из стальных колец и тонкие пластины, больше всего напоминающие части верхней одежды...

Но — одежды из металла?!

Зачем?..

— Что это? — не удержавшись, спросил я у Коблана.

— Да сам толком не знаю, — искренне признался взмокший кузнец. — Еще от прадеда моего осталось. И ему — тоже по наследству перешло. Прадед говорил: эти штуки «доспехами» называются. Дескать, в старину люди их на себя надевали. Были вроде как любители этакую тяжесть на себе таскать...

Я подошел поближе и пригляделся к извлеченным из сундука «доспехам». Действительно, на многих металлических частях имелись кожаные подкладки или войлочный подбив, а также многочисленные ремешки и застежки, которыми все это, по-видимому, крепилось к телу.

Подняв выгнутый вороненый щиток, я приложил его к своей культе. Если бы кисть была на месте, щиток пришелся бы как раз впору.

«Вот если бы тогда, на турнире, была бы на мне такая штука — еще неизвестно, остался ли я тогда без руки!» — мелькнула у меня шальная мысль, и я уже совсем по-иному взглянул на эту груду железа.

Кажется, я начал понимать, зачем «доспехи» надевали на себя. Только что ж это тогда выходит?! Получается, что предки все время, при каждой Беседе, боялись остаться без руки, ноги или головы? Оружием плохо владели — или не доверяли со-Беседнику?!

Я вспомнил танец Кемаля аль-Монсора и Масако Тодзи. Одень их в доспехи, заставь бояться друг друга — что получится?!

Да ничего не получится...

— А теперь — смотри сюда, — прервал мои размышления Коблан.

Я поднял голову — и увидел.

Передо мной была железная рука.

Моя будущая рука.

4

Конечно, это была не рука. Это была перчатка, искусно сплетенная из мелких стальных колец, с пластинами на тыльной стороне. Пока я рассматривал перчатку, Коблан

успел сложить доспехи в сундук, захлопнуть крышку и разыскать в очередной груде металлического хлама несколько гнутых штырей, которые засунул в большой карман своего кожаного фартука.

— Однако, с недельку повозиться придется, — объявил кузнец уже вполне по-деловому. — Завтра и приступим. Это время поживешь у меня, а после — увидим.

— У тебя? — удивился я. — Зачем? То есть, конечно, спасибо за приглашение, но...

— Вот и договорились, — перебил меня Коблан. — Ты же присутствовал при своем рождении? Ну, отвечай — присутствовал?!

И сам вопрос, и манера, с которой он был задан, сразу воскресили в моей памяти Друдла Муздрого. Я даже ощутил во рту вкус ореховой пахлавы... к чему бы это?

— Присутствовал, — покорно согласился я. — Каюсь...

— Вот и при рождении новой руки тоже должен присутствовать! Чтобы быть к этому причастным. Иначе... иначе она просто не станет тебя слушаться.

Похоже, Друдл был прав не только насчет меня, но и насчет Коблана. Оставалось надеяться, что два дурака все же сумеют найти общий язык.

И я согласно кивнул.

5

Итак, я временно переселился в примыкавший к кузнице дом Коблана Железнолапого, что стоял на окраине Кабира. Перебрался я сюда как-то легко и сразу — заехал к себе, предупредил ан-Танью, что я неделю или больше буду жить у кузнеца, и отправил вперед слуг со сменой одежды и несколькими бутылями тахирского муската — рука рукой, а свое вино пусть Коблан и пьет сам.

Так что ужинал я уже у Коблана. Семьи у кузнеца не было, а подмастерья ели молча, лишь изредка перебрасываясь самыми обыденными словами. Потом я встал, поблагодарил хозяина за ужин — действительно, сытный и вкусный — и прошел в отведенную мне комнату. Небольшую, правда, зато чистую и уютную.

Кровать, как и все в этом доме, не отличалась изяществом и была жестковатой, зато сколоченной на совесть. Отсутствие перин меня не смутило, и заснул я быстро — завтра предстоял большой день.

...Разбудил меня наутро сам хозяин дома.

— Вставай, Чэн! Пора за работу... — прогудел его голос у меня над ухом, и я проснулся. Проснулся и выяснил две вещи. Во-первых, говорил Коблан, стоя в дверях — а казалось, что над самым ухом. Во-вторых, кузнец уже успел приготовить для меня одежду подмастерья: холщовые штаны, просторную рубаху и кожаный фартук с огромным карманом на животе.

Я был весьма благодарен мастеру, потому что сразу понял, как нелепо буду смотреться в кузнице в своей шелковой кабе — как павлин в конюшне, — да и за сохранность моего щегольского наряда никто бы не поручился.

«Ну, что, Чэн-дурак, думал ли ты когда-нибудь, что будешь носить одежду подмастерья? — спросил я себя, беря в левую руку ножны с Единорогом и раздумывая над тем, куда бы их прицепить за неимением пояса. — Но, с другой стороны, — думал ли ты, что лишишься руки, согласишься с шутом и, признавшись в собственной дурости, явишься к Коблану Железнолапому заказывать себе железную руку взамен отрубленной?»

Нет. Не думал. Никогда ни о чем подобном я не думал. И меч в моей руке словно стал втрое тяжелее, оттягивая кисть — но почему-то не к земле, а чуть вперед, будто пытаясь увлечь за собой.

Куда? В кузницу? Ну что ж, пошли... хватит думы думать.

«И правильно! — неожиданно подтвердил внутри меня чей-то голос, похоже, принадлежавший Друдлу Муздрому. — Дуракам много думать вредно — так и поумнеть недолго!»

Я внял дельному совету, опустил меч на смятую постель и принялся одеваться. К счастью, одежда была не в пример проще той, к которой я привык, так что я управился с ней и одной рукой. Потом я снова взял Единорога — и заколебался.

Ну зачем он мне нужен в кузнице? Буду, как дурак... а без меча, значит, буду умный?

— Бери-бери, — посоветовал от порога молчаливо ожидавший Коблан. — Пускай тоже поприсутствует... чай, не чужой.

Я с недоумением посмотрел на кузнеца, а потом махнул рукой (той, укороченной) — мы, дураки, народ странный, даже друг друга не всегда понимаем...

6

Моя будущая рука лежала рядом с наковальней на старом потертом табурете — кажется, это на нем я сидел вчера, дожидаясь появления Коблана. Вокруг табурета были

расставлены маленькие колышки на круглых блюдцах-основаниях, между ними натянуты веревки с множеством узлов и обрывков пергамента, напоминавших бумажные деньги для поминовения усопших предков; а по углам табурета горели четыре тоненькие свечи черного воска и плошка с маслом, где плавал крученый фитилек. Вот где пригодились пять углов!..

Несколько раз раньше мне доводилось присутствовать в кузнице при ритуале рождения клинка — правда, в самом конце этого ритуала, и недолго, — но там все было по-другому. Да и то сказать, клинок ведь — не рука... и кузнецы там нормальные были, и заказчики...

Я повесил Единорога на один из свободных крюков, споткнувшись и отбив себе большой палец ноги о лежавший у стены двуручный гердан — тяжелую шипастую палицу с головой, подобной гигантскому кокосовому ореху. Судя по размерам гердана, орудовать им мог один лишь Железнолапый, и то сперва хорошенько хлебнув своего любимого вина.

В горне уже калились те самые штыри, которые Коблан вчера выкопал в своем «царстве металла». Я надеялся вскоре выяснить, что кузнец собирается с ними делать.

— Пока стой и смотри, — неприветливо распорядился Коблан. — Или можешь присесть. Если найдешь куда. Нет, лучше все-таки стой...

И тут же, напрочь забыв обо мне, он сунулся к горну, чуть не влез внутрь и немедленно обругал ленивого — на его взгляд — подмастерья за то, что тот слабо раздувал огонь. Меха зашумели более ретиво, Коблан хмыкнул, подкинул в горн угля, поворошил кочергой и еще раз обругал подмастерья — по-моему, просто так, на всякий случай.

Потом подошел к наковальне, некоторое время наблюдал за действиями двух других своих помощников (те колдовали над какими-то обрезками), слегка скривился, но ничего не сказал — дал им закончить и положить заготовку в горн.

После чего сказал им все — и очень подробно, с красочными отступлениями.

Отведя душу, мастер сам взялся за дело: с неожиданной для его телосложения резвостью ухватил длинные щипцы, стоявшие рядом с горном, запустил их в печь и ловко выудил один из штырей, раскалившихся докрасна.

Через мгновение штырь оказался на наковальне и кузнец, придерживая его совсем другими щипцами (и когда он успел их сменить?!), принялся методично постукивать средней величины молотком, придавая заготовке неведомую мне пока форму.

Когда металл начал тускнеть, остывая, Коблан сунул заготовку обратно в горн и выдернул вместо нее другую.

Это повторялось пять раз, после чего мастер выбрал себе молоточек из самых маленьких — в его лапах этот миниатюрный инструмент смотрелся смешно и неуместно, — подозвал к себе того подмастерья, из-за фартука которого торчала уже знакомая мне змеиная головка волнистого криса, а потом уставился в мою сторону, словно только что обнаружив мое присутствие.

— А ты чего стоишь? — крикнул он с негодованием. — Ну-ка, бери клещи и давай!..

И я, Чэн из Анкоров Вэйских, наследный ван Мэйланя, почувствовал себя лентяем-подмастерьем, отлынивающим от работы и пойманным на этом мастером.

Я поспешно вскочил, схватил левой рукой клещи, протянутые мне одним из подмастерьев, и с третьей попытки неловко уцепил ими заготовку, помогая себе обрубком.

— Ближе, дубина, ближе к себе перехвати, — почти добродушно проворчал Железнолапый, и я послушно перехватил, чуть не уронив себе на ногу раскаленную заготовку.

— А теперь держи крепче, — Коблан поглядел на мои неумелые попытки, пожевал губами, словно собираясь и меня обругать для пущей убедительности, но промолчал — видимо, счел меня недостойным.

И они вдвоем с подмастерьем загуляли молотами по заготовке: Коблан — маленьким молоточком, а подмастерье — здоровенной кувалдой, опуская ее точно в тех местах, где указывал мастер.

Ну а я держал. Заготовка, как живая, рвалась из клещей, сами клещи отчаянно вибрировали — но я держал, до боли закусив нижнюю губу, не ощущая онемевших пальцев (и тех, что у меня были, и тех, которых не было), пока Коблан не перехватил у меня потускневший штырь кривыми щипцами и не сунул его обратно в горн, вынув вместо него другой.

И все повторилось сначала. Я держал, они били. Они — били, я держал.

И так — пять раз.

Пять раз. Пять мучительных вечностей, пять железных штырей, пять пальцев в руке...

Пять.

Пальцев.

Пять...

Пальцев.

Пять...

Понимание обожгло меня, как пламя горна — заготовку, я чуть было не закричал...

Но тут все закончилось.

И Коблан Железнолапый, мастер со странностями, объявил, что нам пора обедать.

Ему и всяким бездельникам и лентяям, имена которых он и произносить-то отказывается на голодный желудок.

7

То ли я проголодался, как никогда, то ли еще что, но обед у Коблана оказался ничуть не хуже, чем у меня — отменный плов по-дубански с желтым горохом, баранья густая похлебка-пити с острыми пахучими приправами и алычой, свежие фрукты, два сорта вина...

Первый сорт — Кобланова отрава; и второй — мой мускат из солнечного Тахира, который, кроме меня, почему-то никто не пил.

— Угощайся, устад, — я пододвинул оплетенную бутыль Коблану.

— Это в кузне я — устад, — Железнолапый с сомнением оглядел бутыль, опасливо поднес ее к губам и почти сразу же поставил на стол. — А за столом я — Коблан, и ты познатнее меня будешь. Хоть и молодец ты, — неожиданно признался кузнец, и я замер с набитым ртом. — Не всякий Высший, да к тому же однорукий, вот так сразу клещи схватит и к наковальне встанет. Не ожидал...

— И зря, — улыбнулся я. — Что с дурака взять?

Коблан ошарашенно вытаращился на меня, увидел, что я улыбаюсь — и вдруг оглушительно захохотал. Я не удержался и расхохотался вслед за кузнецом. Подмастерья, сидевшие в конце стола, робко захихикали, но их робость вскоре прошла...

Вот так мы сидели и смеялись — и угнетающее напряжение последних двух с лишним месяцев, минувших с того проклятого дня, постепенно отпускало меня. Я чувствовал себя прежним, чувствовал, что снова становлюсь самим собой — веселым Чэном, душой общества, легкомысленным и легковерным; таким, каким был...

Нет, не таким. Я обманывал сам себя и не мог обмануть до конца — значит, я уже был другим. Прав эмир Дауд. Многое во мне изменилось, и не только снаружи... Вот такие-то дела, Чэн-подмастерье!

Я пододвинул к себе бутыль с мускатом и чуть не оп-

рокинул ее — до того легкой она оказалась. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что бутыль практически пуста. Я с уважением покосился на увлеченно жующего Коблана.

Теперь понятно, почему он пьет только свое вино. А я-то ему всего пару бочек тогда предложил, глупец...

8

Дни сменяли друг друга, полыхал горн, висел в углу кузницы над шипастым Коблановым герданом мой Единорог, сам Коблан с подмастерьями громыхали молотами, я в меру сил помогал им — держал клещами заготовки, крутил ножной привод шлифовального круга, иногда брал в уцелевшую руку уже почти готовые фаланги стальных «пальцев», теплые после шлифовки — и надолго зажимал их в кулаке или по совету Коблана прикладывал их к рукояти своего меча.

У меня больше не возникало сомнений, нужно ли это. Понимал — нужно.

Металлическая рука рождалась у меня на глазах. С ювелирной точностью кузнец подгонял шарнирные сочленения, необходимые для будущих пальцев и запястья, и я только диву давался — как одинаково аккуратно он мог работать кувалдой и легким молоточком.

Это действительно был — Мастер.

И все это время древняя перчатка, сплетенная из стальных колец с пластинами, лежала на табурете, окруженном веревочными заграждениями; и ровно горели четыре тонкие свечи и одна плошка.

Перчатка ждала. Ждала своего часа.

И дождалась.

...Коблан извлек из горна уже готовую, закаленную и отпущенную, пышущую жаром «руку» и бережно опустил ее — нет, не в воду.

В масло.

С шипением «рука» окунулась в эту купель; поднялось облако густого, резко пахнущего пара. И когда «рука» вышла наружу — она тускло поблескивала, и капли горячего масла стекали с нее, как капли... капли крови!

Скелет.

Рука без кожи.

Мне стало зябко. В кузнице, у пылающего горна.

Мы с Кобланом встали с двух сторон над перчаткой, кольчатой кожей, отражавшей колеблющийся огонь свечей. Мы сто-

яли друг напротив друга: он — с сочащейся маслом железной «рукой» в своих «железных» лапах, я — с обнаженным Единорогом в левой, заметно окрепшей за последнее время руке.

Потом Коблан протянул вперед металлический скелет руки, я перехватил меч за клинок — и блестящие пальцы коснулись рукояти протянутого мной Единорога. Мастер придержал меч второй рукой, и моя собственная ладонь легла сверху, смыкая искусственные пальцы на рукояти меча.

Капли масла срывались вниз и тяжело шлепались на ожидавшую своей очереди перчатку.

Было тихо, только гудело пламя в горне. Подмастерья встали за нашими спинами, касаясь узловатых веревок; подмастерья были такие же молчаливо-торжественные и серьезные, как и мы.

И раздался голос Коблана Железнолапого, странного кузнеца — словно еще одно пламя гудело в новом горне...

— Клянусь я днем начала мира, клянусь я днем его конца,
Клянусь я памятью Мунира, божественного кузнеца,
Клянусь землей и синим небом, клянусь водой и теплым хлебом,
Клянусь я непроизнесенным, последним именем Творца,
Клянусь...

...Коблан еще говорил, но я плохо разбирал — что именно, а когда эхо его голоса затихло под сводами кузницы, я с трудом разжал металлические пальцы и вернул меч на его крюк. Затем мы с Кобланом одновременно коснулись кольчатой перчатки, слегка продлив касание, и кузнец бережно извлек перчатку из четырехугольника свечей — погасив по дороге плошку.

Начиналась последняя стадия. Я уже знал, что мало натянуть перчатку, как кожу на скелет, — пальцы и кожа должны стать неразделимым целым.

И снова стучал молот, горел горн, плевался красными искрами раскаленный металл, шипело масло, горели свечи — на этот раз уже вокруг наковальни. Я видел, что Коблану неудобно работать, все время опасаясь задеть и сбить свечу; но я понимал — надо...

Наконец моя будущая рука — окончательно готовая, отполированная и соединенная с крепежными ремешками и застежками — снова легла на рукоять Единорога.

Теперь ритуальные свечи были длинными, толстыми и белыми — их должно было хватить на всю ночь. Мой узкий и прямой меч лежал на алтаре-наковальне в объятиях стальных пальцев, а над ним — точнее, над сжимавшей рукоять искусственной рукой — висел на цепи шипастый гердан Коблана.

Так было надо.

И еще надо было, чтоб мы тихо вышли, плотно закрыв за собой дверь...

9

...Кузнец подтянул последний ремешок, застегнул пряжку — и я поднял к глазам свою новую руку.

Она была очень похожа на настоящую, только одетую в железную перчатку. И ее тяжесть непривычно оттягивала мне предплечье. Новая рука сидела прочно, удобно, не соскальзывала и не жала.

И вот тут мне захотелось немедленно вернуться домой, взять наследственный нож-кусунгобу и сделать то, на что я не решился в самом начале.

Я отчетливо представил себе, как выйду в толчею дневного Кабира, от которой я отвык, найду маленькую Чин и скажу ей:

— Здравствуй, Чин! Смотри, какая у меня есть новая замечательная рука! Хочешь такую же?..

Я даже не пытался сжать пальцы. Это были не мои пальцы. Это были вообще не пальцы.

Мертвый металл.

Мертвый.

Железная рука бессмысленным грузом висела на моей культе.

Во имя Восьмого ада Хракуташа, на что я надеялся?!

На чудо?..

Здравствуй, Чин... хочешь новую руку? Я теперь мастер, я вам всем могу сделать новые руки — и тебе, и Фальгриму, и эмиру Дауду, и милому проказнику Друдлу...

Хотите?!

— Обедать пошли, — как ни в чем не бывало буркнул кузнец, и мне захотелось изо всех сил ударить его по лицу.

Мертвой рукой.

Желание было острым и обжигающим, как только что закипевшая похлебка-пити.

— Пошли, пошли, — равнодушно повторил Коблан и уже от дверей добавил: — Домой чтоб и не думал возвращаться... Пошлешь за новой одеждой и вином. И вот что... почаще клади *ее* на рукоять меча. Понял?

Я уронил руку и услышал долгий и чистый звон.

Оказывается, я задел наковальню.

Глава шестая

1

...Где я? Зачем? Что это?!

Нет!!! Нет...

Я проснулся в холодном поту и сел на кровати. Я еще не вполне отличал кошмар от яви, и потому поспешно зажег свечу и уставился на проклятую железную руку. Она была на месте, и пальцы ее, как обычно, были холодны и неподвижны — как и полагается металлическим штырям, закрепленным в хорошо смазанных шарнирах и обтянутым кольчужной перчаткой...

Стоп! Ведь вчера вечером я, кажется, снял ненавистную руку... Точно, снял. А теперь она снова на мне. Как присосавшийся к живой плоти огромный паук. Как же так? Я ведь помню...

Или не помню?

С вечера я опять сильно напился... да, напился, поскольку теперь мне это удается без труда. Я хочу напиться — я пью — я напиваюсь. Вот так-то. Только вина мне для этого нужно все больше и больше... Даже Коблановой отравы.

Итак, я напился, и меня до сих пор покачивает, и голова гудит, и язык во рту сухой и шершавый, как наждак, и хочется пить... пить... ох, как пить хочется!..

На столе — кувшин. Что в нем? Не знаю. Не помню.

Я с трудом встаю с кровати, на негнущихся ногах делаю два-три шага к столу и тяжело наваливаюсь на него всем телом. Стол — крепкий. Он выдержит.

Выдержу ли я?

Стою так некоторое время. Голова по-прежнему кружится. Мне плохо. Мне очень плохо.

Очень плохо мне!

И не только от вина...

Пробую моргать. Получается, но как-то не так, как раньше.

Пробую поднять кувшин. Получается, но с трудом.

Пробую содержимое кувшина. Не упасть бы...

Только бы не вино!

Вода!..

Холодная и чистая.

Я пью, пью, пью — я очень долго пью — а потом выливаю часть благословенной влаги себе на голову. И стою мокрый, выяснив, что заснул, не раздеваясь...

Оставляю немного воды про запас — скоро я обязательно снова захочу пить.

Полегчало.

Немного.

Я отталкиваюсь от стола и валюсь на кровать, чудом не промахнувшись. Подушку — повыше. Вот так. Голове должно быть удобно кружиться — иначе она обижается и начинает куда-то падать...

Итак, на чем мы остановились?

Вчера я напился. В очередной раз. Все заволокло хмельным туманом, и в какой-то миг мне показалось, что я смогу наконец сжать пальцы своей железной руки — и, как последний идиот, я принялся колотить этой рукой в стену, пытаясь заставить упрямые пальцы сжаться в кулак.

Боль от ударов тупо отдавалась в культе, а я все уговаривал себя, что это болят костяшки несуществующих пальцев... нет, это болят мои железные пальцы, безвольно врезаясь в стену и выбивая из нее куски штукатурки...

Я чуть было действительно не поверил в свой пьяный бред. Протрезвев на мгновенье, я со страхом и надеждой взглянул на...

Увы, меня ждало горькое разочарование. Просто от ударов о стену пальцы немного согнулись — и в этом не было ничего удивительного.

А я-то вообразил...

«Кажется, я начинаю сходить с ума», — подумал я тогда. И это была не первая мысль подобного рода.

А потом хмель обрушился на меня с новой силой, и ярость вернулась вместе с ним — но не та, чуть ли не веселая ярость, когда я повторял про себя — могу, могу!.. нет, другая, злая и черная ярость овладела мной, — и я сорвал проклятую железку, бросил на пол и долго, с остервенением, пинал ногами, больно ушибая пальцы босых ног — и после лежал и плакал, плакал навзрыд, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку...

И сам не заметил, как уснул.

Меня мучили кошмары. В них стальная рука оживала и начинала тянуться к моему горлу; я боролся с ней, но силы были неравны — перепуганный калека против взбесившейся стали, одержимой манией убийства, — и холодные пальцы сжимались у меня на шее, разрывая кожу кольчужными кольцами, все глубже погружаясь в тело, прерывая дыхание...

Я проснулся, когда дышать стало уже совсем нечем, и понял, что умираю.

И проснулся еще раз.

...Что это было? Пляска винных духов? Но тогда почему

рука снова на месте? Вот из-за чего мне снились кошмары — это она мстила мне, на мою ненависть она отвечала своей, нечеловеческой! Она сама вернулась ко мне... сама...

Это бред. Это действительно бред — только теперь похмельный. Так и впрямь недолго свихнуться... Это же просто кусок металла! Как он может ненавидеть и мстить, как он может вернуться?! Все гораздо проще — пока я спал, зашел Коблан или кто-то из его подмастерьев и пристегнул валявшуюся руку на место.

Скоты! Жалкие, возомнившие о себе скоты! — и громила-кузнец с его недоумками-учениками, и придурок-шут, всласть поиздевавшийся надо мной — он, видите ли, в свите великого эмира и ему поэтому все дозволено!

Чертов дурак! Заманил в ловушку...

А я, я сам, поверивший шуту — я не дурак? Дурак. Дурак и есть. Ду-рак, ду-рак, ду-рак...

Нет уж, отныне я поумнел. Пусть Друдл Коблану свои сказки рассказывает.

Голова раскалывалась, но уже почти не кружилась. Я понял, что заснуть мне не удастся. Встал с кровати. Подошел к столу и опустился на весьма кстати подвернувшийся стул. Сделал пару глотков из кувшина. Опять полегчало, но ненадолго.

Я тупо обвел взглядом комнату, мельком отметив штукатурку на полу; завершив осмотр, остановил взгляд на столе и обнаружил на нем Единорога без ножен.

Только ты, дружище, у меня и остался... Все остальные предали однорукого Чэна — и задира Фальгрим, и эмир Дауд, и злой шутник Друдл Муздрый, и угрюмый Коблан, и Чин Черный Лебедь, и даже мой дворецкий Кос ан-Танья — который, как я думал раньше, в принципе не способен на предательство... как и Чин, как и Фальгрим, как и угрюмый кузнец Коблан...

Железная перчатка помимо моей воли легла на рукоять Единорога. Приучили все-таки, гады!

Ну и ладно. Пусть...

И все же я не понимаю — зачем?

Зачем им это нужно?..

2

...Вначале все шло более или менее нормально. Насколько нормальной может быть жизнь однорукого калеки с мертвой железкой на культе; жизнь в чужом доме; жизнь, которую и жизнью-то назвать трудно.

Так — существование.

Но тем не менее, ничем особенным мое существование в доме Коблана поначалу отмечено не было.

Мне было все равно. Я равнодушно клал ладонь железной руки на рукоять Единорога, ничего при этом не ощущая, кроме смутного раздражения. Иногда я забывал это делать — и тогда мне вежливо напоминали. Я согласно кивал, вновь неловко пристраивал мертвые пальцы на рукояти меча и шел дальше. Или продолжал стоять. Или сидеть. Или лежать.

Чаще — лежать.

Я лежал, и мыслей не было, и чувств тоже почти не было — но что-то все же во мне оставалось, потому что все чаще я думал об оставшемся дома ноже для одного-единственного ритуала.

О пропуске на ту сторону.

«Кусунгобу лежит на пороге двери, ведущей в рай».

Где это я слышал? Или читал?

Не помню.

Мне было плохо. Может быть, в раю будет лучше?..

3

В тот день я, наконец, решился. Не с самого утра — уже ближе к вечеру.

Я нашел Коблана в кузнице, деликатно тронул его за плечо левой рукой, и, когда кузнец обернулся, без всякого выражения сказал:

— Мне пора, Коблан. Я возвращаюсь домой.

И пошел к выходу.

Кузнец неожиданно оказался передо мной, загораживая путь. Он был вежлив, но настойчив. И почему-то старался не смотреть мне в глаза.

Потом я понял — почему. Но потом было поздно.

А тогда было еще не поздно. Но я этого не знал. Я согласился, что на улице уже в самом деле темно, и дом мой неблизко, и лошади у меня под рукой нет, и...

Я согласился, что и впрямь могу подождать до утра, проведя еще одну ночь в доме Коблана.

Это ничего не меняло — я ведь уже *решил*.

Спал я спокойно — как человек, сделавший свой выбор.

С рассветом я встал, кое-как облачился в свою привычную одежду — сидела она не так, как следовало, но это не имело никакого значения, — прицепил к поясу ножны с Единорогом и направился к двери.

К двери моей комнаты.

А дверь оказалась заперта.

Еще не понимая, что происходит, я начал стучать — сначала здоровой рукой, а потом — железным придатком. Долго никто не появлялся. Наконец за дверью послышались неторопливые грузные шаги хозяина дома. Шаги остановились перед дверью, но открывать Коблан явно не торопился.

— И чего тебе не спится в такую рань? — сонно пробормотал он.

— Это мое дело. Мне пора домой, — потребовал я. — Открывай!

Некоторое время Коблан молчал.

— Не-а, не открою, — сообщил он после долгого раздумья. — А то ты и впрямь домой пойдешь.

— Вот именно! Открой немедленно! — во мне постепенно начинало закипать раздражение. — Я должен вернуться домой!

— Ничего ты не должен, — зевая, возразил из-за двери кузнец. — А если и должен — то мне. Во-первых, должен у меня в доме жить — это раз. Во-вторых, за руку твою железную да за работу мою тяжкую — это два будет. Так что сиди тихо и не буди меня.

— Сколько я тебе должен? — как можно более ядовито поинтересовался я. — За руку бесполезную? Сколько, кузнец? Устад! — в последнее слово я вложил уже откровенное презрение.

Но Коблан не обиделся и не открыл дверь, как я рассчитывал.

— Вот когда польза от руки появится — тогда и поговорим, сколько кто и кому должен, — отозвался он по-прежнему равнодушно. — А дома у тебя Иблиса-с-два от руки польза будет. И тогда мне моих денежек не видать. Так что кончай орать и иди упражняйся. Вот как сожмешь железные пальцы — выпущу и плату соглашусь взять. А до того — сиди. Кормить буду, поить буду. Отхожее место сам знаешь где — и не мешает, и под боком, и не сбежишь...

Действительно, оное место находилось в глухом дворике, куда был выход прямо из моей комнаты. Сам дворик был обнесен глинобитным глухим дувалом в три моих роста, и сбежать оттуда можно было лишь через... в общем, никак.

— Так что чем быстрее меч в новую руку возьмешь — тем быстрее домой вернешься, — философски закончил Коблан, и его шаги удалились с прежней неторопливой весомостью.

Поначалу я не поверил собственным ушам. Меня, Вы-

сшего Чэна Анкора, одного из наиболее известных и знатных граждан Кабира да и вообще эмирата — *меня* запер у себя в доме свихнувшийся кузнец?!

...Впрочем, в этот факт вскоре пришлось поверить. Через час двое подмастерьев принесли мне завтрак. Едва заслышав звук отодвигаемого внешнего засова, я поспешно поднялся со своей кровати, на которой пребывал в полном унынии — но подмастерья спешно опустили на пол у порога поднос с едой и успели скрыться за дверью, прежде чем я пересек комнату. Лязгнул засов, я от злости пнул ногой безвинный поднос и в бессильном возмущении замолотил в дверь руками.

После железной руки на двери оставались уродливые царапины — но не более...

4

Поначалу я пытался уговорить Коблана, ежедневно заходившего ко мне в комнату. Кузнец внимательно выслушивал все мои гневные тирады, а затем садился к столу и начинал вещать нечто туманное, наводящее на мысли о том, что Коблан действительно малость тронулся, а теперь пытается заодно свести с ума и меня.

Я плохо слушал его, поскольку голова моя была занята совсем другим. Тем не менее, надоедливый и навязчивый, как жужжание мухи — только очень большой мухи! — голос Коблана все же проникал в мое сознание, и я помимо воли отмечал, что кузнец говорит что-то о «живой стали», о духовной связи человека с его оружием и о том, что если очень захотеть, если поверить...

Я не знаю, было ли это отрывками из древних трактатов, изложением старинных легенд или бреднями самого Коблана — но только после каждой такой «беседы» кузнец брал мою мертвую руку своей лапой и сжимал металлические пальцы на рукояти моего Единорога.

Надо сказать, что разжать их потом левой рукой мне всякий раз стоило немалых усилий.

Кузнец уходил, тщательно запирая за собой дверь, а я вновь оставался один, и мысли мои путались, в голове роились странные, дикие образы, и временами я начинал думать, что кузнец в чем-то прав, и я даже пытался — честно пытался! — сомкнуть холодные пальцы... и, естественно, у меня ничего не получалось.

Верю? Не верю?

Все было намного проще. Пальцы, вне зависимости от

моих веры и неверия просто не могли сжаться — мертвые, бессмысленные куски железа...

5

...На пятый день мне в голову пришла чудовищная, но вместе с тем совершенно очевидная мысль. Вернее, даже две чудовищных, но оттого вдвойне очевидных мысли.

Во-первых, я обратил внимание, что довольно часто мне приносят мои любимые блюда — а что я люблю, знали очень немногие, и это существенно сужало круг возможных пособников Коблана; кроме того, эти блюда были приготовлены так, что круг сужался до одного-единственного человека: моего дворецкого Коса ан-Таньи.

Повара я в расчет не брал.

Это было невозможно. Но это было именно так.

Во-вторых, я вдруг вспомнил о принятом пять дней назад решении. Конечно, здесь у меня не было кусунгобу — но я подумал, что Тот, кто ждет меня в раю, не обидится, если на пороге двери, ведущей к нему, на этот раз будет лежать не ритуальный нож, а мой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог.

Но, кажется, Тот, кто ждал меня в раю, все же обиделся — потому что, когда я взял меч в левую руку и медленно поднес его лезвие к горлу, я понял, что не смогу.

И никто на моем месте не смог бы!

Не для того был выкован несколько поколений тому назад Единорог, как и другие фамильные мечи Анкоров Вэйских, чтобы лишать жизни своего нынешнего владельца. Чтобы оборвать Южную ветвь рода Анкоров.

Рука моя предательски задрожала, и я опустил меч. Нет, смерти я не боялся — мне уже нечего было терять; но *это* было выше страха смерти и острее желания уйти.

Я мог уйти — но не так.

И я понял, что Тот, кто ждет меня в раю (или еще где-то — не знаю!) пока не хочет меня видеть.

Я покорился.

Я больше не делал таких попыток.

6

...На девятый день (или это был десятый?.. не помню...), когда Коблан в положенное время явился в мою темницу, чтобы продолжить свои до смерти надоевшие ду-

шеспасительные беседы, я заявил ему, что у меня есть высочайшее поручение эмира Дауда, что имеется специальный фирман на мое имя, и что если кузнец немедленно не выпустит меня, то будет считаться государственным изменником со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После чего, не обращая внимания на несколько оторопевшего Коблана, я упал на кровать, отвернулся лицом к стене, и одно ухо закрыл здоровой рукой, а другое плотно прижал к подушке — чтобы не слышать больше Кобланових бредней.

Некоторое время Коблан молчал или говорил достаточно тихо, чтобы я его не слышал. А потом я приоткрыл одно ухо и до меня приглушенно донеслось:

— Не знаю, не знаю... Спрошу у Друдла — а там посмотрим...

7

На следующее утро дверь распахнулась, и в комнату влетел сияющий Друдл, размахивая каким-то объемистым свитком. Со всего маху шут бухнулся мне в ноги, проехав при этом по полу пару локтей и чуть не сбив меня.

— О великий и мудрейший дурак Чэн Анкор из столь же славного рода Анкоров Вэйских! — гнусаво заорал шут, продолжая вертеть у меня перед носом своим свертком. — Дозволь вручить тебе высочайший фирман солнцеподобного эмира Дауда, дабы ты в своей несказанной дурости использовал его по назначению, — тут Друдл почему-то сделал паузу, — и выявил всех наигнуснейших врагов славного Кабирского эмирата!

Вопя все это, шут принялся разворачивать принесенный сверток. Он разворачивал и разворачивал, во все стороны летели какие-то рваные и грязные тряпки, лоскуты кожи, куски тончайшей узорной парчи, обрывки шелка — они устилали уже весь пол вокруг Друдла, и им, казалось, не будет конца.

Тем не менее, изрядно потрудившись, Друдл все-таки добрался до вожделенного содержимого и с радостной улыбкой вручил мне небольшой пергаментный свиток, запечатанный личной печатью эмира Дауда.

Я сломал печать и пробежал текст глазами. Все было верно: подателю сего, Чэну Анкору Вэйскому, предписывалось оказывать всяческую помощь и содействие на территории всего Кабирского эмирата, а также вассальных княжеств и дружественных государств.

Внизу стояла хорошо знакомая мне подпись великого эмира Дауда Абу-Салима.

Пока я читал, шут заглядывал мне через плечо, так что я был уверен, что он тоже успел ознакомиться с содержанием фирмана. Если не ознакомился до того...

— Ну что, съел? — злорадно осведомился я. — В смысле — прочитал?!

— Не-а, — расплылся ужасно довольный шут, — я читать не умею! А чего там написано? Небось, что ты, Чэн — дурак? Так об этом писать необязательно, это и так все знают. А кто не знает — тому я расскажу. Устно.

Я попытался удержать себя в руках. Если быть точным — в одной руке.

— Зови кузнеца Коблана! Здесь написано, чтобы все жители Кабирского эмирата оказывали мне содействие. И я требую, чтобы меня отсюда выпустили! Немедленно!..

— А зачем, собственно? — поинтересовался шут. — Тут тебя кормят, поят, содействие всяческое оказывают, делать ничего не надо — знай себе руку упражняй...

Он неожиданно подпрыгнул и подмигнул мне.

— Как у Чэна-дурака есть железная рука, — пропел он, кривляясь, — и содействие Коблана пить вино из бурдюка! Зачем тебе отсюда уходить?

— Великий эмир поручил мне расследование. Да ты же сам не хуже меня об этом знаешь! — я сам удивлялся, зачем я говорю все это Друдлу.

— И как ты собираешься рас-следовать? — не унимался дотошный Друдл. — Покойничков расспрашивать? Следы по ночам искать?

— Кроме покойничков есть еще и живые! — огрызнулся я. — И вообще, раз приказано оказывать мне содействие — вот и содействуй! Зови Коблана — и выпускайте меня отсюда!

— Содействие — это правильно, — с воодушевлением подхватил шут. — Вот мы и станем тебе содействовать. Ты будешь здесь сидеть и расследованием руководить, как главный дурак — а мы с Кобланом будем содействовать и твои поручения, как меньшие дураки, исполнять. Вот и получится у нас отличное дурацкое расследование!

Я почувствовал, что неудержимо багровею.

— Так что сиди тут, — продолжил Друдл, — и руководи. Рука у тебя теперь есть — железная, между прочим, — вот и будешь ею водить: туда-сюда, туда-сюда... То есть Руко-Водить. Вот. А руководить ты можешь и отсюда — для твоей же безопасности. А то в городе у нас не-

спокойно — недавно еще двоих мертвеньких нашли, и третьего, живого, но однорукого, вроде тебя. Теперь Коблану работы прибавится — вторую руку ковать!

Моя левая ладонь нащупала стоявший на столе массивный подсвечник.

— Ну так к кому пойти, о чем спросить? — невинно осведомился шут. — Давай, руко-води!

Я изо всех сил запустил в него подсвечником. Друдл легко увернулся и, строя омерзительные рожи, выскочил в дверь.

Послышался звук задвигаемого засова... родной и до боли знакомый.

8

В тот же день я сунул фирман под нос Коблану. Коблан долго читал, шевеля губами, потом вернул мне фирман, некоторое время думал и наконец поинтересовался:

— Тебе чего-нибудь принести?

И вот этого издевательства я уже не выдержал. Ну ладно — шут... Но — Коблан?!

И я ударил кузнеца Коблана. Ударил правой, железной рукой. Наотмашь. Изо всех сил. По лицу.

И попал.

Коблан покачнулся, удивленно посмотрел на меня, затем поднял руку к лицу, отер кровь с рассеченной скулы и с недоумением уставился на свои покрасневшие пальцы.

Я сделал шаг к двери.

И тут кузнец Коблан взревел, как... как я не знаю кто, и я почувствовал, что попал под ногу слону, что еще немного — и у меня сломаются ребра, причем все сразу; а потом меня подняло в воздух, и я заметил, что лечу. Впрочем, летел я недолго, от удара у меня потемнело в глазах, и когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на слегка покосившейся собственной кровати.

Больше я не пробовал бить кузнеца.

9

...Через некоторое время — прошло уже больше двух недель моего заточения — я понял, что надеяться мне не на что. Это был заговор. Заговор против меня. А может быть, не только и даже не столько против меня...

Да, все складывалось воедино. Друдл, уговоривший меня заказать себе железную руку — и заказать ее именно у Коблана; Коблан, взявшийся делать заведомо бесполезную вещь; вместе они заморочили мне голову и заперли здесь, а теперь пытаются окончательно свести с ума (кстати, еще немного — и им это удастся).

Зачем?

Вот этого я понять не мог. Может быть, это связано с поручением эмира? В своих подозрениях я доходил до того, что зачислял и Коблана, и Друдла, и даже моего ан-Танью в зловещую мифическую секту Асассинов-Проливающих кровь, о которых складывал песни еще Масуд ан-Назри. Впрочем, кровь действительно лилась на улицах Кабира — так что и легендарные асассины вполне могли оказаться реальностью.

Но... слишком уж много у них тогда оказывалось сообщников. И не проще ли в этом случае было бы, не мудрствуя лукаво, добить несчастного калеку? И потом — почему именно я? Я что — эмир, правитель... и вообще — кому я нужен?!

Или, может, Друдл не соврал, и они впрямь пекутся о моей безопасности? Что-то плохо я представляю эту компанию, с таким усердием обеспечивающую безопасность никому не нужного Чэна...

Зачем же тогда? Зачем?!

Чтобы я-таки сумел сжать стальные пальцы?!

Но это же — бред!

И тем не менее — реальность...

Мне было плохо. Я пытался хоть что-то понять, расспрашивая Коблана — но тот либо молчал, либо снова начинал плести какую-то чушь.

Тогда я стал требовать вина. И побольше.

Вино мне приносили.

И я напивался.

...Несколько раз я пытался бежать — но подмастерья, приносившие мне еду, все время были настороже, и мне ни разу не удавалось застать их врасплох. А в случае моих «засад» они звали кузнеца...

Еще в комнате было два небольших окошка, забранных толстыми железными прутьями. И был глухой внутренний дворик с высоченным дувалом — о нем я уже говорил. Я быстро прикинул, что даже если я устрою у стены пирамиду из всей имеющейся в комнате мебели (имелись в виду стол и стулья; сдвинуть с места кровать мне оказалось не под силу, разве что с помощью Коблана) — то, взобрав-

шись наверх, я все равно и близко не дотянусь до края стены.

Можно было, конечно, попытаться сделать веревку из моей одежды и постели — но у меня все равно не из чего было изготовить крюк, чтобы зацепиться за стену. Разве что из собственной правой руки...

Окна же выходили на какую-то совершенно безлюдную улочку. Я неоднократно пытался расшатать прутья решетки, пробовал выбить их ударами своей железной руки — но мои попытки приводили лишь к тому, что я уставал и долго стоял у окна, пока не начинало смеркаться.

...Как-то раз я увидел проходящего за окном Фальгрима.

— Фальгрим! — не веря своей удаче, заорал я. — Фальгрим, это я, Чэн! Меня запер сумасшедший кузнец Коблан! Скорее сообщи эмиру Дауду об этом — пусть пришлет гулямов меня спасать! Только не шута Друдла — он в сговоре с кузнецом! Прошу тебя, Фальгрим...

Лоулезец остановился в недоумении, оглядываясь по сторонам. Наконец он обнаружил в окне мое лицо и попытался улыбнуться. Улыбка вышла сконфуженной, что было совсем непохоже на шумного и самоуверенного Беловолосого.

— Привет, Чэн... Я все понял. Конечно, я передам эмиру. Только...

— Что — только?!

— Только, может, тебе лучше пока тут посидеть? Опасно сейчас в городе... Да и рука у тебя... А эмиру я сообщу, ты не беспокойся!..

И Фальгрим быстро пошел прочь, странно ссутулившись, словно под тяжестью своего эспадона.

Я не поверил. Я решил, что мир перевернулся. Фальгрим Беловолосый, мой друг и постоянный соперник, но в первую очередь все-таки — друг, друг, друг... ну не мог он сказать такое!

Не мог.

Но сказал.

И откуда от узнал о моей руке?

Или он совсем не то имел в виду?

Хотя с рукой-то как раз просто: небось, Друдл уже раззвонил по всему Кабиру о свихнувшемся Чэне и его железной руке...

Впрочем, Фальгрим обещал-таки сообщить обо мне эмиру, и эта мысль немного успокоила меня.

Как оказалось, напрасно — ни в этот, ни на следующий день за мной никто не пришел.

10

Теперь мне казалось, что весь Кабир, все друзья, а возможно, и Тот, кто ждет меня в раю, — против меня. Я стоял у окна, с тоской глядя на недосягаемую улицу...

И увидел Чин.

Чин!

Черный Лебедь Хакаса... и, похоже, она знала, где меня искать.

Знала...

И ответ на мой вопрос был написан на ее лице — грустном, но твердом.

Вот так мы стояли друг напротив друга, разделенные решеткой, а потом я отвернулся, чтоб не видеть уходящую Чин.

Поговорили... улетай, лебедь.

Вот тогда-то я и напился по-настоящему. И бил рукой в стену, и срывал с себя проклятое железо, и плакал, как ребенок, и уснул, и видел кошмары...

11

...Похоже, я все-таки снова уснул, прямо за столом — потому что проснулся от крика. Я не сразу сообразил, что происходит, я думал, что это — очередной кошмар, к которым я уже начал понемногу привыкать.

Нет, это был не сон, и с улицы доносился яростный звон оружия — не так, не так оно должно звенеть! — и крик.

Женский крик.

Чин!.. они добрались до нее!

Кажется, я закричал — нет, я завизжал так, что перекрыл шум и звон оружия.

— Коблан! Кто-нибудь! На помощь! Выпустите меня, подонки! Там... там убивают Чин! Коблан! Да где же вы все!..

И никто мне не ответил.

Я бросился к двери — и неожиданно она распахнулась, ударив меня, и на пороге возник Друдл с идиотской улыбкой до ушей.

12

Проклятый шут ухмылялся в дверях, загораживая мне путь наружу — туда, где в темноте ночного Кабира захлебывалась криком Чин Черный Лебедь!

В одно мгновение вся моя ненависть, вся боль последнего времени, вся тщета бесплодных попыток обрести утраченную цельность — все то, что до краев переполняло Чэна Анкора Безрукого, выгорело без остатка, как примеси в чистой стали новорожденного клинка, неотвратимо устремившегося к цели.

И цель эта была — шут Друдл Муздрый!

Я кинулся на Друдла, стремясь врезаться в него всем телом и выбить в коридор, как пробку из бутылки, но странным образом промахнулся и больно ударился плечом о косяк. Дверь захлопнулась, лязгнул внутренний засов, и шут радостно заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши.

Полы его шутовского халата уже были предусмотрительно заправлены за кушак, откуда выглядывали рукояти тупого граненого кинжала-дзюттэ и ятагана для подростков.

— Как у Чэна-дурака заболят сейчас бока! — завопил он, возбужденно скалясь. — Заболят сейчас бока от чужого кулака!..

Здоровой левой рукой я попытался дотянуться до засова, но Друдл подпрыгнул, как-то по-крабьи выбрасывая ногу, и острая боль пронзила мой локоть. Вслепую, наугад я отмахнулся правой — и железная перчатка ударила в стену над головой присевшего Друдла, выбивая куски штукатурки. Твердый и костлявый кулак шута чувствительно ткнулся мне под ребра, я попятился, неловко подворачивая ногу, падая на пол...

И увидел над собой холодный блеск маленького ятагана в руке шута Друдла.

Ах, напрасно он обнажил клинок, этот мудрый и проницательный шут, этот расчетливый боец, предусмотревший все или почти все!.. напрасно, напрасно, потому что тело мое само вспомнило прежние навыки, потому что оно ничего не забывало, мое послушное тело, и пальцы левой руки машинально сомкнулись в кольцо, поднося к губам невидимую чашу с горьким и хмельным вином Беседы!

...Пол, твердый, как утоптанная множеством ног турнирная площадка, моя последняя площадка, и — блеск чужого клинка надо мной... Значит, я опять достоин удара меча?! Удара без снисхождения и жалости?!

Значит, у меня опять есть имя?!

Через секунду ятаган Друдла рубил смеющийся воздух, который звался Чэном Анкором.

О, он был умелым со-Беседником, он был очень умелым

со-Беседником, мой злой гений, мой шут Друдл, и ятаган его был оригинален и остроумен, задавая неожиданные вопросы и требуя мгновенных ответов — только все это не имело сейчас никакого значения.

Абсолютно никакого.

— Чэн! — послышалось за окном, или не за окном, но посторонние звуки обтекали меня, не затрагивая сути, не отвлекая, а я все купался в брызгах стального водопада... Хмель ударил мне в голову, наследственный хмель Анкоров Вэйских, и спокойная уверенность заполнила меня до краев, как живая рука заполняет собой латную перчатку, согревая своим теплом мертвый металл.

И когда ладонь моя наконец нащупала то, что было единственно необходимым для нее — я завизжал страшно и радостно, и вместе со мной завизжал Единорог, вонзаясь в дверной косяк и намертво прибивая к нему восьмиугольную тюбетейку шута.

Непривычное и неприятное ощущение, крадучись, пробежало по самым задворкам моего сознания и юркнуло в щель между неплотно пригнанными досками забора, отгораживающего «Я» от «Не-Я». Я лишь успел заметить некую раздвоенность, как если бы не одна моя воля вела руку в выпаде; как если бы...

А потом я увидел глаза Друдла.

Слезы стояли в них, и там, за блестящей завесой, животный страх смешался с человеческой радостью.

Совсем рядом с глазами шута моя рука сжимала рукоять меча.

Правая рука.

Железная.

Моя.

— Получилось, — одними губами выдохнул шут. — А я, дурак...

И сполз на пол, теряя сознание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕЧ И ЕГО ЧЕЛОВЕК

...Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных сеч —
Он в крови не утрачивал злости,
Не тупился о белые кости,
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов,
И при этом он был таков:
Острие — хитрей колдуна,
На ребре видны письмена,
Смертоносен его удар!..

Гэсэр

Глава седьмая

1

...До сих пор, когда я вспоминаю о случившемся, меня охватывает страх.

И все-таки я — вспоминаю.

Я, Высший Мэйланя, прямой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог, не последний из Блистающих Кабира — вспоминаю.

Сейчас я лежу на столе и отблески свечей играют на моей полировке. А тогда — тогда я лежал на полу, сброшенный Придатком Чэном, ринувшимся к двери. Впервые мой Придаток ослушался приказа...

За окном жалобно звенела Волчья Метла и лязгали невидимые Тусклые — темный страх ночного Кабира; в дверях выглядывал из-за кушака своего Придатка тупой шут Дзюттэ, и бессильная ярость захлестнула меня от острия до навершия рукояти, делая клинок теплым и чужим.

— Мерзавцы! — бросил я Дзюттэ и Детскому Учителю. — Позор Блистающих!..

Они не ответили.

Зато ответил их Придаток.

Впервые я видел Придатка, почти умевшего говорить на языке Блистающих — языке ударов и выпадов, мелких подготовительных движений и отвлекающих маневров, языке подлинной Беседы. Если бы Дзю или хотя бы Детский Учитель были бы в этот момент обнажены — я бы понял,

я бы не удивился, потому что и сам зачастую ощущал Придатка Чэна своим продолжением, частью себя самого...

Но здесь было что-то иное, неизвестное, здесь был Придаток, умеющий Беседовать без Блистающего.

На долю секунды я отвлекся, забывшись от изумления — и вот уже Придаток Чэн лежит на полу, скорчившись от боли, а Детский Учитель семьи Абу-Салим в зловещем молчании вылетает из-за кушака своего странного Придатка, описывая короткую дугу, грозящую закончиться у горла Придатка Чэна.

Нет. У горла эта дуга не закончилась бы. Она бы прошла дальше.

— Руби! — истерично расхохотался Дзюттэ Обломок. — Руби, Наставник!..

Если бы я в этот момент был в руке Придатка Чэна!.. ах, если бы я был там... и пусть все шуты, все Детские Учителя Кабира, все Тусклые Эмирата попытались бы остановить бешеного Единорога!..

— Руку! — вне себя закричал я, забыв, кто из нас Блистающий, а кто — Придаток. — Руку, Чэн!

И рука отозвалась. Нет, я по-прежнему валялся на полу, но на миг мне почудилось, что непривычно холодные и твердые пальцы стискивают рукоять, что они тянутся ко мне через разделяющее нас пространство, что я вновь веду Придатка Чэна в стремительном танце Беседы...

А еще мне захотелось тепла. Тепла плоти Придатков, расступающейся под напором моего клинка.

— Руку!..

Я хотел эту руку, словно это действительно была не часть Придатка, а отторгнутая часть меня самого; я хотел объятия этих пальцев, как не хотел никогда ничего подобного; мысленно я уже свистел в душном воздухе комнаты, плетя паутину Беседы вокруг подлеца, невесть как ставшего Детским Учителем...

И Детский Учитель промахнулся. Раз за разом он пролетал мимо, как будто в руке Придатка Чэна на самом деле был я, Единорог во плоти; и вокруг моего смеющегося Придатка метался взбешенный маленький ятаган, полосуя пустоту, пока я не дотянулся до вожделенной руки, или это рука дотянулась до меня, или это мы оба... — и холодные пальцы умело и бережно сомкнулись на рукояти.

Это был лучший выпад в моей жизни.

Лучший еще и потому, что я, Мэйланьский Единорог, визжа от упоения, в последний момент успел опомниться. Да, я направлял руку, но и рука направляла меня, и чудом

я успел извернуться, минуя выпученный глаз чужого Придатка и вонзаясь в плотную ткань тюбетейки, а затем — в дерево дверного косяка.

Да, это был лучший выпад в моей жизни.

Я не совершил непоправимого.

Но клянусь раскаленным горном-утробой Нюринги, я был слишком близок к этому...

— Во имя клинков Мунира! — где-то далеко внизу прошелестел голос, который мог быть голосом только Дзюттэ Обломка. — Наставник, мы сделали это!.. ты слышишь, Наставник — мы...

А потом их Придаток упал, придавив собой обоих Блистающих.

...Дверь открылась. Падая, Придаток Дзюттэ и Детского Учителя задел внутренний засов, сбрасывая его с крюков, и толчок снаружи распахнул дверь настежь. Я увидел тех, кто толпился в коридоре, и понял все, коротким движением высвобождаясь из деревянного наличника.

Понял.

Все.

Там была Волчья Метла, целая и невредимая, там был эсток Заррахид и шипастый Гердан — хозяин кузницы, и волнистый Малый Крис-подмастерье, тот, что со змеиной головой на рукояти; там были гигант-эспадон Гвениль и Махайра Паллантид — короче, все комедианты, разыгрывавшие за окном веселое представление, фарс о несчастной разветвленной пике и ужасных Тусклых, фарс для одного-единственного зрителя, для дурака Дан Гьена, отказавшегося сменить испорченного Придатка и поверившего в невозможное...

Они успели. Успели вовремя захлопнуть дверь, сразу после того, как огромный Придаток Гвениля мощным рывком выдернул из комнаты бесчувственного Придатка Дзюттэ и Детского Учителя, вместе с обоими Блистающими — и вновь лязгнул засов, на этот раз внешний.

О, они успели — видно, Небесные Молоты еще не отбили им полный срок, этим хитроумным Блистающим и их Придаткам, — но я успел почувствовать их ужас, когда Мэйланьский Единорог, Придаток Чэн Анкор и его рука...

Когда мы двинулись на них.

И мое острие уперлось в запертую дверь, а двери в этом доме были сработаны на совесть.

Только тогда до меня дошло, что Придаток Чэн держит меня в правой руке.

И когда я вздрогнул от запоздалого понимания —

стальные пальцы начали медленно разгибаться один за другим, опять становясь тем, чем и были.

Мертвым металлом.

Латной перчаткой.

2

Вот так оно и было.

...Сейчас я вытянулся во всю длину на матовой поверхности стола, Придаток Чэн сидит рядом, опустив на грудь отяжелевшую голову, а стальная рука его лежит всем своим весом на моей рукояти.

Просто — лежит.

И ночь за окном постепенно уходит в небытие, туда, куда рано или поздно уходят все наши дни и ночи.

О чем думал я в эту ночь?

Сперва... о, сперва мысли мои вспыхивали и разлетались во все стороны, как искры от клинка, рождающегося под молотом! Я уже думал о том, что сделаю с обманувшими меня друзьями и предателем-дворецким; я представлял себе Волчью Метлу, умоляющую о прощении; в моих горячечных видениях почему-то вставал пылающий Кабир и гнедой жеребец, несущий меня мимо развалин... а руку в латной перчатке пронзал слабый трепет, когда что-то теплое и сладко пахнущее стекало по моему клинку...

Вот это ощущение и вернуло мне ясность мыслей. Потому что никогда кровь Придатков не струилась по Единорогу.

Никогда.

Не мог я этого помнить.

Зато это помнила стальная перчатка, касавшаяся меня. Нет, в ней не было жизни, и когда металлические пальцы все-таки смогли стиснуть мою рукоять — это нельзя было назвать самостоятельной жизнью. Я даже не знал, сумею ли я заставить эти пальцы повторить то, что произошло совсем недавно.

Это была не жизнь.

Это была — память.

Память латной перчатки о тепле и мощи руки, некогда заполнявшей ее; память о шершавой обтяжке рукояти того Блистающего, чье тело словно вырастало из чешуйчатого кулака; память...

Просто я очень хотел, чтобы это случилось. А она — она вспомнила, как это случалось раньше. И когда я потя-

нулся к ней через время и расстояние — моя жизнь на мгновение вросла в ее память, оживляя неживое.

Чудо, которого я ждал и которое обрушилось на меня внезапно, подобно летней грозе — сейчас я уже не знал, хочу ли я его, этого чуда, и если нет, то сумею ли отказаться.

Потому что я помнил ярость, вспыхнувшую во мне; ярость и жажду, темную теплую жажду, и ужас Блистающих по ту сторону порога.

Потому что я краем души прикоснулся к чужой памяти, памяти новой руки Придатка Чэна; память старой латной перчатки, части того одеяния, что некогда звалось «доспехами»...

Потому что я понял — как это случалось раньше.

Забыть? Отказаться от коварного подарка судьбы?..

А как же небо над турнирным полем? Падающее на меня небо, и полумесяц Но-дачи в нем?!

А Тусклые? Тусклые — и убитые Блистающие, и ждущий Шешез Абу-Салим, и отчаянный Пояс Пустыни, Маскин Седьмой из Харзы?..

А моя, моя собственная память о случившемся?

Нет. Я не сумею отказаться от этой руки. Я не буду от нее отказываться.

...Осторожно, едва-едва слышно я потянулся к стальной руке-перчатке — и сквозь нее, дальше, через спящие слои ее памяти, обходя их, не тревожа чуткий покой, словно я подзывал Придатка, еще не зная — зачем, еще раздумывая, сомневаясь...

И вскоре почувствовал, как что-то тянется мне навстречу с другой стороны.

Что-то?

Кто-то.

«Кто ты?»— тихо спросил я, останавливаясь.

«Кто ты?»— эхом донеслось оттуда.

«Я — Высший Мэйланя...»

«Я — Высший Мэйланя...»

Тишина.

И — стремительным обоюдным выпадом:

— Я — прямой Дан Гьен по прозвищу Единорог! А ты — ты мой...

— Я — Чэн Анкор Вэйский! А ты — ты мой...

Я так и не смог сказать: «Ты — мой Придаток!»

А он? Что не смог сказать он?!

Ты — мой... Я — его?!.

...Латная перчатка, спящая память о забытом времени, зыбкий мост между двумя мирами, объединяющий их в од-

но целое... и дрогнули неживые пальцы, а кольчужные кольца словно вросли в тело, когда мы вошли друг в друга — Блистающий и его Придаток, Человек и его Меч; вошли, но не так, как клинок входит в тело, а так, как вошли мы, становясь слитным, единым... каким, наверное, и были, не понимая этого...

Нет, мы не рылись в воспоминаниях друг друга, как вор в чужих сундуках (этот образ был непонятен мне, но Чэн отчетливо представил его, и...), и знания наши не слились в один нерасторжимый монолит, как свариваются полосы разного металла в будущий клинок (не-Блистающему трудно было в полной мере прочувствовать это, но...); просто...

Просто я не могу передать это словами.

И оба мы замерли, когда из черных глубин памяти латной перчатки донеслись два глухих, еле слышных голоса, ведущих разговор без начала и конца...

— Вот человек стоит на распутьи между жизнью и смертью. Как ему себя вести?

— Пресеки свою двойственность и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!..

...Один, — подумал я.

...Один, — подумал Чэн.

...Один, — подумали мы.

Один против неба.

И я понял, что больше никогда не назову Чэна Придатком.

3

Утром дверь в комнату оказалась незапертой.

Чэн сходил умыться, потом по возвращению одел меня в ножны, и мы отправились в кузницу.

А в кузнице было на удивление тихо и прохладно. Молчали меха, не пылал горн, и в углу спиной к нам сидел Придаток-подмастерье, перебирая зародыши будущих Блистающих. Из-за кожаного фартука подмастерья выглядывал Малый волнистый крис, внимательно следивший за работой своего Придатка.

Дважды Придаток чуть было не пропустил зародыши с недостаточным количеством слоев металла, и дважды Малый крис внутренним толчком останавливал Придатка, вынуждая еще раз осмотреть спорный зародыш, не давая появиться на свет ущербному Блистающему.

Я молча наблюдал за работой до тех пор, пока Малый крис не заметил меня.

Он дрогнул — да, на его месте я тоже бы вздрогнул после всего, что было — и опомнился лишь после довольно-таки невежливой паузы.

— Приветствую тебя, Высший Дан Гьен! — торопливо произнес крис, и Придаток его живо поднялся на ноги. — Приветствую и...

— И давай поговорим, — закончил я с легкой иронией. — Нет, не по-Беседуем, а просто поговорим. Тебя как зовут?

— Семар, — поспешно ответил он, пока Чэн вешал меня на специальный крюк в оружейном углу, и мне пришлось дважды кивнуть Семару, указав на крюк рядом, прежде чем он меня понял.

Понял и повис возле меня, зацепившись кольцом в зубах змеи-навершия его рукояти.

— Семар, — еще раз представился крис. — Малый крис Семар из Малых кузни главы рода Длинных палиц Гердана по прозвищу Шипастый Молчун, и еще...

— Шипастый Молчун, говоришь, — лениво протянул я. — Ну-ну...

— Да, Высший Дан Гьен, воистину так, — звякнул Семар. — А я...

— А ты — Волнистый Болтун, — перебил его я. — Ишь, распелся, как у Абу-Салимов на приеме... Ты в кузнице кто? Ты — хозяин... или почти хозяин. А я — гость. Вот и веди себя, как подобает хозяину в присутствии гостя. Пусть хоть и трижды Высшего.

— А мне ваш выпад ужасно нравится, — невпопад брякнул крис Семар. — Косой. В броске, от самой земли. Я на три турнира подряд из кузни отпрашивался. Гердан бурчал-бурчал, но ничего, отпускал... Очень уж выпад у вас замечательный. А в последний раз я и рассмотреть-то почти не успел. Помешали...

— Кто? — поинтересовался я.

— Да Высший Гвениль и помешал, — бесхитростно разъяснил Семар. — Двуручник, из Лоулезских эспадонов, вы ж его знаете!.. Придаток ихний дверь перед вами захлопнул, когда вы как раз на второй выпад шли... в нас. Я ж тоже тогда в коридоре был...

Вот оно что! Это, значит, вчера он мой выпад не до конца видел — это когда я тюбетейку к косяку прибивал... Нет. Не видел он ничего. Дверь-то уже после тюбетейки снаружи открыли... Не повезло тебе, невезучий ты Малый крис Семар!.. Если только ты в щель не подглядывал.

Или повезло?

— Я еще Высшему Гвенилю потом говорю, — продол-

жал меж тем Семар, — что надо было б ему Придатка своего попридержать, ну совсем чуточку, и увидели б мы выпад Единорога во всей красе! А Гвениль глянул на меня, помолчал и старую отливку в углу зачем-то пополам разрубил. Я полночи думал, что же он этим сказать хотел... Лишь к утру додумался.

— И что?

— А то, что до сих пор страшно, — тихо ответил Малый крис Семар.

С грохотом распахнулась дверь в подсобное помещение, и оттуда выбрался Придаток-Повитуха в кожаном фартуке со знаком Небесного Молота на кармане. На его плече возлежал Шипастый Молчун — тяжелая булава-гердан.

Глава рода Длинных палиц. Рода тех Блистающих, кто исстари следит за кузнецами; тех, кто сродни молоту.

Его утолщение, сплошь утыканное торчащими во все стороны шипами, походило на встрепанную голову Повитухи — и оттого казалось, что кто-то из них двухголовый. А туловище или древко — в зависимости от точки зрения — лишнее.

Ах да, чуть не забыл... Тех Придатков, что стояли у наковальни, где рождались Блистающие — но не всех, а лишь тех, чей фартук украшал Небесный Молот — редко звали Придатками, а чаще Повитухами.

...Чэн резко встал, оставив Придатка-подмастерья в растерянности, и подошел ко мне. Потом он поднял правую руку, негнущиеся стальные пальцы коснулись меня — и снова мы стали целым, только теперь это произошло проще и легче.

Наверное, крис Семар решил, что я сошел с ума.

Наверное, его Придаток решил, что Чэн Анкор рехнулся.

Просто я узнал, как зовут Герданова Придатка; просто Чэн узнал, как мы зовем Стоящих у наковальни...

Просто мы оба расхохотались, забыв о приличиях.

Уж больно смешно вышло: Повитуха Коблан Железнолапый.

Шипастый Молчун приблизился, и Повитуха Коблан опустил его на пол недалеко от меня. Я покосился на хозяев кузни и... промолчал.

— Приветствую тебя, Высший Дан Гьен, — гулко бухнул об пол тяжелый Гердан.

— Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, — глухо буркнул в бороду кузнец Коблан.

А мы с Чэном все еще словно держались за руки, латная перчатка связывала нас невидимыми, но прочными путами — и оттого каждый из нас вел одновременно две беседы, слышал два голоса... жил за двоих...

И каждый понимал, что две беседы — на самом деле одна, два голоса — почти что один, Гердан Шипастый Молчун и Коблан Железнолапый — о пылающая Нюринга, до чего же мы оказались похожи друг на друга, все без исключения!..

Чэн опустил руку и ушел с Повитухой Кобланом к горну. А мы с Герданом остались. Мы — да еще испуганно притихший Малый крис Семар.

— Ты вправе гневаться, Единорог, — Гердан говорил медленно, слова давались ему с трудом, и такое самоуничижение Шипастого Молчуна, да еще в присутствии Малого криса, еще недавно доставило бы мне огромное удовольствие. А сейчас...

— Ты вправе гневаться, Единорог. И я знаю, что ты сейчас скажешь мне...

— Нет, — перебил я его, — не знаешь. Я скажу тебе, глава рода Длинных палиц, заперший в доме своем Высшего Дан Гьена из Мэйланя, и не убоявшийся гнева разъяренного Единорога...

Шипастый Молчун напрягся в ожидании.

— Я скажу тебе — спасибо, — закончил я. — И еще вот что... Можно, я пока поживу у тебя? Недолго, денек-другой?

Возле горна изумленно охнул Повитуха Коблан.

Почти одновременно с Герданом.

4

А к полудню приехал мой замечательный дворецкий, мой узкий и преданный эсток Заррахид.

Я встретил его на улице — не на той глухой улочке, куда выходили окна моей темницы, а у парадного, так сказать, входа в дом Гердана.

— Рад видеть вас бодрым и сияющим, Высший Дан Гьен, — как ни в чем не бывало отрапортовал Заррахид и приветственно качнул витой гардой. — Осмелюсь спросить — в каких ножнах вы соблаговолите отправиться на сегодняшнюю аудиенцию к Шешезу Абу-Салиму фарр-ла-Кабир? Я привез вам те, что с вправленными топазами; потом с белой полосой вокруг набалдашника... потом те, которые вам прислали по заказу из Дурбана, и еще те, которые с медными двойными кольцами, и потом...

На какой-то миг я онемел. А бессовестный Заррахид за этот миг успел хладнокровно вспомнить отличительные

признаки десятка два ножен — я и не предполагал, что имею столь внушительный гардероб!

И то, что я собирался высказать Заррахиду, незаметно отошло на второй план. А там и вовсе куда-то улетучилось.

— Ты что, все это... сюда привез? — наконец опомнился я.

Вопрос оказался излишним. Конечно, привез! Тем более, что из-за поворота уже выезжала крытая арба, запряженная двумя тусскими тяжеловозами.

— Там ножны? — хрипло звякнул я, глядя на взмокших лошадей.

— И ножны тоже, — радостно подтвердил эсток. — А также все необходимое для вечернего празднества у Гердана, на которое вы соизволили пригласить Высшего Гвениля из Лоулезских эспадонов, Волчью Метлу из Высших Хакаса, Махайру Паллантида, Дзюттэ Обломка, а также Детского Учителя семьи Абу-Салим. Прикажете распорядиться?

— Я? Соизволил пригласить?!

— А что, вы хотели бы видеть сегодня вечером других Блистающих Кабира? Кого именно?

— Да нет... если уж видеть — то этих.

— Ну вот, значит, все верно, — легко согласился эсток Заррахид.

...«Отличные у меня друзья, — думал я, пока мы с Заррахидом ехали на присланных чуть позже верховых лошадях в загородный дом Абу-Салимов, где мне была назначена аудиенция. — И друзья отличные, и дворецкий отличный, и жизнь — счастливей некуда... и ножны на любой вкус. Это просто я сам, наверное, чего-то не понимаю, все дергаюсь, злюсь, а окружающие только и делают, что беспутного Дан Гьена на путь истинный наставляют. Да вот незадача — не вижу я пути истинного, а вижу великое множество всяких путей, и истины в них поровну... Где он, где единственный путь Дан Гьена, путь Единорога — нет, просто Путь Меча?! Где он?!.»

Вот с такими интересными мыслями я и не заметил, как оказался в том самом зале, в котором не так уж давно происходила церемония Посвящения, а проклятый турнир еще только предстоял, и все было хорошо...

Все было хорошо.

Было.

Колыбель новорожденного Придатка по-прежнему стояла на церемониальном возвышении — я не видел от дверей, есть ли в колыбели ребенок, — а в изголовье на родовой подставке мирно спал престарелый ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир.

И пусто было в зале...

Я мысленно коснулся Чэна — мне все легче становилось дотягиваться до него не так, как прежде, а через железную руку, которая странным образом становилась общей частью нас обоих — и мы двинулись было к возвышению, но не дошли.

Во-первых, нас остановил звериный рык.

В металлической клетке у стены метался из угла в угол пятнистый чауш — зверь редкий не только для Кабира, но и для Мэйланя, в окраинных солончаках которого зверь, собственно, и водился. Сам чауш походил на катьярских бойцовых собак — короткошерстных, плотных, с узкой крысиной мордой и налитыми кровью глазками, — но был в несколько раз крупнее, с кривыми, не по-собачьи острыми когтями; и хвост чауша не обрубался, как у собак, а от рождения был похож на сжатый кулак, невесть каким образом выросший из зада зверя.

Сейчас этот хвост-кулак дрожал мелкой дрожью и злобно подергивался.

...А во-вторых, меня заставил обернуться голос.

— По-Беседуем, Единорог?

Их солнцеподобие, царственный ятаган Шешез Абу-Салим появился бесшумно и внезапно, из потайной двери в углу помоста.

Он был в темных нелакированных ножнах, явно подчеркивая этим будничность встречи, и его грузный Придаток держал Шешеза в руке, словно забыв прицепить кольца ножен к кожаному подбиву кушака.

Я не ответил. Предложив мне Беседу, Шешез добивался совершенно определенной цели: проверить лично все то, что он слышал о новом, сумасшедшем Дан Гьене и новой руке его Придатка — а слышал он, вне всяких сомнений, немало.

И в основном — от Дзюттэ Обломка, шута-мудреца. Можно представить, что Обломок растрезвонил Шешезу...

— Это подарок, — Шешез небрежно кивнул в сторону глухо ворчавшего зверя. — Вчера доставили. Ну так как, Единорог, по-Беседуем?

Ятаган коротко лязгнул, до половины высунувшись из ножен и резко войдя обратно, Придаток Шешеза неожиданно легко соскочил с помоста, и я почувствовал, что Шешез Абу-Салим боится меня.

Боится. Для того и клетку со зверем в зал велел поставить, чтоб ярость слепая звериная ему самому храбрости добавила; для того и принимал меня в зале, где спал старик Фархад — славное прошлое Кабира; видать, подточили по-

следние события былую уверенность ятаганов фарр-ла-Кабир... испытать хочет, а боится!

А я, я сам, былой, прежний — неужели не убоялся бы тот Дан Гьен Беседы с Блистающим, о ком знал бы то, что знал Шешез Абу-Салим обо мне? Если бы ведал — вот передо мной тот, кому доверено правителем преследование Тусклых; тот, кто едва не убил Придатка, служившего Детскому Учителю и шуту семьи Абу-Салим; кто заставил своего собственного Придатка сжать стальные пальцы...

Да, ятаган фарр-ла-Кабир, и я бы испугался. Сознавшись в этом перед самим собой, я в церемонном салюте вылетел из ножен и весело сверкнул навстречу Шешезу.

И ятаган сгоряча не заметил, что его со-Беседник Дан Гьен находится в левой руке Придатка.

В левой.

В живой.

5

...Шешез пошел, как обычно, от левого плеча в полный мах; я увел Чэна назад и скользнул под второй удар, сбрасывая ятаган в сторону и угрозой встречного выпада заставляя Шешеза умерить пыл и перейти к более тщательной обороне.

Ошибся, ошибся сиятельный ятаган, все учел в мудрости своей, да просчитался — не выйдет у него проверки Единорога, сорвется испытание!.. Будь на месте Шешеза эспадон Гвениль или та же Волчья Метла — не совладать мне с ними, оставаясь в левой Чэновой руке; а в правой-то, в железной перчатке нет у меня уверенности... какая уверенность может быть в чуде, пусть даже в однажды свершившемся?!

Беседуй, ятаган фарр-ла-Кабир, Беседуй, спрашивай, отвечай, да не забывай вовремя сам уворачиваться и Придатка своего уводить! Не рубка у нас сейчас, а Беседа; не сила с весом в почете, а уменье Блистающего, так что я для тебя и в левой руке — Мэйланьский Единорог... давай, Шешез, гоняй пыхтящего Придатка, звени веселей, будь ты хоть тридцать три раза фарр-ла-Кабир!..

Я даже успевал думать о постороннем. Есть ли в колыбели новорожденный Придаток или нет; если есть — то почему не плачет в голос от шума нашего? Всерьез ли спит на подставке старый Фархад, или исподтишка наблюдает древний боец за чужой Беседой? Отчего взбесился пятнистый чауш, отчего раз за разом бросается на гудящую ре-

шетку, выпустив кривые кошачьи когти? — ну, тут как раз все понятно, зря подумал, зря отвлекся... А вот то, что Шешезов Придаток уже на помосте — так и мы уже на помосте, и видим то, чего другие не видят!

— Мэй-лань!

Знатно летел Шешез, почти через весь зал летел, выбитый мною, да еще и по полу четыре длины клинка проехал, и остановился лишь тогда...

Когда уперся в когтистую лапу.

Не выдержал замок, лопнуло в нем что-то — и распахнулась дверь клетки, выпуская на волю красноглазую злобу; припал зверь к мозаике пола, и торжествующий рык прокатился по залу Посвящения, заметавшись меж колонн.

Лежал на холодных цветных плитках ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир; лежал на палисандровом ложе ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир; замер в левой руке Чэна Дан Гьен из Мэйланя — и ничего не мог сделать нам освободившийся пятнистый чауш, изготовившийся к прыжку.

Ничего. Зубы его, когти его — ничего.

Да и не стал бы он нам ничего делать.

Стоял на помосте Чэн Анкор из Анкоров Вэйских; стоял рядом с ним запыхавшийся Шешезов Придаток — и ничего не мог сделать им пятнистый чауш, потому что рядом была дверь, рукой подать, та самая дверь, и совсем-совсем рядом...

Не успел бы чауш. Прыгай не прыгай — не успел бы.

А я все думал об одном, хоть и незачем вроде бы Блистающему об этом думать; думал и не мог, не смел отвлечься, боялся отвлечься, да так и не знал...

Есть ли в колыбели младенец-Придаток или нет его?!

Если нет — вот дверь; вот сталь, которой нипочем клыки и когти...

Если есть — вот дверь, вот сталь... вот зверь и хрупкая плоть в колыбели.

Будущий Придаток Фархада иль-Рахша. Который станет бывшим, так и не став настоящим.

— Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! — глухо прозвенело позади меня.

Никогда в своей жизни не слышал я *такого* звона; и неведомо для меня было значение сказанного.

Треснула одна из опор деревянной подставки, две других не выдержали веса старого ятагана, согнулись, спружинили, покачнулся палисандровый постамент...

Я это видел.

Скрежетнули когти по гладкому полу, рывком разогну-

лись мощные лапы, посылая чауша в воздух с неотвратимостью взбесившейся судьбы...

И это я видел.

Двое летели навстречу друг другу: освободившийся зверь, обуянный жаждой убийства, и обнаженный ятаган Фархад, чьи ножны зацепились кольцом за обломившуюся опору подставки, пославшую Блистающего в полет.

— ...Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! — эхом прозвучало во второй раз. Грозно и непонятно.

А потом Чэн, словно во сне, протянул правую руку и легко поймал Фархада за рукоять.

Впервые мой Придаток держал одновременно со мной другого Блистающего; но разве не впервые существовал Придаток (опять это проклятое слово!) с невесть чьей латной перчаткой вместо руки?!

Сгоряча я даже и не заметил — почти не заметил, — что вновь думаю о Чэне, как о Придатке, а потом я внезапно увидел пылающий Кабир, проступивший сквозь стены зала, гневно заржал призрачный гнедой жеребец, и я сделал то, что должен был сделать.

Сделал.

Сам.

Или не сам?..

Но я это сделал.

6

...Придаток Шешеза тяжело спустился с помоста, словно прошедшие мгновенья состарили его на добрый десяток лет — срок, ничтожный для Блистающего, но не для Придатка — и, обойдя убитого чауша, приблизился к лежащему Шешезу.

Нагнулся.

Поднял.

Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир молчал.

Его Придаток еще немного постоял и вернулся к мертвому зверю. Присев у тела, он замер на корточках; Шешез осторожно потянулся вперед и почти робко коснулся разрубленной головы с навечно оскаленной пастью.

Разрубленной.

Чисто и умело.

Как умели это делать ятаганы фарр-ла-Кабир, рубя неживое; и я еще подумал, что легенды о Фархаде могут оказаться правдой, и старый ятаган рубил некогда многое, о чем не стоит лишний раз вспоминать.

Окровавленный Фархад иль-Рахш по-прежнему находился в правой руке Чэна.

Потом Шешез толкнул голову чауша, и та запрокинулась, открывая бурую слипшуюся шерсть на пронзенной насквозь шее зверя.

Ятаганы так не умеют.

Так умею я.

О Дикие Лезвия, ставшие Блистающими — как же это оказалось просто! До смешного просто!..

И я негромко рассмеялся. Смерть и смех — вы, оказывается, часто ходите рядом!

Да, сегодня передо мной и Фархадом был зверь, дикий безмозглый зверь, хищный обитатель солончаков — но, может быть, с Придатками все получается так же просто? Так же естественно? Значит, дело не в руке — верней, не только в руке из металла, — но и во мне?! В кого ты превращаешься, Мэйланьский Единорог? Куда идешь?!

Неужели таков Путь Меча?!

Чэн спрыгнул вниз, подошел к Придатку Шешеза и отдал ему Фархада. Сам Шешез Абу-Салим слабо вздрогнул, когда его Придаток коснулся железной руки Чэна; я сделал вид, что ничего не произошло, и тщательно вытерся о шкуру убитого чауша.

Так, словно не раз делал это раньше.

— Фархад! — тихо позвал я потом (мне легче было обращаться к старому ятагану, когда его держал чужой Придаток). — Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!

Он не отозвался.

Он спал. Или притворялся. Или думал о своем.

Какая разница?

— Что ты хочешь спросить... Высший Дан Гьен? — ответил вместо иль-Рахша Шешез, и голос его был неестественно бесстрастен.

— Я хочу знать, что кричал Блистающий Фархад перед тем, как...

Я не договорил.

Шешез Абу-Салим поднял на ноги своего Придатка, возвратился к сломанной подставке, долго смотрел на нее, а потом его Придаток осторожно положил иль-Рахша просто поперек колыбели, так и не облачив его в потерянные ножны.

— Здесь никого нет, — бросил Шешез, отвечая на еще один вопрос, который я так и не задал вслух. — Дитя-Придаток Фархада в другом месте. В этой колыбели он только спит по ночам, да и то не всегда. Значит, Высший Дан Гьен, ты хочешь знать, что кричал мой двоюродный дядя

Фархад?.. Он кричал: «Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби!» Я и не думал, что когда-нибудь услышу этот забытый язык, да еще в собственном доме...

Я ждал.

— Это означает, — сухо продолжил Шешез Абу-Салим, — это означает: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!» Ну что, ты доволен, Единорог?

Мое прозвище почему-то далось ему с трудом.

— Аль-Мутанабби? — задумчиво лязгнул я, опускаясь в ножны. — Это Блистающий?

И тут же устыдился собственной глупости. Раз у это аль-Мутанабби была рука — кем он мог быть, если не Придатком?

Шешез будто и не заметил моего промаха.

— В семье Абу-Салимов, — заметил он, — бытует старое предание, что когда южный поход Диких Лезвий увенчался взятием Кабира, и лучший ятаган нашей семьи стал первым фарр-ла-Кабир... так вот, его Придатка якобы звали Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби. И я не раз слышал от того же Фархада, что в черные дни Кабира вновь придет время для руки этого Придатка. Правда, я всегда посмеивался над велеречивостью старика, когда он в очередной раз принимался излагать мне одно и то же...

— Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби... — повторил я. — А клинки Мунира — это тоже из ваших родовых преданий? И кто такой Мунир? Имя? Город? Местность?

— Не знаю, — ответил Шешез, — ничего я толком не знаю... Я знаю только, Единорог, что время испытаний для тебя закончилось. И еще кое-что закончилось...

Он резко взлетел вверх и описал двойную дугу над головой своего Придатка.

— Смерти! — взвизгнул ятаган. — Смерти, убийства, несчастные случаи, призраки Тусклых — все это закончилось! Тишь да гладь! Вот уже две недели, как в Кабире все спокойно! И я не могу больше, я все время жду неведомо чего, я боюсь собственной тени... Это проклятое затишье вымотало меня хуже ежедневных сообщений об очередных убийствах! И вдобавок этот харзиец, пылающий ненавистью, этот Пояс Пустыни... последнее его сообщение было с дороги Барра, что ведет к границе с Мэйланем — и с тех пор он молчит! А сообщал, что напал на след... Выходит, однако, что след напал на него...

Шешез успокоился так же неожиданно, как и вышел из себя.

— Мир переворачивается, Единорог, как песочные часы, и прошлые песчинки вновь сыплются в чашу настоя-

щего... Я схожу с ума от неизвестности, Кабир мечется от стены ужаса к двери благополучия, ты веришь Дзюттэ Обломку и пытаешься спасти испорченного Придатка, Маскин Седьмой из Харзы... он учится убивать, Шипастый Молчун заставляет своего Повитуху приклепать твоему Чэну неизвестно чью руку, а Фархад глядит на нее и взывает к руке аль-Мутанабби!.. Наверное, и впрямь настали черные дни Кабира! А я — я плохой правитель для черного времени... слишком уж долго за окнами было светло.

И я понял, что аудиенция закончена.

А еще я вспомнил, что в тот момент, когда в доме Гердана впервые сжались стальные пальцы — Дзюттэ Обломок сказал почти то же самое, что и Фархад иль-Рахш.

Дзюттэ сказал: «Во имя клинков Мунира!..»

Глава восьмая

1

А вечеринка — или празднество, как пышно выразился Заррахид — прошла на редкость успешно.

Гости были милы и подчеркнуто беззаботны, Гвениль все время острил и все время неудачно, зато Махайра — удачно, но тому же Гвенилю стоило больших трудов не обижаться на Бронзового Жнеца; Заррахиду я строго-настрого запретил прислуживать — для этого понадобился приказ по всей форме о переводе эстока на сегодняшний вечер в ранг гостя — и теперь мой Заррахид рьяно ухаживал за Волчьей Метлой и был совершенно неотразим...

Детский Учитель семьи Абу-Салим молчал, как всегда, но молчать он умел весьма выразительно, передавая различные оттенки настроения — и я решил, что на этот раз Детский Учитель молчит доброжелательно. Помалкивал и Обломок, словно растеряв с того памятного дня изрядную долю своих причуд и чудачеств.

Беседы велись исключительно светские, не на победу, а так — для развлечения, с многочисленными уступками Беседующих сторон друг другу, и я просто диву давался, глядя на галантного эспадона или почти благопристойного Дзюттэ.

Сам я в Беседах не участвовал, довольствуясь ролью зрителя и — иногда — третейского судьи. Меня останавливала отнюдь не неуверенность в железной руке — после убитого чауша я не сомневался в ее своеобразных возможностях, и лишь слегка побаивался их, — а просто я по гар-

ду был сыт происшедшим, да и гости мои старались не очень-то задевать Единорога.

На всякий случай. Тем более что случаи в наше смутное время действительно пошли — всякие...

«Да, наверное, — думал я, глядя на Придатков, уходящих по завершению Бесед к накрытому столу, и на друзей-Блистающих, собравшихся в оружейном углу вокруг тяжеловесного Гердана и оживленно спорящих о чем-то, — наверное... Если очень постараться, то они все обучатся... обучатся убивать. Собственно, почему «они»?! Нас, нас всех можно научить щербить и ломать друг друга, бесповоротно портить Придатков, бешено кидаться вперед с горячим от ярости клинком, и кровавая пена будет вскипать на телах бывших Блистающих!.. И в конце концов мы разучимся Беседовать, ибо нельзя Беседовать в страхе и злобе».

За столом Придатков раздался взрыв хохота, а в оружейном углу Дзюттэ блистательно изобразил помесь кочерги и Шешеза Абу-Салима, отчего восторженные зрители весело взвизгнули — не переходя, впрочем, определенных границ. Что позволено шуту... то позволено шуту, а смеяться позволено всем.

«Странно, — думал я, вежливо блеснув улыбкой, — мир так велик, а я никогда не забредал даже в мыслях своих за пределы Кабирского эмирата и граничащих с ним земель, вроде того же Лоулеза! А живьем я и вообще почти ничего не видел, кроме Мэйланя да Кабира! Что происходит там, далеко, не у нас? — а там ведь наверняка что-то происходит! Откуда приехал в свое время в Кабир эсток Зарахид? Да разве он один... Как *там* — так же, как у нас, или по-иному? Может быть, то, что для меня — память латной перчатки, для них — реальность нынешнего дня?!»

Чтобы отвлечься от невеселых размышлений, я более внимательно глянул на Придатков за столом и увидел, как мой Чэн неловко опрокинул полный кубок, по привычке ткнув в него правой рукой.

«Интересно, а сможет ли он, Чэн Анкор, вообще взять что-нибудь этой рукой — что-нибудь, кроме Блистающего? Кубок, тростниковый калам для письма, поводья? А ну-ка, попробуем с другой стороны...»

Я расслабился, обвиснув на крюке, мысленно дотянулся до перчатки, прошел сквозь нее к Чэну — и он почувствовал это, он поднял металлическую руку и с удивившим даже меня упрямством вновь потянулся к опрокинутому кубку, под которым расплывалось по скатерти багровое пятно.

Да, умница, правильно, а теперь забудь про кубок...

представь себе, что берешь меня... вспомни рельеф моей рукояти... ну ладно, давай пробовать вместе...

Стальные пальцы неуверенно дрогнули, потом слабо зашевелились, словно и впрямь припоминая нечто — и плотно охватили кубок. Чэн сперва с удивлением смотрел на это, но удивление быстро проходило, и ему на смену явились понимание и радость.

Тихая, спокойная радость. Значит — могу... то есть — можем.

Можем. Кубок, калам, поводья, что угодно. Вот только почему я так счастлив от этого события? Ведь скажи кому из Блистающих о подобных отношениях с Придатком — не поверят. Решат, что рехнулся Единорог. От перенесенных страданий.

Ну и пусть. Просто они еще не знают о том распутье, на котором сходятся Путь Меча и Путь Придатка; а дальше, возможно, ведет всего один Путь.

Просто — Путь.

Один против неба.

И мне вдруг захотелось вслух задать мучившие меня вопросы — хотя бы малую их толику! — но задать их не Дзюттэ Обломку или тому же Детскому Учителю, а спросить и выслушать ответы Придатков.

Как?

А вот так...

Чэн уже стоял рядом со мной. И через мгновение, когда я оказался у него на поясе, а железная рука коснулась моей рукояти, усиливая чувство цельности — через мгновение мы, не сговариваясь, шагнули друг в друга на шаг дальше, на шаг глубже, чем делали это раньше.

Теперь мы были не просто вместе, не просто Чэн и я — нет, получившееся существо скорее должно было называться Чэн-Я или Я-Чэн, в зависимости от того, чей порыв в том или ином поступке оказывался первым.

Так оно и случилось, легко и естественно, и настолько быстро, что не осталось времени ни обрадоваться, ни пожалеть.

Посему Я-Чэн не жалел и не радовался.

2

Чэн-Я помедлил, одернул халат и вернулся к столу.

Я-Чэн мельком отметил, что, похоже, никого не обеспокоило кратковременное отсутствие Чэна Анкора. Да и

возвращение с Единорогом на поясе тоже никого особо не удивило. Мало ли...

Разве что чуть внимательнее прочих поглядел на Чэна-Меня Придаток Дзюттэ Обломка и Детского Учителя семьи Абу-Салим — которого сами Придатки звали Друдлом.

Друдл Муздрый, шут их величества эмира Кабирского, Дауда Абу-Салима.

Дзюттэ Обломок, шут царственного ятагана Шешеза Абу-Салима фарр-ла-Кабир.

И пусть после этого кто-нибудь попробует убедить меня, что мы не похожи друг на друга! Мы, Блистающие и Придатки; мы...

Пусть это знаю пока один я, пусть один я...

Один против неба.

А пока я незаметно отошел на второй план, превращаясь из Меня-Чэна в Чэна-Меня, и сам не заметил, как Придатки за столом обрели имена и перестали быть Придатками.

Став людьми.

Чэн-Я улыбнулся собравшимся, пододвинул высокий мягкий пуф из привезенных дворецким и сел рядом с увлеченно жующим Фальгримом. Отметив попутно, что даже в доме Коблана прочно укоренилась западная мода есть за столом — а старый обычай сидеть на подушках за дастарханом если где и сохранился, то уж наверняка не в Кабире.

...Кстати, у стола Меня-Чэна ожидал приятный сюрприз. Оказывается, Чэн — просто Чэн, еще до опрокинутого кубка — уже успел задать кузнецу Коблану вопрос о клинках Мунира.

Так что ответ ждал нас.

Если, конечно, то, что Чэн-Я сейчас услышу, можно будет счесть ответом...

— Жили некогда, — распевно начал дождавшийся Чэна Коблан, — два великих мастера-оружейника, и звали их Масуд и Мунир. Некоторые склонны считать их Богами Небесного Горна или демонами подземной кузницы Нюринги, но я-то лучше многих знаю, что всякий кузнец в чем-то бог и в чем-то демон, и не верю я досужему вымыслу. Людьми они были, Масуд и Мунир, если были вообще... А вот в то, что был Масуд учеником Мунира и от него получил в свое время именное клеймо мастера — в это верю. И не было оружейников лучше их. Но заспорили они однажды — чей меч лучше? — и решили выяснить это старинным испытанием. Ушли Масуд и Мунир, каждый с тремя свидетелями из потомственных молотобойцев и с тремя

свидетелями из людей меча, ушли в Белые горы Сафед-Кух...

Кузнец грузно встал, прошел к маленькому резному столику на гнутых ножках и взял пиалу с остывшим зеленым чаем. Он держал ее легко, бережно, и было совершенно непонятно, как корявые, обожженные пальцы Железнолапого, подобные корням вековой чинары, ухитряются не раздавить и даже не испачкать тончайшую белизну фарфоровых стенок.

— И вонзили оба мастера по лучшему клинку своей работы в дно осеннего ручья, чьи воды тихо несли осенние листья. И любой лист, наткнувшийся на меч Масуда, мгновенно рассекался им на две половинки — столь велика была жажда убийства, заключенная в лезвии. А листья, подплывавшие к клинку Мунира, огибали его в страхе и невредимыми плыли дальше по течению.

Коблан помолчал, шумно прихлебывая чай.

— Говорят, — наконец продолжил он, — что ударила тогда в ручей синяя молния с ясного неба, разделив его на два потока. И был первый поток, где стоял мудрый меч мастера Мунира, желтым от невредимых осенних листьев. И был второй поток, где стоял гордый меч мастера Масуда, красным — словно кровь вдруг потекла в нем вместо воды. И разделились с той минуты пути кузнецов. Мунир с двенадцатью свидетелями ушел от ручья, а оставшийся в одиночестве Масуд прокричал им в спину, что наступит день — и у него тоже будет дюжина свидетелей, не боящихся смотреть на красный цвет. Страшной клятвой поклялся в том Масуд, и тогда ударила с неба вторая молния, тускло-багровая... Обернулся Мунир — и не увидел ученика своего, Масуда-оружейника, и меча его тоже не увидел. А два горных ручья тихо несли в водах своих осенние листья...

И еще помолчал кузнец Коблан, словно тяжело ему было говорить, но — надо.

— Вот с тех пор и называют себя кузнецы Кабира, Мэйланя, Хакаса и многих других земель потомками Мунира. Вот потому-то и призываем мы благословение старого мастера на каждый клинок, выходящий из наших кузниц. И семихвостый бунчук кабирского эмирата желтого цвета — цвета полуденного солнца, цвета теплой лепешки, цвета осенних листьев, безбоязненно плывущих по горному ручью...

— А Масуд? — тихо спросила Ак-Нинчи. — Он что, так и не объявился?

— Пропал Масуд. Только поговаривали, что согласно данной клятве отковал он в тайной кузне двенадцать клин-

ков, и тринадцатым был клинок из ручья испытания. Тусклой рождалась сталь этих мечей, и радует их красный цвет крови человеческой. И когда ломается какой-либо меч из Тусклой Дюжины и Одного, то вновь загорается горн в тайных кузницах, и проклятый Масуд-оружейник или один из его последователей — а нашлись и такие — берет тяжкий молот и идет к наковальне. Глухо рокочет пламя в горне, стонет железо под безжалостными ударами, и темное благословение Масуда призывается на одержимый меч. Или и того хуже — не новый клинок кует кузнец, а перековывает старый, что был ранее светлым, светлым и...

— А с чего бы это тебе, Высший Чэн, — вдруг перебил кузнеца шут Друдл, — с чего бы это тебе сказками старыми интересоваться? Вроде бы не водилось за тобой раньше любознательности излишней...

Я-Чэн ответил не сразу. Чэн-Я неотрывно смотрел на шута, на коренастого плотного человечка в смешном и куцем халате враспояску — и видел круглую физиономию с черной козлиной бородкой, которую Друдл непрерывно пощипывал, видел съехавшую на затылок фирузскую тюбетейку, пробитую мной и после аккуратно заштопанную; видел...

Друдл, похоже, несколько дней не брил головы. Его тюбетейку окружал короткий и колючий ежик отросших волос, будто трава — цветастый холмик; и был холм-тюбетейка ярок и праздничен, а трава — побитая морозом и белая от инея.

Ох, что-то Я-Чэн или Чэн-Я — словом, что-то Мы стали слишком вычурно думать. Холм, трава, мороз... Отчего не сказать прямо — седым был Друдл Муздрый, Придаток Дзюттэ Обломка и Детского Учителя, шут-советник эмира Дауда... седым, как лунь, и даже не был — стал...

Оттого чёрная бородка выглядела ненастоящей, приклеенной, и казалось, что Друдл хочет оторвать ее. Чтоб не выдавала, не напоминала о случившемся.

А Я-Чэн отчего-то подумал, что Блистающие не седеют. Правда, говорят, что они тускнеют... или ржавеют. Одно другого стоит...

— Знаешь, Друдл, — неторопливо заговорил Чэн-Я, — сказки — они ведь снам сродни. А мне в последнее время один и тот же сон снится, хоть днем, хоть ночью. Будто бы Кабир горит, развалины кругом, и я на гнедом жеребце... Вот и боюсь, что сон в руку...

Я-Чэн выждал и добавил словно между прочим:

— В руку аль-Мутанабби. Что скажешь, Друдл?

Фальгрим Беловолосый и Диомед заинтересованно смот-

рели на Чэна-Меня, Чин нервно накручивала на палец прядь своих длинных волос — все чувствовали, что за сказанным кроется много несказанного; и друзья мои ждали продолжения.

Кос ан-Танья невозмутимо играл костяной вилочкой для фруктов.

Зато Коблан чуть не подавился остатками чая, и закашлялся, тщетно стараясь что-то произнести.

— Он всё знает, Друдл, — выдавил кузнец. — Я ж говорил тебе, что мы выпускаем джинна из бутылки...

Теперь настал Мой-Чэнов черед удивляться. Оказывается, с точки зрения Коблана, Чэн-Я уже всё знаю, причем не просто что-то знаю или слегка догадываюсь, а знаю именно *всё*. Что ж это выходит — единым выпадом из дураков в мудрецы?!

Так мы с Друдлом — мудрецы одной масти...

— Ты прочел надпись, Чэн? — очень серьезно спросил Друдл, и серьезность шута испугала Чэна-Меня больше, чем суетливость Железнолапого. — Или тебе рассказал эмир Дауд?

Чэн-Я не выдержал его вопрошающего взгляда и опустил глаза. На стол. А рядом со столешницей торчал набалдашник рукояти Меня-Чэна. А на нем покоилась наша правая рука. А на руке, поверх кольчужной перчатки были приклепаны небольшие овальные пластины.

А на одной из них...

Чэн-Я напряг зрение, пытаясь разобрать вязь знаков, выбитых на пластине. Упрямые значки не сразу захотели складываться в слова; зато когда все-таки сложились...

Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби.

Вот что было написано на перчатке... на руке... на нашей руке.

— Я прочел надпись, Друдл, — хрипло пробормотал Чэн-Я. — Да, я прочел ее...

И немного погодя закончил:

— Только что.

Шут искоса взглянул на ан-Танью, и понятливый Кос мигом наполнил кубки, провозгласил витиеватый и не совсем приличный тост за единственную розу в окружении сплошного чертополоха; все дружно выпили, маленькая Чин попыталась ограничиться вежливым глоточком, что вызвало бурный протест окружающих, а Фальгрим даже поперхнулся недожеванной долмой, и Диомед принялся хлопать Беловолосого по спине, но отбил себе всю руку, и...

И никто не заметил, что Коблан обошел стол и встал за Моей-Чэновой спиной.

— Те доспехи из сундука, — тихо, но вполне слышно прогудел Коблан, — они... Их делал мой предок. Тоже Кобланом звали... А делал он их для аль-Мутанабби. Когда тот еще не был эмиром.

— А кем он был? — спросил я, не оборачиваясь.

— Поэтом он был, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, лучшим певцом-чангиром от Бехзда до западных отрогов Белых гор Сафед-Кух, — вместо Коблана ответил Друдл, умудряясь одновременно швырять косточками от черешен в смеющегося Диомеда. — Помнишь, Железнолапый, как в ауле Хорбаши...

Пожалуй, Чэн-Я сейчас не удивился бы, если бы Коблан кивнул и подтвердил, что они с Друдлом лично знали легендарного аль-Мутанабби, чьи времена даже для Блистающих моего поколения — а наш век несравним с жизнью Придатков — тонули в дымке почти нереального прошлого.

Нет, не это хотел сказать шут Друдл. Совсем не это.

— Конечно, помню! — счастливо рявкнул кузнец. — Ты еще спорил со мной, что «Касыду о взятии Кабира» никто уже целиком не помнит! А я тебя, ваше шутейшее мудрейшество, за ухо и на перевал Фурраш, в аул! Как же мне не помнить, когда ты перед мастером-устадом тамошних чангиров на колени бухнулся, а он так перепугался, что и касыду тебе раз пять спел, и слова записал, и вина в дорогу дал — лишь бы я тебя обратно увел!

— Что ты врешь! — перебил его раскрасневшийся Друдл, хлопая злосчастной тюбетейкой оземь. — Это я тебя оттуда еле уволок, когда ты им единственный на весь аул молот вдребезги расколотил! И добро б пьяный был — нет, сперва молот разнес, а уж потом...

— Да кто ж им виноват, — искренне возмутился кузнец, — что они пятилетнюю чачу в подвалы прячут и тройной кладкой замуровывают! Не кулаком же мне этакие стены рушить? А молот в самый раз, хоть и никудышный он у них был... таки пришлось в конце кулаком. И потом — я им через месяц новый молот привез, даже два!.. и стенки все починил...

Кузнец набрал в могучую грудь воздуха, явно желая еще что-то добавить, возникла непредвиденная пауза, и в тишине отчетливо прозвучал негромкий голосок Ак-Нинчи.

— Спойте касыду. Друдл, пожалуйста...

Друдл зачем-то сморгнул, словно пылинка ему в глаз попала, поднял с пола свою тюбетейку, водрузил ее на прежнее место — и вдруг запел странно высоким голосом, время от времени ударяя себя пальцами по горлу, как делают это певцы-чангиры, когда хотят добиться дрожащего звука, подобного плачу.

— Не воздам Творцу хулою за минувшие дела,
Пишет кровью и золою тростниковый мой калам,
Было доброе и злое — только помню павший город,
Где мой конь в стенном проломе спотыкался о тела...

Удивленно слушал поющего шута Фальгрим, прищелкивали пальцами в ритме песни Диомед и ан-Танья, чьи глаза горели затаенным огнем, сосредоточенно молчала Чин — а Я-Чэн повторял про себя каждую строку... и вновь пылал Кабир, грыз удила гнедой жеребец, скрещивались мои сородичи, умевшие убивать, легенды становились явью, прошлое — настоящим и, возможно, будущим...

«А ведь он сейчас совершенно не такой, как обычно, — думал Чэн-Я, — нет, не такой... никакого шутовства, гримас, ужимок... Серьезный и спокойный. Нет, сейчас...»

«...нет, сейчас Друдл мало похож на Дзюттэ Обломка, — думал Я-Чэн, — сейчас он скорее напоминает своего второго Блистающего, Детского Учителя семьи Абу-Салим. Мудрый, все понимающий и... опасный. Две натуры одного Придатка, у которого два Блистающих...»

— Помню — в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла.
Помню гарь несущий ветер, помню, как клинок я вытер
О тяжелый, о парчовый, кем-то брошенный халат.
Солнце падало за горы, мрак плащом окутал город,
Ночь, припав к земле губами, человечью кровь пила...

Сухой и громкий, неожиданно резкий стук наслоился на пение Друдла, жестким ритмом поддержав уставший голос, как кастаньетами подбадривают сами себя уличные танцовщицы и лицедеи-мутрибы — оказывается, Чэн-Я даже не заметил, как вслед за Диомедом и ан-Таньей тоже стал прищелкивать пальцами, словно обычный зевака, слушающий на площади заезжего чангира.

Только большинство кастаньет Кабира черной завистью позавидовало бы тому, как могли щелкать стальные пальцы правой руки Меня-Чэна.

— Плачь, Кабир — ты был скалою, вот и рухнул, как скала!

...Не воздам Творцу хулою за минувшие дела...

Друдл умолк, а Коблан еще некоторое время раскачивался из стороны в сторону, будто слышал что-то, неслышное для всех — отзвук песни шута, звон струн сафед-кухского чангира, топот копыт гнедого жеребца, несущего мимо дымящихся развалин удивительного Придатка по имени аль-Мутанабби.

— Что ж это получается, — забывшись, прошептал

Я-Чэн, и в шепоте отчетливо зазвенела сталь, холодная и вопрошающая, — выходит, это все правда?.. выходит, вначале мы все были Тусклыми? Неужели мы и впрямь появились на этот свет, чтобы убивать — и попросту забыли о кровавом призвании?! Забыли, а теперь вспоминаем, и нам больно, нам стыдно, мы громоздим одну легенду на другую, кричим, что мы — Блистающие... а на самом деле мы — Тусклые!.. врет легенда — первым был Масуд, проклятый Масуд-оружейник, и его мечи были первыми, а лишь потом мы убедили себя, что мы — клинки Мунира!.. и разучились делать то, для чего рождались, и первым было Убийство, а Искусство — вторым, хоть и не должно так быть!..

Все с молчаливым недоумением смотрели на Чэна-Меня. Еще бы! Мало того, что Я-Чэн заговорил одновременно на языке Блистающих и языке Придатков — так я еще и Тусклых приплел... а что об этом могут знать Придатки?!

Хотя... А что, собственно, я — просто я, Высший Мэйланя прямой Дан Гьен — знаю о Придатках?

Что мы все знаем друг о друге?

Много. И в то же время — ничего.

Значит, должно было случиться то, что случилось, привычная жизнь должна была вывернуться наизнанку, трава на турнирном поле должна была стать красной, а волосы шута Друдла — белыми... — и все для того, чтобы мы с Чэном впервые сознательно протянули руку друг другу.

Руку Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби.

Руку из сундука, где хранится одежда, которую надевали Придатки для защиты от Блистающих, бывших тогда Тусклыми.

Люди — для защиты от оружия.

А потом Время сложило весь этот хлам в сундук и захлопнуло крышку...

3

Заснуть я так и не смог. Уж как ни старался — не спалось мне, и все тут.

Придатки давно разбрелись по отведенным им комнатам, Блистающие мирно почивали на своих крючьях да подставках — Гердан-хозяин просто у стены, — тьма лениво копилась в углах, растекаясь по полу; а я слегка покачивал левой кисточкой и монотонно считал про себя — один, два, три...

Нет. Не получается.

Картины недавнего прошлого проплывали в сознании,

подобно осенним листьям в горном ручье — вот церемония Посвящения у Абу-Салимов, вот я решаю судьбу турнира, вот турнир вместе с вежливым Но-дачи решают мою судьбу... скрипучий голос (голоса?) трех кинжалов-трезубцев, чей Придаток стоял рядом со мной, проваливающимся в беспамятство...

Желтые листья ушедших дней и событий в извилистом ручье моей памяти, желтые листья плыли и плыли, в страхе огибая холодный меч рассудка — вот Шешез и его поручение заняться поиском Тусклых, вот шут Дзюттэ Обломок с его сумасшедшей идеей... вот Чэн у наковальни, помогает Повитухе Коблану ковать железную руку... вот домашний арест, жалобный звон Волчьей Метлы за окном и слепая ярость, заставляющая стальные пальцы сомкнуться на рукояти... первое ощущение цельности с Чэном... убитый чауш и крик Фархада... клинки Мунира... рука аль-Мутанабби...

Что-то исчезло. Чего-то не хватало мне сейчас, сию минуту — и потеря была незаметна и бесконечно важна. Словно некий порыв, до того владевший мной и толкавший вперед, внезапно иссяк и исчез.

Это было неприятно и удивительно, как если бы уже войдя в удар, я вдруг понял, что не имею ни малейшего желания довести этот удар до конца.

Заболел я, что ли?

Нет. Просто мир Придатков, мое с Чэном взаимопроникновение и железная рука — все это незаметно отодвинуло на второй план суть и смысл моего прежнего существования.

Модный узор на новых ножнах и светские Беседы с Волчьей Метлой и Гвенилем; размышления о том, что пора бы женить своего Придатка и лет через пять-семь всерьез задуматься о подготовке нового — или подождать Чэновых внуков, если сам Чэн не растолстеет и не заболеет; выезды в город, в гости; подготовка к очередному турниру — словом, жизнь Высшего Мэйланя прямого Дан Гьена по прозвищу Единорог до смертей на улицах Кабира и до вероломного удара Но-дачи.

Мысли о самоубийстве, боль и страх, и жар от пылающего горна, и мечты о мести, сладкой и хмельной мести; и стальные пальцы на моей рукояти — то мертвые и недвижные, то живые и помнящие; и убитый чауш, и легенда о клинках Мунира, и многое, многое другое — да, это я сейчас, сегодня и сейчас...

Ну и что дальше?!

Мои собственные переживания и близость с Чэном, а

главное — стремление знать, узнавать и копаться в том, что было, что могло бы быть — все это затмило реальную возможность мести, реальных (или нереальных) Тусклых и поручение Шешеза.

Короче, будь моя воля — никуда бы я не ходил, никого бы не искал, а только спрашивал бы да размышлял.

Месть меня больше не интересовала. Считайте меня рохлей, зовите меня трусом — сверкать я на вас всех хотел. Руку, оставшуюся на турнирном поле, уравновесила рука, обретенная в кузнице Гердана Шипастого Молчуна и Повитухи Коблана. Потеря — находка, боль и горе — радость открытия нового. Теперь мне нужен был новый повод для мести, чтобы идти по Пути Меча с гневом и страстью, или...

Вот так-то... Или не так, а просто ночь и тишина морочат меня, навевая мысли, которые утром развеются, подобно туману... Посмотрим... посмотрим.

— Ты спишь, Единорог? — еле слышно доносится из угла.

Это Детский Учитель. Тоже заснуть не может, что ли?

Молчу. Пусть думает, что сплю.

— Притворяется, — уверенно отвечает второй голос, вне всяких сомнений принадлежащий Обломку. — Хитрый он стал, Наставник... Скоро штопором завьется от хитромудрости своей, и будет пробки истины из бутылей бытия выдергивать! Дашь пробочку на бедность, а, Единорожа?

— Не дам! — раздраженно бросаю я и тут же понимаю, что дальше притворяться спящим бессмысленно.

— Не спит он, Наставник, — как ни в чем не бывало сообщает Обломок, адресуясь к Детскому Учителю. Слово «Наставник» он произносит со странным насмешливым уважением. Так мог бы называть сына, вышедшего в мастера, умудренный жизнью и опытом отец — хотя Дзюттэ можно считать кем угодно, но только не умудренным.

Интересно, а сколько лет Обломку?

И почему я никогда не видел Блистающих с такой внешностью, как у него? Только потому, что он — шут? Так не родился же он шутом...

— Это я во всем виноват, — вдруг заявляет Детский Учитель. — И нечего, Дзю, меня успокаивать! Мое слово было последним, мне и отвечать!..

— И вовсе не твое, а мое! — бросает Обломок, а я слушаю их перепалку, и ничего не могу взять в толк. Гвениль тоже вину на себя брал — дескать, не проиграй он турнирную рубку Но-дачи, все было бы в порядке. Я уж устал ему твердить: брось, Гвен, судьбу не разрубишь, я хоть жи-

вой остался, а сколько Блистающих на улицах Кабира ушло в Нюрингу? То-то же!..

Теперь еще один виноватый выискался. Он-то здесь при чем? Ведь не Детского Учителя слово, и уж тем более не шуточки Дзю — я, я последнее слово о турнире сказал, еще у Шешеза в гостях!

— А что ты должен был им ответить?! — яростно шипит Дзюттэ. — Что ты согласен, что из-за какой-то Шулмы — если она вообще существует! — клан Детских Учителей покроет ржавчиной почти восемь веков благоразумия и станет учить юных Придатков убивать?! Что ты, как Верховный Наставник, готов стать Диким Лезвием и других сделать такими же?! Ты это должен был сказать, да?!

Так, сейчас они всех перебудят... Впрочем, любопытство уже проснулось во мне, а остальным просыпаться вроде бы и не к чему.

— Тихо! — командую я лязгающим шепотом, и, как ни странно, они мгновенно умолкают. — Вы меня зачем будили? Без зрителя ругаться скучно?! Значит, так — или вы без воплей объясняете мне, в чем дело, или — клянусь клинками Повитухи Масуда! — я...

Договаривать мне не пришлось. Упоминание о клинках пришлось как нельзя кстати — Дзюттэ и Детский Учитель мигом угомонились.

— Ты что?! — с некоторым испугом брякает Обломок. — И впрямь дурак... Кто ж такими именами ночью бросается?! Я думал, дурнее меня никого нет, а оказывается...

Тьфу ты, пропасть! Оказывается, я в запале имена Повитух перепутал. Хотел Мунира вспомнить, а мне на клинок Масуд подвернулся!

Даже в темноте я вижу — нет, скорее чувствую — как они переглядываются. Конечно! Во-первых, если дурак-Единорог такими именами бросается, то он их наверняка знает. Спрашивается — откуда? Предположить, что от Придатков — нет уж, Дзюттэ, конечно, тоже дурак, но не сумасшедший. И потом — может, я с умыслом Масуда, Повитуху Тусклых, помянул? Мало ли...

— Ладно, — наконец решается Детский Учитель, — начистоту так начистоту. От Кабира до Мэйланя сколько дней пути?

Он что, в Мэйлань собрался? Родичей моих проведать?

— Недели три, — отвечаю, — с лишком. И коней не жалеть. А если с караваном, не спеша — так и поболе будет. А что?

— Ничего. А от Мэйланя до Кулхана?

Кулхан — это пески на северо-востоке от Вэя, окраины Мэйланя. Я и не был-то там ни разу... ведь по-мэйланьски «кул-хан» — «плохие пески».

И не просто, а очень плохие.

— Ну... не знаю. Дня три, если тропы выучить. Или кого-нибудь из Охотничьих ножей в проводники взять.

— А если наобум?

— Тогда — неделю. Или вообще не доберешься.

— Так... Ну а если через Кулхан насквозь пройти и взять еще севернее? Там что?

Ишь, заглянул! Я и не слыхал, чтоб кто-нибудь в этакие дебри забирался... зыбучка там, если верить слухам. То есть это в Кулхане зыбучка, а за ним...

— Ничего, — отвечаю. — Конец света. Восьмой ад Хракуташа, где Ушастый демон У плохих Придатков перековывает.

— Да? — вмешивается Обломок. — А нам сказали, что там Шулма.

— Какая еще Шулма? Кто сказал?

— Друг твой один, — невесело хихикает Обломок. — Близкий. Длинный такой, слабо изогнутый, рукоять чуть ли не в полклинка, а гарды и нет-то почти. Руки Придаткам рубить любит.

— Но-дачи?!

— Он самый... Ну что, Наставник, рассказывай...

И Наставник рассказал.

4

По словам Детского Учителя, дней за десять до того, как произошло первое убийство в Хаффе на открытом турнире, к нему явились гости.

Но-дачи явился, потом еще один Блистающий, очень похожий на Но-дачи, но совсем маленький, не больше самого Детского Учителя; и трое странных кинжалов с узким граненым клинком и длинными острыми усами выгнутой гарды, отчего сами кинжалы сильно напоминали трезубцы, снятые с древка.

(Вспомнил я турнир, кинжалы эти вспомнил, как они Но от меня да Чэна беспамятных уводили; голос их скрипучий вспомнил, Придатка нескладного, одного на троих — и не сказал я ничего, только кистью качнул Детскому Учителю семьи Абу-Салим: продолжай, мол...)

...Говорил, в основном, Но-дачи. Остальные молчали.

Плохо как-то молчали. С вызовом. Короткий Блистающий сперва даже имени своего не назвал, а по виду его род определить не выходило. Кинжалы-трезубцы велели звать их Саями, а больше ничего не добавили.

Вот и звал их Учитель про себя: Сай Первый, Сай Второй и Сай Третий.

Только речь в первую очередь не о них.

Если верить Но-дачи — а он сперва произвел на Детского Учителя (как и на меня) весьма неплохое впечатление, — так вот, Но-дачи будто бы был моим земляком, и нелегкая как-то занесла его в Кулхан.

Что он там искал — неизвестно, и Детский Учитель решил не заострять на этом внимания. Мало ли куда вздумается отправиться молодому Блистающему? — а Но-дачи был, похоже, лет на тридцать моложе меня. Почему на тридцать? Когда я уезжал из Мэйланя, муаровый узор на клинках был темным, но все вокруг поговаривали, что скоро в моду светлый войдет, «лянь памор» по-нашему. Мне при отъезде всего-навсего двадцать девять лет стукнуло, узор у Но светлый, чистый «лянь памор», а узор при рождении образуется. Сходится?

Ладно. В этом деле многое на веру придется брать. Возьмем, и дальше пойдем.

Короче, Но-дачи ухитрился пройти Кулхан. У Придатка его на воду то ли чутье, то ли везенье было — два раза на заброшенные колодцы натыкался, и еще раз на конного Придатка, застигнутого песчаной бурей. Фляга у покойника нашлась, небольшая, но на два дня пути хватило.

Коня у них в первую же неделю бешеный варан сожрал, так Придаток пешком шел, Но-дачи на плече нес и сушеную варанятину жевал — в отместку за коня, что ли...

Нес, нес и вынес. На свою голову.

...Убили его, Придатка этого. Пески насквозь прошел, гнилую воду по капле цедил, когда варанов не стало — змей на солнце вялил... и все для того, чтоб у первого же дерева, кривого да чахлого, прирезали его, как скотину.

Три копья ждали у этого дерева. Три легких копья неизвестного рода и три ножа. Ну, и три Придатка на низкорослых косматых лошадках.

Только молчали они, и копья эти, и ножи — молчали, сколько Но-дачи не кричал им издали. И еще дух от них шел... нехороший. Будто и не Блистающие они вовсе, а так — вещь.

Вещь неразумная. Мертвая.

Или почти мертвая.

Или даже и не жившая никогда.

Так что когда Придаток Но-дачи из последних сил добежал до ожидающих — один из всадников глянул на него искоса, наклонился, вынул безразличный нож и деловито перерезал горло покорителю Кулхана.

Как ветку срезал. Равнодушно так, спокойно, без злобы.

И вытер неживой клинок о шкуру лошади.

Знай Но-дачи заранее то, что он тогда лишь начал узнавать; умей он в тот миг то, чему нескоро обучился — не спешил бы он к всадникам. И так, неспешно, всех девятерых положил бы рядком у того же дерева. Три копья, три ножа, три Придатка.

В пыль.

(Вот в это я поверил сразу).

...Увезли его. Приторочили к седлу и увезли. И очень скоро выяснил Но-дачи, что вокруг него лежит Шулма, и живущие здесь Придатки зовут себя шулмусами; а еще узнал, что нет в Шулме Блистающих.

Оружие есть. Вещь неразумная, для убийства созданная.

А убивали в Шулме немало. Род на род, племя на племя, то набег, то распря. Так что работы железу хватало.

Брезжило что-то в местных клинках, словно фитиль мокрый свечной горел — вспыхнет, погаснет, снова вспыхнет, зашипит, затрещит и плюется во все стороны. Чадит, а не светит.

Вещь не вещь, тварь не тварь. Но и не Блистающие.

Дикие Лезвия. Совсем-совсем дикие.

Без легенд и сказок. Без красоты вымысла.

Как есть. По-настоящему.

...Не всех пришлых Придатков в Шулме резали. А тех, что из-за Кулхана явились — тех вообще берегли и, в отличие от других рабов, даже на тяжелые работы не ставили.

И кормили не впроголодь. Это Придатку Но-дачи просто не повезло отчего-то. Не глянулся он шулмусам-заставщикам, что ли?

Чего уж теперь гадать...

А вот Блистающих у пришельцев отбирали. Оружие то есть, с точки зрения шулмусов. И хранили пленных Блистающих в почетном шатре.

У каждого уважающего себя племени — а племен, себя не уважающих, не было в бескрайней Шулме — имелся такой шатер.

Знатное жилье! На отдельной повозке возили, трех белых коней запрягали да трех гнедых — это когда на новое место откочевывали. А вот когда на стоянках разбивали, то сверкал и искрился шатер золотыми полосами переплетаю-

щихся цветов и узоров, искусно вышитых по зеленому бархату; низ шатра натягивался на массивные колья красного металла, покрытые тончайшим чеканом работы неведомых златоделов.

Вроде бы и небогата ремеслами кочевая Шулма, а вот поди ж ты!..

В шатре том и познакомился Но-дачи с братьями-Саями, хмурыми и неразговорчивыми, и с другими Блистающими, невесть какими путями попавшими в Шулму. Только не сразу понял Но, почему одни Блистающие в шатре на белой, как снег, кошме лежат, а другие — на пунцовой.

Как по крови плывут.

...Долго понимать не пришлось. Поначалу соседей спрашивал — те, что с белой кошмы, и сами ничего не знали или делали вид, что не знали, а те, которые с пунцовой — отмалчивались.

Вскоре все выяснилось само собой.

По большим местным праздникам, шесть-семь раз в год (как турниры в Кабире!) устраивало племя общий той. Скачки, пляски, песни, козлодрание, котлы сорокаведерные мясным паром кипят, маленькие Придатки-шулмусики с головы до ног бараньим жиром да кислым каймаком перемазаны. А в последний день тоя звали какого-нибудь раба-Придатка — непременно того, кто из-за Кулхана пришел — и заставляли выбирать оружие по руке.

С белой кошмы.

А потом ставили их обоих — Придатка с Блистающим — против бойца-шулмуса.

И в ладоши хлопали — начинайте, дескать!

Вот так хлопнули однажды и для Но-дачи. И для рослого темнокожего Придатка — дурбанец, наверное! — что уверенно поднял Но с белой кошмы.

(«Еще бы! — подумал я. — Они там, в Дурбане, и без того на двуручниках помешаны, прочие роды обижаются... ну да ладно, не о том сейчас речь...»)

Истосковавшийся по Беседам Но-дачи начал ее радостно и красиво — благо Придаток попался сообразительный. Три стремительных дуги прочертил в воздухе тяжелый клинок, и слетела верхушка шулмусского малахая из лисьего меха, забился на полынном ветру распоротый рукав чекменя, рассыпались костяные украшения с лопнувшего шнурка на жилистой шее...

А кривая сабля-клыч не сказала в ответ ни слова. Шагнул шулмус, и узкий клинок просто и грубо погрузился в живот нового Придатка Но-дачи. Темная кожа посерела,

будто пеплом подернулась, гулко забили барабаны — и вновь остался Но-дачи один.

В шатре. На белой кошме.

А за шатром хлопали в ладоши и счастливо взвизгивали довольные шулмусы. Как же — такая победа!

Даже обнаженное оружие, которым размахивали жители Шулмы, что-то азартно бормотало, захлебываясь пьяным весельем — да только невнятной была речь шулмусских клинков, одышливо присвистывали копья, заикались на взмахе метательные ножи...

Ну и что? Зато могли то, чего не могли Блистающие Верхнего Вэя, Кабирского эмирата, Омелы Кименской, древнего Мэйланя, Лоулеза, Дурбана, Хаффы, Хакаса...

Шулма — могла!

Видел Но-дачи — по уменью Беседовать один Блистающий дюжины здешних сабель стоит. Стоить-то, конечно, стоит, но вот в чем беда: через себя не переступишь, а уменьем убийства не перекрыть!

Разве что...

Отлежался Но на кошме, отмолчался, и месяца через два, на очередном тое, с другого конца подойти решил.

Пять раз выбивал он боевой топор из рук одноглазого шулмуса-поединщика, пять раз кричал топору: «Опомнись, брат!..»

Не докричался. Глухо ухал топор, как птица ночная, — и все. А затягивание боя считалось среди шулмусов уловками Гэнтэра, лукавого божка воров и конокрадов, недостойными настоящего мужчины. Зароптали зрители, мелькнул в воздухе волосяной аркан, рухнул хрипящий Придаток, роняя Но-дачи...

...Очнулся Но на кошме.

Белой.

Долго думал большой меч, долго себя наизнанку выворачивал, долго копил в себе скудные крохи решимости; и накопил. После третьего боя, короткого и страшного, отнесли его с почетом на пунцовую кошму и всю ночь выли вокруг Но по-праздничному.

Никогда не забудет двуручный Но-дачи, Блистающий Мэйланя, как снял он с плеч свою первую голову.

Вот ведь как выходит — и чужая голова своей стать может, когда снимешь ее с хозяина.

А Придатка, что в тот памятный день Но-дачи держал, в племя приняли. На одного шулмуса больше стало. Молодец!..

Еще бы не молодец... И себя спас, и Но-дачи. Ведь если какой Блистающий с белой кошмы за год так крови и не

попробует — приносили неудачника в жертву Желтому богу Мо, разломав на три части и утопив в священном водоеме.

Все дно — в обломках. Гнилых, ржавых.

Кладбище, как есть кладбище. Братская могила.

А так — хорошо. С пунцовой кошмы на праздничные бои лишь три раза в год берут. И то — против новеньких. Тех, что Беседуют. По-старинке. Как привыкли в Мэйлане, Кабире, Хаффе...

Вот поэтому и не рассказывают новичкам, за какие-такие дела с кошмы на кошму перекладывают.

...Год прошел. Второй прошел. Третий начался.

И как-то ночью вошли в шатер, переступив через удавленного стража, девять Придатков — из тех, что в разное время были в племя приняты. А у шатра восемнадцать коней землю копытом рыли — девять заседланных, девять — в заводе, под вьюки.

Взяли Придатки с пунцовой кошмы одиннадцать Блистающих — троих братьев-Саев, Но-дачи, потом похожего на Но маленького Шото... еще шесть клинков, проверенных Шулмой...

И — только пыль взвилась за беглецами. Утром кинулась Шулма вдогон — куда там! У ближайшего табуна табунщик пополам рассечен — видно, впрок праздничная наука пошла! — кони на земле бьются с сухожилиями перерезанными, плачут детскими голосами. Пока на дальний выпас пешком, пока...

...Прошли они Кулхан. Семеро — из девяти Придатков. Девять — из одиннадцати Блистающих.

И четыре лошади.

Прошли. Обратно. Зная, что там, за песками, далеко, есть на земле место такое — Шулма.

И земля им тесной показалась.

Глава девятая

1

— Интересное дело... — задумчиво прошелестел я, когда Детский Учитель надолго замолчал. — Ну, допустим... А почему тогда они именно к тебе пришли, на жизнь жаловаться? Мало ли в том же Кабире Детских Учителей? И вообще...

— Учителей-то немало, — вмешался Обломок. — А Детский Учитель семьи Абу-Салим — один. И слово его,

как Верховного Наставника из Круга Опекающих, дороже иных слов стоит. Вот так-то! И не только в Кабире.

Я не особенно разбирался в иерархии Детских Учителей, но сказанного Обломком было достаточно, чтоб угомониться и не приставать к маленькому ятагану с лишними вопросами.

— А ты, Дзю? — видимо, я угомонился, да не совсем. — Ты тоже Верховный Наставник, раз при этом разговоре присутствовал?

— Я — Верховный Насмешник, — ухмыльнулся Дзюттэ. — И я не присутствую. Я прихожу и остаюсь, пока меня не выгоняют. А когда выгоняют, то я все равно остаюсь. Понял?

— Понял, — качнул кистью я. — Ладно. Наставник, рассказывай дальше.

— Дальше? — тихо переспросил Детский Учитель. — Чтоб дальше рассказывать, надо сперва назад вернуться...

И мы вернулись назад.

...За три месяца до побега попал в шатер к Но-дачи незнакомый Блистающий. Попал — и сразу на пунцовую кошму лег. Его в набеге из чужого племенного шатра выкрали, так что он в Шулме уже лет пять обретался, и всему, чему надо, обучен был. В том шатре он вместе с братом-близнецом лежал, только в суматохе набега пропал брат куда-то...

И одной долгой ночью, когда нет иного дела, кроме как спать или разговаривать между собой, рассказал новый Блистающий о том, что недавно случилось в его племени — а был он из известного в Мэйлане рода парных топоров Шуан, не склонных к выдумкам и многословию.

(Да, я неплохо знал когда-то Шуанов по обеим линиям — Верхневэйской и Мэйланьской — и к многословию они были склонны не больше, чем к умышленной порче Придатков. Хотя — если эта Шулма действительно такая...)

...Случился в племени, где находился тогда Шуан, заблудший топор с короткой рукоятью и подобным луне лезвием — праздничный той. Скачки-байга, песни-пляски, хмельная арака — все, как полагается.

Все, да не все.

Явился в племя, в самый разгар тоя, чужой Придаток с Блистающим на поясе. По внешнему виду оба — чистые Вэйцы. И пришли от юго-восточной границы Кулхана. Почему сами пришли, а не под конвоем заставщиков — неясно, да и лень в праздник разбираться.

Ну, раз пожаловали — становитесь в круг, за цвет кошмы и жизнь Придатка спорить!

Стоят они в круге. Смотрят на шулмусов. И те на них смотрят. Видят — Придаток стройный, узкоплечий, черноглазый, в суконный бешмет затянут; ни вида, ни силы, одни глаза из-под войлочного колпака лихим огнем горят. Такие огни в полночь на заброшенных курганах-могильниках видеть можно — можно, да не нужно. Кто их близко видел, те домой редко возвращаются.

А Блистающий, что только что был на поясе, а теперь уже в руке подрагивает — вроде бы обычный меч, прямой да короткий, клинок треугольный, двулезвийный, только у гарды-крестовины тот клинок чуть ли не в полторы ладони шириной, а у острия — полукругом под бритву сточен.

— ...Чинкуэда, — бросаю я. — Как же, слыхал...

— Что? — удивляется Детский Учитель.

— Чинкуэда, говорю. Есть такая семья у нас на северных солончаках. Затворники, в свет редко когда выбираются...

— А... ну хорошо. Пусть будет по-твоему. Дальше говорить?)

...Вышел к гостю незваному в круг шулмус с двумя копьями. Поглядел на соперника Придаток, звонко расхохотался у него в руке Блистающий Чинкуэда, и затем острием указал по очереди на семерых шулмусов, что впереди прочих стояли.

Выходите, мол!..

Те и вышли. Стоят ввосьмером. Ждут.

— Джамуха! — сказал стройный Придаток и в грудь себя кулаком стукнул. Дескать, зовут меня так — Джамуха...

...Знал топор Шуан, что любой Блистающий по уменью своему много шулмусских клинков на весах Беседы перевешивает. А вот то, что новенький Блистающий, не обожженный Шулмой, не терявший Придатков, с первого же раза восьмерых шулмусов играючи положит — этого топор Шуан не знал.

И двуручный Но-дачи не знал. А узнав — удивился.

(И я удивился.)

Покачался окровавленный Чинкуэда над трупами, посвистел лениво в тишине, и в ножны лег, не вытершись. Придаток его улыбнулся нехорошо, в карман бешмета полез и пригоршню ушей оттуда достал. На землю бросил.

По серьгам признали шулмусы уши своих пограничных заставщиков.

Через полгода новый вождь был у племени. Взамен прежнего, зарезанного на глазах у всех.

Звали нового вождя — Джамуха Восьмирукий.

И на поясе его всегда висел прямой короткий Чинкуэда, скорый на смерть.

2

А еще через три месяца указал Чинкуэда острием на четыре стороны света и сказал: «Много земель — одна Шулма. Много племен — один народ. Много Придатков — один вождь. Кто не согласен — умрет».

Было это незадолго до похищения топора Шуана. И чуть дольше оставалось до дерзкого побега девяти Придатков и одиннадцати Блистающих.

Топор Шуан тоже был среди них.

Он остался в Кулхане. Зыбучка засосала.

3

...Детский Учитель все еще тихо шелестел, сообщая разные малозначащие подробности, молчал Обломок — слишком долго для его характера, — спали мирным сном остальные гости и Гердан-хозяин (интересно, а почему я считаю себя тоже чем-то вроде хозяина, хоть и сам в гостях?), крупные кабирские звезды заглядывали в окно...

Короче, я уже не слушал Детского Учителя, а думал о своем. Вернее, о чужом — о невероятной Шулме, о Но-дачи и о том, что мне его не жалко.

Абсолютно.

Я и сам стоял вплотную к той черте, которую Но перешел волею неумолимых обстоятельств. Я — тут, пока еще тут; он — там, уже там... но нас разделяло не более одной длины клинка. Хороший выпад судьбы — и мы будем рядом.

А моя личная судьба носила имя. Но-дачи. Бежавший из Шулмы.

Нет, ненависть ушла и пока не появлялась, но и жалости не возникало. Скорее уж мне стоит задуматься, что никаких Тусклых я, как ни буду стараться, не найду. Миф рассыпался на глазах, теряя плоть и реальность — ужасом Кабира, Дурбана, Хаффы оказалась кучка Блистающих из Шулмы, с того конца света.

Бороться с легендой мне было бы страшнее.

Постой, Единорог... ты все-таки собираешься бороться?

Ладно. Отложим до утра.

— ...и он сказал, — пробился сквозь мои раздумья шелест Детского Учителя, — что настанет день, когда Джамухе Восьмирукому станет мала Шулма. И тогда Шулма придет в Кабир. Ты слушаешь, Единорог?

— Да-да, — торопливо звякнул я. — Конечно... Шулма придет в Кабир. И что дальше?

— А дальше, — не выдержал Обломок, — по его словам, мы все станем заложниками собственного воспитания. Пока мы будем пытаться Беседовать и возмущаться грубостью незваных со-Беседников — Придатки Кабирского эмирата умоются кровью. И вскоре Кабир станет Шулмой. Ясно?!

— Ясно.

Мне действительно было ясно. Да, на месте Но-дачи и его спутников я тоже в первую очередь явился бы к Верховному Наставнику из Круга Опекающих. Чье слово весомо в среде Детских Учителей.

— Шулма, если она есть, придет в Кабир не завтра, — медленно продолжал я. — И не послезавтра. Значит, у Кабира есть время. Значит, за это время Детские Учителя эмирата могут успеть многое. Взрослого Придатка очень трудно переучить заново, а вот Придатка-подростка... или лучше Придатка-ребенка... Исподволь, осторожно внедрить в податливое сознание мысль о возможности умышленной порчи друг друга, вовремя подтолкнуть неокрепшую руку, чуть-чуть изменить навыки, когда надо — промахнуться, когда надо — попасть... И когда (если!) Шулма придет в Кабир — ее встретят новые Придатки, чье уменье убивать, помноженное на мастерство Блистающих... Бедная Шулма! Да, на месте Но я предложил бы то же самое.

— Ты угадал, Высший Дан Гьен, — со странной дрожью в голосе подтвердил Детский Учитель. — Но-дачи предложил именно этот выход.

— Ну и..?

— И я отказался. Я не знаю, придет ли Шулма в Кабир, но если бы Детские Учителя эмирата согласились бы на предложение Но-дачи — с этого дня, с этой минуты Шулма уже была бы в Кабире. А Дзю сказал...

— А я сказал, — резко перебил Наставника Обломок, — что за Шулмой не надо далеко ходить, потому что она уже в Кабире! Что Но и его приятели — это и есть Шулма! И если Блистающий способен помыслить о том, чтобы научить детей-Придатков убивать — он... он должен был навсегда остаться в Кулхане! Добровольно!

Меня поразила горячность шута. Предложение Но-дачи затронуло, вне всяких сомнений, какие-то сугубо личные чувства Обломка — вот только какие?

И опять же — сколько ему лет?

— Договаривай, Наставник, — тоном ниже буркнул Дзюттэ. — Все, не лезу больше...

— Чего уж там договаривать, — отозвался Детский Учитель. — Ушли они. Надо быть ржавчиной порченным, чтоб не понять — не дадим мы с Дзю юных Придатков портить. И сами не будем, и другим закажем. А они, беглецы из Шулмы, не глупее нас были. Маленький Шото — тот чуть не с середины разговора зверем на меня косился, а братья-Саи в дверях задержались и говорят: «Видишь, Но, мы же тебя предупреждали... Чистенькие они все тут, а мы теперь грязненькие — не станут нас в Кабире слушать. Придет Шулма, научит чистеньких пачкаться — да поздно будет. Станут пьяные шулмусы Блистающими владеть, а сами Блистающие Придатками станут. Нет уж, не дадим мы чистеньким вот так, от чистоты душевной, подохнуть! Наша грязь дешевле да проще — сами, сами обучитесь, чему надо... хотите или не хотите». Не понял я сперва, о чем это Саи, а как первое убийство в Хаффе свершилось, так сообразил — только поздно.

— Почему поздно? — спросил я.

— Ты уже почти научился убивать, — тихо ответил Детский Учитель. — Маскин Седьмой из Харзы — учится. Это только из числа тех, кого я знаю. И о ком я знаю. Кто следующий? Шешез? Лунный Кван? Гвениль? — а я именно его подозревал в содействии Саям и Но-дачи! Волчья Метла? Кто?! Может быть — я?!.

— Или Обломок, — не подумав, предположил я.

Дзюттэ промолчал — что само по себе было удивительно, — но промолчал он так, что вот мне-то и стало не по себе. Было в его молчании что-то общее с молчанием Фархада иль-Рахша, грозящим прорваться бешеным звоном: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!»

Ну почему, почему я даже после всего случившегося так ужасающе легкомыслен? Говорю, не подумав; лезу, куда не следует; смеюсь, когда стоит быть серьезным, и наоборот...

Впервые я подумал, что с точки зрения многих кабирцев я могу оказаться в чем-то похожим на Дзюттэ Обломка. Вот она какая, личина шута...

— А почему ты не рассказал обо всем Шешезу? — поинтересовался я, адресуя этот вопрос Детскому Учителю. — Рассказал бы, и Шешез наверняка принял бы какие-то меры...

— А он и принял, — горько усмехнулся маленький ятаган. — Просто поверить в Шулму и угрозу Но-дачи для Шешеза было ничуть не легче, чем поверить, например, в тех же Тусклых. Вот он и поверил... во все сразу. Поговорил с тобой о Тусклых, провел опрос о целесообразности

турнира, поручил нам приглядывать за происходящим, доверил харзийцу Маскину Седьмому поиск Тусклых, или хоть кого-нибудь; прислушался к предложению Дзю изготовить для твоего Придатка новую руку... Опять же не лез куда не надо. Каких еще мер ты ждал от Шешеза фарр-ла-Кабир, Единорог?

— Ну... других, — промямлил я.

— Других... Для других мер нужно уметь то, чему нас учат беглецы из Шулмы! Вот так-то...

Слабый шорох — и в дверном проеме возник силуэт Придатка. Я узнал его — теперь мне все легче было различать и Придатков, и те мелкие детали, которые обнаруживали смену их настроения. В дверях стоял Друдл. Придаток Обломка и Детского Учителя.

Нет, кроме Чэна, я никого больше из них не мог пока называть иначе, как Придатками. Ну и ладно... не все сразу.

— Заболтались мы совсем, — как ни в чем не бывало заявил Дзюттэ. — А спать по-прежнему не хочется. Пошли, Наставник, прогуляемся по холодку, остынем... Спи, Единорог, и не сердись, что разбудил. Чувствуешь, какой я вежливый стал? А все твое облагораживающее влияние...

Придаток Друдл неслышно приблизился, Дзюттэ и Детский Учитель устроились у него за поясом — и через мгновение я был единственным бодрствующим в комнате.

А спустя некоторое время я задремал.

И увидел сон.

4

Я висел в черной бархатной бесконечности, сверкая обнаженным клинком. Ледяная мгла слабо мерцала многочисленными искорками, и я догадывался, что каждый дрожащий огонек — это Блистающий, невероятно удаленный от меня и оттого такой же одинокий и беззащитный перед молчащим и равнодушным мраком.

Слабый звон донесся до меня откуда-то снизу — если здесь были верх и низ. Я вгляделся — и увидел крохотный зеленоватый шарик. Как тогда, на улице Сом-Рукха, когда сколотый с гарды убитого Шамшера бронзовый шарик откатился к глиняному дувалу...

Едва эта мысль посетила меня — я ощутил собственный вес и гигантской молнией понесся навстречу растущему шарику, пронзая пустоту, рассекая облака, расплескивая плоть земную и с каждым мгновением становясь все тяжелее.

Потом некоторое время не было ничего.

Совсем ничего.

...До половины уйдя в рыхлый холм, огромным крестом возвышался я над сумрачной равниной, и тучи неслись по мглистому небу, цепляясь за мою рукоять.

А по равнине двигалась странная процессия.

Блистающие и Придатки.

И как только кто-то из них проходил мимо моего холма — я слышал Имена, незнакомые мне, еле различимые в раскатах хриплого грома.

Придаток Артур Пендрагон и Блистающий меч Эскалибур, Придаток Тетра, король фоморов, и Блистающий меч Орна, одноглазый Придаток Один и копье Хунгнир; божественный Придаток Луг, искусный в ремеслах, и копье Ассал; чернокожий лев Антара Абу-ль-Фаварис и меч аз-Зами, Сусаноо-но-Микото, неистовый бог-Придаток ветра и морских стихий, и его Блистающий меч Десять длaней...

Они шли и шли, и я уже не понимал, кто из них Блистающий, а кто — Придаток; они шли, и гремел гром, и этому не было, не могло быть конца.

Этому не было даже начала.

Зигфрид и его меч Грам, Фрейр и меч Хундингсбана, Тор и боевой молот Мьелльнир; Келтхайр, сын Утидира, и копье Луйн, Роланд и его меч Дюрандаль, Магомет, пророк Божий, и его мечи — Джуль Факар, что значит «Пронзатель», Медхам, что значит «Острый», аль-Баттар, или «Рассекающий», Хатей, или «Смертоносный», и еще два копья — аль-Монсари и аль-Монсави...

И я проснулся, когда гром превратился в голос — усталый, хриплый, слегка севший, словно после долгого крика.

— Будь проклят день, когда оружию стали давать имена! — сказал тот голос.

5

Проснувшись, я не помнил почти ничего, кроме голоса и его последних слов.

— Приснится же такое... — еле слышно лязгнул я, и в этот миг железная рука коснулась моей рукояти. Рядом стоял Чэн, мотая отяжелевшей спросонья головой и часто-часто моргая.

— Приснится же такое... — прошептал Чэн, становясь Чэном-Мной, и я еще раз увидел глазами его памяти равнину, процессию; и услышал голос.

Чэну снился тот же сон. Только запомнил он больше.

— Так, гулять... гулять... — бормотал Чэн-Я, укрепляя

ножны на поясе и пробираясь к двери. — На свежий воздух, в холодок...

Я-Чэн даже не сразу заметил, что почти дословно цитирую Обломка, а когда заметил — мы уже находились на улице и с удовольствием впитывали ночную прохладу.

Некоторое время мы прогуливались возле главного входа, думая каждый о своем. Я говорю — «мы», потому что в первую же секунду взаимопроникновения стало понятно — Придаток Друдл рассказал Чэну почти то же самое, что Детский Учитель поведал мне; и нам с Чэном совершенно необязательно обмениваться узнанным для полноты картины.

Так что мы отошли друг от друга на шаг — этот шаг был невидим никому, кроме нас — и вспоминали подробности ночного разговора.

Каждый сам по себе — и в то же время вместе. Оказывается, «мы» ничуть не хуже, чем «я» или даже «Я-Чэн»...

Неподалеку начинался чей-то сад, совершенно не огороженный, и там оглушительно стрекотали цикады, заставляя вибрировать воздух. Я подумал, что в моей воле бросить все и завтра же покинуть Кабир. Эмират велик, да и дружественных земель немало — и везде меня примут с радостью. Обзаведусь новыми друзьями, ничем не буду интересоваться, никого не буду разыскивать, никому не стану мстить, начну Беседовать вполсилы, чтоб не привлекать лишнего внимания, а по ночам буду отводить душу с Заррахидом...

И никаких тебе забот — ни личных, ни государственных! Уйдут видения горящего Кабира, оборвет свой бег гнедой жеребец, и аль-Мутанабби, первый Придаток на кабирском престоле, снова станет всего лишь именем на одной из пластин латной перчатки. И все вокруг будут думать, что там, в перчатке есть живая рука — ну а что им останется думать?!

Ночь пахла персиками и рейханом, я счастливо улыбался и перемигивался со звездами, прекрасно понимая, что никуда я не уеду, и, в конце концов, все в этой жизни будет идти своим путем — хочу я этого или не хочу.

Своим путем.

Путем Меча.

Только теперь до меня дошел смысл старинной поговорки: «Не мы идем по пути, но Путь проходит через нас». Ведь если так — можем ли мы уклониться, отказаться, свернуть?

Вот я и свернул — за угол, обходя Кобланов дом.

Через пару минут я и Чэн оказались на той самой глухой улочке, которую не раз обозревали во время нашего

невольного заточения. Ага, вот на этом самом месте находился Гвениль, когда я из зарешеченного окошка кричал ему, чтобы он срочно сообщил Шешезу о пленении несчастного Единорога; а потом Гвен удалился в переулок...

— А ведь мы предупреждали тебя, Наставник, — донеслось из переулка. — Упрямец ты, однако... был.

Это, наверное, Обломок опять что-то втолковывает Детскому Учителю.

Чуть ли не впервые реакция Чэна оказалась быстрее моей. Я еще только понимал, что резкий скрипучий голос никак не может принадлежать Обломку, а Чэн уже метнулся к угловому забору и, прикрываясь его тенью, мигом оказался у поворота.

И тут, как по заказу, некая одинокая и взбалмошная тучка решила немного поерзать по небу — и клинок лунного света наискось полоснул по Кабиру, высвечивая ближнюю к нам часть переулка.

И то, что происходило там.

...Прижавшись спиной к задней глухой стене чужого дома, стоял Придáток Друдл, держа руку на эфесе Детского Учителя. Рядом с Наставником огибала кушак Друдла гарда-лепесток Обломка. И я еще некстати подумал, что плотный и приземистый Друдл сейчас напоминает тростниковую жабу, ждущую очередного комара.

Все мое проклятое легкомыслие... не о том думаю, не о том!..

Напротив переминались с ноги на ногу двое Придатков. Первого из них я узнал бы и в полной темноте, даже несмотря на троицу кинжалов-трезубцев за его поясом. Усы-гарда кинжалов по форме изгиба ужасно напоминала одностороннюю гарду Обломка, хотя в остроте тонких, хищно блестевших лезвий сомневаться не приходилось.

Братья-Саи, приемные дети Шулмы; и их обманчиво нескладный угловатый Придаток в темной, заправленной в холщовые штаны рубахе с широкими развевающимися рукавами.

Я слегка задержал взгляд на Саях, с врожденным уменьем Блистающего оценивая их внешний вид — семь граней клинка, цельнокованного вместе с двурогой изогнутой крестовиной, рукоять плотно обкручена грубой веревочной спиралью и завершается простой круглой головкой.

Ни украшений, ни излишеств... ни ножен. Простота во всем. И баланс, должно быть, отличный...

Раньше я подумал бы, что Саи попросту вышли из небогатого рода — но это раньше.

...Второй Придаток был невысок и гибок, вроде моего

Чэна, и в нем угадывалась кошачья грация и ловкость, которыми он, пожалуй, с успехом мог бы восполнять недостаток веса или силы. Ножны, висевшие за его плечом, пустовали — а обнаженный Блистающий в правой руке и впрямь напоминал сильно уменьшенного Но-дачи.

«Шото, — догадался я. — Маленький Шото. А где же остальные? Хотя... если Но-дачи уехал в Мэйлань, то и остальные, скорей всего, разъехались по разным городам, чтобы терроризировать эмират одновременно в нескольких местах. А эти — остались. Шешез говорил, что в Кабире в последнее время тихо... странно! Эти остались — и тихо?!»

— Но велел нам тебя не трогать, Наставник, — тягуче пропел Шото, и «Но» получилось у него, как «Ноо». — Впрочем, он уехал, а мы непослушные, знаешь ли... Можно, мы тебя потрогаем, Наставник? Можно, я — я сам! — тебя слегка потрогаю? Ты щекотки не боишься?..

К Обломку Шото не обращался, подчеркнуто игнорируя шута.

Братья-Саи хихикнули и отвели своего Придатка шагов на десять назад.

— Это моя Беседа, Дзю, — тихо и властно сказал Детский Учитель. — Моя. Не вмешивайся.

Он произнес это таким тоном, одновременно покидая ножны, что даже я, как невидимый соглядатай, почувствовал — это *его* Беседа.

Во всяком случае — пока.

Шото коротко присвистнул и кинулся вперед.

6

Они сошлись почти вплотную — ни я, ни тем более Гвениль никогда не смогли бы долго работать на такой дистанции — и даже мне было сложно успевать делить Беседу на отдельные фразы и оценивать смысл каждой.

Впрочем, «сложно» не значит «невозможно». И если бы я был не снаружи Беседы, а внутри нее, то это происходило бы гораздо проще.

На первый взгляд Шото и Детский Учитель Беседовали очень похоже, в основном полагаясь на короткие рубящие удары почти без замаха и ни разу не ударяя дважды на одном и том же уровне. Только маленький ятаган бил гораздо сильнее за счет центра тяжести, смещенного ближе к концу клинка (как у любого Блистающего из рода ятаганов), а Шото с его серединным балансом на два пальца от

плоскости квадратной гарды не был столь подвержен инерции удара.

Отчего и тратил значительно меньше сил на возвращение после промаха.

Фраза. Еще одна. Две фразы подряд, разрыв дистанции и пауза. Вопрос. Ответ. Вопрос...

Постепенно я поймал нужный ритм, и следить за Беседой стало легче.

Вот тогда-то я и увидел главное.

Суть Беседы в глухом переулке спящего Кабира крылась не в том, что Придаток Шото держал своего Блистающего двумя руками, а Друдл — одной, и впрямь став похожим на скачущую жабу с мелькающим языком-ятаганом (взгляните на жабу с точки зрения комара, и вы поймете, что я хочу сказать!). И не в том, что более легкий Шото не мог принять на себя всю мощь рубящего ятагана, и его Придатку чаще приходилось уворачиваться, тогда как Друдл упрямо лез вперед и Детский Учитель всякий раз оказывался на пути визжащего Шото, заставляя того искать все новые лазейки в обороне Наставника.

Нет, не это превратило Чэна в каменную статую, не это заставило меня внутренне слиться с чужой Беседой, стараясь не пропустить ни одного движения.

Просто сейчас в переулке Беседовали не Детский Учитель семьи Абу-Салим и прошедший Шулму убийца-Шото. Это была Беседа непосредственно Кабира и Шулмы. Беседа прошлого и настоящего, извечный спор мудрого Мунира и гордого Масуда.

И Путь Меча был достаточно широк, чтобы вместить в себя и первое, и второе. Ручей, некогда разделенный молнией надвое, вновь слился воедино — и струя враждовала со струей.

Я видел, как Наставник изо всех сил борется сам с собой, пытаясь сломать воздвигнутую десятилетиями преграду Мастерства Контроля, помноженную на навыки именно Детского Учителя! Уже трижды он мог пробить брешь в защите Шото, и пробивал, и в последний момент судорожно отдергивался или проходил впритирку к Придатку Шото — в лучшем случае рассекая одежду.

Зато сам Шото не ограничивал себя ничем, работая исключительно на поражение — и при таком положении дел он обязательно рано или поздно достанет тело Друдла!

Рано или поздно.

И останавливаться он не будет.

Шото не Беседовал. Он дрался. А Детский Учитель... он

хотел драться. Он страстно хотел этого, всей душой, всем существом! — но его душа в последнюю, самую важную секунду говорил: «Нет!»

«Фархада бы на его место!» — еле успел подумать я, и тут случилось непредвиденное.

То, на что никак не мог решиться Наставник, сумел сделать Придаток Друдл!

Когда маленький ятаган, чуть не плача от злости на себя самого, в очередной раз отдернулся от незащищенного бедра Придатка Шото, не разрубив даже полы халата — Придаток Друдл с нечленораздельным криком вдруг прыгнул вперед, едва не опрокинув Придатка Шото, и изо всех сил ударил того коленом в низ живота.

Это было грубо и грязно, это противоречило всем канонам и основам Беседы, вместе взятым, и это было как нельзя кстати. Разумеется, кстати отнюдь не для Придатка Шото, взвывшего от боли и согнувшегося пополам.

И вот что удивительно — если от мастерства Наставника я испытывал немалое удовольствие, то поступок Друдла просто привел меня в восторг. Правда, несколько животный восторг...

Отчего мне тут же стало неловко.

Детский Учитель просвистел возле открытой для атаки головы Придатка Шото, смахнув прядь волос и так и не сумев заставить себя повторить удар Фархада, расколовший череп взбесившегося чауша — и один свист наложился на другой.

Зрители не выдержали, становясь участниками.

Сай Первый на две трети вошел под правую ключицу Друдла. Шут охнул, пальцы его разжались, и Детский Учитель звякнул о булыжник мостовой.

Угловатый Придаток братьев-Саев стоял на прежнем месте, но в руке его уже покачивался рукоятью вверх Сай Второй, готовый в броске последовать за братом.

— Я ж тебе сто раз твердил, Шото, — проскрипел Сай Первый, пока халат Друдла вокруг него набухал, пропитываясь кровью, — не лезь в герои, не нарывайся без нужды. А тебе все забава... Ну что бы я Но сказал, если бы этот толстяк твоего Придатка попортил?! Ладно, заканчивай...

— С-скотина! — злобно прошипел Шото, и...

...Время — очень странная штука. Чэну понадобилось всего пять прыжков, чтобы оказаться в гуще событий, и за эти считанные мгновения успело произойти многое, о чем гораздо дольше рассказывать, чем оно заняло времени на самом деле.

Видимо, время бывает настоящее и ненастоящее. Про-

шлое, будущее — это для философов. А для Блистающих — только настоящее и ненастоящее.

Это было настоящее время.

...Первый прыжок. Шото, еще не замечая меня и Чэна, двумя косыми взмахами перечеркивает раненого Друдла, и тот грузно падает на колени, зажимая левой ладонью рассеченный живот. Шото взлетает вверх, его Придаток делает шаг вперед — сейчас, сейчас его нога опустится...

...Второй прыжок. В Чэна летит заметивший нас Сай Второй, летит быстро и умело, ничуть не хуже метательных ножей из Фумэна, — но он гораздо больше медной монетки «гитрифи», так что я без особого труда подхватываю его на кончик клинка, гашу разгон и, не обращая внимания на ругательства беспомощного Сая, кружу в воздухе и отшвыриваю к стене. Нога Придатка Шото с силой опускается на валяющегося Детского Учителя, и маленький ятаган с треском ломается у самой рукояти.

Неровные края излома тускло блестят в лунном свете, и Детский Учитель молчит, как всегда... Нет, теперь уже — навсегда. «Наставник!» — истошно воет Дзюттэ, а сверху уже рушится хохочущий Шото...

...Третий прыжок. Друдл, стоя на коленях, отнимает левую руку от живота — и в ней тут же оказывается Обломок, прильнувший всем своим толстым и тупым клинком к предплечью Друдла. Два шута на миг становятся одним целым, и я вижу, как Шото смаху налетает на Дзюттэ и с визгом бессилия отскакивает, едва не сломавшись. Еще один удар — и Дзюттэ внезапно проскальзывает в момент соприкосновения, намертво заклинив Шото между своим четырехгранным клинком и лепестком гарды. Резкий поворот — и...

...Четвертый прыжок. Звон, предсмертный вопль Шото — и его обломки ложатся рядом с мертвым Детским Учителем. Друдл хрипит, Дзюттэ валится на мостовую, откатываясь в сторону, и следом падает сам Друдл. Навзничь. Вонзившийся в его тело Сай Первый упирается рукоятью в камень, и вес Друдла в долю секунды ломает пополам тонкий клинок кинжала. Обвитая веревкой рукоять выскальзывает из-под недвижного шута — и все, что осталось от Сая, лежит теперь вплотную к куску лезвия Шото и рукояти Детского Учителя. Кучка мертвого металла, мертвого, мертвого, мертвого, мертвого...

...Пятый прыжок. «Ты же не станешь убивать безоружного! — кричит Придаток Шото, отступая назад и стараясь не встречаться взглядом с Чэном-Мной. — Ты не сможешь...» Глаза его останавливаются на железной руке Чэ-

на, в которой зажат я, и запоздалый страх отражается в них — чтобы остаться там навсегда. «Ты не сможешь...»— почти беззвучно шевелятся его губы, я вижу это глазами Чэна, я слышу это ушами Чэна, и запретная черта совсем близко, но еще ближе иссеченный Друдл, и убитый Детский Учитель, и обломки тех, кому лучше было бы вовсе не рождаться...

— Ты не сможешь...

— Да? — спрашиваю я, нащупывая острием сердце Придатка Шото и выскальзывая обратно прежде, чем оно перестало биться.

— Да? Ты действительно так считаешь?

Это была легкая смерть.

Он такой не заслуживал.

Чэн перебрасывает меня в левую руку, и несколько горячих капель срываются с моего клинка. Придаток с последним Саем уже успел приблизиться к нам, и Сай Третий стремительно кидается в лицо Чэну. Я не двигаюсь. Я уже выполнил свое новое предназначение, и теперь очередь Чэна собственным телом ощутить, что это значит — оборвать чужую жизнь.

И Чэн закрывает лицо правой рукой. Металл звенит о металл, сжимаются пальцы латной перчатки, хватая вскрикнувший Сай — и Чэн, словно сухую ветку, ломает узкий граненый клинок. После чего кольчужный кулак с зажатым в нем куском Сая бьет угловатого Придатка в висок.

Слышен тупой хруст и звук падения тела.

Чэн долго и безучастно смотрит перед собой, а потом с размаху швыряет останки Сая Третьего на труп его Придатка.

— Будьте вы прокляты! — кричит Чэн, непонятно кого имея в виду: братьев-Саев, Шото, Но-дачи, их Придатков, судьбу, Шулму...

Или всех стразу.

Я оглядываюсь вокруг.

«Шулма пришла в Кабир, — думаю я. — Клянусь Мунром и Масудом, Тусклыми и Блистающими, клянусь рукой аль-Мутанабби...»

Я — это Шулма.

7

...Друдл с трудом оперся на левый локоть — правая рука бессильной плетью тянулась вдоль тела, и рукав халата был тяжелым и липким от натекшей крови — и медленно повернул голову.

Один глаз шута смотрел на Чэна, другой уже затянула глянцево блестевшая опухоль, и казалось, что Друдл подмигивает, кривя лицо в привычно-шутовской гримасе.

— Больно... — прошептал Друдл, почти не двигая губами. — Ой, как больно... очень. Ой...

Чэн наклонился и бережно поднял с мостовой Дзюттэ. Я качнулся острием вперед и промолчал. Мне нечего было сказать Обломку.

«Ты — Единорог, потому что дурак, а я — Обломок, потому что умный, и еще потому, что таким, как ты, рога могу обламывать...»

Да, Дзю, можешь. Сам видел.

— Правильно... — Друдл говорил все медленней и тише. — Возьми его. Теперь — ты — шут... Кабира... Единственный. Пусть смеются... пусть... это лучше, чем убивать... Как у Друдла-дурака... обрывается строка... до свиданья, Чэн-в-Перчатке!.. встретимся через века... ой, жжет-то как!..

Больше он не двигался.

Несколько теплых и соленых капель упали на мою рукоять.

Нет, не кровь.

Слезы.

А потом Чэн отвернулся от неподвижного Друдла, и глаза Чэна Анкора были суше и страшнее песков Кулхана. Он сунул Дзюттэ за пояс, рядом с моими ножнами, и, по-прежнему держа меня в левой руке, пошел прочь от переулка.

У стены он остановился, нагнулся и железной рукой, на тыльной стороне которой налипли волосы и клочок сорванной кожи, поднял с земли Сая Второго.

Я молчал.

Я бы сделал то же самое.

И вот так, с Саем в правой руке и со мной в левой, Чэн Анкор, Чэн-в-Перчатке вернулся в дом.

Постскриптум

Звон оружия, и без того еле слышный из-за расстояния, не разбудил спящих гостей в доме Коблана. А даже если бы и разбудил — мало ли Бесед случается в Кабире хоть днем, хоть ночью...

Просто Фальгриму Беловолосому очень захотелось пить. А за водой пришлось выходить из комнаты, в темноте спу-

скаться вниз, долго искать кувшин на неубранном после вчерашней попойки столе, потом отводить душу по поводу отсутствия в кувшине — как и в бутылях — хоть какой-нибудь влаги...

Когда выяснилось, что никто в доме уже не спит и даже наоборот — наспех одевшись, все толпятся в дверях и кроют Беловолосого на чем свет стоит, — Фальгрим долго недоумевал, вяло отмахивался от наскоков злого спросонья Диомеда.

За что? Вернее — почему?! И шел-то он тихо, и с лестницы падал всего два раза, и по стенам колотил не со зла, а для ориентации; а что ругался — так ведь вполголоса, и по уважительной причине, когда проклятущий стол грохнулся ни с того ни с сего прямо ему на ногу, а нога-то босая...

В общем гаме — а недоумевал Фальгрим ничуть не тише, чем вел себя до того — как-то не сразу обратили внимание на сохранявшего хладнокровие Коса ан-Танью, первым обнаружившего отсутствие Чэна Анкора и шута Друдла, а также отсутствие их оружия в оружейном углу.

Зато когда обратили... было уже поздно.

...Все поспешно расступились, словно повинуясь неслышному приказу, и удивленно задребезжало оружие, когда вошел Чэн Анкор. Он, не задерживаясь, обвел тяжелым взглядом собравшихся, потом прошел к опрокинутому столу и тщательно вытер свой меч о скатерть.

На полотне остались ржаво-красные полосы.

— Там... — глухо бросил Чэн и махнул правой рукой, в которой был зажат узкий кинжал с изящно выгнутой крестовиной, куда-то в сторону левого крыла дома. — Там, в переулке... Коблан, захвати факел... темно в Кабире... темно!..

И железный кулак сжался еще сильнее, будто узкий кинжал мог вырваться и сбежать, или ядовитой змеей броситься на кого-нибудь.

Все кинулись на улицу, машинально прихватив из угла свое оружие, и никто поначалу даже не успел удивиться тому, что из-за пояса Чэна торчит рукоять тупого кинжала-дзюттэ, который вечно таскал с собой шут Друдл Муздрый.

Все, кроме Кобланова подмастерья, случайно оставшегося этой ночью в доме своего устада. Чэн, спрятав Единорога в ножны, придержал подмастерья за рукав наспех наброшенного чекменя — и почему-то первым, что бросилось в глаза обернувшемуся юноше, был кинжал-дзюттэ шута за поясом Чэна Анкора Вэйского.

— В кузню! — Чэн страшно оскалился, что должно было, наверное, означать улыбку, и властно подтолкнул остолбеневшего парня. — Ключи не забудь!..

Примерно через час, когда бойня в переулке перестала быть тайной, когда проводили обреченными взглядами паланкин, где над телом Друдла — изредка еще содрогающимся — склонился личный лекарь эмира Дауда, чьи старческие пальцы с суетной безнадежностью перебирали в сумке какие-то склянки; когда у маленькой Чин кончились слезы, а у Фальгрима — проклятия, когда никто так и не решился назвать своим именем то, что совершил в эту ночь однорукий Чэн — короче, когда все наконец вернулись в дом, а затем под предводительством сурового Коблана прошли в кузню, то вопросы, готовые сорваться с языков, так и остались незаданными.

Дверь в Кобланово «царство металла» была распахнута, в глубине у раскрытого сундука виновато разводил руками встрепанный подмастерье...

А на шаг от дверного проема стоял Чэн Анкор, с головы до ног закованный в железо.

Во всяком случае, так показалось собравшимся — хотя сам Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, встань он случайно из своего могильного кургана, увидел бы, что немалая часть его знаменитых лат со временем подрастерялась, отчего тяжелый доспех перестал быть тяжелым, став чуть ли не вдвое легче.

И конечно же, узнал бы неистовый Абу-т-Тайиб свой кольчужно-пластинчатый панцирь с выпуклым нагрудным зерцалом синей стали и сетчатым пологом с разрезами, опускающимся до середины Чэновых бедер; узнал бы вороненые наручи и оплечья — подбитые изнутри, как и панцирь, двойным лиловым бархатом, между слоями которого для упругости был уложен конский волос; узнал бы островерхий просечной шлем со стрелкой, закрывающей переносицу хозяина, и свисающей на затылок кольчатой бармицей...

На овальном зерцале было выбито двустишие-бейт, которое аль-Мутанабби когда-то посвятил себе и своему мечу:

— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

Словно канули в безвременье века и события, и вновь заговорил первый эмир Кабирский — хотя лишь память осталась от аль-Мутанабби.

Память, да еще доспех.

Пускай и неполный.

Поножей, к примеру, не было. И наколенников. И сапог, металлом окованных. Не завалялись в сундуке. И пояса боевого со стальными бляхами не отыскалось, так что

пришлось Чэну Анкору своим старым поясом талию перехватывать.

Не в поясе, впрочем, дело, а в том, что висел на нем в будничных кожаных ножнах прямой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог; а по обе стороны от пряжки торчали рукояти двух кинжалов: тупого дзюттэ Друдла и того узкого сая, что был подобран в злосчастном переулке.

— Прощайте, — ни на кого не глядя, бросил Чэн — и все заметили, что теперь и левую, здоровую руку Чэна обтягивает латная перчатка.

— Прощайте. Кто-нибудь пусть передаст эмиру Дауду — Чэн уехал в Мэйлань, а в Кабире еще долго будет тихо, не считая сплетен. Кос, ты отправляйся домой, и собери меня в дорогу.

И зачем-то добавил еще раз:

— Я еду в Мэйлань. Один. Один против неба...

...Дворецкий Чэна, худой и строгий ан-Танья, вышел на улицу, накинул на плечи короткий, фиолетовый с серебром плащ — цвета дома Анкоров — и задумчиво коснулся эфеса своего неизменного эстока.

— Как же, один... — негромко проворчал Кос. — А кто тогда на тебе, Высший Чэн, все это железо застегивать-расстегивать будет?! Ты меня пока еще не увольнял... а уволишь, так и вовсе ты мне не указ, куда да с кем ехать! Верно?..

И, не дожидаясь первого шага ан-Таньи, согласно звякнул эсток с витой четырехполосной гардой, на черной стали которой было выбито клеймо — вставший на дыбы единорог.

Верно, мол...

А в кузне что-то горячо доказывала Фальгриму Беловолосому благородная госпожа Ак-Нинчи, подкрепляя свои доводы такими отнюдь не благородными выражениями чабанов Малого Хакаса, что покрасневший Фальгрим только головой крутил да крепче опирался на свой двуручный эспадон Гвениль. И смуглый Диомед из Кимены восторженно крутил кривым мечом-махайрой, едва не задевая подошедшего Коблана, и приговаривая возбужденно:

— Все правильно, Чин, все правильно... да мало ли что он нам сказал! Эмиру и без нас все подробности сообщат, найдутся доброхоты... слушай, Черный Лебедь, ты же молодец, ты даже сама не знаешь, какой ты молодец!.. только Метлу поставь, а то ты мне сейчас глаз выколешь...

...Над Кабиром вставало солнце.

Над далеким Мэйланем вставало солнце.

И там, на краю света, за очень плохими песками Кулхана, за Восьмым адом Хракуташа, где Ушастый демон У перековывает негодных Придатков, глухо ворча и играя огненным молотом — над невероятной Шулмой тоже вставало солнце.

Лучи его весело играли на воде, на барханах, на Блистающих, бывших некогда просто оружием, и на оружии, еще не ставшем Блистающими — потому что все равны перед восходом.

Потому что — утро.

КНИГА ВТОРАЯ

МЭЙЛАНЬ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МЕЧ

Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки.
А если захочешь ты распознать его настоящий цвет —
Волна переливов обманет глаза, как будто смеясь в ответ.
Он тонок и длинен, изящен и строг, он — гордость моих очей.
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как ручей.
Живой, я живые тела крушу: стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал.

Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби

Глава десятая

1

...Солнце неторопливо выползало из рассветной дымки, окрашивая в нежно-розовые тона далекие полоски облаков на востоке, и негромко шелестели узорчатые листья придорожных тутовников, вплетая в свой шум журчание суетливого ручья. Утро, подобно занавесу в балагане площадных лицедеев-мутрибов, распахивалось от знойной Харзы до отрогов Сафед-Кух, и мир готовился родиться заново.

Начинался день. Новый день.

И уже простучали по бревенчатому мостику с шаткими перилами копыта коня...

Нет. Двух коней.

Двух — потому что мой не в меру верный дворецкий Кос ан-Танья все же увязался за мной. И я ничего не мог с этим поделать.

Сначала я приказал — и Кос впервые ослушался приказа. Тогда я сменил тактику и попытался его уговорить. С тем же успехом я мог бы уговаривать стену комнаты, в которой мы находились. С той лишь разницей, что стена бы молчала, а у упрямого ан-Таньи на всякий мой довод находился незыблемо логичный ответ; и этот ответ никак меня не устраивал — так что спор быстро зашел в тупик.

Тогда я разозлился. Наверное, я был не прав; наверное, это было глупо — нет, не наверное, а наверняка! — но это я понимаю уже сейчас, а тогда я просто вышел из себя и заявил Косу, что он уволен.

Окончательно и бесповоротно.

На что мой дворецкий улыбнулся с просто возмутительной вежливостью и затребовал письменного подтверждения.

Еще было не поздно одуматься, но я настолько разгневался, что тут же взял лист пергамента и костяной калам, пододвинул бронзовую чернильницу и на одном дыхании написал приказ об увольнении.

Об увольнении моего дворецкого Коса ан-Таньи.

Я лишь запоздало удивился, подписываясь правой, железной рукой — удивился не столько своему поспешному решению, сколько тому, с какой легкостью сумел удержать в новой руке калам.

Причем текст вышел вполне разборчивым, хотя и несколько корявым, а роспись оказалась достаточно похожей на старую.

Кос самым внимательным образом прочитал приказ, удовлетворенно кивнул, помахал пергаментом в воздухе, чтобы просохли чернила, и послал гонца к городскому кади, дабы тот заверил подлинность документа.

Пока гонец мотался туда-сюда, Кос равнодушно глядел в окно, а я еле сдерживался, чтобы не треснуть отставного дворецкого чернильницей по голове.

Наконец посыльный привез пергамент, свернутый в трубочку и запечатанный личной печатью городского кади Кабира. Ан-Танья сунул свиток за отворот халата и повернулся ко мне.

— Итак, надо понимать, что я уволен? — зачем-то осведомился мой бывший дворецкий. Впрочем, Кос всегда отличался особой педантичностью.

— Да! — раздраженно подтвердил я. — Ты что, читать разучился?! У-во-лен! И теперь ты можешь идти...

— Нет уж, дорогой мой, это *ты* теперь можешь идти, — внезапно перебил меня ан-Танья, закладывая большие пальцы рук за пояс, — и подробнейшим образом объяснил мне, Высшему Чэну из семьи Анкоров Вэйских, наследному вану Мэйланя и так далее, куда я теперь могу идти.

Ох, и далеко мне пришлось бы идти, послушайся я Коса!

— ...а я поеду с тобой, потому что, во-первых, ты без меня пропадешь, не добравшись даже до Хаффы, а не то что до Мэйланя, а во-вторых, ты мне больше не указ. Куда хочу, туда и еду. А хочу я туда, куда и ты. И кстати, с тебя еще выходное пособие, — закончил он.

Сперва я остолбенел и решил, что настал конец света, а я этого не заметил. Потом я понял, что конец света здесь ни при чем, а просто зря я уволил этого негодяя.

И безропотно выдал ему выходное пособие.

С которым он и отправился на базар закупать провизию в дорогу.

А утром следующего дня мы — я и сияющий, как новенький дирхем, ан-Танья — выехали из восточных ворот Кабира и свернули на Фаррский тракт, раньше именовавшийся дорогой Барра.

«Мэй-лань! — звенели о булыжник подковы моего коня. — Мэй-лань, мэй-лань, мэй...»

2

Ехали мы не слишком торопясь — путь впереди лежал неблизкий и не на один день, — но и нигде особенно не задерживаясь. По дороге мы молчали — мне до сих пор было стыдно за свою вчерашнюю вспышку, а Кос никогда и не отличался особой многословностью.

Я понемногу привыкал к тяжести доспеха, поначалу несколько сковывавшей движения, то и дело возвращаясь мыслями к ночной Беседе... нет, к ночной схватке, в которой погиб Друдл.

И не он один.

Да, остальных убил я. Я и Единорог. Он-Я. Или Я-Он. Мы. И, сколько ни играй словами, это было страшно. Страшнее, чем отрубленная рука и алая кровь на зеленой траве. Ведь то была моя рука, моя кровь...

А это — чужая.

Но пролитая мной.

Страшна была даже не сама смерть. Страшна была та легкость, с которой я превратил живое в неживое. Ах, как просто это оказалось!.. до ужаса просто. И теперь я боялся сам себя.

Как и Единорог.

Оказывается, свыкнуться с мыслью о возможности убийства совсем нетрудно. Ты просто снимаешь с себя тяжесть постоянного контроля — словно доспех снял, — затем ты всего лишь продолжаешь начатое движение, не останавливаясь... и вот уже клинок с убийственной точностью нащупывает живое сердце, трепещущее сердце — и входит в него.

Вот и все.

И ты чувствуешь это, потому что ты — это меч, а меч — это ты. Потому что таким же надтреснутым стоном отдается где-то глубоко внутри предсмертный звон сломавшегося клинка. Потому что он тоже живой — теперь-то я знаю это.

Но я знаю и другое. Я знаю, что значит слово «Враг». Есть в нашем мире такое подлое слово, и пишется оно с большой буквы на всех языках. Ты бы меня понял, смешной и грозный шут Друдл... Да, ты бы меня понял. Враг — это... это Враг. И если ты не убьешь его — он убьет тебя. Или твоего друга. Или чужого друга. Или убьет твой меч. Или меч убьет его...

Но, убивая врага, этим самым ты тоже убиваешь чьего-то друга.

Я невольно скосил глаза на рукоять Сая Второго, торчавшего из-за моего пояса. Сай молчал. Во всяком случае, мне хотелось бы, чтобы он молчал. Потом я положил железную ладонь на рукоять Единорога. Он тоже молчал, думая о своем, и я не решился его тревожить.

Похоже, Единорог, как и я, не вполне пришел в себя после вчерашнего... о Творец, какие простые истины узнаем мы иногда, и до чего же трудно привыкать к жизни, в которой есть место вот таким простым истинам!..

...Пополудни мы устроили короткий привал. Кос молча помог мне выбраться из доспеха, и я сумел слегка размяться. С непривычки тело немного ломило, и завтра это наверняка даст о себе знать, но я уже понимал — привыкну. Когда я ребенком впервые взял в руки Единорога, он тоже показался мне несуразно длинным и тяжелым. А эта железная одежда — не меч. Ею не пользоваться надо, а носить. Предки ведь носили — и не жаловались. Или, может, жаловались — но все равно носили. Времена такие были... вроде наших времен.

Ладно, хватит об этом. Впереди еще столько всего... Чего — всего? Кто его знает... Поживем — увидим.

Если доживем.

Вот с такими веселыми мыслями мы наскоро перекусили холодным мясом с просяными лепешками, запивая еду кислым вином из бурдюка. Потом, спустя полчаса, я снова облачился в доспех аль-Мутанабби и взобрался на недоуменно косившегося на меня коня.

Свистнула плеть, конь оскалил желтые зубы в подозрительной ухмылке — и мы поехали дальше.

Мерно покачиваясь в седле, я думал о том, что возьмись я рассказывать кому-нибудь о первом дне нашего пути в Мэйлань, то не смог бы сообщить ничего интересного. Ну, выехали из Кабира... ну, привал... дальше вот едем... Все. Как же это, однако, прекрасно — когда с тобой ничего не происходит! А дни, богатые событиями (и ночи тоже!) пусть отправляются под хвост к Ушастому Демону У!..

К вечеру мы добрались до караван-сарая, одного из многих, которыми изобиловал Фаррский тракт. Это дня через четыре, когда мы свернем северо-восточнее Хаффы, с ночлегом, говорят, будет сложнее — и то не намного.

Я вознес мысленную хвалу благоустроенности эмирата, и мы с Косом по молчаливому согласию решили здесь заночевать, что было вполне разумно.

3

Наутро я проснулся раньше Коса, чего никогда не случалось, пока он был моим дворецким. Теперь же ан-Танья справедливо решил, что, как вольный человек, он может отсыпаться столько, сколько захочет — и при этом храпеть на всю выделенную нам келью. Имелся определенный соблазн потихоньку улизнуть от него, пока он спит; но я сильно сомневался в успехе подобного предприятия.

Все равно ведь догонит, рано или поздно. Уж я-то знал своего бывшего дворецкого.

Честно говоря, я и сам малость поостыл и не очень-то стремился отделаться от ан-Таньи. Да и доспех с его помощью снимать-одевать гораздо легче...

Тем не менее, на этот раз я решил обойтись без доспеха и оделся быстро и бесшумно — правая рука действовала вполне нормально, и я уже начинал воспринимать ее, как обычную часть своего тела, что даже немного пугало — после прицепил к поясу ножны с Единорогом и отправился в харчевню на первом этаже караван-сарая, намереваясь потребовать завтрак.

Сая Второго я вонзил в деревянную панель стены, где и оставил.

...В харчевне за длинными, крепко сбитыми столами уже сидело несколько постояльцев. Похоже, все они с утра пораньше успели не только позавтракать, но и изрядно приложиться к напитку, гораздо более крепкому, чем ключевая вода. Посему разговаривали они весьма громко, перебивая друг друга, и каждый слушал в основном сам себя.

Вообще-то я не большой любитель подслушивать чужие разговоры, но на этот раз я остановился на верхней ступеньке лестницы, невидимый снизу, и прислушался, заинтересовавшись предметом беседы.

Предметом беседы был я.

— ...да врешь ты все! — рокотал внизу чей-то бас, слегка надтреснутый, как порченый кувшин.

— А вот и не вру! — возмущался его собеседник, чуть ли не переходя на визг. — То, что Чэну Анкору на турнире руку отрубили, все знают?! Отрубили или не отрубили?!

— Ну, отрубили, — подтвердили сразу два или три голоса. — По локоть. Или по плечо. Или еще дальше.

Я криво ухмыльнулся и положил руку аль-Мутанабби на рукоять Единорога, чтобы он тоже послушал. И вздрогнул. Сверху мне не был виден оружейный угол, где стояло оружие болтунов, но зато теперь я сам услыхал еще один разговор.

Блистающие в углу говорили о том же.

Я снова ухмыльнулся, настроился на голоса людей — но руки с меча не снял.

На всякий случай.

— А то, что у Высшего Чэна теперь опять две руки — это знаете?! — продолжил визгливый.

— Ну, говорили люди... — неуверенно ответствовал бас, явно смущенный напором. — Мало ли что говорят в Кабире... вот еще говорили, что ночами по площади Опавших Цветов ракшас-людоед ходит и никого не жрет, только вздыхает...

— А откуда тогда известно, что людоед? — заинтересовался кто-то.

— Так у него изо рта нога человечья торчит! Он ее выплюнуть не может, а целиком она не глотается. Вот он оттого и вздыхает, а она пальцами шевелит...

— Кто?

— Да нога же! Босая она...

— Сам ты ракшас! — визгливый чуть не захлебнулся от злости. — Я тебе про Чэна, а ты мне про ногу! Говорю вам, что сам видел — обе руки на месте, и одна — железная! И пальцами шевелит!..

— Нога?

— Рука!

— И я видел... — еще один голос начал было говорить что-то в поддержку визгливого, но тот немедленно перебил говорящего — видимо, опасаясь очередного ухода разговора в сторону.

— Так это еще не все! Кто Чэну руку железную ковал? Коблан Железнолапый, вот кто!

— Ну да, Коблан, — проскрипел старческий фальцет. — И что с того?

— А то, что и Чэн Анкор теперь Железнолапым стал! По-настоящему! И рука эта не просто так болтается, как язык у некоторых — Чэн ею, как живой, пользуется!

— Ври больше!

— Творцом клянусь — сам видел! Только не это главное... Иду я позавчера перед самым отъездом мимо квартала Су-ингра, гляжу — идет Чэн, и весь железный! Весь! Целиком!..

«Врет, — подумал я. — Не мог он меня видеть. Не был я возле квартала Су-ингра... А, какая разница — он видел или кто-нибудь другой!.. людям рты не заткнешь. Разве что ногу ему туда сунуть, как тому ракшасу...»

— Ну да?!

— Да! Железный! Видать, Коблан, когда руку ему новую приклепывал, малость промахнулся молотом — вот и пришлось плечо железное мастерить, а пока плечо делал — еще чего помял...

— Сказки все это! Болтаете невесть что!..

— А вот Саид руку железную тоже видел! Ведь видел, Саид?

— Ведь видел...

— Вот! А там, где рука — там и остальное...

— Остальное — это да, — прогудел бас с откровенной завистью.— Ежели оно железное, остальное-то, а еще лучше стальное, так это да... бабы, небось, с ума сходят...

Мы с Единорогом уже едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Интересные слухи, оказывается, гуляют по Кабиру и за его стенами!

— А голова у Чэна как — тоже железная? — полюбопытствовал невидимый старик.

— Сверху только. А лицо обычное. Из мяса.

— Так это что же получается — Коблан теперь железных людей плодить будет?

— Кто его знает... может, и будет. Ежели что, к примеру, оттяпают...

«Ладно, хватит подслушивать. Есть-то хочется! — рассердился я непонятно на кого. — А ну-ка!..»

И я решительно протопал вниз и уселся за стол неподалеку от развеселой компании. Единорога я в оружейный угол ставить не стал — по негласному уговору.

Толстый краснощекий хозяин появился почти сразу. Я заказал ему завтрак и через минуту на столе уже дымился аш-кебаб, завернутый в маринованные листья дикого винограда, белела в пиале чесночная подлива, возвышалась стопка желтых лепешек — и я жадно принялся за еду, изредка поглядывая на шумных спорщиков.

Через некоторое время визгливый сплетник — долговязый и смуглый детина с неожиданно мелкими чертами невыразительного лица — обратил на меня внимание.

Его глубоко посаженные глазки остановились на мне раз, другой — и вдруг он уставился на мою правую руку, не донеся до рта пиалу с вином. Я просто слышал, как лихорадочно трещат его заржавевшие мозги, сопоставляя увиденное с известным.

Наконец долговязый расплылся в широченной улыбке, видимо, придя к какому-то определенному выводу.

— Смотрите! — заверещал он, тыкая в мою сторону грязным пальцем.— Вот что значит мода! Теперь все хотят быть похожими на Чэна Анкора! Вон у него железная перчатка на руке, видите?!

Теперь уже все смотрели на меня. Я вежливо улыбнулся, прекратив на мгновение жевать.

— Тебя как зовут, парень? — нахально осведомился болтун.— Кабирец, да? Ты Чэна-то хоть однажды видел?

— Видел, — откусывая большой кусок кебаба, кивнул я, — каждый день, почитай, видел.

— Это где же ты его видел?

— В зеркале, — ответил я. — Когда брился по утрам.

И взял верхнюю лепешку правой рукой...

4

...А потом мы снова ехали по Фаррскому тракту, и с осенних тутовников осыпались на обочину липкие спелые ягоды, а мы по-прежнему молчали — но молчали уже гораздо веселее, чем вчера, и солнце припекало вовсю, причем я поймал себя на том, что невольно улыбаюсь этому солнцу, а Единорог у седла весело звякает в ответ каждой моей улыбке.

Впрочем, улыбался я не только солнцу. Мне то и дело вспоминалась утренняя немая сцена в караван-сарае, испуганно-уважительные лица подвыпивших спорщиков за соседним столом; недоумение в их глазах, постепенно переплавляющееся в изумление...

«Вот и родился еще один слух, — думал я. — И пойдут дальше гулять легенды о Железноруком Чэне, и буду я в этих легендах обрастать железом с головы до ног... А ведь кто-то и впрямь видел меня в Кабире, одетого в доспех — то ли по дороге домой от Коблана, то ли при выезде из города; и по пути вчера нам люди встречались, и сегодня встретятся, и завтра... Так что слухи, похоже, будут преследовать меня по пятам и, скорее всего, обгонят; и ничего из попытки тихо выяснить, что к чему, у меня не выйдет...»

Ну и не надо! Глупо было бы рассчитывать остаться незамеченным, разгуливая по эмирату в этом-то железе! Дурак ты, Чэн... дурак и есть. Прав был Друдл-покойник.

При воспоминании о шуте что-то больно кольнуло внутри, и рука сама коснулась Единорога. Дурак я или не совсем дурак — но все равно я докопаюсь до сути... и пусть слухи торопятся, пусть бегут быстрее моего коня, — я одновременно буду и приманкой, и охотником. Пожалуй, так даже лучше...

Тут я обнаружил, что мой меч уже давно разговаривает с Дзюттэ Обломком, и невольно прислушался к их беседе.

Единорог не возражал. Ну а у меня уже начало входить в привычку подслушивать и подглядывать.

— Дурак ты, Единорог! — прозвучал у меня в голове голос Обломка, и я невольно вздрогнул, натягивая поводья — до того этот голос и манера говорить напоминали покойного Друдла.

Или это Друдл напоминал Дзюттэ?

— Олух безмозглый, — продолжал меж тем Обломок. — Совсем как твой Придаток... Хорош он у тебя — нацепил на себя гору всякого-разного хлама, и рад! Чего это я с вами увязался?! Он же теперь, как статуя — даром что железный! Ну, и толку с этого?!

— Поживем-увидим, — философски заметил Единорог, и я с ним полностью согласился.

— Ага, увидим, — ехидно бросил Дзюттэ. — Вот на ближайшем привале и увидим!

Я понял, что шут-Блистающий специально дразнит Дан Гьена, как Друдл в свое время дразнил меня. Единорог это тоже отлично понимал, но подразмяться нам всем действительно не мешало, так что я лишь кивнул, а Единорог мирно согласился:

— Очень хорошо, Дзю. Так и сделаем.

— Хорошо, хорошо! — не замедлил передразнить его шут. — Это тебе хорошо! А со мной рядом этот паскудный недоделок умостился!

Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, кого Обломок имеет в виду. Конечно же, Сая Второго...

— Ты у нас доделок! — проскрипел в ответ не выдержавший Сай.— Тупица болтливый! И гарда у тебя...

Ах, лучше бы он помалкивал!

—, А, так оно еще и разговаривает! — зловеще обрадовался Обломок.— Ему, видите ли, гарда наша не нравится! По-моему, тот, чье место в навозной куче, не должен встревать в разговор истинных Блистающих... верно, Единорог?

— Верно! — согласился мой меч. — Эй, Сай, видишь своих родичей?

Я сперва не понял, о чем это они. А потом обнаружил, что в стороне от тракта двое крестьян неторопливо перегружают в арбу, запряженную ломовой пегой лошадью, целую гору навоза. Грузили навоз, как положено, вилами. Собственно, я не очень-то знаю, как положено грузить навоз, но не руками же в нем копаться!

А металлические наконечники трехзубых вил, средний зуб которых был существенно длиннее боковых, отгибающихся в разные стороны, и впрямь весьма напоминали по форме торчащий у меня за поясом Сай. Похоже, крестьянские вилы действительно могли оказаться его дальними предками, как верно заметил Дзюттэ.

— Что?! — возмутился Сай, тоже сообразивший, что к чему. — Меня, подлинного Блистающего, известного древностью своего рода, которые ведет начало...

— Из дерьма, — прозаически закончил за него Обломок. — И в него же вернется!

— Хорошая мысль, Дзю, — с удовольствием поддержал шута Единорог.— Вот в ближайшем караван-сарае отыщем палку подлиннее, примотаем к ней этого умника, затем попросим пару Придатков спустить шаровары и потрудиться во имя великой идеи — и пусть наш друг займется тем, чем ему положено!

— Да я... да вы... — если бы Сай был человеком, я сказал бы, что он задохнулся от обиды. — Мерзавцы вы, а не Блистающие!

Я более тесно соприкоснулся с Единорогом и мысленно прошептал ему:

«Ты бы лучше попробовал выяснить, куда делись его дружки! Хоть Блистающие, хоть люди... или хотя бы одни

Блистающие, потому что людей мы наверняка найдем там же!»

— Уже пробовали, — ответил Дан Гьен, и я не сразу понял: отвечает он мне вслух или так же мысленно, как и я. — Молчит, подлец... Ничего, мы с Дзю его разговорим! Чем и занимаемся...

Я понимающе кивнул и снова вернулся к роли пассивного слушателя.

Дзюттэ явно заметил, что Единорог отвлекся от разговора, как если бы он с кем-то беседовал помимо Блистающих, но вида шут не подал.

— Это ты здорово придумал, Высший Дан Гьен, — подчеркнуто церемонно признал Обломок. — Небось, у меня научился... Дело говоришь! Чем таскать за собой эту обузу, лучше его к полезному труду пристроить. Местность тут сельская, лошадей с овцами невпроворот, да и Придатки не брезгуют пару раз в день под куст присаживаться — так что без работы не останется, со всех трех концов рыть станет...

Сай гордо молчал — но, похоже, он всерьез начинал верить в возможность такой, мягко сказать, незавидной участи. Допекли его мои приятели! А где обида да страх, там и разговоры. Есть, есть ему о чем поговорить, а нам послушать!..

— Ладно, хватит о навозокопателях, — заявил Обломок. — Время не ждет. Как найдем подходящее местечко — так и по-Беседуем всласть, пусть попотеет в железе... Эй, Заррахид, ты как насчет Беседы?

— Всегда с удовольствием, — качнул рукоятью Заррахид, до того молчавший и лишь ритмично постукивавший о бедро Коса ан-Таньи.

Разрешения вступить в разговор эсток спрашивать не стал. Еще бы — он теперь свободен, как и Кос!.. поскольку мой меч оказался ничуть не умнее меня самого, уволив Заррахида с должности... с той же самой должности, с какой я уволил ан-Танью, только разве что без письменного приказа.

А результат оказался одинаковым.

Я снял руку с Единорога и задумался о перемене в поведении Коса. После увольнения мой дворецкий неожиданно преобразился: спал, сколько хотел, заказывал блюда дороже, чем я, зачастую ехал впереди меня и полюбил размышлять вслух о «некоторых бездельниках». Я уж было подумывал принять его обратно на службу, заверив необходимые бумаги в ближайшем городе — да только не знал, согласится ли Кос?

Я бы на его месте ни за что не согласился.

Потом я случайно задел локтем Сая Второго — и мысли

мои вернулись к Блистающим, прошедшим Шулму и устроившим эмирату кровавую баню. С целью спасения мира Блистающих. М-да... простая, однако, штука — жизнь! Ни тебе мифических убийц-асассинов, ни зловещих Тусклых с теплым клинком — а есть себе за горами-пустынями какая-то Шулма, которой до нас восемьсот лет тянуться, и есть бежавшие оттуда наши же Блистающие, узнавшие вкус крови.

А что им оставалось — скажи, Чэн-умница?! Этому Саю навоз в Кабире мешать — счастье после Шулмы! Ведь они, небось, объясняли — им не верили; доказывали — их не поняли или не захотели понять; и тогда они начали нас спасать. Как могли, как умели, убеждая кровью, смертью...

И убили Друдла!

Вот не умею я спокойно рассуждать... Как вспомню последний бой шута, так готов Сая этого узлом завязать! Я руку свою родную, отрубленную — и то простить готов, а Друдла никогда и никому не прощу.

Радуйтесь, Блистающие из Шулмы — нашли вы последователей! Чэна Анкора с Единорогом... и пошли последователи по следу вашему.

Радуйтесь и ждите!

Правда, вряд ли много таких, как я, наберется. Кто еще сумеет (или захочет) узнать цену крови, и звону сломанного клинка, и звуку, с каким входит в тело отточенная сталь?

Не успеть вам, беглецам... не переучите. Даже если у вас — у нас! — есть в запасе несколько лет. Три. Пять. Десять. Все равно — не успеете. Мало найдется людей и Блистающих, способных понять; еще меньше — способных отказаться от идеала, от искусства и изящества Бесед ради жестокой науки убивать. Пусть даже и во имя будущей жизни — своей и своих близких.

Мало. Даже если каждый будет стоить десяти, двадцати шулмусов — что с того? И грозой пройдет по эмирату Джамуха Восьмирукий...

Ну а допустим, что ваш план, беглецы, удался! Чем тогда мы будем лучше тех же шулмусов? Живее — будем, а вот лучше ли?.. И покатится вспять время, отбрасывая нас к эпохе варварских войн, тяжелых доспехов и Диких Лезвий.

Что лучше?

И есть ли третий путь?

Путь Меча?

Одно было ясно — мир стремительно меняется, и никогда уже ему не быть таким, как раньше... мир — он ведь тоже один.

Один против неба.

Глава одиннадцатая

1

Чуть в стороне от дороги нашлось прекрасное местечко для Беседы. Мы слезли с коней, у Коса в руке немедленно оказался обнаженный эсток, и они принялись методично накручивать «Большую спираль Огня», которую я до того видел в их исполнении всего дважды.

Сам я почти не разминался. Вот ночью, на постое, выйду я тихо во дворик и погляжу всерьез, как жить мне в новой одежке да за какой конец меч держать. А сейчас — пустое это дело, баловство и больше ничего. Ночью, ночью подойдем к коню неизведанного с уздечкой умения — тут спешить ни к чему, мы теперь ученые...

...Кос встал напротив — и мы поклонились друг другу, тщательно соблюдая этикет. За нами никто не наблюдал, но ритуал — это для себя, а не для других.

Повинуясь подсказке Единорога и полностью с ним согласный, я положил левую руку на рукоять Дзюттэ.

— Не возражаете? — спросили мы с Дан Гьеном одновременно у Коса и Заррахида.

— Пожалуйста, — вежливо улыбнулся ан-Танья, и сверкнул на солнце эсток.

Улыбки и блеск — вещь хорошая, а добрый выпад — лучше. Посмеиваясь над собственным пафосом, я ушел от рванувшегося вперед Заррахида (или Коса?), Единорог проводил со-Беседника чуть дальше, чем тот намеревался пройти, и я попытался пустить в ход Дзюттэ — ну а он, соответственно, попытался пустить в ход мою левую руку.

Нет, зря я все-таки считал раньше, что работать двумя клинками — это то же самое, что спать с двумя женщинами.

Это гораздо хуже.

И с первого раза вообще не выходит.

— Твоему болвану-Придатку, Единорог, надо и вторую руку отрубить, а вместо нее железную приделать, — огрызнулся Обломок. — Я его веду, а он...

Я ничего не ответил, потому что Кос резко шагнул ко мне, и острие Заррахида замерло на волосок от зерцала моего доспеха.

— Ну и колол бы, — заметил я ан-Танье. — Чего испугался?

И выпятил бронированную грудь.

Бывший дворецкий немного смутился.

— Непривычно как-то... попробовать надо, — пробормотал он, пряча глаза.

— Пробуй!

Мы сошлись, я специально открылся, но острие эстока и на этот раз замерло на том же расстоянии.

— Не могу, — дрогнул эсток, а на лбу у Коса выступили мелкие капельки пота.

— Ладно, хватит на этот раз, — смилостивились мы с Единорогом, и даже Обломок не сообразил, что все встало с ног на голову, и Беседа превратилась чуть ли не в экзамен для Коса и Заррахида.

— Вот на постое повешу я доспехи на стенку, — властно бросил я, закрепляя успех, — там и поучишься. Авось, пригодится...

Кос неуверенно кивнул.

— ...На кого это ты во время Беседы отвлекался? — мрачно осведомился Дзю, когда мы снова выехали на тракт. — И вообще, Единорог — у тебя что, второй клинок вырос?!

«Сказать ему, Чэн?»

«Скажи, — согласился я. — Все равно ведь придется, рано или поздно».

— С Чэном.

— С этим косоруким Придатком?! — удивлению Дзю не было предела.

— Точно, косорукий, — проворчал из-за пояса Сай. — И вообще вы тут все Грозовым Клинком ударенные. Меня бы тому Придатку, что с эстоком, во вторую руку — мы б с Заррахидом вам всем...

— А тебя, Вилорогий, никто не спрашивает, — перебил его Дзюттэ.— Во вторую руку его... Твое место — сам знаешь где! Я б тебе этого места целую кучу навалил бы — да жаль, не умею...

2

...И был день, и был вечер, и был очередной караван-сарай, как две капли воды похожий на первый; и были мы, подъехавшие к нему и привязавшие коней у коновязи.

Первым в харчевню, из которой неслись запахи, способные поднять мертвого из могилы, вошел Кос. Он с порога неспешно оглядел собравшихся, немного подождал, пока к нему подбежит хозяин — обладатель хитрющей

длинноносой физиономии — и затем провозгласил с барственной ленцой:

— Ужин на двоих!.. Ну, и келью получше!

После чего Кос слегка посторонился, и вошел я. Глазки хозяина широко раскрылись и полезли даже не на лоб, а куда-то к оттопыренным ушам, отчего нос вытянулся еще на локоть, словно желая обнюхать меня с головы до ног.

Похоже, хозяин и впрямь решил, что я весь железный.

А путников в харчевне оказалось всего двое — ужинавший в углу пожилой крестьянин, чье двузубое копье в полтора роста стояло прислоненным к стене, и высушенная временем старуха с морщинистым крохотным личиком, и видом и цветом напоминающим передержанный в кладовке урюк. Правда, на этой урючине при моем появлении остро сверкнули неожиданно внимательные и любопытные глаза. Сверкнули — и погасли. Словно пеплом подернулись.

Рядом с глазастой бабкой стояло нечто, длиной почти с копье крестьянина, но расширяющееся с обоих концов и аккуратно замотанное в тряпки.

Что это было за оружие и оружие ли вообще — этого я так и не смог угадать.

Мы с ан-Таньей уселись за стол по соседству со старухой, который показался нам наиболее удобным. Почему — не знаю. Остальные столы на вид были точно такими же.

Пока удравший на кухню хозяин поспешно собирал нам ужин, старуха исподтишка разглядывала нас с неослабевающим интересом. Еще бы! Небось, у дряхлой сплетницы уже чесался закаленный в словесных боях язычок... Собственно, я бы и сам — месяца этак с три назад, — увидев в харчевне человека в железном наряде, стоял бы столбом и пялился на него, забывая даже жевать.

А старушка жевать не забывала.

— Далеко путь держите, молодые господа? — осведомилась наконец она. Голос у бабки оказался под стать глазам — низкий и чистый, без старческой хрипотцы.

И чем-то неуловимым похож на голос эмира Дауда. Бред, конечно, но — чего в жизни не бывает?!

Я со скрежетом неопределенно пожал плечами. А Кос, которому явно понравилось чувствовать себя молодым господином в его сорок пять лет, бодро сообщил:

— В Мэйлань едем. Из Кабира.

— Попутчики, значит! — возрадовалась словоохотливая бабка. — Это хорошо, это чудесно... только я из Дурбана еду, по делам там была, а в Кабир не заезжала, нет... меч-

талось старой на столицу хоть одним глазком взглянуть, а вот не довелось, дела не пустили...

Какие-такие у нее в Дурбане были дела, и почему они не пустили ее в Кабир — об этом старуха умолчала. Или забыла сказать. Или попросту сочла свои дела недостойными внимания двух замечательных молодых господ. Или двух замечательных молодых господ сочла недостойными посвящения в свои замечательные дела. Или...

А, пошла она в Шулму вместе со своими делами! Не больно-то и интересно...

— Матушка Ци, — представилась между тем старуха, намекая тем самым на необходимость ответных действий с нашей стороны.

— Весьма рады знакомству, — вежливо улыбнулся Кос. — Кос ан-Танья из Кабира.

Я тоже улыбнулся, следуя примеру Коса, но улыбка вышла довольно кислой.

— Э-э-э... Чэн.

— Чэн Анкор, — машинально добавил обстоятельный Кос, а я мысленно пожелал ему убраться под седалище к Желтому богу Мо.

— Уж не из тех ли Анкоров вы, молодой господин, что зовутся Анкорами Вэйскими? Или вы из Анкор-Кунов? — аж прослезилась бабка, одновременно заглатывая здоровенный кусок лепешки с сыром. Я б таким куском сразу подавился бы и умер в мучениях. — Вот уж не ждала, не чаяла...

Тут, на наше счастье, появился хозяин с долгожданным ужином, прервав болтовню любопытной Матушки Ци, и мы с Косом принялись за еду — причем Кос принялся с завидным рвением и скоростью. Хозяин уважительно поглядел на ан-Танью и отошел, позвякивая висевшим на боку длинным кинжалом без гарды, вложенным в ножны багряного сафьяна с бронзовыми накладками.

Остаток ужина прошел в молчании. Потом мы поднялись в выделенную нам келью — родную сестру вчерашней, — еще позже вышли проследить за обращением служителей с нашими лошадьми, выяснили, что лошади давным-давно распряжены и усердно хрупают овсом, и с чистой совестью вернулись в келью, где сели играть в нарды.

Я выиграл у Коса восемь динаров.

А он мне их не отдал.

К этому времени успело стемнеть.

Совсем.

3

...Мы спустились во внутренний дворик караван-сарая, где было очень темно. Интересно, а чего я ожидал ночью в неосвещенном дворе? Луна спряталась за случайное облако, лишь слегка присыпав светящейся пудрой верхний край своего временного убежища, и какие-то две нервные звезды подмигивали нам из-за глинобитного дувала.

Впрочем, особого освещения нам и не требовалось. Кос сразу же отошел к дувалу и сел спиной к нему, скрестив ноги и укрывшись плащом — темное на темном, недвижный валун у подножия сгустившейся ночи с двумя моргающими глазами-звездами.

Я свистнул ан-Танье и плавно бросил ему Сая Второго рукоятью вперед. Еще недавно я сказал бы: «Бросил сай», но теперь-то я знал, что Сай живой и говорить о нем следует, как о живом. Я бросил, услышал шорох Косова плаща — и все. Раз не было звука падения, значит, ан-Танья поймал Сая и положил рядом с собой.

Вот и пускай полежит.

Для начала я просто походил по дворику туда-сюда, поднимая и опуская руки, наклоняясь в разные стороны, передвигаясь то боком, то вприпрыжку — короче, привыкая к новому ощущению тела, заключенного в доспех.

Затем я упал. Полежал. Встал. Снова упал. Перекатился на левый бок... на правый... показал язык любопытным звездам и вскочил.

Неплохо, если для начала. Падаю шумно, но вполне прилично.

Я высоко подпрыгнул, приземлившись на колени, кувырком ушел вперед, застывая в позиции низкого выпада — и обнаружил обнаженного Единорога у себя в правой руке.

Мы ничего не сказали друг другу. Что значат слова для тех, кто способен слиться воедино теснее объятий влюбленных, ближе матери и ребенка в ее чреве, неразрывнее двух смертельных врагов, сцепившихся в решающей схватке?! Язык Единорога — язык Блистающих — был ближе к тому, что переполняло нас обоих, но и он не годился для выражения очищенных от рассудочной шелухи чувств и слившихся в единый порыв движений.

Вот мы и не говорили.

Мы двигались. Словом можно обмануть, и я не хочу никого обманывать, описывая это словами; движением обмануть нельзя. Настоящий удар не бывает неискренним.

...Я не думал о том, что делаю. Сознание мое было сво-

бодно, и я почему-то вспомнил сперва своего отца, Янга Анкора, а потом и деда Лю. В роду Анкоров существовало две главные родовые ветви — Анкоры Вэйские и Анкор-Куны, южане и северяне, но за столетия смешанных браков эти ветви срослись почти намертво. Мой дед Лю — как и я — по внешнему виду был чистым южанином: невысокий, стройный, жилистый, с буйным, но отходчивым характером и способностью моментально вспыхивать по любому поводу и без повода. В его старшем сыне и моем отце, спокойном и неторопливом Янге, волею судеб повторились в основном северные черты: мощное телосложение и уравновешенный нрав, ленивая грация крупного зверя и умение незаметно избегать любых столкновений. Впрочем, отец в последние годы жизни с Единорогом в руках выигрывал у деда, вооруженного Большим Да, одну Беседу из двух.

Это было немало. Это было даже очень много. Могучий Янг с легким Единорогом и маленький Лю с огромным Да-дао. На их Беседы сходился посмотреть чуть ли не весь Кабир.

Мой отец погиб, когда мне было семнадцать лет. Погиб нелепо, по-глупому: взбесившаяся лошадь понесла по краю обрыва, случайная осыпь и... и все. Дед пережил его на восемь лет и тихо умер в своей постели пять лет тому назад. Но к Единорогу дедушка Лю с тех пор ни разу не прикасался, отдав его в мое безраздельное пользование (до того я брал Единорога лишь во время обучения — вернее, мне его давали — а так я носил точно такой же прямой меч Дан Гьен, только чуть-чуть худшей проковки.)

Дед забрал мой первый меч себе, отдав Большого Да своему племяннику, который прошлым летом уехал с ним в Мэйлань — и будь проклята черная лихорадка, что за неделю свела в могилу нестареющего Лю Анкора!

В нашей семье бытовало одно предание — о том, как наш божественный предок Хэн в великую засуху спас первую виноградную лозу бога виноделия Юя, и в благодарность получил от божества бочонок вина и дар «пьяного меча». Каким образом Хэн спасал эту лозу и чем он ее поливал и удобрял — об этом Анкоры предпочитали не рассказывать посторонним во избежание кривотолков. Но дальше в предании говорилось, что предок Хэн, не очень-то доверяя лукавому богу, сперва отхлебнул из бочонка один-два глотка и сразу после этого взял в руки «пьяный меч». Но погода стояла жаркая, и вспотевший Хэн вскоре выпил целую пиалу, потом перелил часть бочонка в жбан и осушил его единым глотком (ох, здоровы пить были предки!), а вскоре и в самом бочонке показалось дно.

С тех пор и делятся мастера «пьяного меча» на «пьяниц одного глотка», «пьяниц с пиалой», «пьяниц со жбаном» и «пьяниц с бочонком».

Мой дед Лю был большим мастером «бочонка» — и когда он метался по турнирной площадке с «мертвецки пьяным» мечом в руке, успевая упасть лицом вперед — плашмя! — и мгновенно перейти к «Фениксу, взмывающему в грозовое небо», то на это стоило посмотреть.

Но и не меньше стоило посмотреть на его сына Янга, чей «Феникс» был вдвое тяжеловеснее, и, прежде чем взмыть в «грозовое небо» сперва «расправлял крылья», затем «бил клювом на четыре стороны света» и лишь после...

Собственно, взмывать зачастую уже не приходилось, поскольку у со-Беседников, попавших под клюв могучего феникса Янга, возникали большие неприятности.

Вот такие-то дела... Просто-напросто сыну и внуку Чэну Анкору, надевшему доспех аль-Мутанабби, пришлось стать меньше похожим на своего деда и больше — на отца. Ладно, запомним — в доспехе мне больше жбана не выпить.

Ну и не больно-то хотелось... я ж не божественный предок Хэн, мне лозу не поливать.

4

...Мы замерли, и некоторое время я стоял, не двигаясь, и прислушиваясь к самому себе. Дыхание сбилось лишь самую малость и почти сразу же восстановилось, тяжести доспеха не ощущалось вовсе, словно он стал второй кожей и прирос к телу; само тело от ног до кончика клинка Единорога было легким и послушным.

— Ну? — бросил я в сторону мрака по имени Кос. — Как?

— Ничего, — ответила темнота. — Вполне.

В устах ан-Таньи — тем более нового, независимого ан-Таньи — это было невероятной похвалой. Впрочем, я мог и не интересоваться его мнением. Я и сам знал, что — вполне.

Мы знали. Я-Единорог.

Наступала очередь Дзюттэ. Я аккуратно и бережно опустил возбужденного Дан Гьена в ножны и вынул из-за пояса подозрительно тихого шута.

И вновь стал ходить по двору кругами, помахивая Дзюттэ в воздухе, привыкая к его балансу и рельефу рукояти. Правую, железную руку я намеренно держал подальше от Единорога — мне хотелось поближе познакомиться с шутом-Блистающим без посредничества моего меча.

Работая Единорогом, я обычно держал пальцы левой руки собранными в незамкнутое кольцо, то есть сжимая воображаемую пиалу, или смыкал прямые указательный и безымянный, собрав остальные пальцы к центру ладони — отчего ладонь начинала походить на своеобразный меч.

Так, держа Дзю в левой, я смогу одновременно «взять пиалу»... это хорошо. Это привычно. Хотя теперь уже и не очень-то нужно. Поехали дальше... баланс, вроде, пойман... интересное дело — Обломок в два с лишним раза короче Единорога, а весит, почитай, столько же! Колоть им бессмысленно — он тупой; рубить тоже глупо — разве что по голове кому-нибудь попадешь...

Что ж это выходит, шут? Оказывается, ты для нападения совсем-совсем неприспособленный?! И переучивай тебя или не переучивай — ты все равно для убийства не шибко годен? Все Блистающие могут в принципе переучиться и убивать людей, да не хотят, — а ты даже если и захочешь, то все равно не сможешь!

Вот и Друдл, пусть и с Детским Учителем в руке — хотел, да не смог... а вот их обоих — и захотели, и смогли!

Так, не будем погонять коня ненависти... не ко времени. Как же тебя перехватывать, Обломок ты этакий, чтоб ты из прямого хвата в обратный лег? А если...

И тут я отчетливо почувствовал, как Дзюттэ дрогнул в моей руке, пытаясь помочь, подтолкнуть, подсказать...

— Нет уж, погоди, — вслух сказал я, прекрасно понимая, что без помощи Единорога Обломок меня не услышит, а услышав — не поймет. — Дай-ка я сам сперва разберусь, что к чему... сам.

В общем, при определенной сноровке дело оказалось не очень сложным. Я еще раз мысленно представил, как увесистый Обломок вращается вокруг моего запястья, как после четверти круга я прихватываю большим пальцем его гардулепесток, удобная у тебя гарда, шут, зря над ней Кабир смеялся, дураки они все! — и к концу оборота Дзю уже...

— Ну, теперь давай, шут! — выкрикнул я.

...и через мгновение лихо крутанувшийся Дзю уже лежал вдоль моего предплечья, лязгнув о металл поручня... или наруча, или как там этот железный нарукавник называется.

— Молодец, — прошептал я, имея в виду то ли себя, то ли Обломка, то ли нас обоих вместе.

Продолжая крутить Дзюттэ, то и дело меняя хват, я прикидывал, как можно на Обломка — вернее, на руку, защищенную им, — ловить чужой клинок. Получалось, что ловить можно по-всякому и довольно неплохо. На такой

толстый брусок (прости, Дзю!) и Гвениля поймать не страшно, если вовремя спружинить.

Главное — чуть проскальзывать во время столкновения, и тогда бьющий клинок вполне способен застрять между Дзю и лепестком его гарды. А там — резкий рывок с поворотом, и Блистающий вылетает из рук, его держащих, или...

Или одним Блистающим в мире становится меньше. Был бы жив Шото, он бы со мной согласился.

...Я поймал себя на том, что понятия мои и Единорога так тесно переплелись в моей голове, что я сам путаю их и не замечаю этого. Говорю «Гвениль», а представляю себе Фальгрима, и Беловолосый настолько сливается в моем мозгу со своим двуручным эспадоном, что мне, в общем-то, уже все равно — как называть получившееся двойное существо.

Опять же Кос с его Заррахидом... наши отставные дворецкие. И не только они...

Я отругал себя за посторонние мысли — думать о чем угодно я могу позволить себе только с Единорогом, да и то не всегда — и продолжил изучать Дзюттэ. Нет, не изучать — знакомиться; и не я с ним, а мы друг с другом. На равных. Это я чувствовал и без Единорога.

М-да, если со-Беседник вовсе не со-Беседник, и не имеет никакого желания останавливать свой удар — то такой вот Обломок для человека с незащищенными руками просто находка! Чуть ли не отец родной, благодетель и спаситель...

И при этом палач для Блистающих!

А ведь ты не мог не знать этого, шут... Ты обязан был это знать. В какие ж времена тебя ковали, для чьих рук?! Сколько тебе лет, Дзю?

«Сколько тебе лет, Дзю? — эхом отдался у меня в сознании голос Единорога, очень похожий на мой собственный, и я ощутил, что стальные пальцы крепко сжимают рукоять. — Сколько?»

— Много, — глухо буркнул Дзюттэ, и его ответ был подобен скрежету клинка о наруч. — Много мне лет. Слушай, Единорог, а ты действительно... ну, ты и вправду с ним, со своим... разговариваешь?

По-моему, он хотел сказать «со своим Придатком», но поостерегся.

— Да, — коротко отозвался Единорог-Я.

— А сейчас... кто из вас спрашивал, сколько мне лет?

— Не знаю, — задумчиво прошелестел Единорог-Я. — Кажется, оба. А какая разница, Дзю?

— Разница? — медленно протянул Обломок. — Не в

разнице дело... А он один — Чэн твой — может мне что-нибудь сказать? Пусть через тебя, но — один?

«Скажешь? — беззвучно обратился ко мне мой меч и с готовностью расслабился, пропуская меня вперед. — Давай!..»

— Я... — начал было я и почувствовал, как шорох клинка в ножнах, еле заметное покачивание, трепет кисточек — как все это становится речью, словами, понятными и доступными нам: Единорогу, Обломку и мне.

— Я... мне... очень жаль, Дзю, что Наставника убили. Честное слово, просто очень жаль. Если б мы с Единорогом знали тогда... если б мы понимали!..

Ну вот, как с покойным Друдлом говорю! Косноязычным становлюсь, слова все куда-то разбегаются, и чувствую себя уже и не дураком, а полным недоумком. До каких пор это будет продолжаться?!

— Спасибо, — очень тихо и серьезно произнес Дзюттэ Обломок; и еще раз провернулся у меня в руке. — Спасибо и... завидую. От души.

А потом добавил более привычным тоном:

— Везет же дуракам! Правда, не всем. Ну тогда не вцепляйся в меня на перехвате со всей дури, я ж тебе не кебаб недожаренный...

5

И я кивнул, вняв дельному совету. Действительно, теперь перехват получался куда легче (я бы даже сказал — изящнее), и Дзю почти без лязга сам ложился вдоль предплечья, а когда было надо — стремительно бросался вперед, заклинивая невидимого Блистающего, уводя его в сторону, вырывая из чужих пальцев...

Я и сам не заметил, как в правой, железной руке у меня оказался Единорог, и в свете выкарабкавшейся наконец из-за облака луны тусклым маревом развернулись «Иглы Дикобраза»; длинные уколы и кистевые удары Единорога сменялись короткими и азартными всплесками Дзюттэ, и все получалось само собой — хотя в каноне ничего подобного и близко не было.

Похоже, все в порядке. Ну, не то чтобы совсем в порядке — воду из этого колодца можно еще черпать и черпать, добраться до дна, пробить его и черпать снова, — но для первого раза все складывалось достаточно неплохо. А о том, что на мне доспех, я вообще напрочь успел забыть...

Закончив, я посмотрел туда, где все это время сидел Кос —

и обнаружил, что ан-Танья под дувалом отсутствует. Впрочем, как тут же выяснилось, отсутствовал он только под дувалом. А во всех остальных местах двора Кос присутствовал — причем, по-моему, во всех местах сразу. Ан-Танья творил что-то невероятное, став удивительно похожим на моего собственного дедушку — ну просто зависть брала, до чего ловко, хотя и не совсем привычно для моего взгляда, он орудовал почти неразличимым из-за скорости и скудного освещения эстоком!

Через мгновение я заметил, что во второй руке Коса со свистом вертится Сай Второй. Оставалось только диву даваться, как быстро наши бывшие дворецкие сумели найти общий язык с этим неприятным трехрогим нахалом!..

А потом Кос закончил свою невообразимую импровизацию, крутнул напоследок Сая, взвизгнувшего от удовольствия — и оказался напротив меня с двумя клинками в руках. Я посмотрел на ан-Танью, сделав чрезвычайно серьезное выражение лица, и мы подчеркнуто церемонно поклонились друг другу.

Поклонились, выпрямились и... застыли. Потому что я — Единорог-Я или Я-Единорог?.. неважно! — потому что мы видели, понимали, чувствовали — сейчас двигаться нельзя. Вот мы и стояли, а мгновения растягивались, сливались, их уже нельзя было отличить одно от другого — и никто не смог бы определить, когда именно моя передняя нога поползла чуть в сторону, и слегка изменился наклон Дан Гьена, а Дзюттэ приподнялся вверх самую малость...

Мы не осознавали этого. Просто Я-Единорог-Дзюттэ чуть-чуть изменился — и в ответ, уловив это, начал меняться Кос-Заррахид-Сай, но промедлил, и тогда мы поняли-увидели-почувствовали, что теперь — можно.

Можно.

Во имя Ушастого демона У, как же это было здорово! Не было врага, не было язвительного Дзюттэ и противного Сая, не было злобы, и ненависти не было — была Беседа, Беседа Людей и Блистающих, и все в ней были равны, и думать было некогда, ненавидеть некогда, и лишь где-то на самой окраине сознания пульсировало удивленное восхищение...

Вот как это было.

А слова — это такая бестолковая вещь... бестолковая, но, к сожалению, необходимая.

6

— Смотрю я на вас, молодые господа, и давно уже, надо заметить, смотрю, давно-давненько и пристально-пристально смотрю, в оба глаза и... так о чем это я? Ах да... — смотрю я на вас, молодые господа, и прям-таки сердце радуется...

Ну понятное дело, это была неугомонная Матушка Ци! Я остановился на середине удара, переводя дух, и мысленно еще раз обозвал ее «старой любопытной урючиной». Даже если это и было невежливо. А подсматривать за людьми по ночам (да хоть бы и днем!) — вежливо?! И откуда она взялась на нашу голову?

Тем временем Матушка Ци соизволила подойти поближе. В руках у нее был все тот же странный предмет, виденный нами в харчевне и по-прежнему аккуратно замотанный в тряпки.

— Сколько на белом свете живу, — продолжала бубнить старуха, — отродясь такой изысканной Беседы не видела! Даже самой захотелось молодость вспомнить, кости старые поразмять! Не соблаговолит ли кто из молодых господ снизойти к старушке, по-Беседовать с ней по-свойски?.. а то бессонница бабку вконец замучила...

Мы с Косом переглянулись. Было совершенно ясно, что просто так старуха от нас не отвяжется. Да и вообще — отказывать женщине, предлагающей Беседу... неловко как-то.

Кос чуть заметно кивнул и выступил вперед.

— Отчего же? — проникновенно сказал ан-Танья, склоняя голову. — Я с огромным удовольствием по-Беседую с вами, Матушка Ци.

— Вот и спасибо, молодой господин, — мигом засуетилась старуха, — вот уж спасибо так спасибо, всем спасибам спасибо, вы только обождите минуточку, я сейчас...

И принялась с изрядным проворством разматывать тряпки, под которыми скрывался ее загадочный Блистающий.

Он являлся нашему взору по частям. Одно было несомненным — длинное древко в рост Матушки Ци. Зато все остальное... Сперва от тряпок очистилось лопатообразное лезвие со скругленными краями — и я тут же вспомнил детские сказки о песчаной ведьме-алмасты, любившей на таких вот лопатах сажать в тандыр непослушных мальчиков Косиков. Так сказать, для запекания в чуреках. Потом на другом конце древка обнаружился полумесяц с торчащими вверх рогами. Ну и довершали все это многочисленные колокольчики-бубенчики, кисточки и ленточки, прикрепленные к этому чуду со всех сторон.

Это было не оружие, а, скорей, со-оружение. Посох, топор, алебарда, рогатина, двузубец и ритуальный символ одновременно. Я косо усмехнулся и ощутил странную дрожь Единорога.

«Кто это?» — спросил я, поглаживая стальными пальцами рукоять своего меча.

— Это Чань-бо, — вместо Единорога ответил Дзюттэ. — А ну-ка, не будем лишний раз выставляться...

И чуть ли не сам полез ко мне за пояс, но позади, со спины, а я, уж не знаю зачем, постарался держаться к загадочному посоху лицом.

«Это Чань-бо, Чэн», — тихо сказал-подумал Единорог.

«Кто-кто?»

Единорог повторил мой вопрос вслух — видимо, для Обломка. Зачем он это сделал — я не понял, да и не очень-то стремился понять.

— Слушай, Единорог, — обидно скрежетнул из-за моей спины Дзюттэ, — оказывается, твой мэйланьский придурок... то бишь Придаток не знает, кто такие Чань-бо! Чему их в Мэйлане только учат! Я, кабирец, и то...

— Во-первых, теперь уже не «мой», а «наш», — раздельно и отчетливо прозвенел Единорог, и Дзюттэ примолк. — Наш, и не Придаток, а человек. Во-вторых, Чэн родился и вырос в Кабире, и в Мэйлане никогда не был — как его отец и дед. И в-третьих, не забывайся, Дзю...

И уже ко мне:

— Чань-бо в Мэйлане, Чэн, это как бы Дзюттэ в Кабире с точностью до наоборот. Дзюттэ вечно в толпе, а Чань-бо, Посохи Сосредоточения, любят одиночество; Дзю язвит и суетится, а Чань-бо спокойны и рассудительны, и обидных глупостей не говорят. Есть такая вэйская поговорка: «Хочешь совета — иди к Чань-бо. Он помолчит, и ты уйдешь окрыленным».

— Отшельники, — подбросил я нужное слово.

— Примерно, — согласился Единорог.

— И это... нижайше прощения просим, — снова встрял Обломок. — Эй, Однорог, передай своему, чтоб не выкидывал меня в болото, а то с него станется...

— На дороге Барра ни одного болота нет, — серьезно сказал Я-Единорог. — А жаль.

— Будет нужда — и болото отыщется, — буркнул Дзю и больше не высовывался.

...А Беседа Коса и Матушки Ци уже была в самом разгаре. Старуха скакала из стороны в сторону с той неуклюжестью, которая дается лишь опытом и годами ежедневных

изнурительных занятий, — я просто влюбился в нее за эти считанные секунды! — а ее разнообразнейший Чань-бо и впрямь то норовил поддеть Коса на свою лопату, то старался забодать его рогами полумесяца, то хотел насмерть запугать звоном колокольчиков и мельтешением лент.

Впрочем, мой отставной дворецкий держался молодцом, не роняя нашей с ним чести, а также не роняя уверенно мелькавшего Заррахида и лихо свистевшего Сая, уже успевшего оборвать с Посоха Сосредоточения одну ленту и теперь гоняющегося за крайним правым колокольчиком.

Я одобрительно цокнул языком и подумал, что когда бабка прокручивает Чань-бо через спину, согнувшись при этом иероглифом «гэ», — да, я, пожалуй, даже в доспехе рискнул бы пойти перекатом на девять стоп вперед и от земли, не вставая, тем самым косым выпадом, который так любил смотреть незабвенный крис Семар, то бишь Кобланов подмастерье...

И вдруг все замерло. Двурогий конец Чань-бо застыл у горла ан-Таньи, скользнув мимо усов припоздавшего Сая Второго, а острие Заррахида резко остановилось у живота старухи. По-моему, бабка успела чуть раньше. Хотя случай был спорный, и на турнире обязательно Беседовали бы заново.

Ну и ладно... не на турнире, однако!

— Благодарю за приятную Беседу, — нимало не запыхавшись, заявила Матушка Ци, еле заметно улыбаясь.

— Ответно благодарен, — Кос подумал и выдал тройной церемониальный поклон с мелким отскоком, и я просто ошалел от этого, — за истинное наслаждение! Всегда рад Беседовать с вами, Матушка Ци...

Старуха принялась сноровисто обматывать тряпками своего Чань-бо, а Кос подошел ко мне. Вид у него был слегка сконфуженный.

— Видел? — только и спросил он.

— Видел, — только и ответил я. И у бедра согласно качнулся опущенный в ножны Единорог.

Возле Коса бесшумно, как тень, возникла Матушка Ци. Ее драгоценный Чань-бо вновь был надежно укутан. Старуха как-то незаметно обогнула меня и ан-Танью, оказавшись чуть ли не у меня за спиной, и взгляд ее буквально вцепился в торчащего из-за пояса Дзюттэ.

«Интересно, — подумал я, — от кого это Обломок прятался? От бабки? Вряд ли... Скорей всего, от посоха. Знакомы они, что ли?..»

— Откуда у вас... это? — коротко и внятно спросила Матушка Ци.

— Это... — отчего-то растерялся я. Ну как я ей объяс-

ню, что это Дзюттэ Обломок, шут ятагана Шешеза фаррла-Кабир?!

— Это память... о друге.

— Он принадлежал Друдлу Кабирцу, — с неприятной настойчивостью продолжила старуха. — Вы сказали — память?

— Друдл погиб, — внезапно потеряв голос, выдавил я. — Его... его убили.

— Ты... вы это видели?

— Видел, — я разозлился. По какому праву она меня допрашивает?! — Я много чего видел, Матушка Ци! Много такого, чего предпочел бы не видеть.

Некоторое время старуха молчала.

— Странно, — наконец пробормотала она. — Очень странно... Если Пересмешник умер, я должна была бы почувствовать. Но раз ты говоришь... жаль. Очень жаль...

Она еще немного помолчала.

— Ну что ж, спокойной ночи, молодые господа, — произнесла Матушка Ци после долгой, слишком долгой паузы. — Думаю, мы еще увидимся...

И все так же бесшумно скользнула в темноту.

Потом чуть слышно скрипнула дверь.

Мы с Косом постояли, переглянулись и двинулись следом за старухой.

У самого порога я наступил на что-то, зашуршавшее под моей ногой. И поднял небольшой свиток пергамента. Всего один пожелтевший и скрученный в трубку лист.

Кос тоже взглянул на мою находку.

— Бабка выронила, — коротко и без особой приязни заявил он, как будто бы только что не раскланивался перед этой бабкой, словно она была матерью эмира Дауда. — Больше некому.

Я кивнул. Утром надо будет отдать. Но... В последнее время я стал слишком любопытен. Это даже начало входить у меня в привычку. Скорее всего — ерунда. Ничего особенного там не записано. Письмо, купчая или что-нибудь в этом роде.

И все же...

Глава двенадцатая

1

«...и тогда Имр-уль-Кайс спросил Антару:

— О Абу-ль-Фаварис, скажи мне, сколько ты знаешь названий и прозвищ меча?

И Антара ответил:

— Слушай и запоминай, что я скажу: он называется Меч, Беда, Суровый, Повелитель, Прямой, Гибель, Смерть, Блеск росы, Быстрый, Великий, Острый, Полированный, Блестящий, Благородный, Посланец смерти, Вестник гибели, Ветвь, Покорный, Лезвие, Прекрасный, Бодрствующий, Горделивый, Решающий, Нападающий, Послушный, Ровный, Режущий, Кончина, Судьба, Честный, Верный, Начало, Конец, Разящий, Гнев, Плачущий кровью, Рассеивающий горе, Мужественный, Закаленный, Отсекающий, Синий, Цветущий, Возвеличивающий, Стирающий, Разделяющий, Чудо, Истина, Путь, Разящий героев, Друг, Заостренный, Отточенный, Кровавый, Защитник, Светлый, Услада очей, Уплата долга, Проливающий кровь, Губительный, Товарищ в беде, Владыка змей, Жаждущий — вот немногие имена и прозвания меча, о Имр-уль-Кайс!»

Вот что было записано в свитке Матушки Ци.

И на полях, быстрым летящим почерком:

«Сказители Нижнего Дурбана в «Антара-наме» поют не встречающийся более нигде бейт о том, что за миг до смерти Антара Абу-ль-Фаварис приподнялся на ложе и воскликнул: «Будь проклят день, когда оружию стали давать имена!»

И еще:

«Седьмой год эры правления «Спокойствие опор», Мэйлань — Ю Шикуань, меч «девяти колец» Цзюваньдао по прозвищу Ладонь Судьбы. Ущелье Воющих Псов в Хартуге.

Семнадцатый год эры правления «Спокойствие опор», Мэйлань — Лян Анкор-Кун, прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст?!.»

...Я еще раз перечитал пергамент. Кроме того, что неизвестный Лян Анкор-Кун явно приходился мне родичем — старшим? младшим? — я не понял больше ничего.

Единорог, узнав о свитке, сообщил мне, что Блистающий Цзюваньдао — я отчетливо увидел кривой широкий меч с девятью кольцами на массивном обухе — еще при отъезде Единорога из Мэйланя (то есть сотню лет тому назад!) был старейшиной рода Кривых мечей и входил в Совет Высших Мэйланя.

Более того — он был правителем Мэйланя.

Меч моего неизвестного родича Ляна, прямой Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст, тоже, оказывается, был старейшиной — только уже рода Прямых мечей — и тоже входил в тамошний Совет. Именно он в свое время отослал Единорога — и своего почти что племянника, ибо они были в близком родстве — в Кабир.

Ссылка состоялась без объяснения причин.

Все это мне ужасно не понравилось. Во-первых, я ничего не мог понять, кроме каких-то крох, а во-вторых, эти крохи разом влетели в сапог моей судьбы и ужасно натирали ногу рассудка. Пока я изощрялся в подобных рассуждениях, Единорог что-то прикинул и сказал, что он не уверен до конца, но седьмой год эры правления «Спокойствие опор» — это, похоже, прошлый год. Как раз прошлым летом и пришло какое-то послание от Совета Высших Мэйланя, и наш двоюродный брат (в смысле Единорогов брат) Большой Дао-дао-шу спешно уехал из Кабира в Мэйлань. Может быть, Большой Да был вызван мечом Цзюваньдао, старейшиной рода Кривых мечей и правителем Мэйланя?

«Ты у меня спрашиваешь?» — поинтересовался я.

Единорог не отозвался.

Тогда я сказал ему, что это совпадение. А он сказал мне, что когда меч в десятый раз не попадает в собственные ножны, то это не совпадение, а привычка. И не с нашим везением кивать на совпадения. А я сказал ему...

А Кос сказал мне, чтобы я прекратил бормотать себе под нос невесть что, и шел спать.

Ну, мы и пошли спать.

2

Утром в мою отоспавшуюся голову пришли довольно странные мысли; пришли и расположились, как у себя дома.

Я вдруг подумал, что все изменения, происшедшие со мной — железная рука, доспех, опыт потерь и находок, знакомство с насильственной смертью — все это не главное, не единственно важное, отличающее Чэна Анкора Прежнего от Чэна Анкора Настоящего.

Главное, вне всякого сомнения, началось с падения моей отрубленной руки на турнирное поле — но не в потере самой руки было дело. Удар Но-дачи разрубил надвое нить моей судьбы, мой знак в этом мире рассыпался на мелкие кусочки, и я не связал обрывки нити, не склеил знака — я просто подобрал один из этих обрывков, горсть осколков, подобрал и пошел дальше.

Для Чэна Прежнего жизнь состояла из обилия ярких, запоминающихся мелочей, которые, подобно частям мозаики, складывались в рисунок действительности. Чэн Прежний воспринимал жизнь, как множество цветных картинок — золотое шитье халата, пушок на боку перезрелой

айвы, узор «следы когтей» на сафьяне ножен, медные скрепы по краям, тень айвана, щербатая пиала в чайхане...

Жизнь была — подробной.

Каким увидел бы Чэн Прежний наш караван-сарай, выглядывая в окно? Наверное, таким...

«На поверхности хауза — небольшого водоема во внешнем дворе — весело прыгали солнечные зайчики. У коновязи, где гарцевал чей-то гнедой с выкаченными и налитыми кровью глазами, сидел на корточках рябой мальчик-служка в просторной рубахе до самой земли и чистил песком бронзовый таз. Нижняя ветвь кривой древней джиды бросала тень на его лицо — скуластое, сосредоточенное, с жестким профилем дейлемца-южанина...»

Здорово! Оказывается, еще могу... детали, мелочи, подробности! Видно, Чэн Прежний все-таки не до конца умер, а просто затаился до поры до времени в Чэне Настоящем, Сегодняшнем.

Просто-непросто...

Зато Чэна Настоящего почти совсем перестали интересовать подробности внешние, подвластные точному описанию; мелочи, которые можно потрогать. На первый план вышло непосредственно действие, которое можно только прочувствовать; и чувства, которые можно лишь ощутить, не успевая обдумать; и ощущения, личные ощущения при столкновении с этой стремительной и не всегда понятной для рассудка жизнью.

И отношения между мной и людьми. И Блистающими. И их отношения между собой.

Раньше, глядя на крону дерева бытия, я пытался рассмотреть по очереди каждый листок — как он выглядит. Теперь же я не замечал отдельных листьев, но видел листву — и слышал ее шелест, отдыхал в прохладе ее тени, и листья были для меня единым целым.

Не листья, но листва.

Так бывает при Беседе. Все мелкое послушно отступает в сторону; все незначительное и потому способное отвлечь, отметается вихрем происходящего; сознание, память о прошлом, оценка настоящего, мечты о будущем — этого больше нет, а есть нечто сокровенное, поднимающееся из глубин подобно Треххвостому дракону Он-на... и этот дракон способен решать не раздумывая, поступать не сомневаясь и дышать ветром сиюминутного полной грудью.

Возможно, этот дракон и есть душа.

...Я Беседовал с Жизнью — узнав Смерть, я мог себе это позволить.

И мог позволить себе перестать быть мелочным.

Одного я не мог себе позволить — это перестать умываться.

И я пошел умываться.

3

Этим утром Кос, вопреки своей новой привычке, проснулся раньше меня, и, когда я спустился в харчевню, завтрак уже был на столе. Мяса мне с утра не хотелось, но ан-Танья словно предугадал мои желания: сыр, зелень, лепешки и крепкий чай. Как раз то, что надо. Кроме нас с Косом, несмотря на довольно поздний час, никого в харчевне не было — и я принялся жевать.

Закончив трапезу, я жестом подозвал длинноносого хозяина.

— А скажи-ка мне, любезный, здесь ли еще эта старуха... то есть Матушка Ци?

Вопрос был совершенно безобидный, но маленькие глазки нашего караван-сарайщика почему-то тут же забегали — причем в разные стороны.

— Нет, почтеннейший, нет, благородный господин, она на рассвете ушла — рано встала, поела, сказала, что расплатится в другой раз, и ушла.

Что-то не похож был наш хозяин на человека, с которым можно расплатиться в другой раз. Во всяком случае, без воплей и скандалов.

— Не сказала — куда?

— А она никогда не говорит.

— Так ты, любезный, ее знаешь?

— Ну вы спросите, благородный господин! Да эту старую ворожею... то есть Матушку Ци, конечно, каждый караван-сарайщик на Фаррском тракте знает. Раз в полгода непременно объявляется...

— Много путешествует, значит, — то ли спросил, то ли просто заметил Кос.

— Много? Да, почитай, только этим и занимается!

Далее продолжать разговор не имело никакого смысла — хозяин или ничего больше не знал, или не хотел говорить.

— Спасибо, — небрежно кивнул я, а Кос сверкнул монетой — и хозяин, поймав мзду на лету, понятливо исчез.

— Говорила — еще, мол, свидимся, — пробормотал я, ни к кому не обращаясь. — Ну что ж, может, и свидимся... Вот тогда и получишь, Матушка, свои записи обратно.

Потом я повернулся к ан-Танье.

— Мы тут немного задержимся.

— Зачем?

— Да так... выяснить кое-что надо. Пришла пора завязать более тесное знакомство.

Кос непонимающе поглядел на меня. Действительно, о каких выяснениях и знакомствах могла идти речь, если в караван-сарае кроме нас и хозяина, похоже, никого не осталось?

Впрочем, я-то знал — что надо выяснить и, главное, у *кого*!

Я неторопливо поднялся из-за стола — еще бы, после такого завтрака! — и прошел в нашу келью. Все еще недоумевающий Кос последовал за мной.

Опустившись на низкую кровать, я аккуратно положил рядом с собой Дзюттэ и Сая Второго, и, глубоко вздохнув, взялся правой рукой за рукоять Единорога.

— А ты, Кос, — за миг до того обратился я к усевшемуся было на свою кровать ан-Танье, — бери-ка эсток и поупражняйся. Вон мой доспех на стене развешен — давай коли и представляй, что в доспехе — я. Или не я. И пробуй не останавливаться. Дескать, если я или не я в железе, то ничего страшного ни с кем не случится. Давай, давай, не стесняйся...

И — странное дело! — Кос послушно взял Заррахида и шагнул к стене, на которой висел доспех аль-Мутанабби.

А я тут же забыл о Косе, доспехе и Заррахиде, окунувшись вместе с Единорогом в разговор Блистающих.

На этот раз мои приятели решили сменить тактику, перейдя от кнута к прянику.

— Слушай, Вилорогий! — вещал Обломок. — Да ты у нас молодец! Можешь ведь, если захочешь! Так вчера душевно по-Беседовали, что просто...

Похвалы Саю явно нравились, а на «Вилорогого» он, видимо, решил не обижаться — и правильно, потому что тогда ему пришлось бы обижаться на Дзю через каждое слово.

Как мне в свое время — на Друдла...

— Понятное дело, могу! — хвастливо заявил польщенный Сай, и я неслышно расхохотался. — Если б еще Заррахидову Придатку руку левую, как надо, поставить, мы б вас тут по всему двору гоняли, как хотели! И тебя, Обломок, и Рога Единого, и Придатка вашего железнобокого! И посох этот дурацкий, с бубенцами...

Я чувствовал, что Дан Гьен с трудом сдерживается, чтоб не смазать пряник похвалы чем-то похуже арахисового масла; да и у Дзюттэ наверняка вертелась на кончике

клинка очередная колкость, но, взяв определенный тон, надо было держать его до конца.

— Что же вы, все такие... герои? Ну, те, кто Шулму видал? — со скрытой издевкой, которую Сай, похоже, заметил, поинтересовался Единорог.

— Шел бы ты в ножны! — огрызнулся Сай. — Герои... Тебя б туда хоть на денек, небось сразу понял бы...

Он умолк, не докончив фразы.

И тут я не выдержал, а Единорог согласно звякнул, представляя себя в мое распоряжение.

— И вы решили сделать героями нас! — не спросил, а твердо отчеканил Я-Единорог. — Спасая нас от Шулмы, вы принесли ее сюда, чтобы и мы поняли...

— Да! — чуть ли не взвизгнул Сай. — Кто это? Кто это сказал?! Это ты, Заррахид?!

Сай был весьма напуган, и я сообразил, что когда я говорю через Единорога, то у Дан Гьена сильно меняется, так сказать, голос — звучание, интонации, характер и все такое. Неважно, что говорит он посредством совсем иных звуков, чем я — голос-то все равно меняется.

Как, наверное, и у меня, когда говорю не я, и даже не Я-Единорог, а Единорог-Я.

— Нет, — недоуменно брякнул эсток о мой доспех. — По-моему, это Единорог.

— А почему у него тогда голос такой?! — Сай не на шутку разволновался. — Он чего, перегрелся?

— А потому что это не я — верней, не совсем я — говорю, — сказал уже Единорог-Я. — Это говорит Чэн Анкор, тот, кого ты называешь моим Придатком.

— А я его по-всякому называю, — самодовольно заявил Обломок. — У меня воображение богатое... и нездоровое.

— Вы что тут, расклепались все, да?! — завопил несчастный Сай.— Как это Придаток может со мной, с Блистающим, разговаривать?! Как он вообще может...

— Может-может, — прервали его мы с Дзю одновременно.

— Мы много чего можем, Сай, — продолжил уже я сам, без Обломка, потому что шуту тоже было не вредно меня послушать, раз у него такое воображение. — Вы, Блистающие, кого мы звали оружием, и мы, люди, кого вы звали своими Придатками — каждый из нас считал (да и считает!), что именно его род правит миром, а прочие — не такие — у него, у венца творения, в услужении. Ну что ж... я готов простить Но-дачи и его Придатку... тьфу ты! То есть я хотел сказать — его хозяину... слушай, Единорог,

не обижайся!.. Короче, я готов простить им обоим свою отрубленную руку, потому что волей случая я, человек, не раз державший в руке меч — лишь железную, невозможную руку я сумел протянуть Блистающему, как равному! И не все ли равно, в конце концов, кто из нас правит миром?! Тем более, что вы привезли из Шулмы зародыш такого мира, которым не то что править — в котором жить не хочется!

— А мне, ты думаешь, хочется?! — запальчиво перебил меня Сай. — Я когда своего, первого заколол — мне... я чуть не сломался на этом! Потом, правда, полегче стало, но все равно...

Сай помолчал.

— Мне кажется, — наконец бросил он, — что у меня сейчас боковые усы в узел завяжутся. Или винтом закрутятся. Или еще чего... Как ты сказал, тебя зовут? Если, конечно, ты не Единорог.

— Чэн. Чэн Анкор.

— И ты этот... человек? Который как бы Придаток, но человек?

— Как бы да, — чуть насмешливо ответил я.

— И говорит со мной сейчас не Единорог, а ты? Через эту самую... железную руку?

— И он еще называл меня — меня! — тупым! — не выдержал Дзюттэ.— Да через руку он говорит, через руку — не через ногу же! Ну, кто теперь из нас тупой?!

Впрочем, потрясенный Сай оставил этот выпад без внимания — и, опять же, правильно сделал.

— Наверное, тогда ты должен меня ненавидеть, — едва шелохнулся он.

— Наверное, должен. Но не могу. Во-первых — ты уж прости — я лишь недавно понял, что оружие можно ненавидеть так же, как и человека; а во-вторых, убивать мы с Единорогом уже научились, а вот с ненавистью что-то плохо получается — во всяком случае, если всерьез и надолго. Не готовы мы к этому... хотя уж как нас в последнее время готовили! То, что делал ты и тебе подобные, пускай из самых благих побуждений — это ведь тоже Путь. Путь Меча... к сожалению. И да будет милостив к вам гордый Масуд-оружейник, несчастные Блистающие, побывавшие в собственном прошлом!..

— Спасибо, — еле слышно прошептал Сай. — Нет, Единорог, это и впрямь не ты... ты злой, а этот... этот добрый. Он меня понимает...

«Ну, вот, — рассмеялся Единорог глубоко внутри ме-

ня, — Чэн Анкор, любимец заблудших Блистающих. И его злобный меч...»

— Сколько вас осталось? — спросил Единорог у Сая, не дожидаясь меня.

— Шестеро. Если со мной считать. Шесть Блистающих и пять Придат... э-э-э... пять человеков. А зачем вам это? Чтоб ловить проще было, да?! Или перебить поодиночке?!.

Чувствовалось, что Сай огрызается скорее для порядка, сам не очень-то веря в собственные слова.

— Знать хотим, ржа тебя заешь! — лязгнул Дзюттэ. — Делать что-то надо! А то и впрямь Шулма сюда нагрянет, а мы тут все, так сказать, гостеприимные... или мы с вашей помощью гостеприимность свою так исполосуем, что сами, не дожидаясь, в Шулму заявимся, концы света с концами сводить! Думать, думать надо!.. И вам думать, и нам, и всем...

...Сай боялся. Боялся поверить. Но у него не было выбора. Во-первых, он устал от одиночества и страстно желал снова стать своим, одним из сообщества; более того, у Сая были несомненные виды на Коса. Потеря Придатка — чтоб лишний раз не путаться, я решил принять это слово без обид и глупостей — так вот, потеря Придатка, сами понимаете, дело нешуточное.

Ну а во-вторых, если мы все-таки обманщики и негодяи, то на втором плане размышлений Сая резко возникал образ долговязого немытого Придатка в холщовых штанах, грузившего на арбу при помощи Сая Второго — что бы вы думали? — вот-вот, это самое и грузившего...

И Сай, как говаривали кабирские стражники-айяры, раскололся. Похоже, он и сам давно мечтал этим с кем-нибудь поделиться.

Впрочем, знал он не слишком много.

4

Рассказ Сая о его пребывании в Шулме почти дословно повторял судьбу Но-дачи, рассказанную Единорогу покойным Детским Учителем, или судьбу Асахиро Ли, Придатка Но-дачи, рассказанную мне покойным Друдлом — или уж как хотите, потому что не в этом дело.

Отнюдь не в этом.

А вот после их побега из Шулмы...

Девять их осталось. Девять Блистающих и семь Придатков. Тех, кто сумел прийти в Шулму и уйти из Шулмы,

оставив там часть своей жизни и часть чужой смерти; девять Блистающих и семь людей, дважды прошедших Кулхан...

Мало их было. Очень мало.

Так и сидела эта малость на границе Мэйланя, перед открытыми дорогами в Кабир, Дурбан, Лоулез, Харзу — и за спинами их незримо оставалась Шулма и встающие над ней Джамуха Восьмирукий и прямой короткий Чинкуэда, Блистающий-убийца не по принуждению, а по призванию.

И еще там были рукоплещущие Джамухе шулмусы и Дикие Лезвия шулмусов.

Девять Блистающих и семь Придатков уже знали, что это такое.

И еще они знали, что дело их неизбежное и безнадежное. И страшное оно, их будущее дело. Страшное именно своей неизбежностью и безнадежностью. Но другого выхода у них не было. Или был — но они не сумели его найти.

Они разделились. Но-дачи, Шото и три Сая отправились в Кабир. Почти прямая и острая до безумия сабля Кунда Вонг, а также ее спутник, очень молодой и очень упрямый двуручник Клейм (почему-то свое полное имя — Клеймора — он считал неблагозвучным и потому не любил) двинулись в Харзу.

Как я понял, именно Кунда Вонг или Клейм убили друга Эмраха ит-Башшара, прошлого Придатка Пояса Пустыни.

Двулезвийная секира из семьи Лаброс, полного имени или прозвища которой Сай не запомнил, и отчаянный Акинак Джанг свернули западнее, мимо Хаффы к Оразму, намереваясь достичь Лоулеза.

Это были лишь примерные маршруты, которые каждый был волен изменить в случае необходимости.

Они договорились встретиться в Мэйлане через полгода — те, кто переживет эти полгода. Ну, а то, что произошло вскоре в Кабире, мы — Дзюттэ, Единорог и я — уже и так знали, и Сай лишь добавил несколько малозначащих деталей к общей картине. Затем, по словам Сая, Но-дачи отправился первым в Мэйлань, а три Сая и Шото... в общем, понятно.

Собственно, вот и все, что смог поведать нам Сай Второй.

Немного.

Теперь, правда, мы точно знали остальных. И время встречи. И место встречи.

Мэйлань.

5

...Я сидел и молчал, осмысливая услышанное и соображая, какую все-таки пользу можно извлечь из полученного знания. Единорог. Обломок и Сай Второй тоже помалкивали. И тут...

И тут кто-то заговорил.

Поначалу я даже не сразу понял — кто, но после первого удивления до меня дошло, что это не кто иной, как эсток Заррахид.

Мой дворецкий.

В смысле — меч моего дворецкого.

А точнее — дворецкий моего меча и меч моего дворецкого.

А еще точнее — бывший дворецкий... и так далее.

— Ну вы даете! — восхищенно заявил Заррахид, в последний раз звякнув о зерцало доспеха. Да, лоск столичных манер как-то совершенно слетел с эстока. Я еще подумал, что такая перемена вообще невозможна — если сравнить наших дворецких до и после увольнения, — но мне ли говорить о невозможном...

— Ну вы даете! Это ж надо было так ему набалдашник заморочить! А он вам все и выложил!.. Молодцы, право слово!

Едва я понял, что практичный эсток убежден, будто все это время хитрый Единорог не своим голосом дурачил легковерного Сая, как еще один голос чуть окончательно не свел меня с ума.

— Может, за лекарем сбегать? — поинтересовался этот голос. — С кем это ты разговариваешь, Чэн? Ушастый демон У привиделся?

— Я? С кем это я разговариваю? — это было первое, что пришло мне в голову.

— Вот об этом я тебя и спрашиваю! Сидишь тут уже битый час и бредишь с открытыми глазами... Бормочешь что-то о каких-то Блестящих, как ты им зачем-то свою железную руку протягиваешь, от имени человечества!.. Ну и в том же духе. Я, конечно, понимаю — ночью мало спал, бабка эта вредная... Так за лекарем идти или уже не надо?

Ну вот! Оказывается, общаясь с Блистающими, я кое-что проговаривал вслух. И участливый ан-Танья решил, что у меня не все в порядке с головой... Впрочем, еще недавно я и сам бы так решил.

Кажется, опять придется убеждать. Причем обоих одновременно. Та еще парочка — Кос с Заррахидом... один другого доверчивей.

И я заговорил, тяжело вздохнув. Вслух — для ан-Таньи; и через Единорога — для Заррахида. Я часто запинался, пытаясь говорить то попеременно, то сразу для обоих; очень хотелось раздвоиться. Может, выпить жбан-другой и глянуть в зеркало — а вдруг раздвоюсь?

Чего на свете не бывает!

Выглядел наш разговор примерно так...

— Кос, не надо лекаря. С головой у меня все в порядке. И то, что ты слышал — это не бред. Я действительно разговаривал с Блистающими. Кто это такие? Это наше оружие... (— Нет, Заррахид, это не Единорог. Верней, не только Единорог. И вообще — завей гарду веревочкой и слушай, не перебивая, когда с тобой люди говорят! Лю-ди! Кто такие? Ну, Придатки ваши...) Нет, говорю, лекаря не надо! Да, и твой эсток — тоже! И нечего на меня так сочувственно смотреть! Ох, зря я тебя уволил, зря... так бы просто приказал — и ты бы поверил!.. (— Тьфу ты пропасть, легче троих Саев убедить, чем одного такого недокованного эстока... и не надо только начинать про кузницу, где можно без хлопот подлечиться! Никому твоя кузница...)

— Еще бы! — вмешался Обломок. — А все потому, что он тупой!

— Это я тупой? — возмутился Заррахид. — Это ты тупой!

— А вот и нетушки! — возрадовался Обломок. — Я с первого раза понял. А ты — нет! Так что все вы тут тупее меня! Кроме, разве что, Единорога. Он такой же. Как я. Острый!..

— ...да нет, Кос, не пил я тайком! Вместе ж чай хлестали! Ох, в священный водоем тебя! — не пил, говорю! Мне, чтоб до видений допиться, сам знаешь, сколько надо! Правда, меньше, чем Коблану — тому вообще... ладно, не о том речь. Живые они, говорю тебе, живые, хоть и железные! Дался тебе этот лекарь!.. (— Эй, Зарра, это я, Чэн! Да плевать мне, что ты не веришь... я и сам уже ничему не верю. Ты знаешь, твой Кос и впрямь — Придаток! Давай я тебе другого подыщу, не такого упрямого... Не хочешь? Ну как угодно...) Не веришь, Кос-упрямец?! Ну я сейчас тебе докажу! (— Заррахид, а вот он говорит, что ты — железо! Да, и все. Правильно, я бы тоже обиделся. Слушай, а ты про Коса что-нибудь такое знаешь, чего никто больше не знает? Нет, про его дедушку не надо, давай про Коса... ага, сойдет... так... ну да?! Прямо тобой и лупил?! Молодец, Зарра, так их, Придатков этих недоверчивых!..) Вот ты, Кос, помнишь, как в детстве, лет эдак в восемь, ты чуть эсток свой не сломал?! А вот знаю-знаю...

ну и что, что меня тогда на свете не было? Мне твой эсток и рассказал! Ты еще загнал Заррахида в щель в каменном заборе, вытащить не мог и полчаса рыдал на весь двор, пока отец твой не пришел и по заднице тебе не надавал! Вытащенным эстоком. Плашмя... (Слушай, Зарра, а какой Придаток был лучше — Кос наш, отец его или дед? Ну понимаю, что смотря в чем... Это хорошо, что Кос. Ах, он на деда похож!.. вот и я было решил, что на деда, только на моего. Ты помнишь, как он во дворе ночью и с Саем в левой руке прыгал? Еще бы не помнишь... говоришь, что иначе неудобно было бы... ладно, давай об этом после...) Ну что, Кос, съел?! Лекаря случаем позвать не надо?!

— Бросьте меня в священный водоем! — только и смог произнести потрясенный Кос.

И с неподдельным страхом посмотрел на собственный меч.

6

Последним неверующим в нашем обществе оказался Заррахид. Его убеждали уже все вместе. К этому делу присоединился даже новообращенный Сай Второй, а Кос — дослушав историю Сая в моем вольном пересказе — воспылал к Саю необоримым сочувствием и сообщил через Меня-Единорога своему несгибаемому эстоку несколько таких интимных подробностей их совместной жизни, что упрямый Заррахид мигом отказался от идеи ржавых гард и мозгов, уяснив, что никто над ним смеяться не собирается.

Хотя смеяться-то как раз смеялись. Особенно Обломок, чьи язвительные замечания сыграли не последнюю роль в деле приобщения Заррахида.

Признаться, нелегкое это дело — убедить хоть человека, хоть Блистающего в чем-то, во что он упорно не хочет верить. Особенно, когда все используют тебя, как переводчика, а ты еще норовишь и от себя пару слов вставить. Хорошо шулмусам — у тех, говорят, оружие безмозглое...

В конце концов я от них сбежал — ужинать, поскольку обед мы давно пропустили, — а Кос вскоре присоединился ко мне, оставив Заррахида с его собратьями-Блистающими. У него (у Коса, а не у Заррахида) голова шла кругом, и он в течение ужина основательно прикладывался к кувшину для восстановления душевного равновесия. У меня в мозгу тоже непрерывно звенели голоса перебивающих друг друга Блистающих, так что по части кувшинов я не отста-

вал от ан-Таньи, и в итоге у нас головы снова пошли кругом — но уже совсем по другой причине.

И мы вернулись в келью, чтобы продолжить разговор, упали на кровати и уснули.

7

По-моему, Кос не человек.

По-моему, он дальний родственник бога виноградной лозы, красноносого Юя. Или ближний родственник. Или даже сам Юй. Во всяком случае, похмелья у него не бывает никогда. Я еще только с трудом разлеплял правый глаз, а Кос за это время успел умыться, одеться, побриться, сходить позавтракать, и теперь носился по комнате, пританцовывая и размахивая руками.

— Вставайте, Высший Чэн! — напевал Кос, как в старые добрые времена. — Вставайте и радуйтесь жизни! Я вот, например, радуюсь, да и хозяин этого свинарника, тоже, небось, радуется, поскольку содрал с меня лишних полтора динара! Ладно, вещь того стоит!.. и какая вещь!

Я скосил на ан-Танью недоразлепленный правый глаз и обнаружил у него в руках что-то зеленое, блестящее и напоминавшее помесь плаща с халатом.

— Что это, Кос? — просипел я.

— Это настоящая оразмская марлотта! — назидательно сообщил Кос.— Так что с тебя полтора динара за одежку и два динара за услуги... Такую замечательную марлотту даже в Кабире днем с огнем не достать, и просто обидно, что носить ее будет такой Придаток, как ты! Вставай, вставай, нечего на меня поглядывать...

Я потянулся и задел лежащего поперек кровати Единорога. Он был без ножен.

— Кто там орет? — недовольно прозвенел из угла Обломок.— Заррахид, скажи своему Придатку, чтоб замолчал!

— Сам ты Придаток! — обидчиво заявил эсток. — Обломок незаточенный! Это же этот... Кос ан-Танья, человек. Мой личный человек. Понял?

— Понял, — оторопело брякнул Дзю и замолчал.

...А часа через два мы выезжали из караван-сарая. Я был поверх доспеха в новенькой марлотте, зеленой, как молодая листва — это все же оказался плащ с капюшоном, подобием откидных рукавов и хитроумными застежками на груди, так что застегнувшись и набросив капюшон (или обмотав шлем тканью, превратив его в тюрбан), я немедлен-

но превращался в почти что обычного человека, переставая привлекать всеобщее внимание.

Это было очень кстати. А два динара за услуги Кос не взял. Один — взял.

Блистающие тоже несколько поутихли и теперь не лезли в разговор все сразу, перебивая друг друга — да и я уже, надо сказать, начал понемногу привыкать к двойному общению.

Впрочем, ехать стало намного веселее — как-никак, нас теперь было шестеро.

Добравшись до Хаффы без приключений и не заезжая в город, мы взяли круто на северо-восток и еще через день присоединились к каравану фарузских купцов, идущему в Мэй-лань.

«Мэй-лань! — звенели о дорогу копыта моего коня. — Мэй-лань, мэй-лань, мэй-лань, мэй-...»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БЛИСТАЮЩИЕ И ЛЮДИ

Считает излишними старец-меч пять ежедневных молитв,
Готов даже в храме он кровь пролить, жаждет великих битв.
В разгаре сражения этим мечом вражеских львов бодни —
Не меч отпрянет от их брони — сами отпрянут они.
О молниях в небе заставит забыть молния в длани моей,
И долго пропитанной кровью земле не нужно будет дождей...

Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби

Глава тринадцатая

1

...Спрессованные в единый монолит серые каменные блоки древних стен медленно приближались, одновременно проступая перед нами — и в моей памяти. Эти две картины накладывались одна на другую, почти полностью совпадая. Похоже, всесильное время, пытаясь грызть эти стены, безуспешно обломало себе зубы.

Но не успокоилось. Ведь в конечном итоге последний удар всегда остается за ним, за временем...

Кони вязли в рыхлом песке — вслед за нами многие всадники свернули с мощеной дороги, чтобы выбраться на пологий холм и с его вершины полюбоваться на твердыню

Мэйланя. Блистающие весело переговаривались между собой, правая рука Чэна лежала на моей рукояти (это уже вошло у нас в привычку), и я мог слышать разговоры караванщиков-людей, обсуждавших достоинства и недостатки нынешнего караван-баши — сухого жилистого Придатка, за спиной которого вечно болталось короткое и неразговорчивое копье Рохин, — а также радовавшихся окончанию долгого, хотя и не слишком утомительного пути.

Я слушал их всех в пол-лезвия и никак не мог заставить себя поверить в то, что передо мной действительно — Мэйлань.

Моя родина. Пускай ковали меня в Верхнем Вэе — все равно это моя родина.

Которую я не видел добрую сотню лет.

А также это родина предков Чэна, Анкоров Вэйских, наследных ванов Мэйланя.

Которую Чэн не видел вообще никогда.

Дорога, проходившая примерно в сорока выпадах от подножия холма, упиралась в главные ворота города, носившие название Шульхара — «Начало начал».

Это я помнил.

Старинные ворота, окованные потемневшей от времени медью, были распахнуты настежь, и в проеме Шульхары, где могли проехать в ряд девять-десять всадников, виднелась изрядная толпа встречающих. Сверкали на солнце наконечники возбужденно качавшихся трезубцев, копий и алебард, у Чэна рябило в глазах от разноцветья праздничных одежд и парадных ножен; кое-где размахивали знаменами, и на них неразборчиво виднелись какие-то иероглифы, но прочесть их с такого расстояния не удавалось.

Это было очень красиво. Правда, я что-то не мог припомнить, чтобы в Мэйлане так встречали караваны. Может быть, за долгое время моего отсутствия обычаи резко изменились? Или караваны стали большой редкостью? Странно, однако...

Чэн тоже был несколько удивлен, но меньше, чем я — в Мэйлане он никогда не был и счел все это столпотворение лишь неизвестной ему местной традицией. Когда же я сообщил Чэну, что это не так (во всяком случае, сто лет назад было не так), Чэн задумался и слегка придержал гарцующего коня.

Через мгновение Кос с Заррахидом и Саем Вторым поравнялись с нами.

— Скажу, что мне нравится такая встреча! — самодовольно усмехнулся ан-Танья. — Сразу чувствуется душевность и веселый нрав здешнего народа!..

— Мне, в общем-то, тоже, но что-то не хочется лезть в этакую толчею, — ответил Чэн, и я с ним полностью согласился.

Зато Сай не согласился.

— Это почему же? — возмутился он, едва я перевел разговор людей на язык Блистающих. — Мне эти караванщики по самый набалдашник надоели! А там хоть разнообразие... Вон, у правой створки ворот — очень даже приличная сабля! Поглядите, какой крутой изгиб!

— Сабля, конечно, хороша, — тоном знатока поддержал его Обломок.— Хотя это, пожалуй, единственное, в чем я одобряю вкус Вилорогого, но я и сам не прочь оказаться поближе...

— А я — прочь! — прозвенел вдруг молчавший до сих пор эсток.— Единорог, забирай-ка отсюда Чэна и скажи ему, чтоб уволок моего... Коса, да и всех нас! А если кому охота в толпе потолкаться — незаметно въедем в город через другие ворота, подберемся сзади и сперва выясним, к чему бы это такой прием! Договорились? А то в давке и потеряться недолго...

Чэн добросовестно изложил мнение Заррахида ан-Танье, тот покосился на черную витую гарду эстока, и, в конце концов, согласно кивнул. Дзю заявил, что он внезапно возлюбил тишину и покой — так что недовольным остался только Сай, но поскольку он оказался в явном меньшинстве, то протестовать не стал.

Кажется, Дзю даже немного огорчился этим.

Караван тем временем ушел вперед, закрыв нас от встречающих огромным облаком пыли. Я напряг память и вспомнил, что вдоль северо-западных стен города тянется окружная дорога, и в полуфарсанге от Шульхары должны быть следующие ворота.

Еще не забыл, оказывается...

И мы свернули влево, постепенно удаляясь от толпы, сгрудившейся у «Начала начал».

2

Западные ворота — куда более скромные и даже словно чуть-чуть покосившиеся — тоже были открыты, но вместо толпы со знаменами здесь лениво скучали четверо стражников-алебард Юэ, а четверо стражников-людей так же лениво играли в кости, сидя прямо на песке у ворот.

Когда мы подъехали, никто даже не пошевелился.

— Товар везете? — для порядка осведомилась крайняя справа алебарда, хотя по нашей поклаже было прекрасно видно, что никакого товара мы не везем.

Чэн снял руку с меня, и я с чистой совестью вступил в разговор с Блистающими, оставив людей на попечение Чэна и Коса.

— Нет, — коротко и властно отрезал я.

— Юэ Тахиро, — подумав, на всякий случай представилась алебарда.— Старшина караула. Откуда путь держите?

— Из Кабира, — не снижая тона, ответил я. Стражники явно были молоды, меня помнить не могли, но на всякий случай я не стал называть им даже своего безличного родового имени.

И так видно. А спросят — назову.

Может быть.

— Из Кабира? — искренне удивилась Юэ Тахиро. — А что ж не через Шульхару въезжаете?

— Суеты не любим, — вдруг заявил Заррахид таким командирским голосом, что Тахиро невольно подтянулась и перестала задумчиво качать волосяным бунчуком. — И без нас караван встретят. Еще вопросы есть?

Стоявшая рядом с Юэ Тахиро вторая алебарда оперлась о плечо подошедшего к ней Придатка — наголо бритого стражника, вытирающего потную голову полосатым платком.

— Это не караван встречают, — наставительно заметила она. — Караван себе и караван, чего его встречать... Это встречают самого Мэйланьского Единорога и его железного Придатка, Чэна-в-Перчатке!

— А нас по жребию сюда поставили, — добавила Юэ Тахиро.— Скучища... Раз в жизни вроде как довелось на живую легенду глянуть — и то не судьба!

Я подумал, что Чэн весьма вовремя обмотал с утра шлем куском шелка, так что получился тюрбан с блестящим верхом — а марлотта, купленная предусмотрительным Косом, и без того неплохо скрывала доспех. Разве что рука... вернее, обе руки в латных перчатках. Но на руки Чэна никто пока что не обращал особого внимания.

Ну да, конечно... они ведь ждали железного великана с клыками из сплошных Единорогов — а тут обычные Блистающие, обычные Придатки...

— Все? — одновременно поинтересовались я и Заррахид. — Тогда желаем приятной службы!

Четверка Юэ ответно махнула бунчуками, Чэн швырнул бритому стражнику горсть монет — деньги были кабирской чеканки, но бритый ловко и с видимым удовольст-

вием поймал их на лету, каким-то чудом не уронив ни одной — и мы въехали в Мэйлань.

Тихо-тихо.

Даже Обломок вел себя вполне прилично.

3

...Я поглядывал по сторонам и молча радовался. Многоярусная пагода с резным ажуром перекрытий, ровная брусчатка мостовой, фонтан в виде прыгающей рыбы, храм Небесного Молота на площади... вон за той лавкой жила семья Прямых мечей Цзянь Тайшень, с чьими отпрысками я года два учился вместе у сурового и строгого ворчуна Пуддхи, имевшего поперечную рукоять и вместо гарды — что-то вроде нынешнего Чэнова наруча. Сколько лет прошло, сколько Придатков умерло (надеюсь, своей смертью!) — небось, правнуки их теперь здесь живут, а ворчливый Пуддха наставляет новых Блистающих...

Из всех нас Мэйлань толком знал один я — если это можно было назвать толком, потому что прожил я здесь в три раза меньше, чем в Кабире. Чэн и Кос могли лишь озираться по сторонам, сгорая от любопытства; Сай был тут полгода тому назад, но проездом из Шулмы в Кабир, и почти ничего не запомнил; Обломок, если верить ему, посещал Мэйлань так давно, что с тех пор не изменились разве что городские стены (я подумал, что Дзю тогда никак не меньше пятисот лет, если не больше)...

Заррахид молчал и делал вид, что Мэйлань его вовсе не интересует, но с ним и так все было ясно.

— Куда теперь? — поинтересовался Сай после очередного поворота.

— В фамильную усадьбу Высших Дан Гьенов Вэйской ветви, — ответил Я-Чэн, когда железные пальцы коснулись рукояти. — Или, если угодно, в дом наследных ванов Мэйланя Анкоров Вэйских. Интересно, там все по-старому?

И через полчаса я ответил сам себе — да, все по-старому.

Усадьба за прошедшие десятилетия изменилась мало. Все та же невысокая, чисто символическая каменная ограда с чугунными остриями по краю; знакомые узорчатые ворота, ведущие в тенистый сад, где среди насаженных в хорошо продуманном беспорядке деревьев и кустов вились посыпанные белым песком дорожки. Они вели к летним павильонам и парадному залу, по обеим сторонам которого

располагались флигели и надворные постройки разного назначения. В левом флигеле, как я помнил, жили Малые Блистающие дома и их Придатки; позади зала располагалась круглая беседка на берегу пруда.

За прудом начиналась галерея, ведущая к еще одному двухэтажному строению — на втором этаже которого сто лет назад жил молодой и глупый Единорог, и будущее было светлым и безоблачным, а прошлое — коротким и радостным.

Вся усадьба содержалась в образцовом порядке, что доставило мне немалое удовольствие. Впрочем, Заррахид тут же отметил... ладно, не будем повторять, что именно отметил въедливый экс-дворецкий, но половину хорошего настроения как ветром сдуло.

У внешних ворот отдыхал молодой Придаток в длиннополом халате со стоячим воротником. Ни меня, ни Чэна, ни тем более остальных он знать никак не мог, но рядом с ним...

Повинуясь неслышному зову, Чэн быстро сдвинул меня себе за спину и сверху прикрыл краем марлотты. Руку с моей рукояти он не снял, так что я прекрасно слышал за двоих, оставаясь незамеченным.

Дело в том, что рядом с молодым Придатком блестел на солнце старый двуручный топор Ляо Дафу — наш постоянный привратник, который узнал бы меня с первого взгляда.

Из-под марлотты я видел, как достойный Ляо церемонно приветствовал гостей — вот кто должен понравиться Заррахиду! — а привратник-человек громогласно осведомился, спугнув с ограды стаю голубей:

— Кто вы, благородные господа, и по какому делу?

Этим обращением он в очередной раз польстил тщеславному Косу и вызвал легкую улыбку на губах Чэна.

Хотя я подумал, что тщеславие Коса — да и многое другое — скорее всего, напускное...

— А скажи-ка нам, любезный, — покровительственно начал ан-Танья, — не это ли усадьба Анкоров Вэйских, ванов Мэйланя?

— Она самая, — моргнул привратник.

— Она самая, — сверкнул топор Ляо, когда Заррахид повторил вопрос Коса слово в слово и с теми же интонациям, хотя не мог его слышать.

Я хихикнул под марлоттой и немедленно умолк, оглядывая внутренний двор. Там стояли многочисленные столы, возле пруда на вертелах жарились бычьи туши, и вообще повсюду царили суета и шум.

Вне всяких сомнений, дело шло к большому празднеству.

— Так все-таки, благородные господа, кто же вы будете? — настойчиво повторили вопрос Ляо и его Придаток.

— А будем мы, собственно, — с достоинством ответствовал Кос, выпячивая свой и без того внушительный подбородок, — будем мы Чэн Анкор Вэйский и его дворецкий Кос ан-Танья!

«Ведь я же уволил этого прохвоста!» — подумал Чэн, но вслух ничего не сказал.

— Так мы вас-то, Высший Чэн, и дожидаемся! — простодушно выпалил привратник-человек, становясь перед Косом навытяжку.

Я еще подумал, что Ляо, повременивший вытягиваться, выбрал себе туповатого Придатка — сам топор, увидь он меня или любого другого Высшего, никогда не перепутал бы дворецкого с господином.

А может, это я так, от глупой гордости, и тот же Заррахид выглядит в десять раз импозантнее меня...

— Это он — Высший Чэн, — нехотя сообщил ан-Танья привратнику, кивая в нашу сторону.

Придаток недоверчиво смерил взглядом фигуру Чэна — но тут Чэн откинул марлотту и сдвинул меня на положенное место. Взгляд Придатка уперся в правую Чэнову руку, а топор Ляо — не участвовавший в разговоре людей и настороженно поглядывавший то на Заррахида, то на Дзю и Сая — мгновенно узнал меня.

Что значит выучка! Ляо с восторженным свистом отдал мне самый торжественный салют, на который был способен, его Придаток вытянулся теперь уже перед Чэном, а я некоторое время просто наслаждался произведенным впечатлением.

— С приездом, Высший Дан Гьен! — отрапортовал Ляо. — А ваш родич, Скользящий Перст, отправился с утра к Шульхаре, вас встречать. Наверное, он скоро вернется...

— Наверное, — раздалось позади нас. — И даже наверняка. Привет, Единорог!

Один из двух услышанных мною голосов принадлежал Блистающему — хорошо знакомому мне старшему родичу-близнецу Дан Гьену по прозвищу Скользящий Перст, старейшине и члену Совета Высших, который когда-то даже подумывал жить со мной вместе, Беседуя парно и используя одного на двоих Придатка — да жизнь как-то не сложилась и по его же приказу я покинул Мэйлань.

Другой голос был голосом человека — мужчины одних лет с Косом, восседавшего на смирной пегой кобыле.

Понятное дело, что он-то и был Лян Анкор-Кун, Придаток Скользящего Перста и родственник Чэна; только слова «Привет, Единорог!» произнес не он, а Скользящий Перст, поскольку Лян Чэна в лицо знать не мог, как и меня — хотя меня в лицо знать нельзя вообще, по причине отсутствия лица.

А вот у Ляна лицо было. Смуглое лицо с пронзительными глазами, и улыбка на этом лице казалась приклеенной. Правда, приклеенной аккуратно... и это сочетание суровости и радушия даже как-то располагало к себе.

— Приветствую родича Чэна, — степенно сказал Лян и приложил левую руку к сердцу.

Смотрел он как раз на нас, а не на ан-Танью. Догадливый, однако...

Чэн в ответ поднял правую руку — и я смог в свою очередь приветствовать Скользящего Перста, не отвлекаясь на людей.

— Отлично выглядишь, Единорог, — ослепительно улыбаясь, бросил Скользящий Перст, когда с церемониями было покончено. — Одного не пойму — как же это ты умудрился мимо нас проскочить? Мы весь караван прочесали с пристрастием...

— А разве в Мэйлане нет других ворот, кроме Шульхары? — в свою очередь спросил я. — Ты лучше ответь мне, откуда вы узнали, что я вообще приезжаю, причем именно сегодня? И вдобавок — в честь чего такая пышная встреча?!

Этот вопрос интересовал нас всех, и даже Обломок помалкивал, не мешая разговору двух давно не видевшихся родственников.

— Да мы уже неделю к воротам ездим, — рассмеялся Скользящий Перст.— Все сплетни друг другу раз по десять пересказали, вас дожидаясь! Ты мне потом непременно разъяснишь лично, что из всего этого вороха правда, а что — нет... Ну а сегодня не только я с друзьями — полгорода к Шульхаре вывалило, потому что гонец из Фарра обогнал вас почти на сутки и сообщил всем, что видел в фарузском караване героя Кабира, Высшего Мэйланя, звезду рода Дан Гьенов и самого знаменитого Блистающего во всем эмирате. Тебя то есть!.. Герой возвращается домой после векового отсутствия — и как прикажете его встречать?!

Он звонко расхохотался и вдруг спохватился.

— А что же это я вас перед воротами держу? Прошу!

Скользящий Перст махнул топору Ляо, и Придаток последнего со всех ног кинулся открывать ворота.

— Ты бы спутников своих представил, что ли! — шеп-

нул мне мой родич, когда мы уже въезжали в усадьбу, направляясь через сад к летним павильонам.

— Извини! — спохватился я. — Господа, перед вами, как вы уже догадались, старейшина Совета Высших Мэйланя и мой родич Скользящий Перст! А это вот Дзюттэ Обломок, придворный клинок Шешеза фарр-ла-Кабир и самый мудрый шут в эмирате...

— Должен же хоть кто-нибудь быть мудрым, когда вокруг сплошные... Блистающие, — как бы про себя, но так, чтобы все услышали, заявил Обломок.

— Вот, пожалуйста! — в притворной досаде я легонько шлепнул коня по крупу. — Что я говорил?! Ладно... а это уважаемый всеми в Кабире эсток Заррахид, мой...

— Его дворецкий, — коротко закончил за меня Заррахид.

Я решил не заострять внимания на этой скользкой теме.

— Ну и наконец — Сай Второй, мой добровольный спутник, весьма искусный в Беседах...

Сай, на этот раз не уловивший иронии, важно и вместе с тем почтительно кивнул.

— Сказал бы я, в чем он весьма искусен, — пробурчал Дзю, однако ограничился этим и больше ничего не добавил.

Тем временем мы миновали павильоны и остановились у парадного зала.

— Ты не возражаешь, если я на некоторое время остановлюсь у тебя? — осведомился я у Скользящего Перста, заранее будучи уверенным в его согласии.

— Возражаю! — неожиданно ответил Перст, приведя меня в полное недоумение. — Ты вполне можешь остановиться у себя.

— У себя?

— Ну да! Здесь. Ведь это же твоя усадьба! Ты что, действительно ничего не понимаешь или просто прикидываешься?! Вэйское имение, и он после этого у меня спрашивает разрешения в нем остановиться!..

А ведь и правда! Я как-то совершенно не подумал об этом... да мало ли что могло тут за прошедший век измениться! Хотя, глядя на усадьбу, можно было счесть, что в Мэйлане время стоит или даже лежит и крепко спит.

И вообще — я уехал отсюда юнцом, которого больше интересовало умение Беседовать, чем умение разбираться в правах наследования.

— А ты? — немного растерянно спросил я.

— А у меня свой дом есть. По соседству. В одном квартале с твоим двоюродным братцем и моим драгоценным племянничком Да-дао-шу. Большой Да как из Кабира про-

шлым летом вернулся, так и поселился там... Короче, будем друг к другу в гости ходить.

— Прошу прощения, Высшие, — вмешался в разговор Заррахид, — но, насколько я понял, эта усадьба — имущество Высшего Дан Гьена, известного как Мэйланьский Единорог?

Что-то плохо у него получалось теперь изображать дворецкого... раньше он никогда бы не влез в разговор без предварительного разрешения.

— Да, это так, — с достоинством склонил рукоять Скользящий Перст.

— В таком случае я, как дворецкий и управитель делами, хотел бы немедленно приступить к своим обязанностям. Не могли бы вы выделить мне кого-нибудь, кто сумел бы как можно быстрее ввести меня в курс дел?

— Разумеется... Но к чему такая спешка? Чувствуйте себя гостем, а после окончания празднества...

— Я всерьез опасаюсь, Высший, не дождаться не только окончания, но и начала празднества! — нахально перебил моего родича эсток, а я едва сдерживался, чтоб не рассмеяться. — Простите меня за дерзость, но таких нерасторопных Малых, каких я вижу здесь, в Кабире и на порог дома не пустят! Итак — разрешите приступить?

Озадаченный подобным напором со стороны моего, так сказать, дворецкого, Скользящий Перст лично отправился вводить Заррахида в курс дел — что было с его стороны верхом уважения, — и мы с Чэном и Дзю оказались на несколько минут предоставленными самим себе.

Чэн тут же опустил латную перчатку на мою рукоять.

— Молодец, Зарра! — искренне восхитился Обломок. — Моя школа! Здорово он этого Скользкого Пальца уел!..

— Кого-кого?!

— Скользкого Пальца! Или как его там?..

Пробегавший мимо слуга-человек глянул на хохочущего Чэна, украдкой пожал плечами и побежал дальше...

4

Чэну-Мне понадобилось меньше минуты, чтобы убедиться, что беседа Чэна с Ляном Анкор-Куном почти точно повторяла мой разговор со Скользящим Перстом — с той лишь разницей, что Чэну и Ляну сперва пришлось познакомиться, и общих воспоминаний у них не было.

Ах да! — Кос хоть и назвался дворецким, но успел

шепнуть Чэну, что это все так, для поднятия Чэнова престижа, а вообще-то он, Кос ан-Танья, достаточно неглуп, чтобы не лезть два раза в одну и ту же петлю, и на службу к такому безответственному хозяину возвращаться не собирается. Ни за какое жалованье. Которое ему, Косу ан-Танье, с сегодняшнего дня должны выплачивать помесячно, можно в местных денежных единицах.

Впрочем, жалованье-жалованьем, а Кос с Заррахидом так рьяно взялись за дело, что усадьба мигом стала напоминать забытый на жаровне чайничек с вином, и когда часа через три стали собираться гости — все было готово. И даже более чем готово.

Скользящий Перст только диву давался.

— Ну, ты и впрямь — герой! — восхищенно звенел он. — Раздобыть такого дворецкого...

— Места знать надо! — вместо меня ответил Дзю. — Где Заррахиды водятся! Да, не завидую я вашим лентяям — он их живо к клинку приберет... И, пожалуй, не только их.

Кажется, Перст не понял намека — и хорошо, что не понял!

...А еще через полчаса я уже отдыхал в оружейном углу одного из павильонов, развалившись на удобнейшей двухярусной подставке — это была моя первая подставка, выточенная сразу после моего рождения из мореного ореха — а вокруг меня переговаривались гости, Дзю потешал всех, беззлобно переругиваясь с Саем, и у восточной стены только что вошедший Придаток размещал моего двоюродного брата Да-дао-шу.

— Привет, Большой Да! — окликнул я его. — Шешез велел тебе привет передать — вот я и передаю!..

— Привет хоть большой? — усмехнулся Да-дао-шу, качнув волосяным хвостом.

— Да уж не меньше тебя!

— Ну тогда ладно... Слушай, Единорог, а каким это ветром тебя в родные края занесло?

— Попутным, Да, попутным... и по делу, и в гости, и так просто, — уклонился я от прямого ответа, тем более что хоть в разговоре, хоть в Беседе с Большим Да мне оставалось только уклоняться да ждать своего часа. — Век уже дома не был.

— Ох, сдается мне, что ты нам ржавчину на клинки наводишь, — без обиняков заявил висевший напротив меня Кханда Вьячасена.

Кханда, как и Скользящий Перст, числился старейшиной и членом того самого Совета Высших Мэйланя, что от-

правил меня в свое время в ссылку. Сам Кханда был прямым и широким Блистающим с обоюдоострым клинком и простой, но покрытой тончайшей резьбой, костяной рукоятью.

Кроме него и Скользящего Перста больше никто из старейшин и членов Совета ко мне в гости не явился.

Как выяснилось позднее, я кое в чем ошибался.

— Мы слыхали, — продолжил Кханда, — что какие-то подонки весь эмират взбудоражили! Будто в Кабире — и не только в столице — и Блистающих убивали, и Придатков портили... последнее это дело — Придатков портить! А о Блистающих я уже и не говорю...

Сай, лежавший возле меня, собрался было возмутиться.

— Тихо! — звенящим шепотом оборвал я его. — Молчи!

— Молчу, — неожиданно покорно согласился Сай. — Только чего ж это он людей Придатками называет?! Ты ж сам говорил...

Тут уж мне пришлось умолкнуть. В последнее время Сай становился все более и более правильным. И не настолько, чтоб надоесть, а в самый раз. Молодец. Перековывается.

— Было, — ответил я Кханде, понимая, что никакими словами я не смогу ему передать тот ужас, что творился в Кабире.

Мне и самому уже казалось, что все это было с кем-то другим, не со мной. Хотя достаточно было вспомнить переулок, Детского Учителя, хруст Шото... со мной это было.

Со мной.

— Было. Всякое было, и убийства тоже.

— И ты, говорят, убивал? — напрямик спросил старый Кханда.

— И я.

— Многих? Я так понимаю, что выбора у тебя не было, но — многих?

Что-то слишком настойчив был старик...

— Одного. Придатка одного...

Я не стал вдаваться в подробности. Чэн сам за себя скажет, а я — за себя.

Кханда Вьячасена как-то странно переглянулся со Скользящим Перстом.

«Да будь они хоть сто раз старейшины! — раздраженно подумал я.— Они что, судить меня собрались?!»

— Иначе можно было? — тихо спросил Скользящий Перст.

— Нет, — отрезал я. — Нельзя.

— А я думал, что ты лет через восемь-девять сменишь

меня, как главу рода, — еще тише сказал Скользящий Перст.

«Сменить? Тебя? — хотел спросить я. — Зачем? И куда это ты денешься через девять лет, что тебя придется менять?»

И не спросил.

— А сейчас ты так не думаешь? — поинтересовался вместо этого я с удивившим меня самого сарказмом.

— И сейчас думаю, — Скользящий Перст и Кханда снова почему-то переглянулись. — Думаю...

— Я смотрю, у нас тут, почитай, заседание Совета! — громко заговорил Большой Да, явно стараясь разрядить обстановку. — Не тускней, Единорог — я тоже когда из столицы приехал, меня мигом главой моего рода объявили! Будто кроме меня никого из тяжелых Кривых мечей найти не могли!.. Это у них — у нас то есть — традиция. И вообще — по-моему, у нас сегодня праздник, по поводу прибытия...

— Меня! — гордо закончил Обломок. — Я ведь тоже старейшина рода. Старейшина шутов.

— То-то ты такой тупой, — заметил прямолинейный Кханда.

Напрасно это он...

Дзю немедленно разъяснил всем разницу между словами «шут» и «дурак», а также разницу между словами «старый» и «старейшина»; потом он подробно рассказал, чем различаются словосочетания «старейшина шутов» и «старый дурак» — ну и еще раз вернулся к этим выражениям, только уже применительно к себе и «вот этому самому...»

— Когда я родился, шут, — обиженно сказал Кханда, — руду для металла, из которого тебя какой-то неудачливый Повитуха ковал, еще из штолен не добыли! А ты мне... Я в юности, когда был в Кабире, то мне сам Фархад иль-Рахш именную чеканку для ножен подарил! За мастерство Блистающего, между прочим, а не за глупые шутки...

Граненый клинок Дзю подозрительно заблестел.

— Руду, говоришь, еще не добыли? — покаянным тоном запел Обломок.— Чеканку, говоришь, подарил? Овальную такую пластинку с горной грядой и месяцем в левом верхнем углу? А неуклюжий от волнения Придаток еще споткнулся о ступеньку и выронил чеканку на ковер... И впрямь стар ты, Кханда Вьячасена, стар и мудр!

Кханда долго смотрел на ухмыляющегося Обломка — и ничего не сказал.

Промолчал старый Кханда Вьячасена.

Гости стали перебрасываться обычными, мало что зна-

чащими фразами — а я под шумок тихо обратился к Да-дао-шу.

— Слушай, Большой Да... так ты теперь старейшина Совета?

— Ну... не совсем, — ответил Большой Да. — Я теперь глава рода Кривых мечей — сам понимаешь, что не сабельных семейств, а тяжелых Блистающих — и вхожу в Совет Высших, но не как Старейшина... возраст у меня не тот. А может, и не в возрасте дело, а так... рано еще.

— Ясно. А что прежний старейшина?

— Исчез, — неохотно отозвался Большой Да. — Совсем исчез... погиб то есть. Ты не подумай, Единорог, это случайность, это с вашими кабирскими делами никак не связано!..

Не связано, значит... Ах, что-то темнил Большой Да, чего-то не договаривал! И имя погибшего случайно старейшины назвать забыл, вроде как тоже случайно...

— А лет через восемь-девять, выходит, Скользящий Перст меня в главы рода прочит... — задумчиво шевельнул я концом клинка. — М-да... сперва выгнали нас ни за что ни про что, а теперь, век спустя, в Совет чуть ли не насильно загоняют!

— И не только, — загадочно усмехнулся Да-дао-шу. — Вот будет завтра большой прием во дворце в твою честь, там увидишься с нашими временными правительницами — и все узнаешь!

— А почему это они временные? — подозрительно спросил я. — И почему правительницы? В Мэйлане правитель, а не правительницы... Ты что, Большой Да, я ж помню!.. правитель, меч «девяти колец» Цзюваньдао...

Большой Да помрачнел. А я осекся, вдруг поняв, что говорю.

— Вдовые они, — заявил он, отсвечивая лаком рукояти, больше похожей на древко. — Почти год уже. Да нет, и поболе года будет... Ты вот тут у меня про погибшего старейшину спрашивал — супруг это был их, Цзюваньдао, правитель Мэйланя. Оползнем его накрыло под Хартугой, в ущелье Воющих Псов... Теперь две жены его в регентшах, ждут, пока наследник — кинжал Бишоу у них, маленький совсем — в возраст войдет. Или, может, Совет своей властью кого назначит... ну, понятное дело, с разрешения дома фарр-ла-Кабир!

Я молчал. Что это он про одобрение дома фарр-ла-Кабир, право слово! Неужели я похож на подосланного соглядатая?!

— Придаток у правительниц, — продолжал меж тем

Большой Да, — один на двоих... верней, одна на двоих. Юнъэр Мэйланьская. Да что я тебе рассказываю — завтра сам увидишь!

— Повтори-ка мне имя погибшего правителя! — настойчиво потребовал я.

— Цзюваньдао, — неохотно ответил Большой Да. — Кривой Цзюваньдао, меч «девяти колец» по прозвищу Ладонь Судьбы. Придатка звали Ю Шикуань. А что? Ты ведь его помнить должен...

— Да ничего, — пробормотал я. — Так просто... ополозень, говоришь, под Хартугой?

И впрямь ничего... Если не считать записи в пергаменте Матушки Ци.

«Седьмой год эры правления «Спокойствие опор», Ю Шикуань и Цзюваньдао, меч «девяти колец». Хартуга, ущелье Воющих Псов».

Так или примерно так. Только вот почему дальше был записан Скользящий Перст и Лян Анкор-Кун?! И год — семнадцатый год эры правления «Спокойствие опор!» Как раз через девять лет без малого... быть тебе, Единорог, лет через восемь-девять главой рода!

А ты куда денешься, Перст?

Воистину — спокойствие опор...

Правильный девиз.

Глава четырнадцатая

1

...Я был одет в свои кабирские будничные ножны из слегка шероховатой кожи, а Чэн — в уже ставшую для него привычной марлотту поверх доспеха, тоже ставшего привычным... «Смеяться будут, — подумал Чэн так, чтобы я это услышал. — Решат, что мы — скупердяи. Или сумасшедшие. Или и то, и другое сразу».

«Пускай смеются, — ответно подумал я. — Пускай. Это лучше, чем...»

И Я-Чэн вздрогнул, вспомнив, что первым эти слова произнес умирающий Друдл на залитой кровью мостовой. Эхо ночного Кабира, прерывистый шепот шута-мудреца, боль и ненависть...

И прохладная тишина личных покоев Юнъэр Мэйланьской. Куда нас проводил молчаливый Малый Крис, удивительно похожий на Криса Семара — по виду, не по болт-

ливости, — и его низкорослый щуплый Придаток, совершенно не похожий на Кобланова подмастерья.

«Пускай смеются, — упрямо подумал я, и Чэн согласно кивнул головой. — Помнишь, ты тоже смеялся, когда в три года впервые взял меня в руки?»

«Помню, — улыбнулся Чэн. — Меня развеселило то, что ты такой длинный и холодный. Я еще погладил тебя, порезался и заорал на весь двор, а отец с дедом смеялись, переглядываясь, и по очереди подбрасывали меня в воздух...»

Я вспомнил Лю и Янга Анкоров, вспомнил их предка Хо...

«Во имя Нюринги, — прошептал я, — ну почему вы так мало живете?!»

Чэн не ответил.

Впрочем, смеяться над нами пока что никто и не думал. Тем более, что в покоях, по-моему, вообще никого не было. Я говорю — по-моему — потому что мог лишь представлять себе, как на самом деле велико пространство этого зала, напоминающего зал Посвящения в загородном доме Абу-Салимов — если его вдоль и поперек заставить и перегородить какими-то ширмами, занавесами и плетеными шторами.

— Прямо лабиринт, — буркнул Обломок.

Чэн решительным шагом приблизился к ближайшей складной ширме, сделанной из бамбуковых планок, искусно раскрашенных и связанных между собой, опустился на низкую скамеечку и принялся разглядывать круглую остывшую жаровню с боковыми накладками ароматического дерева, покрытыми лаком в золотую крапинку.

— Скучно, — прошелестел я, почти ложась рядом с Чэном на паркетный пол. И жарко...

— Понятное дело, — с видом знатока отозвался из-за пояса Обломок.— Аудиенция, однако... это вам не на базаре сплетнями обмениваться!

— Ладно вам, — вслух бросил Чэн. — Будем ждать и помалкивать.

— Будем ждать и помалкивать, — согласно повторил я. — Будем ждать...

— А помалкивать не будем, — добавил Обломок.

Я не сразу почувствовал движение за левым, бледно-лиловым занавесом с вышитыми на нем павлинами. Сперва я услышал голос. Вернее, два голоса. Два высоких, изысканно-звенящих голоса, говоривших с интонациями, которых я ни разу не слышал в Кабире.

— Помалкивать не обязательно, Высший Дан Гьен! Помалкивать совершенно не обязательно, — сказал первый голос с еле заметной усмешкой. — И даже наоборот...

— Чувствуйте себя, как дома, — сказал второй голос. — Впрочем, Мэйланьский Единорог в Мэйлане везде и всегда дома, где бы он ни находился.

— И я везде и всегда, как у себя дома, — начал было нахальный Обломок, но осекся, когда занавес неожиданно разошелся в разные стороны.

— И даже лучше, чем дома, — неожиданно закончил Дзю.

Это были Эмейские спицы Мэйлань-го. Миниатюрные, не более двух длин ладоней, острые, как игла, и чуть сплющенные посередине, они были украшены праздничными платками алого шелка с серебристым шитьем, продетыми в их центральные кольца. В последний раз я видел таких стройных красавиц век тому назад. Ну чем мог заинтересовать юный глупый Единорог — и даже тогда еще не Единорог, а меч, носивший детское имя Стебель-под-ветром — этих (ну пусть не именно этих!) надменно-пархающих владычиц душ и помыслов большинства Блистающих из семейств легких Прямых мечей?! Ах, юность, юность...

Чтобы скрыть смущение, я глубже ушел в Чэна — да нет, я просто нырнул в него! — и уже глазами Чэна-Меня более спокойно посмотрел на обеих Эмейских спиц, а потом — на Юнъэр Мэйланьскую.

«Ушастый демон У! — думал Чэн-Я. — Любой нормальный мужчина — а я нормальный мужчина, и не одна только Чин может подтвердить это — при виде правительницы Юнъэр просто обязан потерять на некоторое время дар речи! И взамен приобрести глупую улыбку и собачью преданность во взгляде. Нет, конечно, она отнюдь не ослепительно прекрасна и тому подобное — а я не влюблен в нее, чтобы приписать ей все эти достоинства, — но воистину это самая женственная из всех виденных мною женщин... сама Мать Плодородия, символ темного начала...»

Я понял, что прятаться некуда. Чэн-Я мог совершенно спокойно смотреть на кокетливо вертевшихся Эмейских спиц, но не мог равнодушно видеть госпожу Юнъэр; зато Я-Чэн рассматривал госпожу Юнъэр разве что с легким интересом, но зато две хрупкие спицы...

Что делать?!

«Что делать?! — думал Чэн. — Нет, я не стану описывать эту гибкую талию зрелой, но не начавшей полнеть женщины; талию, отягченную бедрами танцовщицы из храма Яшмовых фей... и не стану я описывать ее легкую уверенную походку, и властно-ироничный взгляд, и...»

Я неожиданно пришел в веселое расположение духа и неслышно засмеялся.

«Проклятье! — выругались мы оба, но уже с изрядной долей юмора.— Нет, я — оба наших «я» — не станем вообще ничего описывать, а лучше будем думать о Чин и Волчьей Метле, и о том, что наши сверстники в Кабире давно имеют по две, а то и по три жены...»

Нет, лучше мы вообще ни о чем не будем думать.

Совсем.

— Будете молчать, — предупредил меня Обломок, — я начну первым. И тогда не обижайтесь...

Это отрезвило нас почище ведра холодной воды (на Чэна) и удара Гвениля (по мне). Достаточно было лишь представить себе возможную галантность нашего Обломка и его манеру вести светские беседы, чтобы сказать вслух хоть что-нибудь, не давая это сделать Дзюттэ.

Чэн поспешно вскочил, с грохотом опрокидывая скамеечку и роняя жаровню — последняя, к счастью, была холодной, иначе не миновать пожара, — а я вылетел из ножен в изысканном салюте, перерезав по дороге какую-то планку ближайшей к нам шторы; планка оказалась опорной, и штора, скособочившись, чуть не брякнулась на пол.

Следующая же фраза Эмейских спиц привела меня в ужас.

— А вы совсем такой, каким мы вас себе представляли, — хором заявили спицы, и их центральные колечки, в которые были продеты пальцы Придатка... в смысле госпожи Юнъэр, мягко звякнули. — Совсем-совсем такой... Можно?

«А вы совсем *не* такой, каким я вас себе представляла, — отдались во мне слова Юнъэр Мэйланьской, услышанные Чэном. — Совсем-совсем не такой... гораздо мягче и в то же время мужественней. Наверное, так не бывает... и еще вы моложе. Можно?»

— Можно, — ответили мы, не совсем точно понимая, о чем идет речь.

Кончики спиц легко и нежно коснулись Чэновой груди, и шнуры верхних застежек марлотты опали вниз. Затем спицы скользнули по обнаружившемуся зерцалу доспеха, медленно обводя вязь вычеканенного двустишия-бейта, чуть посвистывая от соприкосновения с полированным металлом, задевая платками разошедшиеся в стороны полы марлотты... это было так по-женски, столь откровенное проявление любопытства...

И тут я уже почти совершенно успокоился. Доспеха

они, понимаешь ли, не видали никогда! Потрогать им, понимаешь ли, захотелось! То мы с Чэном такие, как они, понимаешь ли, себе представляли, то не такие... Шулма их забери! Привыкли, небось, что от поклонников отбою нет... ну что ж, значит, будем поклонниками!

— Мне говорили, что я знатен, — отчетливо прозвенел я, описывая соответствующую этикету восьмерку, — но перед древностью рода Эмейских спиц Мэйлань-го бледнеет древность любых родов (это была неправда, но кто возьмется проверять правдивость лести?)! Я учился изяществу обхождения и благородному умению Беседовать, достойным истинного Блистающего, но перед вашей утонченностью и остротой ума, о повелительницы помыслов, тускнеют любые достоинства — если, конечно, они не принадлежат вам! Ну что, я могу считать себя прощенным за первую неловкость?

Правая спица поиграла со шнуром марлотты и, опустившись вниз, остановилась у рукояти Дзюттэ.

— А это, надо полагать, личный советник царственного ятагана Шешеза фарр-ла-Кабир, Дзюттэ... э-э-э...

— Надо полагать, — довольно-таки невежливо прервал ее Дзю. — Дзюттэ Обломок, с вашего позволения! Только я не советник. Я — шут. Не верите? Ну хотите, пошучу? Могу даже вполне прилично...

— Жаль, — протянула левая спица.

— Что — жаль? — немедленно заинтересовался Обломок. — Что могу шутить вполне прилично? Тогда, опять же с вашего позволения, могу и вполне неприлично...

— Нет, не это, — хором ответили Эмейские спицы. — Жаль, что вы не советник. А то бы вы посоветовали Мэйланьскому Единорогу не расточать нам излишних комплиментов. Это мы слышим ежедневно, и для этого не надо уезжать из Мэйланя в Кабир, чтобы спустя сотню лет вернуться обратно.

— Зато я расточаю комплименты довольно редко, — вмешался я. — А в последнее время, знаете ли, вообще обходился без этого. Такое уж оно получилось, мое последнее время.

— Вот-вот, — усмехнулась правая спица. — Теперь вы больше подходите для той роли, которую вам приписывают во всем эмирате.

— Роль? Какая роль?!

— Роль героя. Сурового Блистающего древности, чудом попавшего в наше тихое и спокойное время.

Я еле сдержался. В наше тихое и спокойное время... вот

Детский Учитель посмеялся бы, если бы услышал. Впрочем, он и при жизни был сдержанным, а смеющимся я его не видел вообще никогда.

— Вы сказали — в наше тихое и спокойное время, — я опустился в ножны и говорил теперь тихо и невыразительно. — Я до того сказал: «В последнее время». Я не гожусь в герои древности, я не уверен, были ли в древности герои; я даже не уверен, были ли в древности Блистающие, осознающие, что они — Блистающие; я говорю банальные комплименты, но все это оттого, что я боюсь.

— Боитесь? — удивлению спиц не было предела. — Чего? Или — кого?

— Я боюсь, что наши слова сольются, и придется говорить: в наше тихое и спокойное последнее время. Вот этого-то я и боюсь.

— Меня зовут Аун, — после долгого раздумья сказала правая спица.

— А меня — Аунух, — добавила левая, и я вдруг снова остро ощутил всю мощь их обаяния.

Чэн сжал на моей рукояти железные пальцы.

— Нас ждет празднество, — то ли спросил, то ли утвердительно заявил он. — Еще одно празднество. А мне говорили, что это будет прием. Вдобавок официальный.

— Да, празднество, — о чем-то думая, небрежно ответила Юнъэр. — Это хорошо, что празднество; хорошо, что оно нас ждет; и хорошо, что вы такой, какой вы есть, Высший Чэн — вне зависимости от моих представлений о вас и вне зависимости от личины героя древности.

Я не расслышал, что говорили в этот момент Эмейские спицы, проворно сновавшие в ее пальцах, но наверняка они говорили нечто похожее.

— А почему это хорошо? — удивленно спросил Чэн-Я.

То, что ответила Юнъэр Мэйланьская и Эмейские спицы Мэйлань-го, совпало полностью.

— Потому что так мне (нам) будет проще объявить о нашей помолвке, — сказали они.

2

Когда они вышли отдать какие-то заключительные распоряжения, Дзю обратился ко мне с довольно-таки странной просьбой.

— Слушай, Однорог, — заявил он, — не сочти за труд... Ты не мог бы попросить своего Чэна, чтобы он опи-

сал мне эту... Юнъэр. Только обязательно вслух, а ты переведешь для меня. Ладно?

— Ладно, — недоуменно звякнул я, выходя из столбняка, в который меня повергло заявление спиц и Юнъэр, и сообщил Чэну о просьбе Обломка.

Чэн пожал плечами, но перечить не стал.

И он, и я понимали, что здесь дело нечисто. Предположить, что Обломок решил удовлетворить свое досужее любопытство, не расслышав последних слов спиц, или просто не придав им значения — ну уж нет, кто угодно, но только не Дзю...

— Ну, — начал Чэн, — невысокая такая, на полголовы ниже меня... чуть полнее, чем принято в Кабире, руки округлые и мягкие, пальцы двигаются легко и быстро, грудь Юнъэр... слушай, Дзю, ну не могу я так! Тебе же ее грудь — как мне твоя гарда! Чисто деловой интерес!.. грудь ему описывай...

— Не отвлекайся, — строго заметил Обломок, и Чэн-Я покраснел. — И гарду мою не тронь... в переносном, разумеется, смысле! А грудь... Так, о груди не надо, будем считать, что интерес у меня сугубо эстетический, и продолжим дальше...

— Лицо, — покорно продолжил Чэн-Я, — лицо... Ну, круглое у нее лицо, нос орлиный, глаза миндалевидные, мечтательные такие, но...

— Конкретнее! — возмутился Дзюттэ.

— Раскосые у нее глаза! — чуть не закричал Чэн-Я. — Раскосые, но большие и вытянутые! Проклятье!.. Рот маленький, чуть подкрашен, уши тоже маленькие, зато ресницы большие... Длинные ресницы! Желтый бог Мо тебя проглоти, Обломок несчастный!

— О боге Мо — после, — распорядился Дзю. — Одежду описывай. И чтоб подробно.

— Одежда, одежда... Прическа высоким узлом с перьями зимородка и жемчужными нитями, две шпильки в виде парящих фениксов...

— Это не одежда, — Дзю был неумолим. — Не морочь мне набалдашник! Продолжай!

— Одежда... Халат длинный, багрово-дымчатого атласа, расшит цветами, по подолу... по подолу — жемчуг. Пояс-обруч, свисает чуть ниже талии, украшен бляхами из яшмы в золотой оправе... туфельки шелковые, остроносые, узор выткан ярко-пунцовой и золотой нитью... безрукавка еще поверх халата, бледно-салатная, что ли...

Чэн все говорил, я послушно переводил, превращая слова человеческой речи в звуки языка Блистающих — но я чувствовал, как с каждым произнесенным вслух словом в

Чэне что-то меняется. Словно это были не слова, а капли усиливающегося дождя, падающие на пылающую жаровню, и вот уже огонь шипит и утихает, дым сизым облаком окутывает углубление с трещащими угольями... зыбко и сыро...

— Хватит, — наконец смилостивился Обломок. — Единорог, теперь ты!

— Что — я?

— Рассказывай! О спицах этих болтливых рассказывай! Вслух, и чтоб Чэн слышал!..

И экзекуция повторилась.

...Когда я умолк, обессиленный и опустошенный, Дзю повернулся за поясом и расслабился.

— Когда я был молодым и гораздо более умным, чем сейчас, — ни к кому не обращаясь, сообщил он, — я мечтал о ножнах. Были одни такие ножны, с бахромой по ободку. Спать не мог — все эти ножны снились. И тогда один старый шут, нож Бечак иль-Карс, предложил мне рассказать ему о моих вожделенных ножнах. Только подробно и не упуская ни одной детали... И я рассказал. А потом снова увидел эти ножны. Ножны как ножны, ничего особенного... Очарование ушло. Когда любишь, невозможно рассказать, за что любишь... а если возможно — то это уже не любовь. Чэн, Единорог — гляньте в щелку: эти спицы Мэйлань-го и их Юнъэр не видны ли?

И мы глянули. И увидели Эмейских спиц и госпожу Юнъэр, с кем-то разговаривающих. И еще увидели накрытые столы, входящих гостей... все, как обычно. И снова — Эмейские спицы. И снова Юнъэр Мэйланьская.

И — ничего. Сизый дым над жаровней. Потрясение ушло. Обаятельные сестры-Блистающие, милая и умная женщина... ну и?.. ну и не более того.

— Ты жесток, Дзю, — тихо сказал я.

— Спасибо, Дзю, — тихо сказал Чэн.

— Ты жесток, Дзю, — тихо сказали мы. — Спасибо.

— Не за что, — буркнул Обломок.

И добавил:

— Я — шут. А шуты добрыми не бывают.

— Ты шут Шешеза фарр-ла-Кабир, — зачем-то заметил я.

Дзю усмехнулся.

— А ты? — спросил он.

— Что — я?

— То-то же... — как-то невпопад завершил Обломок. — Шуты не бывают добрыми, Единорог. И еще — шуты не бывают чьими-то...

— Наставник был добрым, — пробормотал Чэн-Я, и железные пальцы на моей рукояти превратились в тиски, и я чуть не закричал от боли.

От той, давней боли, от эха ночного Кабира, от ночи, в которой умирал маленький ятаган, бывший Детским Учителем...

— Наставник был добрым, — еле слышно согласился Дзюттэ. — Наставник — был.

3

А празднество получилось таким, как и любое другое. Местные Придатки вовсю шумели за богато накрытыми столами, всячески развлекая Чэна; в оружейном углу цвет здешних Блистающих не давал мне скучать, расспрашивая отнюдь не об убийствах и преследованиях, а о кабирских модах и турнирах, о характере ятагана Шешеза, о Посвящении у старого Фархада и о прочих приятных вещах, располагающих к суесловию.

Я с наигранной живостью отвечал, временами давая ничего не значащие обещания по-Беседовать то с милым крюком из семейства Тье-Чинчи, то с вежливой, но настырной секирой из двуручных Фэн-тоу-фу — простите, ради Небесного Молота, как только выпадет свободная минутка, а вот когда она выпадет — совершенно неизвестно, но я обязательно, обязательно...

«Ну почему у меня всякий раз празднества предвещают какую-то неприятность?! — размышлял я, делая вид, что слушаю мэйланьские сплетни в изложении двух разговорчивых сабель Чандрахасса. — Почему?! Посвящение у Абу-Салимов — и турнир, веселье у Коблана — и побоище в переулке; теперь в Мэйлане два торжества подряд — и невесть откуда объявляется помолвка! При чем тут помолвка?! Ну, Чэна давно пора женить — так сейчас не время... а мне свадьбы играть — дело, конечно, хорошее, только кто Волчьей Метле объяснит, что оно, дело это, хорошее, и что не надо по этому поводу платки у спиц Мэйлань-го в клочья драть...»

Некоторые из приглашенных гостей время от времени выходили из зала по-Беседовать — здесь было не принято Беседовать прямо в зале — мне никто открыто не предлагал принять в этом участие, но многие Блистающие вопросительно поглядывали в мою сторону. Я игнорировал досужее любопытство местных задир, ждущих, так сказать от

героя дня немедленных подвигов, — и в свою очередь не раз косился на Эмейских спиц, которые не посещали оружейный угол, а все время находились за отворотом безрукавки Юнъэр.

Я ожидал продолжения — уж больно эти слова о помолвке были не ко времени, чтоб счесть их просто милой шуткой, — но продолжения не было.

Послышалось мне, что ли?!

В трех-четырех выпадах от меня Обломок привычно развлекал почтенную публику. Судя по всему, Дзю в считанные минуты стал всеобщим любимцем — что меня ничуть не удивляло, — а некоторые алебарды после острот Обломка просто падали от хохота, и их Придаткам приходилось отрываться от стола и поднимать не в меру смешливых Блистающих.

Рядом с Обломком глубокомысленно помалкивал Заррахид, изредка вставляя короткие «да» или «нет». Кстати, в паре с Дзю они смотрелись весьма оригинально: один — короткий, плотный, развязно-нахальный, и другой — элегантно-узкий, спокойный, с изысканными манерами аристократа.

Ну просто две стороны кабирской действительности!

Третья, темная сторона этой самой действительности — то есть наш приятель Сай — была не видна. Сай совершенно не вылезал из-за пояса ан-Таньи и в оружейный угол не заглядывал, беря пример со спиц. Но я не раз ловил его острый взгляд из-под столешницы, шарящий по залу.

Похоже, никого из обожженных Шулмой здесь не наблюдалось.

Какой-то мой Прямой родич — юный меч Цзянь, представившийся как Баолун, Драгоценный Дракон, — поинтересовался у меня, что я думаю об использовании ножен для отражения некоторых скользящих ударов. Я ответил, что я думаю по этому поводу — хотя думал в этот момент совсем о другом.

«Если эта суматоха растянется на дни, или и того хуже — на недели, — думал я, выслушивая благодарности Драгоценного Дракона и вежливо кивая ему обеими кистями, — то ни о каких поисках не может быть и речи! Ну, помолвка — это все-таки, наверное, шутка... хотя и довольно странная. А вот Но-дачи — это не шутник, и во дворце его вряд ли удастся разыскать. Придется гонять Сая с ан-Таньей по городу — пусть высматривает своих... Заодно надо будет справиться о пропавшем Поясе Пустыни из Харзы... небось, все ищет Тусклых и стесняется отпра-

вить Шешезу почтового сокола с письмом о неудаче! Вот будет здорово, если он...»

— Привет живой легенде! — раздалось рядом со мной. — Узнаешь? Или совсем загордился?!

— Узнаю... — оторопело пробормотал я, глядя, как Пояс Пустыни слетает с талии своего кривоногого Придатка, разворачиваясь и блестя самым веселым образом, и укладывается на подставку чуть пониже меня.

Выглядел он отлично. Заново отполированный, сияющий, даже какой-то повзрослевший... не тот забияка, совсем не тот!..

— Рад тебя видеть, Единорог, — сказал он, когда остальные Блистающие вокруг нас деликатно принялись разговаривать друг с другом, чтобы не мешать нам. — Честно, рад...

— Я тоже, — совершенно искренне ответил я. — Я тоже рад тебя видеть, Маскин Седьмой из Харзы, охотник на Тусклых.

— Я теперь не Седьмой, — ослепительно усмехнулся Маскин. — Я теперь Тринадцатый. И я больше не охотник.

— Да хоть Двадцать Шестой, — отмахнулся кистью я. — С тобой хоть нормально поговорить можно! А эти все только кивают да поддакивают, словно я им каждую секунду по тайне мироздания раскрываю!

— Понятное дело, — Пояс Пустыни глянул на веселившуюся знать, и легкая рябь пробежала по его гибкому клинку. — А как же еще можно разговаривать со своим будущим правителем?!

Я чуть с подставки не слетел.

— С правителем? Будущим?!

— Ну да! Ты ведь коренной мэйланец, опять же из потомственных Высших... и не просто отсюда родом, а Мэйланьский Единорог! Сотню лет провел в столице, прославился на весь эмират, Придатка испорченного менять отказался, доверенный клинок Шешеза фарр-ла-Кабир... Весь эмират только о тебе и звенит — то ты Придатка железом оковал, то в Беседе тебе равных нет, не было и не будет, то ты какого-то хищника насквозь проколол, спасая будущего Фархадова Придатка, то в переулке за одну ночь всех Тусклых Кабира под корень извел!..

Пояс Пустыни звонко хихикнул.

— Ты же теперь герой!' — весело продолжил он. — А зачем герою, да еще Высшему Мэйланя, спустя сотню лет возвращаться на родину, особенно когда на родине во временных правительницах две вдовые Эмейские спицы бле-

стят?! Вот то-то и оно! Дядя твой, Скользящий Перст, уже всем раззвонил, что быть тебе лет через восемь вместо него главой рода Прямых мечей! Так что готовься к делам государственным! Я слышал, что от Абу-Салимов с птичьей почтой поздравление пришло, на твое имя...

— С чем поздравляют? — тупо спросил я.

— С будущей свадьбой!

— А-а-а... — только и ответил я, беспомощно качая кисточками.— Ясно...

— Ты хоть на свадьбу-то пригласи! — Маскин вновь обвился вокруг своего Придатка, собираясь покинуть такого непонятливого собеседника, как я. — Или лучше я к тебе завтра сам загляну. В гости. Напомню, да и поговорить нам с тобой есть о чем... Ты как считаешь, Единорог — есть о чем поговорить Мэйланьскому Единорогу, образцу для Блистающих, и Поясу Пустыни из Харзы, Маскину Тринадцатому, бывшему Седьмому, бывшему охотнику за Тусклыми?!

Я не успел ничего ответить. Я еще только приходил в себя и начинал задумываться над странным двойным смыслом последнего вопроса Маскина — а Пояс Пустыни уже оставил оружейный угол.

— ...у всякого настоящего героя, — донесся до меня увлеченный лязг Дзюттэ, — обязательно должен быть свой личный шут. Вот и у нас...

— Правильно! — согласился какой-то короткий и наивный трезубец.— У такого уважаемого Блистающего, как Единорог...

— При чем тут Единорог?! — возмутился Обломок. — Герой — это, безусловно, я!

«Тогда ты прав, Дзю, — угрюмо подумал я. — Тогда ты прав...»

— Позвольте! — трезубец, не знакомый с повадками Обломка, был явно сбит с толку. — Если вы — герой, тогда...

— А что, вы считаете, что я не гожусь в герои?! — воинственно выпятил гарду-лепесток Дзюттэ.

— Да нет, что вы, — совсем растерялся бедный трезубец, — просто если вы — герой, то кто же тогда шут?

Обломок покосился на меня и, видимо, почувствовал мое похоронное настроение.

— А эта вакансия пока свободна! — громогласно объявил он.— Желающих прошу записываться у вот этого эстока! Прямо вдоль клинка...

4

Вернувшись в усадьбу, мы с Чэном молча обошли пруд, поднялись на второй этаж дома, забрели в первую попавшуюся комнату — она оказалась смежной с более обширными покоями, но нам в эту минуту было не до удобств — и тщательно заперли все двери.

Мы не хотели никого видеть.

Мы не хотели никого слышать.

Мы не хотели ни с кем разговаривать.

Мы ничего не хотели. Ничего и никого.

...Спал я плохо. Мне снилось, что я пересек Кулхан и сбежал в Шулму от всех, кто хотел меня убить, женить, поздравить, обругать, поговорить, нанять, счесть образцом, осудить за недостойные поступки... я сбежал от них всех в Шулму, чтобы утопиться в священном водоеме, но к водоему меня не пустили, а Желтый бог Мо, удивительно похожий на Коблана, но со свисающими до земли ушами, в которые он заворачивался на манер Чэновой марлотты... Желтый бог Мо — или Ушастый демон У?! — радостно подпрыгивал на месте и вопил ненатурально пронзительным голосом: «Женить его! Женить! Немедленно»... — а из водоема вдруг полезли гнилые, ржавые обломки убитых Блистающих, и я хотел проснуться, но не мог...

Чэн ворочался во сне и стонал.

Утром Чэн встал, протирая глаза, и отпер двери. Но выходить мы не стали. Чэн сел на ложе, я лег к нему на колени, скинув ножны; и вот так мы сидели и молчали.

Потом Чэн снова поднялся, переложив меня на изголовье, и ненадолго вышел. Вернулся он с листом пергамента, в котором я узнал пергамент Матушки Ци.

— Ю Шикуань, — пробормотал Чэн, поглаживая меня вдоль клинка. — Ю Шикуань, правитель Мэйланя, и его вдова Юнъэр Мэйланьская... Что ж тебя в Хартугу-то понесло, под оползень, от такой жены, несчастный ты Ю?..

Чэн задумчиво покачал головой, спрятал лист в угловой шкафчик и вернулся ко мне.

В смежных покоях шумел Кос. Судя по издаваемым им звукам, он вбивал в стену новые крюки для Заррахида, сколачивал подставку для Сая и еще одну — для Дзюттэ, забытого нами во дворце и унесенного оттуда предусмотрительным ан-Таньей. Когда грохот, треск и немузыкальные вопли в адрес слуг, предлагавших свою помощь, пришли к завершению — Кос подошел к двери, ведущей в нашу комнату, постоял немного, вздохнул и удалился.

В неизвестном направлении.

А мы с Чэном все сидели — вернее, Чэн сидел, а я лежал — в каком-то странном полузабытьи, и мне казалось, что я могу провести вот так весь остаток своей жизни, и что Чэн всегда будет со мной, что он никогда не состарится и никогда не умрет, потому что... потому.

Мы сидели, лежали, молчали, а время — время шло...

5

...Через неплотно прикрытую дверь было слышно, как мои друзья переговариваются между собой.

— Чего это он? — недоуменно вопрошал Сай. — Молчит и молчит, и... и опять молчит! Обидели его, что ли?!

— Обидели, — коротко отозвался эсток.

— Кого?! — грозно заскрипел Сай, и я чуть не улыбнулся, слыша это. — Кто посмел обидеть Единорога?! Покажите мне его, и я...

— И ты заколешь его Придатка, — меланхолично подытожил Заррахид, — а его самого переломаешь в восьми местах и похоронишь в песках Кулхана.

— Женили его, Дан Гьенчика нашего, — после долгой паузы бросил Обломок непривычно уставшим голосом. — Не спросясь. Силой, так сказать, умыкнули... и Чэна, хоть он и железный, тоже женили. Обоих. Почти. Это в Беседе «почти» не считается, а тут... Герои, в общем, и красавицы. Традиция. И от судьбы не уйдешь. Сыграем свадебку, станет Единорог государственным мечом, Зарра при нем главным советником будет; ты, Сай, — шутом...

Сай пропустил выпад Дзю мимо лезвия. Кстати, а почему это Сай не знает о том, о чем, похоже, знают все от Мэйланя до Кабира? Ах, да... Сай же все празднество провел у Коса за поясом, а людские разговоры ему без моих разъяснений непонятны!

Я поудобнее устроился у Чэна на коленях, а он с грустной лаской еще раз провел по мне железной рукой — от рукояти до острия.

И мне почудилось, что рука аль-Мутанабби слабо дрожит.

«А ведь это то, о чем мечтал я кабирской ночью, — думал Я-Чэн.— Уехать подальше из кровавой кузницы Кабира, где ковалось страшное будущее-прошлое Блистающих и людей; уехать в тихий покой, жениться, Беседовать с равными и наставлять юнцов, которые восторженно ловят

каждый твой взмах... и быть знатнее знатных, что сейчас мне и предлагается, а мое тщеславие почему-то молчит...»

«Да, тогда я мечтал о покое, — думал Чэн-Я, — и спустя мгновение судьба предложила мне бойню в переулке. А теперь, когда плечи мои привыкли к тяжести доспеха, душа привыкла терять и находить, а сознание научилось думать о насильственной смерти без содрогания; теперь, когда я способен не остановиться при выпаде, когда я разучился доверять... Теперь судьба благосклонно преподносит мне издевательский дар, и весь Мэйлань, ликуя, ведет Эмейских спиц Мэйлань-го навстречу герою Единорогу, а тоскующая вдова Юнъэр с радостью готова украсить своим присутствием дни и ночи Чэна Анкора, будущего мудрого со-правителя... полагаю, что в особенности — ночи...»

Это была сказка. А в сказки мы больше не верили. Разве что в бытовые, и обязательно с плохим концом.

За окном шумела усадьба — моя по наследственному праву, но совершенно незнакомая мне! — в смежных покоях переговаривались друзья-Блистающие (интересно, до чего ж быстро я Сая в друзья записал!..), Кос куда-то ушел с утра и до сих пор не явился, а уже полдень... или не полдень...

И впрямь жениться, что ли?..

— Вот он, наш затворник! — раздался возбужденный голос ан-Таньи, и спустя минуту Кос возник на пороге. — Вот он, наш женишок! Вернее, женишки...

Чэн-Я слегка вздрогнул и посмотрел на довольного Коса. Рядом с его сияющей физиономией, — как всегда, гладко выбритой до синевы, — на стене висела старинная гравюра, изображавшая бородатого Придатка разбойничьего вида и с серьгой в ухе. Кос, сияя, смотрел на Меня-Чэна, а бородач — на Коса, и вид у него при этом был такой, как если бы он только что по ошибке сел на торчащий гвоздь.

Произведение искусства, однако... я и Чэн имели в виду не ан-Танью.

— Бабкин пергамент у тебя? — поинтересовался Кос, смахивая со своей новенькой щегольской блузы (шнуровка на груди, рукава с отворотами, сиреневый атлас и все такое) несуществующую пылинку. — Не потерял в суете?

Рука Чэна слабо шевельнулась, и я указал острием на инкрустированный перламутром шкафчик, где в верхнем отделении хранился пергамент Матушки Ци.

Кос чуть ли не подбежал к шкафчику, рывком распахнул створки и впился глазами в извлеченный пергамент. Потом ан-Танья шлепнулся на ковер, поджав под себя но-

ги, и принялся извлекать из рукавов — карманы по мэйланьской традиции пришивались к рукаву изнутри, а блузу Кос явно купил где-то в городе — многочисленные обрывки бумаги.

Бумага была дорогая, рисовая, с легким голубоватым отливом, и в Кабире она ценилась бы на вес золота. А здесь, похоже, ее спокойно расходовали на разную ерунду все, кому не лень — в том числе и Кос.

— Сходится, — бормотал Кос, нервно кусая губы. — Ах ты, Иблисова кость — сходится! Ну, бабка, ну, матушка диких гулей — так, а вот здесь надо будет перепроверить...

— Ты где был? — спросил Чэн-Я только для того, чтобы немного отвлечь ан-Танью.

Трудно было поверить, что перед нами тот столичный щеголь, который вчера манерами привлекал внимание всей местной знати.

— В городской управе я был. Бумаги на твою усадьбу в порядок приводил, как положено. В наследство вас с Единорогом, так сказать вводил. У них тут бумаги навалом, вот они и пачкают ее с утра до вечера! Здесь распишись, там трех свидетелей предоставь, потом еще раз распишись и перепиши все заново, чтоб у иероглифов «цинь» хвостики тоньше были и с загибом влево...

— А что, с толстыми нельзя? — полюбопытствовал Чэн, а я только сверкнул улыбкой, слушая этот разговор. — И без загиба?

— Можно и с прямыми толстыми, но тогда по новым правилам это уже не иероглиф «цинь», а иероглиф «фу», и бумага уже не подтверждает права Чэна Анкора на родовую собственность, а разрешает вышеупомянутому Чэну Анкору совершить акт публичного самоубийства путем распиливания туловища пополам посредством бамбуковой пилы. Ладно, не в этом дело...

— Ничего себе не в этом! — нарочито серьезно бросил Чэн-Я. — Я надеюсь, ты все хвостики куда надо загнул?! Смотри, Кос!.. В случае чего, я именно тебя пилой орудовать заставлю...

— Смотрю, смотрю... — ан-Танья все не мог оторваться от своих записей и пергамента Матушки Ци. — Смотрю, а у них внизу, в полуподвале, архив имеется! И старичок такой милый всем этим архивом заправляет! Я с ним, наверное, часа четыре или пять беседовал, он мне еще показывал, как надо с коротким ножом в тесном помещении управляться... Милейший старичок, и ножик у него просто

прелесть! Жаль, я Сая с собой не взял — они бы мигом поладили!

— Сам нож на ладонь короче твоего локтя, заточка у ножа односторонняя, — не удержался уже Я-Чэн, — вместо гарды валик небольшой, и нож в основном на обратном хвате держится... Да?

— Слушай, Единорог, — еще в последние дни дороги Кос научился безошибочно определять, кто из нас с Чэном первым обращается к нему, — это твой знакомый нож?

— Это Хамидаси-архивариус. Их семейство здесь каждый знает. Помню, раньше шутили, что они на турнирах друг с другом спорят — кто лист бумаги тремя взмахами на тридцать три части разрежет, чтоб тушь ни с одного иероглифа не ободрать! Ладно, Кос, давай дальше...

Кос поскреб свой выдающийся подбородок и расхохотался.

— Да нет, ничего, — отсмеявшись, заявил он в ответ на недоуменный взгляд Чэна-Меня. — Все в порядке... Как ты говоришь, нож-то зовут? Хамидаси? Ну а старичка зовут Хаом ит-Даси! Почти что тезки получаются... Короче, поговорили мы с Хаомом о том, о сем, чайничек розовой настойки приговорили, а дальше вижу я у него на столе книгу раскрытую! И на левой странице написано: «...и не отыскали под оползнем в ущелье Воющих Псов ни Ю Шикуаня, правителя мудрого, ни славного меча его Цзюваньдао о девяти кольцах, что по прозванию Ладонь Судьбы; и плакали все от Хартуги до Верхнего Вэя, и осиротел сын неудачливого Ю, и овдовела жена его...»

— Ну? — коротко отозвался Чэн-Я.

— Не ну, а гляди, что у старухи написано! Ю Шикуань, седьмой год эры правления «Спокойствие опор», и Цзюваньдао, меч «девяти колец»... Сходится! Но это неважно, потому что о гибели правителя и положено в архивных книгах записывать, а важно другое... У бабки-то в пергаменте что дальше написано?! Вот... Через десять лет, в семнадцатом году «Опор...» этих самых — в будущем времени, видите ли! — ваши родичи записаны, Лян Анкор-Кун и меч его, Скользящий Перст! И еще знак вопроса рядом стоит! Мало ли что, дескать, через десять лет после несчастного Ю Шикуаня с Ляном Анкор-Куном и его мечом будет! Оползень — не оползень, а чего в жизни не случается... что-ж это за пророчества такие?!

Бородатый Придаток с гравюры скептически посмотрел на разгоряченного ан-Танью — мол, ну и что? Чэн и я последовали его примеру. Тоже нам, оракул... и без тебя знаем. Что знаем? Что ничего не знаем...

А Кос не обратил на наш утренний скепсис ни малейшего внимания.

— Я старичку и говорю: ваш правитель Ю в седьмом году погиб? В седьмом, отвечает. Тут я и спрашиваю: а за десять лет *до* того ничего похожего у вас не случалось? Дед подумал и бровки морщит — это, говорит, в тридцать втором году эры правления «Весенние потоки»? Я киваю на всякий случай и лезем мы со старичком в бумажные залежи! Копаемся там, копаемся и выясняем, что смертей нелепых в тот год не обнаружено, зато было великое горе в семье купца Сейдзи О-рекю, поскольку древнее фамильное копье купца сломалось...

Я встрепенулся, как бывает иногда во время долгой и утомительной Беседы, когда почувствуешь — вот оно, решающее движение! — и откуда только силы возьмутся!..

— Копье Катакама Яри?! — нетерпеливо спросил Я-Чэн. — Да?! Ниже наконечника массивный крюк, загнутый вверх?! Подробности, Кос, подробности! Что ты там вычитал?!.

— Катакама... — растерянно пробормотал ан-Танья. — Катакама Яри, а насчет крючка ничего не знаю... Не записано там о крюке, а в Кабире я таких копий не видал!.. Прозвище копья, то есть Блистающего — правильно, Единорог? — прозвище записано...

— Какое?

— «Белый тигр Ен-цу». Вот, я выписал...

— Сломалось, говоришь? — с болью спросил Я-Чэн. — А наконечник? Наконечник цел?!

— Наконечник в колодец упал. Восемь раз спускались, чуть колодец этот проклятый наизнанку не вывернули — глухо! Не нашли...

— Мир памяти твоей, Катакама Яри, Белый Тигр, — прошелестел я, сплетая шнуры кистей в знак траура; и Чэн повторил сказанное мною вслух, склонив голову. — Мир памяти и покой праху, старейшина копейных семейств Мэйланя... ты знаешь, Кос...

— Знаю, — перебил меня ан-Танья, и это почему-то было уместно и не грубо. — Теперь знаю, а в архиве лишь догадывался. Потому что у вас тут чуть ли не каждые десять лет какой-то знаменитый Блистающий гибнет. Иногда вместе с человеком. Ю Шикуань с мечом Цзюваньдао оползнем накрылись, Белого тигра в колодце не отыскали, за десять лет до того в положенном году, как по заказу — сабля-шамшер советника Вана случайно из ножен выпала и в колесо арбы попала, а арба возьми да и тронься! Шамшер, хоть он и древний, и славный, и с надписями по клин-

ку — естественно, пополам! И было великое горе у Вана с домочадцами... Ну и в том же духе — лет на сто назад мы со старичком Хаомом бумаги подняли! Что ни десятый год — то и происшествие!.. завидное постоянство, однако...

«Случайность, — подумал Чэн. — Дикая, нелепая случайность. Мало ли оружия ломается или портится — нет, немало... Кто запомнит, сколько за век всякого-разного произойдет? А и запомнит — так не сопоставит... запишет и забудет...»

«Случайность? — подумал я. — Нет уж, вряд ли... нечего самого себя обманывать. Это ведь не просто известные Блистающие, Чэн, это все старейшины Совета Высших, это они меня и моих однолетков век тому назад из Мэйланя выслали! И гибнуть начали! Что ж это такое-то творится? Шулма? — нет, по времени никак не сходится... Тусклые?! — так их и нет вовсе, и при чем тогда колодец или колесо арбы? А тот же оползень — зачем? И, главное — как?!»

«О небо, — подумал Я-Чэн, — за что? Ведь не могу больше... не хочу! За что?! За то, что в минуту слабости мечтал все бросить и уехать? Уехать искать тишину? И впрямь — куда уедешь от неба?.. бежишь, бежишь, стремишься к чему-то, а поднимешь взгляд — вот оно, синее, горбатое, равнодушное, прямо над головой...»

— И пусть один меч сам стоит спокойно против неба, — прошептал Я-Чэн. — Один.

Кос внимательно посмотрел на нас.

— Один? — резко спросил он, и Мне-Чэну вдруг показалось, что это говорит эсток Заррахид или Обломок, а уж никак не ан-Танья, человек, который почти в три раза моложе меня.

Меня, Блистающего. Когда я родился, то дед Коса еще не увидел света; Кос умрет, а я — если повезет — еще долго буду жить... но сейчас это все не имело никакого значения, потому что в голосе ан-Таньи звенела упрямая сталь, не уступающая по закалке моему клинку — сколько бы лет ни отмеряла нам обоим взбалмошная судьба.

— Один? — спросил Кос ан-Танья, человек. — Ну уж нет... И не надейся. Это, скорее, небо — одно.

И добавил, помолчав и комкая свои бумаги:

— Одно против нас.

6

Когда Кос принес Заррахида, Сая и Дзю, я по-быстрому разъяснил им, что к чему; а потом принялся рассказывать уже для всех о Совете Высших, Совете старейшин и глав

родов Мэйланя, и о тех Блистающих, кто входил в него сотню лет тому назад.

Тринадцать их было — входивших в Совет. Тринадцать. И я невольно вспомнил рассказ Коблана о Повитухе Мунире, уходящем от ручья испытания с дюжиной свидетелей. И еще я вспомнил, что Тусклых — порождений яростного Масуда — тоже тринадцать.

Я говорил и вновь видел Блистающих Совета, словно не век назад происходила наша последняя встреча, а лишь вчера; и память была свежа, как свежа бывает рана Придатка.

Рана человека.

...Двое глав рода Прямых Мечей — широкий обоюдоострый Кханда Вьячасена и мой родич-близнец, легкий и узкий Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст; старейшина сабельных семейств Шамшер иль-Самак и глава Кривых мечей — могучий Цзюваньдао, меч «девяти колец», правитель Мэйланя; многочисленные ножи и кинжалы были представлены в Совете Бадеком ханг-Туном, чье лезвие имело прямую спинку, но было выгнуто в виде рыбьего брюха, и Ландинг Терусом, более похожим на прямой короткий меч; копье Катакама Яри, Белый тигр, потом двузубец Ма, Язык кобры... и дальше — боевой серп Кама Мотогари, властный и неуступчивый, двойная палица Убан, устрашающе огромный топор Масакири-кай, Нагината Катори сан-Кесе и веер Сунь-Павлин... Тринадцать их было, Блистающих Совета.

Я закончил, и Чэн с трудом перевел дух.

— Я так понимаю, — прозвенел Заррахид, — что твоего земляка и дальнего родича Большого Да прошлым летом отозвали из Кабира именно в связи с гибелью правителя Цзюваньдао?

— Да, — ответил Я-Чэн. — И Большой Да стал вместо него главой рода Кривых мечей по потомственному праву или по прихоти нынешнего Совета... но правителем он не стал.

— Ясно, — отозвался Заррахид.

— А мне вот ничего не ясно! — заявил Сай, обращаясь к невозмутимому эстоку.

— И мне, — успокоил его Заррахид. — Это я так, к слову...

— Давайте-ка еще раз... — начал было Дзю, а я вдруг подумал, что мы с Чэном скоро до такой степени привыкнем любой разговор переводить сразу на два языка, что в обществе обычных Блистающих или обычных людей это может сослужить нам плохую службу.

А что делать? Иначе мы — все шестеро — по очереди будем то глухими, то немыми...

— Давайте-ка еще раз посмотрим, — повторил Обломок. — Прошлым летом правитель Цзюваньдао попадает под оползень. Кто виноват? Да никто не виноват, сам полез в ущелье... За десять лет до того ломается Белый тигр. Катакама Яри, и наконечник его теряется в колодце. Опять никто не виноват. Разве что неумелый Придаток — так купец этот, небось, не из неумех был! Ладно, отсчитываем назад еще десяток!.. Шамшер иль-Самак попадает в колесо, на чем его жизненный путь заканчивается... Так?

— Так? — повторил Я-Чэн для Коса.

То есть, конечно, повторил всю тираду Обломка.

— Так, — кивнул ан-Танья. — И опять случайность. Советник Ван будто бы споткнулся, Шамшер из ножен выпал — и все! Ловить и наказывать некого, кроме, разве что, нерадивого арбакеша, не успевшего придержать лошадей.

— Угу, — пробурчал Дзю. — Некого... Это у нас уже трое из Совета Высших. Скользящий Перст до сих пор живет и здравствует, чего и нам желает... Кто еще жив?

— Я на празднестве у Эмейских спиц заметил двойную палицу Убан, — стал припоминать я. — Потом еще Бадека ханг-Туна из клана ножей... Все, кажется. Нет, не все — Кханда! Кханда Вьячасена! Ну, помнишь, Дзю — ты еще с ним возрастом мерился!

Кос покопался в своих записях.

— Двое здешних чиновников — сказал он, — уехали в Верхний Вэй за десять с половиной лет до сломанного Шамшера. Вот, здесь у меня запрос из Вэя — где, мол, чиновники, почему не объявляются?! Значит, из Мэйланя они выехали, а до Вэя не доехали... Причем один из чиновников имел при себе кинжал Ландинг Терус, взятый им у отца, а второй вез двузубец Ма, Язык Кобры. Хвала мэйланьской обстоятельности — все записано!

— Еще бы не записано! — добавил я от себя. — Небось, Хамидаси проследил, чтоб переезд старейшин в Вэй был описан как следует!

Заррахид поймал на клинок солнечный луч, в котором танцевали невесомые пылинки, задумчиво поиграл зайчиками и вновь нахмурился.

— Четверо живы, — подвел черту эстоқ, — трое погибли, двое пропали без вести... Это девять. Что с остальными четырьмя? Их же тринадцать было в Совете?

— За давностью лет сведенья стали обрывочными, — развел руками ан-Танья. — Но кое-что узнать удалось...

Братья Бэнкей и Акиро из семьи Маури-охотников ушли в солончаки, что близ Кулхана — это было за пятьдесят лет до гибели правителя Ю Шикуаня и меча Цзюваньдао — и не вернулись. Через год за ними пошел сын Бэнкея — и, соответственно, племянник Акиро, — молодой Нух Маури, и тоже не вернулся. Вот выписка из свода уложений и переписи населения. Раздел: «Квартал Фа-линь», год соответствующий...

Кос демонстративно помахал в воздухе одной из бумажек.

— Хороший у меня человек Кос ан-Танья, — веско сказал эсток Заррахид. — Обстоятельный...

Я-Чэн перевел ан-Танье слова его меча, и случилось невероятное: польщенный Кос покраснел.

— Вот... — еще раз повторил он. — Бэнкей и Акиро Маури, а при них...

— А при них, — внезапно вмешался Сай, — при Акиро и Бэнкее, были Сунь-Павлин и Масакири-кай. Маленький боевой веер, пестро раскрашенный по всем пластинам, и огромный топор с рукоятью в рост высокого Придатка. Как же, как же... на лезвии топора еще гравировка — прыгающий барс...

— Ты их видел? — встрепенулся Я-Чэн. — Где?

— Где я их мог видеть? — удивился Сай. — Они ж полвека назад в солончаки ушли! Слышал я о них... по ту сторону Кулхана слышал, в Шулме, в шатре племенном! Клевец один на нашей кошме — на пунцовой кошме — помнил, как притащили давным-давно в племя двоих Придатков и двоих Блистающих. Придатков он, понятное дело, не запомнил, а вот Блистающих... Говорил — веер с павлиньей раскраской и топор с гравировкой. Вот и понимаю я так, что это и были Масакири-кай и Сунь-Павлин, старейшины Совета!

— Значит, в Шулме их искать надо, — сам себе звякнул Обломок.— Интересные дела...

— Не надо их искать, — глухо буркнул Сай. — В священном водоеме они, в тени плаща Желтого бога Мо, будь он трижды неладен! С белой кошмы два пути ведут — или на кошму пунцовую, или в священный водоем... Говорил клевец, что не смогли ни веер, ни топор самих себя переделать. Не пролили крови старейшины Мэйланя Сунь-Павлин и Масакири-кай, а за гордость в Шулме платить полагается! У них наша гордость трусостью зовется.

Мы помолчали. Толстая сумасшедшая муха, жужжа, носилась от стены к окну и обратно; стенные панели из ореха «драконов глаз» отливали коричневым и черным, отчего комната слегка рябила, как вода озера под легким ветром.

Было тихо. И даже Придаток на гравюре присмирел, потупил взгляд и закусил в раздумьи клок бороды.

— Предположим, что я найду оставшихся, — первым нарушил молчание я. — Я найду старейшин Каму Мотогари и Нагинату Катори сан-Кесе, и выясню, что они пребывают в добром здравии. Или что их сожгли в кузнечном горне, утопили в колодце или украли сто лет тому назад. Ну и что? В Кабире хоть были виновные в убийствах — я не хочу тебя задеть, Сай! — а здесь сплошные совпадения и случайности...

— И всего раз в десятилетие, — добавил Кос. — Довольно-таки редко.

— Это для вас, людей, редко, — оборвал его Дзюттэ, а Я-Чэн послушно переводил слова обоих. — А для нас, Блистающих, с нашим сроком жизни — это даже очень часто. Более чем часто... В Кабире были виновные в убийствах, Единорог. Я опасаюсь, не найдем ли мы здесь виновных в самоубийствах. Вот чего я опасаюсь.

Было тихо. И лишь жужжала несчастная муха, мотаясь туда-сюда, от стены к окну, от Кабира к Мэйланю, и не находя выхода.

Никакого выхода.

Глава пятнадцатая

1

— Есть хочу, — вдруг заявил Кос. — С утра не успел, до полудня с бумагами провозился, теперь вот говорим и говорим... Вам, Блистающим, хорошо, вы от полировки сыты! Ничего, сто лет ждали, пока мы приедем и во всем разберемся — могут еще час подождать!

Уверенность ан-Таньи в том, что весь Мэйлань сотню лет ждал исключительно нас и того, что именно мы разберемся в загадках происходящего — эта уверенность показалась Мне-Чэну напускной, но, как ни странно, сильно приободрила.

«И впрямь хороший человек у Заррахида, — с теплой усмешкой подумал я. — Хороший человек Кос ан-Танья. Обстоятельный, неунывающий и... и голодный! Надо бы покормить...»

«Я тоже хороший человек, — ответно подумал Чэн. — Меня тоже надо покормить. В конце концов, Кос — Придаток Заррахида, пусть о нем эсток и заботится...»

Напоминание было излишним. Заррахид, безусловно, позаботился, да и сам Кос не отстал — они кликнули слуг и Малых Блистающих, и я понял, что хороший дворецкий — он и в Мэйлане хороший дворецкий. Потому что Малые моего здешнего дома, вне всяких сомнений, больше побаивались Заррахида, чем меня, их законного господина; а слуги-Придатки — Коса.

Не прошло и десяти минут, как выяснилось, что Чэна и Коса (Высшего Чэна и господина ан-Танью, и никак иначе!) ждет стол в трапезной на первом этаже, и сам стол давным-давно накрыт, и не просто накрыт, а прямо-таки ломится от яств кухонь кабирской, мэйланьской, верхневэйской, и какой-то еще...

Чэн пожалел бедный стол, махнул ан-Танье — и они пошли спасать стол от непосильной ноши; а я влез в ножны, прицепившись кольцами к Чэновому поясу, и отправился с Чэном в трапезную.

Лестница.

Коридор.

А вот и трапезная.

Обед прошел в молчании. Люди жевали, я — единственный Блистающий в трапезной, поскольку даже слуги были одной расы с Чэном и Косом, а Блистающие оставались за порогом — лежал, как обычно, у Чэна на коленях, прикрытый краем скатерти, лежал и обдумывал все, услышанное наверху.

Прав был Дзю — уж очень все, произошедшее в Мэйлане за сто лет моего отсутствия, смахивало на заранее продуманные самоубийства. Самоубийства Блистающих. И не просто Блистающих, а старейшин, входящих (входивших!) в тот самый Совет Высших, который изгнал некогда знатную молодежь из Мэйланя и не объяснил причины.

Старейшины, главы родов, и почти точно раз в десять лет... была, была причина нашего изгнания, не могло не быть!..

...В дверях возник слуга-человек и со значением откашлялся.

Кос с неестественно раздутыми щеками, отчего его худое лицо выглядело невообразимо странно, повернулся к дверям.

— У?! — спросил ан-Танья. — У угу-у у-у-у?!

— Осмелюсь доложить: спрашивают Высшего Чэна Анкора.

— У гууу-у? — поднял бровь Кос.

— Старуха одна, — слуга оказался на редкость понятливым. — Назвалась Матушкой Ци.

Правая рука Чэна с момента появления слуги лежала на мне, так что разговор людей я слышал прекрасно — вот только сказанное Косом понимал плохо, в отличие от того же слуги.

Кадык на Косовой шее задвигался вверх-вниз.

— Ага! — радостно и уже членораздельно сообщил ан-Танья. — На ловца и зверь бежит!

— Зверь-то, может, и бежит, — осадил его Чэн-Я. — Не суетись, Кос... бабка, небось, за пергаментом своим пришла. Ну и что ты ей скажешь? В том пергаменте всего-то и примечательного, что запись насчет родича Ляна и Скользящего Перста. С которыми должно непонятно что случиться через девять лет. Интересно все-таки, что ты скажешь старухе по этому поводу?

— А что, этого мало?! — разволновался Кос.

— Не просто мало, а, почитай, вообще ничего. Бабка тебе в глаза рассмеется, и на этом все закончится. Не пытать же нам ее! Тут тоньше надо... чтоб сама проговорилась и не заметила. А дальше — по обстоятельствам.

— Пожалуй, Высший Чэн, вы правы, — после долгого раздумья произнес ан-Танья, выразительно указывая взглядом на слугу, ожидавшего решения. — Эй, ты — поди скажи Матушке Ци, что Высший Чэн ждет ее.

Слуга кивнул и вышел.

2

Матушка Ци со времени нашей последней встречи ничуть не изменилась — что было неудивительно в ее возрасте.

— Приятной вам трапезы, молодые господа, — затараторила она с порога, — приятной трапезы, и доброго здоровья, и радости в ваш дом, и мудрости в вашу голову, а особенно — в вашу драгоценную голову. Высший Чэн, ибо слышала я, что, возможно, вскорости многострадальный Мэйлань обретет в вашем лице достойного правителя!.. ах да, поговаривают, что у вас еще и свадьба скоро — так что мудрости в вашу голову, и счастья с молодой женой, и силы в ваши чресла, и деток побольше, и...

Старуха на этот раз явилась без Чань-бо, так что я полностью перешел на восприятие Чэна и теперь волей-неволей должен был выслушивать нескончаемую болтовню говорливой Матушки Ци.

— Здравствуйте, Матушка, — вставил наконец Чэн-Я,

когда старуха на мгновенье умолкла, переводя дух и готовясь к очередному словоизвержению.

— Прошу присаживаться за стол, — поспешил добавить Кос, явно пытаясь заткнуть рот Матушки Ци изрядной порцией еды.

Дважды упрашивать старуху не пришлось. Поминутно рассыпаясь в благодарностях, она тут же уселась напротив Чэна-Меня, пододвинула к себе сразу три чашки гречневой лапши, пиалу с соевым соусом по-вэйски, блюдо с полосками тушеного мяса, четыре блюдца с грибами, маринованной морковью, рисом и бобами — и действительно ненадолго умолкла.

Пока старуха лихо расправлялась с угощением, Кос сбегал наверх и принес утерянный ею свиток.

Чэн-Я даже не сомневался, что ан-Танья успел сделать со свитка копию.

— Вы ведь за этим пришли, Матушка? — спросил Кос, демонстративно выкладывая свиток на стол.

К счастью, вне пределов досягаемости цепких лапок Матушки Ци — а то Я-Чэн почему-то стал опасаться, что старуха сейчас схватит свой пергамент и вылетит в окно.

— Ой, спасибо вам, молодые господа! — немедленно засуетилась старуха, поспешно дожевывая последнюю полоску мяса. — Вот спасибо так спасибо, прямо всем спасибам спасибо, уж я и не знаю, что бы я без вас делала! Видать, обронила во время Беседы, растеряха старая, а сразу и не заметила — уже потом спохватилась, да поздно... я и в плач, я и в вой, а там думаю — господа молодые, глазастые, небось найдут непременно и вернут непременно, — а и не застанут старушку, так с собой заберут, не выкинут, нет, не выбросят зазря, и будет свиточек мой у благородных молодых господ в полной сохранности, аж до самого Мэйланя, и как только глупая Матушка Ци объявится...

Кос ловко пододвинул Матушке второе блюдо с солеными колобками: старуха машинально сунула один из них в рот — и Чэн-Я успел вклиниться в случайно образовавшуюся паузу.

— Вы уж простите нас, любопытных молодых господ, Матушка, но только мы осмелились заглянуть в ваш свиток... думали, разузнаем, где вы проживаете — а там и не удержались! Простите великодушно...

Старуха перестала жевать и настороженно покосилась в нашу сторону.

— Очень, очень интересные записи! — как ни в чем не бывало продолжал Чэн-Я. — Особенно там, где про Анта-

ру... я как-то беседовал с Друдлом, и он тогда еще пел мне «Касыду о взятии Кабира» самого аль-Мутанабби — мы потом с Друдлом долго спорили...

«О чем мы могли с Друдлом спорить?!» — воззвал ко мне Чэн.

«Понятия не имею!» — откликнулся я.

Ах, жаль, Обломок наверху остался...

— Спорили... о многом, — уклончиво закончил Чэн-Я.

При упоминании о Друдле взгляд старухи заметно смягчился.

— Да, Друдл... — задумчиво поджала губы она. — В наших кругах его звали Пересмешником. А вы были его другом? Или, осмелюсь спросить — учеником? Простите за дерзость, но иначе вам вряд ли довелось бы слышать от Друдла «Касыду о взятии Кабира» да еще потом спорить с Пересмешником... о многом.

«Сказать ей?» — спросил Чэн.

«Скажи...» — шевельнулся я.

— Вы, наверное, слышали, что я убил в Кабире человека? — напрямик спросил Чэн-Я.

— Ну... — замялась Матушка Ци. — Вроде этого... Только кто ж в такую ложь поверит — чтобы такой молодой да благородный господин...

— Это не ложь. Это правда. Я убил убийцу Друдла. И Пересмешник успел увидеть его смерть.

То, что произошло потом, потрясло Чэна-Меня. Матушка Ци встала из-за стола, подошла к нам и, откинув скатерть, опустилась на колени и поцеловала Чэну руку.

Правую.

Руку аль-Мутанабби.

И приложилась лбом к моему клинку, слегка сдвинув ножны.

После этого старуха вернулась обратно и стала вертеть в пальцах палочки для еды, как если бы ничего не случилось.

— Друдл... хитрый умница, любивший звать себя дураком в присутствии подлинных дураков, — она говорила тихо и внятно. — Помню, мы редко встречались, но часто хвастались в письмах друг перед другом новыми открытиями, а при встречах наскоро переписывали и заучивали найденные тексты — хотя каждый, конечно же, хотел иметь оригинал. Впрочем, меня всегда интересовало начало становления Кабирского эмирата, а Пересмешник больше увлекался эпохой уль-Кайса Старшего. Но...

— Меня тоже больше интересовало начало становления

эмирата, — немедленно перебил ее Чэн-Я. — Взятие Кабира, походы аль-Мутанабби... э-э-э... установление границ... Не могли бы вы, Матушка Ци, хоть вкратце...

— Это хорошо, — кивнула старуха. — Обычно в прошлое смотрят старики... но когда молодежь умеет оборачиваться — это говорит о зарождающейся мудрости. Да, у Мэйланя скоро будет достойный правитель. Ну что ж, слушайте...

И мы слушали.

3

— Помню: в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла...

Во имя Творца, Единого, Безначального, да пребудет его милость над нами! И пал Кабир белостенный, и воссел на завоеванный престол вождь племен с предгорий Сафед-Кух, неистовый и мятежный Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, чей чанг в редкие часы мира звенел, подобно мечу, а меч в годину битв пел громко и радостно, слагая песню смерти.

В ту ночь и был простерт окровавленный ятаган аль-Мутанабби над дымящимся городом, и получил гордый клинок прозвище иль-Рахш, что значит «Крыло бури»...

(«Ты звал руку аль-Мутанабби, старый Фархад, — думал Я-Чэн, — ты звал руку, которая держала тебя в дни твоей молодости, ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир... ты помнишь теплый, как еще не успевший остыть труп человека, город Кабир? О да, ты его помнишь, старый мудрый ятаган, не любящий украшений...»)

Но не долго наслаждался Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, первый эмир Кабирский из рода Абу-Салимов, покоем и счастьем, недолго носил венец победы, сменив его снова на походный шлем. И разделил он войско на четыре части, указав каждой свою дорогу. Западные полки, во главе которых стоял седой вождь, лев пустынь Антара Абу-ль-Фаварис, чья кривая альфанга не первое десятилетие вздымалась над полем брани, заслужив прозвание аз-Зами, что значит «Горе сильных» — западные полки двинулись вдоль левого рукава Сузы на Хинское ханство и вольный город Оразм, мечтая дойти до Дурбанских равнин.

Южные же полки, состоявшие из неукротимых в бою воинов, рожденных в угрюмых ущельях близ перевалов Рок и ан-Рок, а также отряды горцев Озека, шли под предво-

дительством юного Худайбега Ширвана, чье копье Рудаба, что значит «Сестра тарана», пронзило первого врага, когда яростному Худайбегу не исполнилось и девяти лет. Их целью была богатая Харза, на чьи стены никогда еще не поднимался недруг, и шатры белобаранных кочевников-хургов, неуловимых и вероломных.

Северные полки вел на Кимену и Фес лучший друг и названный брат аль-Мутанабби, вечно смеющийся Утба Абу-Язан. Любил Утба смеяться за пиршественным столом, любил улыбаться в покоях красавиц, но страшен был хохот безумного Утбы в горниле сражений, и алел от крови полумесяц его двуручной секиры ар-Раффаль, «Улыбки вечности».

Во главе же восточных полков, двинувшихся по дороге Барра на древний Мэйлань, стоял сам Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, и воины пели песни эмира-поэта, кидаясь в бой хмельными от ярости и слов аль-Мутанабби.

— Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облаченный,
А со стен потоком черным на бойцов лилась смола...

Через восемь лет многие властители земель и городов, гордые обладатели неисчислимых стад и несметных сокровищ, склонились перед мощью Кабирского меча.

А еще спустя два года владыку Абу-т-Тайиба хотели провозгласить шахом — но он отказался. Тогда его хотели провозгласить шахин-шахом, но он снова отказался. Ибо царским званием был титул шаха, шахин-шахом же звали царя царей, но эмиром в самом первом значении этого слова на языке племен Белых гор Сафед-Кух — эмиром звали военного вождя, полководца, первого среди воинов.

И воинский титул был дороже для аль-Мутанабби диадемы царя царей.

С тех пор мир воцарился на земле от барханов Верхнего Вэя до озер и масличных рощ Кимены, и иные вольные земли добровольно присоединялись к могущественному соседу, а иные заключали с Кабиром союзные договора, налаживая торговые связи — и мирно почивал в ножнах ятаган иль-Рахш, что значит «Крыло бури», забыла вкус крови «Улыбка вечности», двуручная секира ар-Раффаль, успокоилась «Сестра Тарана», копье Рудаба, и альфанга Антары Абу-ль-Фавариса не несла больше горя сильным, за что некогда была прозвана аз-Зами...

4

— ...Будь проклят день, когда оружию стали давать имена, — задумчиво пробормотал Чэн-Я.

— Что? — встрепенулась замолчавшая было старуха. — Что вы сказали?

— Да так... у вас — записи, у меня — сны. Каждому — свое. Был, понимаете ли, один такой странный сон...

«Рассказать?» — молча спросил у меня Чэн.

«Расскажи», — согласился я.

И Чэн пересказал Матушке Ци странный сон, что видели мы в доме Коблана в ту роковую ночь.

Старуха довольно долго не открывала рта, что было на нее совсем непохоже.

— Любопытно, — наконец проговорила она. — И даже весьма... Некоторые имена, названные вами, я знаю, но большинство мне совершенно неизвестно. Вы не возражаете, если попозже я запишу это?

С такой Матушкой Ци беседовать было одно удовольствие.

— Не возражаю, — улыбнулся Чэн-Я. — В обмен на ваш дальнейший рассказ.

— О чем же мне продолжить? — охотно откликнулась Матушка Ци.

— О дне. О том дне, который проклинал Антара Абуль-Фаварис. О дне, когда оружию стали давать имена. Любому оружию.

Старуха хитро сощурилась.

— Этот день, молодые господа, растянулся на десятилетия. Если не на века. Впрочем, мы никуда не торопимся...

5

...Годы мира не ослабили Кабирский эмират. Хотя, собственно, никто и не осмеливался испытывать прочность его границ.

Всякий приезжий купец или лазутчик (что нередко совмещалось) непременно обращал внимание в первую очередь на то, что практически все жители эмирата и дружественных земель чуть ли не помешаны на умении владеть оружием, отдавая этому большую часть свободного времени. Не только в столице или других крупных городах — повсеместно пять-шесть раз в год обязательно проводились крупные турниры, каждый месяц происходило какое-нибудь

воинское празднество, и даже подростки из крестьянских семей ежедневно упражнялись во владении копьем, ножом или боевым серпом под строгим надзором седобородого патриарха.

Надо быть не правителем, а самоубийцей, чтобы рискнуть напасть на обширную и могущественную державу, все население которой — включая стариков, женщин и детей — состоит из профессиональных воинов!

Все видели купцы, все слышали лазутчики, да не все понимали и те, и другие — потому что именно тогда, в последние годы жизни аль-Мутанабби, все чаще в эмирате стали заговаривать об Этике Оружия, создавая по сути новый культ...

(«Очень любопытно! — оживился я, повторяя недавнее восклицание Матушки Ци. — Ведь, согласно нашим преданиям, примерно с этого времени пришла к завершению эпоха Диких Лезвий, и наши предки впервые осознали свою суть, назвавшись Блистающими. Кстати, история самых знатных родов — если отбросить недостоверный вымысел — реально прослеживается тоже с третьего-четвертого десятилетия после взятия Кабира. Вот, значит, как... а она говорит — Этика Оружия! Ладно, слушаем дальше...»)

...Традиция давать оружию личные имена вошла в полную силу. Всякая семья непременно имела фамильное оружие нескольких видов, передавая его по наследству. Лучшие клинки торжественно вручались первородным детям в день их совершеннолетия — но в случае превосходства младших братьев или сестер родовое оружие получали более умелые, не взирая на старшинство.

Оружие становилось символом семьи, знаком рода, и заслужить право ношения фамильной святыни считалось делом чести...

(«Ну да, это же с *их* точки зрения! А мы говорили, что Блистающие стали заниматься воспитанием и подготовкой Придатков. Опять же церемония Посвящения...»)

Поскольку оружие начали в какой-то степени отождествлять с его носителем, чуть ли не приписывая мечу или трезубцу человеческие качества, то в домах появились специальные оружейные углы и даже залы — с отдельными подставками для каждого меча, стойками для копий, алебард или трезубцев; коврами, где развешивались сабли и кинжалы.

Изготовление оружия становится таинством, уход за ним — ритуалом, обращение с ним — искусством. Фамильный меч клали у колыбели и смертного одра, клинком

клялись и воспевали его в песнях; оружие можно было хранить только в специально отведенных для этого местах, и помещали его туда с почетом; сломать клинок, пусть даже и чужой, считалось святотатством, лишающим человека права на уважение в обществе.

Оружие не швыряли, где попало, передавали из рук в руки с почтительным поклоном; при демонстрации его касались лишь шелковым платком или рисовой бумагой...

Символ действительно становился святыней.

Поединки, связанные с решением каких-то споров и могущие завершиться смертельным исходом, начинают считаться противоречащими канону Этики Оружия. Аристократы брезгливо морщат нос — много ли чести выпустить кишки сопернику?! Тем более, что все в мире двойственно — а ну как не ты ему, а он тебе?..

Богатые люди начинают нанимать себе так называемых Честехранителей — чтоб те сражались за них в случае решения вопросов чести, когда это уже поединок, а не привычная Беседа. Но поскольку Честехранителями становились в основном крупные мастера, то у них вскоре формируется собственный канон отношений, согласно которому считается несмываемым позором убить или ранить собрата по ремеслу (точнее — по искусству!). Куда большей доблестью, куда более весомым добавлением к чести своей и чести нанимателя объявляется умение лишь наметить точный удар, срезать пуговицу с одежды или прядь волос с головы, распороть пояс и тому подобное.

(«Ага, а вот это уже весьма и весьма знакомо!..»)

Искусство Честехранителей почти мгновенно входит в моду и вызывает зависть знати и простолюдинов, помешанных на владении оружием, и, как результат — воинские искусства становятся неотъемлемой частью воспитания любого человека.

Не воинское ремесло, а *воинское искусство.*

И так проходят годы, десятилетия...

Так проходят века.

А для сохранения поражающей силы удара, для соблюдения традиций прошлого, отдельно продумываются и тщательно разрабатываются состязания в рубке предметов: свернутых циновок, кожаных кукол, лозы, жердей и тому подобного...

(«И правильно! Нечего зря Придатков портить — как сказал бы тот же Гвениль... Во-первых, Придаток тоже человек — чего Гвениль никогда не сказал бы, — а во-вторых, учишь его, учишь, душу вкладываешь, лет десять-пят-

надцать тратишь (ведь живут Придатки до прискорбного мало, даже самые лучшие), — а тут какой-то неумелый герой рубанул сплеча, и весь труд насмарку! И обидно, и жалко — труда жалко, себя жалко... ну, и Придатка тоже жалко. Правда, Гвениль?»)

Культ Этики Оружия процветает, оружие сопровождает человека от рождения до самой смерти, о нем слагают песни и стихи, им клянутся, за ним ухаживают, как ни за каким другим имуществом...

(«Слышал бы это Дзю! Уж он бы ей выдал... Имущество! Берегут и ухаживают — это хорошо, клянутся и воспевают — еще лучше, а вот в остальном... сама она — имущество! Впрочем, если бы Придатки услышали мнение Блистающих о себе... Ох, стоим мы друг друга!..»)

Формируется как бы новый способ общения при помощи оружия — например, язык меча. Поднятый меч в одном случае означает приветствие, в другом — вызов (именно вызов, а не приглашение!) на Беседу; опущенный или вкладываемый в ножны особым образом меч — признание поражения; в чужом доме не принято держать меч при себе, потому что это иногда трактуется как неуважение к хозяевам (исключение делается лишь для родственников и близких друзей, да и то не для всех); меч при разговоре полагается класть с правой стороны от себя и рукоятью к себе, а не вперед; резкое задвигание меча в ножны, когда он звякает об устье ножен, может оскорбить собеседника...

Ну и, конечно же, обряд изготовления нового оружия! Кузнец три дня перед этим соблюдает пост и воздержание, возносит молитвы и облачается в чистые одежды; он возжигает благовония, в кузнице обязательно присутствует «родственное» оружие... все это прекрасно известно сейчас, но складывались эти обычаи именно тогда, в первые полтора-два века после взятия Кабира.

Именно тогда...

6

«...именно тогда, когда наши предки окончательно и бесповоротно осознали себя Блистающими, — думал я. — Все верно. Только мы воспринимаем эти обычаи несколько по-иному: считаем, что это мы приучили Придатков... а они считают наоборот. И, наверное, все мы по-своему правы!..»

— А сколько интереснейших песен посвящено мечу! — возбужденно продолжала Матушка Ци. — И до чего же

обидно, что многие из них — в особенности творения великого аль-Мутанабби — занесло песком времени. Вот к примеру...

Она прикрыла глаза, надвинув на них морщинистые черепашьи веки, и начала читать — распевно и в то же время жестко:

— Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки.
А если захочешь ты распознать его настоящий цвет,
Волна переливов обманет глаза, будто смеясь в ответ.
Он — тонок и длинен, изящен и строг; он — гордость моих очей,
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как ручей.
В воде закалялись его края и стали алмазно-тверды,
Но стойкой была середина меча — воздерживалась от воды.
Ремень, что его с той поры носил — истерся, пора чинить,
Но древний клинок сумел и в боях молодость сохранить.
Так быстро он рубит, что не запятнать его закаленную гладь,
Как не запятнать и чести того, кто станет его обнажать.
Мой яростный блеск, когда ты блестишь, это — мои дела,
Мой радостный звон, когда ты звенишь, это — моя хвала.
Живой, я живые...

— ...а дальше?! — нетерпеливо спросил Кос.

— Концовка утеряна, — закончила старуха, открывая глаза.

Грустные-грустные.

— Утеряна, говорите? — хитро усмехнулся Чэн-Я. — Плохо искали, наверное!

— Хорошо искали! — отрезала Матушка Ци. — Лучше некуда... Друдл, правда, писал года два назад про какого-то кабирского кузнеца, только при чем тут кузнец?!

— А в старых сундуках смотрели? — участливо поинтересовался Чэн-Я.

Старуха, похоже, решила, что над ней издеваются.

— Не смотрели, значит, — подытожил Чэн-Я. — Ну что ж... зря. Кос, сбегай в комнату, принеси Кобланово наследство... все не тащи, только панцирь!

Кос выскользнул из трапезной и в скором времени вернулся с панцирем. Ан-Танья остановился перед Матушкой Ци, та с недоумением глянула на Коса, на Чэна, на панцирь... и вдруг сощурилась и перегнулась вперед, вглядываясь в бейт, вычеканенный на зерцале.

— Вы, Высший Чэн, непременно будете правителем, — после долгого молчания бросила она.

— Вы уверены?

— Да. Это воистину царский подарок.

И вполголоса, словно пробуя на вкус каждый звук:

— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл,
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Мы молчали.

— А... переписать можно? — спросила Матушка Ци с несвойственной для нее робостью.

Чэн-Я кивнул.

Кос отнес панцирь в угол — и через мгновение на столе, как по волшебству, возникли медная чернильница, костяной калам и лист тонкой бумаги.

Ан-Танья, как всегда, был готов к любому повороту судьбы.

Матушка Ци переписала недостающие строки — писала она по памяти, не глядя на панцирь, так что Чэн-Я не очень-то понял, зачем ей понадобилось именно сейчас скрипеть каламом, да еще спрашивать разрешения. Потом она попросила Чэна повторить наш сон — и тоже все старательно записала. Теперь, похоже, она готова была продать нам могилу собственного деда — так иногда говаривали в Кабире в подобных случаях, и этот образ всплыл из глубин сознания Чэна непроизвольно, — и Чэн-Я решился.

— Кстати, о мечах, — небрежно начал Чэн-Я. — У вас там в свитке, Матушка Ци, была любопытная пометка на полях. Насчет правителя Ю Шикуаня и его меча Цзюваньдао...

Калам старухи заскрипел как-то не так, и я с сожалением понял, что могиле деда суждено остаться непроданной.

— Приятно, когда молодые господа интересуются прошлым, — зачастила Матушка Ци в своей обычной манере, — и не то что бы совсем прошлым, а почти что и не прошлым вовсе, потому что разве ж это прошлое — правитель Ю и его меч?.. нет, это совсем не прошлое, а выжившая из ума бабка записала для памяти — забудет ведь, и не вспомнит ничего, и никогда, и ни за что...

Слова старухи вроде бы цеплялись одно за другое, но смысла в них не было ни на дирхем.

— А вторая пометка? — хмуро осведомился Кос. — Насчет Ляна Анкора и Скользящего Перста?! И чего-то нехорошего, что должно с ними произойти через девять лет?! Вы случайно пророчествами не занимаетесь?

Зря это он... опрометчиво. Эту старую ведьму в лоб не возьмешь, и если ан-Танья не понял это во время ночной Беседы...

— Через девять лет? — совершенно искренне изумилась Матушка Ци. — Быть этого не может! Видать, напутала что-то, кошелка старая, дырявая...

Она поспешно развернула свиток — кстати, ни Чэн, ни я так и не заметили, когда же она успела пододвинуть его к себе, — долго вчитывалась в него, шевеля губами (чего за ней до сих пор не замечалось, даже во время прочтения бейта-двустишия на доспехе), потом старуха оторвалась от чтения и посмотрела на нас наивными и честными глазами.

— Год перепутала! — всплеснула руками она. — Стара стала, путаюсь все время... хотела одно написать, а написала другое.

Что-то не замечали мы, чтоб она хоть в чем-то путалась!

— Крючок не туда загнула, вот и вышел семнадцатый год вместо четвертого! Как раз в четвертом-то году господин Лян прямым мечом завершать Беседы по-новому стал, двойным взмахом с проворотом, а там уже в ножны опускал — так споры пошли, дескать, канону противоречит... Спорили, спорили, а после находку господина Ляна общим мнением канонизировали — и перестала она противоречить, и вздохнули все с облегчением!..

С этой минуты даже упрямый Кос понял — все, конец. Больше мы от нее ничего не добьемся.

Даже за полное собрание стихов Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби...

7

Мы с Чэном поднялись в комнату, где сегодня ночевали (не считая Дзю), и Чэн вскоре куда-то ушел, Обломок валялся на столе и, кажется, дремал; а я лежал на подоконнике и думал — что со мной случается нечасто.

Я думал про правую руку Чэна.

Я прекрасно помнил, что у основания творение Коблана было снабжено ремешками и застежками, с помощью которых рука крепилась к культе. Но с того дня — вернее, ночи, — когда стальные пальцы впервые сжались на моей рукояти, я не мог вспомнить, чтобы Чэн хоть раз отстегивал и снимал руку аль-Мутанабби.

Более того, сама мысль о том, что Чэн вообще может снять эту руку, вызывала во мне отвращение и ужас.

Я восстановил в памяти несколько моментов, когда сознание Чэна объединялось с моим, и понял, что за семью запорами и девятью печатями в потайном чулане души Чэна Анкора Вэйского таился такой же — если не

больший — ужас перед возможностью снова стать однору-ким.

И не только. Однору-ким — ладно, но одино-ким... ведь никогда, никогда больше!..

Даже умываясь по утрам — в дороге из Кабира в Мэй-лань я не раз присутствовал при этом, — Чэн старался при посторонних не снимать нижней рубахи с широкими рука-вами, закрывающими место крепления мертвого металла к живой плоти.

Нет. Живого металла к живой плоти.

А все-таки, раздевшись до пояса, Чэн избегал смотреть на собственное предплечье. Вскользь, случайно, но никог-да — пристально.

И почти сразу же старался одеться.

Словно ни он, ни я — а я до сих пор просто не давал себе размышлять об этом, — словно оба мы старались лиш-ний раз не искушать судьбу.

То, что для всех было легендой, пикантным случаем, возможностью лишний раз поговорить о чудесах — для нас было свершившейся реальностью, за которую дорого плаче-но, и все равно счет по сей день не закрыт.

И не будет закрыт никогда.

...Чэн вернулся, подошел к окну, и мы стали смотреть во двор. Неподалеку был пруд, от которого несло сыростью, а за ним, у круглой беседки кто-то из Блистающих усердно танцевал.

Сперва я решил, что это один из Малых моего дома, но потом, приглядевшись, обнаружил нечто смутно знакомое в резких, с отмашкой, ударах Блистающего, полускрытого от меня опорами беседки.

Я мысленно сгустил сумерки — мэйланьские вечера оказались слишком светлыми — после многократно уве-личил беседку, превратив ее в мрачную башню Аль-Ку-туна, и улыбнулся, мерцая обнаженным клинком.

Пусть не утром, как было обещано, а ближе к вечеру, но неугомонный харзиец, Маскин Седьмой — ах да, он же теперь Тринадцатый! — все же явился ко мне в гости.

«Пошли?» — подумал я.

«Пошли, — подумал Чэн, надевая на меня ножны. — Не будем заставлять ждать горячего Эмраха ит-Башшара из Харзы. Неровен час, изрубит нам беседку — Кос потом до конца жизни ворчать будет...»

И мы снова спустились вниз, оставив Дзю отдыхать на столе.

Задевая за перила лестницы, я неожиданно задумался

над тем, почему это Пояс Пустыни из Седьмого превратился в Тринадцатого. Я прикидывал и так, и этак, и не додумался ни до чего.

Кроме того, что число «Тринадцать» нравилось мне все меньше и меньше.

Совсем оно мне не нравилось.

Возле входа в дом пожилой коренастый Придаток с усердием подстригал колючий вечнозеленый кустарник. Блистающего при слуге не было — да и к чему Блистающий при стрижке кустов?

— К вам гость, Высший Чэн, — приветливо сказал он, глядя на нас и смешно морща лоб. — Вон, у беседки... просил пока не докладывать. Видите?

— Вижу, — кивнул Чэн.

— Смешной он, этот гость, — слуга оказался на редкость словоохотливым, — Высший, а все равно смешной. Хоть и платит хорошо. Я когда у него недели три назад по вечерам подрабатывал, то господин Эмрах мне каждый раз по ляну серебра выдавал. Не скупился, хоть и работа-то пустяковая...

— И кем же ты у него подрабатывал? — ответно улыбнулся Чэн.

— Наемным убитым. Три раза в неделю.

— Кем-кем?!

— Наемным убитым.

— Это как? — заинтересованно спросил Чэн, а я только шевельнул рукоятью, потершись о касавшиеся меня железные пальцы.

— Да так... Он ведь когда в Мэйлань приехал, этот господин Эмрах, то сперва стал зачем-то собак рубить. Ему их прямо на постоялый двор приводили, а когда он дом снял, то домой... Поначалу у него плохо получалось, а после наловчился — с первого удара голову псу сносил. Потом он чучело кожаное у скорняка заказал, чтоб мехом в разных местах оторочено было — и чучело саблей полосовал. Дальше-больше, трех обезьян ему доставили, крупных таких, только холощеных, чтоб злоба вышла... Он их в человеческое платье одевал и тоже рубить пробовал, да не вышло у него с обезьянами! Рядом бил, как по человеку полагается...

«Вот как он учился, оказывается, — подумал Чэн-Я. — К крови привыкал. Мастерство Контроля ломал... а с обезьянами не вышло. Хороший ты парень, Эмрах ит-Башшар, несостоявшийся мститель, хороший, да умный слишком. Друдла бы тебе... Друдла, Но-дачи, судьбу позлее да ума поменьше. А ярости побольше... нет, не надо тебе ни судь-

бы, ни ярости, пылкий Эмрах, желающий научиться убивать! И никому не надо. И мне не надо бы — да только поздно уже...»

— А дальше он меня нанял, — продолжал меж тем слуга. — По договоренности. Я короткой саблей неплохо владею, так должен был с ним Беседовать по вечерам. А когда господин Эмрах, дай Творец ему здоровья, первым ударить успевал, то должен был я кричать громко, на землю падать и не двигаться. А он стоял надо мной и смотрел. Я кричал и падал, а он смотрел. Хороший человек, щедрый, но смешной. И саблю просил на булыжник ронять, чтоб дребезжала, будто бы сломалась. Я и ронял — чего ж за серебряный лян не уронить?! — а он слушал. Если б не отослал он меня неделю тому назад — глядишь, я б не только рисом и овощами на зиму запасся бы, но и дочке обнову какую купил! У вас-то я временно, кусты вот подстригу и все, а господин Эмрах — ах, хороший человек, всяческих благ ему в этой жизни...

«Да уж, благ ему всяческих, — подумал я, — только не тех, что он сам себе желает. Хороший человек Эмрах ит-Башшар, и Блистающий при нем хороший, Маскин Тринадцатый из Харзы, но то, чего хотят они — нет, не благо это!..»

Чэн благосклонно кивнул просиявшему слуге, пообещал, что прикажет ан-Танье взять отставного наемного убитого на постоянную службу, и мы двинулись в обход пруда. Это заняло совсем немного времени и, не доходя до древнего кипариса, настолько подгнившего и накренившегося, что его поддерживала подпорка из красного дерева, я толкнулся в Чэнову руку, вылетел из ножен и приветственно замахал Маскину Тринадцатому.

— Эй! — хором крикнули мы с Чэном, каждый на своем языке. — Как дела?!

— Дела? — тоже хором спросили Эмрах ит-Башшар и Пояс Пустыни, выглядывая из-за беседки; только в отличии от нас они не знали, что говорят хором. — А вот сейчас посмотрим, как у нас дела, сейчас выясним...

И с наигранной зловещестью они направились к нам.

«Зря я панцирь дома оставил, — подумал Чэн, и тут же устыдился подобной мысли. — Да ну, ерунда, что ж мне теперь в самом деле, и по-Беседовать нельзя как следует?!»

Шагах в трех от нас Эмрах остановился. Пояс Пустыни в его руке медленно резал воздух крест-накрест, чутко подрагивая гибким концом клинка, и впрямь напоминавшим язык Рудного Полоза.

— Свадьба-то скоро? — спросил Маскин, небрежно переходя от креста к вытянутой восьмерке.

— Не знаю, — ответил я, накручивая узкую спираль. — Со мной никто не советовался.

Чэн в это время разговаривал с Эмрахом примерно о том же, но я не вслушивался в слова людей, опасаясь отвлечься и показать себя в Беседе не с лучшей стороны.

Ну, честолюбив я — каюсь!..

Пояс Пустыни нанес первый удар — все так же медленно и четко, как полагается даже и не при Беседе, а во время демонстрации при обучении.

Если горячность его еще и оставалась где-то, то сейчас она была упрятана глубоко-глубоко.

Чэн отошел на шаг, а я, не входя в соприкосновение с Маскином, поднялся над непокрытой Чэновой головой и там замер.

— Я слыхал, — Маскин провел несколько длинных рубящих махов, но делал он это на таком расстоянии от Чэна и меня, что его действия можно было счесть лишь похвальбой, — будто в Кабире Детского Учителя семьи Абу-Салим убили. Кого еще после него?

Эта тема — и та легкость, с которой нынешний Пояс Пустыни заговорил о смерти Наставника, да и о смерти вообще — пришлась мне не по душе.

— Никого, — не двигаясь, ответил я. — Наставник был последним.

Не объяснять же ему, что в переулке-то как раз Наставник был первым, а уже потом... не стану я ему ничего объяснять.

Эмрах вдруг прыгнул вперед и ударил коротко и точно, целясь Чэну в бедро. Я метнулся вниз, приняв харзийца на сильную часть клинка — но сбрасывать в сторону не стал.

Чэн, поняв мое желание, не двинулся с места.

Нет, удар был чистым. Даже не успей я подставиться, Маскин все равно остановился бы вовремя.

Лязгнув с досады, Пояс Пустыни попытался режущим полукругом достать голову Чэна, но Чэн низко присел, а я легонько кольнул локоть Эмраха.

Так, чуть-чуть, чтоб не зарывались... оба. Мы им не наемные убитые.

— Шешеза жаль, — беззаботно прозвенел Пояс Пустыни, отодвигаясь на полторы длины клинка и делая вид, что ничего не произошло. — И так сплошные неприятности, а тут еще семья без Детского Учителя осталась... небось, рубит теперь со зла что ни попадя да Тусклых во всем винит!

Чэн неторопливо пошел по кругу, оставляя кривоногого Эмраха в центре, а я горизонтально поплыл по воздуху, с

обманчивой небрежностью свесив кисти вниз и еле слышно посвистывая.

— Тусклые ни при чем, — бросил я замершему харзийцу. — Это не они.

— Ни при чем, — охотно согласился он, выведя руку Эмраха далеко вперед и еле касаясь меня лезвием. — Тусклые абсолютно ни при чем. Полностью с тобой согласен.

По-моему, он вкладывал в эти слова какой-то свой, непонятный для меня смысл. Впрочем, сейчас не время искать смыслы, и вообще — может, мне показалось?!

Маскин попытался обойти меня по внутренней стороне своего изгиба — заточка у него оказалась полуторасторонняя — и достать острием плечо Чэна. Я чувствовал, что при желании харзиец может двигаться примерно раза в два-три быстрее — но даже при такой скорости я прекрасно успевал бы не выпускать его из сферы своего восприятия.

Еще ворчун Пуддха учил меня ощущать воображаемый шар, окружающий меня и моего Придатка; ловить его увеличение при длинном выпаде, пульсацию при кистевых ударах и переходах с уровня на уровень; с тех пор у меня были разные учителя, включая жизнь, и не Поясу Пустыни проверять на прочность шар учения вокруг Мэйланьского Единорога и Чэна Анкора.

Пусть даже с точки зрения мироздания это не более чем бронзовый шарик, откатившийся к глиняному дувалу.

— Тусклые ни при чем, — повторил Маскин, и мы немного позвенели друг о друга просто так. — Они, небось, и не знали, что какие-то Блистающие вдруг вздумали восстановить истинное предназначение нашего рода... нет, они этого не знали, как не знали, что их станут разыскивать, обвиняя в том, в чем они гордились бы участвовать... они, подлинные хранители забытых традиций...

Вот тут я чуть не упустил стремительный бросок Пояса Пустыни, пытаясь вникнуть в его слова. Хвала Чэну и тому, что на нем не было доспеха — он успел, как в старые добрые времена, так прогнуться в пояснице назад, что непокрытая голова Чэна коснулась затылком земли, и весь он стал напоминать мост над горной речушкой.

В следующую секунду я отставил в сторону размышления и взял на три удара турнирную скорость. Огорченно взвизгнувший после промаха Маскин даже не успел ни разу толком меня коснуться, когда я распорол рукав верхнего халата Эмраха, сорвал с его груди деревянный медальон-амулет и напоследок пощекотал изумленно моргающего ит-Башшара в самом интимном месте всякого Придатка.

Чэн к тому времени уже сидел на земле, разбросав ноги и скучающе глядя на Маскина Тринадцатого, а тот вслепую рубил воздух так, где по его предположениям должен был находиться Чэн или хоть что-нибудь, принадлежащее Чэну.

Надо отдать должное Поясу Пустыни — рубил он рьяно, но чисто, с полным контролем и соблюдением законов Беседы.

— Ты что-то начал о традициях и их подлинных ревнителях, — равнодушие в голосе далось мне с некоторым трудом, потому что турнирные скорости даром не проходят. — Я так понимаю, что изворотливый харзиец, движимый местью за погибшего Придатка, попытался разыскать Тусклых и...

«И малость свихнулся», — хотел добавить я.

Но не успел.

— Нет, — ударил Пояс Пустыни.

— Не попытался, — еще раз ударил Пояс Пустыни.

И еще один раз:

— Нет. Не попытался. Я их нашел.

Я не двигался. Маскин Седьмой, ныне Тринадцатый, рубил по-прежнему чисто и честно, не касаясь Чэна — но что-то изменилось в его ударах. Не так вибрировал гибкий клинок, не так свистел рассекаемый воздух, движение было уверенней, оттяжка — быстрей и резче...

Маскин Седьмой. Тринадцатый. Двенадцать свидетелей, не боящихся красного цвета, и гордый меч проклятого Масуда... Пояс Пустыни, Маскин, бывший Седьмым и ставший Тринадцатым.

У меня не было никаких доказательств.

Я вообще не верил ни единому его слову.

Клинок Пояса Пустыни был, как положено, прохладным и блестящим, исправно отражая лучи заходящего солнца.

И все-таки... последние удары были совсем другими. Я это знал лучше любого другого Блистающего. Или нет, не любого — но многих, очень многих... почти всех.

— Я их нашел, — повторил Пояс Пустыни, останавливаясь, и его Эмрах опустился на землю рядом с Чэном. — А еще я найду ту саблю, что убила моего прежнего Придатка. Нет, я не стану казнить ее за это — месть больше не ослепляет меня, — но ее Придаток умрет. Они сказали, что помогут мне, и это будет угодно Прошлым богам...

— Тусклые? — спросил я.

— Тусклые, — ответил он.

Мы разговаривали скучно и монотонно, словно речь

шла о кольцах для старых ножен или выборе дерева для подставки.

— Ну-ну... — протянул я. — Может, познакомишь?

— Может, и познакомлю, — отозвался он. — Думаю, ты быстро найдешь с ними общий язык. Тебя ведь теперь даже переучивать не надо... потом, ты Высший, будешь правителем... и мастер, каких мало. Будто я не понимаю — я тебе не со-Беседник, ты со мной можешь сделать все и даже больше...

И вот тут я поверил.

Никогда прежний пылкий и самолюбивый Пояс Пустыни не произнес бы этих слов; никогда не сознался бы в том, что уступает мне или любому другому Блистающему в искусстве Беседы.

Эмрах ит-Башшар легко поднялся с земли.

— Ну, я пошел, — звякнул Пояс Пустыни, вводя острие в крепление рукояти и, щелкнув, замыкаясь в кольцо. — Еще увидимся.

Чэн сидел, широко разбросав ноги, я лежал рядом, упираясь Чэну в голень — и оба мы смотрели вслед удаляющимся Эмраху ит-Башшару и Поясу Пустыни из Харзы.

Солнце уже почти село, небо на западе было сиреневым с багровыми прожилками, и обнаженный клинок-пояс отливал красным, отчего идущий вразвалочку Эмрах казался перерубленным пополам.

От пруда тянуло сыростью.

8

...Положительно, сегодняшний день оказался уж очень богат событиями. Это явно не к добру. Хотя ничего откровенно плохого вроде бы не произошло, но мы с Чэном успели привыкнуть к простой истине: обилие происшествий ни к чему хорошему не ведет. Возьмем, к примеру, раскопанные дотошным Косом в архиве сведения — что теперь с ними делать? Мало нам было Шулмы? Теперь еще эти странные смерти и исчезновения старейшин Совета Высших — и главное, в этом же совершенно некого обвинить! Потом визит Матушки Ци — ох, и хитрая же старуха! Самому тупому Блистающему (Обломок не в счет) понятно, что она чего-то не договаривает... Еще одна загадка, которая явно смыкается с первой.

Дальше — явление Маскина Седьмого-Тринадцатого! Оказывается, он-таки нашел непонятно кого, но зовет их

Тусклыми (асассинами, с точки зрения Эмраха). Впрочем, кого бы он ни нашел — если не считать, что вспыльчивый харзиец просто двинулся клинком, — то нелишне предположить, что эти Тусклые играют в происходящем какую-то тусклую роль. Какую?..

Вопросы, вопросы, снова вопросы — и ни одного ответа.

Когда мы выезжали из Кабира, злобы было больше, зато вопросов — меньше. Была Шулма, из которой исходила угроза нашествия; были Блистающие во главе с Но-дачи, бежавшие из Шулмы; было их желание расшевелить Блистающих эмирата, заставить нас вспомнить кровавые навыки. Это — страшно, это — жестоко, но более или менее понятно. Я хотя бы знал тогда, что делать — или не знал, но надеялся по дороге узнать. А теперь...

С какого конца начинать?

Свадьба еще эта...

... Чэн лежал одетый на кровати, касаясь меня правой рукой, и мы размышляли. Вместе. Довольно давно. И довольно безуспешно. Потом Чэн встал, взял Дзюттэ со стола и перевесил его на стенной ковер.

На почетное место.

Дзю никак на это не отреагировал. Тоже размышлял, наверное. Или спал. Или притворялся.

Во всяком случае, что бы он ни делал — он делал это молча.

И на том спасибо...

В дверь постучали.

— Войдите, — бросил Чэн-Я.

Дверь открылась, и на пороге возникли Кос, Заррахид и Сай.

Все трое весьма сконфуженные.

— Ты извини, Единорог (Чэн), — сказали они все вместе, — но мы... твою... подставку... нечаянно... поломали... вот.

Так и знал, что добром этот день не кончится! Мою подставку! Мою первую подставку! Мою любимую подставку! Мою ореховую подставку!..

Мою первую любимую ореховую подставку!

— Ну, не то чтобы мы ее совсем поломали, — виновато проскрипел Сай, — вернее, совсем, но не то чтобы мы — скорее, я...

Короче, дело обстояло так.

Когда Матушка Ци наконец ушла, заговорив перед этим привратника-человека до полусмерти, эта великолепная троица отправилась в ближайшую лавку купить цветочных благовоний. Сходили. Купили. Вернулись. Увидели

меня, Беседующего с Поясом Пустыни. Решили не мешать (вот это правильно!). И пошли упражняться в летний павильон, чтобы Кос с Заррахидом могли лучше привыкнуть к Саю (и это тоже правильно!). Привыкали-привыкали, а потом Сай обнаружил какие-то лохмотья на ковре, который висел за моей подставкой — и решил их срезать. Будто бы для красоты, но похоже было, что больше — из озорства.

А Заррахид в это дело просто не вмешивался. И не препятствовал. Что уже было совсем неправильно.

Дальше Кос с Саем возьми и промахнись. Ладно, все мы не в Небесной Кузнице кованы... А ковер возьми да и упади на мою подставку. А подставка возьми да и свались на пол. И с подставкой возьми да и ничего не случись.

Крепкая оказалась.

А Сай возьми да и обнаружь в днище маленькую щель, куда тут же сунул свой любопытный клинок. Вот тогда-то от подставки кусок и откололся.

Ну, все трое, понятное дело, перепугались не на шутку — подставка-то старинная, да еще и моя личная! — а после смотрят и видят, что в днище ниша маленькая открылась. А в ней — футляр сафьяновый. А в футляре — свиточек, лентой перевязанный. Видать, давно там лежал, пожелтел весь от времени.

— А подставку я краснодеревщику в починку отдам, за свой счет, — виновато закончил Кос, но мы с Чэном его уже не слушали. Лента на свитке развязалась легко и незаметно. Чэн взял тонкую пачку листков в левую руку, а я полностью перешел на Чэново восприятие.

«Записи Фаня Анкор-Куна, Высшего Мэйланя, о дне Великого Предательства в пятый год эры правления «Вечного Мира», да будут потомки снисходительны к подлости предков, совершенной ради них».

Так гласило заглавие.

«Пятый год эры правления «Вечный мир», — подумал я, — это год моего (и не только моего) изгнания из Мэйланя. В этот год я переехал в Кабир вместе с Придатком Хо Анкором...»

«Фань Анкор-Кун, — подумал Чэн, — это, согласно родословной, прадед Ляна Анкор-Куна и родной брат моего прадеда Хо. Если я не ошибаюсь...»

«И в тот год, — подумал Чэн-Я, — в руках Фаня Анкор-Куна блистал Прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст. Старейшина Совета...»

Похоже, сегодняшний богатый событиями день продолжается.

— Да, чуть не забыл, — словно издалека донесся до меня голос Сая. — Я, когда в город выходил, Но-дачи видел. И не одного, а с саблей Кундой Вонг. Я Заррахиду сказал, мы за угол свернули — а их и нет уже...

— Ты б еще завтра это вспомнил, — мрачно заметил со стены Обломок. — Или через неделю...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЛЮДИ И БЛИСТАЮЩИЕ

Боевой закаленный меч,
Воющий при взмахе, как вихрь,
Пылающий синим огнем.
Закалили его едва
На крови из печени льва,
А потом натерли изгиб
Черной желчью зубастых рыб.
Илбисы — духи войны —
Клубились вокруг него,
Садились на жало его.
Он, как вызов на бой, сверкал.
Нюргун Боотур.

Глава шестнадцатая

1

«...скоро полночь. Скоро на улицах застучат колотушки четвертой стражи — и я, Фань Анкор-Кун, Высший Мэйланя и старейшина Совета, отложу в сторону калам и сниму с ковра фамильный меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст.

Я тихо выйду из дома и, никем не замеченный, пешком отправлюсь на восточную окраину Мэйланя, где у заброшенного водоема меня будут ждать остальные старейшины Совета. В десяти шагах от водоема, если встать лицом на юго-восток, есть старая беседка. Мы молча войдем в нее, я трижды ударю кулаком по крайней левой опоре, спустя три минуты в полу откроется люк — и мы спустимся вниз, идя гуськом по винтовой лестнице.

Сегодня ночью настал очередной срок для принесения жертвы Прошлым богам.

Только на этот раз жертва будет совсем не такой, как обычно.

Они будут ждать нас внизу — Двенадцать и Один, дюжина Даи-хранителей и Единственный Сайид-на, Глава Учения, потомок проклятого Масуда. Они будут ждать нас, как их предки ждали наших предков, как положено в ночь жертвы Прошлым богам; это свершалось на протяжении вот уже семи столетий, и сегодня свершится вновь, и они будут ждать нас внизу — Двенадцать и Один, те, кого суеверные люди зовут асассинами, курящими гашиш убийцами.

Сами они зовут себя — батиниты.

Последние свидетели Истины.

«Батин» на древнем наречии племен с предгорий Сафед-Кух, Белых гор, означает Истину, Сокровенную Тайну. И Истина последних свидетелей, Даи-хранителей и Сайид-на, Главы Учения, истина Двенадцати и Одного очень проста.

Она гласит: когда человечество разучится убивать, оно будет убито.

Их истина очень проста.

Семь веков тому назад батиниты Мэйланя кровью и пеплом подписали договор с Советом Высших Мэйланя; то же самое произошло в Хаффе, Кабире, Дурбане и Кимене.

Они клялись никогда больше не бросаться на улицах в боевое безумие, вынуждая горожан в конце концов уничтожать не помнящего себя воина. Они клялись, что их всегда будет Двенадцать и Один, только Двенадцать и Один в любом городе из перечисленных; они клялись в этом страшной клятвой и никогда не нарушали ее.

Они не нарушили своей клятвы, и спустя пятьдесят лет после подписания тайных договоров люди эмирата вспоминали кровавых асассинов лишь в песнях, легендах и недостоверных сказаниях.

Мы же клялись в том, что раз в год будем вместе с ними приносить жертву Прошлым богам.

Раз в год один из тринадцати батинитов, последних свидетелей Истины, и один из старейшин Совета Высших Мэйланя согласно жребию будут встречаться в смертельном поединке.

Один на один.

И Прошлые боги будут неслышно рукоплескать в ночи.

Они рукоплескали — до сегодняшней ночи.

Если в поединке погибал боец-батинит, то за год оставшиеся Двенадцать должны были отыскать и обучить добровольного неофита, чтобы к дню следующей жертвы их снова было Двенадцать и Один. Если же добровольца не находилось, то Прошлые боги ждали еще год.

Они ждали столько, сколько было нужно для того, чтобы в подземелье старейшин Совета всегда встречали Двенадцать и Один.

Если в поединке погибал один из старейшин, то мы хоронили его согласно обычаям и стараясь не вызвать кривотолков среди горожан и членов семьи погибшего. После чего избирался новый старейшина, и мы посвящали его в тайну Двенадцати и Одного, вручая наследное оружие покойного, и с ним в руках бился он у алтаря Истины Батин.

В том случае, когда оружие ломалось в бою, что происходило редко — ну что ж, значит, не судьба...

Если же при принесении жертвы ломалось оружие батинита, то будущий доброволец, новый Даи-хранитель, входил в круг последних свидетелей Истины со своим клинком; если оружие оставалось целым, то оно вручалось неофиту, как наследие ушедшего приходящему.

Так было — до сегодняшней ночи.

Два века тому назад при принесении жертвы Прошлым богам был убит батинит в Кабире; через месяц то же самое произошло в Дурбане. Семь лет после этого Прошлые боги терпеливо ожидали следующей жертвы, обходя Дурбан и Кабир, ибо Двенадцать не могли отыскать Одного.

Добровольцев — не находилось.

На восьмой год батиниты Кабира и Дурбана отказались от Истины, отреклись от Сокровенной Тайны, сказав: если человечество и впрямь разучилось убивать, значит, оно достойно того, чтобы быть убитым; а мы тоже люди.

Полвека спустя их слова повторили батиниты Кимены и Хаффы, перестав быть Двенадцатью и Одним.

Так было — до сегодняшней ночи.

Потому что этой ночью в подземном зале для принесения очередной жертвы Прошлым богам сойдутся тринадцать убийц по убеждениям и тринадцать убийц по принуждению; и мы нарушим договор.

Мы не станем ждать жребия.

Мы нападем на них первыми, без предупреждения, все на всех, так, как нападают клятвопреступники — из-за угла, подло и беспощадно.

Мы убьем их всех и сломаем их наследственное оружие.

В Мэйлане никогда больше не поднимет голову змея учения Батин; в Мэйлане никогда больше не будет Двенадцати и Одного.

В Мэйлане останется только тринадцать невольных убийц.

Мы.

Старейшины Совета Высших.

Ашока Викрамадитья и его прямой тяжелый меч Кханда Вьячасена, Абдаль ан-Фарсид и его сабля-шамшер иль-Самак, правитель города Сунь Шикуань и меч «девяти колец», кривой Цзюваньдао; Джанг Тун и нож Бадек ханг-Тун, Сайф Одноглазый с кинжалом Ландинг Терусом, браться Ори и Ри с двуручным топором Масакири-кай и боевым веером Сунь по прозвищу Павлин; Лян Чилинь с двузубцем Ма, Языком кобры, затем Мотогарэ Кутие и его копье Катакама Яри, Белый тигр; могучий кузнец Ян и двойная палица Убан, крохотный боец Аран Юлинь и боевой серп Кама Мотогари; единственная женщина в Совете, хрупкая и неукротимая О Ранкесю, вдохновительница сегодняшней ночи, и ее нагината Катори сан-Кесе...

И я.

Фань Анкор-Кун и прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст.

Вчера я отправил своего брата, молодого Хо Анкора, наследного вана Мэйланя из Вэйской ветви Анкоров-южан, в Кабир. Хо уехал, взяв с собой родовой меч их семьи, месяц назад получивший прозвище Единорог.

Уезжай, Хо, и ни о чем не спрашивай...

Я желаю тебе, чтоб столица стала твоим домом, а не временным караван-сараем!

...Остальные старейшины Совета Высших последовали моему примеру.

В случае чего — грязь слухов не прилипнет к молодежи, волна позора не захлестнет их; и им не придется платить по нашим счетам.

Впрочем, если последняя жертва Прошлым богам будет принесена так, как предполагается — никто ничего не узнает.

Пусть поют песни.

Пусть рассказывают сказки.

Пусть... пусть живут, как жили.

И мы, старейшины Совета, убийцы поневоле — мы тоже будем жить, как жили; мы будем корчиться под бичом памяти, но останемся жить.

Чтобы никто ничего не узнал.

Сегодня ночью мы нарушим клятву — дабы семя насильственной смерти пожрало само себя.

К счастью, мы тоже смертны.

Ах, как хотелось бы мне хоть немного пожить в том мире, который будет после нас! — после нас, клятвопреступников и убийц, последней жертвы Прошлым богам!..

Скоро полночь...»

2

— Все, — рассеянно сказал я, крепче сжимая стальные пальцы на рукояти Единорога.

«Нет, не все, — беззвучно отозвался он. — Ты выронил один листок. Вот, под столом...»

Я полез под стол.

— А вы теперь ругаться не будете? — опасливо поинтересовался сверху Сай Второй. — За эту... за подставку?

— Они не будут, — сообщил ему со стены Обломок. — Зато я буду.

— А ты-то почему?! — возмутился Сай.

Обломок подумал.

— Просто так. Глядя на тебя, Вилорогий, мне почему-то всегда ругаться хочется...

— Тихо вы! — одернул болтунов эсток. — Единорог, скажи Чэну — пусть дальше читает! И переводи слово в слово.

Я выбрался из-под стола с листком в левой руке и Единорогом в правой.

— Слышу, слышу, — пробормотал я себе под нос. — Слышу и читаю...

Листок был вполовину меньше, чем предыдущие, и на бумаге другого сорта.

«...мы недооценили их и переоценили себя. Двоим удалось уйти вместе со своим оружием; более того, они унесли с собой меч одного из убитых асассинов. Надеюсь, у беглецов хватит ума и осторожности, чтобы не мстить, а исчезнуть из Мэйланя, растворившись в многочисленном населении эмирата.

Надеюсь... и еще я надеюсь, что они окажутся честнее нас и по-прежнему не нарушат своей клятвы; а Двенадцатью и Одним они станут нескоро, если станут вообще.

Зачем я пишу все это? Не знаю. Знаю только, что прячу эти записи в подспудной надежде, что их когда-нибудь кто-нибудь найдет. Очень хочется пожить в чистом мире; и очень не хочется умирать подлецом, не сказавшим ни слова в свое оправдание, хотя оправдания мне нет и быть не может.

Ведь сегодня ночью я, Фань Анкор-Кун, Высший Мэйланя, старейшина Совета — сегодня ночью я убил человека...»

— Все, — тихо произнес Я-Единорог. — Вот теперь — все.

— Все ли? — вопрошающим эхом отозвался Кос. — Ох, сомнительно...

«Так вот почему старый Кханда и Скользящий Перст переглянулись, когда я сказал им, что убил Придатка! —

подумал Единорог. — Они-то хорошо знали, что это значит, старейшины-клятвопреступники...»

— Подведем итоги, — сказал Кос, садясь напротив меня.

Я приготовился слушать, сразу же отдав Косу пальму первенства в трудном деле подведения итогов; а Единорог приготовился переводить.

— Согласно этим записям, некогда между старейшинами Совета Высших Мэйланя (и не только Мэйланя) и асассинами-убийцами, которые оказались совсем не убийцами, а последними, так сказать, свидетелями Истины — между ними был заключен договор. Так?

— Так, — ответил Я-Единорог.

Остальные промолчали. О чем тут спорить?..

— Согласно этому тайному договору и сохраняя достоинство человечества по канону учения Батин — весьма своеобразный канон, надо заметить! — раз в год старейшины и свидетели Истины собирались в тайном месте без посторонних и торжественно убивали друг друга. Семьсот лет подряд. Хранили таким образом семя Истины.

— Хранили, а потом хоронили, — проворчал я.

Кос не обратил на сказанное мною ни малейшего внимания. Он встал, оставив лежать Сая и Заррахида, извлек из рукава цветастую пачку купленных в лавке благовоний — легкий сухой аромат мигом распространился по комнате — и принялся расставлять тоненькие курительные свечи во все возможные и невозможные углы.

Потом ан-Танья несколько раз ударил огнивом — еще в начале чтения мы зажгли обычные свечи, но Кос почему-то решил ими не пользоваться — и поднес тлеющий трут к четырем-пяти оглушительно пахнущим (оказывается, так бывает!) палочкам.

— Отлично! — с видимым удовольствием принюхался Кос. — В Кабире таких нет... не возят купцы. Итак, учение Батин процветает, плодоносит и, наконец, загнивает — в результате чего еретически настроенные батиниты Кабира, Дурбана, Кимены и Хаффы отрекаются от Сокровенной Тайны. Остается древний Мэйлань, где традиции испокон веку настолько сильны, что рассчитывать на добровольное отречение последних свидетелей Истины не приходится.

— Они называют их Тусклыми, — бросил я Косу.

— Они? — удивленно поднял бровь ан-Танья. — Их? Кто они, кого — их, и почему — тусклыми?!

Я на мгновенье снял правую руку с Единорога. Если при объяснении я брякну что-нибудь обидное — пусть не слышит.

— Они — это они, — я взглядом указал на наших спутников. — Блистающие то есть... Их — это имеется в виду оружие асассинов. То есть батинитов. Мы зовем батинитов асассинами, а Блистающие звали и зовут их оружие — Тусклыми.

«Ну ты прямо мудрец! — донесся до меня приглушенный и насмешливый голос Единорога. — Прямо-таки Сайид-на, Глава Учения... ты думаешь, я обижаюсь, когда ты называешь нас оружием? А мы иногда забываемся и по-прежнему зовем вас Придатками. Ну и что? Положи лучше руку на место, а то слышно плохо... и Дзю ругается, что перевожу не все. Положи, положи, а то переведу ему все, и он тебе вообще жизни не даст!.. Давай, Придаток Чэн, клади ручку на оружие...»

М-да... оказывается, прямое соприкосновение нам уже и не так-то нужно! Слышно просто плохо, а в остальном — все в порядке! Может, я и сам теперь наполовину Блистающий? Особенно если в доспехе.

Или Тусклый?..

Я положил руку на место и не стал переводить Косу наш последний разговор с Единорогом.

И Единорог не стал — только уже Саю, Дзюттэ и Зарахиду.

«Могут, в конце концов, у нас быть маленькие личные тайны?!» — вместе подумали мы.

И улыбнулись.

Ан-Танья в это время нюхал дым от курительных палочек и задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Тусклые так Тусклые, — наконец кивнул он. — У меня другой вопрос есть. Вот напали ваши старейшины на батинитов вопреки клятве и во имя высших целей; остались от Двенадцати и Одного всего двое — к примеру, Седьмой и Девятый, и те исчезли в неизвестном направлении; воцарились кругом мир, тишина и спокойствие опор... судя по тому, что Фань — твой двоюродный прадед, то воцарились они на сотню лет. И весь этот благополучный век раз в десятилетие исчезает кто-то из Блистающих того самого Совета, попробовавшего крови последних свидетелей Истины. А вместе с ними зачастую исчезает или погибает их нынешний Придаток — то есть, я хотел сказать, человек, не имеющий к прошлому клятвопреступлению никакого отношения. Почему? Что ты думаешь по этому поводу, Чэн? Месть? Так непохоже на месть...

Единорог внутри меня грустно улыбнулся.

И заговорил.

А вместе с ним заговорил и я.

— Сроки жизни, Кос, сроки жизни... они ведь у людей и у Блистающих разные. Прошло три-четыре десятка лет — ну пусть даже полвека! — и старейшины-люди, нарушившие клятву, умерли. Думая, что умирают последними убийцами в Кабирском эмирате. А старейшины-Блистающие остались. Весь Совет Высших Мэйланя, что принимал решение о клятвопреступлении, все убийцы поневоле — они остались, Кос! Ты понимаешь?! И они наверняка тоже хотели умереть, уйти из жизни, уничтожить себя — последних носителей зародыша насильственной смерти!..

— Последних свидетелей Истины Батин, — сказал эсток Заррахид, адресуясь к замолчавшему на миг Единорогу. — Настоящих последних свидетелей...

— Все свидетели подобных истин считают себя последними, — бросил с ковра Обломок. — Некоторые изредка считают себя первыми — что, по сути, одно и то же.

— Это потому, что выбора нет, — отозвался Сай. — Или пунцовая кошма, или священный водоем. Или кровь, или гниль. Или-или...

И Дзюттэ впервые ничего не ответил Саю Второму.

Ан-Танья взял в руки одну из курительных свечей и подошел к ковру. Сизая струйка с запахом увядших цветов — сладость и легкий налет тления — достигла Обломка, обвила его и зазмеилась в сторону окна.

— Об этом я не подумал, — Кос слегка прищокнул языком. — Не подумал... тогда понятно. Все вместе старейшины-Блистающие умереть не могут — это вызовет хаос и волну слухов, что может послужить новым толчком к возрождению учения Батин. Двое-то асассинов сбежали...

— Трое, — перебил его Единорог-Я. — Двое сбежали со своим оружием и прихватили с собой меч одного из убитых. Значит, трое Тусклых остались живы. Возможно, они живы до сих пор. Фань не мог этого знать, но мы-то знаем!

— Трое, — согласился Кос. — Выходит, опасность сохраняется. И тогда старейшины-Блистающие решают уходить из жизни по одному. Раз в десять лет. А то, что вместе с ними иногда погибают их нынешние, ни в чем не повинные Придатки — ну, кто же думает о таких мелочах?!

Отблески свечей заиграли на полировке Единорога, и он слегка покраснел.

— Сабля Шамшер иль-Самак как бы случайно попала в колесо арбы, — продолжил Кос. — Копье Катакама Яри как бы случайно сломалось, а наконечник пропал в колодце. Двузубец Ма, Язык кобры...

Ну и память у этого Коса! Если вернемся в Кабир — посоветую эмиру Дауду назначить его городским кади...

— Язык кобры и кинжал Ландинг Терус как бы случайно не доехали до Верхнего Вэя — вместе с двумя людьми-чиновниками, — и их судьба неизвестна. Скорее всего, они погибли. Топор Масакири-кай и веер Сунь-Павлин завели братьев-охотников Акиро и Бэнкея в Кулхан и — опять же как бы случайно — попали в Шулму, где и оказались в священном водоеме. Вот уж небось удивились перед смертью, обнаружив целые толпы последних свидетелей Истины Батин! Меч Цзюваньдао исчез под оползнем вместе с Ю Шикуанем, и Мэйлань дважды остался без правителя — и для людей, и для Блистающих. Скользящий Перст пока еще жив, но в семнадцатом году «Спокойствия опор», как записано в...

Кос вдруг резко умолк и уставился на меня.

— Да что ж это я... — пробормотал он. — Тут и дураку ясно! Кто-то ведь должен следить за уходом старейшин, кто-то должен иногда помогать им уйти; и потом, спустя сто тридцать лет после клятвопреступления — кто-то ведь должен, если понадобится, рассказать обо всем новому Совету! Должен же кто-то быть последним свидетелем последних свидетелей!..

— Матушка Ци? — недоверчиво спросил я. — Да нет, быть не может — ей же никак не сто с лишним лет! Ты что, Кос? Дыма нанюхался?!

— Я — что?! — заорал ан-Танья. — Это ты — что! Сам же рассказывал, что пока я со старухой в караван-сарае Беседовал, ты с Единорогом разговаривал! О чем?! Переводи, Высший и недогадливый Чэн — к кому обратятся старейшины Совета Высших Мэйланя в таком щепетильном случае?! Сай, Дзю, Заррахид — к кому?! Единорог — к кому?! К кому обратятся Блистающие?!

— К Чань-бо, — прошептал Единорог-Я.

— К Чань-бо, — шевельнулся на ковре Обломок.

— Похоже, — согласился Заррахид.

— Не знаю, — сказал Сай. — Но думаю, что вы правы.

— То-то же, — победно заявил Кос, когда я повторил ему все, сказанное Блистающими. — К Чань-бо. К этой помеси посоха, лопаты, вил и парадного бунчука. К мудрому молчаливому Чань-бо, от которого уходят окрыленными — пусть даже и на тот свет.

И, подумав, добавил:

— Да и старуху не стоит сбрасывать со счетов. Она наверняка что-то знает. И потом — может, этой ведьме и впрямь лет сто... или двести.

— Возможно, Кос прав...

Единорог говорил вслух, что для нас двоих было вовсе не обязательно. Но нас в комнате было больше, чем двое.

— Возможно, Кос, ты прав, — повторил я.

— Да, Единорог, — повернул ко мне голову безошибочный ан-Танья. — Да, я тебя слушаю.

— Ты можешь быть прав во всем, Кос, или не во всем; ты можешь быть совсем не прав, но это неважно. Тем более, что если мы рассмотрим тайный договор, подписанный кровью и пеплом, не как сделку между старейшинами-людьми и людьми-батинитами, а как сделку между Блистающими Совета и Тусклыми, тогда все поначалу выглядит проще и не так ужасно. Ведь отнюдь не при каждой жертве Прошлым богам ломалось оружие бойцов — то есть погибал Блистающий или Тусклый! В основном, как пишет Фань, смертельный поединок заключался в обязательной гибели одного из людей! То есть гибли Придатки, и Тусклые с Блистающими совета расходились в разные стороны, искать новых Придатков для следующего жертвоприношения...

— Проще и не так ужасно, — после паузы сказал Кос, с силой сжав кулаки. — Нет, я не обижаюсь... не обижаюсь.

— Иногда мне кажется, — бесстрастно прошелестел Заррахид, — что мы не заслуживаем таких Придатков. Мы — возомнившее о себе железо... нет, не заслуживаем.

А вот этого я Косу переводить не стал.

— И поэтому, — продолжил Единорог-Я, — когда старейшины-Блистающие шли на клятвопреступление, они в последнюю очередь думали о своих Придатках. Я полагаю, что если можно было бы истребить Тусклых, не убивая их Придатков — старейшины пошли бы на это с большей радостью. Придатки живут недолго, и это человека-Фаня волновало бегство двоих асассинов — а Блистающих гораздо больше заботило исчезновение троих Тусклых! Которые способны были воспитать новых Придатков... и найти новых Блистающих, согласных потускнеть.

— В Шулму бы их, — мечтательно скрипнул Сай Второй. — Вот где разгулялись бы...

Он осекся, а Кос побледнел. За время нашего путешествия с караваном я успел рассказать ан-Танье все, что

знал о Шулме от Друдла, Детского Учителя, Сая... все, что знали о Шулме я и Единорог.

— Один против восьми, — еле слышно звякнул Сай. — Всех убил. И уши заставщикам отрезал. Сам явился на той, добровольно...

— Джамуха Восьмирукий! — не сговариваясь воскликнули я и Кос.

— И Блистающий Чинкуэда, — добавил со стены Обломок.

— Тусклый Чинкуэда, — поправил его эсток. — Тусклый... последний свидетель Истины Батин. Да, он обязательно вернется в Кабирский эмират, потому что он ничего не забыл! И он вернется не один, этот последний свидетель Чинкуэда...

Я с тоской посмотрел в окно. Черное небо и три робкие звезды в углу окна жмутся друг к другу, словно в страхе перед молчащей пустотой... Как же я мог забыть!

— Он, конечно, вернется, — вполголоса сказал я. — И Джамуха Восьмирукий, вождь орд шулмусов, и Тусклый Чинкуэда, вождь Диких Лезвий Шулмы — но здесь их будут ждать! Их даже встретят с радостью! — их встретят Двенадцать и Один!

И Я-Единорог рассказал о нашей Беседе у пруда с Эмрахом ит-Башшаром из Харзы и Поясом Пустыни, Маскином Тринадцатым, некогда Седьмым.

Некоторое время все молчали.

— Теперь я понимаю, — закончил Я-Единорог, — почему Прошлые боги ждали целый век! Тусклые-батиниты, невзирая ни на что, не нарушили клятвы. Они искали таких, как Пояс Пустыни, собирая их по одному, они учили, воспитывали, скрывались — и вот теперь их снова Двенадцать и Один, и пока Чинкуэда готовит Шулму, здесь в Мэйлане в самом скором времени состоится очередная жертва Прошлым богам!

— Тогда выходит, — вмешался Сай, — что они не хуже меня знают о том, что Но-дачи и Кунда Вонг в Мэйлане! Ведь это именно Придатка Кунды хочет убить этот Пояс Пустыни... А как же они, небось, радовались всему тому, что мы творили в эмирате! Ведь это для Тусклых было возрождением Истины Батин, концом одиночества и скрытности!..

— И твои приятели, Вилорогий, вполне могут примкнуть к Тусклым, — заявил Обломок весьма противным и въедливым тоном. — Ну, убьет этот харзиец Придатка Кунды — надо ж на ком-то научиться всерьез, кроме собак

да обезьян! — потом подыщут Кунде совместными усилиями нужного человека-батинита из желающих мстить кому-нибудь... А Но-дачи вообще в Сайид-на изберут, Главой Учения будет! Вполне достоин, по-моему...

— Ты никогда не сможешь простить мне смерть Наставника? — напрямик спросил Сай. — Да, Дзю?

— Дурак, — буркнул Дзюттэ, но уже совсем по-другому. — Прощать его, понимаешь ли... если б я на тебя зло держал — сломал бы тебя еще при первой Беседе, в караван-сарае, и было б тебе прощение!.. Только я тупой да отходчивый. Так что терпи и помалкивай! Кстати, Вилорогий — ну я ладно, я старый дурак, а ты какой? В смысле — тебе-то сколько лет?

— Пятьдесят два года, — гордо ответил Сай.

«Пылающая Нюринга! — беззвучно ахнул Единорог. — Да он же еще подросток!..»

Заррахид только дрогнул слегка и не сказал ничего.

У меня в голове пока еще плохо укладывалось, что пятьдесят два года — это даже не молодость, или, в крайнем случае, самое ее начало... но я решил, что привыкну и к этому.

— Ясно, — подвел итог Дзюттэ. — Отсутствие ума и дурное общество. Шулма, герой-Но, братья-недоросли, Шото еще этот... Воспитывать тебя некому.

— Почему это некому?! — взвился Сай. — Я, между прочим...

— Ты, между прочим, помалкивай, когда старшие говорят, — осадил его Обломок. — Я тебя не в десять и не в пятнадцать раз старше. И сказать хотел вот что: воспитывать тебя некому было. Было! А теперь — есть кому. Вот что я хотел сказать.

Сай посмотрел на Обломка с нескрываемым ужасом. По-моему, он понял, кого имел в виду Дзюттэ, говоря о воспитателе.

— Никогда, — зазвенел он, — никогда ни Кунда, ни Но, ни любой другой Блистающий с пунцовой кошмы не примкнет к Тусклым! Мы не хотели быть убийцами, нас вынудили к этому — как Тусклые вынудили старейшин Совета — и мы убивали сначала, чтобы выжить, а потом, чтобы научить выживать вас; но никогда не убивали мы просто так, или во имя веры, или для удовольствия!

Сай прерывисто задребезжал, и, будь он человеком, я бы сказал, что он плачет.

— А харзиец этот ваш болван деревянный! — уж со-

всем невпопад закончил он. — Болтливый язык Рудного Полоза! Придатка Кунды он, видите ли, убьет... ее в Шулме не такие убить пытались! Вот!..

— Ладно, ладно, — успокаивающе начал было Я-Единорог, не успев обратить внимания на это «ее», применительно к Придатку Кунды Вонг, но тут в дверь постучали.

— Кто там? — крикнул я.

— Послание Высшему Чэну Анкору от Юнъэр Мэйланьской! — донеслось из-за двери. — Гонец только что доставил...

Дверь робко приоткрылась и в щель просунулась рука со свернутым в трубку посланием, запечатанным ярко-красной печатью.

— На ночь глядя... — проворчал я, вспомнил, что уже давно ночь, расстроился еще больше, подошел к двери, забрал и распечатал депешу, и долго смотрел на нее, вникая в смысл иероглифов.

— Спать, — наконец приказал я, не оборачиваясь. — Всем спать. Нам с Единорогом завтра утром рано вставать.

— Приглашение? — поинтересовался догадливый Кос.

— Приглашение. На утреннюю верховую прогулку по городу. Даже коня из личных конюшен обещает прислать в подарок. Вот напасть-то! Ехать не хочется, а отказаться неудобно.

— Женихи, — рассмеялся на ковре Обломок. — Нет, все-таки хорошо быть шутом! Шутом — хорошо, а женихом — плохо! Новая истина учения Батин!

— А я не поеду, — вдруг заявил Единорог, причем вслух, чтобы все слышали. — Про меня в послании ничего не сказано. Я — оружие, чего мне ехать да мешать людям разговаривать... И спицы опять приставать начнут... нет, не поеду.

— Скотина ты, а не Блистающий, — беззлобно ругнулся я. — Ладно уж, сам поеду... за двоих отдуваться.

И швырнул послание на стол.

Глава семнадцатая

1

Мне снился сон. Я был мечом.
В металл холодный заточен,
Я этому не удивлялся.
Как будто был здесь ни при чем.
Мне снился сон. Я был мечом.
Взлетая над чужим плечом,
Я равнодушно опускался.
Я был на это обречен.
Мне снился сон. Я был мечом.
Людей судьей и палачом.
В короткой жизни человека
Я был последнею свечой.
В сплетеньи помыслов и судеб
Незыблем оставался я.
Как то, что было, есть и будет,
Как столп опорный бытия.
Глупец! Гордыней увлечен,
Чего хотел, мечтал о чем?!
Я был наказан за гордыню.
...Мне снился сон. Я *был* мечом.

Один раз среди ночи я проснулся.

Обычно я сплю на боку, но на этот раз я спал на спине, и моя правая рука, рука аль-Мутанабби, лежала на моей груди.

Напротив сердца.

Сердце билось ровно и спокойно.

2

Утром меня разбудило ржание. Надо сказать, очень требовательное и довольно-таки наглое ржание. Первой моей мыслью было: «Какой олух вывел выгуливать коня в такую рань, да еще по эту сторону пруда?!» Вторая мысль была уже иной: «Ушастый демон У! Я, наверное, проспал время назначенной прогулки, и теперь госпожа Юнъэр в гневе явилась ко мне и ржет под окном! Вернее, это ее лошадь ржет под окном... в гневе. Стыд-то какой!»

Третья мысль была самой короткой: «Кто бы ни ржал — пора вставать!»

На этом мысли закончились, я мигом соскочил с кровати и выглянул в окно. Во дворе неизвестный мне конюх (впрочем, его ярко-желтая куртка была украшена гербом Мэйланя — алебарда, увитая плющом) держал под уздцы коня. Огромный, абсолютно черный зверь, вне всяких со-

мнений, ужасно породистый — ишь, шея какая, и ноги как из мрамора выточены! — и от осознания своей породистости весьма злобный и своенравный. Конюх воспринимался конем как личное оскорбление, и жеребец (ясно, что не мерин!) вставал на дыбы, бил копытом, фыркал, заносчиво косился по сторонам и норовил вырваться из цепких рук конюха.

И впрямь — Ушастый демон У! Или его последнее воплощение...

Можно было не сомневаться, что скакуна мне прислала любезная госпожа Юнъэр. Из личных конюшен. Не опозориться бы, на этаком ночном кошмаре!.. Ладно, позавтракать смогу позже, а сейчас — собираться — и вниз. Доспех одевать или нет? С одной стороны — зачем он мне на прогулке, а с другой — лучше все-таки одену...

Будем считать, что в нем я красивее.

При помощи разбуженного тем же ржанием Коса я облачился в нижнюю одежду, нацепил сверху панцирь, надел левую перчатку, наручи, подпоясался, затем набросил сверху марлотту, водрузил шлем-тюрбан и спустился вниз.

Единорог, пока я одевался, смирно лежал на столе и делал вид, что спит.

...Когда я подошел к коню, Демон У (так я решил называть черную бестию, независимо от первоначального имени), подозрительно скосил глаз в мою сторону и вздернул верхнюю губу.

Погоди, ты у меня сейчас посмеешься!..

— Благородная госпожа Юнъэр, правительница Мэйланя... — начал было конюх, но я отмахнулся от него и забрал поводья. Потом я подмигнул коню, потрепав его по морде, а когда возмущенный жеребец оскалился — сунул ему прямо в огнедышащую пасть правый кулак. Собственно, мог и левый сунуть, но решил не рисковать. Левые-то пальцы свои, а правые — Кобланова! Пусть перчатки и одинаковы...

Демон У, как и предполагалось, немедленно укусил меня за руку, и рука аль-Мутанабби произвела на него неизгладимое впечатление. Особенно когда я добавил ею же Демону по шее. Не то чтоб очень уж сильно, но весомо и обидно. Демон У задумчиво всхрапнул, уважительно покосился на чешуйчатый кулак, оглядел меня с ног до головы (вот когда я порадовался, что в доспехе!), еще раз всхрапнул — и я вскочил в седло со всей ловкостью, на которую был способен.

Конь заплясал подо мной, обалдевший конюх отскочил

в сторону, но я слегка натянул поводья — и Демон У, к моему глубокому удивлению, тут же успокоился. Тогда я несильно повел коленями — и жеребец уверенной рысью направился в обход пруда.

Норов норовом, а вышколен Демон был замечательно.

Положительно, он начинал мне нравиться.

Как и я — ему. Зубы целы остались, вот пусть и радуется...

Привратник распахнул передо мной ворота, я улыбнулся ему и топору Ляо — последний оставил мою улыбку без внимания — и отправился на званую прогулку.

3

Когда я подскакал к воротам двора, услужливо распахнутым передо мной стражниками, Юнъэр Мэйланьская уже ехала ко мне навстречу. Ее белая лошадь была, по-моему, Сандуанской породы — после укрощения Демона мои куцые знания конских статей так и норовили вылезти наружу, — а сама госпожа Юнъэр облачилась в атласные шаровары цвета заката, остроносые туфельки, расшитые бисером, и длиннополый фиолетовый халат с изображениями голенастых рубиновоглазых драконов.

Сегодня правительница выглядела совсем не так, как на незабвенном празднестве, и пусть образ Чин в костюме для верховой езды был довольно свеж в моей памяти, но я не мог не отметить редкую соблазнительность вдовой госпожи Юнъэр.

Ну что, отметил?

Отметил.

Как ты думаешь, Чэн-дурак, она этого не знает?

Разумеется, знает.

Ну и?..

Ну и не и.

...Спустя несколько минут мы чинно, по-семейному (о все ады Хракуташа!) ехали рука об руку прочь от дворца. Юнъэр мило улыбалась мне, воркуя о чем-то до невозможности светском, но я сразу понял, что она расстроена.

— Куда мы направляемся, благородная госпожа? — осведомился я с беззаботностью, стоившей мне седых волос.

Юнъэр махнула рукой куда-то в сторону восточной части города, где я еще не бывал. Впрочем, а где я бывал?!

В молчании — после моего вопроса она больше не заговорила — мы проехали несколько кварталов; встречен-

ные горожане почтительно кланялись нам, но не более того... и наконец я не выдержал.

— Простите мою назойливость, благородная госпожа, но сегодня мы явно в плохом настроении. Потому позвольте спросить вас: что могло огорчить правительницу процветающего Мэйланя в столь прекрасное утро?

Я попридержал Демона У, чтобы случайно не опередить белую кобылу Юнъэр.

— Вы, Высший Чэн, — коротко ответила Юнъэр Мэйланьская и посмотрела прямо в глаза.

Клянусь священным водоемом Шулмы, она умела заглядывать так глубоко (несмотря на лечение Обломка), что мне стало неловко — совершенно непонятно, с чего бы?!

— Я? В чем же я провинился, милостивая госпожа?! Вы только намекните мне — и я мигом заглажу мою вину!

— Попробуйте догадаться сами, — она слегка улыбнулась.

Эта тень улыбки свидетельствовала о том, что малую часть своей таинственной вины я, похоже, успел загладить — и я вздохнул с некоторым облегчением.

— Еще раз прошу простить вашего покорного слугу за его недогадливость — но все же я не в силах понять...

— Весь Мэйлань уже недели три твердит о нашей помолвке и будущей свадьбе, эмир Кабирский Дауд Абу-Салим прислал поздравление с вестовым соколом, которому нет цены ни в кабирских динарах, ни мэйланьских лянах, — она говорила потупившись, но с очаровательной твердостью. — Я слышу об этом ото всех, кроме вас, Высший Чэн! Я понимаю — политика не всегда в ладах с сердцем — но мне хотелось бы все же выслушать вас, как наследного вана Мэйланя и просто как Чэна Анкора, и в случае чего прекратить все эти досужие разговоры и... и...

Я невольно повторил жест Коблана, хлопнув себя ладонью по лбу. Раздался звон. Юнъэр восхищенно посмотрела на меня, а я чуть не выругался, вспомнив про латную перчатку и шлем под тюрбаном.

Вот чего она ждет от меня! Официального предложения или прямого отказа от всех этих помолвок и свадеб!.. Юнъэр, конечно, женщина настойчивая и целеустремленная, но такие вещи первым должен говорить мужчина — а я молчу...

И буду молчать. Или почти молчать.

— Я хочу, благородная госпожа Юнъэр...

— Можно просто Юнъэр. Или — Юн.

Юн — это по-мэйланьски «весна». Весна...

А сейчас — начало осени!

— Ну хорошо... Юнъэр. Просто я хочу разъяснить создавшееся положение. (Ишь, слова-то какие выискиваю!) Не то чтобы я был против нашей свадьбы (так против я или не против?!)... и я понимаю, что... (а что я, собственно, понимаю?!), но у меня в Кабире осталась невеста, или почти невеста, и вообще...

— Так вот что сдерживало тебя! — просияла Юнъэр (можно просто Юн). — Но по законам эмирата у мужчин может быть четыре жены! Или ты исповедуешь Хайракамскую ересь?

— Ни в коем случае, — возразил я, понятия не имея про эту самую ересь, но уже не любя ее всем сердцем.

— Или, может быть, ты тайный дейлемский жрец-евнух?

— Я?!

Еще минута — и она узнала бы, какой я евнух!..

— Тогда все в порядке! И я не стану возражать, чтобы она — твоя почти невеста — стала твоей женой. Второй. Со временем ты сможешь выбрать и третью, и четвертую — но я, как ты сам понимаешь, должна стать первой.

В голосе Юнъэр на мгновение пробились тревожные нотки.

— А кто она, Чэн?

Ах так... уже просто Чэн?

— Она — благородная госпожа Ак-Нинчи из рода Чибетей.

— Чибетей, Чибетей... Кажется, это из Высших Малого Хакаса?

— Да.

— Прекрасно! Ты — умница! С политической точки зрения такой союз сулит немалые выгоды... хотя, полагаю, ты выбирал эту самую Ак-Нинчи не только по политическим соображениям?

— Ну... — промямлил я. — В некоторой степени... то есть я хочу сказать, что при соответствующих обстоятельствах был бы рад видеть тебя своей женой...

Огласить список соответствующих обстоятельств мне не дали.

— Как я рада, Чэн! Конечно же, я принимаю твое предложение, тем более что приготовления к нашей свадьбе займут не более недели! Я понимаю, что ты должен...

Влип!

Получается, что я уже сделал ей предложение. Более того — мы обсудили мой второй брак с Чин. Весьма выгодный по политическим соображениям. Прав был покойный

Друдл — как у Чэна-дурака... Ну куда меня — в правители?! Я им тут науправляю...

С некоторым усилием я сотворил радостное выражение лица — получилось криво и неестественно, но лучше у меня не вышло — и сказал громко и возбужденно:

— Отлично, Юн! Я рад, что между нами теперь нет недоговоренностей. А Ак-Нинчи я как-нибудь сообщу...

По-моему, я собирался сказать совсем не то.

— Если хочешь, Чэн, — я пошлю сокола.

— Нет, — слишком поспешно возразил я. — Сперва я все взвешу (да уж!), а там и...

«Во всякой ситуации надо находить свои приятные стороны», — философски подумал я, выяснив, что мы уже целуемся. А целоваться госпожа Юнъэр — можно просто Юнъэр, или даже Юн — умела мастерски! Хорошо, что Демон У был занят покусыванием шеи белой кобылки и тихо стоял на месте.

Интересно, а когда это мы остановились?

Нет, это мне уже не интересно... может, я правильно сделал ей предложение?

Или что я там ей сделал?.. а Чин возьмем второй женой...

4

...После этого мы некоторое время ехали молча бок-о-бок, а там я снова не вытерпел первым:

— И все-таки — куда мы направляемся, Юнъэр?

— К воротам Семи Небес, — с лукавой и в то же время умиротворенной улыбкой ответила она. — Эти ворота были установлены в Мэйлане на площади Фонтанов более восьми веков тому назад. Легенда гласит, что ворота эти везли на семи парах быков из самой Кимены, где их узорчатые створки ковали лучшие мастера; одни говорят, что по личному заказу тогдашнего Мэйланьского правителя, другие — что ворота были просто захвачены в Кимене мэйланьским полководцем Цао Дунем и перевезены сюда, как трофей. Во всяком случае, сейчас они стоят на площади Фонтанов и открываются лишь для того, чтобы через них проехал свадебный кортеж новой семьи правящего дома. И мы с тобой тоже будем проезжать через ворота Семи Небес. Сейчас ты их увидишь.

Мы еще раз свернули за старым храмом и вскоре действительно выехали на площадь. Воистину, это была Пло-

щадь Фонтанов: прозрачная вода с тихим шелестом текла по огромным мраморным ступеням, а вокруг каскада били фонтаны — в виде изогнувшихся диковинных рыб, мастерски раскрашенных золотом, лазурью, серебром и нефритовой зеленью: синие, черные, красные и желтые драконы, тигры, грифоны и какие-то уж совсем неведомые мне чудища... Фонтаны шумели, плескались, журчали; вода весело взлетала в воздух то тонкими струйками, то величественными, медленно опадающими столбами, рассыпаясь мелким дождем.

В воздухе висела водяная пыль, и лучи утреннего солнца, пронзая ее, рождали яркую радугу.

Это было не просто красиво — это потрясало! Вдобавок ранняя свежесть напоенного влагой воздуха — и еще не пропавший вкус поцелуя Юнъэр на губах...

— Ворота... — услышал я странно дрогнувший голос Юнъэр.

— Что — ворота? — повернулся я к ней. — Я не вижу никаких ворот... одни фонтаны — правда, очень красивые! Нет, действительно...

— Ворота! — вскрикнула Юнъэр. — Их нет! Ворота исчезли!..

5

Ворота Семи Небес, оказывается, исчезли. Хотя не совсем. Одна стойка все же осталась. По ее размерам я сумел приблизительно представить, каковы же были исчезнувшие ворота.

Легенда явно преувеличивала насчет семи пар быков — или быки восемьсот лет тому назад были на редкость чахлые, — но ворота были-таки не маленькие. От стойки их просто-напросто оторвали — судя по скрученным и лопнувшим в нескольких местах петлям. Не знаю уж, кому это оказалось под силу. А вторую стойку вообще выворотили из брусчатки площади и унесли вместе с воротами.

Сомнительно, чтобы для этого сюда пригоняли семь пар быков — ночью, по спящему городу... Липнут они ко мне, все эти происшествия, что ли?!

Юнъэр чуть не плакала от обиды и негодования, и я стал ее утешать — мол, ворота не иголка, найдутся, поставят их на место, и вообще, Юн, не стоит принимать это так близко к сердцу, ну, побесились какие-то глупые шутники, так найдут их, и плетей дадут, чтобы впредь неповадно было...

Я ее уже почти успокоил, когда прискакал гонец на взмыленной соловой лошадке, к которой тут же стал присматриваться мой Демон.

— О правительница Мэйланя, благородная госпожа Юнъэр. — поспешно заговорил гонец, соскакивая с лошади и припадая на одно колено, — мне велено сообщить Вам, что ворота Семи Небес похищены...

— Что трудно не заметить, — холодно бросила Юнъэр. — Это все?

— Нет, не все, благородная госпожа...

— Говори! Ну!..

— Ворота найдены!

— Ну вот, я же говорил, — пожал плечами я.

— Тогда почему мне не сообщили раньше о похищении ворот? — Юнъэр старалась казаться строгой, но сейчас у нее это плохо получалось — известие, что злосчастные ворота отыскались, немедленно вернуло ей прежнее самообладание.

— Мы... мы не решались сообщить Вам о пропаже ворот, пока они не будут найдены, благородная госпожа! И когда нам доложили, где они сейчас находятся...

— Ну и где же они находятся?

Гонец побледнел и почему-то замялся.

— Они... они стоят, благородная госпожа...

Он собрался и выпалил единым духом:

— Они стоят у входа на городское кладбище!

«Кто-то очень не хочет, чтобы наша свадьба состоялась, — подумал я. — Гораздо больше не хочет, чем, к примеру, я...»

И про себя усмехнулся.

Юнъэр в свою очередь побелела, как мел.

Кажется, она тоже поняла это.

6

— На кладбище! — властно крикнула Юнъэр, разворачивая свою лошадь. — Немедленно!

Я не тронулся с места. Во мне проснулись сразу два чувства, заговорив о себе с не меньшей властностью, чем та, что была в голосе Юнъэр Мэйланьской.

Первым было упрямство — гибкое и неуступчивое, как клинок Единорога. Пусть гонец и кинулся сломя голову к своей соловой кобыле — я не гонец и не мальчик на побегушках, чтоб не размышляя выполнять чужие приказы.

Я — Чэн-в-Перчатке. Даже если иногда я об этом забываю.

Упрямство было весьма кстати — жаль только, что запоздало слегка... глядишь, и выпутался б из разговора о свадьбе с большим успехом.

Вторым же чувство было любопытство — из тех побуждений, что заставляют с улыбкой заглянуть в Восьмой ад Хракуташа.

— Успеется! — возразил я, поднимая Демона на дыбы и вынуждая гонца отскочить в сторону от соловой, бросив поводья. — На кладбище никогда не следует торопиться! Эй ты, кладезь хороших новостей, иди-ка сюда! Ну иди, иди, не бойся...

— Я слушаю вас, Высший Чэн! — поспешно крикнул гонец, и я спиной почувствовал удивленный взгляд Юнъэр.

Взгляд скользнул по спине и отскочил от панциря.

Во всяком случае, мне так показалось.

— Садись на лошадь, — гонец так и не осмелился приблизиться к Демону, и мне пришлось повысить голос. — И проскачи по ближайшим кварталам. Живо! Найдешь с десяток жителей — только чтоб разговорчивых и из тех, что страдают бессонницей — и тащи их сюда! Мигом!

— Да, Высший Чэн! — просиял гонец, напрочь забывший о присутствии правительницы. — Я сейчас... я понял вас!..

И — только копыта простучали по площади Фонтанов.

Тогда я пнул Демона У пятками в бока и неторопливо объехал вокруг накренившейся стойки — единственного, что осталось от ворот Семи Небес.

— Тихо снять такие ворота невозможно, — бросил я, разглядывая покореженные петли. — И...

— Их вообще невозможно снять! — запальчиво воскликнула Юнъэр и осеклась, поняв неуместность своих слов.

— Тихо снять такие ворота невозможно, — повторил я. — Да и не пытались их снимать тихо. Вон, и по петлям чем-то тяжелым били, и мостовая разворочена... Ну ладно, площадь, фонтаны шумят, жилые дома неблизко — но грохот, небось, квартала на четыре разносился! Если не больше... опять же — может, кто-то видел что-нибудь, или слышал, или еще что! А кладбище подождет... кладбище нас подождет.

— Возможно, я немного ошиблась, — задумчиво произнесла Юнъэр, подъезжая ко мне.

— В чем?

— Да так... нет, я даже рада! Просто непривычно слегка...

Потом мы молчали до тех пор, пока не вернулся взмокший гонец вместе с дюжиной мэйланьцев, шумных и оживленно жестикулирующих.

Когда я научился выделять из общего гама отдельные слова и складывать их в осмысленные фразы — я узнал следующее.

Ворота Семи Небес были украдены царем всех людоедов-ракшасов и леших-якшей, кровавоглазым и двухголовым Бхимабхатой Шветой. Понадобились они этому самому Швете для его свадьбы с кабирской Матерью всех песчаных ведьм-алмасты, Шестиносой Аала-Крох, которая (то бишь свадьба) состоится на мэйланьском городском кладбище в самое ближайшее время. После свадьбы Бхимабхаты Шветы с Матерью алмасты должно, по идее, наступить светопреставление, но это еще точно неизвестно.

Зато было точно известно, что этой ночью на площади Фонтанов побывали два доверенных великана любвеобильного Шветы — поросший белой шерстью с головы до ног гигант Амбариша с пылающим мечом и его родной брат, владелец палицы Конец мира, исполин Андхака (тоже поросший шерстью, но в отличие от Амбариши, черного цвета).

Вот эти-то два очаровательных черно-белых братца и занялись воротами, время от времени прикладываясь к бочонку настойки Огненного дракона. Кстати, как шепнула мне Юнъэр, такая настойка действительно существовала — она олицетворяла мужское начало и подавалась к столу в исключительных случаях (например, свадьба в правящем семействе), да и то крохотными символическими порциями.

Лишь губы омочить.

К середине рассказа — который я для себя назвал «Касыдой о похищении ворот Семи Небес» — обнаружился еще один свидетель, приведенный расторопным гонцом. Свидетелем оказался щуплый подметальщик улиц Цунь Шлеп-нога, которого этой ночью нелегкая занесла на площадь Фонтанов в самый разгар безобразия расшалившихся великанов.

Цунь Шлеп-нога не убоялся грохота палицы Конец мира и полыхания меча Амбариши по одной причине — он был сильно пьян и искал прохладного убежища подле любимого фонтана в виде оскалившегося тигра, а шум в ушах, блеск в глазах и качающуюся землю бедняга Цунь воспринимал довольно-таки равнодушно.

В первый раз, что ли...

— Что, и великанов видел? — недоверчиво спрашивал я у Цуня, терпящего жестокие муки утреннего похмелья. — Этих... с шерстью?!

— Видел, — упрямо мотал кудлатой головой Шлеп-нога. — С шерстью. Большущие...

— И ворота именно они ломали? — хмурился я.

— А то кто же?! — не сдавался герой Цунь. — Они, понятное дело... Амбариша да Андхака. Дубиной как дадут, мечом как полоснут, а после драконовку кружками хлещут! Аж шерсть дыбом! И мне поднесли, не погнушались...

— Что поднесли-то?

— Как что? Эту... настойку на Огненных драконах! Только я не великан, я больше одной кружки не осилил... я когда проснулся — ни великанов, ни ворот. Ни драконовки... Всю выхлестали, гады косматые, а то, что человеку с утра поправиться надо — это им без разницы! Хорошо, хоть не закусили мною, пока спал...

Юнъэр внимательно слушала, не перебивая, и, по-моему, была готова поверить во что угодно — вплоть до царя якшей и ракшасов, двухголового Бхимабхаты Шветы.

Я кинул Цуню монету и одобряюще улыбнулся Юнъэр.

— А теперь — на кладбище! — крикнул я неестественно веселым голосом.

Толпа свидетелей понимающе закивала головами.

— Кладбище — это правильно, — пряча монету за щеку, сообщил повеселевший Шлеп-нога. — Вот и Андхака мне так говорил — быть, мол, всем вам на кладбище! В самом скором времени... Рычит, подлец, хохочет, а сам дубиной по воротам, по воротам! И изо рта язык пламени локтя в полтора...

И он довольно-таки неприлично показал длину языка Андхаки.

7

Кладбище было как кладбище — если не считать того, что перед входом в него гордо стояли ворота Семи Небес.

А вокруг ворот стояла такая толпа, что казалось, будто половина Мэйланя умерла нынешней ночью от красной оспы, а оставшаяся половина явилась хоронить усопших.

Сами ворота были каким-то невообразимым образом прикурочены к прутьям ограды кладбища — в месте свеженького пролома, — а за воротами шагах в двадцати начинались чистенькие беленькие надгробия со столбиками, исписанными иероглифами; и узорчатые створки знаменитых ворот Семи Небес жалобно скрипели под порывами ветра.

— Незапертые они, — услужливо доложили нам сразу два голоса. — Добро, мол, пожаловать... засова нет, потому и не запертые. Скрипят, как не знаю что...

— А засов великаны украли, — вмешался еще один знаток. — Для важного дела.

— Для какого дела? — машинально спросил я.

— Для важного, говорю! Девственность невесты проверять будут. С Матерью алмасты, Шестиносой Аала-Крох, иначе нельзя... опять же если Бхимабхата Швета ослабел, то засов для брачной ночи как нельзя лучше!..

— Медный он, засов этот, — тихо сказала мне Юнъэр. — Целый брус меди, шести шагов в длину. Его и вынимали-то из ворот раз в десять лет, по праздникам...

Я с уважением подумал о девственности Шестиносой Аала-Крох — хотя мне было совершенно непонятно, как Аала при такой непробиваемой девственности исхитрилась стать матерью, да еще Матерью всех алмасты.

Ладно, с этим пускай царь Бхимабхата разбирается, а у меня — при всем моем к нему сочувствии — и без того дел по горло.

Толпа послушно расступилась перед моим Демоном У — полезный,однако, конь оказался! — и я некоторое время разглядывал ворота Семи Небес. Мне было не до искусства кименских мастеров, хотя и впрямь узор створок был весьма красив. Я смотрел, и в голове моей отнюдь не теснились какие-то особые догадки. Просто смотрел. Сам не знаю зачем. И, судя по тому, что я видел на площади Фонтанов и здесь, без великанов дело не обошлось. Без этих... Амбариши да Андхаки. Ох, что-то и я заговорил, как Цунь Шлеп-нога!.. Амбариша, Андхака, шутники косматые, любители хлебнуть драконовки... М-да, весело, прямо скажем, дела разворачиваются!

Юнъэр, не поехавшая за мной и оставшаяся вне толпы, выслушивала доклады многочисленных чиновников в жестких четырехугольных шляпах. Нет, на чиновниках была и всякая другая одежда, но именно шляпы сразу бросались в глаза. Чиновники говорили, Юнъэр кивала, я хмурился и смотрел на ворота, Демон У переступал с ноги на ногу и замышлял какую-то пакость.

Отличное времяпровождение, не так ли?!

За моей спиной раздался изумленный гул, и большая часть толпы сорвалась с места, побежав в неизвестном направлении. Я подъехал к Юнъэр и чиновникам, где и узнал, что найден засов.

Только за ним надо отправляться к городским винным погребам.

Вот мы и отправились — по пути размышляя о таинственной связи городских винных погребов с девственностью Матери алмасты, Шестиносой Аала-Крох.

Размышления ни к чему не привели — разве что к погребам, двери которых были наглухо заколочены. Медным засовом от ворот Семи Небес. Он держался на огромных крюках, явно вбитых в стену этой ночью белым Амбаришей, который после заложил дверь засовом и загнал верхние концы крюков в ту же многострадальную стену.

Поскольку засов был существенно длиннее двери погребов, и даже длиннее расстояния между вбитыми крюками, — примерно локтя на полтора-два с каждой стороны — то концы его были круто загнуты вниз и внутрь, образуя чуть ли не кольца вокруг крюков. Видимо, брат-Андхака тоже времени даром не терял.

Юнъэр отдала необходимые распоряжения, к погребам были немедленно доставлены местные молотобойцы с переносными горнами и прочими инструментами — и дело пошло.

Впрочем, пошло оно туго. Лишь через час дверь сумели открыть, а выпрямление засова и приведение его в первоначальный вид должно было отнять гораздо больше времени.

...Когда мы спустились в подвалы, то сопровождавший нас Главный смотритель из семьи потомственных смотрителей винных погребов чуть не потерял сознание, и мне пришлось приводить его в чувство.

Я бы и не заметил, что из некоторых бочек пробки были вынуты, а затем вставлены на место — но Главный смотритель просто не мог пропустить такого вопиющего безобразия. Более того, над бочкам с нарушенной невинностью прямо на белой известке стен были сделаны надписи.

Писали факелом — вернее, копотью от него.

Вот я и читал мнения великанов о мэйланьских и привозных винах, заодно выслушивая краткие реплики-причитания смотрителя о содержимом бочек.

«Дрянь!» (белое сухое, сафед-кухская лоза, год я не запомнил). «Дрянь!» (красное сухое, лоза Аш-Шиннар, местное). «Дрянь из дряней!» (полусухой фаррский мускатель). «О-о-о!» (тахирский розовый мускат, мой любимый, вдобавок девятнадцать лет выдержки). «Дрянь, но ничего!» (десертный красный узбон, пять лет назад доставлен из Дурбана). «Это только под человечину!» (мэйланьское крепкое с добавлениями настоев трав и кореньев)...

И так далее в том же духе.

Мнения великанов о винах и настойках разнообразием не отличались, хотя мысленно я почти одобрил их вкус — имея в виду вкус к выпивке, а не вкус к погромам. Тут мы зашли в маленькую комнату, где было ужасно холодно, и там Главный смотритель все-таки упал в обморок.

Пока его отпаивали и хлопали по щекам прибежавшие на крик Юнъэр помощники, я сообразил, что надписи копотью на стенах сделаны по-кабирски. Собственно, многие в Мэйлане прекрасно говорили на кабирском языке, считавшемся государственным, а также на дубанском, хакасском и некоторых других языках; мэйланьское же иероглифическое письмо изучал каждый, желающий называться образованным человеком — а таких находилось немало, — и трудно было найти в эмирате человека, не сумевшего бы договориться с заезжим купцом.

Я знал и кабирский, и мэйланьский с детства; точно так же знал их Кос, чьи отец и дед были дворецкими в нашем доме. А тайком от Чин я выучил и некоторые наречия ее родного Малого Хакаса, считавшиеся непревзойденными по части ругательств... ах, Чин, Чин...

Отчего бы и великанам Амбарише и Андхаке не сделать приятное кабирянке Аала-Крох и не воспользоваться ее родным языком?!

Мои размышления прервал вой очнувшегося смотрителя. Из воя явствовало, что воющему опостылела жизнь, что по приходу домой он непременно зарежется, повесится или утопится — и все потому, что наиценнейший бочоночек с настойкой Огненного дракона, сохранявшийся в целости исключительно для свадьбы Юнъэр Мэйланьской и Высшего Чэна Анкора (вот мерзавец, и этот туда же!) похищен и, скорее всего, уничтожен.

— Выпит он, твой бочоночек, — злорадно сказал я смотрителю. — Вылакали его великаны! У них мужское начало длиннее вашего засова, до Семи Небес торчит — вот и прихлопнули они им твоего Огненного дракона! Вместе с Цунем Шлеп-ногой.

Через секунду я пожалел о сказанном, потому что смотритель сдавлено хрюкнул, упал и больше не поднимался.

8

Домой я вернулся уже около полудня. Есть мне отчего-то не хотелось, поэтому мы с Косом ограничились фруктами, запивая их легким вином — и я стал рассказывать.

Разумеется, не только ан-Танье, но и всем нашим Блистающим.

Рассказ, вопреки ожиданиям, сильно затянулся, поскольку для Блистающих все время приходилось разъяснять, кто такие якши, ракшасы, великаны и алмасты, а по-

том тут же убеждать, что всех их на самом деле не бывает. В результате я окончательно запутал и сбил с толку Сая и Заррахида; Единорог всячески веселился, а Обломок выдавал со стены: «Ну вот, значит, эти самые великаны, которых на самом деле нету, ворота тем не менее унесли и огненную настойку выпили, которой теперь тоже на самом деле нету... Интересное дело получается! Куда ни глянь — ничего нету!..»

Настроение Коса странным образом колебалось от очень веселого к очень мрачному и обратно, так что к концу рассказа я и сам был не рад, что решил обнародовать всю эту историю. А с другой стороны — что мне оставалось делать? Умолчать? Скроешь от них что-нибудь, как же...

— Так якшасы и ракши, — осведомился наконец Заррахид, — они все-таки есть, или их нет?

— Якши и ракшасы, — поправил его Сай.

— Нет их! — отрезал Я-Единорог.

— И ворот нет, — уточнил Дзюттэ. — И нас нет. Якши унесли.

— Это не якши, — дотошность Сая не имела границ. — Это великаны, Амбариша и Андхака.

Так. Кажется, пошли на второй круг.

— Если эти ракшасы-великаны хотят расстроить свадьбу, — сказал молчавший до сих пор Кос, — то они воротами не ограничатся. Непременно жди новых бед...

— Утешил, — мотнул головой я. — Спасибо.

— А потому, — продолжил ан-Танья, — после обеда я сам схожу в город. Погляжу, что там творится. Нет, обеда ждать не буду — прямо сейчас и пойду. Может, разузнаю что-нибудь...

Кос встал и пошел к двери.

— Что за напасти, — проворчал он, выходя из комнаты. — Шулма, Тусклые, асассины-батиниты, ракшасы, великаны... и все на мою голову!

«Как же, на твою...» — подумал Я-Единорог.

9

Возвратился Кос ближе к ужину, около шестой дневной стражи — я еще увидел из окна, как он огибает пруд, ведя за руку какого-то согбенного старца. Судя по всему — слепого.

С дутаром под мышкой. Или не дутаром. Короче, странное что-то... не разбираюсь я в мэйланьских музыкальных инструментах.

Однако ко мне ан-Танья вошел один.

— Я привел сказителя, — прямо с порога начал он.

— Видел. И где же он?

— Ест. Я велел сперва накормить его — а ты тем временем пошли гонца к благородной госпоже Юнъэр Мэйланьской (можно просто Юнъэр или даже Юн, — подумал я). Ей тоже будет будет небезынтересно послушать этот... как же он сказал?.. джир. Джир о хитрозлобном якше Чэне Анкоре и его невесте!

Я прикусил язык.

Ага, значит, повеселимся...

Кос уже протягивал мне калам, чернильницу и бумагу. Я быстро написал витиевато-вежливое, но вместе с тем весьма настойчивое приглашение, запечатал его поданной Косом большой фамильной печатью Анкоров Вэйских — совершенно непонятно, где ан-Танья ее раздобыл! — и Кос вручил послание гонцу, который уже ждал за дверью.

Гонец умчался, а я подумал, что если Юнъэр откликнется на мой призыв — а она почти наверняка откликнется, — то не пройдет и часа, как она будет здесь.

Вполне достаточное время, чтобы сказитель наелся до отвала.

И впрямь, спустя час без малого мне доложили о прибытии правительницы. Я встретил ее, как подобает, со всеми многочисленными церемониями — и провел в парадный зал, соответствующим образом убранный вездесущим Косом.

Два высоких кресла с бархатными подлокотниками — для нас с Юнъэр; перед ними — небольшой столик с фруктами, вином и сладостями; по углам зала курятся благовония, а посередине разложен двойной коврик для сказителя.

И ничего лишнего. Молодец, Кос!

Мы с Юнъэр чинно пересекли зал и уселись в приготовленные для нас кресла.

— Только не будем называть друг друга по именам, — шепнул я Юнъэр (Кос шепнул мне то же самое минутой раньше). — Сказитель слеп, и до поры до времени ему не надо знать, перед кем он поет. Хорошо?

Юнъэр с удивлением посмотрела на меня, но перечить не стала и согласно кивнула, колыхнув пышным узлом прически.

— Введите сказителя! — приказал я.

Двое слуг, почтительно поддерживая седобородого старца, ввели его в зал и усадили на коврик перед нами. Сказитель поерзал, усаживаясь, привычно скрестил ноги и взял то, что я решил называть дутаром.

— Тебе сказали, о чем петь? — спросил я.

— Да, о благородный господин!

— Тогда пой!

И я махнул рукой слугам. Те тихо вышли, закрыв за собой дверь. Кос вышел вместе с ними, хотя вполне мог бы остаться.

Что ж это за джир такой, что его даже Кос два раза подряд слышать не может?

— Джир о хитрозлобном якше Чэне Анкоре, о его черных деяниях и беззаконных тайнах, а также о бедах, обрушившихся на Кабир и Мэйлань из-за коварства подлого якши, да проклянет его Творец! — возвестил сказитель неожиданно высоким голосом.

Юнъэр вздрогнула, и я поспешил взять ее руку в свою...

10

ДЖИР О ХИТРОЗЛОБНОМ ЯКШЕ ЧЭНЕ АНКОРЕ

— Я спою вам джир о Чэне.
Чэне из Анкоров Вэйских —
Джир о том, как был убит он
Во младенчестве беспечном
Злобным Бхимабхатой Шветой,
Повелителем всех якшей,
Страшным ракшасов царем.

(...Я поздравил сам себя с безвременной кончиной и приготовился слушать дальше...)

Рос спокойно Чэн в Кабире,
Млеко матери вкушая,
Радуя родных и близких
Кротким нравом и весельем,
Но ждала беда лихая
В самом сердце эмирата
Отпрыска Анкоров Вэйских,
Ах, ждала беда-кручина,
Своего она дождалась
И вошла к Анкорам в дом.
У пруда игрался мальчик,
Веселился Чэн-младенец,
И не ведал он о смерти,
Уготованной ему.
Бхимабхата Швета-ракшас,
Двухголовый, красноглазый,
Нравом дикий, острозубый,
Медноше́ий, крепкорукий,
Тяжкоплечий, страшный в гневе
Утопил его в пруду.
А потом на место Чэна,
Убиенного безвинно,
Царь проклятых людоедов

Сына своего подсунул,
Кровное дитя подкинул —
Принца-якшу Асмохату,
Дав ему обличье Чэна,
Чтоб он людям нес беду.

(...сказитель перевел дух — и я тоже. Да, теперь я понимал ушедшего Коса...)

Бхимабхата Швета-ракшас —
Меч вручил он Асмохате,
Что огнем в ночи пылает,
Что насквозь сердца пронзает
Всем, кто демона узнал.
Рос, однако, принц-подкидыш,
Притворяясь человеком —
Лишь ночами над Кабиром
В облике летучей мыши
Тенью черною летал.
Годы шли, сменяя годы,
Рос и силы набирался
Злобный якша Асмохата,
Чэном звавшийся Анкором
Меж доверчивых людей,
Но нуждался демон в крови.
В крови, что дарует силу,
Что скрепляет чародейство,
Будто тайная печать.
Стал ходить он на охоту,
Прячась под ночным покровом,
Но не ланей быстроногих,
Не оленей и не туров —
Он хватал детишек малых,
Мирно спавших в колыбелях,
И из горла кровь сосал.

(...Ишь ты! Вот негодяй... мирно спавших в колыбелях... просто плакать хочется!..)

Но однажды дикий якша
Не успел следы упрятать
Трапезы своей кровавой —
И его за преступленьем
Сам отец-Анкор застал.
Янг Анкор за меч схватился,
Но не смог ударить сына,
Одержимого безумьем —
Он не знал, что это якша,
И что Чэн лежит в пруду.
Засмеялся Асмохата,
Вынул свой клинок волшебный,
Что огнем в ночи пылает —
И пронзил Анкору сердце
И его напился крови,
Силы черной набираясь
И взывая к Бхимабхате,
Прославляя злую нечисть,
Отвергая путь Творца.

И возрадовались якши,
Ведьмы, ракшасы и дэвы,
Ибо время подходило,
Время ужаса и смерти,
Что навеки воцарится
На пылающей земле.
И явился Бхимабхата,
Страшный Бхимабхата Швета,
Двухголовый повелитель
Якшей, ракшасов и дэвов —
Он явился к Асмохате,
Своему родному сыну,
Он расхохотался злобно
И сказал ему: «Теперь
Отправляйся, Асмохата,
Под покровом темной ночи
На восток Барра-дорогой —
Доберешься до Мэйланя
И найдешь ты там на троне
Ясноглазую Юнъэр.
Соблазни ее немедля —
И наследник пусть родится,
Чтобы был он нам опорой
На земле среди людей.

(...Юнъэр как-то подозрительно покосилась на меня — и я отвел глаза, пытаясь сохранить на лице выражение невинной заинтересованности джиром.)

И отправился к Мэйланю
Хитрозлобный Асмохата,
То летел он над пустыней,
То в тени деревьев крался,
То обличья принимал он
Разных гадов и зверей.
До Мэйланя он домчался,
Во дворец вошел незримо
И возлег с Юнъэр на ложе,
Усыпив жену чужую,
И, сорвав с нее одежды,
Сделал то, за чем явился.

(...я почувствовал, что краснею...)

В срок положенный родился
У Юнъэр малыш-наследник,
И ее великим мужем,
Праведным Ю Шикуанем,
Был объявлен общий праздник —
И пришел в тот день провидец
И великий чародей.
Поглядел он на младенца
И сказал Ю Шикуаню:
«То не твой ребенок плачет
На руках жены твоей!»
Вопросил его правитель:
«Кто сей подлый осквернитель,
Что навлек на нас позор?!»
И ответил мудрый старец:

«Это — отпрыск Бхимабхаты
По прозванью Чэн Анкор».
В гневе выбежал правитель
Из дверей опочивальни
И седлать коня велел.
Вот помчался он к Кабиру,
Меч сжимая Цзюваньдао,
Ветром мести он летел.
Но подстроили лавину
Злые ракшасы предгорий,
И в ущелье под Хартугой
Дело подлое свершилось —
Не доехал до Кабира
Гордый мститель на коне.
Погребла его лавина,
И смеялись воры-якши,
Хохотали дэвы в злобе,
И скорбили всюду люди,
И в пустой опочивальне
Горько плакала Юнъэр.
В это время Асмохата
Разгулялся не на шутку,
Убивал со смехом громким
Он людей мечом волшебным,
Что огнем в ночи пылает...

(...этот постоянно пылающий в ночи меч начал меня всерьез раздражать. Что же касается остального... очень, очень поучительная история!..)

...Кровь из жертвы выпивал он,
И на улицах Кабира
Находили мертвецов.
Уж кабирскому эмиру,
Многославному Дауду
Из семьи Абу-Салимов
Слал угрозы и проклятья
Хитрозлобный Асмохата —
И искать управу стали
На исчадье темной силы.
Долго мудрецы гадали,
Долго мудрецы искали —
И нашли в конце концов!

На турнире храбрый воин,
Чье хранится в тайне имя,
Отрубил злодею руку,
Что сжимала страшный меч.

(...«Что огнем в ночи пылает», — чуть не добавил я.)

И возрадовались люди,
Но воскликнул злобный якша:
«Рано радуетесь, люди —
Новую, стальную руку
Для потомка Бхимабхаты
Завтра выкует кузнец!»

Как сказал он — так и сделал:
К кузнецу пошел назавтра,

Золотом того осыпал —
Сделал руку из железа
Асмохате тот кузнец.
И покрыл всего железом
От подошв и до макушки —
Засмеялся Асмохата,
Ибо стал неуязвим.

Люди прятались от страха,
Хоронились за ограды,
Только их не тронул якша —
Ведь коварный Асмохата
Дело подлое задумал.
Вновь отправился в Мэйлань он,
Чтоб сыграть в Мэйлане свадьбу
Со вдовою Ю Шикуаня
Ясноглазою Юнъэр.
В это время Бхимабхата,
Ракшас Бхимабхата Швета,
Двухголовый повелитель
Якшей, ракшасов и дэвов —
Сам задумал он жениться,
Ибо жен всех предыдущих
Он успел свести в могилу.

(«...Видимо, этот Швета решил начать исповедовать Хайракамскую ересь, — ядовито подумал я. — Что ж это он — после целого гарема взять всего одну Аала-Крох?! Головы две, а жена одна, пусть даже и Шестиносая... ослабел повелитель, ослабел! Аж засов понадобился...»)

Предложил он узы брака
Матери пещерных дэвов,
Алмасты и горных духов,
Диких гулей-трупоедов
Шестиносой Аала-Крох.
Свадьбу царь задумал справить
В ночь на кладбище Мэйланя
Меж надгробий и могил —
Чтоб потом отсюда с сыном
Страшный Бхимабхата Швета
Эмиратом править мог.
Двухголовый повелитель
Почесал свои затылки,
Грозно крикнул парой глоток —
Вызвал братьев-великанов
Амбаришу да Андхаку,
Чтобы те ему достали
Ворота Семи Небес.

(«...Ворóта», — машинально поправила Юнъэр. Сказитель сделал вид, что не расслышал, и продолжил джир...)

Ночью демоны явились —
И великие ворота
Были вырваны из петель,
И на кладбище мэйланьском,

Проломив легко ограду,
Два могучих великана
Их оставили стоять.

И теперь грядут две свадьбы —
Асмохаты, злого якши,
Что живет в обличьи Чэна
Из семьи Анкоров Вэйских,
Свадьбы якши-кровососа
Со вдовой Юнъэр Мэйланьской,
И убийцы Бхимабхаты,
Что в людей вселяет ужас,
На не менее ужасной
Шестиносой Аала-Крох.
Если свадьбы состоятся —
То погаснет в полдень солнце,
Смерть войдет в дома людские,
Мрак войдет в людские души...

11

— Вот такой веселый джир! — уже не сдерживаясь, закончил я.

Побледневшая Юнъэр испуганно смотрела на меня. Похоже, на какое-то мгновение ей действительно показалось, что я не Чэн Анкор, а якша-кровосос Асмохата в чужом обличье. Правда, надо отдать ей должное — всего на мгновение. Потом она протянула руку к столику, плавным движением взяла кубок с вином, отпила глоток, другой — и щеки ее слегка порозовели.

Вот так-то лучше...

— Скажи-ка мне, почтенный, где же ты услышал такой замечательный джир? — как ни в чем не бывало спросил я у застывшего на ковре сказителя.

— Этот замечательный джир я сложил сам! — гордо ответил старец, глядя мимо меня незрячими глазами. — А историю подмены в семействе Анкоров Вэйских — правда, вкратце — мне поведал сегодня на рассвете один добрый человек. Он даже дал мне десять золотых динаров — полновесных кабирских динаров! — чтобы я сложил этот джир и спел его на базарной площади не позже полудня. Что я и сделал, и даже значительно раньше полудня, научив этому джиру Сяо-чангира, его братьев У и Аня, а также двоих певцов с площади Фонтанов — и с каждого я брал по четыре связки монет...

— Ясно, — подумал я, хлопая в ладоши. — Если по четыре связки монет, да за каждую строчку... Курган из монет сложить можно.

Дверь открылась, и вошел Кос с двумя слугами.

— Вознаградите этого человека за его труды, — приказал я, хотя мне очень хотелось вознаградить старого дурака палками. — И отведите туда, куда он попросит.

Кос и слуги молча поклонились, помогли старцу встать и увели его прочь.

— Что ты думаешь обо всем этом, Чэн? — спросила Юнъэр, с тревогой заглядывая мне в глаза, словно боясь обнаружить там кровавые отсветы моей демонической сущности.

— Что скажу? Скажу, что кому-то очень не нравится свадьба Юнъэр Мэйланьской и Чэна Анкора Вэйского! И потом...

В дверь постучали.

— Да! — раздраженно крикнул я.

В дверь, непрерывно кланяясь, протиснулся гонец с гербом Мэйланя на дорожном чекмене.

— Сообщение для правительницы Юнъэр... — начал было он.

— Читай, — сразу перешла к делу Юнъэр.

— Осмелюсь доложить, что из храма Семизвездной Луны пропала книга Рода, куда куда вписывались все сведенья о рождениях, смертях и браках правителей Мэйланя и их кровных родичей на протяжении вот уже...

— Понятно, — перебил его я. — Похоже, что наш двухголовый Швета решил законным образом оформить свой брак с Матерью алмасты, Шестиносой Аала-Крох! Ты не находишь, госпожа Юнъэр?

И Юнъэр улыбнулась. Улыбка вышла растерянная, но все же это была улыбка. Кажется, Юн уже начала понемногу привыкать к выходкам расшалившихся ракшасов...

12

...Разумеется, вскоре я взгромоздился на Демона У и проводил Юнъэр до дворца (почетная стража тащилась позади, на почтительном расстоянии — то ли не хотели мешать разговору, то ли тоже слышали джир и опасались за свои жизни).

У дворца мы попрощались, я выяснил, что Юнъэр, как ни странно, почти совсем успокоилась, и через минуту я уже ехал обратно в довольно-таки сносном расположении духа.

А за три квартала до моей усадьбы из переулка вышли двое и преградили мне дорогу.

Уже темнело, но даже в полной темноте, даже будучи слепым, как наш расторопный сказитель, я узнал бы первого — крепко сбитого мужчину, на плече которого лежал

большой, слабо изогнутый меч, не так уж много времени назад отрубивший мне руку.

Но-дачи, питомец Шулмы. И Асахиро Ли, принятый в племя.

Да, Асахиро Ли. Так звали этого человека — я помню, он еще представился мне перед турнирной Беседой...

Врал? Нет? Какая разница?!

Второй была женщина с почти прямой саблей на боку. Если верить Саю, саблю звали Кунда Вонг. Как звали женщину — это меня не интересовало.

— Здравствуй, — просто сказал Асахиро Ли.

Со мной не было Единорога, так что я не слышал, что сказал Но-дачи.

— Здравствуй, — кивнул я. — Хоть я и не желаю тебе здравствовать.

— Убей его, Асахиро, — сказала женщина. — Чего ты ждешь?

— Это Фариза, — сообщил мне Асахиро. — Я слышал, Чэн Анкор, что ты искал меня.

— Ты не мог этого слышать, — ответил я. — Я ни с кем не делился этим. Но я действительно искал тебя.

— Хорошо. Ты меня нашел. Езжай вперед, а мы пойдем следом.

Демон с ржанием обогнул две чуть посторонившиеся фигуры, и я поехал дальше, не оборачиваясь. «Сбегут», — мелькнуло в голове. И сразу же: «Нет, не сбегут. Иначе зачем они вообще здесь?»

Да, они шли за мной.

Я часто представлял себе, какой будет моя встреча с человеком, отрубившим мне руку.

Встреча оказалась вот такой.

Простой и скучной.

И все же — встретились.

Глава восемнадцатая

1

— Наверное, я должен тебя убить, — сказал Я-Единорог. — Нет, не так: я обязательно должен тебя убить. Да. Так правильно.

— Убей меня, — ответил Но-дачи, большой меч.

— Убей меня, — ответил Асахиро Ли, Придаток Но-дачи, человек с мертвыми глазами.

— Убей, но выслушай, — добавили они оба.

...Комната была тесной для нас. Я, Единорог и Дзюттэ по одну сторону стола; Асахиро Ли и Но-дачи — по другую.

За спиной Асахиро стояла смуглая Фариза, и я чувствовал на себе ее взгляд — взгляд самки барса, у которой пытаются отнять не добычу, но детенышей.

Правая рука Фаризы (тонкое, но сильное запястье, цепкие пальцы... хорошая рука!) лежала на витой рукояти сабли с крестовиной, украшенной по краям кольцами. Саблю звали Кунда Вонг, и она была безумной. Она любила Но-дачи, а он только что сказал: «Убей меня». Она любила Но-дачи, а Фариза любила Асахиро, и это было видно всем, кроме самих Асахиро и Но.

Мертвыми глазами не увидеть любви.

В трех шагах — нет, теперь уже почти в шаге от них стоял бесстрастный Кос. На его поясе недвижимо замер эсток Заррахид — и немногие знали истинную цену неподвижности Заррахида. Статуя Кос-Заррахид была высечена из самого дорогого мрамора, какой только встречается на этом свете, и левая рука Коса покоилась за отворотом блузы.

Там, скрытый до поры от посторонних глаз, спрятался Сай.

Могу представить, о чем думал Сай Второй в этот миг.

Могу — но не хочу.

Комната была тесной для нас.

Мир был тесным.

— Убей, но выслушай, — повторил Асахиро Ли, Придаток Блистающего Но-дачи.

— Убей, но выслушай, — повторил двуручный Но-дачи, меч человека Асахиро Ли.

— Убью, — согласился Я-Единорог. — А слушать не буду. Не хочу я тебя слушать.

И тут Фариза и Кунда Вонг не выдержали.

Пружина, скрытая в неистовой Фаризе, сорвалась, не вынеся напряжения — и острый клинок Кунды наискось метнулся над столом, прорываясь к моему горлу. Дзю кинулся наперерез, с нечленораздельным лязгом перехватил вскрикнувшую саблю, намертво припечатав ее к столу — а хватка у Дзю была еще та, — и обнаженный Единорог уже упирался острием в нежную кожу под подбородком Фаризы.

Я чувствовал, как пульсирует тоненькая жилка на шее молодой женщины. Одно неосторожное движение...

— Еще раз вмешаешься в разговор без спроса — ум-

решь, — ледяным голосом заявил Обломок, не выпуская трепещущей Кунды. — Поняла?

— Еще раз вмешаешься в разговор без спроса — умрешь, — сообщил я пепельно-серой Фаризе, пытаясь точно повторить интонации Дзю. — Поняла?

— Она поняла, — вместо Фаризы и Кунды ответили Но-дачи и Асахиро Ли. — Она все поняла.

Дзю и Единорог снова легли на стол — Обломок нехотя выпустил слабо звенящую Кунду Вонг, — а поверх Блистающих лежали мои руки в чешуйчатых латных перчатках.

Только левую перчатку можно было снять.

И в мертвых глазах Асахиро мелькнуло что-то живое, когда он посмотрел на мои руки.

Мелькнуло и погасло.

Кос стоял почти вплотную к Асахиро Ли. Рука Коса по-прежнему оставалась за пазухой — и на груди ан-Таньи из-под блузы еле заметно выпирало острие Сая Второго. Этот бугорок был совсем рядом с затылком Асахиро, словно нарыв, готовый прорваться смертью.

«Интересно, смог бы он?» — подумал Единорог, имея в виду Сая.

«Интересно, смог бы он?» — подумал я, имея в виду ан-Танью.

Кос спокойно поглядел на нас и скривил свои тонкие губы в подобии улыбки.

Асахиро должен был спиной почувствовать эту улыбку.

— Хороший у меня человек Кос ан-Танья, — сообщил в пространство Заррахид, так и не покинувший ножен. — Хороший... у нас человек.

Блуза на груди Коса шевельнулась, и я понял, о ком говорил эсток, говоря «нас».

Фариза отошла на прежнее место, не попадая саблей в ножны. Обеих била мелкая дрожь. И я ничем не мог им помочь.

Не собирался я им ничем помогать.

Мы шли по Пути Меча.

— Я убью тебя, — еще раз сказал я, и Фариза тихонько заскулила. — Сегодня. Сейчас. Сию минуту. Я убивал тебя все это время, с того самого момента, когда ты, Асахиро, человек — когда ты, извинившись, отрубил мне руку...

— ...когда ты, Но-дачи, Блистающий — когда ты, извинившись, отрубил руку, державшую меня, — эхом прозвенел Единорог.

Остальные молчали.

— Я убивал тебя, в отчаянии поднося к своему горлу

нож-кусунгобу; я убивал тебя, стоя у наковальни в кузнице Коблана: ненавидя мертвый металл на своем обрубке, сжимая стальные пальцы на рукояти меча, совершая невозможное — все это время я непрерывно убивал тебя...

— Я убивал тебя, — отозвался Единорог.

— ...мечась между мудрым Муниром и гордым Масудом, вкусив крови зверя, пережив смерть Друдла, отправив твоих кабирских убийц к Тому, кто ждет их в раю, если Он их там действительно ждет — все это время я непрерывно, в душе и в помыслах своих убивал тебя и только тебя.

При последних словах о «кабирских убийцах» Асахиро Ли и Но-дачи вздрогнули.

Я-Единорог ждал.

Нет.

Они не сказали ничего.

И косого взгляда Асахиро в сторону Фаризы было достаточно, чтобы сабля и женщина остались на месте.

— Я убивал тебя, но ты не умирал. Ты оставался где-то глубоко внутри меня, и если сейчас я на самом деле убью тебя, то ты останешься во мне навсегда. Я никогда не смогу избавиться от призрака. И все-таки ты умрешь, Блистающий Но-дачи и человек Асахиро Ли. Сегодня. Сейчас. Сию минуту.

Дзю рванулся вперед и с силой ударил в клинок Но-дачи. Раздался долгий и чистый звон. В то же мгновение Единорог почти нежно погладил Асахиро Ли по щеке. Лезвием. Капля крови, набухая, сорвалась вниз и упала на большой меч, лежавший поперек стола.

И растеклась.

— Ты умер, — сказал Я-Единорог. — Отныне и навеки, ты умер, Блистающий Но-дачи и человек Асахиро Ли. Призрак, мучивший меня все это время, мертв. Я свободен и говорю тебе, мертвому — спасибо за то, что я стал тем, кем стал. Раньше ты принимал решения за других: сегодня я принял решение за тебя. Ты умер. Ты родился заново. Мы обязаны друг другу жизнью — не той, что была, но той, что начинается заново. Так что мы квиты. Я приветствую тебя.

— Я приветствую тебя, — следом за Мной-Единорогом повторил Обломок. — Смотри, младенец, чтобы мне не пришлось раскаяться в этом. Потому что мои шутки не всегда бывают смешными.

— Я приветствую тебя, — одновременно заговорили Зарахид и Кос. — Имей ты хорошего дворецкого — не гулять

тебе тогда по ту сторону Кулхана. Ладно, будем считать, что тебе просто не повезло в прошлой жизни... надеюсь, в новой повезет больше.

И тут случилось непредвиденное.

— Привет, Но! — радостно завопил Сай Второй, вылетая у Коса из-за пазухи и вонзаясь в столешницу рядом с Но-дачи и Асахиро Ли. — Привет, Кунда! Чтоб вы все сломались — до чего же я рад вас видеть!.. А мы тут вас ищем, ищем...

Асахиро рывком поднял голову и посмотрел на меня.

Глаза его неестественно блестели.

Живые глаза.

Точно так же блестел клинок Но-дачи.

Живой клинок.

— Лучше б ты убил меня, — тихо сказали человек Асахиро Ли и Блистающий Но-дачи.

— Обойдешься, — ответил Я-Единорог.

— Правильно, — согласился Обломок. — Я им такую новую жизнь устрою...

2

...а потом мы долго говорили — часа два или больше, перебивая друг друга, веря и не веря, споря, соглашаясь, хмурясь и смеясь; мы говорили о Кабире и Шулме, о Мунире и Масуде, о жизни и смерти... о Коблане, Друдле, Чин, эмире Дауде, Детском Учителе, Шешезе, Гвениле, Волчьей Метле, о старом Фархаде, о руке аль-Мутанабби, о людях и Блистающих, о возможном и невозможном, о записках Фаня Анкор-Куна, о старейшинах Совета Высших и Тусклых-батинитах; о Джамухе Восьмируком и Тусклом Чинкуэде...

— Больше никто не вернулся, — взахлеб рассказывал Асахиро, и ему вторил Но-дачи, — никто из наших... только мы да Фариза с Кундой! Ну, Кургай с Шото и Тощий Ар-Фасин с двумя Саями — эти в Кабире погибли, а остальные где? Где они?! Ну хоть кто-нибудь!..

— Там же, где и еретики-батиниты Хаффы, Кабира, Дурбана и Кимены, — перебивали их Кос и эсток. — Дескать, мир не переделаешь, даже под угрозой конца света; а мы тоже люди. Или: мы тоже Блистающие. Лучше и не скажешь. Решили, небось — поживем, как следует, а придет Шулма — так умрем, как следует...

— Зря, все зря, — сокрушался Асахиро.

— Ну почему же! — возмущался я. — И ничего не зря... хотя, конечно...

Все те же три любопытные звезды мерцали за окном, дело близилось к полуночи — на улицах простучали колотушки третьей стражи, значит, полночь наступит через два часа — и у меня уже заболел язык, а у Единорога — клинок, когда Фариза и Кунда вспомнили о главном.

Точнее, о том, что еще недавно было главным для них.

О том, что заставило их преградить нам дорогу.

Сегодня днем около базара мальчишка-посыльный передал Фаризе записку.

«Пора платить, — значилось там. — Этой ночью в четвертую стражу у заброшенного водоема в квартале Цин-эрль, в восточной части города. Если, конечно, ты не боишься. Эмрах ит-Башшар из Харзы».

Когда Фариза прочитала записку и огляделась по сторонам — у дальней коновязи она увидела Эмраха. Которого не помнила в лицо; верней, помнила, но смутно.

Зато сабля Кунда Вонг отлично помнила Пояса Пустыни, Маскина Седьмого (ныне Тринадцатого), чьего прошлого Придатка она зарубила нынешним летом в Харзе — а Пояс Пустыни блестел в руке ит-Башшара отнюдь не двусмысленно.

Эмрах и Маскин насмешливо отсалютовали Фаризе и Кунде, и исчезли за коновязью.

Догнать их не удалось.

Да и к чему их догонять? — у заброшенного водоема, в квартале Цин-эрль и так далее...

Я еще раз повторил историю о Тусклых, жертвоприношении Прошлым богам и клятвопреступлении старейшин.

Вкратце.

— Плевать, — отрезала Фариза. — Одного ублюдка убила, и второго убью. Батиниты, Тусклые... дерьмо.

Как я уже понял, Фариза вообще не отличалась изяществом обхождения. Думаю, что шулмусы с радостью принимали ее в племя. Эмрах поступил умно, написав: «Если, конечно, ты не боишься». После этих слов Фариза не то что пришла бы — приползла бы к водоему и зубами загрызла бы мстителя.

Сабля Кунда Вонг — в ответ на предложение Но-дачи попросту не ходить никуда — только насмешливо присвистнула, едва не задев ухо отпрянувшего ан-Таньи. А если пойдут они — пойдет и Асахиро. Естественно, вместе с Но. Вот почему они сперва явились ко мне — если настала пора платить по счетам, то они хотели расплатиться сразу по всем. «Убей, но выслушай!» Да, они готовы были платить...

Платить той монетой, которую разменяли в Шулме.

— Ох, Шулма-то рада будет, — проворчал Обломок. — Пока она еще до нас доберется — а мы тут уже сами друг друга перерезали да переломали...

— Собираемся, — коротко приказал я. — К полуночи мы должны быть у водоема. Все.

— Зачем все? — недоуменно спросили Асахиро и Нодачи. — Вас туда не звали! Зачем судьбу лишний раз вдоль лезвия щекотать?!

— Затем. С будущими союзниками знакомиться будем. Заодно и извинимся за чужой грех вековой давности.

— Я лично извиняться не собираюсь, — вмешалась Кунда, на всякий случай косясь на Дзюттэ. — Я собираюсь драться. Меня драться звали. Ясно?

— Ясно, ясно, — оборвал ее Обломок. — А мы уж было решили, что тебя на праздничную заточку пригласили! Где ж тебя ковали, такую полоумную?!

— Молчи, Кунда, — испуганно влез Сай. — Не то он и тебя воспитывать станет...

Асахиро Ли встал из-за стола и подошел ко мне.

— Что ты задумал, Чэн? — вполголоса спросил он.

— В Шулму он идти задумал, — вместо меня ответил Кос. — А то как же! Вы там были, Джамуха был, а он — нет! Чего тут непонятного?! Я его с самого детства помню — никогда ждать не любил, хоть ребенком, хоть сейчас. Не любил и не умел. Да, вовремя я уволился...

— Хороший у нас человек Кос ан-Танья, — улыбнулся Я-Единорог. — Да, Заррахид?

— Да, — очень серьезно ответил эсток.

3

Пока мы добирались до назначенного места встречи — пешком, как советовал Фань Анкор-Кун в своих записях, и покинутый Демон У шумно тосковал в конюшне, — у меня в голове бродили разные мысли, иногда забираясь в такие закоулки сознания, куда я и сам-то опасался заглядывать. Или даже не знал о их существовании.

Возьмем, к примеру, рассказ Матушки Ци об Этике Оружия — верней, об эпохе ее зарождения, — в результате чего поединки превратились в Беседы и стали бескровными. Ведь как раз тогда мы, люди, решили, что оружие — не просто вещь, но вещь-драгоценность, вещь-символ и даже вещь-святыня. То есть как бы уже и не совсем вещь.

Уничтожать такую — сперва глупость, затем — грех, и наконец — святотатство. Я и помыслить-то не мог, что из-за какой-то неловкой оплошности (хоть своей, хоть со-Беседника) способен сломать Единорога. Вот и сейчас — как подумаю, так просто в пот бросает!

Опять же, одних названий оружия — если даже не считать собственных имен — великое множество. Такого разнообразия нет среди никаких других... вещей. Оружейники до сих пор спорят: Малый Крис или та же Чинкуэда — это короткий меч или все-таки кинжал? Большой Да — это еще меч или уже алебарда?!

И впрямь впору говорить о новой расе...

И все-таки — с какого момента Беседа превращается в поединок и наоборот? Где зародыш насильственной смерти?! Можно убить, ненавидя — но разве в Шулме ненавидели рабов, сходясь с ними лицом к лицу во время тоя?

Зачем шулмусы выпускали в круг чужаков?!

Они хотели доказать. Доказать не-шулмусам, не-таким, как они, свое превосходство. Это было для шулмусов жизненно необходимо — доказывать. Успешный набег — доказательство военного умения, более тучные стада — доказательство богатства, укрощение дикого жеребца — доказательство отваги; бой один на один с чужаком на глазах всего племени — доказательство силы и превосходства.

Не умеющий доказывать любой ценой, не гнушаясь никакими доводами, вплоть до убийства — умрет.

А умеющий или научившийся — будет принят в племя.

Он — свой. Теперь он — свой.

Он тоже умеет доказывать. Он — шулмус.

С белой кошмы — на пунцовую... Клинком подать.

Джамуха Восьмирукий и Чинкуэда отлично поняли это — и сумели доказать свое право на власть в Шулме, безошибочно выбрав время, место и способ.

А что доказывали Тусклые, принося жертвы Прошлым богам?

Они доказывали жизнеспособность своей расы (человечества или Блистающих) согласно канону учения Батин.

Ну а я, я сам — Беседуя с тем же Фальгримом, я ведь тоже доказываю?!

Да. Безусловно.

...И когда я понял разницу — я беззвучно расхохотался, весьма удивив этим идущих рядом Коса и Асахиро.

Фаризу было трудно чем-то удивить.

— Ничего, ничего, — шепнул я им. — Все в порядке... это я так.

И мы зашагали дальше.

Дальше...

Шулмусы и Тусклые доказывали *кому-то*! Что бы они ни доказывали — всегда был кто-то, кто должен был оценить весомость их доказательств! Кто-то — Творец, противник, соседнее племя, старейшина Совета, другой народ, соперник, друг, брат, прохожий, чужак...

Кто-то.

Кто угодно.

И этот кто-то не мог быть для доказывающего со-Беседником. Ибо Беседа подразумевает общую попытку выбраться к истине.

Общую. И при этом не обязательно выбираться только к истине Батин.

Беседа подразумевает умение не только говорить, но и слушать.

А значит — слышать.

Значит — понимать.

Нельзя понимать, не гнушаясь никакими доводами; нельзя понимать, не желая услышать; нельзя услышать, перекрикивая друг друга; нельзя беседовать с врагом...

Враг — это неизбежность поединка; со-Беседник — это попутчик, с которым вместе идут по Пути, пусть даже и по Пути Меча — но при этом ты уже не один против неба. Пресеки свою двойственность... и пойми, что он — это ты.

И когда я доказываю, Беседуя с Фальгримом — в первую очередь я доказываю самому себе. А Фальгрим помогает мне в этом, потому что я не борюсь с его эспадоном Гвенилем — я борюсь с собственной леностью, гордыней, неумением; я борюсь сам с собой.

Даже если иногда мне кажется, что я борюсь с Фальгримом.

И поэтому я никогда не убью Беловолосого.

И поэтому он никогда не ранит меня.

И поэтому могучий Гвениль никогда не выщербит Единорога.

И поэтому...

— Пришли, — тихо бросает Кос, трогая меня за плечо. — Вон, за углом забора... Видишь?

Да, я видел.

И край бортика водоема, облицованный плиткой и отражающий рассеянный свет звезд; и тень рядом с ним.

— Пришли, — согласился я.

4

Я оставил своих спутников возле забора, а сам двинулся к водоему, наскоро договариваясь с Единорогом о том, что каждый из нас будет говорить сам за себя и с себе подобным.

Все равно говорим мы одно и то же... или почти одно и то же. А когда надо оставаться начеку — не до раздвоения и внутренних голосов.

...Сказать, что Эмрах ит-Башшар удивился, увидев меня — это значит ничего не сказать.

— Ты? Как это... то есть — откуда? И зачем?!

Говорил он невнятно, потому что трудно говорить внятно с отвисшей до пояса челюстью.

— Я, оттуда и затем, — приблизившись, сказал я. — Ну ты даешь, Эмрах... сперва сам в гости набиваешься, загадки всякие загадываешь, Беседуешь по душам — а теперь как не родной! Ты что, вправду мне не рад?!

— Я ждал не тебя, — набычившись, заявил Эмрах, и руки его как бы невзначай легли на пояс.

Поясом был Маскин Тринадцатый.

— А ты не допускаешь мысли, что она — моя возлюбленная? — задумчиво протянул я, делая вид, что не замечаю враждебности харзийца. — Моя нежная и трепетная лань...

— Кто — она?

— Она. Та, которую ты ждал. Может быть, я ревную?!. Эй, услада моих очей, выйди к нам!..

Из темноты возник Кос — как всегда, невозмутимо-спокойный.

— Доброй ночи! — приветливо поздоровался он. — Услада очей сейчас придет. У нее серьга выпала — вот найдет и придет. А пока услаждайте очи мною. Хорошо?

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Усладим.

— Ты еще и дворецкого сюда притащил! — прошипел взбешенный Эмрах. — Ах ты...

Чем-то он напомнил мне Фаризу — манерами, должно быть... Вернее, их отсутствием.

А какие у них получились бы дети!..

— Я не его дворецкий, — поколебать спокойствие Коса было невозможно. — Он меня уволил. Еще в Кабире. А она — она моя дочь.

Кос подумал и добавил:

— Приемная.

— Причем вся в отца, — бросил Асахиро Ли, объявля-

ясь рядом с ан-Таньей. — Вот поэтому без нас она на свидания не ходит. Без возлюбленного, отца и брата.

Эмрах отступил шага на два и слегка согнул в коленях свои кривые ноги.

Я подумал, что еще полгода назад ит-Башшару и в голову не пришло бы испугаться вот такой ночной встречи.

Никто бы из нас не испугался.

Сколько раз я Беседовал по ночам в Кабире?

Мои размышления были прерваны появлением Фаризы. Она появилась из мрака — высокая, гибкая, с разметавшейся копной вьющихся волос; она шла широким, уверенным шагом, и в нее запросто можно было бы влюбиться...

Если бы она молчала.

— Эй ты, ублюдок, — без обиняков сказала Фариза, — пошли, я тебя убью. Ну, чего выпучился, жаба кривоногая?!

Сомневаюсь, что после этого Эмраху захотелось бы влюбиться в Фаризу.

— Погоди, дорогая, — вмешался я. — Куда ты так торопишься? Я сейчас все устрою...

Я встал лицом на юго-восток — в небе отчетливо сверкал треугольник Южного Копья, так что ошибиться было сложно, — сделал десять шагов и остановился у старой беседки. Затем я протянул руку аль-Мутанабби и трижды гулко ударил по крайней левой опоре.

— Пошли, — не оборачиваясь, бросил я.

За спиной изумленно сопел Эмрах ит-Башшар.

По-моему, он готов был признать во мне Сайид-на, Главу учения Батин.

— Давайте, давайте, — помахал я рукой ему и моим спутникам, стоявшим рядом с ит-Башшаром. — Время не ждет...

В полу беседки с легким скрипом открылся люк.

Но первым нырнул в него и стал спускаться по винтовой лестнице на встречу с Тусклыми не я.

Первым был Кос ан-Танья.

Я был вторым.

Наверное, когда я умру и придет пора спускаться в Восьмой ад Хракуташа — Кос и тут пойдет впереди меня, распахнет огненные двери и спокойно скажет:

— Прошу вас, Высший Чэн...

И если все демоны после этого не разбегутся кто куда — считайте, что я плохо знаю своего дворецкого.

Кос был первым, я — вторым, зато Эмрах — последним.

— Асассин недорезанный, — через плечо сообщила ему Фариза.

Эмрах споткнулся и ухватился за перила.

5

Я и не подозревал, что под этой полуразвалившейся беседкой может оказаться такой зал. Стены его были выложены плитами зеркального серебра, до блеска начищенными белым песком; массивные четырехугольные колонны были украшены фигурами крылатых зверей и людей с копытами и рогами; середина зала, пол которого имел деревянное покрытие с шероховатой поверхностью, освещалась множеством факелов, и по углам курились жаровни на выгнутых ножках — только пряный дым не заполнял, как положено, помещение, а стелился вдоль стен и исчезал неизвестно куда.

А шагах в двадцати от нас стояли Двенадцать. Один спустился вместе с нами — Эмрах и Пояс Пустыни. Скорее всего, Эмрах не был Одним — Одним был, по моему разумению, Сайид-на, Глава Учения, — но мне сейчас было не до иерархии батинитов, хоть старых, хоть новых.

Двое из стоявших сразу бросились мне в глаза. И не только потому, что стоя вместе с остальными, они находились как бы отдельно от всех. Худой, невероятно высокий старик с двуручной секирой-юэ, древко которой заканчивалось сверху волнистым копейным острием, а внизу — крупным набалдашником, из которого торчал короткий шип; и коренастая женщина средних лет, но совершенно седая, в руках которой было двухконечное копье с узкими ромбовидными наконечниками, ниже которых крепились цветные кисти.

Мне даже не понадобилось подсказки Единорога, что это — те самые Тусклые. Я и так каким-то внутренним чутьем ощутил, что копье и секира — это и есть те двое, кто выжил после побоища вековой давности, случившегося в этом зале. Не надо было обладать особым умом, чтобы понять — люди, в чьих руках тогда были эти секира и копье, давно умерли, и сейчас я вижу их внуков, если не правнуков... но в глазах старика и седой женщины горел древний огонь истины Батин, огонь алтаря, на котором приносились жертвы Прошлым богам.

Только они — люди и Тусклые, старик, женщина, копье и секира — никак не отреагировали на то, что вместе с теми, кого ждали здесь сегодняшней ночью, в зал Сокровенной Тайны явились еще трое людей и пятеро Блистающих.

Я, Кос, Асахиро, Единорог, Обломок, Но-дачи, Сай и Заррахид.

Среди остальных десяти батинитов-людей прокатился недоуменный шепоток; я опустил руку на рукоять Едино-

рога и услышал отголосок такого же перешептывания среди Тусклых.

Ну да, конечно... Они же все похожи на Эмраха ит-Башшара и Пояса Пустыни! Если до тех пор, пока их не стало Двенадцать и Один, жертвы Прошлым Богам не приносились, то из Двенадцати и Одного только двое знают, что такое кровь, не понаслышке.

Даже если у них и есть свои способы переучивания — а такие способы наверняка есть.

В этом мы превосходили их. Увы, превосходили. Почти все из нас были более Тусклыми, чем Тусклые.

И все началось гораздо быстрее, чем я предполагал. Потому что я ждал ритуала — а его не было; потому что я ждал обряда — и его тоже не было. Приветствий, проклятий, хоть чего-нибудь — ничего не было.

Высокий старик подбросил в воздух свою секиру, хлопнув в ладоши — и, прежде чем он ее поймал, Эмрах ит-Башшар выбежал на середину зала, и в его руке звонче хлопка пел Пояс Пустыни, наклоняясь в сторону Фаризы.

Радостно завизжала Кунда Вонг, и оскаленная Фариза, забыв обо всем, кинулась на Эмраха.

Они встретились как раз напротив меня. И я еще успел подумать что представлял жертвоприношение Прошлым богам как-то не так... а вот как я его себе представлял — об этом я подумать не успел.

...Обычно сабельные бои бывают шумные и быстротечные. Но на этот раз дело затянулось. И Эмрах, и Фариза не были самыми гениальными бойцами эмирата, равно как Пояс Пустыни и Кунда Вонг тоже не были первыми саблями среди Блистающих — но между собой они были примерно равны, что затягивало Беседу.

Только они не Беседовали.

Еще я заметил, что гибкий Пояс Пустыни наверняка предпочитает пешие Беседы, а его нынешний Придаток Эмрах — конные, и из-за этого их совместные действия были чуть-чуть менее успешными, чем хотелось бы. Как же я раньше этого не заметил? Ах да, раньше я был внутри Беседы, а теперь — снаружи...

Только это не было Беседой.

Сам Эмрах низко приседал, широко расставив кривые ноги, и передвигался короткими резкими прыжками, норовя зацепить концом Маскина Тринадцатого руки Фаризы или дотянуться до ее лица; сама же Фариза непрерывно кружила вокруг ит-Башшара, а вокруг легкой на ногу Фаризы, похожей на язык пламени, непрерывно кружилась бешеная

Кунда Вонг, сбивая в сторону гневно звенящего Пояса Пустыни и стараясь прорваться поближе к Эмраху, где ее жесткость и чуть более короткий клинок давали Кунде некоторое преимущество.

Звону было — хоть уши затыкай...

И все-таки не хотел бы я оказаться на месте Эмраха! То есть окажись я все же на его месте, все пошло бы совсем по-другому — это без ложной скромности, да и какая тут скромность, когда знаешь цену сам себе и не стесняешься сказать: да, этот товар по мне, а вон тот — нет, не сегодня...

А Эмрах — он к себе еще не приценился. Месть местью, а ему — несмотря на его новую Тусклую выучку — всякий раз приходилось, нанося очередной удар, ломать въевшееся в плоть и кровь Мастерство Контроля. Слишком давно был убит Кундой и Фаризой его друг, прошлый Придаток Маскина, и первая всесокрушающая ярость прошла, так что теперь удары Эмраха и Пояса Пустыни зачастую шли не от души.

От ума они шли, от понимания значимости поединка, от осознания реальной опасности... потому и запаздывали самую малость — только здесь счет и шел на такие малости!

Зато Фариза и Кунда — обе они не грешили излишней рассудительностью, и рубили от всего сердца, ничем не руководствуясь, ничего не опасаясь и ни о чем не думая.

И я совершенно не удивился, когда лезвие Кунды полоснуло-таки по правому плечу ит-Башшара, и Пояс Пустыни, прервавшись на полувзмахе, вылетел из ослабевших пальцев и, ударившись об одну из колонн, упал на пол.

Зато я удивился тому, что сделал в следующее мгновение я сам.

Моя левая рука выхватила из-за пояса Обломка, и я швырнул его в Фаризу. То ли мне попросту повезло, то ли Обломок оказался мастером почище метательных ножей из Фумэна — но он ударил Фаризу точно в запястье, и Кунда Вонг — уже готовая опуститься на бритую макушку Эмраха — последовала за Поясом Пустыни, рухнув прямо на него и громко лязгнув от возмущения и обиды.

В два прыжка я оказался рядом с бойцами и первым делом поднял умницу Дзюттэ.

Обнаженный Единорог уже чутко подрагивал в руке аль-Мутаннаби.

— Прекратить! — загремел я на весь зал. — Все, хватит! Наигрались...

Я переоценил свои способности отдавать приказы. И не-

дооценил змея гордыни, свившего свои кольца в Эмрахе и Фаризе. Потому что Фариза, вооруженная только своим дурным характером, кинулась на меня, и я едва успел оттолкнуть ее, помня о Блистающих у меня в руках, но совершенно забыв о латных перчатках — так что несчастная Фариза, задохнувшись, отлетела назад и была поймана недремлющим Косом за отворот халата.

Эмрах, чья рана оказалась неопасной, уже успел к тому времени поднять Маскина, и мне пришлось уходить от них на шаг, потом еще на один шаг; а после опомнившиеся Тусклые кинулись на помощь Тринадцатому, но их встретил Кос с Заррахидом в одной руке и с Саем — в другой, Асахиро с Но-дачи и рычащая Фариза с дымящейся жаровней в руках...

Последней, по-моему, было все равно с кем драться, лишь бы драться. Я, конечно, имею в виду Фаризу, а не жаровню.

— Не убивайте! Не убивайте их! — надсадно кричал я, принимая на Обломка чей-то меч и чувствуя, что шут с трудом удерживается, чтоб не сломать изумленно скрежещущий клинок. — Не убивайте...

По панцирю вскользь прошлось острие копья, я подпрыгнул, пропуская чужой топор, мелькнувший у самого пола; дальше я увидел совсем незнакомое лицо, потом второе — и обе мои руки в наручах и латных перчатках опустились на эти лица.

Да, чуть не забыл — вдоль предплечья правой еще лежал Дзюттэ.

— Не убивайте! — еще раз крикнул я и оказалось, что я кричу в полной тишине.

Ну не то чтобы совсем в полной — но все-таки...

У моих ног стонали двое неудачливых батинитов — тот, по кому попала рука с Дзю, стонал значительно громче — чуть поодаль Кос сидел верхом на еще одном пострадавшем за истину Батин, запрокидывая ему голову при помощи Заррахида; острием Сая ан-Танья легонько покалывал своего подопечного в затылок.

Асахиро с Но загнали сразу троих в угол между стеной и крайней колонной — вся троица была вооружена короткими Блистающими (пара кинжалов и один широкий меч локтя в полтора), так что длины Но-дачи и выражения лица Асахиро вполне хватало, чтобы никто и не пытался покинуть спасительный угол.

Хуже пришлось тому ревнителю Сокровенной Тайны, по кому попала жаровня Фаризы. Впрочем, нет — хуже

всех пришлось жаровне, чинить которую сейчас не взялся бы и самый трудолюбивый мастер.

Еще четверо батинитов, тяжело дыша, сгрудились поодаль, но нападать не пытались. Я оглядел валявшихся на полу Блистающих, отметил, что все они живы, и перевел взгляд на старика и седую женщину.

Они по-прежнему не двигались с места.

И все так же неподвижно наблюдали за происходящим двуручная секира-юэ и двухконечное копье.

Потом высокий человек переглянулся с женщиной и шагнул ко мне.

Я крепче сжал рукоять Единорога.

Это было неправильно — но так я лучше слышал за двоих.

— Я рад познакомиться с Высшим Чэном Анкором, более известным как Чэн-в-Перчатке, — с еле заметной усмешкой в голосе сказал старик. — Также я рад познакомиться с его достойными спутниками. Меня зовут Вардан Сач-Камал. Я — Сайид-на, Глава Учения Батин.

— Я рад познакомиться с Мэйланьским Единорогом, — приветливо произнес Блистающий-Юэ, склоняя волнистое лезвие, которым оканчивалось его древко. — Если не ошибаюсь, вы родич Скользящего Перста? Очень, очень известное семейство... Также приветствую ваших уважаемых спутников. Я — Юэ Сач-Камал, которого немногие зовут Одним.

— Рады познакомиться? — недоверчиво спросили мы с Единорогом. — В самом деле? Даже при этих обстоятельствах?!

— Именно при этих обстоятельствах, — кивнули Вардан Сач-Камал и Юэ Сач-Камал.

— Тогда ждите нас в гости ежедневно, — как бы невзначай заявил Дзюттэ.

— Дзю! — предостерегающе свистнул Единорог.

— А что? — удивился Обломок. — Сами сказали — рады, мол, познакомиться... Не лишать же их такой радости?! Эй, Сай, толкни Коса, пусть слезет с этого... с самого радостного.

6

Обиженные судьбой и нами батиниты, постанывая, медленно поднимались с пола, выбирались из угла и нагибались за своими разбросанными Блистающими. На нас доблестные воины старались лишний раз не смотреть. Я

подозревал, что им было стыдно. Один из них, гибкий светловолосый юноша, перевязывал плечо ит-Башшару, разорвав на полосы свою нижнюю рубаху. Я был прав — рана Эмраха оказалась болезненной, но не опасной, и Эмрах то и дело кривился и шипел сквозь зубы.

Ко мне подошла растрепанная Фариза, на ходу вставляя в ножны подобранную Кунду.

— Почему ты не дал мне добить его? — даже не зло, а как-то удивленно спросила она.

— Хватит, — повернулся я к Фаризе. — Хватит смертей. Хватит Шулмы. Раньше вы убивали, чтоб научить других. А этих, — я кивнул на батинитов, — этих учить уже не надо. Сами выучились... или выучатся. Так что — хватит.

— Он сам напросился! — запальчиво, но не совсем уверенно выкрикнула Фариза. — Он сам...

— Хватит! — отрезал я, и Фариза неожиданно умолкла.

— Ты не прав, — вмешался в наш разговор Вардан Сач-Камал, Сайид-на. — Жертва Прошлым богам в любом случае должна быть принесена. Я не в обиде на тебя за случившееся — но поединок будет продолжен. Такова истина Батин.

Фариза победно усмехнулась. Еще бы, просто бальзам на ее кроткую душу...

— Эмрах не в состоянии продолжать, — возразил я. — Он ранен.

— Тогда мы — ты и я — выставим новых бойцов, — мягкость Вардана была сродни мягкости тигриной лапы перед ударом.

— А если я откажусь?

— Тогда мы будем биться с тобой. Сайид-на и Чэн-в-Перчатке.

Я ничего не успел ответить — потому что в следующий момент по подземному залу прокатился долгий, густой и чистый звук гонга.

И еще раз.

И еще.

Я догадался, что это значит. Там, наверху, кто-то стучал по наружной опоре беседки.

— Это еще кто? — изумленно спросил тот из батинитов, кто перевязывал ит-Башшара; то же самое спросил его короткий и широкий меч.

— Очередные взыскующие истины Батин, — ответил Обломок, и мне осталось лишь повторить его слова.

— Откройте, — невозмутимо приказал старый Вар-

дан. — Если они знают место, время и условный знак — мы должны их впустить.

Светловолосый юноша подошел к дальней стене и к чему-то прикоснулся. Сверху послышался негромкий скрежет, и вскоре по лестнице затопали шаги.

...Их было четверо. Четверо людей. Блистающих — больше.

Мой родич Лян Анкор-Кун с мечом Дан Гьеном по прозвищу Скользящий Перст. Чернобородый гигант Чандра-Дэв (я сразу вспомнил великана Андхаку) — только вместо палицы Конец мира у Чандры на поясе висел его фамильный прямой меч Кханда Вьячасена.

Лян и Чандра; Кханда и Скользящий Перст... старейшины родов людей и Блистающих.

Входящие в Совет Высших Мэйланя.

Третьей была совершенно измученная женщина неопределенного возраста в запыленной и местами порванной одежде. Из ее кожаной перевязи крест-накрест выглядывали рукояти восьми метательных ножей.

Ножей должно было быть десять. Но два кармана пустовали.

Ну а четвертой... Четвертой была неугомонная Матушка Ци собственной персоной со своим замечательным Чаньбо, свободным от тряпок!

Весьма любопытная компания!

— Зачем вы явились? — глухо спросил Вардан Сач-Камал. — Не вовремя пришло вам это в голову!.. ибо сегодня ночь жертвы Прошлым богам.

— Жертва принесена! — резко прервал его Лян Анкор-Кун, и я невольно вздрогнул. Я и не предполагал, что Лян умеет *так* говорить.

— Жертва, старик, как бы ты ни называл ее, уже принесена! Ниру, расскажи им...

Измученная женщина обвела нас взглядом — признаюсь, мне стало не по себе — и вдруг из этих остановившихся глаз обильно хлынули слезы.

— Я... я видела, — захлебываясь рыданиями, бормотала она. — Они... они всех убили! Всех! И сожгли... деревню... я видела, я все видела!.. Я была на скалах... двое пришли в скалы за мной. Это не люди! Это бешеные волки! Я убила двоих... волков, не людей!.. лошадь... лошадь...

И она буквально сползла на пол по полированной стене, закрыв лицо руками.

Матушка Ци тут же бросилась к ней и начала успокаивать, а Чандра-Дэв выступил вперед, обнажив меч Кханду.

— Эта женщина — знахарка из деревни Сунь-Цзя на северо-западной границе Мэйланя, что в дне пути от песков Кулхан. Сегодня вечером она объявилась у моего дома. Я знаю ее — она вылечила моего сына от падучей. Говорит, сутки скакала, загнала коня — но добралась. Во дворец идти не решилась — побоялась, что не пустят на ночь глядя. Вот и пришла к первому из старейшин Совета, кого знала. То есть ко мне.

Чандра нервно облизал губы.

— Какие-то... чужаки (наверное, сперва он хотел сказать «люди») уничтожили ее деревню. Всю. Жителей убили, дома сожгли. Понравившееся оружие унесли, остальное сломали и утопили в колодце. Ниру в скалах собирала целебные травы — и оттуда видела это. Ее муж и сын погибли. Двое чужих забрались в скалы, она метнула в них ножи, забрала одну лошадь и поскакала в Мэйлань...

«Она смогла убить! — думал я. — Ну да... она же видела гибель деревни... а метательные ножи — они вообще не Беседуют, они Говорят по очереди, а на турнирах летят свободно — и в полете Мастерство Контроля совсем другое... Но — она сумела!.. чему ты радуешься, Чэн-дурак?! Чему ты радуешься?!.»

— ...они пришли ко мне за советом, — это говорил уже мой родич Лян. — А какой я им мог дать совет?! И тогда я вспомнил о тебе, Чэн. Ты уже сталкивался с людьми... с людьми, которые убивают. И я подумал... подумал, что ты возможно — возможно! — найдешь нужное решение. Дома мы тебя не застали, а у ворот встретили Матушку Ци...

— И в итоге нам пришлось ей все рассказать, — хмуро пробормотал Чандра, косясь на старуху. — Иначе бы не отвязалась! Впрочем, она и так не отвязалась...

Ах, как я понимал Чандру!

— Вовремя меня встретили благородные господа! — немедленно подала голос Матушка Ци. — Вот уж вовремя... иначе кто бы им дорогу сюда показал? — а я сама-то дороги не знала, откуда мне дороги всякие знать, к разным залам тайным, где многое по ночам творится... да только сердце бабке подсказывало, сердце глупой вещало, куда господин Чэн отправился, сердце подсказывало-вещало, вот и вела я, дура старая, и показывала...

— И вела, и показывала, — подтвердил мрачный Чандра. — И откуда только знала?!.

Похоже, источник осведомленности Матушки Ци оставался загадкой для всех, а старуха отнюдь не спешила просветить собравшихся на этот счет.

Я посмотрел на источник — на Чань-бо, невинно мерцающего лопатой-лезвием и полумесяцем. Видимо, старейшины-Блистающие не хотели, чтобы в роду их Придатков сохранялось знание о клятвопреступлении — а старейшины-люди и вовсе мечтали стереть память об этом, — так что ни Лян, ни Чандра-Дэв о тайном зале и жертве Прошлым богам знать ничего не знали (в отличие от Кханды и Скользящего Перста).

А если и знали — то так, как знают легенду.

Другое дело — Чань-бо, если его и впрямь оставили молчаливым свидетелем, следящим за самоубийствами старейшин-Блистающих. Тогда в роду его Придатков сохранялось и знание, и память, и все, что нужно!.. не зря старуха прошлым эмирата интересуется...

Или остается предположить, что Матушке Ци второй век пошел. Хорошо сохранилась, однако, больше семидесяти никак не дать!..

— Это Шулма, — негромко, но так, чтобы все слышали, сказал Асахиро Ли.

— Это Шулма, — так же негромко прозвенел Но-дачи.

Мало кто из людей и Блистающих понял их. Одни не знали. А другие, возможно, делали вид, что не знают.

И тут заговорил старый Вардан Сач-Камал, Сайид-на, Глава Учения Батин.

— Люди отвергли Истину. Люди перестали приносить жертвы Прошлым богам. Люди — забыли. Поэтому Прошлые боги сами напомнили о себе. Нет, Чэн-в-Перчатке, мы не сойдемся с тобой в поединке, ибо жертва принесена. Большая жертва. Первая из многих, заставящих нас повернуться лицом к Истине...

— Хорошо, Сайид-на, — кивнул я, думая о своем. — Жертвы, жертвы... много будет жертв. Чтобы их было меньше, я должен встретиться с Истиной лицом к лицу. Поэтому я попрошу тебя об одной услуге. Не сочти за труд и поставь свою секиру вон в тот угол... Ладно?

Сач-Камал удивленно посмотрел на меня, но, тем не менее, степенно прошел в указанный угол и аккуратно прислонил к стене свою двуручную секиру.

Я посмотрел на седую женщину с копьем, которая так за все это время и не двинулась с места.

— А вы — свое копье. Прошу вас!

Женщина молча оказалась в углу — я позавидовал мягкости и скрытности ее скользящего шага — и поставила копье рядом с секирой Сач-Камала.

— Теперь вы, господа! — обернулся к родичу Ляну и Чандре-Дэву.

Те переглянулись, пожали плечами но отнесли мечи туда, куда было указано.

— Матушка Ци, будьте любезны, присоедините к ним свой Чань-бо!

Старуха повиновалась молча — за что я был ей безмерно благодарен.

Так, вроде бы все... без Но, Кунды и Сая я вполне обойдусь. Надо будет — позову.

Я зашел в угол — так, наверное, входят в клетку с пятнистым чаушем, — где угрюмо выстроились Блистающие и Тусклые, и опустился на холодный пол. Моя правая рука лежала на рукояти Единорога. За поясом устроилась Дзюттэ.

«Единорог, давай ты, — подумал я. — Если будет надо, я поддержу, но не будем их смущать и отвлекать от главного».

«Хорошо, Чэн», — был ответ.

И, отрешившись на время от мира людей, я вошел в мир Блистающих.

— Вы посмели явиться сюда! — услышал я гневный лязг, не предвещающий ничего хорошего, и понял, что это Юэ Сач-Камал. — Вы, предатели и клятвопреступники, посмели вновь прийти в этот зал!

Кханда Вьячасена и Скользящий Перст понуро молчали.

— Все вы тут хороши! — бесцеремонно перебил его Обломок. — Посмели, явились... И вообще, сожженная деревня — это ваша работа!

— Наша? — искренне удивилось копье.

— А по какому праву, — упав на пол, загремел Юэ Сач-Камал, — заговорил ты, незванный гость, нарушая разговор Старейших?!

Кханда торопливо упал рядом с Сач-Камалом и звенящим шепотом что-то сообщил ему. Единорог-Я успел разобрать всего несколько слов — «Кабирский Палач» да «фарр-ла — Кабир», — после чего Кханда умолк, а Сач-Камал налился багровыми отблесками.

— Мы не имеем к сожжению деревни никакого отношения, — произнес он после долгой паузы.

— Не имеете? — вмешался Единорог-Я. — А Чинкуэда? Один из...

— Одна, — уточнил Юэ Сач-Камал.

— Неважно! Одна из вас! Ведь ты не станешь этого отрицать?

— Не стану, — к Юэ вернулась его прежняя невозмутимость. — Чинкуэда Кехая по прозвищу Змея Шэн была одной из нас и одной из выживших после подлого побоища...

Все-таки не преминул лишний раз уколоть!

— И это вы заслали ее в Шулму! — перебил его Единорог-Я. — Чтобы на клинках Диких Лезвий Шулмы в эмират вернулась Истина Батин! Разве не так?!

— Не так, — с некоторым удивлением ответил Юэ. — Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. Да, Чинкуэда Кехая была среди нас троих, среди тех, кто спасся, когда эти, — он гневно сверкнул в сторону старейшин, — предали нас. Но мы не преступаем своих клятв! Мы не нарушаем Закон. И за это время мы ни разу не приносили жертв Прошлым богам. Мы искали тех, кто захочет последовать за нами. Нас должно было снова стать Двенадцать и Один! Но...

Он на миг замолчал.

— Но Чинкуэде, Змее Шэн, это пришлось не по нраву. Она жаждала мести, и это растравляло ей душу. И она убила двоих старейшин Совета, когда те ехали в Верхний Вэй. Двузубец Ма, Язык кобры, упал с подпиленного Придатком Чинкуэды бревна в реку Цун-ли, а кинжал Ландинг Терус не выдержал боя со Змеей Шэн. И мы изгнали Чинкуэду. С того дня она со своими Придатками обитала где-то на солончаках...

— Мы ничего с тех пор не знаем о Змее Шэн, — сказало двухконечное копье.

— Мы не знаем, что такое Шулма, — сказал Юэ Сач-Камал.

— Мы не знаем, что произошло в сожженной деревне, — сказали они оба.

И я им поверил.

Сразу.

Безоговорочно.

— Вы узнаете, — ответил Единорог-Я.

7

— Но, Сай, Кунда, — свистнул в моей руке Единорог. — Идите сюда!

— Асахиро, Кос, Фариза! — крикнул я. — Идите сюда!

Они подошли.

Они рассказали.

Коротко и ясно.

И им поверили.

Сразу и безоговорочно.

Потому что врать или сомневаться уже не оставалось времени.

— ...думаю, что это вторжение, — закончил Но-дачи. — Начало его.

— Начало конца, — брякнул Сай.

И тут впервые заговорил Чань-бо. Он говорил негромко и словно бы отстраненно — но все молчали и слушали, что говорит Посох Сосредоточения.

— В нашем мире не бывает начал и концов, — сказал Чань-бо. — В нем случаются уходы и возвращения. Сегодня к нам на остриях Диких Лезвий Шулмы вернулась Сокровенная Тайна Батин. Это — свершилось. У нас есть три пути, начинающиеся с порога этого зала. Можно оставить все, как есть, достойно прожить отпущенный нам срок и достойно умереть такими, какими мы есть. Можно сменить достоинство на ярость и выйти навстречу Шулме, став такими, как они. И есть третий путь — стать такими, как они, оставшись собой. Я не знаю, возможно ли это. Выбор — за вами.

И он умолк.

— Мы не можем покорно ждать их прихода, — прозвенел Кханда.

— Не можем, — согласился Скользящий Перст.

— Но и стать такими, как Дикие Лезвия, смогут немногие, — заметил Заррахид.

— Немногие, — согласился Юэ Сач-Камал.

— Чань-бо предложил нам три пути, — тихо сказал Единорог-Я. — Но Чань-бо не прав.

Воцарилась мертвая тишина.

— Он не прав, — повторил Единорог-Я. — Это все один Путь. Путь Меча. Мы не выбираем его, мы даже не идем по нему — он идет через нас. И поэтому когда нам кажется, будто мы выбираем — мы просто делаем еще один выпад. Свой выпад я сделаю утром. Уехав на границу с песками Кулхан.

— Мы слушаем тебя, — прошелестел Чань-бо. — Говори. Я предложил разные пути, ты же не предлагаешь — ты видишь Путь. Говори, Мэйланьский Единорог.

— Юэ Сач-Камал, — продолжил Единорог-Я, — ты должен знать способы, как учить Блистающих... как учить их быть Тусклыми, когда это надо. Ты знаешь?

— Я знаю, — отозвался Юэ.

— Хорошо. Кханда и Скользящий Перст, вы забудете о клейме клятвопреступления и самоубийствах! Завтра вы введете Юэ Сач-Камала и тех, кого он скажет, в Совет Высших Мэйланя, и пусть остальные узнают все! Если понадобится — вы вспомните то, что умели век назад, и будете учить этому всех... и чтоб никаких мне оползней, колодцев и колес арбы! Никаких случайностей!

— Да, — чуть слышно звякнул Скользящий Перст.

— Да, — эхом откликнулся Кханда.

— Если присланный мною гонец скажет вам: «Да» — учите! Если же он скажет «Нет» — решайте сами... я не вправе требовать от вас большего. И помните, что время неумолимо...

8

— ...и помните, что время неумолимо, — закончил я, повторив все, что было нужно, собравшимся вокруг меня людям.

— Ты что же, один собираешься ехать? — вкрадчиво поинтересовался Кос, и я понял, что поеду не один.

— Да куда ж я от тебя-то денусь? — невесело улыбнулся я своему бывшему дворецкому.

Кос согласно кивнул.

Никуда, мол, не денешься... и не надейся.

— Я с тобой, — положил мне руку на плечо Асахиро Ли.

— Да. Ты — со мной, — согласился я.

— Никуда вы не поедете, — уверенно заявила Фариза. — То есть никуда вы не поедете без меня. Разве что через мой труп.

Я поглядел на нее и убедился, что без нее мы действительно никуда не поедем. Даже через ее труп. Потому что труп Фаризы поедет следом.

— Чэн, ты, конечно, можешь меня прогнать, — подал голос сидевший на полу Эмрах ит-Башшар, — только я все равно увяжусь за вами. Я перед тобой в долгу, и...

Я обреченно махнул рукой. Уехать из Кабира было во сто крат проще!

— Только его нам и не хватало! — фыркнула Фариза, но, как ни странно, обошлась на этот раз без оскорблений в адрес удрученного Эмраха.

Молодые батиниты все это время о чем-то тихо совещались — и теперь от них отделился один представитель.

Тот самый гибкий юноша со светлыми волосами, что перевязывал плечо ит-Башшару.

— Мы едем с вами, Высший Чэн, — склонил он голову передо мной.

— У вас есть дело здесь, — как можно мягче ответил я. — Возможно, придется учить других истине Батин.

— Мы не можем учить других тому, чего до конца не познали сами.

— Тогда вас убьют.

— Может быть, — спокойно ответил он. — Мы готовы

к смерти. Но те, кто выживет, увидят свет Сокровенной Тайны, и их жизни еще пригодятся тебе, Чэн-в-Перчатке.

Я тяжело вздохнул.

— А что скажешь ты, Сайид-на?

— Пусть едут, — отозвался Вардан Сач-Камал. — Они вольны в своих поступках. И их ведет свет истины Батин. Пусть едут.

Я молча развел руками.

— ...а я покажу вам дорогу.

Знахарка Ниру стояла у стены. Слезы в глазах ее высохли, губы были плотно сжаты. Она поглядела на меня в упор — и я поспешил отвернуться.

Моего согласия тут не требовалось.

— Спасибо, Ниру... Кстати, сколько их было?

— Не помню.

Ладно. За тем и едем.

— Ай, бедная я, горемычная старуха, побродяжка несчастная! — раздался у меня над самым ухом истошный вопль Матушки Ци. — Не бросайте меня, благородные господа, пропаду я здесь одна-одинешенька, чахлым стебельком завяну — а так, глядишь, и сгожусь на что, и дорога веселее покажется, и совет какой дам, да и вообще, — не бывала я в тех краях, а давно уж собиралась, ох, давненько, только не выходило никак, а теперь вижу...

— Ушастый Демон У с ней! — рявкнул Кос. — Пусть ее едет... ведьма старая! Глядишь, язык шулмусы отрежут!..

— Вот спасибо так спасибо, благородные господа! — нимало не смутившись, затараторила Матушка Ци. — Вот спасибо расспасибо, прям-таки всем спасибам спасибо...

Я застонал и схватился руками за голову.

9

...Выезжали мы на рассвете. Семнадцать человек. Блистающих — больше. Собраны по-походному — провизия, малые и большие шатры, бурдюки с водой...

На окраине Мэйланя — я имею в виду город — я придержал Демона У, недовольно грызущего удила.

Ну вот, не так давно я точно так же выезжал из Кабира. Только нас тогда было двое. Я да Кос. А теперь... много нас теперь. Или мало? Смотря для чего считать и с кем мериться... И, разумеется, Юнъэр все передадут, как в свое время эмиру Дауду — тот же Лян и передаст — но...

На душе было тоскливо. Эмир хоть замуж за меня не собирался!

Да, неведомые якши и ракшасы добились своего — наша свадьба откладывалась на неопределенный срок. Если она вообще когда-нибудь состоится...

Прости меня, Юнъэр.

Прости меня, Чин.

Простите меня все, кому есть за что прощать Чэна-в-Перчатке.

Один я сейчас или не один — ну не умею я стоять спокойно против неба! Все куда-то еду, все чего-то ищу... все кого-то бросаю.

— Вперед! — закричал я, и из-под копыт Демона во все стороны брызнули мелкие камешки...

Постскриптум

...а проклятая деревушка сгорела почти мгновенно.

Нойон племени ориджитов, рыжеусый Джелмэ-багатур, сперва взирал на это с весельем, потом равнодушно, и наконец — дергая себя за вислый ус и озабоченно хмурясь.

Гурхан Джамуха будет недоволен. Он ждет от осторожного и хитроумного Джелмэ путей через Кул-кыыз; путей, по которым способно пройти множество воинов. Гурхан Джамуха ждет от Джелмэ-багатура подробного рассказа об источниках, тайных тропах и заброшенных колодцах: он ждет от нойона племени ориджитов-следопытов многого, но он не ждет преждевременной паники в народе мягкоруких.

Плохо, что деревня так неожиданно вынырнула из-за холмов; и, наверное, все-таки хорошо, что деревянные дома с ширмами из плотной ткани внутри вспыхивали от первого прикосновения факела, как девственница шатров Хуул-джай, прибежищ мужчин в редкие часы отдыха, от первого прикосновения истосковавшегося воина.

Джелмэ-багатур задумался над тем, почему в шатрах Хуул-джай все обитательницы — девственницы (во всяком случае, поначалу); потом он сожалеюще поцокал языком, так и не раскрыв эту загадочную тайну, и вновь уставился на слабо чадящую деревню.

Еще немного — и даже дыма не останется от поселения мягкоруких. Это хорошо. Вдвойне хорошо — потому что воины-ориджиты все тела чужих погибших (своих погибших не было) бросили в огонь, и пламя жадно пожрало предложенную ему пищу. Пусть горят. Это лучшее, на что они способны.

Лучшее — потому что умирали мягкорукие легко и странно. Вряд ли воины племени ориджитов захотят хвастаться в родной Шулме сегодняшними подвигами. Сам Джелмэ-багатур трижды подумает, прежде чем рассказывать кому-нибудь о тринадцатилетнем подростке, бросившемся под копыта коня нойона с рогатиной наперевес, и о том, что прославленный багатур потратил на бешеного звереныша больше времени, чем тратил когда бы то ни было в жизни на одного бойца — пусть даже самого опытного.

Несколько раз рогатина, словно издеваясь, замирала то у лица, то у живота Джелмэ, и лишь когда нойон отсек мальчишке левую кисть — лишь тогда все стало на свое место.

Никогда не забудет Джелмэ-багатур то удивленное выражение, которое окоченело на лице подростка. Вот тогда-то Джелмэ поднял за волосы чью-то отрубленную голову, швырнул ее в огонь и завыл волком:

— Жгите! Жгите все!.. Хурр, дети Ориджа! Жгите!..

Нет, не станут воины рассказывать у костров Шулмы о костре по ту сторону Кул-кыыз. И шрамами хвастаться не будут — не осталось памятных рубцов от этой схватки.

Да и схватка ли это?

Ни один ориджит не ранен... даже не поцарапан. Как и обещал великий гурхан Джамуха Восьмирукий, внук Владыки священного водоема, Желтого бога Мо. Каждое слово гурхана ценнее смерти врага... может быть, его недовольство будет крепко спать по возвращении Джелмэ-багатура и не проснется от важного сообщения о путях через Кул-кыыз и совсем тихого упоминания о сожженной деревушке?

Ведь никто не ушел...

Спи, недовольство гурхана Джамухи, спи вечным сном! Джелмэ хорошо знает, что означает для любого нойона приглашение в круг, где уже ждет Восьмирукий со своим волшебным мечом. Уж лучше попросить телохранителей-тургаудов закатать тебя в кошму и соединить пятки с затылком, ломая становой хребет.

Это гораздо проще и быстрее, чем быть в кругу соплеменников игрушкой Восьмирукого. А он способен долго играть, великий гурхан Джамуха, внук Желтого бога Мо...

Джелмэ-багатур привстал в седле и посмотрел поверх догорающей деревни на юго-запад, туда, где громоздились неприветливые серые скалы. Нойона беспокоило долгое отсутствие двоих воинов, посланных туда на разведку. Нойон не знал, что оба воина лежат сейчас неподалеку от расщелины Ху-коу, что на местном языке означает «Пасть тигра», и

у каждого воина из того места, где ворот кожаного панцирь-куяка открывает горло, растет цветок метательного ножа.

И женщина с безумным взглядом несется к Мэйланю по тайным дорогам, горяча чужую косматую лошадь.

Пожалуй, если бы Джелмэ-багатур обладал даром предвидения, как шаманы Ур-калахая, то он уже сейчас приказал бы телохранителям-тургаудам закатать себя в кошму и соединить пятки с затылком...

Нет, он не был провидцем, нойон Джелмэ. Поэтому он просто сильнее обычного дернул себя за ус, скривился от боли и вновь уставился на пепелище.

Кривая сабля на боку Джелмэ-багатура с легким бряцанием постукивала о седло.

Словно смеялась.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ШУЛМА

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ВОПЛОЩЕНИЕ ЖЕЛТОГО БОГА

Там и сям виднелись отрубленные головы, валявшиеся в пыли; у одних верхняя губа была гладко выбрита, у других были красивые носы, на некоторых были опрятно приглажены волосы, иные были украшены убором или же серьгами.

Махабхарата, книга о Вирате

Глава девятнадцатая

1

— Стояли двое у ручья, у горного ручья,
Гадали двое — чья возьмет? А может быть — ничья?
Стояли двое, в дно вонзив клинки стальных мечей,
И тихо воды нес свои израненный ручей...

...Я сразу узнал их. Нет, я ни на миг не усомнился в том, что все это — сон, что на самом деле я лежу в походном шатре рядом с ровно дышащим Чэном — но узнал я их сразу.

Повитухи-оружейники, Масуд и Мунир. И двое Блиста-

ющих, до половины скрытые в воде, отчего трудно было угадать их род — то ли Прямые мечи, и лишь вода искажает силуэт, то ли и впрямь клинки их слабо изогнуты.

Никаких свидетелей, никакой молнии, никаких страшных клятв... тишина и покой.

— Стояли два меча в ручье — чего ж не постоять?
И отражал, журча, ручей двойную рукоять,
И птиц молчали голоса, и воздух чист и сух,
И упирались в небеса вершины Сафед-Кух,
Вершины Белых гор...

Пятнистая рябь мимоходом пробежала по миру моего сна — такая порой бежит по клинку, обнаженному летним солнечным днем в тутовых зарослях — и Блистающие в ручье на миг заколебались, их очертания дрогнули, расплылись, а когда мир снова стал незыблемым...

Один меч стоял в ручье. Один как перст, один против неба — и в том месте, где вода соприкасалась с клинком, меч не уходил вниз, чтобы вонзиться в дно, а плавно перетекал в серо-стальную полосу ручья и бежал дальше, дальше, огибая камни, всплескивая брызгами-искрами, журча, посвистывая, смеясь... смеясь над изумленными горами, над плывущими по течению листьями, над самим собой и надо мной.

— И нет мечей, но есть ручей — смеясь и лопоча,
Несется он своим путем, своим Путем Меча,
Сам по себе, один из двух, закончив давний спор,
В глуши отрогов Сафед-Кух, заветных Белых гор...

Двое людей, мирно беседующих между собой, неторопливо приблизились к ручью-Блистающему, не останавливаясь, вступили на его поверхность и по-прежнему медленно двинулись вниз по течению. Отойдя на десяток шагов, один из них обернулся через плечо и приглашающе махнул рукой — присоединяйтесь, мол!..

И я, невесть каким образом оказавшийся в ножнах у Чэна на поясе, не раздумывая, качнулся и хлопнул Чэна по бедру, а он улыбнулся и ответно помахал удаляющимся людям правой, железной рукой — иду, иду, подождите меня!.. и когда мы вышли на ручей-дорогу, на меч-дорогу, то у рукояти заржал привязанный к ней, как к коновязи, черный жеребец — и Чэн, распустив узел, подобрал поводья и легко прыгнул в седло, а я звонко ударился о круп ржущего Демона У, и скрепы ножен сверкнули под лучами полуденного солнца.

Потом я краем лезвия посмотрел вперед, и увидел, что вместо двоих людей по Пути Меча идет всего один, удиви-

тельно похожий на обоих сразу, и немного — на Коблана, и еще на Друдла, и... и, наверное, это было невозможно, но это было, и я был счастлив оттого, что это было.

Копыта коня ударились о дорогу, расплескивая ее гладь, и мы двинулись вперед.

От рукояти — в бесконечность.

— Легенды — ложь, легенды врут, легенды для глупцов,
А сталь сгибается, как прут, в блестящее кольцо,
И нет начала, нет конца у этого кольца,
Как рая нет для подлеца и меры для скупца...

И поэтому я даже не удивился, когда в ответ Демону У раздалось ржание иного жеребца, того гнедого призрака, на котором мы с Чэном уже неслись когда-то через город-призрак, через пылающий Кабир восьмисотлетней давности... гнедой ржал, пока его отвязывал от рукояти Пути Меча невысокий стройный человек в знакомом доспехе и с ятаганом у пояса, тяжелым ятаганом с простой рукоятью без самоцветов и серебряных насечек.

«Фархад! — хотел позвать я.. — Фархад иль-Рахш!..»

Но Фархад иль-Рахш и Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби уже проскакали сквозь нас, и вновь мы остались одни — я, Чэн и несущийся во весь опор Демон У, и путник впереди, и рукоять позади, и Белые горы Сафед-Кух вокруг, и...

«Одни? — рассмеялось небо над нами. — Одни? Одни против меня?!»

— Мне снился сон. Спроси — о чем? Отвечу — ни о чем.
Мне снился сон. Я был мечом. Я был тогда мечом.
Я был дорогой и конем, скалою и ручьем,
Я был грозой и летним днем,
Прохожим и его плащом,
Водою и огнем...

2

Проснувшись, я некоторое время просто лежал рядом с Чэном, чувствуя на себе спокойную тяжесть его правой руки и разглядывая приспущенный полог шатра.

Два дня дороги от Мэйланя сюда, почти к самой границе песков Кулхан, порядком утомили меня. И даже не столько утомили, сколько заставили частенько ощущать себя лишним, неумелым лжецом, словно я зачем-то нацепил ворованные ножны Шешеза Абу-Салима и пытался убедить окружающих, что на самом деле я — ятаган фарр-ла-Кабир.

Я лежал и лениво перебирал в памяти горсточку событий, которыми были не столь богаты прошедшие дни...

...Потерявшее двоих своих братьев семейство Метательных ножей Бао-Гунь, равно как и их Придатка, знахарку Ниру, все время приходилось сдерживать — иначе они непременно бы загнали свою лошадь, пытаясь повторить небывалый суточный перегон от деревни Сунь-Цзя до Мэйланя, а заодно уморили бы всех остальных коней и половину людей. Тем не менее, ехали мы достаточно быстро, лишь дважды в день устроив короткие привалы, на которых я помимо воли отмечал несовершенство тел Придатков и лошадей — они нуждались в еде, питье, а также в гораздо более длительном отдыхе, чем мы, Блистающие, что существенно замедляло наше продвижение.

Странно — раньше я никогда не размышлял ни о чем подобном воспринимая действительность такой, какой она вышла из кузницы Небесных Молотов. Порядок вещей казался естественным и единственно возможным; да он и сейчас был таким, но... за все нужно платить. Люди и животные платили быстрым разрушением тел за свою подвижность, а мы, Блистающие — невозможностью самостоятельно передвигаться так, как нам хотелось бы, за долгий век и застывшее совершенство своих стальных тел.

Вот так-то... подумали, посетовали на жизнь и поехали дальше.

...Ехали почти не разговаривая. Метательные ножи, я с Обломком, Заррахид с Саем — во главе отряда; чуть отстав — Пояс Пустыни, Но-дачи и Кунда Вонг, а за ними и все остальные.

Поглядывая время от времени на скачущих позади Маскина Тринадцатого и Эмраха ит-Башшара, Я-Чэн всякий раз отмечал ту легкость и уверенную посадку, с которой они держались в седле; и кривые ноги Эмраха обнимали бока жилистой буланой кобылы с той же естественностью, что и Пояс Пустыни — талию своего Придатка.

Лишь теперь Чэн-Я начал понимать, отчего неугомонный Друдл в свое время прозвал харзийца Конским Клещом. Да уж, отнюдь не за въедливость или привычку цепляться к собеседнику хуже репейника... Что-что, а обращаться с лошадьми Эмрах умел. И Кос с Заррахидом, и Кунда с Фаризой, и Но-дачи с Асахиро, и даже Ниру с ножами Бао-Гунь — все они выгодно отличались от Меня-Чэна знанием конских статей и повадок, но до ит-Башшара и Пояса Пустыни им было далеко.

Впрочем, выносливость и ровный шаг Демона У частич-

но скрадывали нашу относительную неумелость, и я довольно быстро приловчился не хлопать раздражительного Демона по боку, когда не требовалось.

А большего от нас никто и не ждал.

Не скачки, однако...

...Мы проезжали разбросанные в низинах деревни, затопленные рисовые поля, тенистые рощи — и только к вечеру перед нами выросла невысокая горная гряда, освещенная багровыми отблесками предзакатного солнца.

— Остановимся на ночлег? — тихо спросил Заррахид.

Я согласно кивнул, потом подождал, пока Чэн придержит Демона У, и вылетел из ножен, вскинувшись вверх.

Все послушно остановились.

— Привал! — звонко объявил Я-Чэн. — Разбиваем лагерь!..

Ниру и ножи Бао-Гунь, похоже, собирались скакать всю ночь, но внешне ничем не выказали своего недовольства, признавая в нас с Чэном предводителей.

Остановились мы в небольшой ложбине, по каменистому дну которой протекал ручей, скрываясь в осыпи. Коней тут же стреножили и пустили пастись на склоны, а Заррахид с Косом немедленно принялись втихомолку советоваться с Но-дачи и Асахиро, и громогласно отдавать распоряжения от нашего с Чэном имени.

Распоряжения оказались на редкость толковыми, лагерь обустроился быстро и, по-моему, у всех сложилось впечатление, что этим они обязаны исключительно нашему мудрому руководству — хотя на самом деле Я-Чэн понятия не имел, как разбивается походный лагерь (если не предполагать, что он разбивается на мелкие части, после чего все расходятся удовлетворенными).

Правда, последователи истины Батин — не считая Пояса Пустыни с Эмрахом — тоже мало что смыслили в походной жизни, так что наше невежество осталось почти незамеченным.

Вот вам и предводитель! Тут не то что страной — небольшим отрядом, и то управлять не умею...

...В центре лагеря уже вовсю полыхал костер, и Ниру с Матушкой Ци под руководством вездесущего Коса усердно колдовали над каким-то варевом.

По мнению Чэна, варево пахло весьма аппетитно.

— Зеленая шурпа с кореньями! — наконец объявил ан-Танья, и сразу же добавил:

— По фамильному рецепту семьи Анкоров Вэйских!

Чэн о подобном рецепте и слыхом не слыхивал, но все

ели да похваливали — сам Чэн похваливал бы громче всех, но стеснялся — а мы, Блистающие, собрались тем временем в большом шатре.

Говорили вползвона и как-то скупо. О чем? О том, что завтра мы, скорее всего, доберемся до несчастной деревни Сунь-Цзя близ границы песков Кулхан — вернее, до того, что от этой деревни осталось; о том, что Диких Лезвий Шулмы там уже наверняка не окажется — и нам придется искать их неизвестно где и неизвестно сколько...

О том, что шулмусы могли успеть попросту отправиться обратно через Кулхан — об этом старались не говорить. Как и о том, что будет, когда (если) мы их настигнем.

Кунда все время зло ругалась, а Обломок угрюмо помалкивал.

Потом вернулись сытые люди, и мы с Но-дачи отправились по-Беседовать при свете костра на сон грядущий. И все получилось очень даже неплохо. Просто здорово получилось. Изящно и красиво, в лучших традициях эмирата.

И тем, кто смотрел на нас — им, тоже, по-моему, понравилось, хотя мы с Но не очень-то обращали на них внимание.

А после все пошли спать.

Кроме часовых.

3

Утром собрались по-прежнему споро и деловито — я честно напускал на себя озабоченный блеск, предоставив реально распоряжаться Косу с эстоком. В конце-то концов, должен быть у предводителя толковый помощник? Должен. Хвала Небесным Молотам за это? Понятное дело, хвала!

Ну и не будем сами себя перековывать!

Маскин с Эмрахом пригнали коней. Я-Чэн прекрасно видел, с какой откровенной завистью эта парочка поглядывает на нашего Демона У. Что ж, всяк хорош на своем месте — это я о себе, не о них...

— Послушай, Маскин, — обратился я к харзийцу, зная, что Чэн говорит то же самое Эмраху, — я тут подумал... Забирай себе моего Демона! Я все равно наездник не ахти — а твоему Придатку такой конь в самый раз придется. И не спорь со мной! Бери Демона, а я велю заседлать твою буланую...

Маскин Седьмой-Тринадцатый сверкнул и тут же погас.

— Я и не спорю, — ответил он. — Не спорю, но и Де-

мона не возьму. Сразу видно, Единорог, что ты на пеших Беседах вырос... как и вся твоя родня. Это же твой конь, понимаешь? Твой! Не говоря уже о том, что он — дареный... Да он и не подпустит к себе другого Придатка, кроме твоего Чэна! А нашу буланую я знаю, и чего от нее ждать — тоже знаю... а ждать от нее можно многого, так что ты не очень-то зазнавайся! Договорились?

Я согласно качнулся, а Чэн молча отошел в сторону, задумчиво хмуря брови.

...И мы снова ехали, взбираясь все выше и выше, тропа становилась уже и круче, она вилась над обрывами, испуганно вжималась в скалы — мы двигались медленно, осторожно, опасливо, но мы двигались вперед.

Незадолго до полудня мы благополучно миновали перевал — и увидели.

Перед нами внизу — но не слишком далеко, потому что эти горы не были горами Сафед-Кух — скоплением черных угольев лежало то, что еще совсем недавно называлось деревней Сунь-Цзя. Вокруг пригоршни праха были разбросаны неровные желто-зеленые пятна полей и огородов, а еще дальше — но все равно клинком подать, если смотреть с перевала, — до самого горизонта, выбеленного неумолимым солнцем, сколько хватало взгляда, простирались бурые и бесстрастные пески.

Кулхан.

Плохие пески.

И не просто, а очень плохие.

4

Деревня сгорела. Полностью. Дотла. Я и не знал, что поселение способно сгореть таким образом. От домов остались лишь почерневшие обвалившиеся остовы, которые неутомимый труженик-ветер уже наполовину занес песком. Из-под обугленных развалин кое-где выглядывали присыпанные пеплом кости и черепа.

Я все чаще просил Чэна убирать руку аль-Мутанабби с моей рукояти, чтоб не чувствовать за двоих тошнотворный смрад застарелой гари и паленого, разлагающегося мяса.

Он убирал руку — но это помогало мало. Совсем это не помогало.

Мы заставляли себя смотреть. Мы заставляли себя запоминать. И не отворачиваться. То, что было с нами до этой минуты, выглядело сейчас мелкой забавой. Чэну-Мне

особенно врезалась в память яркая тряпичная кукла, которую огонь и ветер по неясной прихоти пощадили, и сжимавшая ее детская рука. Просто рука, без тела. Кукла, рука и ветер, играющий с горелым песком.

До сих пор у любого из нас была возможность выбора. Выбора пути, выбора между жизнью и смертью — другое дело, какой ценой! — выбора того или иного поступка. А какой выбор был у этого ребенка?!

Эту деревню — такой, какой она была сейчас — стоило сохранить. И возить сюда Блистающих, желающих научиться убивать.

Они научились бы.

И таких деревень стало бы много.

«Вот она — безысходность истины Батин», — подумал Я-Чэн.

Но вслух мы ничего не сказали.

...Ни одного Блистающего мы не нашли. Те, кого шулмусы и Дикие Лезвия не забрали с собой, были убиты и сброшены в колодец.

Прообраз священного водоема Желтого бога Мо.

Мы молча постояли над этой могилой, обнажившись — и двинулись прочь.

Вокруг нас сочилась пылью и страхом Шулма.

Отныне — Шулма.

5

— Куда они могли направиться?

Ножи Бао-Гунь не ответили. Взгляд знахарки Ниру не выражал ничего, губы плотно сжаты.

— Куда они могли направиться?!

Не сразу, но смысл вопроса дошел до них.

— Туда, — острие одного из ножей и правая рука Ниру указали на северо-запад, к невидимой отсюда границе песков Кулхан. — Если не задержались, осматривая окрестности.

— Почему именно туда?

Я уже понимал, что это еще не нашествие, а просто передовой отряд, который не двинется вглубь страны до подхода основных сил.

— В это время года в Кулхан можно войти и выйти только там. Левее — зыбучка. Справа — черный песок, кони собьют копыта.

— Даже подкованные?

— Подкованные — на день позже.

— Тогда — едем!

Кони с облегчением рванулись вперед — и вскоре бывшая деревня Сунь-Цзя скрылась за пологими холмами, поросшими редким клочковатым кустарником.

Ехали до самого заката.

Когда начало темнеть — разбили лагерь. Ни шуток, ни разговоров, ни Бесед. Люди молча поужинали и, выставив дозор, забрались в шатры.

Я лежал рядом с Чэном. Его правая рука покоилась на мне.

Мыслей не было. Только гулкая звенящая пустота — одна на двоих.

Сон долго не шел.

Потом пришел.

Тот самый сон.

А потом мы проснулись.

6

...Заррахида с Саем, равно как и Коса, в шатре не было — мы с Чэном отыскали их снаружи, где они предавались обычному занятию: оба Блистающих (Сай уже понемногу начал перенимать замашки эстока) и деятельный ан-Танья всячески распоряжались.

Причем распоряжались сразу всем: приготовлением завтрака для Придатков, свертыванием лагеря, седланием лошадей, и так далее, и тому подобное, не считая множества разных мелочей. Распоряжения шли, разумеется, от имени Высшего Дан Гьена и Высшего Чэна Анкора. Мы с Чэном их всемерно одобрили (про себя!) и принялись наблюдать за всей этой суматохой, изображая снисходительное удовлетворение расторопностью своих дворецких.

Благодаря тому, что мы молчали и ни во что не вмешивались, отряду весьма быстро удалось продолжить путь.

Нас по-прежнему вела семья Метательных ножей; Чэн скакал бок-о-бок с их Придатком, знахаркой Ниру. Слева, сразу за узкой полоской полей, по краю которой мы ехали, возвышались скалы, справа — подступала изрытая оврагами, иссохшаяся и покореженная земля.

Еще не Кулхан, но уже — почти.

Почти.

Это только в Беседе почти не считается...

Проехать, как я понял, можно было только здесь — и

я старался не думать о том, что будет, если дичь давно ушла от преследования.

Поля вскоре закончились, начались унылые солончаки, безрадостно-одинаковые, а за ними просматривалась гряда песчаных барханов.

Мохнатая неказистая кобылка, на которой ехала Ниру с ножами Бао-Гунь, остановилась.

— Вон граница песков Кулхан, — неторопливо звякнул верхний нож.

Я выскользнул из ножен и взмыл над головой Чэна.

Вскоре наш растянувшийся отряд собрался вокруг нас.

— Они должны были выйти именно сюда? — осведомился Чэн у Ниру.

— Да, — коротко отозвалась та. — И пришли тоже отсюда.

— Тогда снимаем поклажу и осматриваем окрестности. Глядишь, отыщутся какие-нибудь следы...

Пока коней освобождали от тяжести свернутых шатров, провизии и бурдюков с водой, мы с Чэном подъехали к Асахиро и Но-дачи.

Кстати, только сейчас я сообразил, что Обломок за всю дорогу так и не произнес ни единого слова.

— Как ты думаешь, Но, где их искать? — негромко поинтересовался я.

И увидел, как Дзю глядит куда-то в сторону, высовываясь у Чэна из-под локтя.

— Не надо их искать! — громко и отчетливо заявил Дзю.

И уже тише добавил:

— Вон они... сами нашлись.

Это и были первые слова шута за истекшие двое суток дороги.

7

...Облако глухо ворчащей пыли неслось на нас. Нет, не неслось — расстояние было довольно-таки большим, и поэтому казалось, что облако просто разрастается, вытягиваясь поперек собственного пути, выгибаясь краями навстречу нам, словно буро-ржавый Чань-бо устремлял вперед свой полумесяц...

— Ориджиты, — бросил Асахиро.

— Кто? — не оборачиваясь, спросил Я-Чэн.

— Дети Ориджа. Племя такое...

— Откуда знаешь?

— Вижу...

И он замолчал.

Не знаю, что там видел Асахиро — ни я, ни Чэн ничего толком разобрать не могли. Напряжение, копившееся во мне с недавних (или давних?) пор, заставляло меня звенеть, подобно струне чанга в ожидании прикосновения умелых пальцев чангира, и я лишь недоумевал — почему мы медлим, почему ждем, почему?!

И запоздалое понимание обожгло меня пламенем невидимого горна.

Все они — Тусклые, Блистающие, Заррахид, Но-дачи, Кунда Вонг, Сай, Пояс Пустыни, Мудрый Чань-бо, восьмерка метательных ножей из сожженной деревни...

Все они — люди истины Батин, Кос, Асахиро Ли, Фариза, Эмрах ит-Башшар, Матушка Ци, выгоревшая изнутри знахарка Ниру...

Все они ждали моего приказа.

Их судьбы, помыслы и желания, их пути — всех и каждого в отдельности — как полосы стали в общем клинке, сошлись к единому острию, и острием этим по воле случая был я, Мэйланьский Единорог!

Не самый старший, не самый опытный, не самый мудрый — но возможности выбирать или сомневаться мне не оставили.

— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл,
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

Я вылетел из ножен, дети Ориджа сразу стали ближе; и земля вокруг нас задрожала.

8

Примерно в сотне выпадов от места нашей стоянки и в двух сотнях от холма, с которого мчались шулмусы, лежал огромный валун — глыба выглаженного солнцем камня в человеческий рост.

Вот у него-то мы и встретились.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, когда лава, кипевшая во мне, подернулась пеплом и коркой времени, я понимаю: судьба еще до начала боя, до первого звона и первой раны, рассмеялась своей удачной шутке и выгнулась от удовольствия.

Мы, дети Кабира, Мэйланя, Харзы, искушенные в бес-

кровном искусстве Бесед, мы собирались убивать без пощады и сожаления; и в то же время надвигающаяся Шулма собиралась взять нас живыми!

Воистину: не хочешь жертвовать собою — не рвись Беседовать с судьбою...

Не рвись еще и потому, что после, спустя один день или по прошествии многих лет, в памяти не остается связной картины случившегося, как если бы кусок твоей жизни был небрежно скомкан, изорван и пущен по ветру. Любую из Бесед своей жизни я, если сильно захочу, могу вспомнить, вспомнить подробно и обстоятельно, а вот бой с детьми Ориджа у песков Кулхан — не могу.

Так, обрывки, осколки, отголоски... эхо, пыль, лязг, крики, прыгающая земля, скрежет...

Вот — навстречу летят какие-то веревки с петлями на конце, и огромный изогнутый клинок Но-дачи чертит воздух косыми взмахами, рассекая витой волос.

Вот — короткая литая булава с глухим уханьем выбивает Фаризу из седла, и над упавшей девушкой пляшет буланая кобыла, на спине которой пляшет оскаленный Эмрах ит-Башшар, в чьих руках пляшут Пояс Пустыни и подхваченная на лету Кунда Вонг; и пляска этого взбесившегося смерча подобна... не знаю я, чему она подобна, а придумывать не хочу.

Вот — спешенная Матушка Ци прижалась спиной к валуну, и лопата забывшего о мудрости и невозмутимости Чань-бо безостановочно подсекает ноги отчаянно ржущих лошадей, шарахающихся в стороны от звона бубенцов и мелькания лент.

Вот еще — знахарка Ниру прямо с коня прыгает на валун, и шесть метательных ножей, один за другим, с пронзительным воплем летят в гущу схватки, и вокруг меня на миг становится просторно, — но лишь на миг, а Ниру с оставшимися двумя ножами соскакивает с валуна, становясь рядом с задыхающейся Матушкой Ци...

Земля качается, мир пьян и безумен, я чувствую, как хмель сражения захлестывает Чэна с головой, делая взгляд веселым и диким, а тело в приросшей броне — послушно-невесомым; «Аракчи! — вопят шулмусы. — Мо-о аракчи!.. Мо-о-о-о...»

Про себя я помню только то, что мне было жарко.

Жарко и мокро.

И еще — Заррахид, мой спутник, мой дворецкий, мой тиран и надсмотрщик, мой эсток Заррахид, тень моя... везде, где не успевал я, успевал он.

А когда однажды не успели ни он, ни я — успел Сай Второй, звенящей вспышкой вырвавшись из пальцев Коса и вонзившись до половины в чье-то искаженное лицо. Обломок в левой руке Чэна метнулся вперед, неистово лязгнув, зацепился за ус Сая, рванул — и через мгновение Сай уже летел обратно к ан-Танье под напутственную ругань Дзю...

Я-Чэн не знал тогда, что наш и без того небольшой отряд успел уменьшиться чуть ли не вполовину; не видел Чэн-Я и ужаса в глазах рыжеусого воина, со стороны наблюдавшего за побоищем и оставившего при себе всего одного шулмуса-телохранителя, потому что остальные были брошены в бой, как последние дрова в пылающую печь; просто Демон У в очередной раз, храпя, взвился на дыбы, вознеся нас высоко над горнилом схватки — и поверх макушки валуна Я-Чэн увидел завершение «Джира о Чэне Анкоре Вэйском».

От знакомого холма, разъяренно визжа и терзая обезумевшую лошадь, к нам неслась Мать всех алмасты, Шестиносая Аала-Крох, а за ней, за бешеной ведьмой с разметавшимся знаменем смоляных волос, по пятам следовали беловолосый гигант Амбариша, вознесший к небу огненный меч, и голый по пояс исполин Андхака, покрытый черной шерстью, чья двуручная палица-гердан грозила привести к концу этот и без того бренный мир.

Последним скакал очень хороший человек, платящий кабирскими динарами слепым сказителям Мэйланя, а сейчас размахивающий кривым мечом-махайрой.

— Чин! — из последних сил закричал Чэн-Я. — Чи-и-ин!.. Гвениль! Жнец!.. Кобла-а-а-ан!..

— Я т-тебе женюсь, мерзавец! — рявкнула благородная госпожа Ак-Нинчи, вихрем проносясь мимо меня. — Я т-тебе...

Волчья Метла только презрительно смахнула с коня зазевавшегося шулмуса, не удостоив меня даже словом.

«Они же... они же не умеют убивать!» — смятенно подумал я, и тут же один-единственный удар Гвениля убедил меня в обратном.

Меня, да еще того несчастного шулмуса, что подвернулся под этот удар.

Видимо, судьба продолжала смеяться; видимо, сегодня был тот день, когда всему учатся сразу и навсегда, или не учатся вовсе.

Только сейчас я почувствовал, как ноет мой избитый клинок.

Глава двадцатая

1

— Уходит! — услышал я отчаянный звон Пояса Пустыни. — Уходит! Ах ты... врешь, достану!..

Шипастый Молчун в руках наскакавшего Коблана поднялся совсем недалеко от меня, опустился, снова поднялся... и я оказался вне боя.

В пяти выпадах от грохочущего Гердана из свалки вылетела буланая кобыла ит-Башшара и мгновенно распласталась в стремительном галопе, удаляясь по направлению к Кулхану. К спине кобылы прилип харзиец Эмрах, потомок кочевников-хургов, и его талию крепко обнимал неудачливый Тусклый, Маскин Тринадцатый, Пояс Пустыни.

Я лишь успел заметить, что Кунды Вонг с ними нет и что правая, раненная еще в Мэйлане рука Эмраха болтается в такт скачке. За кем они гнались — этого я тогда еще не знал, но, повинуясь неясному порыву, описал короткую дугу и плашмя ожег ударом круп Демона У, донельзя возмущенного таким обращением.

И тогда я понял, какого коня подарила нам Юнъэр Мэйланьская. Увидев впереди себя буланую кобылу, Демон У забыл обо всем — о сражении, обиде, усталости — и ринулся в погоню с громовым ржанием. Я молил Небесные Молоты только о том, чтобы железные пальцы аль-Мутанабби не выпустили мою рукоять (Обломка Чэн все-таки успел сунуть за пояс, и сейчас Дзю стучал о панцирь, проклиная все на свете), а пространство вокруг нас билось в падучей, пока вороной Демон несся по иссохшей земле со всех своих четырех, восьми, шестнадцати или сколько там у него было ног.

Пыль налипла на мой влажный клинок, и когда мы поравнялись с Поясом Пустыни, то я с трудом разобрал, что он хочет сказать мне.

— Вон! — звенел Маскин. — Вон они!.. вон-н-н...

Некоторое время мы шли вровень, и казалось, что Демон и буланая Эмраха вообще стоят на месте, а две косматые низкорослые лошадки впереди нас, упираясь и толкая землю копытами, подтягиваются к нам на невидимом канате, и их седоки-шулмусы все чаще оборачивают назад блестящие от пота и напряжения лица.

В последнюю секунду, когда до беглецов было клинком подать, Эмрах бросил поводья, вскочил обеими ногами на спину своей буланой и, так и не расстегнув Пояса Пусты-

ни, обрушился всем весом на ближайшего всадника, злобно топорщившего рыжие жесткие усы.

Их тела, падая наземь, тесно переплелись, второй шулмус резко осадил коня, разрывая ему рот — и на несчастное животное налетел наш Демон, тут же вцепившись зубами ему в холку, а я навершием рукояти ударил откинувшегося шулмуса в лицо, так и не дав ему обнажить кривую легкую саблю с клювастой рукоятью.

Шулмус вылетел из седла, и Чэн немедленно спрыгнул на землю, предоставляя Демону У самому разбираться со своим истошно ржущим противником. Уж кому-кому, а Демону помощи явно не требовалось.

Впрочем, любая помощь сейчас была бы излишней. Выбитый мною шулмус лежал неподвижно — кажется, он сломал себе шею, — всем телом придавив зарывшуюся в песок саблю; подопечный Эмраха был жив, но оглушен падением, и ит-Башшар уже умудрился, пользуясь лишь здоровой левой рукой и зубами, связать ему запястья отобранной у шулмуса веревкой с петлей, словно предназначенной для подобных целей.

Перед тем, как вытереться об одежду мертвого шулмуса, я обернулся и посмотрел назад.

Пыль над местом сражения уже начинала оседать.

Демон У наконец позволил питомцу шулмусских степей вырваться и убежать, потом игривым шагом подошел к кобыле Эмраха и ткнулся мордой ей в плечо.

Кобыла не возражала.

2

...Возвращались шагом, не торопясь. Демон У недовольно всхрапывал, злясь на необходимость везти изловленного шулмуса, перекинутого через седло; я слегка постукивал ножнами о бедро Чэна и размышлял о неизбежном.

Что делать с пленными Дикими Лезвиями?

Что делать с пленными шулмусами?

Что делать с погибшими — своими, чужими, Блистающими и пришлыми?

Что вообще делать дальше?

Что делать с Чин?!

Последняя мысль принадлежала Чэну и тяготила она его, похоже, больше всех остальных, вместе взятых. Я внутренне усмехнулся. Ну что ж, раз нас двое — значит, и забот вдвое...

«Увы, нас теперь не двое, — невесело подумал Чэн. — Нас теперь ого-го сколько!.. и забот — соответственно...»

Позади, под надежным присмотром Пояса Пустыни и Эмраха ит-Башшара, ехали захваченные сабли и кривой нож рыжеусого. По мере приближения к памятному валуну они все чаще делали вид, что никем и ничем не интересуются, но сами исподтишка и не без некоторого содрогания оглядывали поле боя.

У камня понуро сидело десятка полтора связанных шулмусов, выпадах в семи-восьми от них тускло поблескивала груда плененных Диких Лезвий; кому-то еще скручивали руки — устало, но деловито, — кому-то обрабатывали раны; чуть поодаль бродила троица наших батинитов, подбирая уцелевшие клинки.

Мы сгрузили пленников, присоединив их к остальным (подобных с подобными), и, забыв на время о Шулме, принялись оценивать потери и считать уцелевших.

Своих.

Да, Блистающим повезло куда больше, чем Придаткам. Погиб, переломившись у самой рукояти, самый младший из Метательных ножей Бао-Гунь, да еще Тусклая сабля Талвар, чьим Придатком был один из батинитов, не выдержала прямого столкновения с каким-то из шулмусских топоров. Остальные были более-менее целы, царапины и зазубрины — не в счет.

Из людей же ранеными оказались практически все. А пятеро батинитов познали в этой битве истину Батин раз и навсегда.

Прошлые боги наверняка остались довольны.

Впрочем, многое из этого выяснилось уже потом, поскольку не успели мы с Чэном как следует оглядеться, как нас подхватил ураган — неистовый, лохматый, весело гогочущий и сверкающий молнией двуручного эспадона.

— Здорово, Однорогий! — радостно свистел огненный меч Гвениль. — Ах ты тоненький мой, ах ты легонький мой... Ну и скор же ты — мы прямо замаялись тебя искать да догонять!.. Ну иди, иди сюда, я об тебя хоть звякну как следует!

— Гвен! Клянусь священным водоемом, ты еще длиннее стал!..

Я вылетел навстречу Гвенилю, чуть ли не обвившись вокруг его массивного клинка, и вдруг удрученно понял, что обмен любезностями придется отложить.

На неопределенное время.

Потому что к нам уверенно направлялись Волчья Метла

и благородная госпожа Ак-Нинчи из пылкого рода Чибетей — обе всклокоченные, обе гневные, обе преисполненные негодования — и Гвениль с Фальгримом Беловолосым благоразумно отошли в сторонку.

Чэн судорожно вцепился в мою рукоять, ища поддержки, а я с тоской подумал о тех золотых временах, когда мне не приходилось выслушивать ссоры Придатков.

— Так вот, значит, зачем ты удрал из Кабира! — задыхаясь от возмущения, кричала Чин, наступая на растерявшегося Чэна. — Жениться надумал, герой? Правителем решил стать?! Жеребец мэйланьский! Дикий осел! Меня, значит, побоку — и к новой дуре под крылышко?! Ассасинов в ее постели искать! Ловить их за что ни попадя! Да лучше бы тот выродок, тот убийца приблудный, тебе на турнире не руку, а голову отрубил! И заодно того Единорога, что у тебя, подлеца, под шароварами!..

Я обиделся, но промолчал.

Выродок и приблудный убийца Асахиро Ли бочком-бочком отступал за валун, а Но-дачи безуспешно прятался за его спину и изо всех сил старался не привлекать внимания Волчьей Метлы.

— А на этот раз куда изволили направиться, Высший Чэн?! — продолжала меж тем Ак-Нинчи, нимало не успокоившаяся. — Надоели мэйланьские красавицы? В Шулме поискать захотел — или как там эта дыра называется?! Так я тебе поищу, подлый обманщик, я тебе побегаю — ты от меня и в Нюринге не спрячешься!..

— С тобой — хоть в Нюрингу! — попробовал было отшутиться взмокший Чэн, но тут Волчья Метла решила принять участие в разговоре и прыгнула вперед.

Я опоздал, отвлекшись на крики Чин — зато недремлющий Обломок выскочил из-за пояса и с недоуменным лязгом: «Сам не пойму, и чего это я лезу в семейные сцены?!» — отбил первый выпад в сторону.

Пытаясь не дать ссоре разгореться еще больше — зная Дзю, от его вмешательства не стоило ждать иного — я скользнул к вертящейся Метле; мы впервые за столь долгое время коснулись друг друга — и выяснили, что это прикосновение приятно нам обоим. И мы мгновенно забыли о раздорах наших Придатков, о минувшем побоище, обо всем на свете; мы полностью ушли в Беседу, как не раз бывало раньше, в Кабире, в тихом мирном Кабире, где я не знал, что Придатки — это люди, что Блистающие — это оружие, а у Чэна были на месте обе руки, и тень Шулмы не делала день — темным, а ночь — опасной, и будущее было

ясным и прямым, как мой собственный клинок, играющий солнечными бликами...

Я Беседовал с Волчьей Метлой и думал о том, что все будет хорошо. Даже если все плохо — все обязательно будет хорошо. А иначе надо до половины уйти в землю и попросить Чэна посильнее пнуть ногой рукоять.

А ведь не пнет — сколько ни проси... вот поэтому все непременно будет хорошо.

...Я в очередной раз легким движением прошелся между полированными зубцами Волчьей Метлы — и мы застыли, не шевелясь.

Не сразу я понял, что Чэн и Чин тоже стоят, обнявшись, и целуются.

Похоже, им тоже было неплохо...

3

— И жили они долго и счастливо, и родилась у них Волкорогая Метелка, — проворчал Дзюттэ из-за плеча Чин, поскольку Чэн продолжал сжимать его в левой руке.

Мы нехотя расплели объятья и, словно очнувшись, огляделись по сторонам. Оказывается, за это время многое успело произойти. Двое батинитов и Эмрах под началом держащегося за бок и охающего Коса перегоняли лошадей с поклажей за холм — устраивать лагерь у валуна, где воздух до сих пор пах кровью, было бы верхом глупости. Семейство Метательных ножей вновь радовалось жизни, хотя радость эта изрядно отдавала горем потерь: во вьюке какого-то шулмуса обнаружились захваченные в плен Блистающие, и среди них — два ножа Бао-Гунь, извлеченные шулмусами из тел воинов, убитых Ниру еще в скалах близ деревни Сунь-Цзя.

Фариза что-то усердно объясняла пленным ориджитам, во все глаза глядевшим на нас с Метлой и на Чэна с Чин; Диких Лезвий в груде явно прибавилось, как, впрочем, и шулмусов у валуна — тех уже оказалось более трех десятков, причем половина была серьезно ранена. Матушка Ци и Диомед, которому Чэн был обязан «Джиром о...», закончили хлопотать подле наших раненых и теперь оказывали посильную помощь пленникам; Асахиро и почему-то Коблан занимались несколькими хромающими лошадьми.

Я подумал, что пора брать руководство на себя — то бишь не мешать всем делать то, что они считают нужным, — а Чэн отметил, что Фариза слишком уж долго беседует с ориджитами, бледными и сильно испуганными.

— Что ты им объясняешь? — поинтересовался Чэн-Я у Фаризы.

После удара булавой — к счастью, пришедшемуся вскользь и только оглушившему Фаризу — та плохо слышала и вопрос пришлось повторить.

— Да вот, спрашивают, что это между вами сейчас вышло, — хитро усмехнулась Фариза. — Пришлось объяснить... а то они решили, морды немытые, что вы добычу не поделили или там рабов...

— И что ты им сказала, гроза степей?

— Сказала, что свадьба у вас скоро... вот, мол, и привыкаете к семейной жизни. Кажется, на них это произвело большое впечатление...

«Ну да, они же не знают, что такое Беседа! Для них это — бой, бой насмерть...»

— Впечатление — это хорошо, — задумчиво проговорил Дзюттэ, выслушав содержание разговора в моем изложении. — Впечатление надо создавать и всячески поддерживать... первейшая заповедь любого шута.

И он многозначительно умолк.

Вот тут-то до Меня-Чэна дошло, что на самом деле хотел сказать Обломок.

И мы сделали все необходимое, чтобы это дошло и до всех остальных. А они, эти остальные, оказались на редкость понятливыми — хоть Блистающие, хоть люди — и немедленно принялись за дело.

Для начала мы перебрались за холм сами — кстати, там обнаружилась рощица чахлых и горбатых деревьев, что было и впрямь кстати — и перегнали туда же шулмусов, перевезя тяжелораненых и Дикие Лезвия на полотнищах шатров, растянутых между безотказными лошадками. А дальше мы взялись за дело. Мы ставили шатры, перевязывали раны, готовили еду...

Но как!

Я-Чэн видел — как, потому что сам непосредственно в представлении участия не принимал, расположившись на пригорке и со стороны наблюдая за происходящим.

...за тем, как Матушка Ци и Чин старательно перевязывают шулмусов заново, а могучий Гвениль в руках Фальгрима с устрашающим свистом отсекает лишние полосы ткани перед самым носом белых, как молоко, ориджитов — и Фальгрим с каждым ударом корчит такие рожи, будто и впрямь собрался поотрубать несчастным головы, а заодно и все не полюбившиеся ему части их тел.

...за тем, как Волчья Метла вместе с освободившейся

Чин увлеченно подхватывают на зубцы веревки для шатров, спутавшиеся в один узел, и изящным броском переправляют Косу, чей Сай со всех трех рогов распутывает это безобразие, визжа от усердия.

...за тем, как Бронзовый Жнец играючи полосует подвешенные перед ним ленты сушеного мяса, и те совершенно одинаковыми ломтиками сыплются в подставленный казан.

И Блистающие, и Придатки постепенно входили во вкус. Словно из ничего на ровном месте менее чем за час встал лагерь, выросли шатры, в котлах закипела «шурпа по фамильному рецепту семьи Анкоров Вэйских», и кто-то уже успел соорудить примитивную коновязь, в которую тут же со свистом вонзились на равных расстояниях друг от друга все девять ножей Бао-Гунь — Ниру метала их лежа, будучи раненной в обе ноги, но ножи легли точно туда, куда и должны были лечь.

Эмрах здоровой рукой, незаметно шипя от боли, набросил на ножи свернутую в кольца упряжь и поводья нескольких лошадей.

— Дожили! — проворчал крайний слева нож. — Чтоб на меня — и этакую пакость вешали...

— Терпи! — наставительно оборвал его другой нож, видимо, старший в семействе. — Раз Высший Дан Гьен приказал — значит, он знает, что делает...

Я очень надеялся, что так оно и есть, но до конца в этом уверен не был.

Время от времени возникали споры и ссоры. Возникали они одинаково и заканчивались одним и тем же. К примеру, Шипастому Молчуну почудилось, что Но-дачи не совсем идеально срезал верхушку стойки, о чем Гердан со свойственной ему тяжеловесной прямотой так и заявил. Но-дачи, естественно, оскорбился, в долгу не остался, и некоторое время оба грозно звенели друг о друга, высекая искры — а потом, как ни в чем не бывало, расхохотались, улеглись на плечи Коблана и Асахиро, и отправились, мирно разговаривая, к груде припасов, которую предстояло разобрать.

Тусклые с батинитами подняли на ноги дюжину шулмусов покрепче и отправились с ними к месту сражения. Вернувшись часа через полтора, они рассказали, что заставили шулмусов копать могилу обломками их же собственного оружия — дескать, пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов. Я на миг представил Чэна, роющего могилу трупом меня, и содрогнулся от изощренной фантазии поклонников Сокровенной Тайны.

Неподалеку была вырыта еще одна могила — для погибших батинитов и Тусклой сабли Талвар, захороненных вместе. Я немного обиделся, что нас не позвали проститься, но решил не вмешиваться в таинства и ритуалы истины Батин.

Впрочем, хоронить убитых — наших и ориджитов — пришлось бы так или иначе, и уж лучше так, чем иначе. Тем более что Дикие Лезвия не видели скорбной участи своих погибших собратьев, а шулмусы-люди расценили возможность захоронить покойных соплеменников, как честь, оказанную победителями побежденным, о чем и не замедлили по возвращению рассказать детям Ориджа, остававшимся в лагере.

Все это рассказала Чэну-Мне полуоглохшая, но вездесущая Фариза, отыскавшая наконец свою драгоценную Кунду — ту Эмрах в конце боя просто-напросто вышвырнул за пределы свалки, чем и спас от глупой смерти под копытами и ногами.

А Заррахид подтвердил, что Дикие Лезвия внимательно следят за нашим поведением и все время возбужденно переговариваются между собой. О чем они говорили — этого Заррахид не знал, но это и не было важно. Главное — они разговаривали. Значит, они способны Беседовать. Значит, рано или поздно...

Во всяком случае, мне хотелось так думать.

— Отдых, — сам себе сказал Чэн-Я, и Кос, сунув Заррахида в ножны, помчался с пригорка сообщать всем: хватит! Отдыхаем!..

Это было мое первое распоряжение.

4

...Диомед неторопливо кормил костер с руки, лежащий у него на коленях Махайра нежился в ласковых отсветах и громко рассказывал о том, как он, Волчья Метла, Шипастый Молчун и эспадон Гвениль были тенью ускользающего Мэйланьского Единорога.

Оказывается, мои друзья-преследователи задержались у Шешеза Абу-Салима и покинули Кабир почти на день позже нас. По дороге они останавливались в тех же караван-сараях, знакомились со слухами и сплетнями, и двигались дальше, не нагоняя нас, но и не слишком отставая.

Ничего особенного в пути с ними не происходило (как, впрочем, и с нами, если не считать возникшего между нами

общения) и опять же через день после нас вся эта погоня благополучно прибыла в Мэйлань.

Где и приглядывали за нами в меру возможностей, стараясь не появляться на виду...

— Да уж, приглядели, спасибо за заботу, — не вытерпел Обломок. — Грозный Бхимабхата Швета, что огнем в ночи пылает, съел Семи Небес ворота и «драконовкой» закушал... Благодетели!

Гердан и Гвениль недоуменно переглянулись. Ну да, конечно — ведь ни они, ни Волчья Метла, ни даже Махайра о «Джире о Чэне и так далее» ничего не знают! Это ведь чисто человеческая выдумка — Диомед наболтал кучу глупостей сказителю, старый дурак насочинял с три короба, Чэн слушал, я узнал от Чэна, Обломок и прочие — от меня...

Этого мне только сейчас не хватало! Снова начинать объяснять, что Придатки — не Придатки, Блистающие — не Блистающие, и что вот рука аль-Мутанабби, вот Чэн, а вот я... а потом вот Чэн-Я или Я-Чэн...

Небось, всю историю эмирата пересказывать придется!

Обойдутся... как-нибудь в другой раз, благо времени у нас навалом. Тем более что к словам Обломка никто особого интереса не проявил, сочтя их очередной выходкой Дзюттэ.

А если чего-то и не поняли — так кто ж признается, что он глупей шута?!

Я покосился на Волчью Метлу и с радостью отметил, что на меня она, похоже, больше не злится. У Чэна с Чин дела обстояли несколько сложнее, но тоже налаживались. На всякий случай я прислушался к разговору людей — правда, опасаясь испортить себе умиротворенное и расслабленное настроение.

Придатки — они не такие отходчивые, как мы... их Творец спросонья ковал.

— Ну вы и начудили в Мэйлане! — ухмылялся Кос, поминутно хватаясь за перевязанный бок.

Ему было больно смеяться, но не смеяться он не мог.

— Это надо же — ворота утащили, «драконовку» выпили, книгу родовую уволокли, один джир чего стоит!.. Да, кстати, ничего, что я вот так запросто, без церемоний? Андхака с Амбаришей не обидятся?

— Какие церемонии, Кос, — отзывалась Чин. — Наши церемонии в Кабирском переулке остались...

— А «драконовку», положим, и не всю вовсе выпили, — смущенно гудел кузнец, дергая себя за бороду. — Кое-что с собой прихватили... — и он глянул в сторону небольшого бурдюка, который после боя все время таскал с собой, никому не доверяя.

— Ну а здесь, здесь-то вы как оказались?!

— Как, как... — перебил собравшегося было отвечать кузнеца Диомед. — Вы ведь исчезли! Мы ночь пробегали — и во дворец...

Я успокоился за людей и стал слушать Махайру, по которому, надо признаться, порядком соскучился.

— ...и во дворец! А там у спиц Мэйлань-го как раз заседание Совета Высших! Ну, мы ведь тоже почти все Высшие — пустили нас, знакомьтесь, говорят, это вот секира Юэ Сач-Камал, глава здешних Тусклых! После этого мы уже ничему не удивлялись... Проводника они нам дали. Местный, Охотничий нож Ла. Вон он лежит, с теми Блистающими, что мы из плена отбили. У Придатка его лошадь плохая была, он отстал сперва, когда мы с холма-то... а потом... Ну, в общем, испортили у ножа Ла Придатка. Совсем. А нам еще перед самым отъездом из Мэйланя этот Тусклый, Юэ Сач-Камал, через Придатка своего старого тыкву-горлянку передал. Пусть, говорит, ваши Придатки перед боем оттуда по четыре капли отопьют. Больше не надо, а по четыре — в самый раз. Проще, говорит, им тогда будет... Только не успели они — не то что выпить, даже вынуть не успели. Некогда было... Так что теперь мы все — Тусклые. Все как есть. И искать тебе, Единорог, некого. Вот они мы, рядышком! Лови — не хочу!

— А как же... — начал было я, но Махайра так и не дал мне задать вопрос до конца.

— У нас по пути деревня одна случилась, — пробормотал он и заворочался, словно неуютно ему стало. — И даже не деревня, а так... А в деревне — колодец. А в колодце...

И не договорил.

— После того колодца, — глухо закончил Шипастый Молчун, — нам все легко было.

— Значит, из людей убиты шестеро, — после долгой паузы заговорил Чэн-Я. — Пятеро батинитов и проводник, мир их праху... И ранены — все. Кто в живых остался. Один я вроде бы цел, спасибо Кобланову сундуку да доспеху аль-Мутанабби! Да уж, по-Беседовали...

— На бабке еще ни царапины, — шепнул подсевший ближе ан-Танья. — Тоже спасибо сундуку?

Зря это он... тем более, что слух у Матушки Ци был острей меня, равно как язык — длинней и заковыристей Волчьей Метлы.

— Ни царапины на бабке, — забубнила она, непонятно зачем кланяясь на каждом втором слове, — ни царапины на старой, а все почему, а все потому, потому-поэтому, да

и зачем же шулмусикам старуху-то обижать, я же им ничего плохого, ни-ни, пальцем не тронула, ни на вот столечко — а что лошадкам ихним ноги портила, так лошадки у них злющие, хвостами машут, копытами топочут, зубками клацают, едут на старушку и едут, едут и едут, я отмахиваюсь, а они едут, я отмахиваюсь, а они едут, а потом не едут, умаялись лошадки, да и я умаялась, старушечка...

«И впрямь умаялась, старушечка! — подумал Чэн-Я. — Полтабуна умаяла, бедная!..»

— Ты б лучше языком отбивалась, Матушка, — буркнул Кос, — а мы пока в сторонке полежали бы, в холодке... глядишь, целее были бы!

— А Коблан сильнее всех пострадал, — заметил Диомед. — Шишку на лбу видите? Фальгрим, вон головня, посвети-ка!.. Ну и шишка! Выше Белых гор!

Чин прыснула в рукав.

— Да это шулмус один, — застеснялся кузнец, пряча лицо в тень. — Все, подлец, норовил в бурдюк топором сунуть! Я бурдюк убрал-то, от греха подальше, так он меня обухом и зацепил! Ну и я его тоже... зацепил немного...

— Врет! — уверенно вмешался Диомед. — Об его лоб любой обух раскололся бы! Небось, сам себе гердаком сгоряча и треснул, пока бурдюк спасал!

— Да не вру я... — начал было оправдываться кузнец, но его перебил Беловолосый.

— А ну, покажи мне свой гердан!

Коблан протянул руку, уцепил Шипастого Молчуна и сунул его Фальгриму, чуть не съездив Диомеда по макушке.

— Вот! — победно сообщил Беловолосый. — Одного шипа не хватает! И шишка на лбу. Все сходится! Ты, Железнолапый, теперь вместо гердана прямо лбом бей — и проще, и надежней...

...Все еще некоторое время подтрунивали над огромным кузнецом, а потом вдруг застонала Ниру — у нее открылась рана — и смех мгновенно смолк, Чин и Матушка Ци бросились к знахарке, а молчавшие пятеро батинитов сказали, что пусть все ложатся спать, а они будут караулить пленных — но Чэн-Я подумал, что им просто хочется побыть наедине с собой, истиной Батин и душами убитых братьев, и...

Завтра.

Завтра, завтра, завтра...

Когда долго повторяешь одно и то же слово, оно теряет смысл, и ты дергаешь бессмысленный пузырь за ниточку, погружаясь в дрему; и так легче забыть то, что было, легче не думать о том, что будет; легче, легче, легче...

5

...легче легкого.

Мне было хорошо. Я лежал на палисандровой подставке и лениво оглядывался вокруг. А вокруг меня был зал, зал Посвящения в загородном доме Абу-Салимов, и напротив меня на своей подставке лежал ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир.

А между нами была колыбель. Даже можно сказать так — нас разделяла колыбель. Я находился в ногах, а Фархад — в головах. Наверное... потому что колыбель была покрыта тканью, и я не видел новорожденного Придатка, а потому не знал, где у него голова, а где — ноги.

— Здравствуй, Фархад, — сказал я.

— Здравствуй, — ответил старый ятаган. — Только я — не Фархад. Я — Дикое Лезвие. Ты не боишься?

— Нет. Я тоже Дикое лезвие. Чего мне бояться?

— Времени. Когда слишком долго Беседуешь со временем, оно начинает притворяться рекой. Ты плывешь по нему и думаешь о прошлом, а оно становится настоящим; ты думаешь о будущем, а оно тоже становится настоящим или вообще не наступает никогда, и ты плывешь сперва как Дикое Лезвие, потом как ятаган Фархад, потом ты плывешь большой-большой, как ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир, а после, неожиданно, время перестает притворяться, и ты пропускаешь удар, и отныне ты — никто, и можешь стать кем угодно...

Я молчал.

— Мы теперь с тобой больше, чем братья, Единорог... нас сжимала одна и та же рука. Я помню его, Придатка Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби, я помню его, несмотря на то, что время убаюкивает меня... Я помню те дни, когда мы, Дикие Лезвия, становились Блистающими. Это были хорошие дни, это были плохие дни, и бой превращался в искусство, а истина Батин была брошена под ноги Прошлым богам, и Дзюттэ тогда не звался Обломком — нет, те клинки, что упрямо не хотели забывать вкус крови, звали его Кабирским Палачом, потому что не один из них хрустнул в его объятиях... а шутом он стал позже, гораздо позже, когда уже можно было шутить.

Я молчал.

— Сейчас мы простимся, Единорог. Время подобно реке, время подобно сну, а твой сон сейчас закончится, и скоро, очень скоро ты окажешься клинком к клинку с Шулмой, с началом, с прошлым, пробравшимся в настоящее...

не забывай, Единорог, что прошлые дни — это плохие дни, но это и хорошие дни, а время подобно не только реке и сну, оно еще подобно Блистающему...

Порыв ветра, пахнущего гарью, сбросил покрывало с колыбели, и я увидел Кабир, Мэйлань, Харзу, желтую Сузу, Белые горы Сафед-Кух, пески Кулхан, перевал Фурраш, дорогу Барра... я увидел младенца, ожидающего невесть чего, я увидел спящего младенца, над которым лежали двое Блистающих, два меча — старый ятаган Фархад и я, Мэйланьский Единорог...

А на ждущий мир падала тень, словно сверху над колыбелью была распростерта рука в латной перчатке.

— Ильхан мохасту Мунир-суи ояд-хаме! — прозвенел Фархад иль-Рахш.

— Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби! — отозвался я.

И рука над миром-младенцем сжалась в кулак.

Глава двадцать первая

1

...Я-Чэн вышел вперед и замер перед напряженно ожидавшей Шулмой.

Шулмусы-люди, десятка три с небольшим, половина из них серьезно ранена, но руки связаны у всех, и лица нарочито бесстрастны, слишком бесстрастны, чтобы это было правдой, а в темно-карих глазах — и вовсе не черных, и не таких узких, как показалось вначале — проступало сперва любопытство, после стояли гордость и стремление, что называется, сохранить лицо, а уже потом из-за плеча гордости стыдливо выглядывал страх.

Злоба? Ненависть?

Нет. Этого, как ни странно, не было.

И Дикие Лезвия Шулмы — добрая сотня ножей, сабель, копий, коротких угрюмых топоров и булав, два прямых меча, отчетливо узких и обоюдоострых («Родня!» — усмешливо подумал я), и все они еле слышно перешептывались между собой, искоса разглядывая меня и других Блистающих.

— Кто ж этакое добро-то ковал? — послышался сзади приглушенный рык Железнолапого. — Руки б тому умельцу повыдергать... а потом вставить куда надо, да не туда, где было!..

Гердан Шипастый Молчун только гулко ударил оземь, показывая, что сделал бы он с тем незадачливым Повитухой, попадись он ему.

Лишь сейчас я со всей ясностью увидел, что разница между Чэном и рыжеусым пленником-шулмусом невелика, но разница между любым Блистающим и Диким Лезвием, порождением степных кузниц...

Это даже трудно было назвать разницей. Да, они неплохо годились для того, чтобы портить Придатков, но за Блистающими стоял многовековой опыт мастеров-Повитух эмирата, их отточенное кузнечное мастерство, и в этом гордый Масуд и мудрый Мунир были едины.

Любой Блистающий, невесть какими путями попавший в Шулму, должен был казаться тамошним Диким Лезвиям чуть ли не божеством, родным сыном Небесного Молота, питомцем Нюринги или как там они это называли! Не его Придаток, чудом выбравшийся из Кулхана — несчастное, изможденное существо, еле держащееся на ногах и умоляющее о глотке воды, — а именно Блистающий, которому нипочем переход через любые, пусть даже очень плохие пески!

А ведь так оно, пожалуй, и было, Единорог... так оно и было, и заблудший Блистающий был ожившим стихом аль-Мутанабби, и восхищенные Дикие Лезвия помещали пришельца в племенной шатер, их гордость и славу, клали его на почетную кошму в обществе себе подобных, как святыню на алтарь... и выпускали в круг не когда-нибудь, а во время большого тоя! Что равнозначно турниру в Кабире! Ну а когда божественный гость неожиданно для всех демонстрировал свое неумение пролить кровь...

«Чэн, — беззвучно воззвал я, — как назовут люди кого-то, кто выдает себя за божество... ну, к примеру, за божество Грома, не умея при этом вызвать грозу?»

«Лжецом, — пришел неслышный ответ. — Самозванцем».

«А если этот кто-то во всем остальном подобен божеству, и люди не бывают столь могучими и прекрасными?!»

«Тогда — демоном-лжецом. Демоном, принявшим облик божества».

«Ты понял, что я хочу сказать?»

«Да. Я понял».

...Да. Он понял. Чэн-Я понял, что для Диких Лезвий Шулмы любой Блистающий, не умеющий убивать — как для людей человек, не умеющий дышать, но тем не менее живой — был демоном-лжецом, оборотнем, Тусклым, кошмаром, неестественной нежитью... Сломать его! Утопить его! В священный водоем его, под опеку Желтого бога Мо!..

А вот если пришлое божество пусть не с первой попытки, но все-таки доказывало свою божественность, и, надо полагать, доказывало с успехом — небось, Но-дачи снимал головы так, как опытным Диким Лезвиям и не снилось! — то возлагали его на пунцовую кошму, и ночью напролет выли над ним «по-праздничному», и в круг выносили редко, и вообще старались лишний раз не докучать посланцу небес! Молились на него, должно быть, жертвы приносили, гимны посвящали... в набегах старались из чужих шатров выкрасть живые святыни, пускай ценой жизней шулмусских! Что ценней для Дикого Лезвия — жизнь шулмуса, не ставшего еще даже Придатком, или приход в племя нового божества?!.

Ах, Шулма, Шулма... Кабир, Мэйлань, Харза, Оразм, Хаффа — почти тысячелетие назад!

— Эй, Но, — через гарду бросил я, — ты их речь понимаешь?

— Какая там речь, — брякнул Но-дачи. — Разве это речь...

— Понимаешь или нет?!

— Плохо, — помолчав, ответил он. — почти что нет.

— Асахиро, — спросил Чэн-Я, — ты их язык знаешь?

— Конечно, — удивился Асахиро. — Я ж тебе говорил, это ориджиты, они всегда неподалеку от нас, хурулов, кочевали... в смысле от того племени, куда я с Фаризой принят был. У ориджитов речь шипит, как змея в траве, а так все то же...

Вот вам и Придаток! Пока божество с другими собратьями по божественному несчастью в шатре валялось... ладно, не время сейчас шутки шутить.

А время понимать, что в каждом Диком Лезвии до поры скрыт зародыш Блистающего, что дети они — буйные, жестокие, неразумные, любопытные, но дети, чего не понял оскорбленный Но-Дачи и отлично поняли взрослые Чинкуэда, Змея Шэн, и Джамуха Восьмирукий!..

Поняли, что на детей просто надо прикрикнуть!

— Переводи, — приказал Чэн-Я Асахиро, а Я-Чэн подумал: «Будем надеяться, что Дикие Лезвия поймут и без перевода... есть такие доводы, что всем понятны».

Были у нас такие доводы?

А Желтый бог Мо их знает!

Главное — не забывать, что дети долго и связно Беседовать не умеют, почти сразу сбиваясь на спор и крик.

Да, Наставник?.. ах, до чего ж обидно, больно и обидно, что ты — это уже прошлое!

— Спроси у них, кто послал их в эти земли?!

Асахиро спросил. Чэн восхищенно прицокнул языком и подумал, что чем такое говорить — лучше рой пчел во рту поселить. Пчелы хоть мед дают...

Шулмусы некоторое время переглядывались, пока все взгляды не сошлись на рыжеусом — не зря мы его ловили, нет, не зря! — и тот с некоторым трудом встал, вызывающе повернувшись в нашу сторону.

— Он говорит, — Асахиро без труда успевал переводить неторопливо-высокомерную речь знатного шулмуса, — что он — нойон вольного племени детей Ориджа, отважный и мудрый Джелмэ-багатур, убивший врагов больше, чем... так, это можно опустить... короче, больше, чем мы все, вместе взятые, и что скрывать ему нечего.

— Вот пусть и не скрывает, — кивнул Чэн-Я.

— Он говорит, — продолжал Асахиро, — что дети Шулмы неисчислимы, как звезды в небе, как волоски в хвостах коней его табунов, как... короче, много их и... и очень много.

— Понял, — поспешно согласился Чэн-Я.

— ...и их послал великий гурхан Джамуха Восьмирукий, любимый внук Желтого бога Мо...

— Пересчитавший все волоски в хвостах коней его табунов, — не удержался Чэн-Я.

Добросовестный Асахиро немедленно перевел, часть шулмусов помоложе, не удержавшись, хмыкнула и сразу же замолчала, а рыжеусый Джелмэ закусил губу и рявкнул что-то сперва своим ориджитам, а после...

А после и нам.

— Он спрашивает, знаем ли мы, над кем смеемся?

«Дети, дети... наш — значит, самый сильный, самый грозный, самый-самый... бойтесь, другие дети!»

— Скажи — знаем, — прищурился Чэн, а я покинул ножны и завертелся в руке аль-Мутанабби, превратившись в сверкающее колесо. — И спроси, знают ли они в свой черед, кто перед ними?

Дикие Лезвия притихли, вслушиваясь в мой уверенный свист, а от толпы шулмусов послышалось уже знакомое: «Мо аракчи! Мо-о аракчи ылджаз!»

— Они говорят, что ты — Мо-о аракчи ылджаз.

Чэн-Я ждал продолжения.

— Арака — это такой напиток, — принялся объяснять Асахиро, — вроде Фуррашской чачи, только из кобыльего молока и послабее. Аракчи — это тот, кто араку пьет. Чаще, чем принято. Пьяница, в общем. А Мо-о аракчи — это тот, кто пьет перед боем невидимую араку из ладоней

Желтого бога Мо. В любом племени гордятся Мо-о аракчи, но в мирное время вынуждают их кочевать отдельно от остальных. Побаиваются... Ну а ылджаз — это дракон. Большой. И с тремя головами.

— Ну вот, — пробормотал Чэн-Я, — значит, я теперь Мо-о аракчи ылджаз. Грозный, пьяный и с тремя головами. Еще три дня назад я был демон-якша Асмохата и его волшебный меч, что огнем в ночи пылает... и вот на тебе!

— Асмохат-та! — вдруг подхватил ближайший шулмус, молодой круглолицый Придаток с изумленно разинутым ртом. — Хурр, вас-са Оридж! Асмохат-та! Мо-о аракчи ылджаз — Асмохат-та!..

Толпа пленных загалдела, истово размахивая связанными перед грудью руками, и даже рыжеусый нойон не пытался утихомирить разбушевавшихся соплеменников, хотя дело грозило дойти до драки — у круглолицего нашлись и сторонники, и противники.

— Ты хоть понимаешь, что сказал? — тихо спросил Чэна-Меня Асахиро.

— А что я сказал-то? — удивился Чэн, а я перестал вертеться в его руке и недоуменно закачался влево-вправо. — И ничего я не сказал...

— Ты сказал, что ты — последнее земное воплощение Желтого бога Мо, хозяина священного водоема. Ас — Мо — Хат — Та. В Шулме считают, что вслух назвать себя Асмохат-та может или безумец, или...

— Или?

— Или Асмохат-та.

Дзюттэ за поясом Чэна беспокойно заворочался.

— О чем это вы? — требовательно спросил он у меня.

Я объяснил.

— Счастливы твои звезды, глупый ты меч, — серьезно и чуть ли не торжественно заявил шут. — Кольни-ка Придатка Махайры пониже пояса — только сзади, а не спереди — пускай идет к шулмусам и поет им «Джир о хитрозлобном якше Асмохате и его беззаконных деяниях». И чтоб через слово было — Асмохат-та! А не захочет петь — кольни посильнее — и спереди!..

— Диомед! — позвал Чэн-Я. — Иди-ка сюда!

Диомед подошел. Чэн приказал петь. А я кольнул. Диомед подпрыгнул и сказал, что он джира дословно не помнит, потому что он не сказитель, а подсказыватель; а Махайра вообще ничего не понял и стал отмахиваться. Я угомонил Жнеца и кольнул Диомеда еще раз, пока подо-

спевший Дзю держал обиженно звенящего Махайру. Тогда Диомед схватился за уколотое место и согласился петь.

А Кос порылся в своей поклаже и сообщил, что слова джира у него записаны. Для потомков, мол, старался. Интересно, для чьих? Дескать, пусть Диомед поет по его записям, а Асахиро будет переводить.

— А я буду играть! — встряла Фариза и сунула каждому человеку по очереди в лицо какую-то палку с натянутыми вдоль нее жилами неизвестного мне зверя. — Вот — кобыз! У шулмусов нашла...

— Ты же на нем играть не умеешь! — удивленно моргнул Асахиро.

— И не надо! — уверенность Фаризы не имела границ. — Я ж все равно слышу сейчас плохо... лишь бы было громко! Сойдет, Ас, не бойся! На кобызе никто играть не умеет — а врут-то, врут! Да ты сам глянь — разве ж на этом играть можно?!

— Ну, а вдруг... — засомневался Асахиро, но Фариза не дала ему закончить.

Она дернула за все жилы одновременно, раздался душераздирающий вой и визг, шулмусы как по команде замолчали, и я понял, что отступать некуда.

Мы с Чэном были прижаты к стене, которая называлась Асмохат-та.

Последнее земное воплощение Желтого бога Мо.

«Ну почему я?! — обреченно подумал я. — Почему, к примеру, не Гвениль?! он же такой большой...»

2

Пока Диомед запугивал шулмусов джиром, а Фариза с Асахиро всемерно ему в этом помогали, я заставил Сая, веселившегося за поясом у Коса, прекратить повизгивать и присвистывать — и связно описать мне, а через меня и Чэну, этого проклятого бога Мо, последним воплощением которого мы нежданно-негаданно оказались.

Выяснилось, что хозяин священного водоема, спаивающий невидимой аракой особо злобных шулмусов, похож на помесь Придатка и ящерицы.

В Шулме вообще ящерицы слыли чем-то вроде священных животных, что было краем связано с этим самым водоемом — и убить ящерицу считалось делом постыдным и преступным.

В отличие от убийств друг друга.

Вот и смотрелся бог Мо почти что человеком, но в желтой чешуе с черными вкраплениями и зеленовато отливающей спиной.

— Ярковато, — усомнился я. — Можем не сойти...

— А ты на Чэна своего внимательней посмотри! — ядовито отрезал Сай. — Особенно когда он в доспехе... вот еще марлотту накинет, и вылитый Мо!

Марлотта лежала свернутой в каком-то из тюков, в сражении, так сказать, не участвовала и потому уцелела. Узнав о словах Сая, ан-Танья мигом нашел нужный тюк, и через секунду зеленая марлотта уже красовалась на плечах Чэна.

Потом Сай припомнил, что голова у бога Мо как бы слегка заостренная и с гребнем. Чэн поправил шлем и ничего не сказал. И я тоже ничего не сказал.

Только невесело блеснул, узнав, что руки у Мо чешуйчатые, трехпалые, и средний ноготь на правой острый, тонкий и длинный, не короче меня, а левая рука скрючена хитро, но если Чэну не снимать перчатку и с левой, а вдобавок взять Обломка...

Как-то слишком легко все выходило. Случай, нелепость, Беседа с отступающей и уступающей судьбой, совпадения, легковерная Шулма... Ах, не верил я, что выслушав джир, поразившись Чэнову облику да мне с Дзю, шулмусы мигом кинутся Чэну в ноги и понесут нас на руках через Кулхан! А Дикие Лезвия — те вообще джира не слышали, на Асмохат-та им сверкать и... вон, гудят недоуменно! Ну разве что наша установка лагеря произвела на них впечатление — так на одном мастерстве Блистающего в Шулму не въехать!..

Не та это земля — Шулма... и уж во всяком случае Джамуху Восьмирукого и Чинкуэду, Змею Шэн, нам ни обликом, ни сказками не поразить. И вообще — то, что весело начинается, обычно заканчивается совсем не весело.

...думая о своем, я не заметил, что Диомед уже некоторое время молчит, и Асахиро молчит, и шулмусы молчат — но не так, как Диомед с Асахиро, а как-то странно — и Фариза не терзает отбитый в бою кобыз; и молчание это всеобщее мне очень не понравилось.

Потом рыжеусый Джелмэ громко и внятно что-то выкрикнул, и дети Ориджа встали — все, кто был в силах встать — и разошлись в разные стороны, образуя неправильный круг выпадов десяти в поперечнике.

Так они и стояли — люди, еще не ставшие Придатками, а потом снова — людьми; они стояли, а Джелмэ, по-

вернувшись к Чэну-Мне, заговорил спокойным и чуть звенящим голосом.

Знакомый голос... таким голосом люди Беседуют, как Блистающим.

— Он говорит, — неуверенно начал подошедший к нам Асахиро, — что... что он, Джелмэ-багатур, зовет тебя, осмелившегося назваться запретным именем, в круг детей Ориджа. В племенной круг. Там тебя будет ждать он, нойон Джелмэ, который не более чем пылинка в подоле гурхана Джамухи, внука Желтого бога Мо...

И вновь наступила тишина.

Такая тишина, какая наступает в то мгновенье, когда судьба неожиданно перестает улыбаться.

Когда один меч стоит спокойно против неба.

Он был храбрым Придатком, этот гордый нойон, этот обиженный ребенок, и руки его были связаны, и воины его были ранены, и он помнил, не мог не помнить, что было их двенадцать дюжин, буйных детей Ориджа; и он видел, не мог не видеть, сколько их осталось, как видел он, гордый нойон Джелмэ, обиженный ребенок — вот стоят те, кто преградил им дорогу; струя, разметавшая поток...

И одного из них — пьяного боем безумца-дракона, Мо-о аракчи ылджаз, кочующего отдельно — он зовет в круг.

...Я-Чэн чуть было не поддался искушению.

Я-Чэн чуть было не согласился.

Так нам было бы легче сохранить ему жизнь.

Но Я-Чэн сумел не пойти в его круг.

— Дай-ка я... — пробормотал Но-дачи и уже было слетел с плеча двинувшегося вперед Асахиро, но я преградил им дорогу.

А потом властно описал дугу над головой недвижного Чэна.

И напротив круга детей Ориджа, детей гордого Повитухи Масуда, встал круг детей мудрого Мунира, а в центре его стоял Чэн-Я. Два круга, два меча, две правды — вечный спор двух струй одного ручья... двое, не понимающие, что они — одно.

— Я не пойду в твой круг, Джелмэ-багатур, — сказал Чэн-Я, и нойон понял нас еще до того, как заговорил Асахиро, потому что эти слова не нуждались в переводе. — Я зову тебя в свой круг. Тебя и всех ориджитов, которые осмелятся прийти. Я, Асмохат-та, в чьем подоле гурхан Джамуха не более чем пылинка, зову вас всех. Это будет большой той. Очень большой.

И Джелмэ совершил свою первую ошибку; первый про-

мах в этой Беседе был за гордым нойоном, желавшим крови демона-лжеца любой ценой.

Он кивнул и шагнул вперед, размыкая круг Шулмы.

Масуд сделал шаг к Мунриру.

3

Джелмэ прошел между Гвенилем и Махайрой, между Фальгримом и Диомедом, и приблизился ко мне.

Я потянулся вперед и легонько коснулся лезвием веревок, стягивающих его запястья. И нойон не знал, что совершает сейчас вторую ошибку — принимая свободу на конце моего клинка.

Он не понимал, что это может означать для его же собственной сабли; что это значит для всех Диких Лезвий Шулмы.

Один за другим входили в наш круг дети Ориджа — не все, нет, далеко не все, но и этих я насчитал полторы дюжины — и один за другим подставляли связанные руки под мое лезвие.

А их оружие — смотрело.

— Коблан! — негромко позвал Чэн-Я. — Тащи бурдюк!

Объяснять, какой именно бурдюк, не пришлось.

Коблан, громко топая, кинулся к поклаже и мгновенно вернулся с заветным бурдюком.

— Отхлебни! — приказал Чэн-Я.

Коблан послушно и с видимым удовольствием отхлебнул, отчего борода его встопорщилась во все стороны.

— Ылджаз арака! — возвестил Асахиро. — Мо ылджаз арака!

Нойон Джелмэ презрительно усмехнулся.

— Чашу!

Чэну-Мне подали деревянную походную чашу, и Коблан до краев налил в нее похищенную в Мэйлане настойку Огненного дракона.

— Пей, Джелмэ-багатур!

Чашу Чэн держал в обеих руках, опустив меня в ножны.

Гордыня, гордыня... Джелмэ подошел и склонился над чашей. Он на глазах у своего и чужого племени пил Мо ылджаз араку — пусть и ложную, как полагал он сам — из чешуйчатых рук того, кто называл себя Асмохат-та.

И двое ориджитов вышли из круга.

А оставшиеся начали глухо перешептываться.

Они не видели лица своего нойона, сделавшего первый глоток. А я видел — снизу, из ножен мне прекрасно было видно это сине-багровое лицо с выпученными глазами, этот разинутый рот, тщетно пытавшийся вдохнуть ставший вдруг шершавым и раскаленным воздух; и бритый затылок Джелмэ все старался врасти в плечи, а плечи судорожно дергались и лезли вверх.

Когда нойон сумел обернуться к соплеменникам, еще один ориджит покинул круг.

Бегом.

Дикие Лезвия слегка дрогнули и тревожно зазвенели.

Чэн приглашающе повел чашей в сторону шулмусов, и еще трое самых смелых — или самых глупых — отважились повторить подвиг своего нойона, кашляющего в сторонке.

Нет, не трое — двое, потому что третий подумал, поглядел на своих страждущих собратьев и вернулся обратно.

Впрочем, из круга не ушел.

Чэн улыбнулся и поднес к губам чашу.

...Каждый Придаток в нашей семье, как и в любой другой семье «пьяного меча», трижды проходит через испытание предка Хэна. В тринадцать, восемнадцать и в двадцать один год. Испытание заключается в том, что Придатка сперва поят вином до состояния «пьяницы с пиалой» в тринадцать, «пьяницы со жбаном» в восемнадцать и «пьяницы с бочонком» в двадцать один. А потом опытный Блистающий в руках опытного Придатка — обычно это глава рода или семьи — Беседует с опьяневшим юнцом без снисхождения и жалости.

Если испытуемый падает и не встает — его поднимают, если он роняет Блистающего — его заставляют поднять и продолжить Беседу; и так до тех пор, до того мига, который сами Придатки зовут «прозрением предка Хэна».

То есть до первых трех трезвых движений.

После двадцати одного года все Придатки, прошедшие такую выучку, способны пить, не пьянея.

Не часто.

Два-три раза в год.

«И после этого у них ужасно болит голова!» — уловил я отдаленную мысль Чэна...

...Чэн улыбнулся и поднес к губам чашу.

Но отхлебнуть ему не дали.

— Да там же пить нечего! — буркнул Коблан, ловко отбирая чашу у Чэна, недоуменно опустившего правую ру-

ку на мою рукоять. — Сейчас я долью... ишь, выхлебали все, шулмусы проклятые! Рады, небось, на дармовщинку...

И долил.

Из бурдюка.

После чего омочил в чаше губы, одобрительно крякнул и вернул чашу Чэну, под изумленный ропот детей Ориджа.

А Чэн увидел, что чаша практически пуста.

Так, еле-еле, на донышке.

Кузнец незаметно подмигнул Чэну, покрутил в воздухе Шипастым Молчуном — шулмусы дружно шарахнулись назад — и отошел, неся под мышкой свой бурдюк.

По пути он дохнул на нойона Джелмэ, и тому стоило большого труда удержаться на ногах.

А Чэн с облегчением вздохнул — вспомнив обед у Коблана и внезапно опустевшую бутыль тахирского муската — и осушил и без того сухую чашу.

Чаша отлетела в сторону, Чэн покачнулся и захохотал, а я покинул ножны и указал на груду Диких Лезвий.

И шулмусы бросились к оружию.

4

— Это дети, Дзю, — тихо звякнул я о клинок Обломка. — Смотри, не забывайся...

— Это — дети? — недобро усмехнулся Обломок. — Тогда детей полезно наказывать!

— Нет, Кабирский Палач, — впервые я назвал Обломка именем, которого не мог знать; именем, которое случайно услышал в подземном зале истины Батин и которое произнес в моем сне ятаган Фархад.

Имя, которое я больше не произнесу никогда.

— Нет, Кабирский Палач. Не так. Детей нужно наказывать, но их не всегда нужно уничтожать во время наказания.

— Да, Наставник, — отозвался Дзю знакомым тоном, и от этой смеси иронии и уважения меня бросило в дрожь.

И добавил погодя:

— Добренькие мы... может, оно и к лучшему.

«Может, и к лучшему», — про себя повторил Я-Чэн, когда Шулма обступила нас с Обломком со всех сторон.

А Чэн-Я еще успел заметить презрительную усмешку Фальгрима Беловолосого, глядящего на атакующую толпу.

Знал Беловолосый, и эспадон Гвениль знал одну из простых истин Бесед «одного со многими». Знал, что «лишь пя-

теро мастеров могут напасть на одного, не мешая друг другу; шестой — помеха. А неумелые — не более троих; четвертый — помеха».

И еще знали и люди, и Блистающие эмирата, что «Беседа с пятью — труд великий; с десятью же — праздник души; со многими — отдохновение, ибо мешают они себе, тебе же помогают».

...Эту Беседу я запомню до конца своих дней.

Запомню, как Дикие Лезвия в руках шулмусов после всего, увиденного ими, отнюдь не хотели убивать, потому что тогда они убивали бы свою последнюю и единственную возможность понять и договориться — а им уже хотелось понимать, а не только спорить и доказывать; и дети Ориджа удивленно боролись с собственным оружием, становившемся в последний момент тяжелым и непослушным.

Нюринга, Дикие Лезвия промахивались чуть ли не сознательно!

Запомню, как толпились ориджиты, потные, взъерошенные, сопящие, забыв обо всем, стремясь достать, дотянуться, доказать — и в суетливой погоне за ускользающим призраком дотягивались до самих себя, стонали, падали, злились, толкались, кричали от гнева и вскрикивали от боли; а Чэн смеялся, и я смеялся, и смеялся Дзюттэ, и смех разил наповал, потому что он был быстрее меня, неумолимей Обломка и хмельнее Чэна.

И смех — не промахивался.

И еще запомню я, как хлестал плашмя по лицам и рукам, а Дзю вырывал из влажных пальцев схваченные им сабли и ножи, и вышвыривал их вон из круга, и Чэн пел звонко и радостно: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!»

— Во имя...

...и изумленный топор скрежещет краем по зерцалу доспеха, почти увлекая за собой споткнувшегося ориджита; а я слышу отдаленный свист Гвениля: «Давай, Однорогий!»

— ...клинков...

...и три сабли, брызжа искрами, скрещиваются в том месте, где только что было, не могло не быть плечо проклятого Мо-о аракчи, и в миг их соприкосновения они еще успевают увидеть мелькнувшее рядом предплечье Чэна в кованом наруче работы старых кабирских мастеров, к которому прижался Дзюттэ Обломок, шут, забывший о шутках — лязг, визг, и я подхватываю одну из сабель на лету, как подхватывал Эмрах ит-Башшар Кунду Вонг, и отправляю за пределы нашей Беседы...

Затопчут ведь, глупая!

— ...Мунира...

...и вот я на пустом пространстве, и двое — круглолицый парень-шулмус и узкий прямой меч с иссеченной крестовиной — несколько длинных-длинных мгновений отчаянно рубятся с нами, и я поправляю их удары, давая пройти вплотную, подсказывая мечу («Родня ведь!»), придерживая Обломка с его рискованными замечаниями... а глаза горят, и клинки горят, и пауза длится, пока Шулма не вспоминает, что она — Шулма, а я не уверен, что ей так уж хочется это вспоминать...

— ...зову руку...

...летят ножи, сверкающие клювастые птицы, три ножа и еще одно копье, короткое, легкое, юное — и мы встречаем их, кружим в стремительном танце, не давая упасть на землю, и вот они уже снова летят, летят над головами, падая у коновязи под издевательский шелест ножей Бао-Гунь, а знахарка Ниру лежа хлопает в ладоши...

— ...аль-Мутанабби!

... тишина.

Странная, непривычная, неуместная...

Я уже слышал такую тишину — молчание судьбы, неожиданно ставшей серьезной.

Они стояли и смотрели — но выражение лица кименца Диомеда ничем не отличалось от выражения лица любого шулмуса, а застывший на плече Фальгрима Гвениль был подобен замершей на полувзмахе сабле рыжеусого; и круги Кабира и Шулмы перемешались.

Чэн медленно обвел взглядом изваяния, миг назад бывшие вихрем движения, потом повернул голову — и я услышал, как сдавленно охнул Обломок, и увидел правую руку Чэна.

Увидел *его* глазами. Глазами Чэна Анкора.

Чэна-в-Перчатке.

Шальной удар случайно рассек ремень, которым наруч доспеха крепился у запястья, и теперь сам наруч болтался на оставшемся ремешке, а рукав кабы, которую Чэн надевал под доспех, вообще оказался напрочь оторванным, — и рука аль-Мутанабби была обнажена.

Те ремешки и застежки — особая гордость Коблана, — с помощью которых рука аль-Мутанабби когда-то, в ставшем чуть ли не нереальным прошлом, пристегивалась к культе, куда-то исчезли, как не бывало...

Рука не держалась ни на чем. Она просто — была.

Ее теперь нельзя было снять.

Разве что отрубив заново.

И кожа Чэна от края бывшей латной перчатки до локтя была серо-чешуйчатой, словно металлические кольца вросли в живую плоть, превращая ее в себя, плавно переходя от смерти к жизни, от невозможного к возможному, от правды к неправде, от прошлого к настоящему...

От Блистающего к человеку?

— Асмохат-та! — выдохнула Шулма.

— Клянусь Нюрингой... — пробормотали Кабир и Мэйлань.

«Да что ж это такое?!» — в смятении подумал Чэн-Я; а Обломок молча вернулся за пояс, ничего не сказав.

И одинокий гневный голос:

— Мангус! Кара-мангус!.. хурр, вас-са Оридж!..

Все-таки он был храбрым Придатком — нет, он был храбрым человеком, упрямый нойон Джелмэ, пылинка в подоле гурхана Джамухи.

Моего с Чэном любимого внука, надо полагать?!

5

Шулмусы не двигались с места.

— Хурр, вас-са Оридж!

Медленно, один за другим, они опускались на колени, клали перед собой оружие — Дикие Лезвия ложились беззвучно и покорно — потом ориджиты садились на пятки и утыкались лбом в свои клинки, склонившись перед чудом, превращаясь в недвижные маленькие холмики.

— Хурр!..

Нет.

Казалось, эти холмы ничто не могло заставить шевельнуться.

Даже землетрясение.

И Мне-Чэну почудилось, что некоторые из моего отряда еле сдерживаются, чтобы не присоединиться к шулмусам. Что их удерживало? Восемь веков, отделяющих Кабир от Шулмы? Время, притворяющееся рекой?..

— Хурр!..

Нет.

Нойон Джелмэ покачнулся и с ненавистью глянул на Чэна-Меня.

— Мангус! — прошипел он, кривя рот в гримасе не то ярости, не то плача. — Уй-юй, мангус-сы!.. ылджаз уруй...

Он шагнул к нам, обреченно поднимая саблю — и ему

наперерез кинулся тот самый круглолицый ориджит, который первым сказал: «Асмохат-та!»

Меч круглолицего так и остался лежать на земле, а сам ориджит что-то выкрикивал, захлебываясь словами и слезами... они упали, покатились в пыли, тела их переплелись, превратившись в орущий и дергающийся клубок, и лишь я видел, как рвущийся к ненавистному мангусу Джелмэ перехватывает саблю лезвием к себе и коротким рывком полосует руку круглолицего, вцепившуюся ему в ворот, и красный браслет проступает чуть повыше запястья...

Руку.

Правую.

Руку.

Руку!..

И огонь ударил мне в клинок.

Никто не заметил, как умер гордый нойон Джелмэ. Да он и сам не успел ничего понять, почувствовать или хотя бы испугаться. Просто я вдруг стал длинным, очень длинным, на всю длину полного выпада, и вот я уже короткий, такой, как прежде, вот я уже вынырнул из случайного просвета между двумя сплетенными телами, а круглолицый не знает, что борется с мертвецом, и кровь из рассеченной яремной жилы Джелмэ заливает ему лицо, одежду...

Чэн, не вытирая, бросил меня в ножны, левой рукой подобрал саблю нойона, долго смотрел на нее — что видел он в тот миг? — и наконец выхватил из-за пояса Дзюттэ.

Шут обнял саблю, и та умерла легко и быстро.

Дикие Лезвия отозвались протяжным стоном.

Чэн держал Дзю в руке аль-Мутанабби, в страшной руке, в нашей общей руке, в сросшемся воедино умении дарить жизнь и отнимать жизнь, и я не ревновал Обломка к руке Чэна-в-Перчатке.

Я думал о дне, когда Чэна не станет, когда его правая рука умрет во второй раз, и о том, что в тот день я...

...я...

Что будет со мной в тот Судный день?!

Круглолицый ориджит поднял голову — Я-Чэн вздрогнул, увидев его лицо — и заговорил хриплым срывающимся голосом.

Взяв Дзюттэ в левую руку, Чэн опустил руку адь-Мутанабби на мою рукоять.

— Он говорит, — сказал подошедший к нам Асахиро, единственный, кто смотрел на живую латную перчатку без содрогания; нет, не единственный — еще Коблан.

— Он говорит, что Асмохат-та добр. Асмохат-та не хо-

тел убивать глупых детей Ориджа. Он, младший брат Джелмэ-багатура, Кулай-мэрген, видел это. Джелмэ-багатур не хотел прозреть. Джелмэ-багатур уплатил цену слепоты. Он, Кулай-мэрген, говорит: Асмохат-та добр. Добр и справедлив. Он, Кулай-мэрген, вкладывает поводья своей судьбы в правую руку Асмохат-та и просит его больше не указывать стальным пальцем на оставшихся детей Ориджа. Это слово Кулай-мэргена.

Ближний ко Мне-Чэну шулмус поднял голову. Седые космы падали ему на глаза, и весь он напоминал побитого пса.

Встать он не осмелился.

Выкрикнул что-то и вновь ткнулся лбом в древко своего копья.

— Он сказал, — перевел Асахиро, — что слово Кулай-нойона — это слово всех детей Ориджа. И что не надо больше указывать пальцем. Ни на кого.

Но-дачи на плече Асахиро шевельнулся.

— Ты знаешь, Единорог, — негромко сказал Но, — по-моему, если мне и есть чем гордиться в этой жизни, так это тем, что я случайно отрубил руку твоему Придатку. Не знаю, было ли у меня еще что-нибудь, чем стоило бы гордиться, кроме этого... и не знаю, будет ли.

Я не ответил.

Я смотрел на окровавленного Кулая, баюкавшего на коленях тело убитого брата; и обломки погибшей сабли подле них были подобны обломкам Детского Учителя на кабирской мостовой.

И день был подобен ночи.

Постскриптум

..Небо. Оно, словно отсыревшее полотнище, провисало над огромным валуном, у которого сидел одинокий человек в старинном доспехе; небо грозило прорваться яростным, коротким и совершенно бесполезным ливнем, столь обычным для середины осени на окраине Мэйланя, северной границы эмирата, черте песков Кулхан.

Беззвучно полыхнула синяя ветвистая молния.

Грома не было.

Совсем.

И воздух ощутимо давил на плечи.

Судьба лениво лежала поверх валуна, свернувшись в скользкое чешуйчатое кольцо вокруг прямого и узкого меча с кистями на рукояти; рядом с мечом, похожим на рог ска-

зочного зверя Цилинь, лежал тяжелый кинжал-дзюттэ с тупым граненым клинком и односторонней гардой.

Человек сидел, привалившись спиной к нагревшемуся за день камню, и бездумно поглаживал пальцами левой руки предплечье правой. Кожа под пальцами была твердой и чешуйчатой, подобно судьбе на валуне, но теплой.

Живой.

Или просто это металл отдавал накопленное тепло?

Кто знает...

Потом послышались шаги, и к валуну неспешно приблизились двое.

— Я понимаю — так было надо...

Это сказал первый — стройный сухощавый мужчина лет сорока пяти, державшийся подчеркнуто прямо; лицо мужчины было строгим и спокойным.

Замолчав, он плотно сжал тонкие губы, отчего те побелели и стали похожи на давний шрам, вынул из ножен длинный меч-эсток с витой гардой из четырех полос черной стали, и положил оружие на валун.

— Это было необходимо. Ты не мог иначе...

Последние слова произнес второй — невысокий крепыш, чьи глаза, казалось, были старше их владельца лет на двадцать.

Он снял с плеча двуручный, слабо изогнутый меч с крохотным блюдцем, отделяющим клинок от рукояти, и воткнул его в землю рядом с валуном.

Человек в доспехе молчал.

Оба пришедших еще немного постояли, ничего не говоря, затем опустились на землю и превратились в неподвижные изваяния, похожие на те, что часто ставят на мэйланьских кладбищах в качестве надгробий.

Когда из-за валуна вышла старуха с ритуальным посохом секты Пай-синь в руке, никто не пошевелился.

— Я понимаю — ты не мог иначе, — сказала старуха, прислоняя к камню свой посох.

Ответа не было.

Старуха некоторое время смотрела на человека в доспехе, словно ожидая чего-то, потом повернулась и стала глядеть в сторону холмов.

— Коблан идет, — вдруг заявила она. — И этот... Беловолосый. Ишь, вышагивают...

И невпопад добавила:

— Кости ломит... скорей бы уж гроза.

Подошедший кузнец — что было видно по обожженным, обманчиво корявым рукам, сжимавшим шипастую па-

лицу-гердан так, словно это была резная трость для прогулок — долго откашливался и хмыкал, как если бы горло его было забито песком.

— Я понимаю, — наконец выговорил он. — Я все понимаю... так было надо.

— Так было надо, — твердо повторил его спутник, голубоглазый северянин, тряхнув льняными прядями волос, падающими ему на плечи; и возле валуна вонзился в землю меч-эспадон высотой почти в рост человека.— Ты не мог иначе, Чэн...

— Вы что, утешать меня пришли? — спросил человек в доспехе, сжимая железные пальцы в кулак. — Так это вы зря... лучше б следили за тем, чтоб гонец в Мэйлань вовремя отправился.

— Гонец готов, — ответила старуха.

— Он спрашивает, что ему сказать Совету, — бросил худой мужчина; чей эсток на камне слабо звякнул, поймав клинком порыв налетевшего ветра.

— Да или нет? Что ему сказать?

— Пусть передаст...

Человек в доспехе зажмурился, словно собираясь броситься вниз головой в холодную и пенистую воду одного из потоков Бек-Нэша, а когда он все-таки открыл глаза, то они были спокойны и странно безмятежны.

— Пусть передаст: «Не знаю». Два слова. Не знаю. И больше ничего.

— Не проще ли сказать: «Решайте сами?» — шевельнулся крепыш со старым взглядом.

— Проще. Но это уже будет почти приказ — если я скажу Совету: «Решайте сами». А так я говорю только о себе: «Не знаю». Я ведь действительно не знаю... и не хочу притворяться, что знаю. Все, что я хочу — это дойти до Джамухи Восьмирукого, встать напротив него с Единорогом в руке аль-Мутанабби и спросить, знает ли он ответы на все вопросы, которые рискнул задать — или он спрашивал, не подумав. Знает ли он, убийца не по принуждению, а во имя мертвых истин, знает ли он, что это значит — учить детей убивать, получая от этого удовольствие? Да или нет?! И я хочу услышать, что он мне ответит... я очень хочу это услышать.

Из-за валуна показалась черноволосая девушка с белым обручем на лбу.

— Я понимаю, — начала она, опираясь на пику с торчащими из древка зазубренными веточками, — я понимаю... Так было надо.

И очень удивилась, когда человек в доспехе невесело рассмеялся.

Еще одна молния рассекла небо надвое, отразившись в полировке оружия — и показалось, что несколько Грозовых Клинков ударили в валун и в землю около него.

Спустя некоторое время горизонт глухо зарычал, словно там, за очень плохими песками, пробуждался от сна зверь.

Очень плохой зверь.

И очень голодный.

Еще один постскриптум

Круглолицый Кулай сидел на туго скатанном вьюке шагах в двадцати от крайнего шатра, спиной к лагерю, живущему обычной вечерней жизнью, и смотрел вдаль.

Сидел просто так и смотрел просто так.

За ним никто не следил — как, впрочем, и за любым другим ориджитом — руки Кулая были свободны, и он был волен в своих поступках точно так же, как полдня назад, когда пытался остановить старшего брата, не хотевшего принять Асмохат-та; так же, как сутки и еще половину дня назад, когда вместе со всеми детьми Ориджа несся на мягкоруких, вставших у них на пути; так же, как месяц с лишним назад, когда племя ориджитов отправило по приказу гурхана Джамухи всех своих воинов на поиски торных путей через Кул-кыыз, хотя дети Ориджа и не преломляли священный прут, клянясь в верности Восьмирукому...

Волен в поступках, как любой вольный воин вольного племени, только воля та оказывалась на поверку ярмом и ложью.

Долго рассказывать, долго и больно вспоминать, как временное стойбище ориджитов, где в тот день оставались лишь женщины с детьми да старики, было окружено многочисленными воинами племен маалев и локров — первыми признавшими власть внука Желтого бога Мо, — и поникший головой Джелмэ-багатур, вернувшись с мужчинами к опустевшему стойбищу, яростно дергал себя за рыжий ус, а потом открыл свои уши и сердце для велений Восьмирукого.

Ой-бой, брат мой Джелмэ!.. худо мне без тебя... хоть и с тобой не раз бывало худо, упрямый брат мой!..

Кулай заворочался, болезненно морщась, и не заметил, как рядом оказался Тохтар-кулу, старая лиса.

— Долгих лет Кулай-нойону! — заискивающе пробормотал Тохтар-кулу, пятерней отбрасывая назад нечесаные

седые волосы. — Да хранит нойона вечное небо! Слышал ли Кулай-нойон, что Асмохат-та идет вместе с детьми Ориджа в Шулму?

— Пусть всех нас хранит небо, старик, — угрюмо отозвался Кулай. — Небу это будет совсем просто — мужчин племени скоро не останется ни одного, а женщины будут рожать детей остроухим маалеям!

Чтобы не завыть от бессильной ярости, Кулаю пришлось вцепиться зубами в большой палец правой руки. Акте, его жена Акте, оставшаяся дома под властью Восьмирукого, разорви его железноклювые илбисы!..

— Я — старый человек, — растягивая слова, почти пропел Тохтар-кулу, еле заметно улыбаясь беззубым ртом. — Но я по-прежнему способен различить след змеи в траве весенних степей. Это хорошо знал Джелмэ-багатур, твой брат, слишком храбрый для того, чтобы состариться самому; это знал ваш отец, Чабу-нойон, не заставший прихода гурхана Джамухи и умерший от счастья в объятиях девятой жены; и это знал его отец, а ваш дед, Урхен-гумыш, с которым мы выпили не один бурдюк араки... Я — старый человек. Я — человек, сумевший дожить до старости. И поэтому никто не скажет, что Тохтар-кулу глуп.

Кулай удивленно слушал Тохтара, закусив губу. С чего бы это старик разговорился?

— Мне снился сон, Кулай-нойон...

Старый Тохтар заявил это с такой невозмутимостью, что Кулай даже и не подумал спросить: когда это старик нашел время спать, да еще видеть сон?

— Мне снился сон. Я видел то, чего уже не может быть. Я видел, как живой Джелмэ-багатур во главе горстки выживших мужчин племени возвращается в Шулму. Я видел, как хохочут маалеи, как хлопают себя по бедрам желтоглазые локры, глядя на неудачливых детей Ориджа; я видел, как хмурится великий гурхан Джамуха, выслушивая рассказ коленопреклоненного Джелмэ о десятке-другом мягкоруких, превративших степной пожар в едва тлеющую золу; я видел, как Восьмирукий берется за рукоять своего волшебного меча и как живой Джелмэ-багатур опять становится мертвым.

Тохтар-кулу поморгал бесцветными ресницами, плюнул себе под ноги и грустно уставился на собственный плевок.

— Это был плохой сон, — задумчиво сказал старик. — Это был очень плохой сон. Я даже захотел сперва проснуться, но увидел второй сон и раздумал просыпаться. Да. Это был хороший сон. Это был такой хороший сон, что его

можно было смотреть до конца моих дней, которых осталось совсем мало.

Кулай выжидательно смотрел на Тохтара, а тот все не мог оторваться от созерцания плевка у себя под ногами.

— Ай, какой хороший сон, — наконец заговорил Тохтар, — ай-яй, хороший-хороший... как жеребячьим жиром намазанный!..

И опять замолчал.

Кулай протянул руку, уцепил старика за ворот чекменя и два раза встряхнул. Третьего раза не понадобилось — задумчивость в хитрых глазках Тохтара мигом сменилась готовностью продолжать.

И Кулай еще подумал, что если бы все заботы можно было бы прогнать так просто — ой-бой, как легко бы жилось на этой ужасной земле!..

— Ай, хороший сон! — поспешно сообщил Тохтар, отодвигаясь подальше. — Сон о том, как дети Ориджа вернулись домой из Кул-кыыз; и это было хорошо. Сон о том, как смеялись маалеи, и локры, и хулайры — и это тоже было хорошо, потому что смеющийся враг — это глупый враг, и мы тоже смеялись, несясь с холма на мягкоруких, а потом мы стали умными, а большинство из нас — мертвыми, и мы перестали смеяться! Я видел во сне, как хмурится гурхан Джамуха, поглаживая рукоять своего волшебного меча, но я видел, как хмурится Асмохат-та, глядя на то, как гурхан Джамуха поглаживает рукоять своего волшебного меча... уй-юй, как плохо хмурился Асмохат-та! Даже я так не хмурюсь, когда вижу моего внука, собирающегося плюнуть в священный водоем!

Старик ударил себя по щекам, не в силах выразить ужас, охвативший его при виде гневного Асмохат-та. Кулаю показалось, что на дне глаз старого Тохтара мелькают подозрительные искорки, но он решил не искушать судьбу.

Тряхнешь Тохтара в третий раз — а он и вовсе замолчит.

Навеки.

Хотя вряд ли — этот нас всех переживет...

— Я даже опять хотел проснуться, — старик доверительно наклонился к Кулаю, оставаясь, впрочем, на безопасном расстоянии. — Но Асмохат-та перестал хмуриться, а гурхан Джамуха Восьмирукий перестал жить, и все увидели, что Асмохат-та — это Асмохат-та, а Джамуха имеет всего две руки — как и любой человек, даже если он зовется, к примеру, старым Тохтар-кулу... И если бы тот, кто зовется старым Тохтар-кулу, не проснулся бы от топота чьих-то толстых ног, то он успел бы еще увидеть, как степи

Шулмы говорят о мудром и доблестном Кулай-нойоне, первым признавшим Асмохат-та!.. ай-яй, какой хороший сон...

— Твой сон врет, старик, — угрюмо бросил Кулай. — Асмохат-та не хотел убивать глупых детей Ориджа. Асмохат-та вообще не любит убивать. А ты учил меня, что воинская доблесть — это смерть врага! Значит, ты неправильно учил меня?!

— Я правильно учил тебя, Кулай-мэрген, ставший Кулай-нойоном, — ответил Тохтар-кулу. — Если ты до сих пор жив и можешь трясти меня за воротник — значит, я правильно учил тебя. Воинская доблесть — это смерть врага. Но когда становишься старым, когда кобыла судьбы доится на твои волосы, делая их белыми, то реже думаешь о смерти врага, и чаще — о жизни. О своей жизни. О чужой жизни. И понимаешь, что для каждого времени — своя мудрость и своя доблесть. Это понимаешь лишь тогда, когда твоя собственная жизнь подходит к концу.

Старик умолк, и Кулаю не пришло в голову подгонять его.

— Ты понимаешь это, — после долгого молчания еле слышно прошептал Тохтар-кулу, — но вокруг есть много юных и доблестных воинов, и ты боишься сказать им об этом, потому что у тебя всего один воротник, потому что тогда ты станешь их врагом, а их доблесть, доблесть юных, доблесть твоих детей и учеников, — это смерть врага. И ты ждешь, что придёт кто-то, кто не боится говорить о новом. Что придет Асмохат-та.

Небо треснуло, вспыхнув синим огнем, и Кулай прислушался к оглушительному рыку Верхней Стаи, задравшей чью-то неприкаянную душу.

— Пошли собираться, Тохтар-кулу, — буднично сказал Кулай. — Чего зря сидеть?

— Да, нойон, — кивнул старик.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ОГОНЬ МАСУДА

Основа воинских искусств — любовь ко всему сущему на земле.

Древние

— Ну уж нет, — ласково улыбнулся Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Сперва ты расскажешь обо всем мне. Хорошо, гонец? Да?

Гонец — низкорослый и плосколицый маалей Удуй-Хара, которого с детства невесть за что прозывали Чумным Волком, — растерянно молчал. Нет, что ни говори, а здесь без джай-волшбы дело не обошлось! Иначе с чего бы стоять шаману Ур-калахая на пути Чумного Волка? Священный водоем далеко, степь велика — ан нет, вот он, Куш-тэнгри, Неправильный Шаман, благослови его Геенна Трех Языков!..

— Ты уже хочешь говорить, правда, гонец?

Губы Куш-тэнгри не шевелились, но властный хрипловатый голос прозвучал столь отчетливо, что Чумной Волк непроизвольно вздрогнул, оторвав взгляд от ужасающе-неподвижного рта шамана — и, забывшись, посмотрел прямо в глаза служителю Ур-калахая Безликого.

Глаза жили своей, отдельной от тела жизнью. Удуй-Хара еще подумал, что так не бывает, а потом перестал думать — просто стоял и смотрел.

Долго смотрел. Одну жизнь смотрел, вторую смотрел, после умер, и Куш-тэнгри умер, а глаза все глядели, не моргая, все не исчезали, словно были ровней ночи, степи, ветру...

«Я жду, гонец!» — донеслось из ниоткуда.

Чего бояться мертвому? Того, что гурхан Джамуха разгневается, узнав, что между ним и вестями с границы встал Неправильный Шаман, а язык Удуй-Хара сам вылез изо рта и стал делать слова?

Да и слов-то этих горсти две, не больше... стояла застава у Кул-кыыз, давно стояла, новых дозорных на смену ждала — и дождалась, только не смены, а гостей из песков. Три десятка ориджитов явились, да с ними дюжина с лишним усталых чужаков. Спрашивали заставщики у ориджитов: где, мол, братья ваши, где отцы ваши, где мужчины племени? В Верхнюю Степь на вечное кочевье ушли, — отвечают. Спрашивали заставщики у ориджитов: где Джелмэ-багатур, где ваш нойон? Нет нойона, — отвечают, — на него Асмохат-та пальцем указал; новый нойон теперь у нас, Кулай-нойон. Спрашивали заставщики у ориджитов: какой-такой Асмохат-та, откуда ему взяться в народе мягкоруких? А такой, — отвечают, — Асмохат-та, что ублюдка-мангуса Джамуху в священном водоеме утопит...

Тут Чумной Волк чуть язык свой дерзостный не проглотил, вместе со словами последними. Пусть и чужие слова делал язык, да за такую пакость великий гурхан Джамуха и у мертвого отсечет все, что зря во рту шевелится! По кусочку за взмах рубить будет!..

«Ор-ер, беда», — подумал Чумной Волк, зажмурив-

шись, и понемногу оживать стал. Потом снова глаза открыл, на взгляд Куш-тэнгри наткнулся и затрепыхался на острие шаманского взгляда, как перепелка на дротике. Только перепелка пищит, а Удуй-Хара и рад бы пискнуть, да не выходит — дальше говорить пришлось об увиденном-услышанном...

...Двое заставщиков, братья Бариген и Даритай, горячие были, на руку скорые. Схватились за луки, по стреле из саадаков седельных выдернули — взвились стрелы, свистнули, а у самой груди дерзкого Кулая-ориджита словно две молнии с двух сторон ударили! Сперва и не разглядели-то заставщики, что за клинки каждую стрелу надвое посекли, а после уже разглядели — удивились. Оба меча чуть ли не в рост человеческий, этакой громадиной лошадей пополам рубить, а не стрелы на лету, и вот поди ж ты!

Кулай-ориджит смеется, те двое, что мечами сплеча махнули, молчат да хмурятся, а когда у чужаков девка дикоглазая вперед выехала и покрыла заставщиков по-хурульски — да не так, как жеребец кобылу кроет, а так, как кобыла жеребцов, когда ей под хвост чертополох вместо нужного сунуть, — вот тогда-то и бросились заставщики наметом, словно илбисы за ними гнались, и опомнились нескоро.

Ну а как опомнились — поняли, что велика степь, дорог много, а в ставку к гурхану им дороги больше нет. Один Удуй-Хара воспротивился. Он полгода назад числился у Восьмирукого в отборной тысяче тургаудов-телохранителей, до десятника дошел и дальше бы служил, когда б не слабость к тому, что у баб под халатом! Выгнали за дурость — в караул заступали, а Чумной Волк угрелся, увлекся и запоздал маленько... Вот с той поры и вертелся оплошавший тургауд в заставщиках у Кул-кыыз.

А сейчас то ли гордость тургаудова взыграла, то ли еще чего — отвезу, решил Удуй-Хара, вести в ставку гурхана и в ноги Восьмирукому брошусь. Убей, мол, да не гони!..

Все ведь деру дали, гнева Джамухи убоявшись, а Чумной Волк и про Кулая дерзкого доложит, и о чужаках, и об Асмохат-та...

«Асмохат-та? — вопросили глаза Неправильного Шамана. — Каков из себя-то он, Асмохат-та?»

«Не помню», — хотел было выдавить Чумной Волк, а глаза шаманские уже в самое нутро залезли, будто пальцами там шарят: вот Кулай ухмыляется, вот по бокам его двое с мечами-переростками... один — беловолосый, почти как Неправильный Шаман, а в глазницах — сталь с голубым отливом; другой — крепыш, по плечо первому, а лицо недоброе, ох, недоброе, и глядит, как в грудь толкает!..

«Дальше!»

И Чумной Волк словно за железо каленое схватился — вот он! Позади Кулая на коне сидел! Не конь — скала черная, не всадник — глыба блестящая, руки на поводьях...

— Руки! — завизжал Удуй-Хара, видя и не видя то, чего сперва в горячке не заметил, а и заметил, так не понял.

— Руки! Чешуя на руках! Асмохат-та!..

И слетел с невидимого острия.

На колени упал.

Куш-тэнгри уже уходил к своей лошади, позванивая металлическими фигурками животных, которыми был увешан его просторный халат, а Чумной Волк все катался по траве и выл хрипло:

— Руки!.. руки в чешуе... руки!..

Неправильный Шаман даже не обернулся.

Глава двадцать вторая

1

— Стрела — она потому стрела, что ею стреляют, — глубокомысленно возвестил Кос. — Или наоборот: ею стреляют, потому что она стрела. Ты как думаешь, Асмохат-та?

— Никак, — буркнул я, зная, что Кос не обидится.

— Вот и я так полагаю, что ты никак не думаешь, — согласился ан-Танья, выпячивая свой и без того внушительный подбородок.

Интересно, он тоже знал, что я не обижусь?..

...Переход через Кулхан оказался и легче, и труднее, чем я предполагал — короче, совершенно не таким, каким представлялся вначале. Ориджиты шли буднично и уверенно, они явно заранее знали каждый поворот и места стоянок; и, кем бы ни был их незабвенный предок-покровитель Оридж, дети его могли отыскать дорогу даже там, где ее отродясь не бывало. Уже через неделю я понимал, что Асахиро и Фаризе в свое время ужасно повезло — они живыми выбрались из этого бесконечного равнодушия природы, идя наобум; и еще я понимал, что тысячному войску выжить в Кулхане будет не легче, чем несчастному одиночке. Воды в тех полусухих колодцах, что вынюхивали наши неутомимые шулмусы-следопыты, нам хватало если и не с избытком, то вполне; войско же погибло бы от жажды.

Если только ориджиты не умалчивали о дополнительных источниках воды.

Шли мы не напрямик, а какими-то хитроумными зигзагами, и за месяц без малого я довольно сносно научился болтать по-шулмусски, выяснив несомненное и весьма странное родство наречий Шулмы и Малого Хакаса. Именно по этой причине Чин преуспела в деле изучения языка гораздо больше меня; у остальных получалось по-разному.

У Коса не получалось совсем. Потом выяснилось, что у ан-Таньи язык не сворачивается в трубочку, и в этом корень всех бед. Общими усилиями язык свернули, после чего Кос перестал с нами разговаривать — зато заговорил с шулмусами.

Причем почти сразу же найдя с ними общий язык. В трубочку. А старик Тохтар звал Коса отцом. Это звучало как Коц-эцэгэ, и я еле сдерживался от смеха всякий раз, когда это слышал.

Там же, в походе, мы впервые увидели луки и стрелы. Всем нам — и людям эмирата, и Блистающим — стоило большого труда понять, что это не Дикие Лезвия, и не Блистающие, а действительно вещь, и при этом — оружие.

Вещь-оружие.

Впрочем, люди все-таки сообразили это быстрее — ведь Фариза сражалась в зале истины Батин жаровней, и жаровня была вещью, и одновременно — оружием. Кстати, в битве у границы Кулхана шулмусы не пускали луки в ход, намереваясь взять нас живыми и увести с собой в Шулму — что, собственно, и случилось, но немного иначе, чем предполагалось ориджитами — и это было хорошо. Но при переходе через пески быстро выяснилось, что турнирные навыки позволяют большинству из нас рубить стрелы в полете — или уворачиваться, как делал я.

Для Блистающих сама мысль о том, что на свете существует мертвое оружие, была кощунственной. Наконец Чань-бо предположил, что когда-нибудь лук и стрелы смогут стать Дикими Лезвиями, а затем — Блистающими; и наши полированные спутники с этой минуты перестали обсуждать мертвое оружие шулмусов.

Они даже говорить о нем перестали.

Словно его и не было.

Я еще подумал, что так относятся у людей к умалишенным родственникам, причем дальним, и даже не умалишенным, а людям-растениям. С внешним безразличием и внутренним стыдом. А Матушка Ци на одном из привалов вспомнила, что в каких-то сказаниях времен аль-Мутанабби и Антары Абу-ль-Фавариса упоминались предметы, вполне могущие оказаться луками и стрелами. Видимо, в

эмирате этот вид оружия так и не смог перестать быть вещью, став Блистающим, и постепенно вымер.

Последняя мысль о вымирании принадлежала не старухе, а Единорогу.

Но не тяготы пути, и не шулмусские луки, и даже не смерти некоторых раненых — чуть не сказал: «К счастью, не наших раненых», — и обрадовался, что не сказал — не это заботило меня больше всего.

Просто я по мере продвижения вперед все больше превращался из человека в религиозный символ.

Меня опекали (когда я возмущался — меня опекали незаметно), мной восхищались (когда я злился — мной восхищались издалека), мне поклонялись (когда я протестовал — мне поклонялись вдвойне).

Шулмусы обращались ко мне не напрямую, и даже не косвенно, а как-то отстраненно, словно я и не присутствовал здесь, среди них, не ел те же лепешки и не пил ту же воду.

— Не хочет ли Асмохат-та испить воды?

— Пусть Асмохат-та придержит Мангуса У — впереди черный песок...

— Угодно ли чешуерукому перейти в тень?

И все это с поклоном, потупив взор...

На первых порах я посчитал все это — такой способ общения — свойственной Шулме традицией, и как-то раз заявил Кулаю на смешанном шулмусско-хакасском:

— Не передаст ли Кулай-нойон мне вон тот кусочек солонины?

Кулай закашлялся, подавившись недожеванной лепешкой, поспешно передал мне указанную солонину и удрал к лошадям, не закончив ужина.

И я понял, что мне достаточно ткнуть пальцем, чтобы дети Ориджа сломя голову бросились в указанном направлении — хоть за солониной, хоть за смертью, хоть куда.

Не могу сказать, чтобы это доставляло мне удовольствие.

Зато давило похлеще панциря на жаре.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться — подлинность Асмохат-та была для детей Ориджа единственной возможностью остаться в живых. Окажись я лжецом — за их жизни в Шулме никто не даст и сломанного клинка.

Единственного за все.

Но не одни шулмусы — мои прежние знакомцы по Кабиру и Мэйланю обращались со мной с почтительностью, доходящей до подобострастия. Однажды, когда ориджиты всей толпой ускакали вперед что-то разведывать, я собрал оставшихся и потребовал прекратить это безобразие.

Иначе я и сам уверую, что я — Асмохат-та.

Все переглянулись.

— Друдл говорил, что он — дурак, — прогудел Коблан Фаризе, словно пытаясь объяснить ей странность моего поведения. — Я имею в виду, что Чэн — дурак. А Асмохат-та — тот велик и могуч.

— А-а-а, — вместо Фаризы понимающе закивал Асахиро. — Тогда ясно.

— Что вам ясно?! — заорал я. — Что вам всем ясно?! Кто-нибудь может со мной поговорить по-человечески?!

— Нет, — жестко отрезал Кос. — Никто не может. Иначе любой из нас сможет забыться и заговорить с тобой по-человечески при посторонних. Или нас могут подслушать — а мы будем в тот момент говорить не по-кабирски. Или еще что. А для шулмусов ты — Асмохат-та. На веки вечные. Терпи, Чэн-в-Перчатке.

— Терпи, — сочувственно повторила Чин.

«Терпи, Чэн, — беззвучно поддержал меня Единорог. — Я вот тоже терплю... знаешь, как они меня называют? Могучий Палец бога Мо! Вот уж Скользящий Перст обрадовался бы...»

Я знал, кто кого и как называет. И понимал, что не прав.

Если б еще от этого мне становилось хоть чуточку легче...

Особенно резко я ощутил свою новоявленную значимость, когда Кулхан внезапно закончился и мы носом к носу столкнулись с шулмусской заставой из восьми человек. Они не представляли угрозы для нас, они даже не успели к нам подъехать — но я сразу же оказался во втором ряду и передо мной замаячили спины Коса, Фальгрима, Асахиро, Кулая, закрывая собой великого и могучего Асмохат-та; а за мной сомкнулись в боевой готовности остальные, готовые яростной лавой охватить меня с двух сторон и выплеснуться вперед, если первый ряд падет и Асмохат-та окажется перед врагом.

Они готовы были убивать за меня.

Они готовы были умирать за меня.

Чем я мог оплатить это?

Не знаю...

Пока я предавался размышлениям, Кулай успел надерзить сторожевым шулмусам во имя мое, те успели выпустить в него пару стрел, Гвениль и Но-дачи пресекли это в самом прямом смысле, и заставщики благополучно удрали.

Неплохо для начала.

А то кто бы оповестил моего любимого внука Джамуху

о прибытии его любимого деда? Вернее, последнего воплощения его любимого деда?!

Этому Кулаю дай волю — он во имя меня такого натворит...

Мы ехали по Шулме.

Вот уже третий день мы ехали по Шулме.

2

...Раздраженное ржание Демона У вывело меня из задумчивости.

Первое, что ввергло меня в недоумение — это непривычное построение нашего отряда. Непривычное потому, что я внезапно оказался впереди, за мной полукругом выстраивались мои соотечественники, а уже за ними сбились в кучу дети Ориджа, напоминающие испуганных овец, жмущихся под защиту сторожевых псов.

Вторым поводом для пожимания плечами была осенняя степь перед нами, на удивление безопасная и пустынная. Если не считать приближающегося одинокого человека, ведущего под уздцы неказистую лошаденку.

А так — никого и ничего.

Если не считать... зачем его считать, человека этого? Один себе и один, как ни считай...

Да и то — будь перед нами войско — дали бы мне оказаться первым? Вряд ли. Небось, заставили бы назад спрятаться, а еще лучше — в землю зарыли бы!

На время.

Для безопасности.

— Кто это? — спросил я по-кабирски.

Еще в Кулхане мы решили, что благоразумнее будет не обучать шулмусов говорить по-нашему.

— Это шаман Ур-калахая, — из-за спины сообщил Асахиро, и меня неприятно резанули нотки суеверного страха в его голосе. — Служитель Безликого.

Ясно... как восемь дозорных, так Асмохат-та назад, а герои — вперед! А как служитель какого-то Безликого — так все наоборот...

Что ж это за Безликий такой?

— Давайте-ка я его за уши приволоку, — кровожадно заявил Фальгрим и, не дожидаясь разрешения, погнал коня к неспешно идущему человеку.

Я наблюдал, как громада, носящая имя «Фальгрим на лошади», поравнялась с шаманом и нависла над ним; затем

шаман поднял голову и посмотрел на Беловолосого. Взгляд был коротким и острым, как умелый выпад, после чего шаман так же неторопливо продолжил путь, а Фальгрим круто развернул коня и поскакал к нам.

Когда я взглянул в лицо Беловолосому, то меня поразили его глаза. Они были высечены из серо-голубого льда и оттаивали медленно, слишком медленно, чтобы Беловолосый мог видеть. Во всяком случае, сейчас он не видел ничего.

Или видел нечто, невидимое нам.

Эспадон Гвениль озабоченно подпрыгивал, лежа поперек конской холки.

— Что это с ним? — прозвенел он, когда Фальгрим проезжал мимо нас. — Я... я его не чувствую! Нет, уже потихоньку начинаю... Единорог, спроси у Чэна — Фальгрим в порядке?

— Не знаю, — отозвался Единорог-Я. — Но скоро узнаю.

И я пнул Демона У пятками в бока.

При моем приближении шаман остановился. Я трижды объехал вокруг него — вокруг довольно-таки щуплого человечка в длиннополом и просторном халате, от ворота до подола увешанном какими-то побрякушками из темного металла. Волосы шамана были белыми — не бело-льняными, как у Фальгрима, и не мутно-седыми, как у старого Тохтаркулу (тем более что служитель Ур-калахая был отнюдь не стар, не намного старше меня самого), а молочно-серебряными, и такой цвет волос я встречал впервые в жизни.

Сам шаман все время смотрел себе под ноги, словно боясь споткнуться, так что я не видел его лица — но меня не покидало впечатление, что этот маленький беззащитный человечек, не имеющий при себе никакого оружия (а он его не имел или прятал на редкость успешно), уже успел узнать обо мне все, что можно узнать при самом внимательном рассмотрении.

— Я вижу того, кто называет себя Асмохат-та? — наконец осведомился шаман, по-прежнему не поднимая головы. — Да?

Речь шамана была глухой, но внятной; и еще более похожей на хакасскую, так что я сразу понял почти все.

Особенно насмешку, скрытую в обращении.

— А я вижу того, кто осмеливается задавать подобные вопросы? — отозвался я.

Шаман еле слышно хихикнул. Похоже, он тоже понял, что хотел, и это позабавило его.

— Степь еще не знает о появлении Асмохат-та, — задумчиво произнес он. — Но если Джамуха Восьмирукий успеет узнать первым и послать тумены своих всадников в нужное время и в нужное место — степь может вообще не узнать об Асмохат-та или узнать, когда будет поздно.

Внутренне я не мог с ним не согласиться.

Но внешне...

— Ты надоел мне, глупый человек! — я выговорил это самым зловещим шепотом, на какой был способен, и слово «человек» прозвучало так, как если бы я сам человеком ни в коей мере не являлся. — Тебе ли решать, что рано, а что — поздно?!

Шаман Ур-калахая резко поднял голову — и я словно с размаху налетел на его глаза.

Черные-черные.

И в них что-то шевелилось.

Я невольно потянулся вперед, чувствуя, как тварь на дне черного взгляда неслышно и неумолимо зовет меня к себе, как она лениво выползает из склепа глазниц и сама движется ко мне, цепко хватаясь за липкую ниточку, протянувшуюся между нашими душами, и вот она уже внутри меня, копошится, ищет, вынюхивает — и ей навстречу встает Кабир, и башня Аль-Кутуна, подле которой все началось, и...

И будто сполох холодного пламени пронесся над миром, перечеркивая его — нет Кабира, нет башни, нет видений, нет насильно высасываемой памяти, а есть бесстрастный меч в железной руке, и черная тварь бежит в страхе, прячась за дрогнувшими веками, стремясь скрыться, исчезнуть, не быть...

Я ощутил знакомую рукоять Единорога под пальцами аль-Мутанабби; и рукоятью ощутил пальцы.

Единорог был в ножнах.

И еще он был во мне.

— Ты ищешь смерти? — спросил Я-Единорог у отвернувшегося шамана.

Голос мой плавился ледяным звоном, заставляя служителя Безликого зябко передернуться.

Он отрицательно покачал головой, и во взгляде шамана больше ничего не двигалось само по себе.

Сейчас там звездами в ночи, рыбьей чешуей в омуте мерцали искорки удивления.

Мерцали — и гасли одна за другой.

— Нет. Я хочу отвести Асмохат-та в такое место, где у него будет возможность размышлять без лишних опасений.

Все-таки он произносил «Асмохат-та» без должного уважения, к которому я, надо признаться, успел привыкнуть.

— Меня зовут Куш-тэнгри, — подумав, добавил он, шулмус с незапоминающимся лицом, черным взглядом и серебряными волосами. — Многие называют меня Неправильным Шаманом.

Я равнодушно кивнул.

Я не знал, какими должны быть правильные шаманы.

3

...Лошаденка нашего неожиданного попутчика резво трусила рядом со мной во главе отряда. Демон У сперва пытался протестовать против такого соседства — но лошаденка искоса глянула на него, и Демон угомонился, а я заподозрил лошадь в принадлежности к шаманскому сословию.

В белесом небе прозвучал еле слышный птичий крик, подобный стону, и, затихая, унесся вдаль.

— Гуси, — сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Тепла ищут. А улетать больно. Оттого и кричат...

Я задрал голову и с трудом различил клин гусей — или не гусей? — медленно продвигающийся на юг.

— Двое не долетят, — продолжил Куш-тэнгри, почесывая свою лошадь между ушами. — Сизый к вечеру отстанет. А тот, что с черным хвостом, до завтрашнего полудня выдержит. Ишь, бедняга, надрывается...

Я еще раз глянул в небо. Сизый, значит, к вечеру отстанет... Нет, по-моему, шаман не собирался морочить мне голову. Хотя все же заморочил, собирался или не собирался...

— Хуш! — прикрикнул шаман.

Его лошадь без особого вдохновения прибавила ходу. Я же наоборот — незаметно натянул поводья и придержал Демона. Сам не знаю зачем.

Из упрямства, должно быть...

— Коблан, перебирайся сюда! — донесся из-за моего плеча голос Асахиро. — Тут Тохтар-болтун о проводнике нашем глазастом сказки рассказывает. Джир о том, как Куш-тэнгри гурхану Джамухе будущее предсказывал! Давай, подъезжай, я тебе его сам спою, джир этот, чтоб покороче было!..

Говорил Асахиро по-кабирски и, похоже, не столько для Коблана, сколько для меня.

— Угу... — раздалось за спиной, и гулкое эхо этого «угу» стало смещаться вправо — Коблан перебирался поближе к Асахиро.

— Ты понимаешь, Коблан, — негромко, но вполне слышно продолжил Асахиро, — в Шулме очень много богов

и очень много шаманов. Творец их знает, шулмусов этих, зачем они себе столько насочиняли?! Желтый Мо — покровитель воинов и владыка смерти, Гэнтэр — бог воров и конокрадов, Кылчи-ара родам у женщин помогает, Лысый Боортун овец охраняет, на той сопке Чилтай-охотник зверей гоняет, на этой — Ултай-лекарь травы целебным соком поит...

— Это покороче? — буркнул Коблан. — Тогда я лучше Тохтара послушаю.

— И не поймешь ничего, — отрезал Асахиро. — Тохтар говорит быстро и много, а ты понимаешь медленно и мало. Так вот, богов много, шаманов еще больше, а Ур-калахай, Безликий, один. И служителей у него всего десятка полтора, если не меньше. Другим богам каждый день в лицо заглядывать надо — не хмурятся ли? — а у Безликого лица нет, заглядывать некуда, ему и этих шаманов хватает.

Асахиро снова понизил голос.

— И как служители Ур-калахая опасаются чаще положенного Безликому надоедать, так и шулмусы не любят этим шаманам в лицо смотреть. Очень уж побаиваются их проклятий... чьи-чьи злые слова, а проклятье шамана Ур-калахая редко когда мимо проходит! Потому и живут они у священного водоема, вдали от всех, и по степи нечасто ездят — все, кому нужен шаман Безликого, сами к нему приходят.

— Так священный водоем — он же в тени плаща Желтого бога Мо! — заявил непонятливый Коблан. — Ну и жили б там служители Мо — при чем здесь Безликий?!

— У Мо нет служителей. Ему воины любого племени служат — воинской доблестью и смертью врагов. Иной службы Желтый Мо не приемлет. Просто местность вокруг священного водоема заповедная, на ней испокон веку ни войн не было, ни крови не лилось. Вот поэтому каждый шулмус может туда безбоязненно приехать и шамана Ур-калахая о судьбе своей спросить.

— Пророчествуют, значит, — вяло поддержал разговор кузнец. — Ну и как, сбываются их пророчества?

Асахиро помолчал.

А потом ответил.

— Всегда, — ответил Асахиро. — Всегда сбываются.

4

«Ты суеверен?» — спросил меня Единорог.

После того боя, в котором смешались круги Шулмы и Кабира, отдал жизнь за гордость упрямый нойон Джелмэ;

после того боя, когда я впервые пристально взглянул на руку аль-Мутанабби и вслед за волной ужаса испытал внезапное облегчение, почувствовав, что эта рука — моя, какой бы она ни была; после того боя я совсем по-иному ощутил связь с Единорогом.

И не только с ним, о чем — позже.

Мне уже совершенно не надо было касаться его рукояти железными пальцами, чтобы превратиться в Меня-Единорога. Я мог это сделать в любое время и даже на немалом расстоянии, разделявшем нас. В Кулхане мы проверяли эту способность, когда Кос, взяв Единорога (никому, кроме ан-Таньи, я б его не доверил), уезжал вперед с ориджитами-разведчиками. Спустя четыре часа я оставался Мной-Единорогом, еще в течении трех часов мы могли переговариваться с некоторым напряжением, а потом разведчики повернули обратно — и, надо заметить, я немало обрадовался, когда Единорог во плоти вернулся ко мне.

Более того, я научился разговаривать с Обломком — но его-то я обязательно должен был касаться железной рукой.

Я научился разговаривать с Обломком — и это не всегда доставляло мне удовольствие. О, отнюдь не всегда! — потому что теперь Дзю напрямую высказывал мне все то, что раньше смягчал Единорог.

Вру. Я рад был слышать Дзю.

Иногда мне казалось, что я говорю с Друдлом.

Остальные люди и Блистающие — объяснить им всем, кто они есть, на этот раз оказалось проще, поскольку я объяснял не один, — так вот, остальные люди и Блистающие разговаривать друг с другом, понятное дело, не могли, зато проявили недюжинные способности в умении почувствовать настроение и состояние своих... э-э-э... спутников.

Гвениль уже точно мог сказать, когда Фальгрим зол, а когда добр, но голоден — что случалось редко, ибо доброта не была присуща голодному Фальгриму; Чин начинала грустить и веселиться одновременно с Волчьей Метлой, причем обе отдавали себе отчет в этом «одновременно»; и Махайра не раз предупреждал Единорога-Меня, когда Диомед еще только собирался острить.

Но больше всех преуспел в этом деле Сай. Если Заррахид прекрасно понимал, когда Кос ведет себя серьезно, а когда — нет, то Сай умудрялся ловить даже те моменты, когда Кос притворялся серьезным, до конца не зная сам, что притворяется.

И эсток втайне (вернее, это ему казалось, что втайне) гордился Саем, как гордятся способным учеником или младшим родичем.

И Беседовать нам с каждым днем становилось все интереснее.

Поэтому, когда Гвениль крикнул, что не чувствует Фальгрима, я перестал сомневаться в очень простой истине, сродни истине Батин — первый выпад в Беседе под названием «Шулма» был сделан.

Я ушел от выпада, подъехав к шаману и выиграв странный поединок.

Могут ли души Беседовать?

Судьба отодвинулась на шаг, и мы слегка позвенели клинками — поговорив с Неправильным Шаманом о гусях, которых не было видно.

Или которые были видны только ему.

Фальгрим к тому времени полностью отошел от общения с шаманом и ехал непривычно понурый и молчаливый.

И вот удар исподтишка — пророчества, которые сбываются.

А я-то надеялся, что в Шулме меня будет ждать только Джамуха-батинит!..

«...Ты суеверен?» — спросил меня Единорог.

Тусклые, оказавшиеся совсем не тем, что ожидалось вначале; асассины, пугало снов и сказок, едущие теперь позади меня... и невозможная степь по эту сторону Кулхана, чью плоть с хрустом давили копыта вороного Демона из мэйланьских конюшен, отчего ноги мои были до колен забрызганы липким соком осенней Шулмы...

Суеверен ли я?

«Нет», — хотел ответить я.

— Не знаю, — ответил я.

— Вот и я не знаю, — тоскливо согласился Единорог.

— А я знаю, — заявил Дзю, то ли подслушивавший, то ли догадавшийся о нашем разговоре, то ли вообще имевший в виду что-то свое. — Знаю, но вам не скажу.

5

Куш-тэнгри по-прежнему ехал впереди, не оборачиваясь, но теперь я знал, куда ведет нас Неправильный Шаман.

К священному водоему.

Могиле Блистающих и обиталищу Желтого Мо.

К месту, где не воюют.

Интересно, осмелится ли Джамуха, взошедший на престол Шулмы по ступенькам преклонения перед воинской доблестью, нарушить этот запрет, напав на нас там?

Да или нет?

С одной стороны он — внук Желтого Мо и гурхан степей, а с другой — святость места, витающий над водоемом дух самого Мо и явившееся туда воплощение, то есть Асмохат-та, хоть истинный, хоть ложный, что надо доказывать...

Прав шаман — время для размышлений у нас, похоже, будет. Или оно есть, началось, сдвинулось с места — время для мудрых размышлений, время для глупых размышлений, для веселых и невеселых, для первых и последних...

А может, и не только для размышлений.

Кулай говорил, что часть вольных племен отказалась ломать прут верности перед Джамухой. Но даже идя против Восьмирукого, захотят ли они пойти за Асмохат-та?! Я и думать-то не хочу, скольких пришлось бы убить, чтоб перевесить Джамуху на весах Шулмы... ни думать не хочу, ни убивать.

И не буду. Не мое это дело, не моя радость — чужие уши в карманы складывать!

Более того — люди людьми, а как добиться, чтобы Дикие Лезвия зазвенели на нашей стороне?!

О Творец, не превращаюсь ли я, человек Чэн Анкор, в Твое оружие?! В мертвую вещь, не имеющее собственной воли оружие, покорное Твоей равнодушной деснице?!.

— ...и пришел Куш-тэнгри в ставку Джамухи через день после большого курултая, где был вручен Восьмирукому бунчук гурхана о семи хвостах, — вернул меня к действительности голос Асахиро. — А когда предложил шаман Восьмирукому пророчествовать о судьбе владыки, то сперва согласился на это Джамуха, но после жестоко посмеялся над служителем Безликого!..

Я вновь ощутил в себе ищущий мрак взгляда Куш-тэнгри, проникающий в заповедные глубины души темный клинок, идущую по следу памяти тварь... Нет, не похож был щуплый шаман на человека, над которым можно просто так посмеяться, да еще и жестоко!

Во всяком случае, сделать это безнаказанно.

— Во время обращения к Безликому вынимает воин из ножен свой клинок и держит его за рукоять, стоя у начала, а шаман Ур-калахая берется за лезвие, становясь у завершения. И смотрят потом воин и шаман, исток и исход, в глаза друг другу, пока не перестают видеть земное, прозревая ткущееся на небесах.

Асахиро говорил медленно и певуче, и я слышал его, степь да ровный перестук копыт.

— Только на этот раз не взглянул Джамуха в лицо Куш-тэнгри. Едва пальцы шамана сомкнулись на мече гур-

хана, как рванул Восьмирукий Чинкуэду, Змею Шэн, к себе и разрезал шаману ладонь до кости. И смеялся гурхан — дескать, не тягаться Безликому с Желтым Мо, как мясу шаманскому не тягаться с отточенной сталью, и никому из смертных не дозволено провидеть судьбу Джамухи! Смеялись воины, стоявшие вокруг, но невесел и угодлив был их смех, а шаман прошел сквозь смех и позор, не зажимая раны, и ладонь его ухмылялась алым ртом. Дик и страшен был взгляд Куш-тэнгри — настолько страшен, что трое воинов, не успевших вовремя отвернуться, умерли через день в муках...

Асахиро резко замолчал, потому что неспешно трусившая впереди лошаденка шамана как-то незаметно повернулась мордой к нам, а хвостом к священному водоему — и спустя совсем немного времени Куш-тэнгри уже снова был рядом со мной.

Я готов был дать голову на отсечение, что шаман не мог слышать рассказа Асахиро, а если и слышал, то ничего не должен был понять — но шаман, ничего не сказав, протянул ко мне худую правую руку ладонью вверх.

Ладонь пересекал вспухший белый шрам. Он тянулся почти вплотную к линии жизни, обрываясь у запястья, словно кто-то хотел начертать новый жизненный путь Неправильному Шаману, но сделал это грубо и нерадиво.

Новый путь... но не Путь Меча, а путь, проложенный мечом. Шрам, оставленный злой насмешкой и необходимостью всегда и во всем доказывать свое превосходство.

Одуряюще-терпкий запах степи, тронутой осенним увяданием, вдруг ударил мне в голову, отчего окружающий мир стал до боли, до головокружения реальным, став миром, где приходится жить всерьез, жить однажды и навсегда, или не жить вовсе...

Ладонь Куш-тэнгри сжалась в кулак, сминая шрам.

— Служители Ур-калахая не проливают чужой крови, — сурово сказал Неправильный Шаман. — Нигде и никогда. Но это не мешает нам проливать свою.

Вокруг нас была Шулма.

В нас была Шулма.

А передо мной на нелепой лошади, одетый в нелепый халат, сидел Кабир.

Я-Единорог пристально смотрел на человека, в котором жил Кабир, на человека, чье время и место остались у меня за спиной, в прошлом, в моем прошлом и его будущем; на человека с серебряными волосами, который не проливал чужой крови.

— И поэтому мы не носим оружия, — закончил Куш-тэнгри.

— А мы носим, — отозвался я, думая о своем. — Мы носим. Но еще совсем недавно мы тоже не проливали чужой крови. Только свою.

Асахиро еле слышно застонал.

— Это невозможно.

— Это возможно.

— Где? — спросил Куш-тэнгри. — В Верхней Степи? В раю?

— В раю, — грустно согласился Я-Единорог.

Глава двадцать третья

1

...Желтый бог Мо сидел на самом краю своего священного водоема и, закусив верхними клыками оттопыренную нижнюю губу, задумчиво глядел куда-то вдаль.

Бог грустил. Наверное, оттого, что был не очень-то похож на меня. Или это я был не очень-то похож на него. Только я уж от этого никак не грустил.

Хотя отдаленное сходство все-таки наблюдалось.

Разумеется, у меня отсутствовала всякая саблезубость, просто и незамысловато выпирающая наружу. Да и голова моя, надеюсь, не в такой степени напоминала змеиную. Взгляд... вот за взгляд не поручусь. Возможно, в какие-то моменты у меня тоже бывает такой взгляд — пустой, цепкий и холодный, от которого становится зябко и пасмурно в самый жаркий день, и хочется куда-нибудь спрятаться, а спрятаться некуда. Да, наверное, бывает. Но редко. И хорошо, что я сам этого не вижу.

Шишковатый гребень? Если и смахивает на шлем, то весьма отдаленно. Равно как и складчатый плащ Мо — на мою марлотту. А телосложение у Желтого Мо завидное, в полтора меня будет, хотя это и не так существенно...Чешуя, подобная панцирю? Тут все сходится, у меня почти то же самое — доспех, подобный чешуе. А руки у Мо и впрямь как две латные перчатки! И длиннющий указательный палец на правой, направленный в глубину священного водоема. Длиной как раз с Единорога... А на левой лапе-ручище большой палец отведен в сторону, и указательный — тоже длинней обычного, но не так, как на правой — небрежно устремлен вверх. Весьма, весьма смахивает на Обломка...

— Вылитый, — буркнул Дзюттэ.

— Похож, — согласился Единорог.

— Угу, — кивнул я. — Хотя... вы это о ком?

— Я о тебе, — заявил Дзю в пространство.

— И я о тебе, — с той же неопределенностью отозвался Единорог.

— И я о тебе, — решил не нарушать единогласия я.

И мы замолчали.

А еще Желтый Мо был почему-то не желтый, а зеленый. Зеленоватый. С некоторой желтизной. Желтоватый с прозеленью. Или все-таки желтый?!

Я поморгал и решил, что, в конце концов, это не мое дело. Хотя статуя очень выразительная. Впечатляет. И работы превосходной. Ох, сомнительно, что ее ваял какой-нибудь скульптор-шулмус. Этот бы наваял... Но если не шулмус — то кто? Еще одна загадка. Которую я разгадывать не буду. Не до того сейчас. Да и как ее разгадаешь? Разве что у самого Мо спросить: «Здравствуй, приятель, это я, Асмохат-та, то бишь твое последнее земное воплощение! Позволь спросить, дорогой...»

Не позволит, небось...

Мы приблизились к самому краю водоема и с некоторым трепетом заглянули внутрь. Вода слегка рябила, но была достаточно прозрачной, чтобы не скрывать дна — и на дне водоема, в грязном иле, лежали гнилые и ржавые останки Блистающих.

Десятки — если не сотни.

Это была огромная могила.

Мы стояли, держась за руки и рукояти, — Я, Единорог и Обломок — и участь тех, кто не захотел отказаться от сути и призвания Блистающего, казалась нам в тот миг едва ли не лучше собственной.

А потом я повернулся и, по-прежнему не говоря ни слова, направился к ближайшему шатру, где меня уже ждал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.

Когда я сел прямо на землю рядом с шаманом, тот словно и не заметил этого. Не дрогнули полуприкрытые веки, дыхание не всколыхнуло грудь, и неведомые дали, по просторам которых блуждал сейчас серебряноволосый шаман, не отпустили его обратно. Он был — там. А я — здесь. Я сидел и смотрел. На большие бурые шатры, похожие на гигантских животных в выцветших после линьки шкурах. На чахлые деревца с удивительно-яркой зеленой листвой и на желто-серые колючие кусты, растущие по соседству. На моих спутников, разбивавших лагерь неподале-

ку от бурых шатров — обиталищ шаманов Безликого, служителей Ур-калахая.

Я сидел и просто смотрел.

Водоем Желтого Мо находился в низине, окруженной невысокими пологими холмами. Здесь проходила граница двух степей. Юго-восточнее, там, откуда мы пришли, простиралась степь, в немалой мере обожженная дыханием Кулхана. А северо-западнее начиналась степь свежая, вспененная горьким ветром, та степь, увидев которую, я понял — вот она, Шулма. Вот здесь живут племена шулмусов, пасут свои неисчислимые табуны и стада, спорят о воинской доблести, совершают набеги друг на друга... И еще где-то там есть великий гурхан Джамуха Восьмирукий.

Мой любимый внук.

И прямая короткая Чинкуэда, Змея Шэн.

...Здесь проходила еще одна граница. Она незримо тянулась по гребням холмов, окружавших священный водоем. Внутри этого круга властвовали боги. И все, кто входил в этот круг, попадали под их защиту.

У священного водоема не проливалось крови.

Здесь был малый Кабир.

«Здесь Шулма, — с упреком бросил Единорог. — А в водоеме гниют трупы моих братьев».

«Извини, — склонил голову я. — Ты прав. А я не прав. Просто мне очень хочется домой...»

«Да, Чэн. И мне».

И все-таки мы находились внутри круга, хотя предпочли бы до конца дней своих оставаться снаружи.

И подальше.

Я невольно обвел взглядом границу священного места и повернулся к Куш-тэнгри, услышав слабый мелодичный перезвон побрякушек на его халате.

Шаман уже возвратился из своих непонятных внутренних странствий и теперь глядел на меня.

— Будем говорить, Асмохат-та? — спросил Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Да?

Его привычка после почти любого вопроса спрашивать еще и «Да?», словно собеседник и без того не ответил бы, поначалу раздражала меня, но здесь, в тени плаща Желтого Мо, то ли я стал терпимее к повадкам Куш-тэнгри, то ли его «Да?» стало мягче и естественней.

— Будем, — согласился я.

— Будем, — в один голос подтвердили Единорог и Обломок.

Но их шаман не услышал.

Он просто слегка вздрогнул, встал и направился к шатру.

Не оглядываясь. А я перед тем, как последовать за ним, махнул рукой случившемуся неподалеку Косу — чтобы тот подошел и помог мне снять панцирь.

И без божественного вмешательства ясно — чем-чем, а доспехом аль-Мутанабби мне Неправильного Шамана не удивить.

Да и не собирался я его ничем удивлять.

2

В шатре царил сумрак; расположенный в центре очаг не горел, но тепло от него еще сохранялось. Только сейчас я почувствовал, что снаружи было отнюдь не жарко.

Осень, однако... пора привыкать.

Мы опустились на ворсистую кошму друг напротив друга, и я выжидательно уставился на Куш-тэнгри. Смотреть ему прямо в глаза я до сих пор немного опасался, смотреть ниже было бы неудобно — еще решит, что я ему в рот заглядываю — и я перевел взгляд вверх, туда, где высокий гладкий лоб шамана переходил в зачесанную назад гриву его странных волос.

Куш-тэнгри слегка улыбнулся — дрогнули уголки губ, наметились ямочки на впалых щеках без малейших следов растительности, раздулись ноздри орлиного носа... и маска дикого безумного скульптора превратилась в довольно-таки располагающее к себе лицо.

— Это у меня с рождения, — сказал он, тряхнув серебряной копной и явно неправильно истолковав мой взгляд. — Просто тридцать три зимы тому назад у женщины из племени чиенов-овцепасов родился седой ребенок. А мудрые старейшины решили, что это не к добру, и маленького Куша бросили в степи. Спустя два с половиной года меня подобрали младшие шаманы Ултая-лекаря. Говорят, меня выкормила волчица... Не знаю. Не помню. А врать не хочу. Ултаевы целители осмотрели ребенка, который визжал и перекусал половину из них, и обнаружили все восемьдесят четыре признака будущего служителя Ур-калахая. Вот с тех пор я и живу здесь. А из-за волос прозван Неправильным Шаманом. И не только из-за волос. Так и стал из просто Куша — Куш-тэнгри.

Он вольно потянулся, хрустнув суставами, и закинул худые жилистые руки за голову. Отчего стал удивительно

похожим на моего прежнего знакомца по Кабиру Сабира Фучжана, тоже обманчиво хрупкого и низкорослого. Для полного сходства не хватало только Лунного Кван-до где-нибудь в углу, с его древком в рост человеческий и огромным мерцающим лезвием. Да, сейчас Куш-тэнгри вел себя совсем иначе, чем при первой встрече, и мне все время приходилось напоминать себе, что я не дома и даже не в гостях, и что шаман отнюдь не Сабир — но небрежная откровенность Куш-тэнгри все равно вызывала желание ответить такой же откровенностью; тем более, что мы оказались чуть ли не сверстниками.

Если ему и впрямь тридцать три года.

— Так всю жизнь и помню себя слугой Безликого, — продолжал меж тем шаман, как бы излагая общеизвестные истины, знакомые всем (если он и сомневался в осведомленности новоявленного Асмохат-та, то старался это не выпячивать). — А шаманы Ур-калахая — они оружия не носят, крови не проливают, в чужие свары не лезут, кровавой пищи не вкушают, сон-гриба не нюхают, хош-травой не дымят...

— Араки не пьют, — непроизвольно вырвалось у меня.

— Почему? — искренне удивился Куш-тэнгри.

— Ну... не знаю, — замялся я.

— А у вас... э-э-э... там, в раю, араку разве с кровью делают?

— Нет. Бескровно.

— Или вы туда толченых сон-грибов подсыпаете?

— Ни в коем случае!

— Так с чего бы нам и не пить араки? — вопросил Куш-тэнгри, выволакивая из темного угла объемистый жбан, в котором что-то булькало.

А действительно, почему бы это нам и не выпить араки? Тем паче что я ее сроду не пробовал!

И мы выпили. Слабенькая она, арака эта, вроде вина, кисловатая, пенистая — короче, пьется легко. Первые три чашки — так совсем легко. А после четвертой и слова легче даваться стали.

— Вот если спрошу я тебя, Асмохат-та ты или нет, — вдруг, после очередной фразы ни о чем, заявил Куш-тэнгри, — так или ты не ответишь, или я не поверю. Спрошу я тебя: чем ты ориджитов убедил, что ты — Асмохат-та? Так опять или я не поверю, или ты не ответишь! Как ни спрашивай, что ни отвечай — конец один. Давай-ка лучше в игру сыграем. Кто выиграет, тот и спрашивать станет, а проигравший ему правдой платить будет. Да?

И не дожидаясь моего согласия, два горшочка глиняных к себе придвинул.

Дребезжало что-то в тех горшочках. Я один взял, гляжу — камешки до середины насыпаны. Галька речная, мелкая.

А Куш-тэнгри с другим горшочком ко входу в шатер приблизился, полог в сторону отбросил, чтоб светлее стало, затем вернулся и шагах в восьми от меня на кошму сел. Чашку с аракой перед собой поставил, горшочек с камнями — рядом.

Один камешек достал.

В меня кинул.

Я поймал и обратно отправил.

И он поймал.

Добавил второй камешек, на ладони покачал и оба мне послал.

Забава это мне была, а не игра.

Три камешка.

Четыре. Два сразу, третий и четвертый — миг выждав, один за другим...

Хорошо он, подлец, ловил, так и брал из воздуха, а пальцы мягкие-мягкие... Без суеты, без дерганья глупого, спокойно и уверенно... волчий выкормыш.

Это я в похвалу...

Пять камешков. И всякий раз, когда очередная галька звонко цокала о металл моей правой руки, в глазах Куш-тэнгри вспыхивал холодный черный огонь.

Мы кидали лениво, не торопясь, давая камням слегка зависнуть в воздухе, не больше трех одновременно, но все-таки, все-таки, все-таки...

Шесть.

А на семи он сломался.

Пять взял, шестой локтем отбил, седьмой ему в чашку плюхнулся.

Белыми брызгами халат залил.

А я не о вопросах умных думал, не об ответах правдивых, а о том, что если бы дети Ориджа хотя бы пяток камешков вот так ловить умели, то наше знакомство с ними по ту сторону Кулхана совсем иначе сложилось бы.

И вот этот человек утверждает, что никогда не брал в руки оружия?!

«И вот этот Придаток всю жизнь прожил без Блистающего?!» — отраженным эхом ударила меня мысль Единорога.

— Ну! — властно крикнул нам Дзюттэ. — Ну, что же вы?! Спрашивайте!..

И мы поняли, что и как надо спрашивать.

— Лови, шаман!

Я запустил в неподвижного Куш-тэнгри Обломком; а когда Дзю еще был в воздухе, пролетев две трети пути от меня до Неправильного Шамана, я прыгнул следом — и сумрак взвизгнул от боли и неожиданности, рассеченный Единорогом.

Он не соврал. Он действительно никогда не держал в руках оружия, этот удивительный человек, родившийся седым. Он поймал Обломка, но поймал так, как это не сделал бы ни один кабирец — за край гарды, и даже не подумал защититься им от удара, а попытался увернуться, и увернулся, но через мгновение острие Единорога уже упиралось в побрякушку на правом плече шамана.

Куш-тэнгри глубоко вздохнул и осторожно, кончиком пальца, отодвинул клинок в сторону.

Я забрал у него хихикающего Дзю и вернулся на прежнее место, пряча Единорога в ножны.

— Это был вопрос? — осведомился шаман слегка севшим голосом.

Я кивнул.

— И я на него ответил?

Я еще раз кивнул.

— А... а что я ответил?

— Что ты на самом деле не знал Блистающих...

— Что?!

— Неважно. Что ты не пользуешься оружием. Что ты говорил правду — раз не соврал здесь, то, скорей всего, был правдив и в остальном.

Куш-тэнгри отхлебнул араки, прополоскал ею рот, затем выплюнул злосчастный камешек, а араку проглотил.

— Ну а если я притворялся? — после долгой паузы спросил он. — Если я обманул тебя?

— Если ты успел столь быстро понять смысл моего вопроса и обмануть меня, — ответил я, — тогда это не я — Асмохат-та, а ты.

Дзю у меня за поясом наконец перестал веселиться.

— А он мне нравится, — неожиданно сообщил Обломок.

— И мне, — вздохнул Единорог.

Я налил себе из жбана.

— Ты нам нравишься, — сказал я Неправильному Шаману.

— Кому это — вам?

Я неопределенно помахал чашкой в воздухе, проливая араку.

— А можно, — с несвойственной ему робостью вдруг спросил Куш-тэнгри, кивком головы указывая на Дзютэ, — можно, я его еще раз подержу? Нет, не сейчас, потом... Можно? Я... мне показалось, что он — живой.

И шаман замолчал.

— Дзю, ему показалось, что ты живой, — с удовольствием передал Обломку Единорог. — Слыхал?

— Да? Польщен, — вяло отозвался Обломок. — Скажи-ка ему: мне тоже показалось, что он — живой.

А я все вспоминал летящие камешки и летящих гусей.

Камешки ловил я и ронял он; гусей видел он и не видел я; а еще он знал, что случится с гусями завтра.

Галька, упавшая в чашку с пенящейся аракой; сизый к вечеру отстанет, а тот, что с черным хвостом...

3

...А потом я выбрался наружу из шатра и долго моргал, привыкая к свету и пытаясь понять — вот передо мной обеденные приготовления моих спутников, но для кого это, собственно, отдельно в маленьком котелке варится рис (да и откуда рис в Шулме?!) без мяса, зато с обилием каких-то сушеных овощей и трав?!

Потом объявился из-за моей спины Куш-тэнгри, и назначение риса сразу стало понятным, потому что шаман отогнал от котелка нерасторопного (по его просвещенному мнению) шулмуса, извлек из складок своего одеяния несколько кожаных мешочков и принялся сыпать в котелок по щепотке-другой из каждого, бормоча себе под нос и помешивая варево деревянной лопаточкой, возникшей непонятно откуда.

Пахло шаманское кушанье на удивление вкусно, ничуть не хуже мясного плова в большом общем котле — и мой желудок одобрительно забурчал. Впрочем, шаман не собирался угощать ни меня, ни кого другого — он снял котелок с огня и приступил к трапезе в одиночестве, уплетая еду той же деревянной лопаточкой с завидным усердием, как делал бы на его месте любой проголодавшийся человек — а не таинственный шаман Безликого Ур-калахая.

Видимо, не один я заинтересовался поварскими тайнами шамана — потому что после того, как котлы опустели, а животы наполнились, к Неправильному Шаману, не сговариваясь, подсели с двух сторон ан-Танья и Матушка Ци, и начали у него что-то выспрашивать, тыча пальцами в ко-

телок. Куш-тэнгри охотно стал вытаскивать свои мешочки и показывать их этой любопытствующей парочке — полагаю, тайна съедобных приправ не была сокровенной тайной Безликого, — и Кос немедленно вооружился костяным каламом, походной чернильницей и листом пергамента, намереваясь записать все услышанное.

Тут я отвлекся, заинтересовавшись разговором за моей спиной.

Ставший за последнее время поразительно миролюбивым Асахиро ковырялся в зубах длинной колючкой и подтрунивал над новоиспеченным нойоном Кулаем, а потом стал говорить на темы более общие и даже, можно сказать, возвышенные.

Говорили по-шулмусски и довольно-таки быстро, но я успевал улавливать смысл беседы.

— Убивать — плохо, — внушал шулмусам благодушно-сытый Асахиро, и шулмусы дружно кивали головами. — Убивать — очень плохо. Сперва вы друг друга, после мы друг друга, потом вы — нас, мы — вас... И что? Разве в этом доблесть? Не лучше ли уменье воинское без крови проявить, по-дружески, а затем вместе пойти араку пить?!

— Лучше, — подумав, изрек Кулай. — Гораздо лучше.

Шулмусы оживились, кое-кто рассмеялся, а Тохтар-кулу полез за бурдюком, поняв Асахиро слишком буквально.

Бурдюк убрали подальше — это Фариза расстаралась, — старый Тохтар недовольно сощурился, почмокал губами и повернулся к Асахиро.

— Хорошо сказал Асахиро-эцэгэ, — исподволь начал Тохтар, и я отчетливо увидел, как в глазках старого лиса забегали хитрые огоньки. Эцэгэ — оно, конечно, эцэгэ, и скоро все мои приятели в «отцы» шулмусские выбьются, а некоторые даже и в матери... так вот, вряд ли Тохтар хоть слово без подковырки скажет, да и само «эцэгэ» для кабирского уха — нож острый...

— Хорошо сказал Асахиро-эцэгэ, вкусно, сладко, уши радуются, еще хотят... Убивать — плохо. Помню я — года два тому назад в племени аруданов у одного охотника младшая жена пропала. Ну, пропала — и пропала. Украли, небось. Бывает. Потом еще одной женщины не досчитались. И снова. Заволновались аруданы — враг женщин ворует, скоро всех украдет! Не злой ли мангус объявился?! Потом в степи жену охотника нашли. Мертвую. Кто убил? За что убил? Если мангус — почему не съел?! Если человек —

зачем убил? Украсть — понятно, а убивать — глупо! Что с мертвой женщиной делать?! Позвали шамана. Пришел шаман Безликого, воинам в глаза посмотрел и на хромого табунщика указал. Вот он, говорит, женщин крадет. Глумится не по-мужски, а после убивает. Чтоб молчали, чтоб не сказали никому. Аруданы хромого табунщика к двум жеребцам привязали, жеребцов в степь погнали, кровавыми клочьями степь засеяли. Не пропадали больше женщины у аруданов. А я сейчас Асахиро-эцэгэ слушаю, уши радую, сердце радую, думаю: «Убивать — плохо. Лучше араку пить. Зря тогда аруданы хромого табунщика убили, совсем зря... араку с ним пить надо было...»

— Дурак ты, Тохтар, — оборвал старика побагровевший Асахиро. — Такого табунщика трижды убить надо было!..

Они еще о чем-то говорили — а я задумался совсем о другом. Были ли у нас в Кабире убийства — я имею в виду, раньше? Насилие? Вооруженные грабежи? Нет. Не было. Не слышал о таком — по крайней мере, до появления беглецов из Шулмы. Кражи, мошенничества, подлоги, взятки — были. Грешны люди, один Творец безгрешен... Но не казнить же человека за кражу?! Вот и обходились без смертной казни. Плетей всыпать — это да. Затем тюрьма есть, рудники, в конце концов!.. Но казнь?!

Хотя, с другой стороны, я прекрасно понимал аруданов.

Почему у нас не было своих хромых табунщиков? Мы что, лучше шулмусов? Нет, мы не лучше...

Тогда — почему?!

— Блистающие не дают, — услышал я внутри себя голос Единорога. — Мы насилия не приемлем... во всяком случае, раньше. Попробуй грабитель с голыми руками напасть на Придатка с Блистающим, да еще в Кабире — что выйдет? А если ты и сам вместе с Блистающим — так и не станете вы ни на кого нападать! Ну а бумагу поддельную написать или стянуть что — это мелочи, люди и без нас управятся, мы о том и знать не будем... Зато когда у ребенка человеческого с детства к Блистающему уважение, так он и взрослый его на дурное дело не поднимет. И себя замарать побоится, и клинок родовой...

Нет, я не во всем был согласен с Единорогом, но отчасти он прав. Для насилия нужно оружие, или хотя бы понимание того, что насилие — уже само по себе оружие... а Блистающие — это не оружие.

Но...

4

— Послушай, Единорог... чем, собственно, мы, люди эмирата и Блистающие, отличаемся от шулмусов и Диких Лезвий? Тем, что они убивают, а мы — нет? Так и мы способны на насилие... Ты слушаешь меня?

— Я слушаю тебя, Чэн. Продолжай.

— Я еще не все понимаю, но давай представим себе вот что... Гончар делает горшок. Это его ремесло — делать горшки. Оно его кормит, ремесло это, да и от горшка польза несомненная — можно продать, можно воды налить, можно еще что-нибудь. Ремесло гончара — горшки делать, ремесло садовника — выращивать айву и персики, ремесло ткача — полотно ткать... а ремесло воина? Шулмуса или Дикого Лезвия?! Что делает воин?

— Убивает, Чэн. Воин — убивает. Умело и быстро.

— Зачем?

— Чтобы выжить самому. Ремесло воина — умная ярость.

— Да. Умная ярость. Чтобы убить — и выжить. И взять себе имущество убитого, или его женщину, или его коня — но не это главное. Главное — чтобы выжить самому. И поэтому сколько ни называй это убийство доблестью, умением, подвигом или подлостью, или еще чем — важно, что это тоже ремесло. Ему учат, им сохраняют жизнь, им отнимают жизнь, оно приносит пользу, им можно торговать, у него свои тонкости и навыки...

— Да, Чэн. Это ремесло. Как гончар делает горшок — так воин убивает.

— А когда гончар делает не горшок, каких множество, а вазу? Единственную в своем роде? Каких до него не делал никто и никогда?! Если он неделями ломает себе голову над формой завитка на середине ручки этой вазы — хотя житейской пользы от этого завитка никакой?!

— Это искусство, Чэн. Не ремесло, но — искусство. Не польза, но — радость.

— А если воину плевать на жизнь и на смерть, если нет врага и нет ярости, а есть он сам и его меч, и отблески движущегося просто так, без житейской цели и пользы клинка чертят в ночном небе диковинный узор, и ноги танцуют, не касаясь земли, а кисточка на рукояти описывает спираль, ведущую в бесконечность, и нет пользы, а есть радость, и ты — это меч, а меч — это ты, это мир, это небо и перехлестывающее через край бренной плоти сознание бессмертия...

— Это искусство, Чэн. Это мудрая радость творчества,

когда мы равны Творцу. Это шаг от ремесла к искусству, это два берега одного ручья — умная ярость воина-ремесленника и мудрая радость воина-творца. Это шаг от Дикого Лезвия к Блистающему, от пользы к красоте, от тела к душе!

— Да, Единорог. Есть состояние боя — и состояние Беседы. Есть враг — и со-Беседник. Ярость схватки и радость творчества. Бушующее пламя и невозмутимая водная гладь. Гордый Масуд и мудрый Мунир, огонь и вода... И когда мы творим Танец Меча — мы впитываем в себя чужую ярость и гнев этого мира, но переплавляем их в себе, как руду в горне, и удары наши быстры, они кажутся смертоносными, и торжествующий крик решающего движения заставляет зрителей вздрогнуть и затаить дыхание...

— ...и мы уподобляемся смерчу, сметающему все на своем пути — но внутри мы спокойны и радостны, мы невозмутимы, и смерч наш никому не приносит вреда, ибо нет в нас злобы и гнева, они расплавлены и отлиты заново в форме Блистающего, и зрители...

— ...и зрители чувствуют это, потому что они такие же, как и мы, они способны со-чувствовать, со-переживать, быть со-Беседниками! А если нет...

— ...а если нет — они смотрят на нас со страхом и уважением, и помыслы убить нас умирают в них, не родившись... потому что огненные ручьи их злобы, их гнева и ярости влились в наше море, впитались в нашу душу, и бесследно растворились в нашем спокойствии...

5

Вот почему в Кабире не мог объявиться хромой табунщик-убийца! И злоба, и страх, и ярость — все это с рождения свойственно и человеку, и Блистающему, но нас с малолетства учат обуздывать эти чувства, перемалывать их на внутренней мельнице спокойствия, проходить путь от ремесла к искусству и, минуя кровавую битву, творить Беседу. А если мы молоды и еще не способны до конца постичь тайну сотворения воинского искусства — нам помогают другие, более мудрые, более спокойные, дальше прошедшие по Пути Меча. Все вместе, мы сделали этот шаг от орд Диких Лезвий и диких завоевателей к Блистающим и людям.

И этот шаг тоже был искусством.

А здесь, в Шулме, в нашем прошлом, ремесло по-прежнему остается ремеслом, умелое и быстрое убийство остается залогом собственного выживания, и боевая ярость ки-

пит, не переплавляясь в душах неродившихся мастеров, и брызги этой лавы солоны и багровы...

Но тогда мы — мы, кабирцы, дети эмирата — неужели волею судьбы мы все отступили на шаг назад, попросту вернувшись к кровавому ремеслу?

Хороший вопрос.

Есть ли на него хороший ответ?

Я чувствовал, что ответ уже брезжит где-то на краешке моего сознания, и попытался ухватить его за вихор, не дать ускользнуть — и не дал.

Ответом была стена.

Стена, тупик, в который уперлись мы — и люди, и Блистающие эмирата. Мы отточили до почти немыслимого совершенства лезвия клинков и Мастерство Контроля; Беседы наши стали изящны и молниеносны, а мы сами — учтивы и беззаботны; мы наслаждались жизнью и своим искусством, мы забыли о истоках — грязных, кровавых, но человеческий ребенок тоже рождается в крови и стонах, а Блистающий — в огне и грохоте...

И мы действительно разучились убивать. Мы отсекли эту часть бытия — и я утверждаю, что это плохо, какими бы ужасными не показались мои слова. Потому что настал день, когда искусство столкнулось с насилием, и не смогло противостоять ему — мертвый Шамшер в пыли, моя отрубленная рука на турнирном поле, Друдл и Детский Учитель в проклятом переулке!

Чистое Искусство отвергло Ремесло, из которого когда-то родилось, потом попросту забыло о существовании предка — и поплатилось за забывчивость.

Тусклые и батиниты были неправы и правы одновременно; так же, наверное, как и мы.

А сейчас... сейчас мы умеем убивать. И умеем не убивать. Мы не всемогущи, и силам нашим есть предел, но мы способны выбирать, и дело не в ремесле и искусстве, не в жизни и смерти, а в выборе, который наш и только наш.

В свободном выборе.

В выборе между огнем Масуда и водой Мунира.

— Выбор... — задумчиво произнес Обломок, о котором я совершенно забыл, как и о том, что поглаживаю его рукоять рукой аль-Мутанабби. — Сделать шаг вперед, отказаться от ремесла и убийства, обретя искусство и радость... А если сделать еще шаг? От искусства — куда? Что — там? Там, где, быть может, все сливается воедино, где нет ни жизни, ни смерти, ни убийства, ни отказа от него...

Что — там?

Ремесло.
Шаг.
Искусство.
Шаг.
Что дальше?

Сумеем ли мы сделать этот шаг? Или мы уже шагнули, сами того не сознавая?

Еще один шаг по Пути.

Пути Меча.

Глава двадцать четвертая

1

— Щепоть сушеной травы чимук, два очищенных корешка-сухороста, полгорсти толченой желтуницы, топленое масло...

— Ты запомнил все с первого раза? — шаман удивленно глянул на Коса. — У тебя хорошая память. Почти как у меня.

— Я не запомнил, — в свою очередь удивился ан-Танья. — Я записал.

И продемонстрировал шаману свои записи.

Слово «записал» Кос произнес по-кабирски, поскольку по-шулмусски его не знал. Как, впрочем, и я. Но шаман догадался.

— Записал? — повторил Куш-тэнгри по-кабирски. — Вот этими значками? Все, что я говорил? Да?

Кос утвердительно кивнул.

— Говорящие знаки, — задумчиво протянул Неправильный Шаман, почесывая кончик своего внушительного птичьего носа. — Знаю. У нас тоже есть. Но другие. Ими нельзя записать то, что я говорил. Только самое простое. Пять дюжин воинов ушли в поход. Вернулись три дюжины и еще два. Сожгли стойбище маалев. Вот такое. Ваши знаки разговорчивее наших. Потом научишь.

— Научу, — охотно согласился Кос, а я вдруг обратил внимание, что при разговоре с шаманом ан-Танья держится особо предупредительно и безукоризненно-вежливо. Стараясь не смотреть в глаза.

Ну, тут я его понимал...

— Научу, — повторил Кос и помахал в воздухе своим листком. — А вы что, все это дословно помните? Я имею в виду — вы, шаманы?..

— Конечно, — равнодушно бросил Куш-тэнгри, подумал и уточнил. — Мы, шаманы. Воины не помнят. У воинов ветер в голове. Все слова выдувает. А нас с детства учат видеть и помнить. Или помнить и видеть. Вот...

Он мельком покосился на кучку ориджитов, отправившихся под предводительством Коблана обустраивать походную кузницу; покосился и тут же отвернулся.

— Сколько человек? — резко спросил шаман.

Как кнутом хлестнул.

Кос, тоже сперва глянувший в ту сторону, а потом снова воззрившийся на Неправильного Шамана, задумался, стараясь не поворачивать головы к ориджитам.

— Восемь, — неуверенно заявил ан-Танья. — И Коблан с Тохтаром.

— Семь, — отрезал шаман. — Семь ориджитов, ваш кузнец и хитрец Тохтар. Кто из них в шапках, кто — без?

Кос замялся.

— Ладно, — смилостивился шаман. — Пусть будет не кто. Пусть будет — сколько. Сколько шапок на девятерых людях?

— Пять, — буркнул Кос.

По-моему, наобум.

— Три, — подытожил шаман, и мне даже не захотелось его проверять. — У кого из девятерых волосы на уши падают, а у кого назад зачесаны?

Ан-Танья только руками развел.

— У кузнеца вашего волос курчавый, уши наружу торчат, — начал Куш-тэнгри, — у Тохтара волос мало, а вот уши закрыты; трое детей Ориджа конские гривы отрастили, скоро не то что ушей — глаз видно не будет... еще трое волосы ремешком повязали и назад забросили; один — плешивый. Совсем. Дальше будем или хватит? Да?

— Хватит, — в один голос сказали я и Кос.

— Шаман должен не смотреть, а видеть, — наставительно заметил Куш-тэнгри. — Шаман не запоминать должен, а помнить. Иначе он — плохой шаман. Жизнь понять не сможет. Пропажу найти не сможет. Судьбу узнать не сможет. Предсказать ее не сможет. Ничего не сможет. Такой шаман — и не шаман вовсе.

Кос понимающе кивнул, а Я-Единорог подумал: «Предсказывать. Судьбу узнавать. Гуси, камешки, волосы... глаза твои ненасытные. И вообще — как он узнал о моем прибытии? Как в степи нашел?»

Похоже, Куш-тэнгри мог многое такое, о чем мы понятия не имели. И это в Шулме, в дикой Шулме, где жизнь

не стоит и треснувшей чашки! Крылось в уменьи шаманском нечто, связанное с шагом от ремесла к искусству, с яростью и радостью, с выбором между Масудом и Муниром...

И Я-Единорог еще подумал, что дело, наверное, не в памяти, остроте зрения или каких-то особых навыках (хотя и в них тоже), а в состоянии души, позволяющем сливаться с происходящим. Мы ведь тоже в состоянии Беседы успеваем многое, чего в обыденной жизни и заметить-то не успели!

— Будем говорить, Куш-тэнгри? — спросил я.

— Будем, — еле заметно улыбнулся Неправильный Шаман. — Только завтра. С утра. Да?

— Да, — ответил Я-Единорог, и двинулся к Коблану, громыхавшему языком почище молота — отчего ориджиты работали если не лучше, то значительно быстрее.

Завтра — значит, завтра.

2

А завтра оказалось совсем рядом.

И таким же, как вчера — шатер, шаман, и я с Единорогом и Обломком.

— Ты позволишь мне взглянуть на твое прошлое, Асмохат-та? — чуть ли не торжественно спросил Куш-тэнгри, усаживаясь напротив.

Нет, я не брал под сомнение возможности шамана. На его лице было написано, что он хочет не рассказ мой выслушать — а именно взглянуть. Самому.

Но стоит ли ему показывать?

— Стоит, — решительно заявил Единорог.

— Стоит, — согласился Обломок, злорадно сверкнув. — Нам скрывать нечего.

Я вслушался в это «нам», и мне стал ясен замысел Блистающих.

— Ну что ж, шаман, смотри, — я и сам внутренне усмехнулся, освобождая Единорога от ножен и протягивая его острием к Неправильному Шаману. — Так, что ли, это делается?

Куш-тэнгри, не поднимая глаз, протянул руку и неспешно сомкнул пальцы на клинке Единорога. Некоторое время ничего не происходило, я расслабился и пропустил тот момент, когда пытливо-мрачный взор шамана сверкнул навстречу мне подобно вороненой стали, и, проваливаясь во тьму, я успел крепче ухватиться за рукоять Единорога, и... и стать им.

Во тьме или при свете, здесь или нигде, вчера или завтра — один Меч встал спокойно против неба!

...Я знал, что Неправильный Шаман сейчас видит и чувствует то же, что и я. Но если я прекрасно понимал, что означает происходящее, и был к нему готов, то для шамана это было равносильно удару молотом.

И не одному удару.

Причем в самом прямом смысле слова.

Ведь сейчас я был Единорогом. И шаман видел прошлое — прошлое прямого меча, Блистающего из рода Дан Гьенов!

Он видел его рождение!

Вокруг полыхал огонь, вселенная неистово грохотала, я был раскален докрасна, и молот невидимого пока кузнеца-повитухи рушился сверху, раз за разом, сплющивая уродливые неровности, уплотняя мою плоть — и удары эти приятно-звенящей дрожью отдавались в рождавшемся теле, гибком, разгоряченном, юном, рвущемся жить!.. я рождался в огне и звоне, я выходил из горнила пламени, возбуждение все сильней охватывало меня, и сила ударов молота передавалась...

Испуганный крик расколол мир пополам — и через мгновение я, Чэн Анкор, вновь оказался в шатре Куш-тэнгри. Сам Неправильный Шаман неуклюже стоял на четвереньках — видимо, он упал вперед и едва успел опереться руками об пол, выпустив клинок Единорога. Как он при этом не порезался — а он не порезался, — оставалось загадкой. Шаман изумленно смотрел на Единорога... на мою железную руку.... и наконец наши взгляды встретились.

Без мрака и огня, просто, как и должны встречаться взгляды.

— Что... что это было? — прохрипел шаман. — Ад? Да?

— Прошлое, — честно ответил Я-Единорог. — Хочешь смотреть еще?

Но Куш-тэнгри, похоже, уже пришел в себя.

— Хочу, — твердо заявил он и, как показалось мне, без малейшего усилия и почти незаметно для глаза оказался сидящим на своем прежнем месте.

Он хотел смотреть.

— Ну что ж, смотри, — и я снова протянул ему Единорога.

На этот раз даже я — да что там я, даже Единорог не ожидал увидеть то, что возникло вокруг... что возникло в нас.

...Металл звенел о металл, кричали люди, бешено ржа-

ли кони, в горле першило от едкого дыма, и рука в латной перчатке, по локоть забрызганная дымящейся кровью, вздымала вверх тяжелый ятаган Фархад, который потом назовут иль-Рахшем, Крылом бури — и мощное лезвие, визжа от ярости, опускалось на головы врагов, рассекая шлемы и черепа, и скользил на плитах площади гнедой жеребец, а я, мятежный эмир Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, все смеялся в порыве боевого безумия, и бежали оставшиеся в живых защитники Кабира, а за ними вдогон неслись воины на взмыленных...

Память. Память латной перчатки.

Восемь веков тому назад.

Когда мы возвратились в шатер, взгляд шамана прошел уже знакомый мне путь: с Единорога на мою правую руку, с руки на мое лицо...

И снова на руку.

— В первый раз мы ушли далеко, — выдохнул Куш-тэнгри. — Я никогда не заглядывал так далеко.., тому аду было десять дюжин лет и еще немного. Но сейчас... Когда это было, Асмохат-та?

— Восемь столетий, — ответил Я-Единорог. — С того дня прошло восемь столетий, Куш-тэнгри, рожденный седым.

— И это был... это был ты, Асмохат-та? Да?

— Нет, это были другие воплощения Желтого бога Мо, — изрек язвительный Обломок, услышав вопрос шамана в изложении Единорога.

И я не нашел ничего лучшего, как повторить сказанное Обломком.

Шаман долго молчал.

— Может быть, может быть, — наконец произнес он со странной дрожью в голосе. — Теперь я готов поверить в это... Но не верю. Ты не сердишься?

— Нет.

— Тогда... тогда не позволишь ли ты мне все же взглянуть на *твое* прошлое? На прошлое твоего нынешнего воплощения?

— Позволю.

И я в третий раз протянул ему Единорога — нет, это Единорог сам потянулся к Неправильному Шаману.

...На этот раз я ему показал. Я раскрылся, и мы ушли в Кабир, Кабир Бесед и турниров, ярких одежд и оружейных залов; мы любовались подставками для Блистающих и слушали песни бродячих чангиров, мы дышали жаром кузниц и творили Церемонию Посвящения, мы меряли мою

жизнь вдоль и поперек, жизнь до сверкающего полумесяца Но-дачи, жизнь, до краев наполненную звоном Блистающих, готовых скорее умереть, чем пролить кровь; мы были там, дома...

Я не мог больше оставаться там, зная, что я — здесь.

И вернулся в шатер.

— Я знаю, кто ты, — медленно и сурово произнес Неправильный Шаман. — Ты не Асмохат-та. Ты больше, чем Асмохат-та. Ты жил в раю, и сумел добровольно уйти из него. Я буду звать тебя этим именем, а истина пусть останется между нами.

— Сегодня мы смотрели прошлое, — сказал Куш-тэнгри.

— Завтра мы будем смотреть будущее, — сказал он.

— Да? — спросил он.

— Да, — ответили мы втроем.

— 3

...Еще один день завершился — один из бесчисленной вереницы дней, бывших до нас, при нас; будущих после нас.

Лагерь засыпал. Костры еще горели, о чем-то беседовали несколько человек, сидевших у одного из этих костров, но большинство наших (я подумал «наших», улыбнулся, вспомнил о «ненаших», способных вскоре объявиться поблизости, и перестал улыбаться) уже удалились в шатры — отдыхать. Налетел порыв стылого, пронизывающего ветра, я зябко поежился и взглянул на небо. Оттуда на меня безучастно смотрели холодные колючие звезды.

Блистающие небес.

Что-то теплое и мягкое опустилось мне на плечи, и я поначалу даже не понял, что это такое и откуда оно взялось. А потом обнаружил у себя на плечах меховую доху, повернулся и увидел Чин, облаченную в точно такое же одеяние; видимо, Чин уже некоторое время стояла у меня за спиной.

— Чин... — довольно глупо выговорил я и притянул ее к себе, пытаясь... ах, да ничего такого особенно мудрого не пытаясь, кроме как обнять мою маленькую грозную Чин.

И звезды в небе немного смягчились и потеплели.

Она предприняла слабую попытку высвободиться — слишком слабую, чтобы поверить в ее искренность — поэтому я обнял ее еще крепче и зашептал на ухо всякую ласковую бессмыслицу.

Деликатный Обломок сообщил, что я придавил ему рукоять, и я попросил его заткнуться.

Единорога с Волчьей Метлой я почему-то совершенно не стеснялся, тем более что эти двое были заняты друг другом не меньше нас.

— Да ну тебя, — Чин попробовала сделать вид, что сердится на меня, но это ей не очень-то удалось, да и трудно сердиться на того, с кем в данный момент целуешься; и мы в четыре ноги двинулись к шатру.

К шатру, который я мгновенно переименовал из «моего» в «наш».

— И зачем я за тобой, бродягой, потащилась, — ворчала Чин в паузах между поцелуями, — из Кабира в Мэйланъ (пауза), из Мэйланя в Кулхан (пауза), из Кулхана в Шулму эту про(пауза)клятую... И что я в тебе, жеребце необъезженном, нашла?!

— А что в жеребцах находят? — не удержался я. — Вот это самое и нашла...

Чин собралась было возмутиться, но передумала и махнула рукой — той, в которой на отлете держала Волчью Метлу.

— Может быть, именно это и нашла, — неожиданно согласилась она, имея в виду что-то свое.

Мы ввалились в шатер, который кто-то (скорей всего, вездесущий ан-Танья) уже успел протопить; через минуту Единорог в углу умильно касался кисточкой Волчьей Метлы, что-то ей шелестя, а мы с Чин нырнули под ворох предусмотрительно заготовленных (кем?.. неважно...) теплых шкур, и больше я не собираюсь ничего рассказывать, потому что... потому что... не ваше это дело!.. и вообще...

И вообще — хорошо, что у меня хватило ума бросить доху прямо на Обломка, а самого Обломка бросить подальше от меня и моей правой руки, так что до утра я его не слышал.

4

...Звон металла, чьи-то крики, снова звон...

Я проснулся рывком, сразу, и вынырнул из-под шкур, мельком отметив, что Чин в шатре уже нет. Поспешно схватив Единорога, я откинул полог шатра и... и убедился, что ничего страшного не случилось. Асахиро ругался с возбужденным Куш-тэнгри — впрочем, делалось это достаточно беззлобно, чтобы потребовалось мое вмешательство —

Коблан развернул наконец свою походную кузницу и что-то деловито ковал, невысокий крепыш-ориджит помогал ему, держа заготовку клещами; другой шулмус, постарше, сидел рядом, вытянув плохо сросшуюся после той памятной битвы ногу и изумленно качал головой. Еще несколько детей Ориджа вместе с хохочущими Фальгримом и Диомедом столпились вокруг спорящих шамана и Асахиро; Ниру, прихрамывая, руководила приготовлением пищи...

Ну и так далее.

Ах да — еще пара Блистающих звенела где-то позади моего шатра, и мы с Единорогом мгновенно узнали характерный лязг с присвистом Волчьей Метлы.

Короче, все было в порядке.

Я поспешил нырнуть в шатер, пока никто не обратил внимания на явление голого всклокоченного Асмохат-та, невесть зачем высунувшегося из шатра с мечом в руке — и со вздохом принялся одеваться.

— А я, пожалуй, вполне способен примириться с Шулмой, — заметил Единорог, укладываясь поверх шкур и задумчиво мерцая обнаженным клинком. — Правда, ни тебе подставки, ни угла своего — хотя к походной жизни я уже привык. Зато интересно. Шаман этот опять же... Ну что, Асмохат-та, будущее смотреть будем?

— Будем, — кивнул я. — Вот только шаровары натяну, да доспех, да доху еще...

Тут из-под дохи донесся сдавленный вопль Обломка, услышанный Единорогом, а через него — и мной, так что я торопливо освободил Дзю из мехового плена и весьма удивился его первым словам.

— Чэн, а почему ты жеребец? — спросил Обломок.

Я предпочел не отвечать, и мы выбрались наружу.

Влетев в самый разгар спора, и не думавшего затихать.

— Ты что делаешь?! — кричал Куш-тэнгри, размахивая руками. — Ты зачем ориджитов шаманами делаешь?! Глупый ты, совсем глупый, ничего у тебя не выйдет, да?!

— Да, — соглашался Асахиро, глядя на ориджитов. — Не выйдет.

— Тогда зачем учишь?

— Чему?

— Как чему? Дышать учишь, стоять учишь, смотреть учишь! Силу из земли брать учишь! Думаешь, я слепой, не вижу?!

— Какую-такую силу?! — злился Асахиро, размахивая Но-дачи, участия в споре не принимавшим и потому свистевшим довольно-таки безразлично. — Дышать учу —

правильно! Стоять учу — правильно! У нас этому детей учат! А я ваших оболтусов учу...

— Только их еще долго учить придется, — тихо добавил он в сторону по-кабирски, и Но-дачи согласно сверкнул, плашмя опускаясь ему на плечо.

Куш-тэнгри вроде бы немного поутих, но увидел меня и снова воспылал праведным гневом.

— Ты только посмотри, великий Асмохат-та, чему твой человек, которого глупые шулмусы зовут Асахиро-эцэгэ, ориджитов учит! — обратился он ко мне.

Я посмотрел. Асахиро показал. Шулмусы старались вовсю, стараясь не ударить в грязь лицом перед Асмохат-та, и у них более-менее получалось; для первого раза даже более, чем менее. Ноги они со временем напрягать перестанут, а то, что грудь на вдохе не выпячивают — это Асахиро молодец, быстро сумел...

— Правильно учит, — одобрил я. — Не знаю, как шаманов учат, а у нас — так... Кстати, о шаманах. Куш-тэнгри, скажи на милость, а где остальные служители Безликого? Что-то я здесь, кроме тебя, ни одного не видел!

— Ушли, — лаконично ответил Куш-тэнгри. — Ты приехал, они узнали и ушли.

— Это как же понимать?! — грозно вопросил я, косясь на притихших шулмусов. — Они что, не хотят встречаться с Асмохат-та?!

— Не хотят, — гнев мой не больно-то испугал Неправильного Шамана. — Выбирать не хотят. Встреть они вас, пришлось бы им выбирать: Джамуха или Асмохат-та. Вот они и решили выждать.

— А ты? Что ж ты не выждал?

— Я — Неправильный Шаман. Я не хочу ждать. Я хочу знать. И еще я хочу увидеть будущее. Будущее Шулмы — моей родины.

— А раньше ты его не видел?

— Видел. И другие шаманы видели. Объединение племен видели, поход на мягкоруких видели, горящие шатры из камня, добычу, рабов видели... Потом гурхан Джамуха мне руку своим мечом разрезал. С тех пор я ничего не вижу. У отдельных людей — вижу. У всей Шулмы — не вижу. Ни добычи, ни рабов, ни побед. Другие видят, а я — нет. Я вижу чешуйчатую руку, простертую над Шулмой. И в день твоего прибытия, Асмохат-та, она сжалась в кулак.

Я вспомнил свой сон, где железная рука нависала над миром в колыбели.

Может быть, это и значит — видеть будущее?

Нет.
Это оказалось совсем не так.
И не похоже на сон.

5

...Я видел Шулму как бы с высоты птичьего полета. Нет, выше, много выше. Желто-зеленая степь, рассеченная голубыми клинками рек, на юго-востоке ограниченная Кулханом, на юго-западе упирающаяся в горы — и всю Шулму затягивала неясная дымка, в просветы которой я иногда видел копошащиеся орды муравьев, снующих по своим муравьиным делам.

И я чувствовал себя богом.

А степь все мерцала, и вереницы деловитых насекомых все текли в какое-то одно, известное им место, и я понимал — вот она, ставка гурхана Джамухи Восьмирукого, вот он, зародыш кровавого похода во имя истины Батин!

Дымка, скрывавшая Шулму, затрепетала, клубясь розоватыми облачками, превращаясь в зыбкое светло-багряное марево, и меня словно плетью хлестнуло — такую ярость, такую злобу и страх сотен тысяч людей источал этот странный туман, эта кровавая пелена, так часто застилавшая глаза воинов Шулмы!

Я видел огонь Масуда!

И я чувствовал себя богом.

Ликующим Желтым Мо.

Земля в багровом тумане метнулась в сторону, я на миг зажмурился, а когда открыл глаза — подо мной был Круг священного водоема, свободный от испарений душ человеческих, напоенных злобой, вскормленных расчетливой яростью воинского ремесла, растлеваемых умелой хитростью Джамухи-батинита... и робкие змеи красной пелены, заползавшие в этот круг, светлели и растворялись, впитанные нами; растворялись, перерождаясь, возвращаясь в мир спокойной уверенностью... зыбкие змеи Шулмы, шипя, умирали в круге Кабира, давая жизнь новому, неизведанному... и огонь Масуда противоестественным образом сливался с водой Мунира, ярость — с радостью, ремесло — с искусством...

И вот Круг священного водоема по-прежнему чист и незамутнен, но на границе с ним все уплотняется, сгущается, накатывается гневный вал цвета дымящейся крови, грозя захлестнуть Круг приливом древней истины, приливом Сокровенной Тайны, и я падаю, падаю, падаю...

И я, вопреки всему, чувствовал себя богом.
Падшим богом.
Даже разбившись и перестав существовать.

6

Я вытираю рукавом слезящиеся глаза.

Мы с Куш-тэнгри долго смотрим друг на друга, не снимая рук с Единорога.

Единорог тоже молчит — он видел. Как и мы.

Молчит Обломок у меня за поясом — хотя я не знаю, что он видел и видел ли он хоть что-нибудь.

— Он в ярости, — тихо выговорил наконец шаман. — Я ощущал ярость.

Я кивнул. Я знал, кто — он.

— И он в страхе. Я ощущал страх.

Я еще раз кивнул.

— Джамуха скоро решится. Ты стоишь между ним и мягкорукими. И Джамуха пойдет на нас.

Я выделил для себя слово «нас». Значит, Неправильный Шаман уже сделал свой выбор.

— Спасибо, Куш-тэнгри.

— За что?

— За нас.

Шаман понимающе кивает и улыбается одними уголками губ.

— Ну что, Асмохат-та, — спрашивает он, — будем смотреть будущее? Твое будущее?

Я непонимающе гляжу на него.

— Это было не будущее, — объясняет шаман. — Раз было, значит, не будущее. Это — настоящее. Это — зародыш будущего. Будем смотреть дальше?

— Да, — отвечаю Я-Единорог.

И вновь окунаюсь в омут черных глаз.

...две стены воинов. Одна — впереди меня, другая — за мной. И ярость дышит мне в затылок; и ярость смотрит мне в лицо.

В двух шагах от меня — он. Джамуха Восьмирукий. Джамуха-батинит. В чьей руке шипит, полосуя воздух, короткая Чинкуэда, Змея Шэн.

Вот он — Джамуха.

И я не вижу его лица.

Я вижу островерхий кожаный шлем с металлическими пластинами; вижу легкий панцирь, но не настолько легкий,

чтобы не ощутить дрожь Единорога, сомневающегося — пробьет ли он эту защиту или не стоит рисковать, работая наверняка; вижу шаровары черного шелка (не кабирской ли работы?), вижу мягкие сапоги с острыми носами, вижу...

Лица — не вижу.

И вижу косой рубящий удар, и радуюсь тому, что я его вижу, потому что Джамуха не сможет, никогда не сможет успеть увидеть, как лезвие Единорога на треть погружается в горло гурхана степей...

— ...Нет!

Я в шатре.

Я беззвучно кричу.

И слышу крик Единорога.

— Нет! Не хочу! — кричим мы.

— Но ведь ты одержал победу, — искренне удивляется Куш-тэнгри. — Ты убил его.

— Я не хочу убивать его.

И я требовательно смотрю в глаза шаману.

— Будущее не в нашей власти, Асмохат-та.

— Я не хочу убивать его.

Шаман пожимает плечами и берется за клинок Единорога.

...Я не помню, сколько раз погружался в выхваченное из ненаступившего времени непроисходившее мгновение. Менялся рисунок боя, иногда первый удар наносил я, стремясь выбить Чинкуэду, Змею Шэн, из руки Джамухи; иногда я тянул время, пытаясь победить, не убивая. Но каждый раз все кончалось одинаково: косой взмах Чинкуэды и лезвие Единорога, на треть вонзающееся в горло гурхана.

— Нет!..

Я устало вытер пот со лба, вернул вздрагивающего Единорога в ножны и откинулся назад.

— Я удивлен, что ты смог хотя бы это, — замечает Куш-тэнгри.

— Что — это?

— Ты по-разному сражался. Хотя исход не менялся, да и не мог измениться.

— Мог, — упрямо говорю Я-Единорог. — Мог. Это я не смог изменить его. Но — смогу.

— Может быть, может быть, — как прежде, задумчиво бормочет Неправильный Шаман. После встречи с тобой я уже ни в чем до конца не уверен. А это плохо. Шаман должен быть уверен. Иначе он — плохой шаман.

— Послушай, Куш-тэнгри, а что видел ты?

— То же, что и ты.

— Но я-то видел себя! Значит, и ты должен был видеть себя!

— Нет. Я себя не видел.

— Почему?

— Наверное, я умру до того, — равнодушно отвечает Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.

7

И тогда я вновь обнажил Единорога, и Блистающий вновь потянулся острием к Шаману.

— Я устал, — сказал Куш-тэнгри.

Единорог не дрогнул.

Мы тоже устали.

Но нам нужно было вернуться к истоку; нам был необходим день сегодняшний и день завтрашний, но не день Шулмы.

Шаман как-то странно покосился на Единорога, словно видел его впервые, и взялся за клинок.

Рука его дрожала.

...я летел, летел высоко в небе, как птица, быстрей любой птицы. Закончился Кулхан, промелькнул подо мной Мэйлань, вот змеится Фаррский тракт, вот на горизонте вырастают очертания Кабира...

И я падаю, падаю, падаю, сбитый, как птица, влет; я падаю, сердце мое обрывается в звенящую пустоту, и я знаю, что не ошибся, что видел то, что видел, то, что опалило душу мою...

Над Кабиром медленно сгущалось кроваво-красное марево.

Огонь Масуда.

Глава двадцать пятая

1

Неделю после этого я не хотел ни о чем думать. Словно в моей душе остался саднящий ожог, прикосновение к которому любой, даже самой незначительной мысли причиняло невыносимую боль.

И в конце трудного, тернистого пути всякого рассуждения было одно и то же: странник-мысль упирался в дверь

горящего дома, из окон этого дома вырывались жадные языки Масудова огня, а на пороге стоял Джамуха-батинит, безликий гурхан, и горло его было открыто для меча.

Я не хотел думать. Ни о чем. И, как очертя голову бросаются в пропасть, ринулся в единственное дело, которое умел делать; дело, способное поглотить меня целиком и отучить думать.

Хотя бы на время.

Я мучил собственное тело, заставляя его в доспехе делать то, чего раньше не мог как следует сделать и без доспеха; я пытался дойти до изнеможения, а изнеможение убегало от меня, и тело мое радовалось возвращению на круги свои, радовалось и не хотело уставать, соглашаясь с любыми, самыми взбалмошными приказами и выполняя их безукоризненно и мгновенно, как отлично вышколенный слуга. Я требовал от Единорога с Обломком невозможного, и они отвечали мне тем же, пока невозможное не становилось возможным, мы были пьяны друг другом, и беспощадны друг к другу; и мы были одним целым.

А ночами, в короткие часы отдыха, меня спасала Чин.

Я Беседовал со всеми, изматывая тех, кого мог измотать, заставляя Фальгрима, ан-Танью и Асахиро часами работать на турнирных скоростях; они менялись, Гвениля сменял Сай и Заррахид, их обоих — Но-дачи, а мы с Единорогом и Дзю все кружили по утоптанной площадке, как пятнистый чауш по клетке, и я чувствовал неистовое биение крови в железной руке.

Дважды я вызывал в круг сразу Асахиро и Коса; дважды Единорог с Обломком противостояли троим — Саю, эстоку и Но-дачи, но ни разу я не звал к себе Фальгрима и Коса.

Я хотел не думать. Но я не был глупцом.

Гвениль и Заррахид при поддержке Сая в ближней Беседе — нет, не родились еще те Блистающие, которые могли бы остановить их, будучи в руках у одного человека!

Я не думал. Я не думал, что все, что я делаю, возможно, лишь укорачивает Путь Меча к горлу Джамухи, делает этот Путь прямей и неотвратимей... я даже не думал о том, что пытаюсь гасить Масудов огонь в самом себе, что горящий дом — это я...

Во имя Восьмого ада Хракуташа, я не думал об этом!

Один раз я поехал с шулмусами, Эмрахом, Фаризой и тремя батинитами на охоту. Полдня я дергался, озираясь по сторонам; полдня в каждом стаде джейранов мне мерещились всадники Джамухи, меня раздражала беспечность

спутников и их вера во всемогущество Асмохат-та; и я был безмерно счастлив, вернувшись без приключений к священному водоему.

И пошел Беседовать с Диомедом и Махайрой.

А тех в лагере не оказалось.

Еще не оказалось Фальгрима с Гвенилем, Кулая, Тохтара, а также дюжины остававшихся шулмусов.

Коблан на миг перестал греметь железом, подмигнул мне, вытер пот со лба и сказал, что все в порядке.

А Кос сказал, что все скоро вернутся.

Я кивнул.

Назавтра они не вернулись.

Послезавтра — не вернулись.

Я никого ни о чем не спрашивал.

«Не напиться ли?» — мелькнула шальная мысль. Напиваться не стал. Во-первых, Единорог воспротивился, а во-вторых, разве ей напьешься, аракой этой?

А на седьмой день после погружения в огонь Масуда — всю эту неделю я чуть ли не избегал Куш-тэнгри, и он, понимая мое состояние, не настаивал на большем, чем короткие и ни к чему не обязывающие встречи — и на третий день после исчезновения Кулая и моих друзей ко мне, в сотый раз начинавшему сначала «Бросок пестрого тигра», подошли Асахиро с Но-дачи на плече и Матушка Ци с молчаливым Чань-бо, свободным от тряпок.

За руку Асахиро вел какую-то девушку.

— Это Хамиджа, Чэн, — сказал Асахиро.

Я кинул Единорога в ножны, сунул Обломка за пояс и обернулся к подошедшим.

2

— Это Хамиджа, Чэн, — сказал Асахиро, и Матушка Ци, стоявшая у него за спиной, широко улыбнулась и часто-часто закивала головой, словно пытаясь убедить меня в том, что это Хамиджа и никто иной.

Асахиро не назвал меня «Асмохат-та». Вряд ли нас кто-нибудь подслушивал, но все-таки... Я еще подумал, что моим настоящим именем Асахиро Ли, судьба моя неотступная, хочет подчеркнуть... не знаю уж, что он хотел этим подчеркнуть, потому как додумывать эту мысль мне расхотелось.

Хамиджа оказалась очень похожа на Чин. Нет, не лицом — хотя некоторая тонкость черт и матовая бледность

была свойственна обоим, та здоровая бледность, которую не окрасить никаким солнцем от Хакаса до Шулмы — а скорее, манерой двигаться, стоять и... и смотреть. Так же, как у Чин; у Хамиджи спокойно-уверенный взгляд вступал в неясное противоречие с хрупкостью телосложения, и лишь когда девушка начинала двигаться, даже просто переступив с ноги на ногу, ты начинал понимать всю обманчивость этой подростковой хрупкости. С тем же успехом можно упрекать Единорога, что он более хрупок, чем, к примеру, Шипастый Молчун.

И упрек этот будет столь же справедлив, сколь и глуп.

— Здравствуй, Хамиджа, — сказал я, не найдя ничего лучшего.

Девушка не ответила. Стояла, молчала, смотрела на меня, за меня, мимо меня...

— Она — давини, — тихо бросил Асахиро.

По-моему, он хотел добавить: «Неужели ты не видишь, Чэн?», но не добавил.

Потому что я уже видел.

Давини — так звали в эмирате женщин, обуянных дэвом (мужчин звали — девона), а если проще — умалишенных. И то, что я принял поначалу во взгляде Хамиджи за спокойствие и уверенность, на самом деле было покоем безразличия.

Покойный взгляд.

Серый туман в обрамлении невероятно-длинных ресниц, которым положено пронзать сердца несчастных влюбленных; впрочем, я плохо представлял себе кого-нибудь, влюбленного в давини.

— Таких, как она, в Шулме никто пальцем не тронет, — продолжил Асахиро сдавленным голосом, почему-то уставившись себе под ноги. — Коня дадут, шатер дадут, утварь всякую... а в племени жить не дадут. Отдельно кочевать прогонят. Сумеешь не пропасть — меряй степь из конца в конец, не сумеешь — в степь ляжешь.

Я еще раз оглядел Хамиджу с головы до ног. Старенький халат, латаный-перелатаный, из-под которого выглядывает нечто вроде кожаных шаровар; на голове башлык — не башлык, тюрбан — не тюрбан... нечто. Полусапожки с рваным верхом, левая подошва скоро отвалится...

Маленькие ладони девушки бессмысленно поглаживали толстую веревку, истрепанную и заменявшую пояс.

Молчит...

— Немая она, что ли? — поинтересовался я, как если бы девушка была неживым камнем, да еще стоящим не здесь, а где-то далеко.

Нет. Ни обиды, ни ответа. Словно мы все в одном мире, а она — в другом.

— Не знаю, — ответил Асахиро. — Пока что ничего не говорила...

— Тогда откуда ты знаешь, что ее зовут Хамиджа?

Как-то неприятно было стоять рядом с человеком, о котором говоришь, и чувствовать, что человек этот вроде бы и не совсем человек, и все равно ему — говоришь ты о нем, не говоришь или вовсе прочь пойдешь.

Давини.

Вместилище дэва. Я вспомнил громогласного и могучего Чандру-Дэва; и посмотрел на тихую равнодушную давини.

Мне и себе-то признаться неловко было, что побаиваюсь я ее, Хамиджу эту. Еще в детстве как напугала меня одна старуха-давини, забившись в припадке у ног Чэна-семилетки, так с тех пор страх этот и сидит во мне. И не семь лет мне вроде бы, и умом все понимаю, а хочется отойти в сторонку...

— Так мы накормим ее?

Это Асахиро. А Матушка Ци подмигивает мне и пальцем Хамидже в бок тычет. Нет, не в бок, а в бляшку нефритовую, к халату невесть как пришитую... иероглифа там два, «цветущий орешник» и «вешний дождь». Произносятся как «хами» и «джа». Написание вэйское, с наклоном, хоть и потерлось сильно...

Такие бляшки у нас в Вэе на именных поясах носят.

Вот оно в чем дело... Хамиджа, значит.

— Конечно, — сказал я. — Конечно, накормите.

Матушка Ци мигом засуетилась, беря безмолвную Хамиджу за руку, увлекая за собой, что-то ей ласково приговаривая — а Асахиро все стоял и поглядывал на меня колко и неприязненно.

— Ты чего, Ас? — спросил я. — Я же сказал — накормите...

И тут до меня дошло.

— Погоди, погоди, Ас... что-то я сегодня плохо соображаю! Если она из Вэя, Хамиджа эта, значит, она — как вы... как ты и Фариза! Попала в Шулму когда-то, убила шулмуса в кругу, была принята в племя... Или до сих пор рабыня?

Асахиро смягчился — что, правда, почти никак не проявилось, за исключением некоторого потепления во взгляде.

— Нет, Чэн, она не рабыня. Рабыню-давини изгнали бы просто так, без ничего, а у Хамиджи — лошадь, шатер, вьюка не то два, не то три... Так что, как ни крути — была принята в племя!

И он многозначительно прищелкнул пальцами — дальше, мол, сам догадывайся!

Что уж тут догадываться... Раз была принята в племя — значит, наверняка стояла в круге племенном, значит, на руках ее кровь какого-то бедняги-шулмуса — верней, не на руках, а на Блистающем, которого с ней нет. Почему? Ну, в шатер, наверное, обратно положили, на пунцовую кошму. Не давать же такого замечательного Блистающего — или как там его по-шулмусски назвали — девушке, чей рассудок оседлал голодный дэв!

— А мне она не понравилась, — ни с того ни с сего заявил с плеча Асахиро большой Но-дачи, задумчиво поблескивая. — Мы когда сюда шли, она меня пальцем трогала. Три раза.

Я-Единорог невольно улыбнулся.

— Ну и что? — спросил Единорог-Я.

— Да ничего... Пальцы у нее холодные.

3

...Вечер.

Я в одиночестве — впрочем, со мной Единорог и Обломок, не меньше меня вымотавшиеся за день, так что я в относительном одиночестве сижу у костра, чувствуя, как звенящий угар последней недели постепенно проходит, а Шулма остается, и Джамуха остается, и много чего остается, и надо что-то со всем этим делать, а я тут сижу...

Шагах в двадцати от меня Матушка Ци обихаживает Хамиджу-давини, пытаясь не то разговорить бедную дурочку, не то окружить чисто женской заботой-жалостью, но Хамиджа спрятана сама в себе, как меч в ножнах, она бесстрастно глядит перед собой а потом внезапно встает и куда-то уходит.

Ну и пусть себе уходит...

Оглянулась. Отблески пламени упали на ее лицо, и лицо показалось мне на удивление живым и разумным, и даже озабоченным — но тени сложились в еще одну маску. и еще одну, затем Хамиджа ушла, а я забыл о ней, о ее лице и пляске огня.

— Дозволит ли Асмохат-та поговорить с ним? — слышится у меня за спиной вкрадчивый хрипловатый голос.

— Дозволит, дозволит, — отнюдь не радушно бурчу я, поворачиваясь.

И вижу пред собой Неправильного Шамана. Ох, и не

хочется мне с ним сейчас говорить! — впрочем, шаман тут не виноват. И говорить придется — раз сам подошел, значит, не отвяжется, да и я же дозволил, никто за язык не тянул.

А ведь мог бы и не дозволять, на правах Асмохат-та...

Я хлопаю по неизвестно чьей кошме рядом с собой.

— Садись, шаман. Говорить будем. Семь дней молчали — теперь, похоже, пора.

Куш-тэнгри еле заметно кивает и легко опускается на предложенное место под перезвон своих побрякушек.

— Ты прав, Асмохат-та. Пора говорить. Раньше нельзя было — ты и слушать бы не стал. Сейчас — станешь.

Да уж стану....

— Ну и о чем мы будем говорить, мудрый Куш-тэнгри?

— О тебе. О людях твоих. О живых ваших мечах (Я-Единорог внутренне вздрагиваю: как он догадался? Или ему кто-то сказал?..). О шаманах Ур-калахая Безликого. Обо мне — тоже. О том, как нас учат. О том, как вас учат. О многом говорить будем.

— И как вас учат? — для порядка интересуюсь я.

Куш-тэнгри пропускает мой вопрос мимо ушей. Во всяком случае, мне так кажется.

— Когда рождается мальчик, Асмохат-та, то его показывают шаманам Ултая-целителя. Есть у ребенка шесть дюжин тайных признаков — быть ему шаманом. А найдут семь дюжин — быть ребенку слугой Безликого. Заберут его от матери, сюда принесут и с двух лет учить станут.

Смотреть научат — чтоб глаз не уставал. Видеть научат — чтоб замечал, что надо. Меня самого старый шаман Хум-Тэнгэ учил. «Обернись, — говорит, — и смотри. Что видишь?» «Табун вижу», — отвечаю. «А теперь закрой глаза. Сколько лошадей в табуне?» Ну, я ответил. Правильно ответил. Полторы дюжины и еще две. «А мастей каких?» Я ответил. «Сколько кобыл, сколько жеребцов?» И так все время. А собьешься — поначалу, пока до груди ему не дорос, кнутом бил. Больно, а обидно — вдвойне. Как дорос до груди — перестал меня бить Хум-Тэнгэ. Но, бывало, так посмотрит, что уж лучше кнутом бы вытянул...

Дышать учил. Стоять учил. Камни ловить учил. Как с голыми руками от волка отбиться учил. После травам учить стал. Чтоб наощупь чуял — где живая трава, где мертвая, где злая, где добрая. Ну а позже, когда мне все это передал — стал другому учить. Людям в глаза смотреть, душу их видеть, мысли их трогать, тело взглядом вязать; людское вчера и завтра — прозревать.

Старый был Хум-Тэнгэ. Перед смертью сказал: «Хорошим шаманом будешь, Куш-тэнгри. Знаю. Потому как сам учил. А я — хороший шаман. Был. Все, что знал — тебе передал. Теперь последнее отдаю. Не бойся мира. Не жалей мира. Не живи в этом мире, как звери живут — опасаясь его потерять. Безликий Ур-калахай не один это мир создал. И другие — есть. Я знаю. Я два раза видел. Деревья странные. Люди в ненашей одежде. Небо — чужое. Не наш мир. Не тот, что за горами. Не тот, что за Кулханом. Тот, что за поворотом пути шамана. Я — видел. Смотри на наш мир. Ищи — другие. Зачем — не знаю. Может, ты узнаешь. Но сперва — найди».

И умер.

Великий шаман Был Хум-Тэнгэ. Сейчас ни одного такого нет...

4

Куш-тэнгри вздыхает и молчит, глядя в огонь — и мне кажется, что языки пламени робеют и успокаиваются под черным взглядом шамана.

Я тоже молчу.

Некоторое время.

— Ты раньше никому это не рассказывал, Куш-тэнгри.

Я не спрашивал.

Я утверждал.

— Никому, — соглашается Неправильный Шаман.

— Тогда почему мне рассказал?

— Попробуй сам догадаться.

— Я догадываюсь. Но лучше расскажи ты.

— Хорошо. Все эти дни я на тебя и на людей твоих смотрел. На ваши Беседы (это слово Куш-тэнгри выговорил по-кабирски); на то, как и чему вы ориджитов учите; как кузнец ваш железо кует; как клинки ваши живые друг с другом играют. Ты, Асмохат-та, когда мне его кинул, — шаман кивнул на Обломка, встревоженно выглядывавшего у меня из-за пояса и внимательно слушавшего все, что переводил Единорог, — я его жизнь под рукой почувствовал. Жизнью он мне ладонь обжег. Не как сабля шулмусская. Не как трава. Не как зверь. Как человек. И потом, когда мы прошлое смотрели... Тогда — не понял я. Испугался. Теперь — понял. Его это прошлое было.

И Куш-тэнгри указал на Единорога.

— Ты смотри, какой понятливый, — пробормотал Дзют-

тэ. Однако, продолжать не стал. Только о рукоять Дан Гьена слабо брякнул — переводи, мол, ни слова не упускай!

— Семь дней смотрел, — продолжил меж тем Неправильный Шаман. — Смотрел и думал. Думал о том, что мне ваш Асахиро сказал. И ты тоже. У нас дышать, стоять, смотреть, землю чувствовать — только шаманов учат. У вас — всех. У нас только шаманам кровь проливать заказано. У вас — всем. Сначала ты говорил — я не верил. Жизнь твою смотрел — и то до конца не верил. Хоть и знал, что правда. Теперь — верю. Можно. Можно оружие в руки брать и не проливать крови. Значит, и мне можно. И другим шаманам.

— Можно, — согласился я.

— Но об этом — после. А ты сначала вот что мне скажи, Асмохат-та... У вас людей учат, как у нас — шаманов. Всех. С детства. Пусть не всему и не так, но — похоже. Почему тогда у вас шаманов нет?! Будущее никто не видит, прошлое не видит, мысли человека не видит, даже людей сосчитать — и то сразу не может! Почему?

А действительно, почему? Не тому учили? Или не так?

Я не знал. И Единорог не знал. И даже Дзюттэ.

Поэтому я честно ответил за всех троих:

— Не знаю.

— А я знаю. Долго смотрел. Долго думал. И понял. Мы, шаманы, своим путем идем; вы — своим. А поперек того поворота, где мы друг к другу свернуть бы могли — мечи наши легли. И не пускают. Наша глупая шулмусская сабля, в крови по рукоять, и ваш клинок, живой да мудрый. Такой мудрый, что и человека не всегда за человека примет. Потому и идем мы каждый своей дорогой, друг друга не видя. Не пускают мечи, не дают встретиться. Мы, шаманы, боимся меч поднять, вы боитесь без меча остаться. И поэтому вы, когда оружия в руках не держите — как наши воины. В голове ветер, глаза слепые, память дырявая, смотрите — и не видите. А вот как меч обнажили — сразу другой человек. Я долго смотрел. Взгляд другой. Стоит подругому. Удар до удара видит. Мы так будущее видим. Когда у вас меч в руках — вы шаманы. Без меча — глупые воины. Пусть они не обижаются, если слышат...

Шаман еще раз указал на Дзю и Единорога.

— Я правду говорю. Нельзя на правду обижаться. Потому что — правда. Вот и нет у вас шаманов, потому как мечи ваши живые да мудрые. Вот и нет у нас бойцов, способных не убить — сабли шулмусские, может, и не совсем

мертвые, да глупые. Мудрость с глупостью оседлали нас, гонят в разные стороны, не дают встретиться...

«Он прав, — добавляет Единорог. — Он прав, и мне стыдно. За Блистающих. За гордыню нашу мудрую. Такую мудрую, что глупей шулмусской глупости будет. Он прав».

«Прав-то он прав, — не замедлил встрять Обломок, — да только спроси его: почему это он, шаман, когда прошлое или будущее шаманит, всегда за клинок держится?! Вам, Придаткам кабирским, Блистающие шаманить мешают — а ему?!»

Я спросил.

А Куш-тэнгри ответил.

— Хороший вопрос, Асмохат-та.

— Это не мой вопрос. Его, — и я слегка дотронулся до Дзюттэ.

— Все равно хороший вопрос. Умный. Я отвечу. Мир у нас такой. Хочешь не хочешь — судьба человека с его оружием связана. Вот и смотрю я их общую судьбу. Иначе только половину увижу. И то — смутно. Потому за клинок держусь. Потому мы, слуги Безликого, одним воинам гадаем. А воины у нас дикие да глупые. И сабли у них глупые да дикие. Воину предсказывать просто: убьют — не убьют, с добычей вернется или без.

Вы — другие. И оружие у вас другое. Вон вопросы какие умные задает, — шаман уважительно покосился на Обломка. — И предсказывать вам труднее. Но интереснее. И вот что я думаю — с мечом, без меча, а не сойдутся ли наши дороги? Не здесь, так далеко... А может, и не так уж далеко. Попробовать надо.

— Давай пробовать, — согласился Я-Единорог, забыв даже на миг, где нахожусь и с кем говорю. — Только как?

— Неважно. Главное — пробовать. Идущий — дойдет. Например, я буду тебя и их, — кого имел в виду шаман, было нетрудно догадаться, — учить будущее видеть. Или прошлое. Или помыслы человеческие разгадывать. Самим. Без меня. Но не так, как я — так у вас не получится. Вы попробуйте — когда свою Беседу ведете. Спервa Беседу наперед увидеть. Не один удар — два, три, дюжину; потом — дальше.

— Попробуем, — с сомнением пробормотал Я-Единорог.

— Или — когда с невидимым врагом бьетесь. Я видел — вы так часто делаете.

«А вот это уже интереснее, — заметил Единорог. — А то какой смысл Беседу наперед знать! Вот когда танец...»

— ...ну а вы меня учить станете.

— Чему? — удивился я. — Это ведь ты шаман, а я...

— А ты — Асмохат-та, железнорукий, который говорит со своим мечом. Ты будешь учить меня владеть оружием.

— Владеть? — усмехнулся Обломок. — Ну-ну...

— Тебя?! — воскликнул я.

— Да, меня. Воины боятся шаманов — потому что шаманы делают то, чего не могут они. И воины завидуют нам. Зато воины носят оружие. Они — мужчины. А шаманы... ну, вроде бы тоже мужчины, да не совсем. Безоружные. Раньше мы и сами думали — нельзя шаманам оружие носить. Или оружие — или дар шаманский. А теперь вижу — можно. Можно оружие носить. Беседовать можно. Как друзья беседуют. И дар при этом не потерять. А если получится — не только не потерять, но и дальше пройти, по дороге нашей. До того места, где она с вашей вновь пересечется. А потом — вместе идти. Вместе легче идти, и нам, и вам, и мечам...

— А мы... мы сможем то, что и он?.. — помолчав, тихо спросил Обломок.

— Теперь, когда я видел живое оружие, я вижу, что и для него не заказан этот путь, — словно отвечая на вопрос Дзю, снова заговорил Куш-тэнгри. — Я вижу... что-то. Что-то, что ждет нас впереди. Оно уже близко. Рядом. Надо только сделать несколько шагов, надо сделать их вместе — и тогда, за поворотом...

— Я не уверен, но, по-моему, это те самые миры, о которых говорил Хум-Тэнгэ, мой учитель, — сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.

5

Этого ли ожидал я, выезжая из Мэйланя и направляясь к Кулхану?!

А теперь шаман, видящий суть вещей и никогда не бравший в руки Блистающего, кроме как для прорицания; шаман, чьи слова были одинаково понятны и мне, и Единорогу с Обломком — этот Неправильный Шаман рассказывает мне о других мирах, сотворенных Безликим, и собирается увидеть эти миры, и для этого он возьмет в руки Блистающего, одного из тех Блистающих, которые, по его же словам, закрыли для людей эмирата путь шамана...

«Открыв взамен Путь Меча...»

«Да, это так, Единорог. И все равно это трудно укладывается у меня в голове. Может быть, потому что я ви-

дел зарево Масудова огня над Кабиром? И я предчувствую...»

«...я — тоже. Я предчувствую, что ответ на наши вопросы лежит там, впереди, на том Пути, по которому хочет идти Куш-тэнгри. И мы должны идти вместе с ним. Я не знаю, почему я в этом уверен, но это так. Остальное сейчас неважно».

— А я знаю, почему у Единорога предчувствия! — не выдержал Дзю. — Потому что он уже становится шаманом! И мы все скоро ошаманимся...

— Мы сделали выбор, — оборвал я Обломка, сжав его рукой аль-Мутанабби. — Мы сделали его еще в Кабире, не понимая этого. Наш выбор — идти. А Куш-тэнгри сделал его сейчас. И он должен найти себе Блистающего.

— Или Блистающий должен найти его, — уточнил Обломок.

— Допустим. Но это должен быть Блистающий, не пробовавший крови.

Это я произнес вслух.

Шаман понял.

— В дальнем шатре, — сказал он. — На белой кошме. Там наверняка должно быть оружие пришлых рабов, не достойных того, чтобы их приняли в племя. Оружие приносят сюда, чтобы служитель Ур-калахая совершил обряд погружения в водоем.

Единорог содрогнулся.

— Но мы прибыли быстро и неожиданно, — продолжил Куш-тэнгри, — и шаманы могли не успеть совершить обряда. Пойдем проверим? Да?

— Хорошо.

— И вы... вы поможете мне выбрать? Если там есть из чего выбирать...

— Поможем. Вам — выбрать. Обоим. Если будет кому выбирать.

И мы пошли к дальнему шатру.

Ждал ли нас там кто-нибудь?

Не знаю.

Зато нас ждал Путь.

Ждали Кабир и Мэйлань.

Ждала Шулма.

И ждал Джамуха Восьмирукий.

Хотя у меня возникало странное ощущение, что Джамуха уже дождался.

Чего?

Может быть, я тоже становлюсь шаманом?..

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ЧУЖДЫЕ ПОЛЯ

...Мы бились мечами на чуждых полях...
Н. Языков

Глава двадцать шестая

1

Этот шатер был совсем не таким, как другие.

Сырой и холодный, он неожиданно пах болотом, и зябкая дрожь пробежала по моему клинку, когда я подумал о том, куда ведет дорога, начинающаяся от этого шатра.

— Темно, — пробурчал Дзюттэ, неуютно ворочаясь.

— Да уж, — согласился я. — Темно.

Сказано было гораздо меньше, чем не сказано.

Чэн и шаман вообще молчали.

— Темно, — повторило эхо, и я сперва не понял, что это не эхо, а когда понял, то ложное эхо уже смолкло, повисла тяжелая пауза, и сразу же, полукриком-полустоном:

— Во имя Небесного Молота! Блистающие! А вас... вас-то за что? Тоже — не смогли?!

Куш-тэнгри с громким шорохом отдернул полог, рассеянный вечерний свет вошел в шатер, в углу слабо засветилась белая кошма — и стройное тело на ней, длиной примерно с Волчью Метлу. Я вышел из ножен, привыкая к скудному освещению, и вскоре сумел разобрать, что передо мной — Чыда.

Из хакасских копейных семейств. Потому что только в Малом Хакасе давались такие имена, которые произнести было труднее, чем Беседовать с Гвенилем, когда эспадон пребывал в дурном расположении духа.

А еще только хакасская Чыда имела столь вытянутый узкий наконечник на длинной трубке, которая насаживалась на древко, обвитое стальными лентами внахлест — и из основания трубки, на полтора локтя ниже жала наконечника, торчала поперечная перекладина, чьи заточенные края слабо загибались вверх.

Я знаю, что говорю. В первые два десятилетия моей жизни в Кабире я не раз наведывался в дом напротив, где жила Чыда Абенсерах, Блистающая одних лет со мной — и мы с удовольствием Беседовали, пока в один не очень-то прекрасный день Абенсерах не уехала навсегда, вернувшись в свой родной Хакас.

— ...Значит, не смогли, — тоскливо подытожила Чыда, по-своему истолковав наше молчание. — Ну что ж... чему быть, тому быть, а вместе и плавится легче. Давайте знакомиться, а то скоро, небось, прощаться придется. Чыда Хан-Сегри с Белых гор Сафед-Кух. Ой, где ж вы, горы мои Белые...

— Сафед-Кух? — недоуменно переспросил Обломок. — Причем тут Сафед-Кух? Ты что, в Кулхане не была?

— Кулхан? — в свою очередь удивилась Чыда Хан-Сегри, тускло блестя наконечником. — Что такое Кулхан? Где это? Я Придатка за перевал Ан-Рок увела, дура любопытная, а там пошло-полетело... Скала на скале, ущелье за ущельем, где скользишь, где падаешь! Говорили ж мне: кто думает, что знает горы — тот их узнает, да поздно будет!.. Вот и узнала. И горы, и горе, только горы кончились, а горю конца-края не видно...

— Отсюда выйти хочешь? — напрямик свистнул я.

Было ясно, что если сейчас мы возьмемся с подробностями объяснять простоватой Чыде, что происходило с нами за последние полгода, да где это было, да как это было, да с кем это было и зачем-почему — то закончим мы как раз к возвращению Джамухи и Чинкуэды из победоносного похода на Кабир.

И то можем не успеть...

— Как не хотеть? — простодушно изумилась Хан-Сегри. — Да только как?

— Вместе с новым Придатком, — вмешался Обломок. — Станешь его обучать — сегодня же свободной будешь, чудо ты горное, не с той стороны свалившееся!

— А где ж мне Придатка-то нового взять?

— Да вот он стоит! — брякнул я, острием указывая на Куш-тэнгри. — Куш-тэнгри да Хан-Сегри — чем не пара?!

— Этот? — тихо и не по-доброму, так не по-доброму начала Хан-Сегри, что меня ознобом прохватило. — Этого... мне в Придатки? Ох, и научу я его, окалину паскудную, ох, и...

— Цыц! — рявкнул Обломок, обрывая Чыду, и, уже спокойнее, обратился ко мне:

— Слушай, Единорог — бери-ка ты Чэна с шаманом, и выйдите отсюда ненадолго. А меня на кошме оставьте. Всю жизнь мечтал на такой кошме поваляться, да с такой Чыдой поговорить...

И мы вышли.

— Полог-то задерните, — донеслось нам вслед. — Любовь у нас сейчас будет, а я любви при свете не понимаю...

Чэн пожал плечами и задернул полог.

2

...Вот уже с полчаса Неправильный Шаман сидел на земле, подобный сухому пню, а я неторопливо танцевал вокруг него, то входя в замедленное «Облако семи звезд», то выходя из него и одновременно с Чэном поглядывая на шатер.

Тишина.

Тяжелый войлок заглушал все, и казалось, что шатер пуст.

Я разочарованно посвистывал — в который раз? — и снова принимался за свое.

Нет, в способности Обломка убедить кого угодно в чем угодно я не сомневался — сам был тому примером — но нам не нужна была тупая покорность Чыды.

Нам нужно было свободное и безоговорочное содействие!

— На посох похоже, — задумчиво пробормотал шаман.

Чэн остановился, а я разок-другой прогулялся над головой Куш-тэнгри.

— Какой посох? — спросил Я-Чэн.

— Наш, шаманский... с которым на камлание выходят. Духов злых гонять.

Шальная мысль мелькнула у меня — а что, если... но мысль пришлось отложить на время, потому что тут из шатра донесся голос Дзюттэ.

— О Высший Мэйланя, Блистающий и блистательный Дан Гьен! — орал Обломок, и я не сразу понял, издевается он, или как?!

— Внемлите гласу моему! Шлите сюда этого Куш-Придатка, и пусть он прогуляется с очаровательной Хан-Сегри к священному водоему! А мы пока насладимся красотами шулмусской осени!..

Чэн изложил шаману, что тот должен сделать, — умолчав о Куш-Придатке — и шаман скрылся за пологом.

Вышел он уже с Чыдой на плече и с Обломком в левой руке. Чэн забрал Дзюттэ, и Куш-тэнгри отправился к священному водоему, неся Чыду так бережно и аккуратно, словно та могла выпасть у него из рук и разбиться вдребезги.

— Что ты ей наболтал? — поинтересовался я.

— Разное, — довольно поблескивая, отозвался Дзю.

— А именно?

— Ну, например, что ты — самый великий Блистающий всех времен и близкий друг Небесного Молота. Почти что родственник.

— Так... Еще что?

— О жизни поговорили...

— Дальше!

— А ты на меня не кричи! Я тупой, до меня крики не доходят... Про водоем я ей рассказал. И про то, что единственное ее спасение — это Куш-тэнгри. Будет с ним Чыда — будет ей благо; не захочет — ржавей под мокрым плащом Желтого Мо! Это ей и понятно, и доступно; а поглядит сейчас в священный водоем — так станет за шамана со всех концов цепляться! День, другой, третий — а там и привыкнет, и обо всем остальном узнает...

...М-да... Дзю, как всегда, не мучаясь никакими этическими соображениями, отыскал единственный наиболее убедительный довод. Я бы так не смог.

А он смог. И — угадал. Потому что по возвращении Чыда Хан-Сегри стала весьма покладистой, а ко мне обращалась не иначе, как «Высший Дан Гьен», и при этом заискивающе шелестела выцветшей кистью, болтавшейся под ее перекладиной.

Вот тут и дошел черед до моей шальной мысли.

— Духи, — озабоченно сообщил Чэн-Я, озираясь по сторонам. — Ох, и много же! И все — злые. Так и вьются.

— Где? — заволновался Куш-тэнгри.

— Везде. Давай, камлай... я правильно говорю? Гони их отсюда!

— Сейчас?

— А когда еще?! Заедят ведь!

— Ладно, — согласился шаман. — Прогоню. Вот за посохом схожу, шапку надену — и прогоню...

— Некогда! Бери Чыду и гоняй!

— Кого бери?

— Чыду! Ну, копье это... сам же говорил, что она на посох похожа!

— Она?

Нет, раньше Мне-Чэну шаман нравился больше...

— Она, она... Делай, что говорят!

Он и сделал.

Замер на месте, сверкнул черными глазищами, дважды топнул — и Я-Чэн еле успел увернуться от наконечника Хан-Сегри, пронесшегося у самого Чэнова носа.

— Здорово! — восхитился Обломок.

А Чэн-Я, затаив дыхание, смотрел, как щуплый шаман — какое там! — как огромный, могучий, величественный и страшный шаман гоняет целые сонмы злых духов, крича на них, угрожая им, избивая их посохом — и Чыде

остается лишь следить, чтоб забывшийся Куш-тэнгри случайно не полоснул себя по ноге отточенным лезвием наконечника.

Мне даже стало жалко бедных злых духов. Иногда шаман не успевал прочно приземляться после очередного прыжка, некоторые его движения не вполне подходили для Хан-Сегри, о Мастерстве Контроля и вовсе говорить не приходилось — чего не было, того не было — но все равно передо мной была богатая руда, из которой не так уж сложно будет выплавить клинок умения для Неправильного Шамана.

Поначалу мы с Чэном и сами управимся, а потом надо будет к Чань-бо обратиться — посохи по его части. Интересно, шулмусские шаманы и вправду не представляли посох пусть не Блистающим, но хотя бы оружием — или Куш-тэнгри чего-то не договаривает?

— ...Все, — выдохнул слегка запыхавшийся шаман, останавливаясь. — Обряд окончен.

— Ну и отлично, — ответил я. — Чыда, ты что скажешь?

— Обманщик ты! — резко заявила Чыда.

— Я?!

— Нет, что вы, Высший Дан Гьен! Этот ваш... врун он! Говорил: Придаток сырой, его учить надо... А этого Придатка не учить — его переучивать надо!

Чыда Хан-Сегри подумала и добавила:

— Ну, и учить, конечно, тоже придется. Что ж, будем учить... все лучше, чем в воде гнить.

Тут я был с ней полностью согласен.

3

Весь следующий день мы потратили на обучение шамана. Ясное дело, что ни за день, ни за неделю, ни даже за год сделать из шамана Придатка, способного на равных Беседовать с любым из кабирцев — это было невозможно, и мы на такое даже и не замахивались. А вот своим братьям-шулмусам Куш-тэнгри не уступит уже через месяц... если не раньше.

Есть у нас месяц?

Не знаю, не знаю... скорее всего, нет.

Когда солнце начало клониться к закату, я переговорил с Чэном и Обломком, и мы оставили двужильного шамана и истосковавшуюся по вольной жизни Чыду на попечение

вовремя подвернувшихся Чань-бо и Матушки Ци. А сами подумали-подумали — и ушли за пределы лагеря.

К холмам.

Погулять перед ужином.

Не знаю уж, о чем думали Чэн и Дзю — а я думал о разном. О том, что теперь меня можно называть Детским Учителем — если только шамана можно назвать ребенком (впрочем, в науке общения с Блистающими Куш-тэнгри — действительно ребенок, разве что на редкость умный и трудолюбивый); о несчастной Чыде Хан-Сегри, которую надо будет попозже расспросить о ее житье-бытье в негостеприимной Шулме и новой для нас дороге из Кабира сюда — с юго-запада, через горы Сафед-Кух; о том, что я представляю себе яростный огонь Масуда в виде всепожирающего пламени, а шулмусы, небось, представляют себе спокойную воду Мунира в виде священного водоема — затхлой гробницы для неудавшегося оружия...

А потом мы добрались до рощицы кривоствольных деревьев с колючими шапками вечнозеленой листвы, и я перестал думать о разном, потому что услыхал веселый звон Волчьей Метлы.

И спустя мгновение увидел саму Метлу, возбужденно вертевшуюся в руках у раскрасневшейся Чин, а чуть поодаль стоял светловолосый юноша-батинит (Чэн так и не удосужился узнать, как того зовут) — Придаток короткого меча, который звал себя Такшакой. Сам Такшака, род которого был мне неизвестен, лихо чертил в воздухе кресты и дуги, находясь у...

Пылающая Нюринга!

Находясь в руке у Хамиджи-давини!

Более того — прекрасно с ней уживаясь.

— Давай-давай! — визжал Такшака, пытаясь вынудить Метлу проскочить дальше, чем ей хотелось бы, и самому приблизиться к Чин. — Звени веселей! Стал Придаток понемногу припадать на третью ногу, а остался лишь с двумя — мчится голову сломя!..

Ну и так далее — то ли Волчью Метлу веселил, то ли за Хамиджу радовался.

— Знатная Беседа! — пробормотал Чэн, невольно улыбаясь.

Я согласно качнул кистью.

— У Придатка три ноги — Небесный Молот, помоги! — раздраженно буркнул Обломок. — Эй, Однорог, тебе что, эти недотепы нравятся? Я не о Метле с Чин...

Я не ответил Обломку — да он и не ждал ответа. Я

смотрел и видел, что деликатная Волчья Метла чуть придерживает себя при боковых режущих бросках, и то же самое делает Чин — но чуть-чуть, самую малость, потому что Такшака с Хамиджой держатся молодцом, и никогда не скажешь, что Хамиджа — давини, а прямой Такшака — из Тусклых — до того он точен и аккуратен, и Хамиджа движется просто прекрасно, но к Чин она не прорвется, нет, не успеет, потому что взмахивает руками при повороте с шагом, а там не надо взмахивать, там наоборот — сжиматься надо и прыгать, уж я-то повадки Метлы знаю, и вообще Такшака для Хамиджи тяжеловат, не привыкла она к такому, ее-то Блистающий явно полегче был, хоть и тоже обоюдоострый да короткий, вот только почему он ее не выучил при выпаде вперед не заваливаться?..

За это время Чэн успел миновать рощицу и подойти к Беседующим почти вплотную, остановившись у крайнего дерева и прислонясь к его стволу спиной. Светловолосый батинит увидел нас и хотел было поприветствовать, но Чэн упреждающе махнул ему рукой — молчи, мол, не мешай!

Впрочем, Беседующие уже увидели нас, Метла приветственно взметнулась острием в небо, растопырив все свои боковые лезвия — и Беседа непроизвольно прервалась.

— Не так, — мягко сказал Чэн, делая несколько шагов к несчастной давини, чье лицо уже опять ничего не выражало, и лишь маленькая девичья грудь вздымалась чаще обычного. — Смотри, как надо...

Понятливая Волчья Метла кинулась к нам, и в последний момент я покинул ножны, еле коснувшись древка Метлы между зазубренными веточками, а Чэн мгновенно прыгнул вперед, вертясь волчком — и спустя ничтожно малый промежуток времени Чэн уже стоял рядом с не успевшей отклониться Чин, ласково обнимая ее за шею правой железной рукой, а я лежал на плече Чин, лезвием щекоча ей мочку уха.

— Вот так, — усмехнулся Чэн. — Теперь ты попробуй...

Лицо Хамиджи неожиданно вспыхнуло, она закусила нижнюю губу, словно пытаясь сдержать слезы, затем девушка-давини метнулась к удивленному батиниту, чуть ли не насильно сунула ему в руки изумленного Такшаку — и побежала прочь.

Не оглядываясь.

— Учитель нашелся, — с укором заметила Чин. — Она

ведь только-только оживать стала, а ты... Асмохат-та! Великий и могучий!

— А что я? — растерянно пробормотал Чэн-Я. — Я ничего... я ж не знал, что она обидится!

— Ладно, — немного оттаяла Чин. — Я ее попозже успокою...

— Ты ее в наш шатер ночевать приводи! — не удержался Обломок, которому я перевел слова Чин. — К Чэну своему! Он вас обеих успокоит... потому как же-ре-бец! Куда там Демону У! А я под доху спрячусь, до утра...

Этого Я-Чэн переводить для Чин не стал.

А Волчья Метла — она и раньше не обращала на Дзю особого внимания.

4

Ночью я проснулся от странных звуков вне нашего шатра но совсем рядом.

Полуодетый (или полураздетый) и хмурый спросонья Чэн — Волчья Метла и Чин ночевали сегодня отдельно, и мы внутренне винили в этом глупую Хамиджу — неслышно вскочил, поднял меня с кошмы, и мы выглянули наружу.

— Ну, что там? — недовольно пробурчал Обломок, и я еще подумал — не слишком ли мы беспечны, что позволяем себе подобное недовольство?

У шатра бродил Куш-тэнгри с Чыдой в руках. На нас они не обратили ни малейшего внимания. Не до того было. Неправильный Шаман поглаживал Чыду Хан-Сегри вдоль древка и что-то взахлеб рассказывал ей — слишком быстро, чтобы Я-Чэн успевал понимать. Так, с пятого на десятое... Но это было неважно, тем более что Чыда тоже не могла понимать шамана, она даже слышала его не так, как Придатки слышат друг друга, а так, как слышит Блистающий — Придатка, и это невозможно объяснить, да и не нужно это объяснять... Они не слышали друг друга, не понимали друг друга, а Куш-тэнгри, седой мудрый ребенок, все говорил в ночи, и Чыда отвечала ему — невпопад, перебивая, одновременно говоря о совершенно разных вещах, о Шулме, о Кабире, о невзгодах и радостях, об открытии новых миров внутри себя и о палящем Масудовом огне...

Они разговаривали.

И я не посмел их прервать.

Мы тихо отошли вглубь шатра и легли на кошму, и даже Дзю не произнес ни слова.

5

Все было, как обычно.

И проснулись мы с Чэном одновременно, и разбудил нас привычный шум: звон Диких Лезвий, голоса Блистающих и людей, конское ржание и топот...

«Ну уж нет, — подумал Я-Чэн и стал неспешно одеваться, — дудки! Мы теперь ученые! Опять, небось, развлекаются с утра пораньше!..»

Мне-то как раз особо одеваться не требовалось: скользнуть в ножны — дело нехитрое; а вот Чэну...

Короче, прошло довольно-таки немалое время, прежде чем мы соблаговолили выбраться из шатра.

И увидели.

Лагерь был полон своих и чужих Диких Лезвий, кругом толпились какие-то незнакомые шулмусы, шулмуски и шулмусята, старавшиеся друг друга перекричать (впрочем, для нас с Чэном и свои, и чужие были на одно лицо!), и всех их было не много, а очень много — вместе с лошадьми, повозками, поклажей...

«Захватили, — мелькнула шальная мысль. — Проспали водоем! Вот они, люди Джамухи и Дикие Лезвия Чинкуэды! Сейчас заметят нас...»

Последние слова я произнес вслух.

— Кто заметит? — как-то уж слишком невинно поинтересовался Обломок.

— Они, — немного растерявшись, ответил я. — Эти... Дикие Лезвия. И воины Джамухи. Не видишь, что ли?! Вон их тут сколько... Даже баранов с собой пригнали!..

И впрямь, с юго-западных холмов доносилось истошное блеяние.

— Баранов... — задумчиво проскрипел Дзю.

И не выдержал.

— Сами вы бараны однорогие! Куда вы смотрите?! Вон туда смотреть надо, куда я смотрю!..

Мы посмотрели.

К нам шел беловолосый великан Амбариша, облаченный в немыслимо лохматые шкуры поверх своей обычной одежды, а Огненный Меч Гвениль разлегся на его плече, и сиял эспадон, надо заметить, во весь клинок, явно нисколько не смущаясь окружающим столпотворением.

Во имя Нюринги — что, в таком случае, здесь происходит?!

— Фальгрим, Гвениль, что все это значит? Кого вы сюда притащили?!

— И опять не туда смотрите, — наставительно сообщил Дзюттэ. — И не у того спрашиваете. Вы лучше у Махайры спросите, у Жнеца нашего Бронзового! Вон он за Гвенилем прячется — боится, наверное... А раз боится — значит, у него и надо спрашивать!

Не то чтобы Махайра действительно чего-то боялся, но почему-то изо всех сил старался выглядеть как можно более неприметным — только от Дзю не спрячешься, хоть за Гвенилем, хоть за кем, и пришлось Махайре вместе с Диомедом двигаться к нам.

— Где это вы, — осведомился я, — разрази вас Небесный Молот, пропадали?!

— Ты понимаешь, Единорог... — начал было Гвениль не очень уверенно, но тут его перебил Махайра, а потом его, в свою очередь, перебил Гвениль, а Диомед с Беловолосым вообще говорили, не переставая и почти одновременно...

В общем, как понял Я-Чэн из этого гама, дело обстояло следующим образом.

Пока мы с Чэном и Куш-тэнгри «шаманили», мы напрочь забыли, что в мире существует еще кто-то и что-то, кроме нас самих, и что наши ориджиты с их Дикими Лезвиями как-то жили и до встречи с нами. То есть, мы совсем не подумали, что у детей Ориджа здесь есть семьи; но сами ориджиты об этом ни на минуту не забывали. И поскольку напрямую к Асмохат-та и Пресветлому Мечу они обращаться не решились, то обратились сперва соответственно к Фальгриму-эцэгэ с Гвенилем Могучим и Диомеду-эцэгэ с Махайрой Хитроумным.

Так... похоже, здесь своя иерархия сложилась, на вершине которой Асмохат-та и Пресветлый Меч сияют, и обращаться к ним по пустякам не следует, а поскольку для божеств все мирские дела — пустяки, то...

Нашли к кому обратиться, внебрачные дети Ориджа!

Ну а наши друзья-приятели тут же вызвались помочь в этом щепетильном деле, подтвердив, что не стоит беспокоить Асмохат-та и Пресветлый Меч по столь незначительному поводу.

— Просто трогательная заботливость! — бросил Обломок. И случилось невероятное: Фальгрим с Диомедом покраснели, услышав это в Чэновом переводе, а Гвениль с Махайрой смущенно звякнули за миг до того, поскольку им перевода не требовалось.

...И вот великие герои, олицетворявшие союз силы и ума (эспадон со Жнецом снесли и этот перл творчества неугомонного Обломка), вместе с ориджитами и их Дикими

Лезвиями отправились освобождать родственников Кулаева племени, которых взял заложниками Джамуха.

И отдал под присмотр многочисленному племени маалеев.

«Слова-то какие, — уныло подумал я. — «Освобождать», «взять в заложники»... маалеи, опять же, какие-то! И что главное — нам с Чэном слова эти особо дикими уже не кажутся! Привыкаем, что ли? Ох, привыкаем... что ж в тебе такого, Шулма?!»

...Так что вскоре у мест обычных осенних кочевий племени маалеев объявились двое кабирцев и двое Блистающих, а также дюжина ориджитов с примерно двумя десятками Диких Лезвий.

И во главе — юный Кулай-нойон.

Это, значит, против целого племени, которому дети Ориджа и в лучшие-то дни уступали в численности раза в три...

Фальгрим начал было что-то нести о том, что истинный мужчина врагов не считает, но Чэн живо оборвал Беловолосого, предложив истинному мужчине не отклоняться от повествования.

...Сколько мы потом ни спорили с упрямым Дзю на тему, кому больше везет — героям или дуракам, — но нашим приятелям несомненно повезло: маалеев на месте не оказалось. Ориджиты немедленно обнюхали близлежащую степь, и это их отнюдь не утешило: маалеи ни с того ни с сего собрались и двинулись в сторону ставки гурхана Джамухи.

И Мои-Чэновы друзья не нашли ничего лучшего, как поехать следом.

И поехали.

Быстро-быстро.

И на второй день им снова повезло (обиженный Гвениль заявил, что повезло как раз маалеям, но Махайра предупредительно зашелестел, и эспадон умолк, предоставив продолжать Жнецу).

Как оказалось, нетерпеливые маалейские воины со своими Дикими Лезвиями ускакали вперед, а герои-освободители нагнали их обоз: скрипучие повозки с нехитрым и хитрым шулмусским скарбом, блеющие овцы, вопящие дети — а также женщины, старики и подростки, в том числе и из семей ориджитов-заложников.

Охраняли все это пестрое, шумное, медленно движущееся вперед сборище всего восемь молодых Диких Лезвий со столь же молодыми Придатками-маалеями.

Когда обоз остановился, первым к маалейским охранникам подъехал Кулай — безоружный в знак миролюбия —

и стал вещать недоверчиво притихшим маалеям о великом Асмохат-та, а настороженно обнаженные Дикие Лезвия внимали убедительному свисту Гвениля и Махайры, затеявших незамысловатую Беседу.

Вскоре красноречие Кулая иссякло, и к нему на подмогу поспешил старый хитрец Тохтар-кулу. Пока Махайра Беседовал с Гвенилем, вызывая всеобщее восхищение, а ориджитские Дикие Лезвия с визгом пытались вбить в нечищенные маалейские клинки истину о Великом и Единственном Пресветлом Мече («Вбить?» — переспросил я, но Гвениль сделал вид, что не расслышал), Тохтар-кулу спешился, невозмутимо подошел к ближайшей повозке и извлек из нее чей-то кобыз — ту самую палку со струнами, которая была способна рождать столь любимые шулмусами звуки, более всего похожие на скрип немазанной телеги и мяв прищемившего хвост кота одновременно.

— Дрянной кобыз, однако, — проворчал Тохтар-кулу и махнул рукой. — Ну и пусть... сойдет.

И через мгновение просто ошалевшие от такой наглости маалеи сподобились услышать «Джир об Асмохат-та» в исполнении соловья степей, старого Тохтара.

Джир этот Тохтар, не мудрствуя лукаво и беря пример с Диомеда, почти что сочинял на ходу, опуская несущественные с его точки зрения подробности и добавляя к Моим-Чэновым деяниям немерянное количество новых подвигов. Тем более, что слухи о появлении Асмохат-та каким-то непонятным образом уже разнеслись по степи, и лишние подвиги в изложении Тохтара пришлись как раз кстати!

Ну, а под конец, как сообщил мне развеселившийся Махайра, эспадон Гвениль Могучий напрочь испортил не то две, не то три телеги, причем последнюю оглоблю перерубил не поперек, а чуть ли не вдоль — во что верилось с трудом, зная скорого на выдумку Махайру.

Так или иначе, маалеи и Дикие Лезвия (не считая визжавших от восторга шулмусских подростков, ахавших женщин и одобрительно цокавших языками седобородых патриархов) быстро прониклись величием Асмохат-та и Пресветлого Меча, а поскольку догонять своих сородичей и сообщать о похищении ориджитских семейств было для воинов-маалеев позором — то и увязались молодые маалеи со своими Дикими Лезвиями, а заодно и с маалейским обозом, вслед за освободителями и освобожденными к священному водоему, дабы лицезреть и приобщиться...

— Ну ладно, — прервал Я-Чэн словоохотливых рас-

сказчиков. — Это все понятно, но бараны! Бараны-то откуда?! Их что, маалеи тоже в заложниках держали?!

— Как — откуда? — недоуменно воззрились на нас герои. — Это ж добыча! Ты шулмусов своих чем кормить собираешься? — а они, знаешь, какие прожорливые! Вот и угнали мы по стаду-другому! Там, за холмом, еще табун один есть...

Дзю сверкнул гранями и расхохотался.

— Махайра Хитроумный и Гвениль Могучий, — заявил Обломок, ни к кому конкретно не обращаясь. — Гроза телег и баранов... дрожи, Шулма!

6

Освободители-угонщики, ничуть не обидевшись на Дзю, порывались сообщить нам еще что-то — по их мнению, главное, — но тут нас прервал вопль Куш-тэнгри.

— Какой сын ослицы и шакала додумался привести сюда этих безмозглых людей?! Кто позволил шелудивым песчаным крысам заваливать отбросами святое место?! Я, шаман Куш-тэнгри, приказываю вам немедленно удалиться за линию холмов — или Безликий проклянет вас, и гнев Желтого Мо падет на ваши пустые головы, и превратитесь вы в стадо нечистых свиней!..

— О тупое и ржавое железо, недостойное имени Блистающих! — вторила ему Чыда. — Что за варварский звон и безумный шум?! За что Небесный Молот разгневался на меня, что обязана я проводить дни свои в столь отвратительном обществе?!

Я еще обратил внимание на изысканность ругательств Чыды, а потом подумал, что как бы Хан-Сегри ни относилась к своему новому Придатку, она, безусловно, уже поняла, что шаман здесь весьма важная персона... а потому особенно не церемонилась ни с шулмусами, ни с Дикими Лезвиями.

Не то слово — не церемонилась... Движения шамана, размахивавшего Чыдой, были еще неумелыми, но весьма и весьма грозными, и попадавшиеся по дороге шулмусы в страхе разбегались в стороны, Дикие Лезвия с криками уворачивались от тяжелой Чыды, а женщины — те вообще падали ниц, закрыв голову руками.

Вооруженный шаман был столь страшен, что даже Гвениль с Махайрой попытались было ретироваться — но не успели.

— О великий Асмохат-та! — возопил Неправильный Шаман, падая передо Мной-Чэном на колени, и шум вокруг нас мгновенно стих.

(«Не смею настаивать, Высший Дан Гьен, но не могли бы вы приказать этому железному сброду удалиться отсюда вместе с их Придатками? — осведомилась меж тем Чыда. — А то уж больно противные...»)

— О воплощение Желтого Мо! Прости мне упущение мое, по которому вторглись во владения Твои эти невежественные люди! — Я-Чэн ни разу не слышал, чтобы Куштэнгри выражался столь высокопарно. — Будь милостив к несчастным и не казни их всех — а только тех, кто недостаточно быстро покинет Круг священного водоема!..

Чэн благосклонно кивнул шаману и обернулся к застывшим в почтительном молчании шулмусам.

Даже бараны, по-моему, перестали блеять.

Я выскользнул из ножен и нарочито гневно блеснул над головой Чэна, упершись острием в хмурое шулмусское небо.

— Я добр сегодня, — сказал Чэн. — Я прощаю этого глупого шамана. (Куш-тэнгри незаметно скривился.) Более того, Я оставлю жизнь всем, кто до полудня покинет Мои владения, остановившись...

— За юго-западными холмами, — тихо подсказал шаман.

— ...За юго-западными холмами. Такова Моя воля.

— Гоните их отсюда, — вполсвиста повернулся я к Гвенилю и Махайре. — После поговорим.

И все завертелось в обратную сторону.

— Вот это совсем другое дело, — пробурчал Куш-тэнгри, поднимаясь с колен и вращая удовлетворенную Чыду. — А то понаехали тут... с Блистающей знакомиться мешают!..

— Ты руки в локтях-то не выпрямляй, орел! — беззлобно бросил Чэн-Я. — Мешают ему, понимаешь ли... Люди поклониться мне пришли, а он орет! И копьем размахивает... Вот отвадишь мне паломников — век в будущее заглядывать не захочешь!

7

Расселение новоявленных паломников на юго-западных холмах и за ними заняло почти весь день. Мы с Чэном и Обломком этим, разумеется, не занимались — мы помогали обучать шамана, беседовали с кабирцами (по возможности так, чтоб это видели Дикие Лезвия), появляясь то там, то тут, вызывая благоговейный трепет и ускоряя исчезновение шулмусов из Круга священного водоема.

Потом к нам подошел Кос с Саем и Заррахидом; они долго на нас смотрели — и Обломок вдруг заявил, что хо-

чет прогуляться с Косом и поболтать с эстоком и Вилорогим. Чэн-Я не возражал (хотя мы вроде бы и так гуляли; или ему наше общество надоело?) и Дзю живо перекочевал за пояс к Косу, после чего ан-Танья удалился.

Уже ближе к вечеру Обломок вернулся и как-то уж очень официально обратился ко мне, так что я сразу насторожился, однако никакого подвоха в речи Дзю, как ни странно, не обнаружил.

— Не соблаговолит ли Высший Дан Гьен попросить Высшего Чэна Анкора, чтобы тот передал кабирским При... людям, чтобы те передали шулмусским При... людям, чтобы оные шулмусские люди обращались со своими Дикими Лезвиями, как подобает обращаться с Блистающими?! Я имею в виду чистку, полировку, заточку... А если они совсем дикие, и не знают, как это делается, то пусть обратятся к Коблану или к любому из наших кабирцев — те научат.

Я выслушал эту длинную и путанную речь, так непохожую на обычный стиль Обломка, еще раз поискал в ней скрытый подвох, не нашел — и согласно кивнул кисточкой.

Чэн выслушал меня, тоже кивнул, подозвал Коса и изложил ему просьбу Дзюттэ.

Кос тоже кивнул — в этом мы не отличались разнообразием и куда-то убежал.

А вскоре к нам приблизились прямо-таки сияющая Чыда и чуть запыхавшийся, но вполне довольный жизнью Куш-тэнгри.

— Вы были совершенно правы, Высший Дан Гьен! — тараторила Чыда. — Это и впрямь отличный Придаток! Я беру обратно свои необдуманные слова — он меня вполне устраивает! Он крайне быстро учится, а Ржавые Лезвия были изгнаны им просто прекрасно! Я...

— Пошли, Асмохат-та, — коротко сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Дальше учиться будем.

И мы пошли его учить.

...Только потом, позже, когда Чэн сидел у костра и ел, а я смирно лежал рядом, Я-Чэн отметил для себя два странных обстоятельства: во-первых, во всем сегодняшнем безобразии совершенно не участвовали Коблан и Шипастый Молчун; более того, Чэн отметил, что кузнец уже второй день не берет в рот ничего крепче воды, а сейчас... о Творец!.. сейчас Коблан и Куш-тэнгри сидят рядышком и уплетают за обе щеки из одного котелка постное шаманово варево (хотя любовь Железнолапого к мясным блюдам, причем в больших количествах, была нам обоим хорошо известна).

А, во-вторых, куда-то пропала Хамиджа. Ну не то что-

бы совсем пропала — вон сидит у дальнего костра и жует с отсутствующим выражением лица! — но во время утреннего нашествия она исчезла, и появилась лишь после того, как территория священного водоема была вновь очищена.

Хотя давини — она и есть давини...

Тут мысли мои были прерваны шумным появлением Гвениля Могучего и Махайры Хитроумного — и рядом с Чэном тяжело хлопнулись на кошму Диомед с Беловолосым.

— Ф-фу, наконец управились, — глухо брякнул эспадон, вытягиваясь на коленях у Фальгрима во весь свой двуручный рост и бесцеремонно тычась рукоятью в бок Чэну.

— Так вот, Асмохат-та, — заговорил Диомед так, словно его только что прервали. — Вся Шулма, оказывается, волнуется, разговоры лишь о тебе, а самое главное — Джамуха из ставки своей уехал! Куда — неизвестно, и добро бы один, а то вместе с тысячей тургаудов-телохранителей! Ну, Тохтар с Кулаем намекнули маалеям, что без божественного промысла тут не обошлось — то ли испугался гурхан, то ли видение ему было; ты, дескать, являлся в облике ужасном и карами всякими грозил...

— Погоди-ка, — прервал Чэн Диомеда. — Божественный промысел, говоришь... А сами Кулай с Тохтаром где? Что-то я их здесь не видел...

— Дела у них, — беспечно вмешался Фальгрим. — Уехали они. И двух своих людей прихватили.

— Как — уехали? Куда? Зачем?!

— Не знаю, — хором отозвались Диомед с Фальгримом. — Не сказали. Уехали — и уехали.

И стало ясно, что больше они нам не скажут ничего. Хоть являйся им в облике ужасном и карами грози...

8

«Ничто не ново под луной», — иронически подумал я, когда мы с Чэном и Обломком сбежали после еды от суматохи и любопытных маалеев в знакомую нам рощицу; и ровно через минуту покоя и отдохновения увидели приближающуюся к нам Хамиджу-давини.

За руку она тянула светловолосого батинита, и юноша подчинялся ей с глупо-счастливой улыбкой, не особенно даже понимая, куда он идет, зачем он идет, и идет ли он вообще.

Подойдя, Хамиджа замедлила шаг (юноша-батинит виновато пожал плечами — дескать, я ни при чем, это все

она...); девушка остановилась в трех выпадах от нас и долго смотрела на Чэна, потешно морща лоб.

Так, пожалуй, смотрят на незнакомую вещь, пытаясь понять ее назначение.

— Ты что-то хочешь... от меня? — ободряюще спросил Чэн.

Он хотел спросить: «Ты что-то хочешь сказать?» — но вовремя вспомнил, что Хамиджа не говорит.

Хамиджа раз-другой хлопнула своими неправдоподобно длинными ресницами, не глядя, протянула руку (отпустив ладонь батинита) и вынула из ножен на поясе юноши Такшаку.

Короткий меч чуть ли не заурчал, выходя из ножен, и довольно потерся плашмя о бедро Хамиджи.

Дар у нее, что ли — всех привораживать?..

— Ты что, Такшака? — холодно спросил я, не покидая ножен. — Придатка сменить решил? Так не могу сказать, что одобряю твой выбор...

«Ты злишься, Единорог? — донеслось от Чэна. — Почему?»

Что я мог ответить? Что у меня просто плохое настроение? Что мне не хочется Беседовать с Такшакой, и тем более — когда он в руках у Хамиджи?!

Злой я становлюсь... хуже Обломка.

— Ладно, не обижайтесь, — бросил я, обнажаясь и взмывая над головой Чэна. — Пр-рошу!

Хамиджа прыгнула вперед, и Такшака ударил.

...А Беседа вышла довольно-таки серой. Со-Беседники из Хамиджи с Такшакой получились не ахти (если мерять не шулмусскими, а кабирскими мерками, да еще нашими с Чэном), что-то вроде Эмраха с Маскином Седьмым-Тринадцатым, когда мы Беседовали с ними у пруда в моей мэйланьской усадьбе, и я понимал, что надо попроще и помедленней, и Чэн это понимал, и Такшака понимал, и Хамиджа — хотя не знаю уж, что там она понимала, если вообще понимала хоть что-то... Под конец мы с Чэном для разнообразия поиграли в «пьяного предка Хэна», когда Чэн раз за разом уходил от Такшаки в последний момент, внешне не обращая никакого внимания на его резкие косые взмахи, а я пугал Хамиджу, так ни разу и не прикоснувшись ни к ней, ни к клинку Такшаки, и делал вид, что сейчас выпаду из руки Чэна... а потом нам и это надоело.

Пауза, вежливый поклон — и я нырнул в ножны, отсалютовав перед тем, а Чэн улыбнулся Хамидже и пошел прочь.

Отойдя на десяток-другой шагов, Чэн обернулся, и я тоже посмотрел назад.

Хамиджа стояла белая-белая, глаза ее словно остановились, руки плетьми повисли вдоль тела, и вся ее поза выражала такую отчаянную безысходность, что Чэн-Я сперва хотел было вернуться, а потом передумал и быстро-быстро углубился в рощу.

— Ну не знаю я, не знаю я, что мне с ней делать! — бормотал по дороге Чэн-Я. — Вот уж обуза на мою душу!.. Сама ведь напросилась — а теперь обижается...

Обломок за поясом помалкивал и делал вид, что спит.

Глава двадцать седьмая

1

В эту ночь никто, к счастью, не шумел, не звенел, не ругался, так что мы спали спокойно и проснулись только к самому Чэнову завтраку (ох уж эти люди — и впрямь все едят да едят!).

После завтрака Дзю опять удрал гулять с Косом, Саем и Заррахидом. Это становилось интересным; и хотелось выяснить, куда это они «гуляют» и чем там занимаются. Нет, ни в чем недостойном мы их, понятное дело, не подозревали — но интересно же, в конце концов!

Однако интерес этот быстро забылся — потому что мы с Чэном уяснили наконец причину непонятного поведения Коблана.

Повитуха Коблан постился. И соблюдал все предписанные обычаем ритуальные ограничения.

Он готовился к рождению нового Блистающего.

В семействе метательных ножей Бао-Гунь должен был родиться десятый, недостающий клинок — взамен погибшего в битве у песков Кулхан.

...У открытой походной кузни, которую успел соорудить за эти дни Коблан, собрались практически все, кому было позволено остаться у священного водоема, а также трое маалеев постарше со своими Дикими Лезвиями, которым по такому случаю разрешили присутствовать.

Порывистый холодный ветер раздувал огонь в горне, заметно облегчая работу молодому ориджиту, стоявшему у переносных мехов, которые Коблан, как оказалось, всю дорогу таскал за собой.

И не только меха.

Пожилой шулмус с негнущейся ногой — местный Повитуха, пошедший к Железнолапому в ученики — стоял у

наковальни, готовый схватить клещами зародыш будущего Блистающего. Ритуальные свечи Рождения на таком ветру неминуемо погасли бы — что сулило несчастье — и вместо них горели четыре факела.

Свежевымытый Коблан в фартуке мастера-устада с Небесным Молотом на кармане и Гердан Шипастый Молчун, начищенный и серьезный, приблизились к наковальне. Гердан коснулся ее края и опустился на землю рядом; Коблан воскурил благовония, вознес молитву и взялся за молот.

Неподалеку стояла необычайно торжественная Ниру, опираясь на посох, а на ее груди замерли, выставив рукояти, семеро ножей Бао-Гунь. Двое старших ножей лежали у горна, на белой кошме ее по такому случаю вынесли из шатра — чтобы, согласно традиции, передать рождающемуся Блистающему частицу своей души.

Здесь присутствовали все наши: и мудрый Чань-бо, Посох Сосредоточения, и непривычно молчаливые Гвениль и Махайра, и очень серьезный Но-дачи, и неизменно держащиеся в последнее время вместе Кунда Вонг и Маскин, Пояс Пустыни; и Волчья Метла, Заррахид, Сай, и, понятное дело, я с успевшим уже вернуться Обломком, и короткий Такшака, и Чыда в руках Куш-тэнгри, который очень внимательно следил за происходящим — а он умел быть внимательным...

Тусклые и Батиниты (кроме Такшаки и светловолосого юноши) стояли чуть дальше, а из-за их спин и рукоятей благоговейно наблюдали за таинством Рождения Блистающего Дикие Лезвия и их, так сказать, шулмусы.

...Мерно вздымался молот, летели искры, лоснились от пота плечи и грудь Коблана, эхом отзывался Шипастый Молчун — и тело рождающегося ножа уплотнялось, форма становилась все более законченной, и я уже улавливал медленно пробуждающееся в будущем Блистающем сознание...

...Солнце перевалило за полдень, но никто даже не вспомнил о еде или отдыхе — таинство Рождения захватило всех...

...И наконец умолк отзвеневший молот, и поднялся с шипением пар над купелью, дарующей Блистающему крепость тела и силу духа, и суконный полировочный валик со специальной пастой многократно прошелся по поверхности новорожденного ножа, и принесли заранее приготовленную костяную рукоятку с медными кольцами — а Повитуха Коблан, тщательно проверив баланс, одним ловким движением насадил рукоять на хвостовик новорожденного и закрепил ее двумя маленькими стерженьками красного дерева; точно такими же, как и у всех остальных братьев Бао-Гунь.

Потом двое старших ножей по очереди прикоснулись к младенцу, приветствуя его и создавая у нового ножа первое нужное впечатление, прообраз будущих Бесед. Я прямо-таки чувствовал, как бурлит от потока ощущений еще не до конца оформившееся сознание юного клинка, как он силится что-то сказать — и не может. Рано ему еще говорить, этому учатся быстро, но не сразу...

— Я приветствую тебя, брат наш, — заговорил самый старший нож Бао-Гунь. — Будь счастлив в этой жизни, юный Блистающий, рожденный в чужой ветреной степи, в пламени и звоне, и будь достоин того, чье место ты займешь. Он... он...

Голос ножа прервался, и лезвие его слегка запотело.

— А теперь, — подхватил второй нож, — мы должны представить тебе человека. Нашего общего человека. Запомни ее и знай — мы равны, хоть и различны между собой; мы, Блистающие — и люди...

Нож говорил что-то еще, но я уже не слушал.

«Да, — думал я, — наверное, так и надо. С рождения. Не Придаток — но человек. Не оружие — но Блистающий. Не такой, как ты — но равный. Часть тебя, как и ты — часть его. С рождения. Это — выход. Это — Путь».

«Да, — думал Чэн-Я, — это так. И только так!»

2

На следующее утро можно было видеть шулмусов, усердно чистящих и полирующих свои блестящие от удовольствия клинки. Несколько человек толпились вокруг Коблана — с утра наевшегося мясной шурпы до отвала — и кузнец, ругая на чем свет стоит косоруких шулмусских Повитух и пустоголовых ориджитов, правил заточку, выравнивал изъяны ковки, давал советы — и к концу дня многие Дикие Лезвия выглядели уже не столь дикими, хвастались друг перед другом новообретенной полировкой и со свистом рубили что попало, проверяя заточку.

Некоторые, как я заметил, даже пытались Беседовать — именно Беседовать — а не опасно и бестолково звенеть друг о друга! Разумеется, у них еще мало что получалось, но главное было не это — они *хотели* Беседовать! Они *стремились* к этому!

Начало было положено.

Да и шулмусы стали смотреть на свои клинки по-новому.

Молодец Дзю!

Кстати, о Дзю. Пора бы выяснить, куда это он все время исчезает вместе с ан-Таньей?

И мы с Чэном отправились выяснять.

Потом, когда все стало на свои места, я подумал, что зря мы совали острие куда не следует.

Есть случаи, когда полезнее оставаться в неведении.

...Когда Кос, как обычно, опять явился за Обломком, мы с Чэном, тоже как обычно, ничего не сказали — но, подождав, пока они скроются за шатрами, поспешно двинулись следом.

Сухощавая фигура ан-Таньи, ощетинившаяся тремя Блистающими, несколько раз мелькнула впереди — и мы сообразили, что наши дворецкие и Сай с Дзюттэ направляются за пределы Круга, к дальним юго-западным холмам, на которых и за которыми раскинулось шумное ориджитско-маалейское стойбище.

Ну и что им там понадобилось?

Дорога заняла около получаса, и нам пришлось поотстать — не то чтобы мы особо скрывались, но и не желали, чтобы Кос с Блистающими заметили нас раньше времени.

И, кажется, преуспели в этом.

Впрочем, по той же причине мы пропустили начало представления. Когда мы, наконец, перевалили через холмы и прошли между какими-то коновязями, то оказались неподалеку от довольно-таки обширной и ровной площадки, местами поросшей пучками жухлой травы, подобно физиономии хитрого Тохтара — и выяснили, что действо уже в самом разгаре.

На площадке рядами сидела, одинаково подобрав под себя ноги, добрая сотня шулмусов: впереди — наши ориджиты и молодые маалеи, за ними — старики обоих племен, дальше — подростки вперемешку с женщинами.

И каждый держал тот или иной блестящий клинок, неподвижно устремленный острием вверх.

А перед ними Кос, Заррахид и Обломок (Сай находился за поясом ан-Таньи) исполняли начальный танец Пятой стихии. Очень медленно и очень плавно, тщательно подчеркивая все переходы чтобы шулмусы могли уследить за каждым движением. Это было крайне поучительное зрелище. Причем поучительное в самом прямом смысле слова — потому что наш Обломок не только выписывал в воздухе вензеля Пятой стихии, как заправский Детский Учитель.

Он при этом еще и проповедовал.

Вслух.

А Дикие Лезвия с благоговением слушали (явно не понимая половины и посему проникаясь к проповеди еще

большим почтением), что вещает им новоявленный пророк.

— ...ибо все вы видели Его и могли убедиться, что для рожденного в этом мире невозможно достичь Его совершенства — но пытаться приблизиться к нему есть первый долг и первая заповедь; и тогда тела наши станут крепче, и очистятся души наши, и помыслы станут ясными, а мастерство возрастет многократно — но лишь у следующих Пути, указанному Пресветлым Мечом, а указал он: оставь сомнения и слушай Меня...

— Оставь сомнения и слушай Его, — нестройно повторили Дикие Лезвия, явно не в первый раз слышавшие эту заповедь.

— Не повреди Придатка своего, а тем паче — чужого, ибо хорошего Придатка вырастить трудно, а испортить легко...

— Не повреди Придатка...

— Не разрушай собрата своего, ибо все вы — Блистающие, подобия Мои...

— Не разрушай...

— Живи Беседой и радостью ее, ибо в этом смысл жизни Блистающего...

— Живи Беседой...

— И те из вас, кто внемлет Слову Моему, изреченному пророком Моим, Дзюттэ Ковырягой (мы с Чэном едва сдержали смешок) и Ближними Моими, станут подобны Мне и войдут в рай, имя которому — Кабир!

Тут Я-Чэн обнаружил, что слишком уж высунулся из-за крайней коновязи — а оказываться на виду, особенно сейчас, Мне-Чэну никак не хотелось, и мы поспешили спрятаться обратно, так что конца проповеди пророка Ковыряги мы не услышали.

Еще некоторое время мы наблюдали за происходящим из укрытия. Дзю в конце концов умолк и вместе с Саем и Заррахидом занялся более стоящим, с нашей точки зрения, делом: принялся наставлять Дикие Лезвия в мастерстве Беседы. В чем ему помогали неизвестно откуда взявшиеся и непонятно где до того скрывавшиеся Волчья Метла, Чаньбо, Но-дачи и двое Тусклых.

Дальше Я-Чэн смотреть не стал и вернулся к священному водоему.

По дороге я размышлял о Пресветлом Мече, указавшем единственно верный Путь непросвещенным Диким Лезвиям, и о Ближних Его; а в особенности — о пророке Дзюттэ Ковыряге и о рае по имени Кабир.

Небось, Кос вещал шулмусам (и не первый день!) нечто в этом же роде — великий Асмохат-та и Ближние Его...

Ну, удружили! Вернутся эти пророки — я их так на Путь наставлю!..

Ковыряга!.. Кто ж это слово такое выдумал?! Уж, небось, не сам Обломок... хотя с него станется!..

3

До обеда Мои пророки и Ближние не появлялись — видимо, заняты были; но обед их святость (я имею в виду Коса) явно пропускать не собиралась — вот тут-то все четверо и были отловлены Мной, вернувшимся с обучения Куш-тэнгри.

— Ковыряга, значит... пророк! — язвительно начал я, щекоча острием немного растерявшегося Обломка. — Пресветлый Меч и пророк Его, а также Путь Меча из Шулмы в Кабир, он же — рай! Вот, значит, почему от меня все Дикие Лезвия прячутся! А по-нормальному им объяснить нельзя было?! Без пророков с Ближними?!

— Нельзя! — неожиданно отрезал оправившийся Дзюттэ. — По-нормальному — нельзя. Не доросли они еще — по-нормальному! Не проливать крови — почему? Всегда проливали — и ничего, а теперь вдруг нельзя?! Ритуалы — вещь красивая, но зачем? Ради чего?! Жили без ритуалов — глядишь, и сейчас проживем! Ты об этом подумал, Единорог?!

Я промолчал.

— А так — никаких «почему»! — продолжал между тем Обломок. Есть Пресветлый Меч — и пусть кто-нибудь усомнится! Они, в общем, и не сомневаются... И есть Ближние Его — видите, как блестят? Видите, что умеют? Видите, как с ними обращаются?! Хотите стать такими же? Еще бы — конечно, хотят! А если хотите — внимайте слову Его, изреченному посредством пророка...

— Ковыряги! — не выдержал я.

Злиться на Обломка и моих друзей я уже не мог — тем более, что, похоже, они были правы.

— Да, Ковыряги! — гордо заявил Дзюттэ, и мне послышалась в его голосе даже некоторая обидчивость, чего раньше за Дзю не водилось. — Меня так местные прозвали. И означает это: «Тот, кто видит суть вещей». Вот так, Пресветлый!

— Тот, кто доковырялся до сути, — ехидно уточнил Сай, но Дзю оставил его реплику без внимания.

Вот что значит — пророк... прежде он Саю не спустил бы!

— Терпи, — коротко прозвенел молчавший до этого эсток. — Следующее поколение будет усваивать эти истины с рождения — и сочтет их естественными и само собой ра-

зумеющимися. Они станут Блистающими — и им уже не понадобится Пресветлый Меч! А пока терпи!..

— Ладно, — задумчиво покачал кисточкой я. — И знаешь что, Дзю — раз ты теперь Мой пророк, то слушай Слово Пресветлого!

— Слушаю и повинуюсь, Ваша Однорогость! — гнусаво зашуршал Обломок, и мне сразу стало легче — это был прежний зловредный шут, для которого я до конца дней своих останусь мишенью для мудрых советов и язвительных насмешек.

— ...Внимай воле Моей: пусть те Дикие Лезвия, которые окажутся самыми рьяными в служении Мне, — пусть они получат в награду собственные имена! И придумаешь их — ты!

Большего наказания для своих последователей я сочинить не мог.

4

...Следующие дни были заняты до предела. Мы учили шамана и учились сами. Куш-тэнгри уже немного отошел от первого потрясения и занимался спокойно и сосредоточенно, не забывая учить нас.

Учить смотреть — и видеть. Видеть — и запоминать. Запоминать — и сопоставлять. Сопоставлять — и делать выводы. И на основе этого погружаться в некое странное состояние, когда мысль охватывает все окружающее целиком — и прорывается в еще не наступившее время.

Это было трудно. Когда я был отдельно от Чэна — у нас вообще ничего не получалось, хотя шаман делал это один. Но когда смотрели, запоминали и сосредоточивались не Мэйланьский Единорог и Чэн Анкор, а Я-Чэн... это было сродни состоянию Беседы. И тогда нам удавалось поймать это неуловимое и неосязаемое чувство без названия; тогда мы начинали видеть.

Видеть всего на несколько мгновений вперед — но это было будущее!

Один раз, находясь в трансе, мы увидели Асахиро и Нодачи, входящих в наш шатер — и едва мы вынырнули на поверхность реальности, как полог шатра откинулся, и показались Но с Асахиро!

Шаман, в свою очередь, был неутомим, и Чыда не могла на него нарадоваться. Потихоньку мы даже пробовали Беседовать; медленно, осторожно, но это уже была Беседа, а мы были — со-Беседники!..

И все это как-то отодвинуло в тень слухи о волнениях в Шулме и исчезнувших из ставки Джамухе с Чинкуэдой и тысячей тургаудов-телохранителей; даже о Кулае Чэн почти не вспоминал...

Коблан с Шипастым Молчуном ругали тех нерадивых шулмусов и Дикие Лезвия, что сохраняли до сих пор первозданно-отвратительный вид; Дзю проповедовал; время от времени к водоему наезжали гонцы из каких-то племен, где уже были наслышаны об Асмохат-та и Пресветлом Мече — с гонцами обычно разговаривали Кос и Асахиро, а нас с Чэном показывали издалека.

Гонцы смотрели, ахали, до вечера крутились вокруг водоема и наконец исчезали.

День шел за днем...

5

Это случилось совершенно неожиданно.

Я неторопливо Беседовал с Чыдой Хан-Сегри, в пятый раз подставляя Чэна под прямой выпад копья и терпеливо дожидаясь, пока шаман выполнит то, что от него требовалось — и старался не обращать внимания на то, что с каждым разом глаза Куш-тэнгри вспыхивают все ярче и напряженней.

Почему-то я никак не мог избавиться от ощущения, что касаюсь не древка или наконечника Чыды, а непосредственно дотрагиваюсь клинком до рук шамана, как при прорицании — и тогда мне на миг мерещится то призрачно-сизый дым за спиной Куш-тэнгри, то зыбкие силуэты всадников на холмах, то сами холмы превращаются в подобие домов...

«Устал, — подумал я, начиная все заново, — пора заканчивать...»

Додумать я не успел. Шаман отошел назад, Чыда крутнулась колесом, и я еще почувствовал, что Чэн пристально смотрит в глаза Куш-тэнгри — а потом передо мной словно распахнулись ворота...

...Ворота Чжунду распахнулись, и в богатейший город Поднебесной, неистово визжа и размахивая оружием, хлынули степняки.

Ли Куй, известный в Чжунду, как Носатый Ли, бродяга без роду и племени, пришедший в город невесть откуда перед самым нашествием, — щуплый и взъерошенный Ли

Куй, прихрамывая, бежал по переулкам западной окраины, надеясь на везение.

Если великая Гуаньинь поможет ему уйти целым и невредимым, он станет бритоголовым монахом-хэшаном в шафрановой рясе, живущим милостыней и безразличным к мирской суете — и пусть другие дураки дают рискованные советы скудоумному Сыну Неба, императору-тупице, и пусть несчастную Поднебесную насилуют и грабят все, кому не лень, хоть алчные сановники, хоть грязные монголы, хоть...

Еще не успев понять, что Гуаньинь сегодня смотрит в другую сторону, Носатый Ли резко остановился, зашипев от боли в поврежденном колене, и вскинул к груди короткий, локтя в три, посох.

В конце переулка радостно скалился рослый монгол в кожаном доспехе, поигрывая длинным копьем с перекладиной под трубкой наконечника.

Опальный полководец Ли Куй, которого в Чжунду звали Носатым Ли, а в столице — Синим Тигром Хоу, глубоко вздохнул и медленно пошел к ухмыляющемуся степняку, усилием воли заставив себя перестать хромать.

Монгол подождал, пока хилый оборванец приблизится, и лениво ткнул перед собой копьем.

Через мгновение оружие едва не вырвалось у него из рук, а когда изумленному воину все же удалось отпрыгнуть назад, прижимая к себе копье жалом вверх — в лицо ему полетел выдолбленный изнутри посох, в котором, как шелкопряд в коконе, скрывался от досужих глаз прямой меч цзянь Синего Тигра Хоу.

Город уже горел. Горький дым стелился по улицам Чжунду, опережая увлекшихся грабежом воинов неукротимого Темуджина Чингис-хана; дым спешил, раньше захватчиков пробираясь на западную окраину, от едкой гари першило в горле, и невыносимо болела нога Ли Куя, а монгол бил умело и свирепо, то наконечником, то обратной стороной древка, и поэтому приходилось много двигаться, пока Гуаньинь не соизволила обратить свой благосклонный взор на Чжунду и на заброшенный переулок, в котором Носатый Ли дважды сумел достать клинком запястья монгола.

Теперь оставалось только ждать. Ждать и не подворачиваться под копье, движения которого становились все более неуверенными и дрожащими. А дождавшись — вложить последние силы в последний прыжок.

...Он так и не выпустил копья, этот неудачливый воин в легком кожаном доспехе. Кашляя и скособочившись, он сидел у стены чьего-то дома, правой ладонью зажимая

пронзенный бок, а левую продолжая держать на валявшемся рядом копье. И над ними, над раненным монголом и бессильным копьем, тяжело дыша и стараясь не переносить вес на поврежденную ногу, стоял Ли Куй, бывший полководец левого крыла Ли, бывший Синий Тигр Хоу, бывший Носатый Ли, будущий настоятель монастыря подле горы Утайшань, усталый маленький человек.

Стоял и смотрел, как лицо монгола становится все более бледным, а рассеченные запястья кровоточат все меньше и меньше.

Монгол с трудом поднял голову — и их взгляды встретились.

Ли Куй вздохнул, изорвал свою накидку на полосы, присел рядом с монголом и стал туго бинтовать руки воина непобедимого Чингиса.

Ли не знал, зачем он это делает...

6

Когда я пришел в себя, над Чэном, сидящим на земле, уже хлопотали Чин и Матушка Ци, отпаивая его водой, хлопая по щекам и взволнованно переглядываясь между собой.

Я по-прежнему находился в правой руке Чэна, в руке аль-Мутанабби, и понимал, что рука здесь ни при чем.

В трех выпадах от нас сидел бледный Куш-тэнгри, опираясь спиной на подложенные вьюки, а рядом с ним лежала бесчувственная Чыда Хан-Сегри, на древке которой покоилась левая ладонь шамана.

И во взгляде Куш-тэнгри медленно плыл дым города, горевшего не здесь и не сейчас.

— Ты в порядке, Единорог? — озабоченно спросил Обломок из-за Чэнова пояса.

— Да, — коротко отозвался я. — А ты?

— А что я? — голос Обломка был непривычно встревоженным. — Я ведь не Беседовал... Смотрю — наш друг шаман глазищи распахнул, Чэна как приподняло, я тебе кричу, а ты звенишь что-то странное и вперед лезешь! Ох, вы и по-Беседовали... ну, Чыда — это еще понятно, но только уж больно здорово Куш-тэнгри ею орудовал! До кабирских Придатков ему, конечно, еще далеко, а вот по шулмусским меркам — так просто отлично! Мы ж его вроде бы и не учили обратной стороной древка на уходе бить... Потом ты Чыду пропустил и шаману оба запястья наметил. Я опять гляжу — все гладко, касание идеальное — а шаман кричит, как ис-

порченный, и спотыкаться стал. Ну, а ты ему после бок обозначил — он и упал. Чыду, правда, не выпустил, молодец...

Дзю помолчал, словно припоминая.

— Чэн над ними постоял-постоял — и вдруг сел. Забормотал что-то непонятное, ногой левой дергать стал, словно колено вправлял, или еще что... и вдруг — все. Не чувствую я вас! Никого. Ни тебя, ни Чэна. О Чыде с шаманом вообще речи нет. Кричать я стал, а тут уже и Чань-бо сообразил, что что-то не так!.. Хвала Небесному Молоту, очнулись вы, и меня малость попустило...

— Что... что это было? — донеслось ко мне от Чыды, явно вернувшейся в наш бренный мир.

— Миры Хум-Тэнгэ, — негромко ответил Неправильный Шаман. — Те, что за поворотом пути шамана. Вот и повернули, значит...

— Какой еще Хум-Тэнгэ?.. — начала было Чыда, но осеклась.

— Это ты? — тихо спросила она. — Шулмусский Придаток, это ты? Или я сошла с ума?..

— Нет, ты не сошла с ума, Чыда Хан-Сегри, — бросил Чэн. — Это и впрямь шулмусский Придаток Куш-тэнгри, а я — мэйланьский Придаток Чэн Анкор, и, видимо, я уже совершенно разучился удивляться... потому что то, что мы понимаем друг друга, не удивляет меня. Да и может ли быть иначе, если мы вместе свернули за поворот?

— Мне жаль, что я не был с вами, — через силу усмехнулся Обломок. — Это, должно быть, забавно...

— Ты был с нами, Дзю, — сказал я, — и я надеюсь не дожить до того дня, когда тебя не будет с нами, потому что тогда мне любой поворот будет не в радость. А сейчас я... сейчас я хочу спать, Дзю.

— Да, Наставник, — иронично-уважительно отозвался Дзюттэ.

И заорал на Чань-бо, обзывая его всякими словами и требуя немедленно перенести нас в шатер.

Чэн сонным голосом добавил кое-что от себя — только значительно мягче — и я еще успел заметить чьи-то внимательные глаза, а потом нас подняли и понесли, негромко переговариваясь между собой...

Уже проваливаясь в забытье, я неожиданно понял, кому принадлежали внимательные глаза, на дне которых тлели уголья забытых жаровен.

Это были глаза Хамиджи-давини.

Или это мне примерещилось?..

7

Мне снился бесконечный путь,
Пронзающий миры.
И в том пути таилась суть
Загадочной игры,
Игры, чьи правила — стары,
Игры, чьи игроки — мудры,
Они не злы и не добры...
И я кричал во сне.
Мне снился обнаженный меч,
Похожий на меня,
И яростно-кровавый смерч
Масудова огня,
И бились о клинок, звеня,
Копыта черного коня,
Что несся на закате дня...
И я кричал во сне.

Мне снилась прожитая жизнь —
Чужая, не моя.
И дни свивались в миражи,
Как сонная змея.
И шелестела чешуя,
Купался лист в воде ручья,
И я в той жизни был не-я...
И я кричал во сне.

8

Проснулся я самым последним.

Это еще раз подтверждал голос Дзю, излагавшего Чыде историю наших странствий и попутно убеждавшего Хан-Сегри, что Придатки — это люди, и все такое прочее.

Чыда ахала, охала и соглашалась со всем.

Я еще подумал, что чем проще Блистающий (или человек), тем легче он верит в то, что такому умнику, как Заррахид, покажется невероятной сказкой.

Чэн и шаман молчали, но я ощущал их присутствие и не сомневался, что они бодрствуют.

Дважды шаман поправил Дзю, когда тот рассказывал о Шулме, и я на удивление спокойно отметил для себя, что понимаю Куш-тэнгри, даже не становясь Мной-Чэном, и Чыда его понимает, и Обломок; и издаваемые шаманом звуки не значат почти ничего для этого нового понимания.

Просто он говорил, а мы знали, что он говорит.

«О Нюринга! — подумал я. — Так, значит, дело вовсе не в руке аль-Мутанабби, и не в том, что мы с Чэном какие-то особенные... уроды, — и достаточно тому же Заррахиду вместе с Саем и Косом пройти по Пути, свернуть в нужном ме-

сте, погрузиться в «не здесь» и «не сейчас», как погружаются в разверзающуюся под клинком рану мироздания — и Косу больше никогда не понадобится переводчик, если ему захочется поговорить с эстоком или Саем! Ведь если даже Чыда...»

— Да, это так, — ответил Куш-тэнгри, и я не сразу сообразил, произнес ли я все это вслух, или теперь для нас всех было попросту неважно: вслух или про себя?!

Похоже, мы теперь со-Беседники в каком-то новом, непривычном смысле...

— Отец Ур-Калахай, Безликий! — шаман весь дрожал. — Значит, не просто можно, а нужно... нужно твоим шаманам, Отец, брать оружие в руки, нужно сливать воедино Пути и идти дальше, чтобы увидеть другие миры, порожденные тобой...

— И, может быть, не только видеть, — подхватил Чэн. — Ведь тот человек, что был там, что имел меч, подобный Единорогу почему он, этот человек, не убил своего врага? Не потому ли, что за спинами враждующих незримо стояли мы, не желающие убивать?! И если так — не сможем ли мы гасить огонь Масуда и там, когда души наши будут дотягиваться до иных судеб и жизней?!

— Очень красиво, — проворчал Обломок (видимо, уже осведомленный обо всем). — Судьбы, жизни, Пути... Там гасить будем — а здесь? Что, у нас здесь дел мало? Из Диких Лезвий делать Блистающих — раз! Из их Придатков людей делать — два! И тех, и других учить понимать друг друга — три! Здесь, здесь Масудов огонь гасить надо, да и то, наверное, не до конца гасить, чтоб вода Мунира стоячей и затхлой не становилась!..

— Дороги, — неожиданно добавила Чыда. — Дороги нужны. Из Кабира в Шулму. И обратно.

— Асмохат-та нужен, — через силу улыбнулся Куш-тэнгри. — Вера нужна. Пусть шулмусы сперва поверят, пусть Дикие Лезвия поверят, они во имя веры горы свернут, а когда станет видно, что там, за горами! — вот тогда вместо веры знание придет. Да и вера, пожалуй, останется...

Полог шатра чуть приотдернулся, и в образовавшейся щели показались взволнованное лицо Чин и наконечник Волчьей Метлы.

— Вы Хамиджу не видели? — озабоченно спросили обе.

Мы переглянулись... и расхохотались.

— Да пропала она куда-то, — смущенно бросила Чин,

видимо, поняв всю нелепость своего вопроса. — Ищем, ищем... еще со вчера. Вы ведь уже сутки спите...

— Будущее, — шаман в волнении встал. — Ах, какое будущее!.. Вот почему я не видел победоносного похода на мягкоруких! И всего-то надо — убить Джамуху! Ради такого будущего — одного человека... одного плохого человека...

Меня как ледяной водой после наковальни окатило.

Чэн протянул руку аль-Мутанабби, коснулся моей рукояти — и я стал Чэном-Мной.

— Ради будущего, — негромко сказал Чэн-Я. — Ради будущего — одного человека. Ради будущего Но-дачи и Асахиро отрубили мне руку. Ради будущего Шото и братья-Саи убивали на улицах Кабира, пока не погибли Друдл с Детским Учителем. Ради будущей мести Маскин стал Тусклым, а Эмрах ит-Башшар примкнул к батинитам. Ради будущих побед ориджиты во главе с Джелмэ-нойоном сожгли деревню Сунь-Цзя, а я ради будущего убил несговорчивого Джелмэ. Ради будущего, в котором должна была восторжествовать истина Батин, Джамуха подмял под себя Шулму. И мы видели будущее, в котором я убью Джамуху — потому что мы заранее знали, что ради будущего...

Я-Чэн помолчал.

— Нет такого будущего, — твердо закончил Я-Чэн, — ради которого я убью Джамуху и сломаю Чинкуэду, Змею Шэн. Я не хочу такого будущего.

— Ты не станешь их убивать? — изумился шаман. — А как же...

— Ради будущего — нет. А если и убью — то только ради настоящего. Как убивал в ночном переулке Кабира, над Друдлом и Детским Учителем. Не зная, что убью. Не думая об этом заранее. Потому что нельзя заранее делать выбор между жизнью и смертью. Этот выбор делается лишь тогда...

Чэн-Я оглядел всех и закончил:

— Когда один меч стоит спокойно против неба. Один — против неба. И только так.

Снова зашевелился полог, и в шатер вошел Асахиро с Но-дачи на плече. Оба были хмурыми и сосредоточенными, очень напоминая самих себя в тот мэйланьский вечер, когда они заступили дорогу Мне-Чэну.

— У нас гости, — бросил Но-дачи, большой меч.

— Чэн, одень доспех, — сказал Асахиро Ли.

В шатер протиснулся Кос ан-Танья с доспехом аль-Мутанабби в руках.

9

Гость ждал нас у священного водоема.

Это был высокий, прекрасно сложенный воин с волчьими чертами лица. Причем волк был матерый, опытный, прекрасно знавший себе цену. Дикого Лезвия при нем не оказалось — то ли не пристало послу быть вооруженным, то ли еще что...

Неподалеку от воина расположились Фальгрим с Гвенилем и ан-Танья с Заррахидом и Саем. Больше никого не было — ни наших, ни шулмусов. Это не удивило Меня-Чэна — еще по дороге Но-дачи с Асахиро рассказали нам, как они разогнали всех любопытных, не дав им толпиться вокруг посла Джамухи; и Я-Чэн счел этот поступок совершенно правильным.

При виде нас воин нахмурился, с показным равнодушием оглядел Чэна с головы до ног, и сделал шаг навстречу. Всего один шаг. Надо отдать должное — посол или действительно ничего не боялся, или умело скрывал свои чувства.

— Я — тысячник Джангар-багатур, — негромко и властно сказал он, — глава тумена телохранителей-тургаудов гурхана Джамухи Восьмирукого.

Затем он неожиданно приложил ладони ко рту и пронзительно завыл.

Я-Чэн даже не успел удивиться, как в ответ с северных холмов донесся такой же вой, только многократно усиленный; и я услышал ржание испуганных коней.

— Мои люди не хотят тревожить покой священного места, — продолжил Джангар, когда наступила тишина. — Пускай даже и оскверненного нечистым пребыванием. Я повторяю слова гурхана Джамухи: пусть тот, кто называет себя Асмохат-та, поднимется к гурхану и посмотрит ему в глаза. После чего он сам выберет время и место своей смерти. Я все сказал.

Пришедший вместе с нами Куш-тэнгри передал Чыду Косу, после чего низко склонился перед Чэном-Мной и повернулся к Джангар-багатуру.

— Не пристало Асмохат-та уподобляться послу самого себя, — произнес Неправильный Шаман, и Я-Чэн заметил, что невозмутимый Джангар все же старается не смотреть шаману в лицо.

— Джамуха ведь тоже не сам явился — тебя прислал, Джангар... Я пойду с тобой, я, слуга Ур-калахая Безликого, я встану перед Джамухой, как посланец Асмохат-та, и мы

определим время и место. А чья смерть наступит тогда — это еще у Безликого за пазухой...

— Хорошо, — равнодушно согласился Джангар. — Иди ты, шаман-отступник...

Шаман кивнул и отошел на десять выпадов, остановившись у статуи Мо.

Чэн-Я подумал и двинулся к нему.

— Тебе нельзя туда ходить, — одними губами выдохнул шаман. — Ты не вернешься. А по степи пойдет гулять легенда, как демон-лжец не устоял перед взглядом гурхана...

— А ты? — спросил Чэн-Я.

— А я попробую задеть гордость Джамухи в присутствии его телохранителей. Тургауды — отчаянные бойцы, они не побоятся напасть и на священное место, — но если их вождь преступит закон воинской доблести...

Я-Чэн не мог объяснить шаману, что Джамуха-батинит и Тусклая Чинкуэда, Змея Шэн, по-своему понимают законы воинской доблести, и святость места уж наверняка не остановит их; и еще Я-Чэн понимал, что не могу, не должен идти сам на северные холмы, и не имею права останавливать Куш-тэнгри.

Я-Чэн только вспомнил слова Неправильного Шамана, когда мы прозревали неизменную гибель Джамухи.

«Наверное, я умру до того...»

— Меня зовут Чэн, — сказал Чэн, глядя в черные глаза Неправильного Шамана. — Чэн Анкор.

— Спасибо, — невпопад ответил Куш-тэнгри.

И крикнул послу, тряхнув серебряной гривой:

— Эй, Джангар!.. Пошли, что ли?!

Джангар шагнул было вперед, но Асахиро придержал его за плечо.

— Ты помнишь меня, тысячник Джангар? — спросил Асахиро.

— Да, — кивнул Джангар, стряхивая его руку (что оказалось не так-то просто). — Я помню тебя, бывший раб, пасынок хурулов.

— Это хорошо, что ты помнишь меня... И запомни, что я скажу тебе сейчас: если с шаманом что-нибудь случится... я убью тебя, даже если для этого мне придется пройти насквозь через твой тумен.

Джангар радостно оскалился.

— Тебе не придется трудиться, бывший раб. В бою я обычно нахожусь впереди своей тысячи.

Сверху на них взирал Желтый Мо.

Полагаю, он был доволен.

10

Весь оставшийся день я не находил себе места.

Вот оно, пришло, наступило, постучалось в дверь, звякнуло о клинок — и все-таки, в глубине души, я надеялся, надеялся слепо, глупо, наивно, прячась в ножны от неизбежного, надеялся, что все как-то обойдется само собой, и боялся признаться в этом самому себе.

Не обошлось.

И учить некого — ушел Куш-тэнгри, и скучает заново осиротевшая Чыда, а я поминутно гляжу на северные холмы, постепенно тонущие в вечерней мгле.

Ждем.

И я остужаю рукоять о руку аль-Мутанабби.

В подготовке нашего лагеря к обороне мы не участвовали. И правильно делали — Но-дачи и Асахиро мигом взяли власть в свои руки (смешно — Но-дачи — и «в свои руки»...), и весьма скоро каждый нашел свое место и знал, что ему делать в случае...

Что делать?

Ах, выбор небогат... У деревни Сунь-Цзя два десятка с небольшим Придатков и чуть большее количество Блистающих остановили двенадцать дюжин детей Ориджа, и то все наши люди оказались ранеными, а пятеро батинитов навсегда окунулись в Сокровенную Тайну. Сейчас же нас, кабирцев, на четверть меньше, чем тогда, с нами две-три дюжины шулмусов (хорошо, пожалуй, что Кулай с частью своих пропал — глядишь, выживут...); ориджитские и маалейские дети, женщины и старики не в счет; — а против нас на северных холмах воет отборная стая Джамухи, тысяча воинов-людей, и вдвое-втрое Диких Лезвий.

Кто мы? Дрова для Масудова пожара?

Просто праздник истины Батин...

Прорицание будущего, провиденье шаманское — глупости все это!.. Ведь не дойти Мне-Чэну до Джамухи, не дотянуться... сметут, растопчут...

Странное чувство возникло у меня. Чем больше я убеждал сам себя в неизбежности гибели, в бессмысленности всех наших действий, чем больше я понимал нелепость своего появления в Шулме в облике Пресветлого Меча — тем сильнее накатывалась откуда-то из глубины души, из того горна, что внутри нас, отчаянная радость единственного выпада, когда отступать некуда, и раздумывать некогда, и жить незачем, кроме как для этого выпада, а потом — гори оно все в Нюринге, это «потом»! — и гордость Масуда, и

мудрость Мунира, и смысл бытия, и сафьян новых ножен, и ремесло, и искусство, и волчий вой на холмах!..

Я говорил себе о надвигающемся конце — и видел внутренним взглядом, как стальная чешуйчатая рука, сжатая в кулак над этим миром, медленно начинает раскрываться, подобно цветку на заре, и движутся неживые пальцы, которым не положено двигаться, которым не дано двигаться — но приходит день, когда мы все безнадежно глупеем, шуты мироздания, и в этот день нам все положено и все дано!..

...Вечер стал переходить в ночь, и холмы окончательно пропали из виду.

По всему лагерю горели костры.

А Куш-тэнгри так и не вернулся.

Я спросил у подвернувшейся Кунды Вонг, почему не тронулось с места временное стойбище женщин, детей и стариков, что было за юго-западными холмами.

— Зачем? — удивилась Кунда. — Кому они нужны? Тургаудам? В случае чего их и потом можно будет вырезать... после нас.

Я накричал на Кунду, обозвав ее глупой саблей, и с удивлением заметил, что ей стало легче. Вскоре я услышал, как Кунда в свою очередь кричит на кого-то, обзывая его глупым мечом и обвиняя в малодушии.

Я невесело улыбнулся, прилег на колени к Чэну, ткнувшись гардой в Обломка — и мы стали ждать.

Глава двадцать восьмая

1

Всю ночь в нашем лагере происходила некая перестановка — не слишком шумная, но достаточно заметная. Ею по-прежнему руководили Но-дачи с Асахиро, и мы не вмешивались, хотя прекрасно понимали, что в случае штурма любые приготовления лишь ненадолго отдалят трагический финал. Думаю, что тот же Но понимал это не хуже меня — только что-то делать, наверное, было все же лучше, чем просто сидеть и ждать, как мы с Чэном.

...Постепенно Я-Чэн начал проваливаться в туманное забытье — полусон, полубодрствование, похожее на провидческий транс. Мы уходили в какой-то свой внутренний мир, медленно соскальзывая туда сквозь редеющую завесу багрового тумана, и туман светлел, рассеивался, и проступавший сквозь него мир был прекрасен — в нем не было ни Шулмы,

ни Кабира, ни Джамухи с Чинкуэдой; в мире этом не было и нас с Чэном — и над землей занималась заря...

...Заря. Вернувшись в негостеприимную реальность, мы огляделись вокруг. В предутренней дымке смутно темнели очертания окружавших нас перевернутых повозок, за которыми расположились шулмусы («Наши шулмусы», — невесело подумал Я-Чэн), и у многих была та вещь, которая звалась луком, а на боку висели большие ножны со стрелами.

Ножны назывались «колчанами».

Подготовились, значит... о Творец, если бы нас было хоть раз в пять больше!..

Светало довольно быстро — вот уже из зябкой пелены родились пологие склоны ближних холмов; туман отступал, почти как во сне, но не уходил до конца, и лишь вокруг священного водоема тумана, на удивление, не было вообще...

Я вновь глянул на северные холмы — и увидел, как их вершины внезапно ощетинились колышущейся гривой конного строя.

— Сейчас начнется, — очень спокойно и как-то бесцветно сказали в один голос Но-дачи и Асахиро.

И шулмусы за повозками зашевелились, доставая из колчанов стрелы и накладывая их на тетиву.

Грива на холмах выросла, уплотнилась, вздыбилась — и замерла.

Они почему-то медлили. Вокруг посветлело, туман уже практически рассеялся, и в конном строю на вершинах холмов стало заметно некоторое замешательство. Местами пряди этой живой гривы перепутались, переплелись, несколько крохотных всадников отделились от строя и поскакали влево и назад, скрывшись из виду.

«Кончали бы скорее...» — отстраненно подумал я.

Скорее не получалось. Тем более, что у северо-западных и северо-восточных холмов тоже стала прорастать грива. Только грива эта была гораздо более неровной, нечесанной и всклокоченной.

Зато она была гуще. Куда гуще первоначальной!

Туда-сюда замельтешили гонцы-муравьи.

— А вон наши, — неожиданно заметил один из шулмусов.

Чэн шагнул к говорившему и увидел, что это — молодой маалей.

— Кто — ваши?

— Ну, бывшие наши, — поправился шулмус. — Дети Маала. Да вон же бунчук наш! — и он указал рукой в сторону одного из холмов.

Шулмус явно не жаловался на зрение — различить на таком расстоянии, кто есть кто...

— Ясное дело, — продолжил остроглазый, — в ставку приехали, а гурхана-то и нет. Где гурхан — спроси у ветра. Назад повернули — так и обоза нет! А степь-то слухами полнится... Куда скакать? К священному водоему. Вот и прискакали...

— Небось ваши маалеи не умнее других, — перебил его шулмус постарше, из ориджитов. — Вон сколько понаехало... слева локры в лисьих малахаях, справа не разобрать кто, но похоже на хурулов...

«Маалеи, — подумал я. — Те, которых ограбили Гвениль с Махайрой. Ну что ж, долго думать, на чьей они стороне, не приходится. Да и не одни они. Теперь и боя не будет. Просто затопчут нас — и дело с концом».

Однако шулмусы почему-то заметно повеселели и ожили. Я еще мог с трудом понять маалеев, но ориджиты?! А Диким Лезвиям, похоже, было все равно, с кем драться, несмотря на мудрые заповеди Пресветлого Меча и пророка Ковыряги — лишь бы драться! Тем более, что сам Пресветлый с Ближними и пророком был с ними.

Наши сомнения частично рассеяла подошедшая Фариза.

— Священный водоем, — рассмеялась она в ответ на наше недоумение, — единственная святыня Шулмы. Здесь никогда не проливалась кровь. И если для тургаудов нет ничего превыше приказа гурхана — первого в воинской доблести, — то для остальных это будет осквернением святыни — на чьей бы стороне они ни были. Не думаю, что Восьмирукий осмелится штурмовать нас на глазах у своих подданных...

Холмы кишели людьми и лошадьми, метались юркие гонцы, и с каждым мгновением правота Фаризы становилась все более очевидной. Я понял, что судьба, расщедрившись, дарит Мне-Чэну давно припасенный подарок.

Поединок.

Поединок Асмохат-та и Джамухи Восьмирукого; поединок Чинкуэды, Змеи Шэн, и Мэйланьского Единорога.

Решайся, Пресветлый Меч!

Если мы при всех вызовем их на бой — мерило воинской доблести — они не смогут отказаться. На этом держится их власть. И публично потерять лицо они не осмелятся...

Так почему Я-Чэн медлю? Почему не выхожу за круг повозок и не бросаю вызов? Почему?!

Потому что я знаю, чем это закончится. Я видел это. Я не хочу убивать. Не хочу убивать! Не хочу!.. И поэтому медлю, оттягиваю, как могу, тот миг, после которого уже не будет пути назад — и мои соратники с недоумением ко-

сятся в мою сторону. «Иди же! — говорят их глаза и клинки. — Иди и убей! Ты же можешь! Разруби одним ударом безумный узел этого утра! Победителей не судят! Убей!..»

И пока я медлю, строй тургаудов опять смыкается, взлохмаченная грива союзников и подданных Джамухи редеет, оттягиваясь назад, за пределы видимости... но делает это очень медленно и неохотно. Ну да, с одной стороны — гурхан и его приказ, а с другой — даже гурхан не должен бы запрещать приходить сюда, дабы поклониться... Конечно, не должен — но очевидцы очень мешают горячему Джамухе, и он тоже понимает, что победителей не судят!..

Еще бы он не понимал — ведь это одна из главных заповедей истины Батин!

Время, время! Оно уходит, но еще не ушло совсем — время бросить вызов, время убить — и время даровать жизнь многим, поверившим мне; время открыть дорогу великому будущему...

Ах, как красиво все это звучит!

Оно уходит, наше время, уходит, не спросясь, вместе с удаляющимися всадниками... оно уже почти вышло, наше время, но именно «почти» — потому что всадники перестают удаляться, они останавливаются, и вместе с ними останавливается время, оно зависает на невидимой нити, нить эта все растягивается и растягивается, грозя лопнуть... а потом нить резко сокращается, и всадники поворачивают обратно, к нам, и время снова начинает нестись вскачь...

Но, кажется, тоже в обратную сторону.

2

Потому что Я-Чэн слышу топот, но по непонятным причинам он звучит позади меня — приближающийся топот конских копыт, чьи-то радостные крики, бряцание сбруи...

Чэн-Я оборачиваюсь — и вижу, как от южных холмов к нам во весь опор несутся четверо конных, а Асахиро с Фальгримом и Кобланом уже растаскивают сдвинутые повозки, расчищая им дорогу.

Между тем Чэн-Я узнаю приближающихся всадников. Это молодой Кулай-нойон, а за ним — Тохтар-кулу с двумя ориджитами. А я еще радовался, что они не вернулись — дескать, глядишь, живы останутся!

А они успели... успели в гости к смерти!

— Клянусь Нюрингой! — бормочет несуеверный Обломок, и я ошалело вижу, как южные холмы, словно боясь отстать от

своих собратьев, тоже прорастают гривой. Конных шулмусов если и меньше, чем союзников Джамухи, то ненамного, и мне просто не хватает воображения, что бы предположить — кто они, откуда, и кого будут убивать в случае чего?!

...Кулай спрыгивает с лошади и почтительно припадает на одно колено, приветствуя Асмохат-та, а его редкий для Шулмы прямой меч склоняет передо мной рукоять.

— Кто там за вами? — спрашиваю Я-Чэн. — Погоня?!

Прямой меч звенит радостно-возбужденно и неразборчиво, как все Дикие Лезвия в преддверии свалки, так что я полностью перехожу на восприятие Чэна, слушая Кулая.

— Это восточные хариманы, о Асмохат-та, и лаахоры; и ысджуты, и белобаранные бехтары, и...

— Все? — пытается прервать его Чэн. — А...

— Нет, не все! Еще племена предгорий — гурхэзы и джавнаки, но они отстали...

— Кто это? — ревет ничего не понявший Чэн. — Кто это, Кулай?!

— Это вольные племена, о Асмохат-та, отказавшиеся ломать прут верности перед Восьмируким! Они пришли, поддавшись моим уговорам, чтобы увидеть Тебя — и увидели собаку-гурхана, готовящегося напасть на священный водоем! Гнев раздул их печень, и нойоны вольных племен поносят Джамуху-костогрыза и собираются отстаивать святыню! Тем более, что не все люди Восьмирукого пойдут за святотатцем...

Что Я-Чэн мог ему сказать? Поблагодарить? За то, что из-за его расторопности тысячи шулмусов лягут сегодня в здешнюю гостеприимную степь?! Ведь Кулай же хотел, как лучше! Он действительно хотел, как лучше!..

— О Пресветлый! — свистнул просиявший Кулаев меч, и на этот раз я понял его без труда. — Веди нас в бой!

— Когда все закончится, — бросил я Обломку, — и если мы будем еще живы, награди этот достойный меч именем! Таким, какое он заслужил!

Обломок что-то невнятно буркнул в ответ, и я понял, что имя мечу достанется еще то...

...Вольные племена спешили взять водоем в полукольцо, отрезав его от туменов Джамухи; делали они это умело и деловито, а Я-Чэн смотрел на них и понимал всю верность их расчета. Любое восстание против Восьмирукого было если не обречено, то весьма сомнительно — гурхан мог вызвать непокорного нойона в круг, и тот не имел права отказаться, если хотел сохранить лицо! А исход такого поединка был ясен заранее, без всяких шаманских предсказаний...

Воинская доблесть — единственный закон и ценность Шулмы!

Зато сейчас! Осквернение святыни! — и плевать вольнолюбивым нойонам на ложность или подлинность Асмохат-та с его Пресветлым Мечом! Ведь когда в опасности священный водоем — что должен делать всякий честный шулмус? Вот-вот, именно это... Тем более, что если тургауды Восьмирукого и послушаются приказа гурхана, то многие недавние сторонники Джамухи не пойдут сегодня вслед за ним — а может, и в спину при случае ударят...

Шаманы, небось, потом спасибо скажут и любой грех замолят!

«Кстати, о шаманах, — подумал Чэн, — вон, кажется, и они... Двенадцать — нет, тринадцать человек в до боли знакомых халатах с побрякушками и со взглядом, который невозможно спутать ни с чьим другим... смирные лошаденки, спокойная осанка — и ни одного Дикого Лезвия!»

Да. Это были служители Ур-калахая Безликого.

Но вспыхнувшая было во мне надежда, что шаманам удастся предотвратить кровопролитие, быстро угасла. Потому что трое шаманов остались у водоема, а остальные равнодушно погнали лошадей вверх по склону. К тургаудам они даже не стали приближаться, а сразу повернули левее и правее — и растворились в гуще людей.

Что-то должно было произойти — сейчас или никогда.

И гурхан решил — сейчас.

Передний край тургаудского строя начал быстро выравниваться — куда быстрее, чем в прошлые разы — и я понял, что время вышло.

Совсем.

Сейчас конная лавина, визжа и размахивая Дикими Лезвиями, ринется вниз, и все возможные доводы и миролюбивые размышления исчезнут в звоне, грохоте и потоках крови.

Никакие шаманы не смогут остановить озверевших бойцов.

Не смогут.

Не успеют.

Или — не захотят.

Перевернутые повозки остались у нас за спиной — святые воды не будут осквернены — но вокруг них трупов и сломанных клинков будет более чем достаточно.

И Я-Чэн шагнул вперед.

Мы шли между расступающимися воинами и Дикими Лезвиями, как меч идет сквозь расступающуюся под его напором плоть; мы шли молча, приближаясь к северным хол-

мам, не торопясь, и было слышно, как под ногами Чэна похрустывает песок и сухая трава.

Когда мы отошли от линии защитников священного водоема на полтора копейных броска — Чэн остановился.

Молча.

И это был вызов.

Стало еще тише — что всего миг назад казалось невозможным. Тишина сыпалась, как песок, тишина налипала на замерших людей, тишина висла на Диких Лезвиях, тишина давила, сгущалась...

А потом перед строем тургаудов возникла одинокая серая фигура и начала спускаться вниз.

3

...Они медленно спускались по склону холма, приближаясь к нам — Джамуха Восьмирукий, изгой-батинит, и Чинкуэда, Змея Шэн, висевшая у него на поясе; асассин и Тусклая. Глядя на них, я подумал, что не Шулма первой пришла в Кабир — нет, это Кабир явился в Шулму, и потом — снова, и вот Кабир идет навстречу Кабиру, а Шулма взирает на это, затаив дыхание.

Ближе... еще ближе...

Не было ни страха, ни волнения; не было ничего, словно Мне-Чэну предстояла обычная Беседа, каких было множество, и будет множество; ближе, еще ближе, еще...

Все.

Остановились.

В двух выпадах от Чэна-Меня.

Короткая Чинкуэда, неестественно широкая у гарды и резко сужающаяся к острию, чья рукоять была оплетена вытертыми шнурами, а деревянные ножны украшали простые серебряные бляхи; и Джамуха Восьмирукий, невысокий, узкоплечий, в кожаном доспехе с массивными оплечьями и в странном шлеме с гребнем и защитными боковыми пластинами, закрывавшими почти все лицо.

Я даже глаз его не видел — под налобник шлема была заправлена серая вуаль-сетка.

И когда они заговорили — их первые слова поразили Меня-Чэна резче и неожиданней внезапного удара.

— Я знаю, что ты сильнее, — одновременно сказали Джамуха Восьмирукий и Чинкуэда, Змея Шэн.

Я-Чэн молчал.

Что можно было ответить на это?

Ответить — ничего. А подумать — многое. Но Я-Чэн не думал об этом многом, потому что цена за него еще была не уплачена. Жаль только, что Джамуха и Чинкуэда не знают, кто они на самом деле, не слышат друг друга, не понимают до конца — и, возможно, так и не поймут...

— Мне жаль вас, — ответил Я-Чэн, изо всех сил не желая произносить этих слов, и не сумев поступить иначе.

Зря.

Они не были созданы для жалости; тем более — для нашей.

— Ты из рода Дан Гьенов, — сказала Чинкуэда. — Значит, ты родич Скользящего Перста? Или ты предпочитаешь, чтобы я звала тебя Пресветлым Мечом?

— Такие мечи, как у тебя, в Мэйлане предпочитают носить Анкоры, — сказал Джамуха Восьмирукий. — Ты из Анкоров Вэйских или из Анкор-Кунов? Если, конечно, ты не собираешься убеждать меня, что ты — Асмохат-та...

Голос Джамухи звучал глухо и невыразительно из-за сдвинутых пластин шлема, и таким же невыразительно-глухим был голос Чинкуэды, Змеи Шэн; Я-Чэн сперва слушал эти голоса, остро ощущая свою цельность перед лицом раздвоенности, разобщенности тех, кому на роду было написано быть вместе, и в то же время отдельно... ах, какими одинокими чувствовали они себя в Шулме, что даже со Мной-Чэном говорили чуть ли не с радостью, изголодавшись по общению с равными!.. Пора было отвечать, а Я-Чэн молчал и думал, что в осанке Джамухи и в его манере держаться есть что-то неуловимо знакомое — а память услужливо подбрасывала нам сцену из будущего, уже виденную Мной-Чэном, когда Джамуха стоял перед нами, и вот он снова стоит, будущее стало настоящим, и прошлым... и, наверное, пора было что-то отвечать.

— Я — Чэн Анкор из Анкоров Вэйских и прямой Дан Гьен по прозвищу Мэйланьский Единорог, — произнес Я-Чэн и добавил: — Родич Фаня Анкор-Куна и Скользящего Перста, старейшин-клятвопреступников.

— Это хорошо, — удовлетворенно отозвались Джамуха и Чинкуэда.

— Почему это хорошо?

— Так мне будет легче убить тебя.

Об Обломке речь не шла — словно его и вовсе не было.

— Мы можем договориться? — спросил Я-Чэн.

— Нет, — ответили они.

И Джамуха, повернувшись к своим тургаудам, подал им знак рукой.

...С холма спускался Куш-тэнгри. Глаза его были за-

крыты плотной темной повязкой, и Неправильный Шаман шел осторожно, рассчитывая каждый шаг — и все равно часто оступаясь. Руки его не были связаны, но он и не пытался снять повязку. Шею Куштэнгри захлестывали сразу две волосяные петли, и в пяти-шести выпадах позади незрячего шамана вразвалочку шли двое воинов, намотав на запястья противоположные концы арканов, и ведя Неправильного Шамана, словно зверя на поводке.

«Неужели они его ослепили?!» — мелькнула страшная мысль.

На расстоянии хорошего копейного броска от Меня-Чэна воины крепче натянули арканы — и Куш-тэнгри остановился, прижимая подбородок к груди.

— Сейчас они убьют его, — равнодушно сказали Чинкуэда и Джамуха; и Я-Чэн ни на миг не усомнился, кто «они», и кого «его», — как шамана-отступника. А потом придет твоя очередь. Смотри, это будет интересно...

Я-Чэн не обратил внимания на последние слова. Слова ничего не значили, жизнь ничего не значила, честь и позор, доблесть и трусость не значили ничего, и единственное, что имело значение в этом проклятом мире, что стоило дороже пыли под ногами — расстояние от Чэна-Меня до шамана, расстояние — и то, что Чэн-Я не успею преодолеть его прежде, чем воины отправят в Верхнюю Степь или в Восьмой ад Хракуташа седого ребенка, Неправильного Шамана, настоящего хозяина Шулмы, встретившего нас, как гостей...

— Чэн! — словно сами холмы позади нас разверзлись неистовым рыком, и эхо захлебнулось в ужасе. — Держи!!!

Чыда была уже в воздухе. Тяжелая, яростно визжащая Чыда Хан-Сегри — и лишь единственная рука могла вот так вогнать массивное копье в осеннее небо Шулмы, с треском разрывая грязно-голубое полотнище, единственная рука могла дотянуться разъяренной Чыдой из Малого Хакаса, теряющей новообретенного Придатка, дотянуться через полтора копейных броска до Кабира, до меня, до Чэна-Меня!

Он не был прирожденным копейщиком, повитуха Блистающих, кузнец-устад, Коблан Железнолапый, но он вложил в этот бросок всю свою бешено-огромную душу, не оставив ничего про черный день — ибо черный день настал!

— Держи! — ревел Коблан, и ему вторила летящая Чыда, а Шулма окаменела на несколько долгих-долгих мгновений, и я видел, что Чыда вонзится в землю, выпадов на пятнадцать перелетев через нас — и тогда Чэн сорвался

с места, на ходу вбрасывая меня в ножны, забыв о Джамухе и Чинкуэде — и вскоре я ощутил, как пальцы аль-Мутанабби смыкаются на древке Чыды... ощутил острее, чем если бы они сомкнулись вместо копейного древка на моей рукояти.

Чэн замахнулся, Чыда птицей вырвалась из объятий латной перчатки — железная рука, детище Железнолапого, память восьмивековой давности, ожившая в недоброе время сталь! — и устремилась к недвижному Куш-тэнгри.

— Куш! — надрывалась Чыда изо всех сил. — Куш, я здесь! Я здесь, Куш-ш-ш!..

И изумленные воины с арканами замешкались, упустив то мгновение, когда незрячий шаман сделал шаг в сторону и взял Чыду из воздуха.

Легко и уверенно, как брал летящие камешки; и Чыда со счастливым криком легла в протянутые ладони.

Арканы натянулись, но Куш, не дожидаясь, пока его собьют с ног, сам отпрыгнул назад, разворачиваясь к воинам слепым лицом; удар, мелькание рук и древка — и лезвие наконечника Чыды рассекает один аркан, а второй обматывается вокруг ее крестовины, и не выдержавший рывка воин падает на бок, силясь левой рукой выдернуть из ножен саблю, и выдергивает, перерубая Диким Лезвием веревку, пленником которой внезапно стал...

Первый воин, кинувшийся к освободившемуся шаману, горлом налетел на древко Чыды, мигом растерявшей все кабирские повадки — и вот Куш-тэнгри уже стоит рядом с лежащими воинами, повязка сорвана с лица шамана, гневные черные глаза впиваются в поверженных шулмусов («Хвала Творцу! — шепчу Я-Чэн. — Они не посмели...») — и тургауды Джамухи даже и не пытаются встать, когда Неправильный Шаман поворачивается к ним спиной и машет нам сияющей Чыдой.

— Что он делает?! — шепчет Обломок.

— Кто? — спрашиваю я, потому что Чэн ничего не видит и не слышит, он машет шаману в ответ и что-то кричит...

— Джамуха!

Не покидая ножен, я оборачиваюсь и еще успеваю увидеть, как раскручивается кожаный ремень в руке Джамухи-батинита, из петли превращаясь в полосу, а потом увесистый камень гремит о шлем Чэна, и земля оказывается совсем рядом, а Чэн не откликается, когда я зову его, и я остаюсь один, один, один...

Один против неба.

4

Время сошло с ума: оно рванулось с места и действительно понеслось назад, мелькая днями, неделями, месяцами; пространство свилось кольцами гигантской змеи, ползущей хвостом вперед: Шулма, Кулхан, Мэйлань, Кабир, памятный переулок, дом Коблана, комната-темница...

И холодный блеск маленького клинка над лежащим Чэном Анкором.

— Руку! — вне себя кричу я, забыв обо всем. — Руку, Чэн!..

И рука отозвалась.

Словно паук, отливающий металлическим блеском, словно чешуйчатое пятиногое насекомое, латная перчатка аль-Мутанабби поползла по правому бедру лежащего на боку Чэна, сместилась на живот, коснусь моей рукояти твердыми пальцами — и мы, я и она, упрямо двинулись вперед, вытаскивая меня из ножен и волоча за собой плохо слушавшиеся локоть и плечо бесчувственного Чэна Анкора Вэйского.

Только тогда небо, из которого падала короткая молния Чинкуэды, Змеи Шэн, смогло понять, что я уже не один против него.

Лезвие Чинкуэды наспех полоснуло по запястью, промахнувшись и с бессильным визгом скользнув вдоль наруча, а я бросился вперед, над самой землей, болезненно ощущая груз неподвижного тела Чэна, ограничивавший меня в выпаде.

Мне удалось лишь слабо оцарапать ногу Джамухи чуть повыше щиколотки, но и Джамухе пришлось отпрыгнуть назад и остановиться, тяжело дыша и опустив Чинкуэду.

Придавленный Чэном, что-то кричал Обломок, но мне было не до него.

Удар.

Еще один.

Скрежет панциря под клинком, неприятный вкус кожи доспеха, слабый стон Чэна — и боль в его плече, которую я ощутил как свою, когда пробовал резко взлететь вверх...

И теплые пальцы железной руки.

Джамуха пошел по кругу, держа на отлете готовую напасть Змею Шэн, и я сначала следил за ними, а потом не смог, и тогда латная перчатка вцепилась в меня, чуть ли не кроша рукоять, и мощно пошла вверх и назад, переворачивая вновь застонавшего Чэна на спину.

Удар.

Еще один.

Врешь, не достанешь... врешь!..

Достала.

И кровь проступила на бедре Чэна Анкора, кровь из неглубокого пореза, но Чинкуэда уже устремлялась ко мне, а я не успевал, не успевал я!.. И нога Джамухи с лета ударила по руке аль-Мутанабби, отшвыривая нас в сторону...

— Стой, дрянь!..

Изворачиваясь по совершенно немыслимой дуге, я сперва не сразу понял, что немыслимой дуга эта была лишь в том случае, если бы Чэн продолжал лежать на спине, мертвой тяжестью повиснув сзади меня, — и блеск моего клинка отразился в глазах Чэна, стоящего на одном колене, а в левой руке Чэна гневно звенел Обломок, шут, Кабирский Палач, дорвавшийся до Чинкуэды, Змеи Шэн!

Когда Змея Шэн с проклятьями вылетела из пальцев Джамухи, Я-Чэн (ах, как же это прекрасно — свобода по имени Я-Чэн!..) наискось пронесся у лица Восьмирукого, подцепив на острие вуаль, закрывавшую глаза гурхана, и вырвал ее из шлема.

Я-Чэн хотел посмотреть ему в глаза.

И посмотрел.

Это были глаза Хамиджи-давини.

И их застилали слезы.

5

У нас было время понять, и принять, и остановиться у двери выбора, у двери, за которой лежало будущее, побывавшее в шкуре прошлого; и только прощать у нас не было времени, потому что на нас смотрели те, кто еще не научился — прощать.

Но если когда-то живой человек дрался мертвым оружием за свою жизнь, то сегодня я, Блистающий, дрался полумертвым человеком за нашу общую жизнь. И не только нашу.

Будущее ждало, возбужденно скалясь и рыча.

Чэн наступил ногой на безмолвную Чинкуэду, Змею Шэн; Обломок вернулся за пояс, я — в ножны, и мы неторопливо огляделись вокруг.

...Шулма на холмах сдвинулась на шаг вперед.

Всего на один шаг. Я-Чэн тогда еще не знал, что одновременно с падением Чыды в руки Неправильного Шамана возле каждого нойона племени незаметно оказался человек в смешном халате с побрякушками — отчего десять нойонов, заглянув в неестественно черные глаза слуг Ур-калахая, промолчали, а без их приказа воинов хватило не более, чем на один шаг.

...Телохранители-тургауды Джамухи сдвинулись на два шага.

И ровно на те же два шага сместились к северным холмам пятнадцать кабирцев во главе с невозмутимо-опасным ан-Таньей; а две дюжины Блистающих грозно сверкнули на солнце, выглянувшем из дыры распоротого Чыдой неба.

Мужество почтило мужество, сила — силу, тысяча — немногих, и лавина замерла, так и не скатившись с северных холмов.

...Ни единого шага не сделал Куш-тэнгри, стоя, где стоял, с двумя воинами у ног своих и с Чыдой на плече; он стоял, а осенний ветер играл с серебром волос Неправильного Шамана.

Все ждали нас.

Нас ждало горло Джамухи Восьмирукого, асассина-убийцы, горло несчастной Хамиджи-давини, обуянной кровавым дэвом мести и истины Батин; горло, открытое для этой истины на острие моего клинка.

Все ждали нас.

Чего ждали мы?

Знали ли мы, что будем делать, когда я шевельнулся в ножнах, грани Обломка заиграли солнечными зайчиками, а Чэн улыбнулся в лицо будущему хищной улыбкой пятнистого чауша, медленно начиная расстегивать пряжки доспеха?..

— По-Беседуем, девочка моя? — и наручи глухо ударились оземь. — К чему таким прекрасным со-Беседникам, как мы, эта глупая одежда из далекого прошлого?!

И оплечья вскоре легли рядом с наручами.

— По-Беседуем, девочка-гурхан, восьмирукое чудо Шулмы? Мы ведь не шулмусы, мы не причиним друг другу вреда, клянусь Двенадцатью и Одним!.. — снятый пояс вместе со мной и Дзюттэ Чэн положил у ног, рядом со Змеей Шэн, не отрывая цепкого взгляда от Хамиджи-Джамухи, но та не двигалась с места.

Панцирь упал зерцалом вверх, и серые облака смогли прочитать чеканные слова, пришедшие из восьмивековой старины:

— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл,
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Сброшенный шлем покатился по́ земле, а Чэн уже снимал халат, нижнюю рубаху, оставаясь по пояс обнаженным, вскидывая руки к отшатнувшемуся небу, и Шулма ахнула, увидев чешуйчатую металлическую кожу правой руки; увидев латную перчатку, которую теперь можно было снять только вместе с плотью.

— Ну?! — властно крикнул Чэн, опоясываясь заново и опуская руки на рукояти меня и Дзю.

Носком сапога он подцепил Чинкуэду — и Змея Шэн, по-прежнему не произнеся ни слова, полетела к Джамухе (это имя шло ей больше, это имя больше значило для нас, и я решил звать ее так), которая инстинктивно поймала Тусклую.

— Не хочешь? — рассмеялся Чэн, и мы с Обломком расхохотались, вторя ему. — Гурхан любит доспехи? Гурхан хочет спрятаться в прошлом от будущего?! Ну что ж...

Невидимая чаша оказалась в левой руке Чэна; запрокидывая непокрытую голову, он влил в себя ее содержимое и выхватил меня из ножен.

— Шулма! Твое здоровье!..

— Мо-о аракчи... — отозвалась Шулма. — Асмохат-та!

Безнадежно ударила Змея Шэн — и промахнулась.

Чэн погрозил Джамухе пальцем и извлек из-за пояса Обломка.

Следующий укус Змеи Шэн встретил я, завертев Чинкуэду в стремительном танце, пока Обломок крюком своей гарды цеплял оплечье Джамухи.

Рывок — и хруст кожаных ремней, один из которых лопнул.

Змея Шэн с мастерством отчаяния пыталась обойти меня, прорваться поближе, и я дал ей насладиться мгновенным счастьем удачи, когда Чинкуэда проскользнула вплотную ко мне — попав в неласковые объятия Дзю.

— Брось, Дзю! — крикнул я, гуляя по боковым ремешкам доспеха Джамухи.

— Бросаю! — покладисто согласился Обломок, и Змея Шэн полетела в сторону, а Джамуха кинулась за ней, не замечая, что Дзюттэ снова зацепился за ее оплечье.

Треск рвущей кожи — и оплечье съехало вниз, держась непонятно на чем, а я еще раз прошелся по ремням на правом боку, разрезав не то два, не то три.

Джамуха подхватила Чинкуэду с земли, срывая мешающее ей оплечье и отбрасывая его прочь; а я немного поиграл со Змеей Шэн, временами одобрительно похлопывая Джамуху по запястью.

Плашмя.

Потом все повторилось снова: Дзю, вцепившийся в доспех, я, удерживающий Чинкуэду, Чэн, вкладывающий в рывок всю силу...

После третьего раза кожаный панцирь сполз Джамухе на руки, чуть не заставив выронить Чинкуэду, и Чэн успел подбросить меня и опять поймать, пока Джамуха избавлялась от доспеха, превратившегося в оковы.

Под доспехом на ней был только нижний халат из по-

лосатой ткани, который и резался легче, и рвался куда проще.

Под халатом — туго стянутая нагрудная повязка.

Под повязкой — грудь.

Маленькая и твердая девичья грудь, с остро торчащими сосками; и бесстыдный ветер тут же тронул их своими холодными ладонями.

Чэн опустил меня в ножны, сунул Обломка за пояс и подошел к Джамухе.

Чинкуэда даже не пошевелилась, когда Чэн Анкор раздвинул защитные пластины шлема Джамухи и снял его, обнажив голову девушки-гурхана.

Потом Чэн повернулся к Джамухе спиной.

Змея Шэн не двигалась.

— Шулма! — громко крикнул Чэн-Я. — Это твой владыка, Шулма?!

Лавина дрогнула, глухой ропот прокатился по окрестностям, всколыхнув стоячую воду священного водоема — и Шулма страшно двинулась вниз с холмов, грозя живым валом захлестнуть поле невиданной Беседы.

— Все, — почти беззвучно выдохнула Джамуха. — Вот и все...

Новое будущее с ревом неслось к нам отовсюду, и в реве этом отчетливо слышалось:

— Асмохат-та!...

Для того ли Я-Чэн сумел избежать предсказанного убийства, чтобы опозоренных Джамуху и Чинкуэду, Змею Шэн, растоптала гневная Шулма, мстя за свою поруганную воинскую доблесть?!

— Стойте! — кричал Куш-тэнгри, вместе с Чыдой первым оказавшийся возле нас. — Стойте, неразумные!

Кто мог его услышать?

— ...Остановитесь! — грозно звенел смыкающийся вокруг нас круг Кабира: могучий Коблан с занесенным Шипастым Молчуном, яростная Чин и рвущая ветер в клочья Волчья Метла, гиганты Фальгрим и Гвениль, оскаленный Асахиро со вскинутым Но-дачи; Кунда Вонг и Маскин, и вставшие плечом к плечу Фариза с Эмрахом, морщинистая матушка Ци с Чань-бо, Посохом Сосредоточения... Ниру, закрывавшая рукой новорожденный нож Бао-Гунь, Кос, ощетинившийся жалами Сая и Заррахида, Диомед и Бронзовый Жнец... батиниты, Тусклые, Кулай, Тохтар, дети Ориджа, бывшие Дикие Лезвия, восемь молодых маалеев...

Мало.

Мало!..

...С северных холмов, впереди всех, неслись тургауды Джамухи, завывая бешеными волками при гоне добычи.

Тысячная стая.

И как ременной бич при ударе трижды обвивает столб, так тысяча конных тургаудов, не коснувшись круга Кабира, охватила его тройным кольцом, устремив наружу острия Диких Лезвий.

— Назад!.. — словно тысяча плетей разом хлестнула по набегавшим степнякам.

И Шулма остановилась, сбиваясь в кучу.

Коблан и Фальгрим молча расступились, давая проход, когда ко Мне-Чэну направился спешившийся воин, тысячник тумена Джангар-багатур.

— Я — Джангар-несчастный, — сказал он, не поднимая глаз, — глава опозоренных. Прикажи умереть, Асмохат-та!

Он упал на колени, и я не успел опомниться, как Джангар поцеловал край моих ножен.

— Восемьсот лет тому назад, — задумчиво протянул Обломок, глядя сверху вниз на коленопреклоненного Джангара, — все было совсем не так. Да. Совсем не так... Интересно все-таки: это конец или опять начало?

— Не знаю, — глухо ответил Я-Чэн. — Не знаю.

— И я не знаю, — легко согласился Обломок.

Он подумал и добавил:

— И знать не хочу.

ЭПИЛОГ

Дрожащий
Луч
Играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

А. Белый

1

Когда Дауд Абу-Салим, эмир Кабирский, бывал не в духе — а в последние годы эмир Дауд бывал не в духе чуть ли не через день, — он старался уехать в загородный дом семьи Абу-Салим, где уединялся в зале Посвящения и

долго бродил из угла в угол, хмуро глядя в пол, покрытый цветными мозаичными плитками.

Вот и сейчас эмир Дауд мерял зал Посвящения тяжелыми шагами, а золотые курильницы в виде мифических чудовищ со скорбными рубиновыми глазами наблюдали из углов за владыкой Кабира — грузным мужчиной с седыми вислыми усами и горбатым носом хищной птицы, мужчиной, чья прежняя обманчивая медлительность теперь все больше переставала быть обманчивой.

В очередной раз дойдя до двери, Дауд на миг остановился, вспомнив, как пять лет тому назад вот на этом самом месте стояла клетка с диким пятнистым чаушем, неистово рвавшимся на волю, а левее, на шаг от порога, стоял однорукий Чэн Анкор, живая легенда тогдашнего Кабира; а вон там, на помосте, где возвышается подставка с ятаганом дяди Дауда, старого Абд-аль-Аттахии по прозвищу Пыльный Плащ, подле рукояти этого старого ятагана...

Да, там стоял он сам, Дауд Абу-Салим, со скрытым страхом глядя на железную руку Чэна Анкора, которой тот небрежно касался своего любимого меча вэйской ковки и закала, прозванного в Кабире Мэйланьским Единорогом.

Где сгинул ты, веселый Чэн, любимец кабирцев, герой турниров; в каких краях затерялся твой легкий меч? Последние вести от тебя, наследник Анкоров Вэйских, пришли из Мэйланя, и безрадостными были эти вести. Тайна смертей в городах эмирата превратилась во внешнюю угрозу, в опасность нашествия — и сперва в Совете Высших Мэйланя появились асассины, знатоки убийств, а там и не только в Мэйлане...

Пять лет готовились жители эмирата встретить врага, и множество подростков превратились за это время в двадцатилетних юношей, твердо знающих, что убивать — можно.

Можно.

На последнем турнире в Хаффе десять состязающихся не смогли продемонстрировать необходимого Мастерства Контроля, зато восемь участников были ранены, двое — тяжело... Это только в Хаффе, а в Дурбане и Хине — и того больше.

Кабирский турнир — главный, столичный, случавшийся раз в году — эмир Дауд отменил своей волей, ни с кем не советуясь.

А случаи вооруженных грабежей на улицах городов? А разбойники, перерезавшие торговые пути из Кимены и Лоулеза? Покушение на правителя Оразма? Сумасшедший пророк Гасан ас-Саббах, объявивший, что «в крови — спасение», и засевший со своими сторонниками в неприступ-

ном Орлином гнезде на перевале Фурраш — но во многих беспорядках видна длинная рука безумного Гасана!..

О Творец, за что ты проклял Кабир?!

Эмир Дауд двинулся от двери к помосту, на котором стояла подставка со старым клинком, и собственный ятаган эмира — точно такой же, как и на подставке, но гораздо богаче украшенный золотом и драгоценными камнями — при каждом шаге похлопывал по бедру Дауда Абу-Салима, словно подгоняя.

Почему-то сегодня это раздражало эмира. Дойдя до помоста, он поднялся на него, подошел к стене со вбитым в нее бронзовым крюком — и вскоре эмир по-прежнему мерял зал Посвящения тяжелыми шагами, а его ятаган, который еще далекий предок Дауда прозвал Шешезом, или «Лбом Небесного быка», повис на крюке, зацепившись за него кольцом ножен.

Покосившись на ятаганы — тот, что на крюке и тот, что на подставке — эмир Дауд сперва с кривой усмешкой подумал, что древние клинки не меньше походят на племянника и дядю, чем он сам и седой Абд-аль-Аттахия Пыльный Плащ; а еще эмир Дауд подумал, что Абд-аль-Аттахия решил завещать свой любимый ятаган последнему из многочисленных сыновей Пыльного Плаща, родившемуся у Абд-аль-Аттахии, когда тому исполнилось семьдесят два года а он сам, эмир Кабирский Дауд Абу-Салим, погрязший в делах государственных, в свои пятьдесят восемь если и заходит к женам, то раз в декаду...

Хороший мальчишка у дяди Абд-аль-Аттахии! Небось, носится сейчас по всему имению или хвостом ходит за шутом Друдлом, чудом выжившим после той памятной резни пятилетней давности... Вот кто не изменился за все эти годы — так это Друдл Муздрый! Разве что и без того нелегкий характер шута стал еще более желчным, и ходит Друдл чуть скособочившись (дает себя знать старая рана, стянувшая мышцы живота); но ум и язык шута до сих пор спорят: кто из них острее?

Да и кто лучше научит юного двоюродного брата эмира (Дауд Абу-Салим улыбнулся уже веселее: пятилетний мальчишка и он, эмир Дауд — братья!) владеть оружием, чем Друдл? Правда, с той самой ночи, когда маленький ятаган шута был сломан, а тупой кинжал-дзюттэ увезен Чэном Анкором, шут отказывается носить оружие. Многие в Кабире до сих пор помнят причуду шута, когда, едва придя в себя, Друдл устроил пышные похороны своему сломанному ятагану, прибыв на носилках и с них же прочитав заупокойную молитву.

Шут...

Впрочем, именно тот же Друдл, когда эмир поделился с

ним своими заботами относительно участившегося насилия, приволок на следующий день неизвестно где выкопанные им пергаментные свитки чуть ли не восьмивековой давности, и как бы невзначай принялся читать о публичных смертных казнях с целью наказания тех, кто совершил тяжкие преступления, и устрашения тех, кто только задумывал оные.

С тех пор и засела в голове эмира Дауда эта мысль. Страшная мысль. Дикая мысль. Державная мысль. Мысль смутного времени. Тем более, что вроде бы в те, прошлые дни, в минуту смерти преступника помощник палача ломал и его фамильное (или просто любимое) оружие.

Что может больше устрашить родившегося в Кабирском эмирате, но родившегося в плохие годы?

Страшная мысль. Державная. Впору иногда кричать беззвучно: «Замолчи, шут!..»

Испугает ли безумного Гасана ас-Саббаха публичная казнь кого-то из его сторонников — или нет?

Кто знает...

Эмир бесцельно кружил по залу, как загнанный зверь, пытаясь представить себе лицо никогда не виданного им пророка Гасана. Это ему не удалось, но зато Дауд вспомнил, что сегодня в полдень в загородный дом должны тайно доставить местного оружейника Мансайю Одноглазого и знаменитого хинского алхимика Саафа бен-Саафа, прибывшего в Кабир около месяца назад.

Оба они — и алхимик, и оружейник — утверждали, что у них есть средство, способное выкурить проклятого Гасана из его Орлиного гнезда, и что средство это в состоянии остановить любого внешнего врага.

Эмир не верил в сказки.

И боялся признаться самому себе, что сейчас готов поверить во что угодно.

Потому что три недели назад гонец доложил Дауду Абу-Салиму о людях, явившихся со стороны северных, считавшихся непроходимыми, отрогов Сафед-Кух, и люди эти называли себя посольством Великой Шулмы.

Им дали проводников, охрану на случай встречи с разбойниками (проклятье, еще не так давно никакой охраны не понадобилось бы!) и отправили в столицу.

Еще через неделю измученный гонец, загнавший нескольких лошадей, сообщил эмиру, что посольство пропало. Проснувшиеся одним не слишком прекрасным утром охранники и проводники обнаружили ничем не объяснимое отсутствие послов, их лошадей и имущества.

Поиски ничего не дали.

О Творец, Творец... за что ты проклял Кабир?!

...Дверь распахнулась — очевидно, ее бесцеремонно пнули снаружи — и в зал Посвящения шумно ворвался шут Друдл, на шее которого восседал сияющий мальчишка — Абу-т-Тайиб Абу-Салим, сын Абд-аль-Аттахии, Пыльного Плаща.

— Иго-го-го! — заливисто ржал шут, и маленький Абу-т-Тайиб восторженно вторил ему. — А вот и мы, великий эмир, вот и мы, великие послы Великой Шулмы! Вот и мы, послы Шулмы, где степь, шулмусы да холмы... иго-го-го!..

Эмир Дауд хотел оборвать это безобразие, но не смог — он любил обоих, и шута, и мальчишку — и те знали это, нередко пользуясь правами, что давала им любовь сурового эмира.

Мальчишка соскочил с Друдла и кинулся к помосту, где на подставке лежал ятаган его отца.

— Здравствуй, Фархадик! — кричал он, как могут кричать и вести себя только дети. — Скучал без меня? Не скучай — я быстро расту! Я скоро вырасту большой-пребольшой — и буду размахивать тобой, как перышком! Честное слово! Ты только немножко подожди!..

— Погоди, могучий воин! — остановил его Друдл, смешно морща лицо. — Мы ведь забыли сказать светлейшему эмиру, что пришли сюда не одни... Как ты считаешь, герой, надо сказать об этом светлейшему эмиру?

Удивленный Дауд перевел взгляд с ребенка на Друдла, потом — на дверной проем...

Стоявшего там беловолосого гиганта эмир узнал мгновенно, несмотря на годы и заботы, отягощавшие память Дауда Абу-Салима.

— Здравствуй, Фальгрим! — прошептал эмир. — Ты пришел из прошлого, лоулезец? Из того прошлого, когда день был ясен, а из никому не ведомой Шулмы не приходили в Кабир странные послы и дурные вести? Ты из прошлого, Фальгрим?

Фальгрим с поклоном шагнул в зал и остановился, уперев свой двуручный эспадон в плиты пола и сложив руки на его рукояти.

— Нет, о солнцеподобный эмир, я не из прошлого! Я из будущего! Когда из Шулмы уже не приходят дурные вести, зато ездят послы! И одного из них великий эмир видит перед собой!

— Ну вот, а что я говорил?! — заявил Друдл, глядя на побледневшего эмира Дауда. — Кричу: это мы, послы Шулмы — а никто не верит! Даже светлейшие умы...

2

Человек, занимающий должность управляющего хозяйством загородного дома семьи Абу-Салим, согласно старой традиции, назывался — векиль.

Человека же, долго топтавшегося у двери зала Посвящения и не решавшегося ни постучать, ни войти — этого человека мама звала Ниязиком, соседи — уважаемым Ниязом ибн-Джалалом, слуги — досточтимым векилем Ниязом, а в списках городского кади он значился, как Нияз ибн-Джалал ан-Кабири.

Человек, которого звали по-разному, приподнял чалму, вытер ладонью вспотевшую бритую макушку, опустил чалму на место, зачем-то тронул рукоять короткого прямого кинжала за поясом — и с тоской посмотрел на закрытую дверь, откуда доносился веселый шум и взрывы хохота.

«Полагаю, что в Восьмом аду Хракуташа для векилей отведено особое, не слишком жаркое местечко!» — подумал досточтимый векиль Нияз.

Все сегодняшние неприятности начались с появления у ворот имения добрых двух десятков незнакомцев, настаивающих на аудиенции великого эмира — как раз в тот момент, когда великий эмир уединился в зале Посвящения, что предупреждало всякого: «Не тронь рассерженного льва!»

Сам векиль Нияз в препирательствах не участвовал, опоясавшись поясом мудрости и собравшись послать за эмирскими гулямами в случае безобразий — поскольку часть гостей была весьма разбойного вида, — но, обернувшись, векиль Нияз сперва увидел, как трое привратников ткнулись носами в решетку, зачем-то уставившись на двоих гостей в странных халатах со множеством побрякушек (один из этой парочки был безоружен, а второй держал в руках копье-чыду явно хакасской работы), а потом...

А потом привратники, двигаясь неестественно медленно, открыли ворота — и толпа пришельцев хлынула в имение.

Векиль Нияз вспомнил всю многочисленную родню Ушастого Демона У, а дойдя до двоюродного дедушки — узнал ехавшего впереди великана с огромным эспадоном на плече; узнал, хотя видел его в последний раз не то пять, не то шесть лет тому назад.

— Высший Фальгрим! — истошно завопил несчастный векиль Нияз. — Вы ли это?! Что ж вы сразу-то не объявили — кто мол, да что...

— Не бойся, еще объявим! — вынырнул из-за Фальгрима смуглый весельчак с кривым мечом-махайрой на бо-

ку; и когда лошадь смуглого оскалила зубы в подозрительной усмешке, векиль вздохнул с некоторым облегчением: на скалящейся лошади восседал не кто иной, как Диомед Кименец, уехавший из Кабира примерно в то же время, что и Фальгрим Беловолосый, лорд Лоулезский.

— Иго-го-го! — заржал кто-то прямо в ухо векилю Ниязу, и в пострадавшем ухе невидимые кузнецы ударили молотами по невидимым наковальням. — Ах, какие господа к нам заехали сюда! Как у Друдла-дурака стала мокрая щека — слезы катятся, как будто в глаз насыпали песка!..

— Друдл! — раненым буйволом взревел Беловолосый, и невидимые кузнецы перебрались из одного уха векиля Нияза в другое. — Старый мерзавец! Живой!.. Клянусь замками Лоула — живой!..

Вихрем слетев с коня, Фальгрим сунул свой эспадон Кименцу, облапил ухмыляющегося шута и, как ребенка, подбросил Друдла в воздух, даже не заметив, что у шута на плечах сидит пятилетний мальчишка, донельзя осчастливленный таким поворотом дел.

Фальгрим орал, Друдл смеялся, мальчишка визжал, Диомед старался их всех перекричать, остальные гости переговаривались между собой, слуги и привратники не отставали — и шум поднялся совершенно невообразимый.

Молчал один векиль Нияз.

Он молчал даже тогда, когда высвободившийся Друдл ухватил Фальгрима за руку и потащил в дом.

Он молчал потом, ожидая неизвестно чего.

Он молчал и тогда, когда из дома выскочил растрепанный Дауд Абу-Салим, эмир Кабирский, помолодевший лет на двадцать, и приказал немедленно впустить всех (к счастью, наиболее разбойные личности отъехали в сторону, и один из них тихо попросил накормить их в павильоне для слуг) и накрывать праздничный дастархан, да не где-нибудь, а прямо в зале Посвящения, и на полу, как пировали предки, и вина побольше, озера вина, реки вина, моря и океаны вина!..

Вообще с того дня досточтимый векиль Нияз стал очень молчаливым человеком, каким и прожил до девяноста трех лет, после чего молча умер в окружении рыдающих родственников...

Но это случится нескоро — а сейчас векиль Нияз стоит у двери зала Посвящения и не может решиться.

Нет, кажется, уже решился...

Векиль чуть-чуть приоткрыл дверь (хвала Творцу, не заскрипела!) и приложил к образовавшейся щели ухо.

Было слышно, но не видно.

Тогда векиль убрал ухо и приложил глаз.

Стало видно, но почти не слышно.

Тогда векиль Нияз стал делать это поочередно — и это привело досточтимого Нияза к желаемому результату.

— ...Жив он, — бурно рассказывал Фальгрим, — живздоров, что ему сделается! Асмохат-та у нас молодцом! За пять лет — шесть детей от двух жен!.. Вот я ж и говорю — молодцом! Правда, иногда говорит мне: «Ты знаешь, Фальгрим, лучше б я ее тогда убил!» Как это — кого? Жену свою вторую... Восьмирукую. Мы еще волновались, как сейчас помню — воплощение Мо свою же внучку за себя берет! Ужас! Кровосмещение! Дети-то какие пойдут?! Чин нас успокоила — и как в священный водоем глядела... Хорошие дети! Отличные дети! Среднего Фальгримом назвали...

— А старшего? — поинтересовался эмир Дауд.

— Старшего — Друдлом! Я Чэна пугал — дескать, наследник шутом вырастет! Ничего, говорит, пусть растет...

— Бедный эмир! — притворно застонал шут. — Как же ты будешь без меня править? Ай, бедный-бедный эмир!..

— Да куда ж ты денешься-то? — смеясь, спросил эмир Дауд.

— В Шулму уеду! На тезку своего посмотреть! Шуты, как трава, не растут — их поливать надо, удобрять, умуразуму учить... Эй, Диомед, вы когда назад поедете, свистните — мне собраться — только подпоясаться!

— И впрямь, шуты — что коты! — беззлобно пошутил эмир. — Беды в дом — коты из дома! Мне б куда уехать...

— Знаем, — ненавязчиво вмешался Диомед. — Ты, светлейший эмир, что думаешь — зря мы от охраны с проводниками сбежали? Зачем нам в Кабирском эмирате проводники, а тем более — охрана?! Так что видели, и слышали, и лицом к лицу сталкивались... С людьми говорили, и не только с людьми...

Эмир Дауд удивленно поднял бровь, но переспрашивать не стал.

— И в Бехзде на малом турнире побывали, целый день на позорище это смотрели; и про сумасшедшего Гасана из Орлиного гнезда слышали, и разбойнички нам попадались! Только разве ж это разбойники? Вот когда мы по всей Шулме за найманами-староверами гонялись — так то разбойники были!.. А у вас — так, ерунда, дети неразумные... Мы с ними по душам потолковали, Блистающим напомнили, кто они такие есть на самом деле (эмир Дауд непонимающе нахмурился) — так эта, извините, банда Кривого Мустафы нас до

самого Кабира провожала, пылинки с нас сдували и спорили меж собой, кто сегодня Махайру полировать будет!

Векиль Нияз отпрянул от двери, только сейчас сообразив, кто были те люди, которые отправились трапезничать в павильон для слуг.

Но любопытство пересилило, и вскоре в щели вновь замелькали то ухо, то глаз, а то и вовсе нос.

— Это еще не беды, светлейший эмир, — мягко заметила морщинистая старуха, сидевшая рядом с Друдлом и державшая его за руку, словно боясь, что шут исчезнет. — Кабир много веков спокойным стоял, и лишь последние пять лет закипать начал. Это Шулма века кипела, а сейчас успокаиваться стала! Нынче не время — а после поговорим, как и чем Масудов огонь гасить, да так, чтоб не полыхал, но и не угасал совсем! Да, Пересмешник?

— Да, Матушка, — улыбаясь от уха до уха, отозвался Друдл. — Воистину — да.

— А на безумных пророков у нас свои пророки имеются, — добавил Диомед. — Умные.

— Это ты о Ковыряге? — внешне невинно поинтересовался Фальгрим, и все посольство расхохоталось.

— Нет, Фальгрим, не о нем. Для Ковыряги этот Гасан слишком мелок. Я о слугах Ур-калахая. Верно, Куш-тэнгри и Бач-тэнгри?

— Верно, — коротко отозвались оба шулмуса в халатах с побрякушками, и эмир Дауд, на миг встретившись с ними глазами, неожиданно для самого себя пожалел безумного Гасана ас-Саббаха.

Чаши с вином вновь загуляли по кругу, и векиль Нияз, набравшись храбрости, пролез в щель до половины.

— О светлейший эмир, — выдохнул Нияз, словно бросаясь в ледяную воду, — там...

— Кто там? — добродушно крикнул эмир Дауд, и у Нияза отлегло от сердца.

— Там, у входа, почтенный устад Мансайя Одноглазый и хинский алхимик Сааф бен-Сааф. Говорят — эмир им назначал...

— Пускай их! — махнул рукой Дауд Абу-Салим, и векиль Нияз со всех ног бросился выполнять приказ.

...Прошло совсем немного времени, и в чашах еще не успело показаться дно, когда в зал Посвящения вошли двое: коренастый пожилой кузнец, чей правый глаз закрывала черная повязка, и старик с длинной седой бородой и в островерхом колпаке плотного сукна.

Оба низко поклонились, с некоторым недоумением глядя на происходящее.

В руках у кузнеца был некий предмет, длиной почти в человеческий рост, тщательно завернутый в промаслившуюся ткань, а за спиной висел лист бронзы и деревянная, окованная металлом тренога; старик нес мешочек размером с голову ребенка.

От предложенного вина гости отказались, и спустя недолгое время, в ответ на просьбу эмира Дауда удовлетворить его любопытство, старик развязал свой мешочек и высыпал в низкую металлическую плошку немного угольно-серого зернистого порошка со слабым неприятным запахом.

И ударил над плошкой кресалом.

Порошок, поймав искру на лету, жадно вспыхнул, исторгнув облако зловонного дыма — и быстро угас.

Все долго молчали.

— Это поможет мне выкурить Гасана ас-Саббаха из Орлиного гнезда? — вежливо поинтересовался эмир Дауд.

Сааф бен-Сааф молча достал из сумы, висевшей у него на боку, маленький, наглухо запечатанный и залитый смолой горшочек из необожженной глины, размером примерно в два мужских кулака; из горшочка свисал длинный промасленный фитиль.

— Здесь то же самое, — бросил неразговорчивый алхимик, отходя к самой двери, опуская горшочек на пол и чиркая кресалом над концом фитиля — удалившись при этом от самого горшка на несколько шагов.

Словно крохотный вулкан взорвался у двери, обдав собравшихся сернистой вонью, и осколки глиняного горшка градом ударили по стенам, а зал заволокло дымом.

Алхимик спокойно ждал, пока вскочивший на ноги эмир и его сотрапезники успокоятся.

— Если твои каменотесы, о светлейший эмир, сделают в скале, на которой стоит Орлиное гнездо проклятого ас-Саббаха, — заговорил наконец Сааф бен-Сааф, — необходимое количество скважин, куда поставят большие горшки с моим порошком — то достаточно будет несколько раз ударить кресалом, чтобы пророк Гасан начал летать вместе с орлами! И боюсь, что ему это мало понравится... Но я еще не все показал тебе, светлейший эмир! Устад Мансайя, ваша очередь!

Пожилой кузнец кивнул, размотал ткань — и глазам собравшихся явилась престранная вещь. Полая внутри трубка толщиной примерно в полтора копейных древка и длиной около трех локтей, схваченная по всей длине стальными кольца-

ми, была укреплена на деревянном расширяющемся ложе, инкрустированном серебром и перламутровыми пластинами.

Затем кузнец взял принесенный им большой лист бронзы и отнес его к стене зала, где и установил.

После вернулся к своему творению, взгромоздил его на массивную треногу, направил трубку на бронзовый лист и достал из-за пояса короткий факел.

Подошедший алхимик в очередной раз чиркнул своим кресалом, факел отчего-то не вспыхнул, а начал тлеть — и кузнец поднес его к предмету на треноге.

Раздался взрыв, и куски рубленого металла со свистом и грохотом вылетели из жерла трубки и ударили в лист, разрывая бронзу.

Кузнец удовлетворенно хмыкнул, потирая ушибленное отдачей плечо, а алхимик торжественно приблизился к пробитому листу.

На помосте встревоженно вибрировали два старых ятагана, двуручный эспадон Фальгрима, махайра Диомеда и остальное оружие прибывших гостей.

— Вот, — гордо заявил Сааф бен-Сааф. — Запомни сегодняшний день, великий эмир Дауд Абу-Салим — ибо с этого дня начинается новая эпоха!

Все молчали.

Пятилетний Абу-т-Тайиб, не выдержав, приблизился к кузнецу Мансайе и кончиком пальца коснулся детища алхимика и кузнеца.

— Я скоро вырасту, — сказал мальчик. — Я скоро вырасту — и тогда ты подаришь мне ее, дядя кузнец? Правда? А себе ты сделаешь другую... Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулся одноглазый кузнец. — Хорошо, о сиятельный Абу-т-Тайиб! С позволения эмира Дауда, я дарю ее тебе уже сейчас! Да будут дни твои долгими и беспечальными, потомок Абу-Салимов!

— Я буду звать ее, — мальчик зажмурился от нахлынувшего волнения, — я буду звать ее аз-Зайда, что значит «Неукротимая»! Да, я буду звать ее именно так!

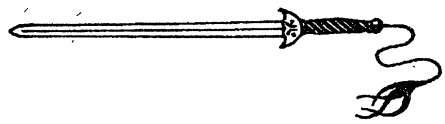
Все молчали.

Шут Друдл подошел к ребенку и долго смотрел на вещь по имени аз-Зайда.

— Будь проклят тот день, — тихо сказал шут, — будь проклят тот день, когда оружию стали давать имена!..

И тень недоумения затуманила ясный взгляд маленького Абу-т-Тайиба; тень, в глубине которой медленно сгущалась багровая пелена.

ГЛОССАРИЙ
названий оружия
с позиции аналогов земной истории и географии*

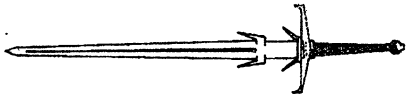


ДАН ГЬЕН

Китай, узкий прямолезвийный обоюдоострый меч с гибким клинком. Используется также в парном варианте для занятий в некоторых школах тайцзицюань и «пьяного меча» (цзуйцзянь).

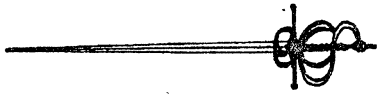
ВОЛЧЬЯ МЕТЛА

Дальний Восток, копье с зазубренными шипообразными веточками от наконечника до середины древка. Известно также под названием «волчий хвост».



ЭСПАДОН

Европа, двуручный меч в рост человека с прямым обоюдоострым клинком и мощной крестовиной. Оружие пешего воина, в частности панцирной пехоты.



ЭСТОК

Европа, меч-шпага позднего рыцарства с достаточно узким клинком, пригодным для нанесения колющих ударов.

---

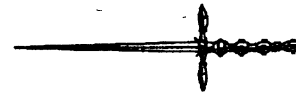
* Названия даны в порядке их появления в тексте романа.

ЯТАГАН

Юго-западная Азия (пример — Османская империя). Кривой тяжелый меч — европейская традиция относит его к саблям — с заточкой по вогнутой стороне клинка.

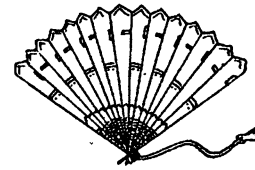
НАГИНАТА

Япония, алебарда, древковое оружие с тонким, длинным, слегка изогнутым и расширяющимся к концу клинком.



СТИЛЕТ

Европа (в частности — Италия), вариант кинжала с узким граненым (или даже круглым) клинком без режущей кромки.

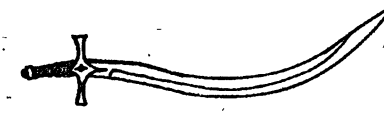


ТЭССЭН

Япония, боевой металлический веер с заточенными пластинами.

МАЛХУС

Балканы, кривой тяжелый меч.



КИЛИЧ

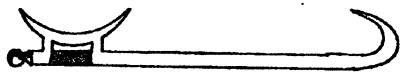
Турция, сабля.

ШАМШЕР

Арабская сабля, встречающаяся по всей Центральной и Юго-Западной Азии.

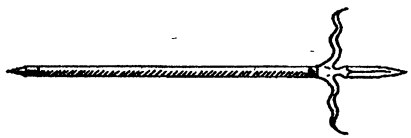
ДА-ДАО

Китай, «большой меч», близок к древковому оружию, поскольку кривой и тяжелый клинок с расширением к концу и односторонней заточкой крепится к рукояти, по длине равной длине клинка (или даже его превышающей).



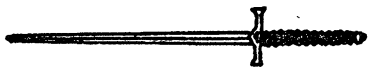
ЦЗЯНЬГОУ

Китай, меч-крюк, клинок прямой обоюдоострый с небольшим серповидным крюком с одной стороны клинка близко к острию.



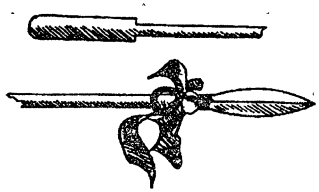
ЦЗИ

Китай, трезубец, иногда боковые острия выгнуты особым образом, за что получили название «усов дракона».



КОНЧАР

граненый азиатский кинжал или стилет.

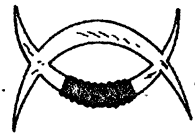


ЧИАНЬ

Китай, тяжелое копье с широким листообразным наконечником и утолщением на другой стороне древка.

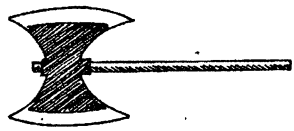
МАХАЙРА

Древняя Греция, кривой серповидный меч.



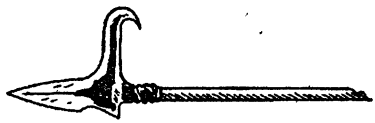
ЦЗЫУ-ЮАНЬЯН-ЫЭ

малая секирка «север-юг», Китай, немного близка к кастету с рожками. Иногда используется в качестве метательного оружия.



ЛАБРОС

двойная критская секира, популярная во всей Греции.



ГЕ

Китай, боевой клевец (в русской транскрипции иногда пишется «гэ»). Древковое оружие с разной длиной древка.

СО

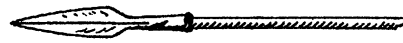
японское копье («со яри»).

ГОУБАН

китайский древковый серп.

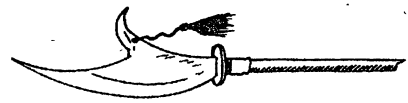
ЭНКОС

архаичная Греция, Микены, массивное копье.



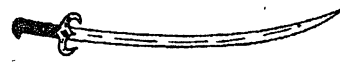
САРИССА

Македония, длинное тяжелое копье, которыми вооружались фалангисты.



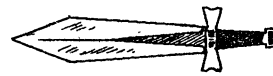
КВАН-ДО

Корея, Китай, известно и под другими названиями. Древковое оружие типа алебарды.



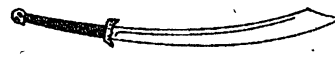
КАРАВЕЛЛА

польская сабля.



ГЛАДИУС

короткий прямой римский меч.



Н'ГУСУ

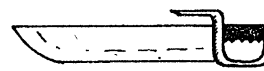
Африка, двуручный однолезвийный меч длиною до полутора метров. Клинок имеет сабельный изгиб и елмань-расширение в конце.

ХЕПЕШ

Египет, кривой меч, напоминающий ятаган с длинной рукоятью.

ТАЛВАР

индийская сабля, довольно тяжелая, с полуторасторонней заточкой.



ТАО

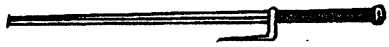
китайский нож-тесак с очень широким клинком.

КРИС

Малайзия, Ява, Суматра и т. д., меч или кинжал с прямым обоюдоострым клинком, зачастую волнообразным или пламевидным. У рукояти клинок резко расширяется, что заменяет гарду.

ПАНГА

Африка, Зимбабве, кривой и одновременно обоюдоострый меч.

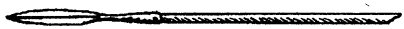


ДЗЮТТЭ

Япония, тупой граненый (или круглый) кинжал с односторонней изогнутой гардой.

КАТАКАМА ЯРИ

Японское копье с добавочным крюком, загибающимся вверх.

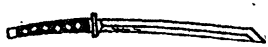


ФРАМЕЯ

копье древних германцев, напоминающее римский пилум.

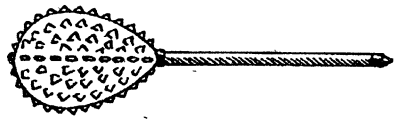
НО-ДАЧИ

Япония, большой двуручный «меч для поля» длиной примерно в рост человека. Заточка односторонняя, гарда (цуба) небольшая, в основном овальная.



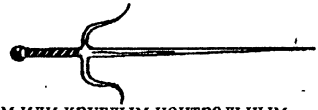
КУСУНГОБУ

японский нож, предназначенный для совершения обряда сэппуку (самоубийства).



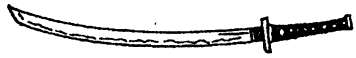
ГЕРДАН

двуручная тяжелая палица с шипами, Средняя Азия.



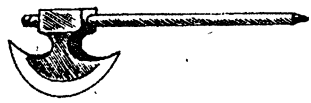
САЙ

Окинава, стилет-трезубец с граненым или круглым центральным клинком и двумя боковыми, выгибающимися наружу.



ШОТО

Япония, короткий меч, по форме такой же, как Но-дачи или катана, но с длиной лезвия около полуметра. Однолезвийный, слабоизогнутый.

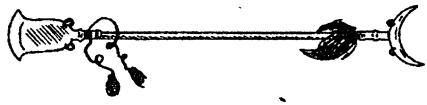


ШУАН

китайский парный топор.

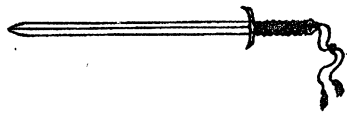
ЧИНКУЭДА

итальянский прямой короткий меч с обоюдоострым клинком, очень широким у рукояти.



ЧАНЬ-БО

посох буддийского монаха, Восточная Азия.

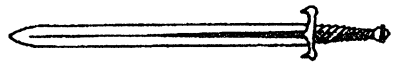


ЦЗЯНЬ

общее название китайских прямых обоюдоострых мечей с достаточно легким и гибким лезвием, предназначенных в основном для колющих ударов. Меч Дан Гьен тоже входит в семейство мечей Цзянь.

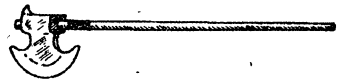
ПУДДХА

индийский прямой обоюдоострый меч с поперечной рукоятью и гардой, полностью закрывающей руку до середины предплечья (аналог наруча).



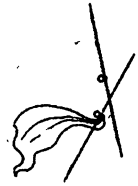
КХАНДА

индийский прямой тяжелый меч.



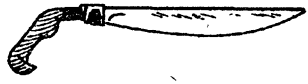
МАСАКИРИ-КАЙ

японский двуручный топор.



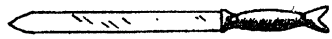
ЭМЕЙСКИЕ СПИЦЫ

круглые спицы с острыми концами и колечком посередине, куда продевались пальцы. Изредка к эмейским спицам крепились яркие платки.



БАДЕК

индонезийский нож.



ЛАНДИНГ ТЕРУС

прямой малайско-индонезийский кинжал.

ЧЫДА

хакасское тяжелое копье.

Генри Лайон Олди: поэтика центона

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода
В гибком зеркале природы.
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.
В. Хлебников.

В период поздней Римской империи родился и приобрел популярность жанр центона. Дословно этот термин означает «одежда, сшитая из лоскутьев», а в переносном смысле — «произведение, собранное из фрагментов другого, обычно классического текста; художественный эффект такой формы — в том, что читатель воспринимает каждый фрагмент одновременно в двух планах, в новом контексте и припоминаемом старом контексте, и контексты эти могут то сближаться, то сильно расходиться». (М. Гаспаров. В кн. «Поздняя римская поэзия».) Потом этот жанр стали считать чересчур сложным, декоративным. А потом забыли. Но мы запомним: центон — порождение поздней, сложной культуры времен крушения империй и смены верований. И во многом есть игра.

Неожиданно о центоне вновь заговорили во второй половине нашего столетия. Причем применительно к таким разным авторам, как Хорхе Луис Борхес и Майкл Муркок, у которых, кажется, общего только то, что они фантасты. Но, если приглядеться...

...После распада нашей империи и смены наших идеологий невиданной популярностью стала пользоваться в России литература «фэнтези». На что есть причины — раньше читателя от нее тщательно оберегали, а всякое действие равно противодействию. И ломанулись с книжных страниц эльфы, гномы, драконы, рыцари с проклятыми мечами, зачарованные принцессы, мудрые маги, злобные колдуны и т. п. За несколько лет все это успело основательно прискучить и внушить мысль, что «фэнтези» окончательно себя исчерпала.

Пример Генри Лайона Олди доказывает обратное.

Вся литература «фэнтези», которую нам преподносили до сих пор, была ориентирована на одну историческую эпоху, на один культурный пласт — европейское средневековье. Те, кто первыми начали разрабатывать эту жилу, создали шедевры. А затем нахлынула толпа старателей, и пошла пустая руда.

Г. Л. Олди вывел (или вывели?) фэнтези из того англо-саксонско-кельтско-скандинавского мира, где она была за-

перта. Оказалось, что кругом лежат неосвоенные миры античности, миры Индии, Японии и Китая, арабского Востока, миры Великой Степи и бог знает, какие еще...

Но это лишь внешнее открытие. Разумеется, можно им и ограничиться. И видеть в романах Олди прежде всего увлекательные истории приключений. Тем более, что они таковыми и вправду являются. И магическая бутафория жанра в них присутствует вовсю. И чудовища, и вампиры, и оборотни. И чудесное оружие — мечта всякого подростка и очкастого книжника.

«Оружие. Узкое, чуть вогнутое лезвие синей стали. Два локтя от скоса острия до овальной гарды. Рукоять в полклинка, продолжающая общий изгиб обтяжка — из кожи неведомого морского зверя, шершавой, как наждак. Не скользила такая рукоять в умелой ладони, и рубил меч бронзу без зазубрин, и воздух — без свиста». («Сумерки мира».)

И герои, безусловно, герои, которыми те самые подросток и очкастый книжник мечтают быть, герои, тем самым оружием сражающие чудовищ, вампиров, мороков...

> Страшен образ былой красоты... Поползут страшные рассказы о ее лютости и непобедимости, хотя никто ее в глаза не видал. И черной правдой-клеветой зальют ее лик, изуродованный и оболганный злобой и местью бога, не прощающего непокорства. Одичает сердце, озвереет мысль, зарычит слово. Станет сладка месть за месть, ненависть за ненависть. И в чудовищном образе родится душа-чудовище, дракон в драконе, людоед в людоеде.
>
> Так пусть же родится герой-избавитель, не знающий страха, и поразит чудовище. Прикажет время, и придет герой.
>
> *Я. Голосовкер «Сказания о титанах»*

Но если подросток (неважно, сколько ему в действительности лет) с головой уйдет в приключения, то книжник протрет очки и призадумается. Тем более, где «книжность» переходит в «героичность» — вопрос спорный. Ту же технику «пьяного меча», что играет столь важную роль в романе «Путь меча», придумал не кто иной, как великий китайский поэт Ли Бо. Человек книги. И увидит он, что все, что сказано, уже было, и не скрывается, что уже было, а говорится, чтобы поняли. И не имеет значения, скажем, что в реальной истории Гасан ас-Саббах, Горный Старец, был основателем секты фидави-исмаилитов, в Европе называемых асассинами, а в романе «Путь меча» асассины предшествуют Гасану ас-Саббаху. Ведь каждый предмет отбрасывает тень в зависимости от времени суток, а раз так — все пойдет в дело. И арабская поэзия, и даосская философия, и замшелый советский анекдот — в дело, и гениальный рассказ Урсулы Ле Гуин «Направление дороги», и банальнейшие романы Ли Бреккет — в дело, подобно тому, как Бенвенуто Челлини, когда ему не хватало металла для отливки статуи, швырял в тигель столовую посуду. Ничего не пропадет.

Читатель воспринимает каждый фрагмент одновременно в двух планах.

Порождение поздней культуры. Центон. Система знаков. Бог Тюр-спаситель — Нуаду Серебряная Рука, прародитель ирландцев — Гец фон Берлихинген Железная Рука — принц Корум — Чэн-в-перчатке...

> В существовании нет отождествления.
> При успешном завершении нет пребывания в этом.
> А коли нет пребывания в этом,
> То нет и исчезновения.
>
> *Лао-цзы*

...Система знаков. А если развернуть ее?

Вот бессмертие. Вековечная мечта человечества. Неотъемлемый атрибут божества. А если сделать право на смерть почетной привилегией? Тогда бессмертные, «неспособные даже умереть... пыль рудничная, грязь манежная» («Сумерки мира») — низшая, презираемая каста.

Впрочем, нечто подобное уже было в мировой мифологии. В единичном, правда, масштабе. И про «несравненное право — самому выбирать себе смерть» — тоже было. У Гумилева. Олди же и процитировано. Только в другом романе.

Или так. Дать то, что всегда отличало благородного от простолюдина, мужчину от женщины, человека Востока от человека Запада — боевые искусства — всем?

«Надо быть не правителем, а самоубийцей, чтобы рискнуть напасть на обширную и могущественную державу, все население которой — включая стариков, женщин и детей — состояло из профессиональных воинов... Традиция давать оружию имена вошла в полную силу. Всякая семья имела фамильное оружие нескольких видов, передавая его по наследству... Оружие начали в какой-то мере отождествлять с его носителем, приписывая мечу или трезубцу человеческие свойства...» («Путь меча»)

Позвольте, но здесь фантастическое допущение именно в этом «все». Остальное — вполне реально. «После объединения страны (Японии) началась тенденция превращения кэндзюцу в кэндо — способа боя на мечах в Путь меча. Ни в одной стране не был так развит этикет меча». (Далее следует описание обычаев, чрезвычайно напоминающих обычаи Кабирского эмирата.) «...Как и в Европе, мечи могли иметь имена, и передавались из поколения в поколение, а лучшие японские оружейники часто специально не клеймили свои мечи, считая, что оружие само рассказывает о том, кто его создал, а человеку, который неспособен этого понять, и знать незачем, кем меч создан». (А. Асмолов. «История холодного оружия. Восток и Запад».)

А где есть этикет, там недалеко и до этики оружия, которая формирует культуру Кабирского эмирата.

И характерное для воинских сообществ одушевление оружия следует понимать буквально. Меч действительно имеет душу, характер, сознание. И един со своим владельцем. А потому — незачем проклинать «день, когда оружию стали давать имена...»

Потому что речь не о боевых искусствах. Вернее, не только о них, иначе была бы, как говорят даосы «стрельба при стрельбе, а не стрельба без стрельбы».

«И мы действительно разучились убивать. Мы отсекли эту часть бытия — и я утверждаю, что это плохо, какими бы ужасными не показались мои слова... Потому что настал день, когда искусство столкнулось с насилием и не смогло противостоять ему... Чистое искусство отвергло ремесло, из которого когда-то родилось, потом попросту забыло о нем — и расплатилось за забывчивость.

А сейчас... сейчас мы умеем убивать. И умеем не убивать. Мы не всемогущи, и силам нашим есть предел, но мы способны выбирать, и дело не в ремесле и искусстве, не в жизни и смерти, а в выборе, который наш и только наш. В свободном выборе». («Путь меча»)

Тоже было сказано?

В мире все знают, как познавать непознанное, но никто не знает, как познавать уже известное.

Чжуан-цзы

А что до всего прочего, то пусть будет игра — ведь центон обязан быть игрой — Генри Лайон Олди вместо Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, и намеки, и аллюзии, и подначки, и парафразы, и пусть не будет этому конца, потому что «путь, которым можно пройти — не истинный Путь».

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А. Тарковский

Пусть не говорят, что я ничего не сказал нового. Расположение материала ново.

Паскаль

Небо и Земля живут вместе со мной, вся тьма вещей составляет со мной одно.

Чжуан-цзы

С барабаном на плече Кабир
Обошел весь этот жалкий мир.
Приглядевшись, понял: ничего
Нет ни у кого, ни у кого!

Кабир

В. Черных

СОДЕРЖАНИЕ

Сумерки мира 7
Путь меча 189

В. Черных. **Генри Лайон Олди: поэтика центона** 667

Генри Лайон Олди
(Дмитрий Громов, Олег Ладыженский)

ПУТЬ МЕЧА

Компьютерный дизайн обложки
Ю. Лук

В оформлении обложки использованы фрагменты работ Луиса Ройо

Ответственный редактор **М. Редошкин**
Редактор **Н. Резанова**
Художественный редактор **А. Гришин**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 31.10.95. Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 32,32. Уч.-изд.л. 37,62. Тираж 20 000 экз. Заказ 2228

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛП № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР